

СТРАНЫ
И
НАРОДЫ
ВОСТОКА

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ВЫПУСК

XIII

ВЫПУСК

20 сентября 1871 г. на неизведанные берега Северо-Восточной Новой Гвинеи впервые высадился для изучения жизни папуасов русский исследователь Николай Николаевич Миклухо-Маклай.

100-летию со дня этого события и 125-летию со дня рождения выдающегося ученого и гуманиста посвящается эта книга.

U S S R A C A D E M Y O F S C I E N C E S
ORIENTAL COMMISSION
OF THE GEOGRAPHICAL SOCIETY OF THE USSR
INSTITUTE OF ETHNOGRAPHY
NAMED AFTER MIKLUKHO-MAKLAI

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE EAST

Under the general editorship
of the corresponding member of
the Academy of sciences of the USSR
D. A. OLDEROGGE

VOL. XIII

COUNTRIES AND PEOPLES
OF THE PACIFIC BASIN

Book 2

Compiled and edited by Yu. V. Maretin

NAUKA PUBLISHING HOUSE
Central Department of Oriental Literature
Moscow 1972

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XIII

СТРАНЫ И НАРОДЫ БАСЕЙНА
ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1972

902.7
С83

Составитель и ответственный редактор
Ю. В. МАРЕТИН

Помещенные в сборнике статьи охватывают почти всю акваторию Тихого океана: Северо-Восточную Сибирь, Алеутские острова, Сахалин, Китай, Корею, Японию, Индонезию, Бруней, Малайю, ряд районов Океании, включая Новую Гвинею и о-в Пасхи. Таким образом, читатель может совершить путешествие от ледяной Чукотки до солнечного, овечьего легендами о-ва Пасхи. Авторы впервые публикуют результаты многолетних полевых исследований, знакомят с неизвестными материалами, открытыми в архивах и книгохранилищах, вводят в творческую лабораторию своих изысканий.

2-8

23-72

ПРЕДИСЛОВИЕ

20 сентября 1971 г. исполнилось 100 лет с того дня, когда выдающийся русский ученый и путешественник Н. Н. Миклухо-Маклай (1846—1888) высадился на неведомом северо-восточном берегу Новой Гвинеи, получившем впоследствии название Берега Маклая. Столетие со дня его посадки совпадает со 125-летней годовщиной со дня его рождения. Эта дата почти совпадает и со 125-летием со времени основания Русского географического общества (1845 г.), которое оказало широкое содействие в организации этой и ряда последующих экспедиций Н. Н. Миклухо-Маклая. Этим датам, столь славным для истории русских географических открытий на Тихом океане и для истории русской науки, и посвящен данный сборник, составленный из работ членов Восточной комиссии Географического общества СССР и сотрудников Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР.

В сборнике — втором тихоокеанском из серии «Страны и народы Востока» (первый вышел в 1968 г.) — охвачена почти вся акватория Тихого океана, исключая центрально- и южноамериканское побережья, ибо эти районы не входят в сферу деятельности Восточной комиссии уже по самому ее названию. В сборнике присутствуют работы по северной части бассейна Тихого океана: Северо-Восточной и Восточной Сибири, Сахалину; по центральной и южной частям этого бассейна — Китаю, в том числе и Тайваню, Японии, Индонезии, Брунею, Малайе, по ряду районов Океании, а также по некоторым общим проблемам всего региона. Таким образом, читатель может совершить путешествие от ледяной Чукотки до джунглей Новой Гвинеи и овечьего легендами о-ва Пасхи.

В книге отчетливо выделяются четыре основные темы: 1. Тихоокеанские этногенетические и этнокультурные связи освещены в статьях о древних алеутско-эскимосских связях, о роли древнейшего населения юго-восточных районов Китая в этногенезе народов Индокитая, Индонезии и Океании. 2. Проблемы социальной организации затронуты в статьях о жизни тундренных юкагиров, о социальном строе древней Кореи, в работе о «длинном доме» у даяков, живущих в джунглях Калимантана; отчасти в статье о китайцах в Океании. 3. Проблемы культуры освещены в статьях, посвященных различным аспектам культуры ряда народов рассматриваемого региона: в работе о традиционных и современных праздниках народов Сахалина, об основных этапах развития искусства Индонезии и др. 4. История географических и этнографических исследований дана в статье о Н. Н. Миклухо-Маклае, в

которой опубликованы новые данные о его первом и последнем путешествиях на Новую Гвинею; в статье о Г. И. Невельском впервые публикуется полный текст дневника его путешествия 1849 г., когда был открыт Татарский пролив, и др.

Авторы вводят в научный оборот новые факты, являющиеся результатом длительной полевой работы или итогом тщательных архивных изысканий, знакомят с итогами своих многолетних научных исследований.

Краткое изложение большинства этих работ было опубликовано на английском языке Восточной комиссией Географического общества и Институтом этнографии АН СССР при содействии Главной редакции восточной литературы издательства «Наука» в специальном выпуске, приуроченном непосредственно к знаменательным датам и предназначенном для делегатов XII Международного конгресса Тихоокеанской научной ассоциации (Канберра, Австралия, август 1971 г.), равно как и для всех зарубежных коллег по науке¹.

---

¹ Countries and Peoples of the Pacific Basin. Summaries of Articles by Soviet Scholars. For the XII International Congress of the Pacific Science Association (Canberra, August 1971), Moscow, 1971, 152 pp.

Б. А. Вальская

**НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ПОДГОТОВКЕ
ЭКСПЕДИЦИИ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ НА НОВУЮ
ГВИНЕЮ В 1871 г. И О ПЛАВАНИИ КОРВЕТА
«СКОБЕЛЕВ» К ЭТОМУ ОСТРОВУ В 1883 г.**

20 сентября 1971 г.¹ исполнилось сто лет с того дня, когда великий русский путешественник Н. Н. Миклухо-Маклай высадился на неведомом северо-восточном берегу Новой Гвинеи, получившем впоследствии название Берега Маклая.

В связи с этой датой мы публикуем новые материалы об этом путешествии, хранящиеся в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР (ААН), в Архиве Географического общества СССР (АГО) и Центральном государственном архиве военно-морского флота (ЦГАВМФ). Все документы приводятся в орфографии подлинников.

Публикуемые материалы показывают большую роль в организации этой экспедиции Русского географического общества, которое поддержало предложение Миклухо-Маклая о путешествии на острова Тихого океана и добилось через морское ведомство отправления смелого путешественника на корвете «Витязь» к берегам Новой Гвинеи.

Первый раздел публикации включает письма секретаря Русского географического общества Ф. Р. Остен-Сакена, вице-председателя Ф. П. Литке и другие материалы, связанные главным образом с подготовкой экспедиции. Второй раздел посвящен третьему путешествию Миклухо-Маклая на Берег Маклая в 1883 г. и плаванию корвета «Скобелев».

Связь с Русским географическим обществом Миклухо-Маклай установил с помощью выдающегося зоолога и географа Н. А. Северцова. После путешествия по Красному морю Миклухо-Маклай в августе 1869 г. принял участие в работе съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве. Здесь он выступил с предложением об организации зоологических станций на Белом, Балтийском, Каспийском морях и морях Дальнего Востока. На этом съезде и произошло знакомство Миклухо-Маклая с Северцовым, который рекомендовал молодого ученого Ф. Р. Остен-Сакену. «Податель сего,— писал Северцов,— г. Маклай, зоолог и неутомимый путешественник, желает вступить в сношения с Географическим обществом; поэтому сделайте одолжение ознакомить его с Уставом Общества и его трудами (он ассистент при Зоологическом музее в Йене); при своих путешествиях он и Обществу может быть полезен» [4, 561].

Первое выступление Н. Н. Миклухо-Маклая в Географическом обще-

---

¹ Все даты во вступительной статье после 1917 г. даны по новому стилю, до 1917 г.— по старому стилю.

стве состоялось 23 сентября 1869 г. на совместном заседании отделений математической и физической географии, на котором присутствовали Ф. П. Литке, Ф. Р. Остен-Сакен, секретарь Отделения физической географии П. А. Кропоткин и более 25 действительных членов Общества.

В ярком и интересном докладе о своем путешествии по Красному морю Николай Николаевич подчеркнул, что естествознание вступило в новый этап своего развития, вызвавший необходимость изучения биологии в естественных условиях. Этот же поворот в «способе исследования» привел к важным открытиям и обобщениям. Здесь Н. Н. Миклухо-Маклай имел в виду прежде всего теорию Дарвина. А. Г. Грумм-Гржимайло правильно писал, что «дарвинизм глубоко внедрился не только в сознание этого исследователя, но и в методы его работы» [6, 53].

В сентябре 1869 г. Миклухо-Маклай приступил к работе в Зоологическом музее Академии наук. Акад. К. М. Бэр и директор музея акад. Ф. Ф. Брандт оказали ему радушный прием. Занимаясь в музее изучением коллекций губок, собранных К. М. Бэром, А. Ф. Миддендорфом, А. Ф. Вознесенским в разных частях света, Миклухо-Маклай пришел к интересным выводам, которые убедили его избрать полем будущих своих исследований Тихий океан.

Через несколько дней после выступления в Географическом обществе Николай Николаевич обратился с письмом к его ученому секретарю, в котором просил «доставить ему возможность на военном судне переехать на какой-нибудь пункт Тихого океана с тем, чтобы впоследствии возвратиться в Европу на одном из обратно следующих судов в Кронштадт» [18, 26].

По получении этого письма Остен-Сакен сообщил Миклухо-Маклаю, что П. П. Семенов «очень заинтересовался» его путешествием. Это письмо Остен-Сакена, к сожалению не датированное, мы публикуем полностью (№ 1)². 13 октября 1869 г. Остен-Сакен запросил Ф. Ф. Брандта о научных заслугах Миклухо-Маклая. Брандт ответил, что знает Миклухо-Маклая как «очень талантливого и ревностного молодого человека»³.

Это письмо Брандта было зачитано на заседании Совета Географического общества 28 октября 1869 г., где обсуждался вопрос о путешествии Миклухо-Маклая на острова Тихого океана. За день до этого заседания Остен-Сакен в письме (№ 2) сообщил Николаю Николаевичу о том, что он просил П. П. Семенова предложить Совету перенести дело в Отделение географии физической, «не обсуждая в Совете. Если он этого не сделает, то я отчаиваюсь в успехе».

В протоколе заседания Совета отмечено, что Миклухо-Маклай, «руководствуясь мыслью, что успешные зоологические исследования могут быть произведены только над живыми организмами и притом в среде, которую они постоянно обитают, полагает предпринять более дальнее путешествие, а именно в Тихий океан» [7, 299].

Совет принял предложение П. П. Семенова и просил Отделение физической географии представить свои соображения о путешествии Н. Н. Миклухо-Маклая на острова Тихого океана. На основании решения Совета Ф. П. Литке направил управляющему Морским министерством адмиралу Н. К. Краббе отношение по поводу переезда Миклухо-Маклая на военном судне к берегам Тихого океана. 29 октября 1869 г. Остен-Сакен письмом (№ 3) сообщил Николаю Николаевичу, что «дело»

² Здесь и далее — порядковый номер публикуемого документа.

³ АГО, ф. 1, оп. 1, № 19 (1869), л. 14.

в Совете кончилось удовлетворительно». После этого Миклухо-Маклай сразу выехал в Йену для завершения своих дел и подготовки экспедиции.

20 ноября 1869 г. под председательством П. П. Семенова состоялось заседание Отделения географии физической. В обсуждении вопроса о путешествии Миклухо-Маклая на острова Тихого океана приняли участие Н. А. Ивашинцов, М. А. Рыкачев и др. Отделение посчитало «справедливым» назначить Миклухо-Маклаю «до 1200 рублей пособия из сумм Общества и постановило войти об этом с представлением в Совет» [7а, 18].

Большой интерес представляют письма Ф. Р. Остен-Сакена от 18 февраля и 30 апреля 1870 г. (№ 4 и 5), которые считались утерянными. В письме от 18 февраля 1870 г. Остен-Сакен писал Миклухо-Маклаю, что Географическое общество «считает себя вправе предложить Вам некоторые условия. Вы пишете, что предполагаете остаться по меньшей мере 3—4 года на островах Тихого океана, а *потом только* подняться на Север. Это было для нас очень прискорбно... Совет затруднится на отпуск денег, если издержка только в далекой перспективе обещает результаты непосредственно относящиеся до Российских морей».

Николай Николаевич ответил, что он с удовольствием откажется от денежной помощи, «если ее получение идет наперекор разрешению» его научных задач. «Я убежден,— писал он,— что разрешение этих задач, хотя даже неполное, может принести немалую пользу нашим знаниям, и я им не изменю ради нескольких грошей, если бы даже гроши превратились в рубли» [19, 32].

29 апреля Совет Географического общества принял решение о назначении Миклухо-Маклаю 1200 рублей. «Вместе с этим,— указано в протоколе,— вице-председатель заявил, что согласно желанию Совета он вошел в сношение с управляющим Морским министерством, который весьма сочувственно отозвался на предложение Географического общества и обещал дать г. Маклаю возможность воспользоваться отправлением военных судов в Тихий океан для совершения путешествия туда и обратно» [8, 147].

На следующий день Остен-Сакен известил об этом Миклухо-Маклая (№ 5). 2 мая из Брюсселя Николай Николаевич просил прислать «обещанную денежную помощь». Но деньги он получил только в Петербурге, куда приехал в июле 1870 г.

Второе выступление Миклухо-Маклая в Географическом обществе состоялось 7 октября 1870 г. на общем собрании членов Общества, где он прочел программу предполагаемых исследований во время путешествия на острова Тихого океана.

27 октября корвет «Витязь» отправился в кругосветное плавание и достиг Берега Маклая на Новой Гвинее почти через 11 месяцев — 8 сентября 1871 г. Примерно в это же время в Петербурге по рекомендации Ф. Р. Остен-Сакена и А. Б. Бушена Миклухо-Маклай был принят в члены-сотрудники Русского географического общества.

В сентябре 1871 г. Миклухо-Маклай отправил первое письмо Географическому обществу: «Пишу Вам наконец из той местности, которая меня так долго притягивала. Я высадился в заливе *Astrolabe* в совершенно новой стране для научных исследований. Жителей здешних, которых много, я мало видел — они испугались корвета и все разбежались; я имею повод думать, что они не будут в отношении меня и моих 2 слуг особенно любезны, и потому я готовлюсь им дать отпор, чтобы по крайней мере первое время удержаться здесь» [10, 61]. Это письмо

было зачитано на общем собрании 9 февраля 1872 г. Членам Общества было сообщено, какие меры приняты для помощи Миклухо-Маклаю и облегчения его участи.

По получении этого письма Географическое общество обратилось к французскому правительству и к Лондонскому географическому обществу с просьбой об оказании помощи Миклухо-Маклаю в «случае прохода военных судов вблизи Новой Гвинеи». В ответ на это президент Лондонского географического общества Г. Раулинсон выразил глубокое сочувствие «смелому предприятию» русского путешественника и обещал, что возглавляемое им Общество «употребит все свое влияние при морском министерстве и при колониальном правлении в Австралии, чтобы английские суда, плавающие вблизи Новой Гвинеи, заходили в залив Астролябии осведомляться о г-не Н. Н. Миклухо-Маклае и в случае надобности оказывали ему содействие» [9, 73—74].

Мы публикуем здесь отношение русского посла в Париже Н. А. Орлова Ф. П. Литке и ноту французского министра иностранных дел русскому послу по поводу оказания содействия Миклухо-Маклаю в его предприятии (№ 10, 11).

Из Петербурга Морское министерство послало приказание начальнику отряда кораблей в Тихом океане, чтобы русские суда «во время крейсерства заходили наведываться о нашем путешественнике» [10, 61]. Тревога за судьбу Николая Николаевича усилилась, когда в «Кронштадтском вестнике» за 21 июля 1872 г. была опубликована заметка о его кончине.

В декабре 1872 г. в бухту Астролябия пришел клипер «Изумруд», чтобы разыскать Миклухо-Маклая и дать ему возможность вернуться на родину. Но Николай Николаевич решил продолжать свои исследования на островах Тихого океана. На «Изумруде» он совершил новое большое путешествие по Малайскому архипелагу.

В целях дальнейшего изучения коренных жителей Новой Гвинеи он в декабре 1873 г. предпринял путешествие на юго-западный берег этого острова, где нашел местных папуасов вынужденными вести бродячий образ жизни, жить в свайных поселениях, устроенных у берега на мелководье, из-за постоянных опустошительных набегов малайцев и существовавшей здесь работорговли. В меморандуме, представленном им генерал-губернатору Нидерландской Индии, он просил об облегчении печальной участи туземцев.

В 1874—1875 гг. Николай Николаевич путешествовал по полуострову Малакка и на основании проведенных наблюдений впервые дал научное описание первобытных племен этого полуострова.

В июне 1876 г. Миклухо-Маклай во второй раз посетил Берег Маклая, надеясь «не допустить, насколько будет возможно, чтобы столкновение европейской колонизации с черным населением имело бы слишком *гибельные последствия* для последних (как, например, это случилось в Тасмании, продолжается в Австралии и будет, вероятно, на островах Фиджи)» [17, 133].

С 1876 по 1881 г., несмотря на частые приступы тропической лихорадки, Миклухо-Маклай совершил несколько путешествий по островам Меланезии и Микронезии, а также на южный берег Новой Гвинеи. Собирая ценные этнографические и антропологические сведения, он вместе с тем вел борьбу против колониального грабежа и физического уничтожения туземцев.

В конце 1881 г., после неоднократных и безуспешных попыток побудить британское правительство предотвратить колониальное порабощение Берега Маклая и уничтожить рабство и людокрадство на островах

Тихого океана, Миклухо-Маклай решил вернуться на родину. Еще в 1875 г. через посредство Географического общества Миклухо-Маклай поставил перед Министерством иностранных дел вопрос о том, чтобы Россия оказала покровительство папуасам Берега Маклая. Но, как писалось в ответе министерства, «ввиду отдаленности этой страны и совершенном отсутствии там русских интересов» предложение Миклухо-Маклая было отклонено⁴. Личная встреча с Александром III в Гатчине после приезда Миклухо-Маклая в Россию в 1882 г. дала неожиданный результат. К Берегу Маклая был отправлен корвет «Скобелев» (бывший «Витязь»), входивший в отряд судов на Тихом океане под командой контр-адмирала Н. В. Копытова, с целью выбора на Тихом океане места для угольной станции. На его борту находился и Миклухо-Маклай. Осмотрев пункты на Берегу Маклая (порт Константин и порт Алексей), а также острова из группы Адмиралтейства, включенные впоследствии в архипелаг Бисмарка, и острова Хермит и Палау из Каролинского архипелага, Копытов пришел к выводу, что ни один из посещенных им пунктов «не представляет вообще удобств для устройства на них угольных складов, по своему удаленному положению» (№ 14). Вместе с этим он писал в рапорте: «Приобретение пункта в Океании в наше владение, через допущение частного доверенного лица к устройству на нем фактории, под покровительством русского флага, весьма желательно и полезно» (№ 14).

Об этом путешествии Н. Н. Миклухо-Маклая на корвете «Скобелев» написано очень мало и им самим, и его биографами. Сам путешественник об этой экспедиции сделал краткие записи в своем дневнике; они вошли в состав его «Собрания сочинений» [20]. В четвертом томе опубликовано несколько писем Николая Николаевича, связанных с третьим посещением Берега Маклая [15; 16], а в третьем — заметка о климате этой местности [13].

Краткие сведения о начале плавания корвета «Скобелев» опубликованы в «Морском сборнике» в виде извлечений из рапортов командира корвета В. В. Благодарева [2] и командующего отрядом судов на Тихом океане контр-адмирала Н. В. Копытова [11]. Планы съемки, произведенной экипажем «Скобелева», были опубликованы в 1885 г. [21; 22].

Некоторые материалы об этом путешествии опубликованы в нашей статье «Борьба Н. Н. Миклухо-Маклая за права папуасов Берега Маклая» [3].

Публикуемые рапорты Копытова и Благодарева (№ 12, 13, 14, 15) представляют большой интерес для изучения истории исследования южной части Тихого океана [1, 197]. Офицеры корвета «Скобелев» провели съемку побережья бухты Астролябия и выполнили важные географические и гидрографические исследования. Они дополнили сведения о южной части Тихого океана, собранные Н. Н. Миклухо-Маклаем, трудам которого Копытов давал высокую оценку.

Описание плавания корвета «Скобелев» в рапортах Копытова начинается с момента прибытия в Батавию (Джакарту), столицу тогдашней Нидерландской Индии (3 февраля 1883 г.), где и произошла неожиданная встреча с Миклухо-Маклаем. 12 февраля корвет направился в Макассар, расположенный на о-ве Целебес (Сулавеси), где русские моряки запаслись углем и свежей провизией.

23 февраля «Скобелев» прибыл в Амбоину, где по просьбе Н. Н. Миклухо-Маклая был закуплен скот для разведения на Новой Гвинее.

---

⁴ АГО, ф. 1, оп. 1, № 19 (1869), л. 73.

Из Амбоины 26 февраля корвет направился к Новой Гвинее и 5 марта вошел в порт Константин на Берегу Маклая.

7 марта «Скобелев» перешел в порт Алексей для описи Архипелага Довольных Людей. «Никакое европейское судно, — писал Копытов, — еще не посещало этих островов, и потому на другой день с рассвету было приступлено к их съемке и промеру рейда» (№ 14).

11 марта корвет взял курс к о-вам Адмиралтейства и 13 марта встал на якорь в порте Нарес, названном так в честь командира британского корвета «Челленджер» Нэрса⁵. Опись этого порта уже была сделана экипажем «Челленджера», поэтому «Скобелев» сразу же отплыл далее, к о-ву Хермит.

После завершения описи этого острова офицерами корвета «Скобелев» направился к о-вам Палау и 20 марта достиг их берегов. Здесь Миклухо-Маклай посетил селение Малегнок на о-ве Бабельтуап. «Я нашел туземцев, — писал он в письме к Копытову, — очень любезными, и мой короткий визит их, по-видимому, очень обрадовал, я говорю про селение Малегнок»⁶.

Из Палау корвет направился к Филиппинским островам и через пять суток прибыл в порт Себу на о-ве Себу, где два дня грузился углем. 1 апреля «Скобелев» встал на якорь в Маниле. Здесь уже на имя Копытова лежала телеграмма от директора канцелярии Морского министерства контр-адмирала Н. И. Казнакова «о немедленном следовании во Владивосток» (№ 14), хотя, как потом выяснилось, в это время акватория Владивостока — Золотой Рог и примыкающие бухты — была покрыта сплошным льдом в два фута толщиной. Не случайно в рапорте от 3 апреля Копытов недоумевал, «по чьему приказанию» отправлена эта телеграмма (№ 14).

Такая поспешность в изменении маршрута корвета была вызвана нежеланием царского правительства обострять отношения с другими колониальными державами. В эти дни свершилось то, чего так опасался и против чего так боролся Миклухо-Маклай. Появление весной 1883 г. русской эскадры, имевшей на борту Миклухо-Маклая, в тех местах, где он занимался научными исследованиями, было использовано в качестве предлога для колониального захвата Берега Маклая и прилегающих к нему территорий.

Уже через три дня после прихода «Скобелева» в Манилу в лондонской газете «Таймс» была опубликована телеграмма от 2 апреля из Брисбена, столицы австралийской провинции Квинсленд, в которой сообщалось, что правительство Квинсленда вступает в официальное владение Новой Гвинеей, после чего на эту же тему последовала целая серия статей и телеграмм. Главной причиной такого поспешного шага были, по словам Миклухо-Маклая, «слухи об угрожающем захвате юго-восточной половины Новой Гвинеи постороннею державой»⁷.

«Известие о моей новой экскурсии на военном судне, — писал Миклухо-Маклай брату Михаилу, — имело следствием то, что одна из австралийских колоний (колония Квинсленд) объявила, что она аннексирует юго-восточную половину Новой Гвинеи, т. е. что Берег Маклая включается в колониальные владения Англии.

Хотя я давно уже это ожидал, — писал он далее, — но эта новость, которую я узнал в Гонконге, меня неприятно поразила; но несколько

⁵ Экспедиция на «Челленджере», продолжавшаяся с 1872 по 1876 г., сыграла важную роль в изучении Атлантического, Индийского и Тихого океанов.

⁶ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, № 2185, л. 52.

⁷ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, № 2185, л. 46.

не могла повлиять на мое главное решение, хотя повлияет несомненно на образ осуществления его»⁸.

К концу 1884 г. восточная половина Новой Гвинеи была поделена между Германией и Англией. В своей автобиографии, написанной за несколько дней до смерти, Н. Н. Миклухо-Маклай подчеркивал, что он еще не потерял надежды со временем осуществить задуманный им план создания русской вольной колонии на островах Тихого океана [см. 5]. «Этимися словами надежды, — писал А. П. Богданов, — закончена была предсмертная автобиография Миклухо-Маклая» [12, 434].

Оценивая путешествия Миклухо-Маклая на Новую Гвинею, можно с полным правом сказать, что они были и остаются выдающимися событиями в истории Русского географического общества. Более того, деятельность Н. Н. Миклухо-Маклая является крупнейшим вкладом русской науки в изучение стран и народов бассейна Тихого океана, в первую очередь Новой Гвинеи.

I. Материалы, связанные с подготовкой путешествия Н. Н. Миклухо-Маклая на Новую Гвинею в 1871 г.

*Письма секретаря Русского географического общества
Ф. Р. Остен-Сакена Н. Н. Миклухо-Маклаю*

№ 1

[осень 1869 г.]

Милостивый государь Николай Николаевич,
Будьте столь добры, если это только Вам не неприятно, зайдите на днях к Петр[у] П. Семенову (8-я линия между Большим и Средним, дом Заблоцкого), утром, пораньше, между 10 и 11. Он очень заинтересовался вашим делом и будет содействовать.

Искренне Вам преданный Ф. Остен-Сакен

ААН, ф. 143, оп. 1, № 40, л. 55

№ 2

Пятница [27 октября 1869 г.]

Глубокоуважаемый Николай Николаевич,
Завтра у нас заседание Совета; я просил П. П. Семенова, если ему нельзя придти, то написать мне письмо с предложением перенести Ваше дело в Отделение физической географии, не обсуждая в Совете. Если он этого не сделает, то я отчаиваюсь в успехе. Что касается до военного судна, то граф Литке положительно мне обещал выхлопотать Вам разрешение.

Вам преданный Ф. Остен-Сакен

ААН, ф. 1, оп. 1, № 40, л. 57

№ 3

[29 октября 1869 г.]

Его высокоблагородию Николаю Николаевичу Миклухо-Маклаю.
Дело в Совете окончилось удовлетворительно:

---

⁸ ААН, ф. 143, оп. 1, № 44, л. 89.

1. Совет просит Вице-председателя войти с положительным ходатайством относительно переезда Вашего на военном судне.
2. Председательствующему в Отделении физической географии поручено войти в ближайшее обсуждение о том, какие труды могли бы быть предприняты Вами соответственно целям Общества и сообразно с этим Совет будет иметь ввиду назначение денежного пособия.

Извините за поспешность, у меня сегодня утром обычный доклад у графа Литке.

Искренне преданный Ф. Остен-Сакен

ААН, ф. 143, оп. 1, № 40, л. 58

№ 4

18 февраля 1870 г.

Милостивый государь Николай Николаевич,

Очень благодарю Вас за любезное письмо Ваше от 4-го февраля⁹. Известия Вы не получили потому, что, как теперь оказывается, Вам их совсем не посылали. Надеюсь, что теперь у нас будет аккуратнее. Дело с командиром судна (г. Григорашем) устроилось как нельзя лучше; он очень заинтересовался Вашими изысканиями и если Вы попадете на его судно (к сожалению только клипер), то можете быть уверены в радушном приеме; Григораш полагает уступить Вам место в своей каюте так как особой каюты нет. Но все это пока на словах. Граф Литке говорил с Краббе, который обещал свое содействие, *но официального назначения командиров судов и самих судов в Тихий океан еще нет.*

Назначение Вам суточных или порционных по 56 руб. в месяц во время пребывания на судне вероятно также не встретит препятствий. Во всяком случае клипер не отправится раньше поздней осени 1870 года (во второй половине сентября). Но вот обстоятельство, о котором я должен с Вами объясниться откровенно, относительно которого П. П. Семенов одинакового со мною мнения:

Если мы Вам дадим 1200 рублей из сумм Общества, да поможем переехать даром в Тихий океан и сверх того исходатайствуем 56 рублей порционных, то все это конечно очень мало в сравнении с тем огромным путешествием и теми значительными трудами и издержками, которые Вам предстоят,—но с другой стороны это для Географического общества уже достаточно (в особенности соображаясь с прежними примерами), чтобы считать себя вправе предложить Вам некоторые условия. Вы пишете, что предполагаете остаться по меньшей мере 3—4 года на островах Тихого океана, а *потом только* подняться на Север. Это было для нас очень прискорбно: я знаю что Вы будете протестовать против ненаучности подобного воззрения, но дело в том, что сам Устав нас связывает и указывает на Россию как главный...¹⁰ и единственный предмет своего изучения. А потому Совет затруднится на отпуск денег, если издержка только в далекой перспективе обещает результаты непосредственно относящиеся до Российских морей. Опять прошу извинения за крайнюю ненаучность моих приемов. В подобных случаях приходится сожалеть, что решение не зависит от Общего собрания, которое разумеется всегда сочувственно отнеслось бы к интересам русского путешественника, где бы он ни производил свои исследования. Но на Совете лежит более серьезная ответственность. Я Вас

⁹ Письмо не найдено.

¹⁰ Далее неразборчиво.

очень прошу не сердиться на меня за эти мои соображения, потому что в конце концов единственное мое стремление и желание оказать пользу науке и услугу Вам. Само собой разумеется, что доставить Вам переезд на судне и порционные (которые должны идти от казны, а не из сумм Общества) во всяком случае обязанность Географического общ[еств]а. Так я, по крайней мере, смотрю на дело; но я бы желал сделать для Вас и больше, но также стою главным образом за *Японское* и *Охотское море*, вследствие неисследованности его видов. В надежде на благосклонный и дружеский ответ Ваш остаюсь искренне Вам преданный Ф. Остен-Сакен.

Р. S. 1. Вчера я получил Вашу маленькую статью в Mittheilungen [см. 23] и очень благодарен за присылку.

Р. S. 2. В протокол заседания, в кот[ором] происходило Ваше чтение вкрались несколько грубых опечаток, которые исправлены в следующем выпуске Известий [см. 14].

АГО, ф. 143, оп. 1, № 40, лл. 64—65

№ 5

30 апреля 1870 г.

Милостивый государь Николай Николаевич,

Я имел честь получить Ваши письма от 13 марта и 2 мая. Между тем дело Ваше здесь приняло следующий оборот:

1) Управляющий Морским Министерством положительно обещал доставить Вам случай переехать на русском военном судне к берегам Тихого океана. Мы написали *официальное отношение* с просьбою сообщить: какое судно, когда отправится и т. д., но ответа еще не получили. Дело в том, что, как оказалось из лично моего разговора с адмиралом Краббе, предположение мое об отправлении Вашем на судне Григораша представляет неудобства; судно очень маленькое, трем человекам пришлось бы жить в одной каюте, адмирал Краббе, которому граф Литке Вас sehr warm empfohlen, выразил намерение поместить Вас так, чтобы Вы не были затруднены в Ваших занятиях. Очень жаль, что нельзя добиться до сих пор — какое именно судно. От выдачи Вам порционных Морское Министерство положительно отказывается.

2) Совет Географического общества согласился с мнением Отделения и нашел возможным ассигновать Вам 1200 рублей из сумм Общества в пособие при Вашем путешествии. Но эти деньги будут выданы только по прибытии Вашем в Петербург.

3) С нетерпением будем ждать Вашей программы.

В письме от 13 марта Вы изволили писать мне, что полагаете приехать в Петербург в июле; если это будет в конце июля, то я надеюсь возвратиться к тому времени из путешествия, которое предпринимаю в Константинополь и Афины. Во всяком случае в Петербурге будут находиться: П. П. Семенов и заменяющий меня Фед[ор] Алесандр[ович] Подгурский, который живет в помещении Общества. Я уезжаю 12 мая (старого стиля) и вероятно заеду в Берлин и Вену.

На днях был у меня князь Мещерский, который расспрашивал меня о Ваших делах. К сожалению я тогда не мог еще сказать ничего определенного, так как решение Совета еще не состоялось в то время.

Примите, милостивый государь уверение в совершенном моем почтении и преданности

Ф. Остен-Сакен

АГО, ф. 143, оп. 1, № 40, лл. 62—63

Берлин, 4 июня 1870 г.

Милостивый государь Николай Николаевич,

Уже на пути на Афон, пишу Вам по следующему обстоятельству, которое надеюсь Вам будет приятно: корвет, на котором Вы едете, имеет командиром г. Назимова, большого друга и приятеля Фед[ора] Алек[сандровича] Подгурского, который заступает ныне мое место в Обществе. Фед[ор] Алек[сандрович] Подгурский успел так заинтересовать г. Назимова, что Вы можете быть уверены на особенно радушный прием и всякое содействие. Если Вы еще не плавали на военных судах, то вероятно будете удивляться, почему я так особенно забочусь о личных расположениях и вкусах командиров судов. Но говорю по опыту, так как сам много и долго плавал на военных судах и знаю, что лучше и не садиться на судно, если со стороны командира только исполняется высшее приказание, а нет доброй воли.

Искренне преданный Ф. Остен-Сакен

ААН, ф. 143, оп. 1, № 40, лл. 60—61

№ 7

Отношение вице-председателя Русского географического общества Ф. П. Литке управляющему Морским министерством Н. К. Краббе

27 апреля 1870 г. № 590

Милостивый государь Николай Карлович!

Вследствие личного моего объяснения с Вашим Высокопревосход[ительством], Вы изволили выразить весьма обязательную готовность содействовать видам Совета Русского Географического общества и предлагали возможным разрешить молодому естествоиспытателю Миклухо-Маклаю воспользоваться отправлением наших кругосветных военных судов для совершения путешествия к берегам Тихого океана и впоследствии на одном из этих же судов возвратиться обратно в Европу.

Ныне, по приближении летних месяцев, имею честь обратиться к Вашему Высокопре[восходительству] с покорнейшей просьбою, не признаете ли Вы возможным известить меня, заблаговременно, на каком судне предполагалось бы поместить г. Маклая и когда приблизительно это судно отправится в кругосветное плавание.

К сему долгом считаю присовокупить, что г. Маклай находится ныне за границей, где он готовится к своему путешествию.

Покорнейше прошу... принять уверения и проч.

Граф Ф. Литке

АГО, ф. 1, оп. 1, № 19 (1869), л. 19

№ 8

Отношение вице-председателя Русского географического общества в Министерство иностранных дел о снабжении Н. Н. Миклухо-Маклая открытым рекомендательным письмом

21 сентября 1870 г.

Милостивый государь Владимир Ильич,

Вследствие ходатайства императорского Русского Географического общества последовало ныне высочайшее разрешение о принятии молодого естествоиспытателя Миклухо-Маклая на корвет «Витязь» для со-

вершения путешествия к берегам Тихого океана. Г. Миклухо-Маклай, получивший уже известность в ученом мире своими изысканиями по сравнительной анатомии и по зоологии низших морских животных, предполагает посвятить несколько лет изучению морской фауны Тихого океана, а также исследованиям антропологическим, этнографическим и другим в тех краях. Желая с своей стороны содействовать по мере возможности полезной деятельности г. Миклухо-Маклая, Императорское Русское Географическое общество выдало ему некоторые денежные средства, а вместе с тем Совет Общества поручил мне обратиться к Вашему превосходительству с покорнейшею просьбой, не признаете ли Вы возможным снабдить означенного путешественника открытым рекомендательным письмом ко всем русским консулам в портах находящихся на побережьях и островах Тихого океана.

В ожидании благосклонного уведомления по сему предмету со стороны Вашего превосходительства покорнейше прошу Вас, Милостивый государь, принять уверение в отличном моем почтении и преданности¹¹.

Граф Ф. Литке

АГО, ф. 1, оп. 1, № 19 (1869), лл. 26—27

№ 9

Отношение управляющего Морским министерством адмирала Н. К. Краббе вице-председателю Русского географического общества Ф. П. Литке о разрешении принять Миклухо-Маклая на корвет «Витязь»

21 мая 1870 г.

На отношение от 27 апреля сего года № 590, имею честь уведомить Ваше сиятельство, что последовало высочайшее разрешение: естествоиспытателя Миклухо-Маклая принять на корвет «Витязь» для совершения путешествия к берегам Тихого океана, но без производства довольствия от Морского ведомства, и ему позволено впоследствии вернуться на одном из судов, возвращающихся оттуда в Балтику.

Корвет «Витязь» отправится из Кронштадта в кругосветное плавание, приблизительно, в сентябре месяце.

Примите Ваше сиятельство уверение и проч.

Н. Краббе

АГО, ф. 1, оп. 1, № 19 (1869), л. 19

№ 10

Отношение русского посла в Париже Н. А. Орлова вице-председателю Русского географического общества Ф. П. Литке о переговорах с французским правительством по поводу оказания содействия Миклухо-Маклаю

3/15 мая 1872 г.

Милостивый государь, Граф Федор Петрович,

По получению письма Вашего сиятельства от 14-го марта с. г. № 441 я непременно войти в сношение с французским правительством с просьбою поручить французским военным судам, посещающим колонию пре-

¹¹ На отношении имеется следующая пометка: «Такого же содержания м[инистру] Вн[утренних] д[ел] А. И. Тимашеву о доставлении в Общество заграничного паспорта на имя дворянина Н. Миклухо-Маклая, командированного с ученой целью. 28 сент. 1870 г.».

ступников на Новой Каледонии¹², заходить по временам в залив Астроляба, для навещения соотечественника нашего, Н. Н. Миклухо-Маклая, и оказанию ему содействия в смелом его предприятии.

Ныне имею честь препроводить у сего к Вашему сиятельству подлинную ноту о сем предмете французского министра иностранных дел, и пользуюсь сим случаем, чтобы возобновить Вам, Милостивый государь, уверение в совершенном почтении и преданности.

Князь Орлов

АГО, ф. 1, оп. 1, № 19 (1869), л. 41

№ 11

*Нота министра иностранных дел Франции русскому послу в Париже
Н. А. Орлову об оказании содействия Н. Н. Миклухо-Маклаю*

Версаль, 13 мая 1872 г.

Господин Посол,

Как я уже имел честь сообщить Вашему превосходительству 26 числа прошлого месяца, я имел разговор с г. морским министром по поводу научно-исследовательского путешествия г. Миклухо-Маклая, которое он предпринял на берега Новой Гвинеи, и я поставил его в известность о желании Русского правительства, чтобы французским военным судам, посещающим эти местности, было предложено оказать свое содействие этому путешественнику.

Адмирал Потье ответил мне, что французский флот с готовностью примет участие, насколько это ему будет возможно, в защите жизни и работ г. Миклухо-Маклая, он также сообщает мне, что им отданы необходимые для сего распоряжения. Благоволите, Ваше превосходительство, поставить в известность об этом Ваше правительство.

Примите уверения и пр.

АГО, ф. 1, оп. 1, № 19 (1869), л. 42 (пер. с франц.)

II. Материалы, связанные с плаванием корвета «Скобелев» к Новой Гвинее

№ 12

Рапорт командующего отрядом судов Тихого океана контр-адмирала Н. В. Копытова Главному начальнику флота и Морского ведомства в. к. Алексею Александровичу о прибытии корвета «Скобелев» в Батавию и встрече с Н. Н. Миклухо-Маклаем.

11/23 февраля 1883 г. № 71

Во исполнение приказанья посетить Новую Гвинею и острова Адмиралтейства и Relew 3/15 числа февраля прибыл на корвете «Скобелев» в Батавию, сделав переход из Сингапура под парами, Банковским проливом, при переменных, большей частью тихих северных ветрах, под тремя котлами, при средней скорости 9,5 узлов. Машина работала вполне исправно и покойно, при самом незначительном сотрясении кормы гораздо меньшем обыкновенно встречаемого на судах (см. прил. табл.)¹³.

¹² На Новую Каледонию были сосланы участники Парижской коммуны.

¹³ Таблицы по недостатку места не публикуются.

Цель посещения Батавии было собрание некоторых сведений и карт для предстоящего плавания в архипелаг Нидерландской Индии, так как я намеревался по пути зайти в более заметные порта Молуккских островов, нашими судами вообще непосещавшимися, и чрез то с ними несколько ознакомиться.

Местные власти с генерал-губернатором во главе оказали наиболее любезный прием, между прочим, высказывавшийся визитом генерал-губернатора m-г Jacobs ко мне на корвет, в ответ на мой к нему визит, с вице-адмиралом V. Goch и другими начальствующими лицами.

M-г Jacobs по своему положению пользуется здесь почестями принцев королевской фамилии. При выходе его на пароходе на рейд, флагманский голландский фрегат салютовал ему 21 выстрелом, послал людей по реям и разцветился флагами. Согласно устава, мною были ему оказаны наибольшие флагманские почести. Генерал-губернатор со всею своею свитой и лицами, его сопровождавшими, оставался на корвете более двух часов, осмотрев корвет и приняв предложенный чай, так как это было в 9 часов утра.

Хор музыкантов, игравший в это время, очень понравился почетным гостям, особенно же пьесы русские, которые будут по моему распоряжению преимущественно играемы. Оркестр покуда весьма хороший, не будет однако в состоянии отвечать требованиям в будущем, не имея капельмейстера, почему позволяю себе почтительнейше ходатайствовать о разрешении нанять здесь такового, в одном из портов. Для отдания почести люди были поставлены по реям по прибытии и отъезде генерал-губернатора, и в последнем случае салютовано 19 выстрелами, на что с берега тотчас же было отвечено. При отъезде с рейда голландский фрегат вновь салютовал 21 выстрелом. 7/19 февраля день рождения его им. величества короля нидерландского. Корвет принял участие в торжестве, салютовав в полдень 21 выстрелом. Голландский флагманский фрегат сделал в три раза 101 выстрел.

В 10 часов утра генерал-губернатор имел парадный прием поздравлений от всех военных и гражданских властей, я счел своею обязанностью с командиром корвета и флаг-офицером принести таковые и со своей стороны. Вечером был таковой же обед, на котором мы получили приглашение участвовать, во время стола m-г Jacobs любезно пригласил нас провести с ним несколько времени в его постоянной резиденции Бютенцорге — чем я и воспользовался на другой день.

У себя дома он был с нами приветливым и любезным хозяином, равно как и его семейство, почему прибывание в Бютенцорге, конечно, оставило и в нас самые приятные впечатления на очень долгое время.

Не могу не повторить здесь, больших неудобств, происходящих от неимения здесь нашего консула, для наших военных судов. Приходится пользоваться услугами людей посторонних, которых трудно чем-нибудь отблагодарить за их хлопоты, труды, а подчас и даже денежные расходы. Я позволяю себе присоединиться к ходатайству контр-адмирала Асламбекова о назначении здесь нашим вице-консулом или консульским агентом m-г Palmborg'a, уже несколько лет заботящемуся о наших приходящих судах, за что я ему чрезвычайно признателен. Однако, повидимому, было бы полезнее назначение консула, чиновника на государственной службе и вполне русского.

Согласно телеграммы директора канцелярии министерства мной 30 января/11 февраля приказано командиру клипера «Наездник» телеграмму, посланной в Валпарайзо, идти, по приказанию государя в Гонолулу поздравить короля от имени его величества, и затем в Сидней к половине марта, где найдет дальнейшие приказания.

В то же время мною посланы на двух последующих почтах копии предписаний командиру корвета «Скобелев» по поводу плавания с г. Миклухо-Маклай, также копию отношения ко мне по тому же предмету директора канцелярии министерства и мое предписание командиру клипера «Наездник», в котором сообщены сделанные перемены.

Посещение Молуккских островов мною предположено, кроме ознакомления, еще и для пополнения запасов угля, а в порте Тернате я сверх того полагал еще взять и переводчика, так как между этим портом и Новою Гвинеею ведется постоянная торговля.

В Сингапуре и Батавии приобретены все наличные сочинения о этих местах, но к сожалению, большая часть из них находится не здесь, а в Англии и Голландии. Мое предположение встретиться с миссионерами Новой Гвинеи не оправдалось, хотя из газетных статей я мог видеть о тамошней их деятельности. Торресовым проливом не пошел потому, что этот путь не только много длиннее, но и потребовал бы более паровых дней, по безветрию в тамошних водах в этот сезон. Торговое же движение и особенно пароходов, в том числе и почтовых, через пролив весьма значительное, составляя сообщение с Китаем, Индией и Восточною Австралией.

Таким образом, я приготовился посетить указанные мне пункты, один, так как встретить г. Миклухо-Маклая не представлялось возможным. Но к моему особенному счастью, вчера 10/22 февраля совершенно случайно и неожиданно г. Маклай прибыл сюда в Батавию прямо из Адена на голландском пароходе, на пути в Сидней, и тотчас же приехал ко мне; узнав, что русское военное судно стоит на рейде. Если бы он ранее сообщил свой маршрут через Батавию или Сингапур, то, устранив надобность в посылке за ним специально особого судна в Сидней, очень упростил бы исполнение всего поручения. Услыхав, что я ухожу через день в Новую Гвинеею, он хотя сначала и пожелал отправиться туда вместе со мною, но сегодня утром пришел мне сообщить, что его частные дела, его коллекции и теснота помещения на военных судах принуждает его отказаться от совместного со мной плавания.

Весьма пораженный отказом воспользоваться столь исключительно благоприятными условиями для полнейшего и скорейшего выполнения высочайшего повеления под предлогами условного значения и даже не осведомившись о помещении мною ему предназначенном, я поспешил его убедить идти со мною, указав ему, что какоюто ему будет просторное и во всех отношениях прекрасное, особое, хотя и отделенное от палубы только обвесами, помещение под полуютом и что, сверх ускорения исполнения всего поручения, через это его решение устраняется надобность в плавании «Наездника» в Сидней, при чем я заметил, что помещения на «Наезднике» гораздо менее удобные, чем на «Скобелеве», и что пробыть на нем ему придется долее. После этого г. Миклухо-Маклай нашел возможным согласиться и потому завтра 12/24 февраля я предполагаю сняться с якоря для следования в Макаassar, Амбоину, Тернате, Дори, и затем к берегу Маклая.

Еще не окончившийся северный муссон заставляет меня так расположить плавание, чтобы от Новой Гвинеи не выйти ранее его перемены. Состояние погоды, по сведениям, полученным из Батавии, в настоящую пору можно ожидать благоприятное и температуры более умеренные, нежели в остальные сезоны. Сего числа о моем отправлении с г. Маклаем, и потому ненадобности в плавании «Наездника» в Сидней имел честь донести г. Управляющему Морским министерством телеграмму, что даст возможность клиперу быть весною в Японии, если это ему будет приказано.

На телеграмму флигель-адъютанта I ранга Неваховича о разрешении по телеграфу представить г. г. офицеров к наградам, я мог исполнить только по отношению корвета «Скобелев», находясь в отдаленном плаваньи, не счел только возможным не упомянуть об отличных заслугах капитана-лейтенанта Алексеева, капитана I ранга Полянского, о чем я уже имел случай свидетельствовать в предшествующих моих рапортах. О всем вышеизложенном Вашему императорскому высочеству имею честь донести.

Контр-адмирал Н. Копытов

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, 1882, № 2187, лл. 255—260

№ 13

Рапорт командующего отрядом судов в Тихом океане контр-адмирала Н. В. Копытова Главному начальнику флота и Морского ведомства в. к. Алексею Александровичу о плавании отряда из Батавии в Макаassar.

19 февраля 1883 г. № 82

г. Макаassar.

По получении телеграммы директора канцелярии Морского министерства уведомившей меня о направлении клипера «Наездник» в Гонконг после посещения Гонолулу, в ответ на мою депешу по поводу движения этого судна, 12 февраля в одиннадцатом часу утра снялся с якоря под парами.

Переход от Батавии до порта Макаassar на острове Целебесе, сделал при попутном маловетрии и штилях, W муссона и свежих N ветров не встретил, так же как и дождей, несмотря на то, что теперь их сезон.

15 февраля с заходом солнца, подойдя к Макаассару бросил за темнотою якорь, на рейд же перешел с рассветом на другой день. Количество издержанных машинных материалов показано в прилагаемой у сего таблице.

Плавание не сопровождалось никакими особыми обстоятельствами, команда занималась ученьями, судовыми работами и стрельбою в цель из ружей и пистолетов. Машина действовала прекрасно, давая 9,5 узлов ходу, при 3-х котлах и 52 оборота винта; вентиляция в машине и кочегарных отделениях (28°R) вполне удовлетворительная и даже следует признать ее при 23°R наружного воздуха хорошою, что конечно весьма облегчает плавание в морях подобных здешнему, где солнце в зените.

Первую половину настоящего плавания предполагаю исполнить под парами, чтобы сколь можно скорее выйти из-под вертикальных солнечных лучей; иначе маловетрия могли бы надолго затянуть исполнение поручения; вторую же, вероятно представится возможность проплыть преимущественно под парусами.

Дабы иметь всегда достаточно угля, то для пополнения его расхода, а также для ознакомления с портами здешнего архипелага я уже имел честь донести о предположении зайти в Макаassar, Амбоину, Тернате и Дори, но как Тернате требует лишних 400 миль, то, для выигрыша времени, посещение его мною отменено, тем более, что сношения Макаассара с Новой Гвинеей не менее часты и в собирании о ней сведений в настоящее время мне уже нет более надобности.

По пополнении издержанного угля и запасов свежей провизии, полагаю идти для той же цели в остальные два из упомянутых портов, цены на все припасы здесь весьма высоки, но они не произвольны, так

как продажа морских запасов и провизии производится здесь по ценам, установленным колониальным правительством, что для потребителей столь отдаленного пункта представляет большие выгоды и удобства; не могло ли быть тоже самое устроено и в нашем Петропавловске, где жизнь так затруднена произвольностью...¹⁴ цен.

До моего возвращения в Манилу и затем тотчас же в Шанхай, по приблизительным, ныне сделанным, расчетам пройдет более двух месяцев и в первом из этих портов я полагаю быть около 1/13 мая, до тех же пор я лишен буду возможности получать какую бы то ни было корреспонденцию, почтовую или телеграфную.

Чрезвычайно исключительная случайность встречи с г. Миклухо-Маклаем в Батавии особенно облегчила меня в исполнении возложенного на меня поручения.

Личные переговоры с ним и прочтение имеемых им сведений, для меня весьма полезны, вполне знакомя с местами подлежащими моему осмотру и им ранее уже посещавшимися¹⁵.

Его знание местных языков много облегчит сношение с туземцами и устранит надобность в найме переводчика, которого я думал взять в Тернате.

Напечатанные им письма в Известиях Географического общества о его путешествиях в здешних водах полезно было бы издать особою брошюрою и выдавать на суда, плавающие в Тихом океане, так как у нас сведений о них почти нет.

Мне в то же время особенно приятно встретиться с столь знаменитым и просвещенным русским путешественником и провести некоторое время в обществе столь интересного современного лица, как г. Миклухо-Маклай.

Несомненно, что его возвышенная предприимчивость возбудит многих последователей в среде наших ученых и такого рода путешествия не будут составлять в будущем случаев исключительных.

При посещении каждого из портов Южного Китайского моря невольно приходит на мысль необходимость торговых сношений между некоторыми из них и Владивостоком с одной стороны и Черным морем с другой.

Приморская область для туземцев, включая и манз, имеет надобность в рисе, тот же рис необходим и русскому населению. Цены на него в наших портах весьма высоки, тогда как повсюду на юге он очень дешев.

Сахар, чай, кофе, не будучи столь существенны, составляют однако значительную часть расходов каждой семьи и каждый из них тоже очень дешев в Сингапуре, Батавии и Сайгоне.

Доставка их во Владивосток не из Европы, а из этих портов была бы для него благодеянием. Русские товары — коровье масло, мыло, свечи, тросы, табак и т. п. и в особенности керосин, найдут себе верный сбыт.

Негоцианты, отправляя эти товары на пароходах Добровольного флота до Сингапура или Батавии и затем, грузя, на первое время хотя один пароход, колониальными товарами во Владивосток, изменили бы направление торговли этого рода предметами на этот путь для целой Сибири и Китайской Манджурии, а в скором времени может быть и северной Кореи и могли бы иметь громадные выгоды, способствуя в

¹⁴ Далее неразборчиво.

¹⁵ К этому месту управляющий морским министерством А. И. Шестаков сделал пометку: «Посмотрим, что скажет впоследствии».

то же время быстрому развитию края. Потребление керосина быстро распространяется на всем здешнем востоке, как-то Голландской Индии, Китае, Японии, а ныне вероятно и Кореи, доставка его в больших количествах из Черного моря будет чрезвычайно прибыльна.

Установление торговли льдом из Владивостока на юг, так как потребление его быстро распространяется не только в главных портах, где могут быть построены фабрики для его выделки, но и в совершенно второстепенных, делает подобное предприятие весьма желательным на пользу развития производительности Приморской области и нашего торгового там мореплавания.

Видя в настоящее время еще более осязательно, какое множество не только портов, но целых архипелагов, не навещаются нашими военными судами, невольно приходит на мысль, что мелкие суда Сибирской флотилии, плавая в составе эскадры Тихого океана, взамен зимовки во Владивостоке, могли бы быть в этом отношении весьма полезны.

Здоровье команды корвета «Скобелев» в отличном состоянии. Больных нет. О чем Вашему императорскому высочеству имею счастье донести.

Контр-адмирал Н. Копытов

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, (1882), № 2187, лл. 387—390

№ 14

Рапорт командующего отрядом судов в Тихом океане контр-адмирала Н. В. Копытова управляющему Морским министерством И. А. Шестакову

г. Манила, 3/15 апреля 1883 г. № 93

Вследствие предписания Вашего превосходительства, от 16 ноября прошлого года, № 86, высылать прямо на Ваше имя соображения по возложенному на меня в нем поручению ниже сего имею честь изложить последовательно все обстоятельства плавания, вследствие чего текста при представляемом вместе с сим рапорта его императорскому высочеству Главному начальнику флота и Морского ведомства, мною уже не приложено.

Утром 20 февраля, я оставил Макаassar под парами и направился в Амбоину.

Макаassar служит резиденциею губернатору южной части острова Целебеса, пункт связанный с Батавией и другими портами Нидерландской Индии двух недельным почтовым пароходным сообщением. Пароходы компании (De Nederlandsch-Indische Stoom-Vaart maatschapping) посещают следующие порта в этой части колоний: Batavia, Cheribon, Samarang, Sourabaya, Bandjermassin, Bonjewangie, Macassar, Timor, Dilly, Amboina, Ternate, Menado,

Пользуясь уходом такового парохода, мною отправлен рапорт № 82 от 19 февраля.

Цель захода в этот порт была пополнение угля и свежей провизии для обеспечения успеха поручения и устранения возможности заболевания экипажа от более продолжительного пребывания в климате особенно жарком и для здоровья вредном, в случае если бы запасы угля были недостаточны.

Относительно возможности получить уголь в Амбоине и в необходимом для корвета количестве, здесь я не мог получить сведений, так как сношений между ними почти не существует, ибо они составляют два разных округа, ничего общего между собой не имеющих.

Команда, не бывшая на берегу в Батавии, так как там наши люди всегда болеют, хотя при нашей стоянке здоровье населения в обоих городах было прекрасное и никаких болезней не было, для освежения, перед предстоящим плаванием, была отпускаема на берег, ибо климат Макассара считается здоровым.

Предположения мои оправдались, люди имели случай гулять в роскошной тропической местности, безо всяких вредных последствий для их здоровья.

Угля было взято из правительственного склада, в чем выдана квитанция, так как деньги не могли быть приняты — всего 178 тонн, из них 46,5 тонн погружены на верхней палубе.

Хотя в Макассаре есть военный хор музыки, но игра наших музыкантов на берегу произвела столь благоприятное впечатление, что губернатор, от имени местного общества, просил меня разрешить музыкантам играть на балу в клубе на другой день, и куда все мы конечно получили приглашение, на что я несомненно охотно согласился.

Бал, при входе губернатора с нами, был открыт гимном «Боже царя храни» и затем голландским. Губернатор Макассара г. Тромби постоянно оказывал самое полное гостеприимство и любезность. Корвет «Скобелев» был вторым русским судном, посетившим Макассар, первое было клипер «Абрек» в 1862 г. Быков, свежее мясо, некоторые сорта зелени и другой провизии, также уголь и пресную воду, здесь можно найти, но весьма дорого, все-таки же это лучший порт для пополнения запасов в Молуккском архипелаге.

До нашего прихода здесь были постоянные проливные дожди, мы же пользовались прекрасными погодками.

Макассар иностранными военными судами редко посещается, но французские, идя на станцию в Китай или Кохинхину¹⁶ или оттуда возвращаясь, иногда сюда заходят. Переход до Амбоины, вследствие маловетрия, сделан под парами, и на рейд ее корвет прибыл 23 февраля, в одиннадцатом часу утра, пройдя прямо к пристани, для пополнения угля, издержанного на переход.

Вследствие больших глубин на рейде и очень небольшого пространства, где можно стоять на якоре, угольная пристань расположена весьма близко от города, в очень хорошей местности и в этом отношении представила большие удобства.

Представитель местной власти, резидент г. Riedel в 6 часов сделал мне визит на корвете, и при съезде его я ему салютовал 11 выстрелами; тот час же по приходе был произведен национальный салют, на который без замедления было отвечено тем же числом выстрелов с форта Victoria. Он построен еще при первом занятии острова голландцами и уже не имеющим теперь военного значения. Команда и здесь была один раз уволена на берег, так как и этот остров считается вполне здоровым. Угля принято 112 тонн, имея 57 тонн на палубе, дополнены запасы живых быков, куплены для разведения на Новой Гвинее, по просьбе г. Миклухо-Маклая, бык, корова, козел и две козы; таким образом я имел угля достаточно, чтобы не прибегать к столь вредной для здоровья команды рубке дров в заливе Астролябия.

Сокращая сколько возможно пребывание в портах, 26-го февраля с рассветом, я вышел в море, направившись к берегам Новой Гвинее, через пролив Питта. Пройдя море Явское, Флорийское (Flores), Банда (Banda) и Молуккские острова, я должен сказать, что описанные их части, нами встреченные на пути, нанесены на карты верно, хотя не ве-

---

¹⁶ Область Намбо в Южном Вьетнаме.

зде достаточно указаний на глубины, что может вводить в сомнение были ли тут промеры. Распространенность в этих водах коралловых банок и рифов, поднимающихся круто с больших глубин, заставляет желать видеть их на картах показанными. Пользуясь прекрасным лотом Томсона, изобретение которого делает колоссальную услугу мореплаванию, я при приближении к берегу, проходя через проливы или вблизи мысов, приказал бросить этот лот, не требующий ни остановки, ни уменьшения хода и показания его записывались как в шканечный журнал, так в гидрографические заметки. В моем рапорте из Сингапура № 54, я изложил мое предположение о пользе помещения в гидрографические заметки всего, о чем доносится нашими командирами по этому предмету, как это делается с замечаниями командиров иностранных судов, теперь же позволю себе прибавить, что хорошо было бы для облегчения пользования ими, чтобы они вклеивались в те места английских лотий, к которым сообщаемые замечания относятся.

Пролив Питта, между островами Salawatty и Batanta¹⁷ лотциями не рекомендуется, и о нем сказано только несколько слов, тогда как по прямолинейности своего расположения и, по-видимому, большим глубинам, для паровых судов он в действительности должен был бы представлять большие удобства, поэтому я избрал его для выхода в океан. Пролив оказался чрезвычайно удобным, рифов и мелей, равно как и сильного течения замечено не было. В разных местах были измерены глубины для обозначения на картах. Пользоваться им особенно удобно потому, что при приближениях с обеих сторон, он виден по всей своей длине, более чем за 20 миль, что в этих местах, где приискание приметных пунктов для определения своего места затруднительно, составляет большое преимущество. Крутые и возвышенные берега обеих сторон, сплошь покрыты густою растительностью, чрезвычайно живописны и в разных местах имеют несколько хижин туземцев, которые на лодках были видны в проливе.

Salawatty был описан итальянцами, в недавнее время полагавшими им овладеть, но так как он лежит в районе голландских колоний, то это намерение не осуществлялось. В полдень 28 февраля, выйдя из пролива Питта при продолжавшихся штилях и маловетриях вступил в Тихий океан.

Высокопраздничный день восшествия на престол государя императора, 2 марта, был празднован по Уставу, и мы несмотря на громадность отделявшего нас пространства, были еще сплоченнее, мысленно соединены со всею остальною Россией, как в наших чувствах, так и молитвах о благоденственном царствовании его величества на многие лета, на счастье и гордость нашего Отечества.

Встретив дожди, подойдя к Новой Гвинее и видя из того, что дождливый NW муссон еще не окончился и узнав в Амбоине о крайней незначительности порта Дори, куда голландские станционеры заходят только раз в полгода, и где весьма вероятно нельзя было бы получить даже и угля, я нашел излишним промедлением плавания его посещение и продолжал путь далее к заливу Астролябия, в который и вошли 5/17 марта.

По входе в залив Астролябия, я приблизился с внешней стороны, в расстоянии нескольких кабельтов, к Архипелагу Довольных Людей, для первого с ним ознакомления и глазомерной съемки и затем проследовал

---

¹⁷ На современных картах пролив Питта показан между островом Буру и островом Сула-Санана, а между островами Батанта и Салавати находится пролив Сагевин.

далее, к порту Великий князь Константин, где перед заходом солнца стал на якорь.

Бухта, составляя ничтожный изгиб берега, чрезвычайно мала, почему бросил якорь на 22 саж. и столь близко от берега, иначе нет якорной глубины, что необходимо было подать кабельтов на берег и закрепить за деревья.

Коралловый твердый грунт, большая глубина, тесность бухты и ничтожность закрытия берегом делают ее дурным якорным местом.

Большое заболевание команд, при предшествующих посещениях Витязя и Изумруда, и в санитарном отношении не могут рекомендовать этот пункт.

Поселения вблизи весьма незначительны, хотя по сведениям г. Миклухо-Маклая, деревни вообще расположены довольно часто. При съезде на берег, я не видел более сотни людей обоих полов и всех возрастов. Они, несмотря на крайнюю примитивность своего человеческого и общественного развития, смотрят довольно добродушно, не выказывая ни свирепых, ни воинственных природных склонностей, хотя вследствие постоянной враждебности со всеми своими соседями, им приходится весьма часто воевать между собою, но в этом ими руководит более их умственная неразвитость.

Если бы какие-либо селения имели бы действительно воинственный дух, то они подчиняли бы своей власти побежденных, но этого кажется не бывает и они, до сих пор, остаются раздробленными на ничтожные деревни по большей части со своим особым языком или наречием, поэтому овладение берегами Новой Гвинеи для европейцев затруднений представить не может, так как папуасы общих интересов своей страны не понимают. В небольшом числе виденных мною людей встречались многие больные с опухолью ног или сухостью их и рук, и разными накожными болезнями.

Жители, насколько умели, старались быть приветливы и по-видимому были довольны посещением корвета. При мне, в деревне им были розданы г. Миклухо-Маклай подарки предметов, купленных по моему распоряжению в Гонконге и Макассаре, доставившие им видимое удовольствие. Для водворения дружеских сношений и для разведения у них полезных домашних животных по просьбе г. Миклухо-Маклая я, как уже вышеупоминал разрешил купить в Амбоине — быка, корову, козла и двух коз. Эти животные им ранее не были известны и по свозе их на берег, они перепугали жителей, так что нашим матросам пришлось самим привести их на место в деревню. Г. Маклай объяснил папуасам уход за ними.

Хотя, благодаря Бога, больных на корвете не было, но имея в виду появлявшиеся большие заболевания на предшествующих судах, положение солнца — прямо в зените, не прекратившийся еще дождливый сезон, пребывание корвета с 1 ноября без перерыва в очень жарких климатах и дурную климатическую репутацию этого места, я 7-го числа утром, после 1,5 суточного пребывания, снялся с якоря, для перехода в порт Великий князь Алексей и описи его островов, тем более что в дальнейшей стоянке и не представлялось никакой более надобности. При первом проходе мимо архипелага уже было видно, что острова, обозначенные впрочем только пунктиром, нанесены на карту совершенно неверно, теперь, при приближении к ним, это вполне подтвердилось. Желая встать на якорь в середине группы, я направился в первый широкий проход, но вскоре оказалось, что во всю его ширину идет коралловый риф, что в нескольких местах обозначалось и буруном; идя далее во второй, еще более широкий, можно было полагать, что тут препятствий нет по

отсутствию бурунов, и шедший впереди паровой катер с промером ничего не видел, но однако благодаря зоркому вниманию бывшего на фор-салинге мичмана Эбергарда, заметившего риф по курсу, и в этот проход я не пошел, а направился вдоль северного острова, к северной его оконечности. Паровым катером однако были найдены ворота, но видя внутри рифа, еще буруны в некоторых местах, идти внутрь неопытного тесного, может быть между рифами, пространства, я находил неосторожным. Мичман Сарычев, посланный на паровом катере в северный пролив, как для его обследования, так и приискания места якорной стоянки, по осмотре донес, что этот пролив совершенно чист, и что пройдя его, на рейде глубины вблизи острова умеренные и для стоянки удобные.

Войдя с корветом вслед за сим внутрь островов, я в действительности нашел прекрасный рейд.

Один из таких какие не встречаются часто не только на прямолинейных берегах Новой Гвинеи, но и вообще. Отлично защищенный от ветров и волнения, в нем, в то же время, по своему пространству и весьма умеренной высоте островов (они собственно низменные, но покрытые высокою и густою растительностью) течение воздуха не стеснено, что бывает иногда в узких и глубоко вдавшихся заливах, делающихся через это в тропиках весьма нездоровыми и что вновь открытому рейду дает огромное преимущество в климатическом отношении.

Никакое европейское судно, еще не посещало этих островов и потому на другой день с рассветом было приступлено к их съемке и промеру рейда.

По изготовлении плана и отчета работ буду иметь честь препроводить их к Вашему превосходительству. Дальнейшее озакончение только увеличивало достоинство порта Великий князь Алексей.

Пространства между различными островами образуют в нескольких местах отличные якорные стоянки, между же крайнею от берега группой и материком найден второй обширный рейд. вполне отовсюду закрытый и по всему протяжению глубиною не менее 8 саж.

В северной части порта, течет река значительной величины, наибольшая из известных во всем заливе Астролябия.

Таким образом этот порт представляет по своим гидрографическим условиям не только хорошую угольную станцию, но и прекрасный опорный для крейсеров порт.

Острова, занимая большее, несравненно, пространство нежели предыдущий порт, имеют и большее числом население, но также разбросанное, небольшими деревушками, при полной враждебности живущих на материке, вполне людоедов, к живущим на островах и потому к занятию не представляющих никаких затруднений.

Съемки и промер указанной мною части архипелага одновременно производились пятью гребными судами. Энергическое производство работ, начавшихся с рассветом, при температуре 24°R, с полною неутомимостью, не зная устали, так что мне приходилось сдерживать рвение офицеров занимавшихся съемкою и промером, рекомендовали их служебные достоинства с наилучшей стороны, и только благодаря их чрезвычайному рвению и неутомимости работа была исполнена в два дня. То же я всегда вижу в г. г. офицерах корвета Скобелев и во всех других случаях и потому мой приятный долг засвидетельствовать перед Вашим превосходительством о таковых выдающихся отличиях офицеров этого корвета.

Команда работала на две смены, без малейшего утомления. После парового перехода более 3000 миль машина потребовала трехдневного осмотра и чистки котлов, также перемены набивок всех сальников, со-

вершенно выгоревших. До сих пор — это выгорание набивок, требующее расхода на них, значительно превосходящего штатное положение, составляет единственную слабую сторону механизма, во всех остальных отношениях он постоянно действует вполне исправно.

При двух котлах, корвет делает 225 миль в сутки, сжигая угля 1000 пудов, если котлы были наполнены пресной водою; при соленой же от постоянного продувания расход угля доходит до 1500 пудов, что нельзя не признать для судна такой величины, весьма экономным.

При посещении Новой Гвинеи, главнейшею моею заботою было сохранение здоровья команды, так как климат здесь один из наиболее лихорадочных и потому я старался без надобности не оставаться у этих берегов лишнее время и как через два дня съемка и промер были окончены, в машине же работы еще продолжались, то 11-го марта с рассветом, пользуясь легким береговым бризом, на буксире шлюпок корвет вышел в море, где уже было возможно при маловетрии вступить под парусами и взять курс на остр. Адмиралтейства. Того же дня вечером, по изготовлении машины и совершенно стихшем ветре — пошел под парами.

Сведений о климате, после столь краткого пребывания, я не могу представить, хотя при нас погоды стояли прекрасные, жара не казалась отягощающею, не выше 24°R, и переносилась легче, нежели в Батавии или Сингапуре, и вообще общее впечатление о этой местности получалось совершенно благоприятное. По географическому своему положению, вероятно климат Новой Гвинеи весьма сходен с климатом Явы.

Часто когда в горах на материке и в порте в. к. Константин видны были густые дождевые тучи и дожди, мы имели ясную и сухую погоду. Различие это объясняется расположением берегов залива Астролябия — тот, противу которого лежит архипелаг, тянется с севера на юг — берег же порта в. к. Константин расположен под прямым углом к первому и идет от запада на восток, имея в небольшом относительно расстоянии хребет, где плавные возвышенности достигают 11 000 фут. Дневной морской бриз дует от N и проходит через острова, не встречая в них, по их низменности и разбросанности, себе препятствия — без задержки и потому скопления паров не образуется и погода остается ясною.

Хребет же гор в. к. Константин совершенно задерживает на себе бриз, как расположенный к нему перпендикулярно, и скопляющиеся пары влажного морского воздуха переходят в ливни, делающие местность сырою, вредною и лихорадочною. Главные недостатки:

Иметь от жителей что-либо кроме кокосов, невозможно, так как они сами обходятся безо всего. Растительность же по берегам и на островах столь роскошна, как только можно себе вообразить, все редкости этого царства здесь являются в изобилии. Я никогда не видел декораций с столь роскошною растительностью, как она здесь встречается в действительности. Столь же редкие представители здесь и царства пернатых — райские птицы, черные какату — исключительная принадлежность Новой Гвинеи, белые какату и разн. др. В море — черепахи, трепанги (ценный предмет вывоза из Океании в Китай), раковины, может быть и жемчужные, так как таковые на ближайших островах ловятся. Горные хребты конечно содержат в себе металлы и минералы. Вообще надо полагать, что более богатой природы, во всех отношениях, встретить трудно, но три обстоятельства препятствовали до сих пор тому, чтобы человек этими сокровищами мог бы пользоваться.

1-е — жаркий и вредный климат.

2-е — отдаленность от населенных пунктов и отсутствие куда-либо всяких сообщений.

3-е — недостаточная численность и дикость туземного населения, говорящего на множестве различных языков.

Жажда наживы разсеяла английских и немецких торговцев (Traders) почти по всем островам Океании, многие из групп присоединены или взяты под покровительство этих государств, но ни правительства, ни коммерческие дома до сих пор не коснулись восточной половины северного берега Нов. Гвиней. Голландцы почти номинально владеют ее западную частью до 141° долготы. На южном берегу пропагандируют английские миссионеры, а острова этого берега повидимому уже взяты Англиею.

Переход до островов Адмиралтейства сделан под парами, так как и здесь имели только маловетрия и штили, что и соответствует этой местности, как лежащей у экватора. На этом пути неоднократно замечаемы были несогласия карт с действительностью, и потому к югу от островов Адмиралтейства до островов Rugeley плавание ночью следует признать опасным. Острова не все нанесены на карту, нанесенные же обозначены неверно и коралловые рифы занимают пространство, гораздо большее, показанного на картах. Приходилось несколько раз видеть буруны по курсу и их обходить; от главного острова группы рифы идут много западнее, чем на карте и группируются весьма сложно, почему опись западного берега, имеющего сверх рифов, довольно много островов, делается довольно сложною и требующею много времени. Для съемки нужно особое судно, небольшого размера, но для которого должен быть прислан транспорт на острова, с необходимым запасом угля и провизии, чтобы оно могло проработать на месте от двух до четырех месяцев, а может быть и более, если делать съемку всей группы; теперь описан только северо-восточный рейд «Челленджером», названный по имени его командира — рейдом Нареса. Взамен монеты оно должно иметь с собою предметы потребления дикарей.

Перемены курсов для обхода рифов, не позволили войти на рейд 12-го, хотя, к заходу солнца я был уже близко, но быстро наступающая темнота заставила на ночь лечь в дрейф под парусами, на рейд же вошли только на другой день, встав на якорь у острова Wild на месте «Челленджера».

Туземцы встретили нас своими приветствиями, выехав во множестве на своих пирогах в море; по прибытии же на рейд, корвет был окружен еще большим числом. Острова эти навещаются европейскими торговцами, и потому жители здесь уже не совсем дики. Они имеют ружья, топоры, ножи и т. п. Некоторые знают несколько слов по английски и выглядят весьма живого темперамента.

Свободные офицеры и г. Миклухо-Маклай съехали на берег и провели там несколько времени, осматривая их деревни. Туземцы, пущенные на корвет, привезли для продажи кокосы, черепаху и свое оружие, на берегу же у них были куплены два или три поросенка.

Рейд Нареса в общем смысле довольно удобен, представляя собою большое пространство и вероятно хорошие якорные стоянки, но как угольный пункт, для крейсеров военного времени, он слишком открыт от всей северной половины компаса, и потому стоящее тут судно, будет видно противнику издалека и ему, чтобы осмотреть рейд, не будет надобности в него заходить — достаточно приблизиться извне, чтобы видеть что делается на рейде. Посещаемость европейцами также делает его непригодным для военных целей, устройство же плантаций частными русскими лицами, если таковые найдутся, или же водворение их здесь для торговли, конечно желательно, как и во всяком другом пункте, если на то не потребуются никаких жертв, ни людьми, ни капи-

галами, со стороны правительства. Очередные же мелкие суда отряда Тихого океана могут своим наблюдением обеспечить их безопасность от туземцев. При войне, со всеми государствами, кроме Англии, такие пункты могут быть даже полезны, как опорные точки в некоторых случаях.

Не признавая удобным, для данных целей, рейд Нареса и как его опись уже сделана, то, по возвращении с берега офицеров я снялся с якоря, направившись вблизи лежащей группе островов Hermit.

Рассматривая карты, я увидел, что группа эта, как по своей умеренной величине, так и потому что она окружена кольцеобразным рифом, может быть удобным опорным пунктом, с устройством на нем и угольного, во время войны, склада.

Группа лежит от острова Адмиралтейства в расстоянии немного более 100 миль и потому 14-го марта, я уже бросил якорь у острова Loop¹⁸, главного этой группы, на глубине 32 саж.

Лагуна промеров не имеет и потому несмотря что впереди шел паровой катер, меньшей якорной глубины не нашли. При проходе ворот, между рифами имели наименьшую глубину 6 саж. и на пути до якорного места видели две банки.

На другой день утром, гребные суда были отправлены к промеру около берегов и в проливах главных островов, а также к обследованию виденных накануне банок, паровой катер промерил входные ворота и путь от него к якорному месту. Планы произведенных работ, по их изготовлении буду иметь честь представить Вашему Превосходительству. Эти острова также посещаются европейцами, при нас из них здесь никого не было, но, кажется, гораздо реже, нежели остр. Адмиралтейства, хотя два из маленьких островов даже приобретены белыми.

По существующим порядкам, англичане, немцы, американцы, в случае если на каком-либо из островов будет кто-либо из их нации убит туземцами — наказывают такой остров — стреляя их и сжигая их селения, почти не входя в разбирательство, кто прав, кто виноват, несмотря на то, что в большинстве случаев виноваты торговцы-европейцы, своими безмерными злоупотреблениями, насилиями, обманами и проч.

По рассказам жителей г-ну Миклухе-Маклаю, такая экзекуция на этих островах была произведена американскими и германскими военными судами, за четыре месяца до нашего прихода, при чем сожжено две деревни, убито 7 человек. Меры эти находят повидимому необходимыми для внушения уважения к флагу и для обеспечения безопасности жизни европейцев на островах, что дает возможность этим последним водворяться повсюду, даже по одному, и в большинстве случаев, покуда они своею чрезмерною алчностью, притеснениями и всяческим произволом не выведут туземцев из терпения, то жизнь их в безопасности. Убийства без уважительных причин и кого-либо другого, кроме торговцев (Traders) повидимому весьма редки. Торговцы же, зная как сильно ответственны туземцы за их жизнь, злоупотребляют своим обеспеченным положением до-нельзя.

Офицеры съезжали на берег, как для ознакомления с местностью и ее жителями, весьма многочисленными, едва несколько десятков, а также и для охоты. Разнообразной дичи было настреляно много, в самое короткое время, так как для нее ружейные выстрелы вещь неведомая. Много туземцев было на корвете для обмена кокосов, черепахи и своего оружия.

---

¹⁸ Loop — другое название атолла Hermit.

По возвращении шлюпок с промера, имея готовые пары, снялся с якоря и вышел в море; по проходе ворот, между рифами, опять встретил наименьшую глубину в 6 саж., но уже на другом месте. Впечатление произведенное этим портом делает его весьма удобным опорным пунктом военного времени и перегрузка угля и других запасов с судов здесь всегда легко может быть исполнена, особенно, если эти острова будут принадлежать частным русским лицам.

Защита от неприятеля трех его входов незатруднительная, стоянка удобная, климат хотя жаркий соответственный местности, но можно полагать не столь вредный, так как острова небольшие, высокие и лежащие в открытом море. Дожди должны быть частые, как это свойственно штилевой полосе. От жителей ничего не производящих, нельзя иметь для судового продовольствия. Рыбу и дичь нужно добывать самим. Температура вероятно постоянная 22—24°. Отдельные маленькие острова иногда приобретаются за разные предметы, туземцами полезные, стоимостью от 50 до 100 долларов.

Штили сопровождали нас до шир. 5°N, и тут только 18-го числа, можно было уже поставить паруса, не прекращая паров. На другой день подошли на вид восточной части острова Pelew, и по приближении к берегам постепенно спускались, осматривая расположение островов, идя в обход южной оконечности группы.

Карта островов Pelew оказалась содержащею многие неточности, которые помещены в гидрографические заметки и вслед за сим, со всеми последующими замечаниями будут препровождены в Гидрографический Департамент. Имея намерение идти к NW оконечности главного острова Baobeltaob и как к заходу солнца до нее оставалось еще около 40 миль и приближение ночью невозможно, то остановив на несколько часов машину, лег в бейдевинд на правый галс под малыми парусами. В 11 часов вечера снова был дан ход машине и взят настоящий курс. 20 марта в 10 часов утра, бросил якорь у NW оконечности острова Baobeltaob, из группы Pelew, на глубине 10 саж.

Несогласие карт с действительностью здесь оказывалось постоянно весьма большое, с самого приближения к островам; расположение, протяжение и очертание рифов неверное и самая оконечность острова, с нашим пунктом, астрономически определенным, лагуна неописана, проход в нее без означения глубин. Встретив, при приближении к воротам, постепенно быстро уменьшающуюся глубину с 25 саж. на 19—12 и наконец 10 и видя впереди на воде пятна отличительного цвета, встал на якорь и послал гребные суда сделать промер. Полученные шлюпками глубины, по разным направлениям, показали весьма большую изменчивость с несколькими резкими пятнами, в 3, 3,5 и 4 саж. при более общей глубине в 7 саж. и при нескольких сверх того видимых коралловых банках.

При дующем здесь пассате стоянки в лагуне, весьма хорошо закрыты от ветра, но для удобного пользования ею, требуется не только весьма подробный промер, чего непременно требует характер дна, но и обстоятельные съемки. Главный пункт этой группы — местечко Корор — лежащее на маленьком островке, в середине восточной стороны и принадлежащий, по полученным уже в плаваньи сведениям от г. Миклухо-Маклая — Англии, почему как для сохранения секретности поручения, так и бесцельности его посещения, я согласно прилагаемого у сего заявления нашего путешественника, пошел не в Корор, а посетил залив на NW оконечности главного острова. Соглашаясь с его мнением относительно климата, а опыт в будущем может быть подтвердит и предположения его относительно средств пополнения свежей провизии,

нахожу избрание этого пункта, для указанных мне целей невозможным, по совместности его с английскою територіею.

По той же причине, мною не был осмотрен лежащий в 20 милях к северу, среди коралловой банки островов Каянгль, имеющий милю протяжения.

Если устраиваться от английских владений в столь близком соседстве, то предпочтительнее выбирать пункты более центральные и лежащие на торговых путях, нежели столь мало удобные и столь отдаленные.

Необходимо, чтобы рейды были легко достижимы крейсерам входить за рифы, через ворота, с резко переменной глубиною (по курсу корвета, в 100 саж. при входе оказалась банка в 18 ф.) на рейд усеянный банками, весьма неудобно, пока не будет составлен совершенно точный его план и указаны руководящие данные для входа и выбора якорного места. Г. Миклухо-Маклай имел возможность посетить местность, приобретенную им, при первой его здесь бытности, и переговорить со старшинами, для чего он провел ночь на берегу, письмо его ко мне по этому поводу у сего прилагаю¹⁹. Вследствие большого расстояния этого пункта от корвета и как оно на восточном берегу острова, то эта экскурсия для него была трудною и утомительною. Там им был встречен, живущий на острове, агент германской фирмы г. Кубари, эмигрант из Варшавы, говорящий по русски.

До 70 человек туземцев проводило время на корвете, обменивая свои все одни и те же произведения, хотя всего здесь привозилось в больших количествах, нежели в предшествующих пунктах.

Тут, как на остр. Адмиралтейства и других подобных пунктах, водворение русских предприимчивых людей было бы полезно и при политических столкновениях с государствами, кроме Англии, такая опорная точка, нашим военным судам, конечно была бы довольно пригодна, так как она, по сравнению с предыдущими, действительно не так удалена от общих путей.

21 марта во втором часу пополудни, снялся с якоря под парусами и направился с попутным пассатом со среднею скоростью, 7,5 узлов, к Филиппинскому архипелагу. При тех же обстоятельствах корвет плыл до 25 числа, хотя ветер постепенно становился тише, причем 23-го имели средний ход 5,5 узлов, а 24-го уже только 4 узла. 25-го, приблизясь к проливу Surigao, при стихшем ветре закрепили паруса и пошли под парами. Приглубые берега островов весьма облегчают ночное плавание, в половине четвертого п. полуд. 26 марта прибыл на рейд Зебу.

Здесь предполагал пополнить запасы угля, что казалось весьма удобным ввиду вполне закрытого рейда и близкой стоянки судов от берега, но, к сожалению, погрузка его производится столь медленно, 10—15 тонн в сутки, и уголь австралийский плохого качества, то пробыв два дня, 29-го вышел в Манилу.

Команда по-вахтенно была уволена на берег, не быв отпускаема, после Амбоины.

По моей просьбе были присланы несколько испанских карт архипелага, относящиеся к плаванью в Манилу и у нас не имевшихся. Кроме того, я взял лоцмана, дабы можно было идти между островами и ночью и не растягивать напрасно плаванья. Переход от Зебу до Манилы сделан под парами в двое суток и 31 марта в 8 часов утра я бросил якорь у адмиралтейства Кавита, перейдя к Маниле 1 апреля. У сего при-

---

¹⁹ Письма Н. Н. Миклухо-Маклая, связанные с его плаванием на корвете «Скобелев», будут опубликованы отдельно.

лагаю ведомость о количестве пройденных миль и издержанных угле и машинных материалах²⁰. От Сингапура до Манилы сделано около 6000 миль. Здоровье команды, кроме слабых заболеваний лихорадкой, все время было в отличном состоянии. Телеграмма контр-адмирала Казнакова о немедленном следовании в Владивосток не сказано по чьему приказанию получена, но в числе бумаг из Гонконга ни № 130, ни [других] важных не получил, равно как и распоряжений, куда должны быть мною направлены остальные суда вверенного мне отряда, фрегат Герцог Эдинбургский и клип. Наездник.

Изложив выше все главные обстоятельства, сопровождавшие мое плавание для осмотра указанных мне пунктов, в настоящее время имею честь представить Вашему Превосходительству мои соображения по этому делу, а равно и те заключения, к которым я приведен. Ни один из посещенных мною пунктов — залив Астролябия (Нов. Гвин.), группы остр. Адмиралтейства, Пустынников (Hermits) и Пелью, не представляют вообще удобств для устройства на них угольных складов по своему удаленному положению — в таких местах, прибытие к которым, через большие штилевые пространства, потребуют расхода более нежели полного судового запаса угля и столько же понадобится для возвращения этого судна на место действия.

Все они населены или совершенными дикарями, или людьми весьма к ним близкими и потому не представляют собою никаких средств ни для пополнения судовых запасов вообще, ни даже свежее провизией и водою. Климат Новой Гвинии имеет самую дурную репутацию, что же несомненно, что это один из самых жарких и сырых.

У меня, благодаря бога, больных не было, вследствие случайно встреченных весьма благоприятных погод и краткости пребывания корвета в каждом из посещенных пунктов, но легкие приступы лихорадки были у многих офицеров и нижних чинов, впрочем весьма редко более чем на два или три дня, по выходе же с островов Пелью, где сообщения с берегом не было, в пассате, имея освежающий ветер и совершенно ясную погоду, число заболеваний, как между офицерами, так и нижними чинами, хотя столь же слабых — увеличилось значительно. Относя это к влиянию посещенных мест, я уверен, что если бы корвету пришлось оставаться там долее и погоды были бы обыкновенные, т. е. хуже нами встреченных, то болезненность была бы весьма сильная и устранение ее, судя по бывшим примерам, судов, попадавших в такие условия, — потребовало бы много жертв и много времени. При этом, еще я имел возможность не сводить команду на берег ни в одном из портов.

Сложенные в этих местностях уголь, провизия и запасы для нужд флота потребуют охраны, в мирное время от туземцев местных и иногда пришлых, а в иных случаях даже от крайне безнравственных шкиперов европейских коммерческих судов, в этих водах плавающих.

В военное время, дабы таковые склады не сделались бы добычею и лишними трофеями неприятеля, которому они хорошо будут известны заблаговременно, потребуется весьма серьезная военная оборона. По дальности расстояния что-нибудь устраивать при приближении войны, будет всегда слишком поздно — необходимо иметь постоянно вполне готовыми все средства обороны и в таком случае они будут стоить много дороже обороняемого. Болезненность и смертность между людьми, для этой цели здесь поселенными, как это всегда бывает с европейцами, будут чрезвычайно большие. Услуги же этих складов будут условные, в мирное время они нам ненужны, в военное же, они трудно достижимы

---

²⁰ Ведомость эта из-за недостатка места не публикуется.

по своей отдаленности, потребуют раздробления наших сил для их защиты и при превосходстве сил противника, легко могут быть нами все-таки же утрачены. Не в виде бравады, но как число угольных складов наших будущих противников, а с каждым годом, все увеличивается и отделять для защиты каждого из них достаточно силы противнику будет трудно, то захват таковых нашими судами, я полагаю по временам, будет возможен. Нагруженные несколько судов, из взятого склада, могут быть посланы на определенные рандеву.

Примеры прошлого показывают всегдешнее пристрастие нейтральных государств к нашим противникам и их желание стеснять наши военные суда отпуском угля, на который поэтому нельзя и рассчитывать. Если наше правительство включит при наступлении войны, с сильным морским противником, в список предметов военной контрабанды каменный уголь и машинное топливо вообще, то все суда с углем, как неприятельские, так и нейтральные будут добрыми призами наших крейсеров и хорошо заменят собою не имеющиеся нами угольные склады. Уголь может не быть военною контрабандою только при войнах с государствами второстепенного морского значения и тогда Англия, строго соблюдающая свои торговые интересы, сама со своими колониями, будет снабжать нас углем.

Фрахт судов с углем на данные рандеву еще дополнит ресурсы снабжения им наших судов. Склады в наших портах: Владивостоке, Императорской гавани, Петропавловске, где он вообще необходим, несколько также дополняют их в особых случаях.

Зависимость крейсера от топлива уже давно выяснилась, и особенно для наших. Высокие цены на него в иных портах превосходящие 50 коп. пуд на наши деньги и в мирное время показывают, каковыми они будут в военное, кроме того уголь требует для себя ящиков большей емкости, по сравнению с нефтью. В Комитете Добровольного флота в 1878 году, при рассмотрении проектов, предполагавшихся к заказу судов, я представлял пользу приспособления их для этого топлива, — тем более, что оно кажется не исключает возможности переходить на уголь, когда нефть будет издержана. Ныне пользуясь настоящим случаем и ознакомившись несколько более и на деле, с величиной судовых угольных запасов, ценами на уголь, условиями его пополнения, среднем числе паровых дней, для разных судов, полагаю, что введение этого топлива на судах, если еще преждевременно, то по крайней мере скорое испытание его на одном из них вероятно окончательно выяснило бы этот вопрос в его пользу.

Посетив ныне голландские и испанские колонии в этих водах, все более и более приходится убедиться в трудности, с какою европейцы водворяются в тропических местностях и как мало они извлекают себе пользы из этих громадных и богатейших от природы, принадлежащих им пространств, несмотря на вековые — опыт и обладание.

Население бедной от природы Голландии предпочитает свою скудную почву и тяжелые морские промыслы северных морей, являясь в свои колонии, с роскошнейшею растительностью и неисчерпаемыми ресурсами, в самом ничтожном сравнительно числе и то на время, совсем же водворяющихся голландцев крайне мало. Испания пользуется своими колониями еще менее. Чрезвычайно большие пространства колониальных владений обоих государств не только не эксплуатируются, но до сих пор даже не исследованы. Англия деятельно и хорошо представлена своим населением только в Индии и Австралии, все остальные в этих водах ее владения заключаются в ничтожных по величине пунктах, составляющих ее военные наблюдательные посты и узлы торговли и тут

тоже европейцы живут временно, но навсегда не водворяются, несмотря на громадные барыши и целые капиталы ими здесь легко наживаемые.

Французы в своих колониях, также остаются только несколько лет, хотя они там сравнительно, повидимому, более остальных государств заняты эксплуатацией, но все-таки далеко не на всем пространстве своих владений. Повидимому не невозможно, при значительном индиферентизме к своим колониям двух первых названных государств, что они согласятся уступить территории на своих главных островах, подобно как нами уступлены острова Алеутские и Ситха, или же отдельные острова небольшой величины, из таких которыми владеют они только номинально, не извлекая никаких выгод, но решение таких вопросов, конечно может быть исполнено только в Европе, из сношений с правительствами метрополий. Так мало желающих эксплуатировать тропические богатства, что для привлечения большого числа, приобретение земель в колониях голландских, а вероятно и в других, частными лицами может быть делаяемо, без различия национальностей и все-таки почти никто из разных государств Европы для этого не является. На основании такой льготы, через посредство наших агентов или путешественников, специально для этой цели командированных, могут быть присканы местности не столь отдаленные, как осмотренные острова, и могущие быть удобными и производительными плантациями для их частных владельцев.

В недавнее время образовавшаяся английская компания для эксплуатации северных берегов Борнео (North Borneo Co) может для целей этого рода служить образцом.

Распространившиеся весьма значительно германские торговцы, по островам Тихого океана, послужили поводом для Германии взять некоторые из этих групп островов под свой протекторат. Если бы и в России нашлись такие предприимчивые торговцы, то нашим правительством могла бы быть принята также мера, мало его обязывающая, но весьма для него полезная и ничего не стоящая. В каком бы пункте не водворилась русская торговая предприимчивость, он всегда будет до некоторой степени полезен нашим военным судам.

Преимущество частных владений подобными пунктами между прочим еще в том, что нападение на них неприятеля составит справедливый прецедент нашим крейсерам, как репрессалия, для нападения на его владения подобным же образом.

Постоянное поручение наблюдения за всеми островами Тихого океана, европейцам не принадлежащих, нашим мелким военным судам в более благоприятные для того сезоны, послужит с пользою для выбора случайных рандеву крейсерам в военное время.

На основании вышесказанного я пришел к заключению, что приобретение пункта в Океании в наше владение, через допущение частного доверенного лица к устройству на нем фактории, под покровительством русского флага, весьма желательно и полезно.

Для присоединения какого-либо места, европейцам не принадлежащего, англичане ограничиваются подъемом на берегу флага с церемониею, прочитывают публично декларацию о присоединении и ее копию оставляют на месте, не оставляя никого из людей и увозя с собою и флаг.

При ограниченности числа судов отряда Тихого океана и имея Владивосток, казалось бы еще не представляется надобности в устройстве морских депо или складов на каких-либо отдаленных пунктах, но нельзя того же сказать про опорные пункты, о которых говорится в предписании Вашего Превосходительства от 16 ноября № 86.

Таковые пункты существенно необходимы эскадре для:

1. Приема угля и запасов с транспортов.
2. Исправления: а) судов своими средствами, но требующие времени или стоянки на рейде. б) машин и котлов — осмотр и чистка их. в) парусов и рангоута. г) гребных судов.
3. Отдых и освежение команд — своз больных на берег.
4. Прием призов на хранение.

5. Общего сбора эскадры: для совокупного нападения что по временам необходимо — как для нападения непосредственно на главные неприятельские пункты, так и для принуждения противника соединить свои силы, дабы нам затем облегчить действия отдельных крейсеров на второстепенные пункты и пути. Но лучше, если эти пункты будут внезапно и строго секретно избираемы флагманами, в момент надобности, предварительно же намеченные, могут быть открыты неприятелем.

Морское международное право, про которое можно сказать, что оно, в своих существенных чертах, продиктовано Англиею и обеспечивает только одни ее интересы, вопреки всякой справедливости и человеколюбия, закрывает нам пользование нейтральными портами для военных целей. Такое постановление нарушает в сущности главные основы международного права:

1. Беспристрастие нейтрального, к каждому из воюющих.
2. Неизменность отношений, к каждой из сторон.
3. Увеличивает бедствия, причиняемые войною.

Постараюсь быть краток в объяснении этого положения. Практикующееся правило условного закрытия портов, взамен того, чтобы производить одинаковое влияние на обоих воюющих, идет совершенно и исключительно в пользу сильного и в ущерб слабого, так как для последнего такое стеснение гораздо тягостнее, чем для первого и точно также оно дает огромное преимущество государству, обладающему многими колониями и не имеющему никакой надобности прибегать к содействию нейтральных портов. Не имеющие же колоний, вследствие этой меры, часто совсем лишены возможности даже воевать с сильным противником, до такой степени эта мера пристрастна, что конечно не согласуется, с основаниями международного права, неизменность отношений к каждой из сторон также нарушается. Сильный противник, не пользуясь нейтральными портами по ненадобности, дает возможность нейтральному, не вынужденному делать какие-либо ограничения — сохранить свои отношения без изменений с таким государством; по отношению же к слабому совершенно обратно — еще вчера он мог всем запасаться у нейтрального, строить корабли, машины, пушки; завтра по объявлении войны, этот нейтральный откажет ему во всем. Сделает это он под предлогом самого резкого софизма, что на основании равноправности обоих воюющих сторон, он одинаково поступает с обоими. Но это только на словах — в действительности же, первому он не отказывает, потому что тот его ни о чем и не спрашивает, тогда как второму он отказывает в том, чем тот всегда от него пользовался. Первый в услугах нейтрального и надобности не имеет, второй без них не может обойтись.

Ясно, что нейтральный, поступил бы вполне справедливо, приняв обратное решение, т. е. оставя без всяких перемен свои сношения с каждым из воюющих.

Сохранив все их права мирного времени, без исключения, что в действительности и составляет понятие о нейтралитете, по международному праву.

[4]. Настоящими правилами закрытия портов для воюющих увеличи-

ваются бедствия войны, вопреки чувств человеколюбия, чрез напрасное, громадное истребление судов. Слабый воюющий, при закрытии нейтральных портов, вынужден жечь и топить все призы, чего бы не было при открытых портах и таким образом была бы сохранена частная собственность на громадные суммы, а бедствия войны такую практикою нейтральных, в действительности были бы много уменьшены, чего конечно и требует по существу международное право.

Так как возложенное на меня поручение непосредственно относится до снабжения углем и избрания опорных пунктов для наших судов, то я счел своим долгом представить свои соображения и относительно положения этого вопроса по действительному международному праву, хотя и несогласному с практикующимся и взглядами теоретиков-космополитов, полагая, что таковое решение этих вопросов существенным образом обеспечит успех военного крейсерства.

Ввиду секретности поручения мною отказано в просьбе г. Миклухо-Маклай выдать копию снятых карт и промеров, равно как ему и к[апитан]-л[ейтенанту] Благодареву ничего не известно из настоящего донесения. Рапорт на мое имя последнего при сем имею честь представить.

Во время всех посещений островов, равно как и в продолжении всего плавания, я пользовался весьма существенными услугами и содействиями г. Миклухо-Маклай по исполнению поручения, в чем я ему очень обязан. Его знание местных языков чрезвычайно облегчало наши сношения с дикарями. Сведения, полученные на островах о их посетителях европейцах, получены все от него. Встреча с ним в Батавии, устранившая надобность в особом командировании Наездника, вынудила его потерять пользование билетом на проезд до Сиднея и как теперь он высажен в Маниле, то я нашел справедливым выдать ему из экстра-ординарных сумм 320 доллар. на проезд до Сиднея, порта его пребывания. О чем Вашему превосходительству имею честь донести.

Контр-адмирал Н. Копытов

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, № 2185 (1882), лл. 21—42

№ 15

Рапорт командира корвета «Скобелев» капитан-лейтенанта В. В. Благодарева командующему отрядом судов в Тихом океане контр-адмиралу Н. В. Копытову

2 апреля 1883 г.

1) Порт Константин в бухте Астролябия широта $5^{\circ} 29'53''$ «S»^{ая} долгота $145^{\circ}48'53''$ «O»^{ая} описан корветом «Витязь», в 1871 году. План № 1084.

Бухта Астролябия вследствие своих приглубых берегов совсем не имеет пригодных для якорей стоянки судов, за исключением порта Константин. Порт этот образуется небольшим, очень неглубоко вдающимся в материк заливом, протяжением более 2-х кабельтовых, защищенных небольшим плоским песчаным мысом от SO и отчасти N^{xx} ветров; но он совершенно открыто для NO^a, который может развести волнение. Якорная глубина в $19\frac{1}{2}$ сажень находится за мысом и на столько близка к берегу, что корвет при 58 саженьях каната едва мог заворотиться, и единовременно более одного судна стоять в порте не может.

Климатические условия этого порта, насколько при кратковременной в нем стоянке можно было судить, скорее неблагоприятны — вследствие самого положения своего закрытого высокими, близко к берегу распо-

ложенными, горами материка, но не только не может освежаться случайными ветрами, но скорее представляет собою котловину, в которой собираются все вредные испарения и миазмы лесистых густозаросших берегов. Туземцы — племени папуасов — несколько деревень которых расположены вблизи берегов порта, — кажутся людьми очень мирных наклонностей, и отнеслись к корвету крайне дружелюбным образом, вооружены они примитивного вида луками с деревянными стрелами и деревянными же копьями. Наружный вид туземцев, из которых очень многие страдают накожными болезнями и покрыты какою-то коростой, еще более убеждает в неблагоприятности климатических условий этой местности. Из провизии можно у них достать только кокосов и небольших свиней, но этих последних вряд ли в значительном количестве, так как офицеры, съезжавшие на берег видели их в деревнях туземцев очень мало.

Вообще устройство склада угля или каких-либо других предметов в порте Константин встретит большие, вряд ли преодолимые препятствия, так как не только выгрузка на берег каких-либо вещей, но даже и высадка людей, вследствие бурунов, представляет значительное затруднение. Защита порта постановкою мин или другие сооружения не осуществляемы, вследствие открытого положения порта.

2) Порт Алексей в бухте Астролябия на представленном плане расположения в $5^{\circ}4'6''$ «S» широты и $145^{\circ}48'20''$ «O» долготы в архипелаге О-ов «Довольных Людей» и 26-ти милях к северу от порта Константин. Положение и направление означенных островов нанесено на плане корвета «Витязь» № 1084 неверно и на представленном теперь плане исправлено.

Идя с севера первых островов этой группы есть о[стро]в Сегу, между которым и материком хорошо заметен входной пролив шириною в два кабельтова.

О[стро]в Сегу кораллового образования, как и все острова этого архипелага, низменный и покрытый густою растительностью, тянется по меридиану на протяжении 4-х миль и продолжается к S в том же направлении длинным коралловым рифом, заграждающим вход в порт.

За островом Сегу, между ним и материком находится хорошая и вместительная якорная стоянка, которой и воспользовался корвет. На представленном плане обозначены банки, глубины, острова и бухты рейда, из последних западная бухта отличается своими глубиной, хорошим местоположением и величиною; может вместить до десятка больших судов. Просторный рейд порта вполне защищен от всех ветров и волнения, так что якорная стоянка на нем совершенно спокойна, но с другой стороны низменные острова архипелага, хотя и покрытые густою растительностью, не преграждают собою свободного движения воздуха, который здесь, насколько можно было заметить, значительно чище и легче, чем в порте Константин, и можно с некоторою уверенностью предположить, что вообще климатические условия этой местности гораздо лучше других пунктов Новой Гвинеи. Единственный недостаток порта, о котором надо сожалеть, — это отсутствие хорошей пресной воды, так как вода в впадающей в порт с материка речки имеет болотистый и несколько солоноватый вкус. Туземцы о[стро]ва того же племени и характера, что и туземцы порта Константин, но говорят другим языком; имеют одинаковое с первыми вооружение и также встретили корвет очень дружелюбно, оказывая даже некоторые незначительные услуги по указанию местностей. Вид их гораздо чище и здоровее, чем туземцев порта Константин, что также может служить указанием

на более благоприятный климат. Из числа провизии здесь можно достать тоже что и в порте Константин. В Западной бухте или на одном из островов рейда можно без больших затруднений устроить довольно удобный склад угля или каких-либо других запасов. Небольшим числом мин в проливе входа — Порт Алексей делается недоступным для неприятеля.

3) Nares Harbour на о. Admiralty план № 769 расположена в $1^{\circ}55'10''$ S широты и $146^{\circ}40'51''$ O долготы. Вход на рейд от W т. е. огибая восточную сторону о[стро]ва Observatory хорошо обозначается лишь за 5; глубины выставлены на плане верно, и путь рейда до якорного места (на меридиане W^{0a} части о-ва Wild) совершенно чист, промер доведен только до о-вов, ограждающих его с W^{0a} , а потому без точного и подробного промера, потребоющего времени, нельзя сказать существует ли вход на рейд от W^a , тем более что все острова окружены рифами и бурунами. Рейд этот не может быть признан вполне удобным и хорошим для стоянки нескольких судов как по своему небольшому размеру, так и по совершенно открытому положению. Климатические условия можно предполагать лучшими Новой Гвинеи, но будучи расположены почти на экваторе, они должны изобиловать дождями. Туземцы, явившиеся в довольно значительном числе уже не так дики, как гвинейцы, видимо они были посещаемы судами, они просили табак, а человека три из них знало по английски несколько слов; офицеры на берегу видели даже в одной хижине ружья. У туземцев на разные мелочи выменивали кокосы и таро, и они еще предлагали сушеный трепанг. Устройство здесь каких-либо складов вряд ли возможно, как вследствие отдаленности берега для выгрузки и высадки, так и в виду полной невозможности какой бы то ни было системы защиты этих совершенно открытых берегов.

4) Рейд о[стров]а Loor в группе о-вов Hermit, план № 769, в широте $1^{\circ}31'S$ и долгота $145^{\circ}4'O$.

Вход на рейд был бы о[чень] удобен, если бы рифы и ворота в них были обозначены точнее — а то при входе неожиданно между глубинами 20, 27 и 30 и более саженей находятся в 6 и 7 саженей. На пути по рейду до якорного места также найдены две банки (нанесенные на представленном плане). Якорное место вместо 15 саженей найдено в 30 с. При этих условиях рейд вряд ли можно до более точной описи, считать пригодным для захода военных судов средних размеров, а тем более для военных целей. Климатические условия одинакового географического положения с островами Admiralty. Туземцы, прибывшие на корвет тотчас по его приходе, очень дружелюбно предлагали в промен кокосы, таро и черепаху — они видимо привыкли к меновым торговым отношениям. Говорят, что на одном из островов поселились двое белых торговцев и небольшие шхуны заходят сюда за черепахою, раковинами и трепангом. Устройство складов не представляет удобств ни по качествам рейда и берегов, ни по условиям их защиты.

5) Острова Pelew, или Palao, план № 1103, в широте 7° N и долготе 134° O.

Корвет подошел с северо-восточной стороны о-ва Baobeltaob к Woodin passage и не найдя прохода, несмотря на посланные для промера шлюпки, стал на якорь у наружной границы рифа в 7 милях от берега и ближе не подходил. Вследствие этого, равно и кратковременной стоянки, трудно высказать какое-либо мнение о пригодности островов для устройства складов с военными целями. Но так как о-ва лежат в полосе пассатов, то представляют более удобств, как в климатическом, так и в крейсерском отношении. О-ва посещаются часто тор-

•говыми шхунами и изредка военными судами. На одном из островов, Саггоге, живет несколько белых торговцев.

Кап[итан]-лейт[енант]
Благодарев.

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, № 2185 (1882), лл. 63—66

ЛИТЕРАТУРА

1. Бриллиант В. А. Картографическая история открытия Новой Гвинеи,— «Известия Государственного географического общества», 1939, т. 71, вып. 1—2, стр. 196—204.
2. [Благодарев В. В.] Извлечение из рапорта командира корвета «Скобелев» капитана-лейтенанта Благодарева,— «Морской сборник», 1883, № 4, стр. 1—4, 19—22.
3. Вальская Б. А. Борьба Н. Н. Миклухо-Маклая за права папуасов Берега Маклая,— сб. «Страны и народы Востока», вып. I, М., 1959, стр. 130—148.
4. Вальская Б. А. Некоторые неизданные документы Миклухо-Маклая,— «Известия Всесоюзного географического общества», 1946, т. 78, вып. 5—6, стр. 561—574.
5. Вальская Б. А. Проект Н. Н. Миклухо-Маклая о создании на островах Тихого океана русской вольной колонии,— сб. «Австралия и Океания (история и современность)», М., 1970, стр. 36—52.
6. Грумм-Гржимайло А. Г. Н. Н. Миклухо-Маклай на фоне современной ему эпохи,— «Известия Государственного географического общества», 1939, т. 71, вып. 1—2, стр. 43—159.
7. Журнал заседания Совета РГО, 28 октября 1869 г.,— «Известия РГО», 1869, т. V, вып. 8, стр. 229.
- 7а. Журнал заседания Отделения географии физической, 20 ноября 1869 г.,— «Известия РГО», 1870, т. VI, вып. 1, стр. 273.
8. Журнал заседания Совета РГО, 29 апреля 1870 г.,— «Известия РГО», 1870, т. VI, вып. 6, стр. 147—151.
9. Журнал заседания Совета РГО, 31 марта 1872 г.,— «Известия РГО», 1872, т. VIII, вып. 2, стр. 73—77.
10. Журнал общего собрания РГО, 9 февраля 1872 г.,— «Известия РГО», 1872, т. VIII, № 1, стр. 58—62.
11. [Копытов Н. В.] Извлечение из рапортов командующего отрядом судов в Тихом океане контр-адмирала Копытова Главному начальнику флота и Морского ведомства,— «Морской сборник», 1883, № 1, стр. 7—13; № 4, стр. 13—19.
12. Миклухо-Маклай Н. Н. Автобиография,— Собрание сочинений, т. IV, М.—Л., 1953, стр. 427—435.
13. Миклухо-Маклай Н. Н. Заметка о климате Берега Маклая на Новой Гвинее,— Собрание сочинений, т. III, ч. II, М.—Л., 1952, стр. 305—306.
14. Миклухо-Маклай Н. Н. О пребывании на берегах Красного моря,— «Известия РГО», 1869, т. V, вып. 7, стр. 279—287.
15. Миклухо-Маклай Н. Н. Письма контр-адмиралу Н. В. Копытову с корвета «Скобелев»,— Собрание сочинений, т. IV, М.—Л., 1953, стр. 241—242, 243—244.
16. Миклухо-Маклай Н. Н. Письма М. Н. Миклухо-Маклаю с корвета «Скобелев»,— Собрание сочинений, т. IV, М.—Л., 1953, стр. 242—243, 244—245.
17. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо А. А. Мещерскому 17 марта 1876 г.,— Собрание сочинений, т. IV, М.—Л., 1953, стр. 132—133.
18. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо секретарю РГО 27 сентября 1869 г.,— Собрание сочинений, т. IV, М.—Л., 1953, стр. 26—28.
19. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо Ф. Р. Остен-Сакену 13 марта 1870 г.,— Собрание сочинений, т. IV, М.—Л., 1953, стр. 32—33.
20. Миклухо-Маклай Н. Н. Третье посещение Берега Маклая,— Собрание сочинений, т. II, М.—Л., 1950, стр. 582—595.
21. План Западного берега бухты Астролябии, на северном берегу острова Новой Гвинеи. По описи офицеров корвета «Витязь» под командою кап. 2 ранга Назимова в 1871 г. и офицеров корвета «Скобелев» под командой кап. 2 ранга Благодарева в 1883 г. Издан Гидрографическим департаментом Морского министерства в 1885 г.
22. План порта Великий князь Алексей в бухте Астролябии. По описи, произведенной офицерами корвета «Скобелев» в 1883 году. Издан Гидрографическим департаментом Морского министерства в 1885 г.
23. Miclouho-Maclay N. N. Eine zoologische Excursion an das Rothe Meer, 1869,— «Petermann's Geographische Mittheilungen», 1870, Bd 16, IV, стр. 124.

И. С. Вдовин

СЛЕДЫ АЛЕУТСКО-ЭСКИМОССКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТИХООКЕАНСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ КАМЧАТКИ

Поиски связей алеутской культуры с культурами раннего населения тихоокеанского побережья Сибири, в частности Камчатки, находят себе оправдание прежде всего в идее азиатского происхождения алеутов. Попытка систематизировать и обобщить имеющиеся по этому вопросу сведения и составляет основную задачу данной работы.

Алеуты вместе с эскимосами представляют одну языковую и культурную общность. Вопрос об эскимосском влиянии на северо-восточных палеоазиатов в известной мере уже разработан.

На наличие эскимосских элементов в культуре северо-восточных палеоазиатов (чукчей, коряков, ительменов) в свое время указывали В. Г. Богораз и В. И. Иохельсон. Так, В. Г. Богораз отметил, в частности, влияние эскимосов на антропологический облик северо-восточных палеоазиатов. Он считал, что «можно говорить прямо об эскимосской этнической струе в самом составе чукотской группы народностей» [2, 357]¹.

Сопоставляя основные элементы материальной и духовной культуры чукчей, коряков, ительменов и эскимосов, В. Г. Богораз пришел к выводу, что «материальная и духовная культура чукоч и коряков, а также отчасти камчадалов обнаруживает глубокие следы эскимосского влияния [2, 356]².

В. И. Иохельсон также признавал глубокое эскимосское влияние на развитие культуры коряков. Их влияние он находил в религиозных представлениях и в материальной культуре коряков, в связи с чем высказал предположение, что между коряками и эскимосами в какой-то минувший период существовало непосредственное соприкосновение. «Где и когда оно имело место,— писал он,— этот вопрос остается до сих пор открытым» [38, 359]. К сожалению, оба исследователя палеоазиатов северо-востока мало уделили внимания этой проблеме. Выявлению и исследованию элементов эскимосской культуры, степени их проникновения в культуру чукчей и коряков посвящена специальная работа автора данной статьи [6].

¹ Исследованиями советских антропологов эти предположения подтвердились [см. 9, 114].

² Более подробные и конкретные указания относительно общих черт материальной культуры чукчей, коряков и эскимосов см. [28]. Общие черты духовной культуры чукчей, отчасти коряков и эскимосов специально отмечены в работе В. Г. Богораз-Тана «Чукчи», ч. II. Религия [3, 27, 29, 46, 61, 66, 68, 69, 84, 95—97 и др.].

Намного меньше сделано для выделения алеутских элементов в культуре населения тихоокеанского побережья Камчатки. Собственно, поиски в этом направлении только начинаются.

В связи с поисками решения вопроса о путях заселения Американского материка рядом ученых высказывалось мнение, что гряда Алеутских островов была одним из вероятных направлений, по которому шли культурные связи Азии с Америкой. Ф. де Лагуна [40, 3], Х. Б. Коллинз [30] и другие авторы нашли общие элементы культуры, прослеживаемые на Курильских островах и Камчатке, с одной стороны, и на Алеутских островах — с другой. К числу таких общих элементов они относили некоторые формы наконечников поворотных гарпунов, костяные наконечники стрел без зубцов, овальной формы каменные светильники (лампы), охотничьи светильники со специальным отверстием (ушком), вход в жилище через проем в кровле и некоторые другие. По мнению Х. Б. Коллинза, культурные связи Алеутских островов с Камчаткой совершенно очевидны.

Таковы в общих чертах основные итоги исследований проблемы культурных связей Камчатки и Алеутских островов.

К настоящему времени наукой накоплены новые археологические, этнографические, лингвистические и другие данные, которые позволяют на более широком материале поставить проблему историко-культурных связей северо-восточных палеоазиатов, в частности ительменов и коряков восточного побережья Камчатки, не только с эскимосами, но и с алеутами. Следы алеутско-эскимосского влияния на эти коренные народы Камчатки прослеживаются в материальной культуре, в их антропологическом облике, в прикладном и изобразительном искусстве, в языке и топонимике, в некоторых обычаях.

Уже раскопки В. И. Иохельсона на восточном побережье Камчатки [13; 35] дали ряд предметов, почти абсолютно сходных с аналогичными предметами, найденными им же при раскопках на Алеутских островах [36]. Следует отметить лабрет, которые были найдены при раскопках около с. Сероглазка на Камчатке [13, вып. 4, 352, № 2163]. Как известно, ни древние, ни современные ительмены не пользовались такими украшениями. В то же время внешний вид найденных на Камчатке лабрет оказался сходным с некоторыми из найденных на Алеутских островах.

На берегу оз. Налычева, также на Камчатке, был найден, как писал В. И. Иохельсон, «обломок маленького наконечника из обсидиана, подобный алеутскому хирургическому ланцету» [13, вып. 4, 355]³.

Однако еще большее сходство, притом в деталях, обнаруживают каменные лампы (жирники-светильники), найденные на Камчатке и на Алеутских островах. Они одинаковы не только по форме. На Камчатке и на Алеутских островах, как правило, все каменные лампы имеют вытянутые формы: яйцеобразную, усеченную эллипсообразную. В отличие от эскимосских и чукотских алеутские и ительменские каменные лампы не имеют внутренних перегородок. Кроме того, некоторые камчатские и алеутские каменные лампы имеют на одном из концов специальное ушко (отверстие), которое предназначалось, как писал В. И. Иохельсон, для прикрепления к носу байдара или к нарте⁴. Этой деталью еще больше усиливаются общность и сходство алеутских и ительменских каменных ламп. Интересно отметить в этой связи, что нос байда-

³ Хирургический ланцет алеутов опубликован: [36, 60, fig. 60].

⁴ Формы каменных ламп с Камчатки см. [35, табл. 14, 15], а сходные с ними по форме лампы, найденные на Алеутских островах, см. [36, табл. 18].

ры у чукчей называется ээк, т. е. лампа-светильник (жирник). То же значение в названии носа байдары и у сибирских эскимосов.

В таком же плане подтверждения реальных связей древнего населения Камчатки с алеутами высказывается и Н. Н. Диков. По мнению этого исследователя, видимо, во II тысячелетии до н. э. «своеобразные фигурные скребки и ножи, а также продолговатые острообушковые шлифованные тесла широко входят в быт на Камчатке и оттуда распространяются на Алеутские острова» [11, 11]. Лабрет, найденная им во втором слое Ушковской стоянки, «имеет уплощенную с боков шляпообразную форму и поразительно напоминает наиболее крупные образцы подобных мужских губных украшений как у алеутов, так и у эскимосов» [11, 12—13]. Кроме того, на берегу бухты Тарья, где археологические раскопки производились уже неоднократно, были обнаружены проколки, которыми делали отверстия в губах для лабрет [11, 13].

Наличие целого ряда находок, притом из разных мест, и не только самих лабрет, но и проколов для них, видимо, исключает элемент случайности и достаточно убедительно свидетельствует о распространении в прошлом на восточном побережье Камчатки украшений алеутско-эскимосского типа.

По мнению Н. Н. Дикова, этим не исчерпывается сходство в материальной культуре древнего населения Камчатки с алеутами. Некоторые конструктивные особенности землянки на берегу Ушковского озера «напоминают подземные жилища ительменов», и в то же время четырехугольная форма ее с закругленными углами «сопоставима также с древними округлыми землянками алеутов» [11, 12; ср. 17, 374; 8, т. II, 204—205].

Некоторое сходство обнаруживается и в летних шалашах алеутов и ительменов. Согласно С. П. Крашенинникову, ительмены на лето сооружали около балаганов наземные жилища, деревянный остов которых крыли травой. Такие жилища у них назывались «бажабаж». Не случайно это название было перенесено русскими промышленниками (вместе с ними было много ительменов) на летние жилища алеутов, которые также покрывались травой и назывались русскими «барборка» [8, 207; 17, 377].

Еще одним примером несомненных заимствований, в частности коряками, от алеутов является байдара. Корякская байдара по внешнему облику и конструктивно значительно отличается от байдар эскимосов и чукчей, но удивительно совпадает по форме, очертаниям кормы и носа и ряду других деталей с алеутской байдарой. Корякская и алеутская байдары в отличие от чукотской и эскимосской имеют полукруглые нос и корму, они более широкие и плоские, имеют другую конфигурацию днища. Помимо того, на алеутской и корякской байдаре имеется одна общая деталь — двурогое устройство на носу, через которое проходил линь гарпуна, вонзенного в добычу, что также отличает эти байдары от эскимосских и чукотских⁵.

Показательным в плане связей алеутов с коряками и ительменами восточного побережья Камчатки служит также использование теми и другими растительных материалов для плетения циновок, корзин, мешков и веревок. Плетение алеутов более совершенно и разнообразно, чем корякское. И тем не менее некоторые виды корзин, мешков и циновок коряков [21, 51, 110, 112, 113; 39, 630—645] имеют очевидное сходство

---

⁵ Данные об алеутской байдаре см. [8, т. II, 228; 32, 21], о корякской байдаре см. [14, 122; 39, 534, рис. 80].

с алеутскими⁶ как по форме, так и по технике исполнения, по используемым для плетения материалам (например, колосняк — *Elymus mollis*) и по строго геометрическим формам орнамента (зигзаги, полосы, прямоугольники).

По данным С. П. Крашенинникова, ительмены из колосняка плели циновки, которые «вместо ковров и занавесов употребляют». Лучшие из них «бывают с шахматами или другими фигурами, которые китовыми мелко разделенными усами выплетаются». Самое интересное в его сообщении то, что ительмены плели из травы «епанчи во всем подобные нашим старинным буркам» [17, 237]. Дело в том, что накидки из травы плелись и алеутками еще в начале этого столетия и использовались как верхняя одежда [37, 60].

Совершенно идентичным было, по-видимому, плетение «в косу» травяных веревок коряками и алеутами. Автору настоящей работы пришлось видеть такие веревки у коряков на месте старых поселений в бухте Карага и в заливе Корфа в устье р. Илирваам (Култушная). Они сходны с теми веревками, которые применялись алеутами, в частности, для обвязки мумий, найденных А. Грдличкой на о-ве Кагамил [34, 188].

Как видим, элементы общности у алеутов с коряками и ительменами прослеживаются во всем комплексе плетения.

В прошлом алеуты применяли тот же способ добывания огня — путем применения лучкового прибора, — как ительмены и коряки. «А некоторые, — сообщал в 1768 г. капитан Левашов об алеутах, — достают огонь и деревом, на подобие как сверлом вертят» [23, 102].

Некоторые сходные черты прослеживаются у древних алеутов с ительменами и в приемах приготовления пищи. Как отметил тот же Левашов, «мясо морских зверей, рыбу и коренья варят в сделанных из травы мешках, наподобие кулей рогозинных» [23, 128], очевидно, при помощи раскаленных камней, как то делали еще в начале XVIII в. ительмены.

Не менее убедительные подтверждения продолжительных, устойчивых и тесных контактов между алеутами и населением тихоокеанского побережья Камчатки дают изобразительное искусство и орнаментика этих народов. Подробные и обстоятельные исследования в этой области проведены С. В. Ивановым [15, 16]. Он привлек большой материал, что и дало ему возможность сделать ряд обоснованных выводов об историко-культурных связях этих народностей. Мы коснемся лишь некоторых из них.

При рассмотрении искусства северо-восточных палеоазиатов и алеутов обнаруживается поразительное сходство в манере изображения животных алеутами и коряками при серьезном различии с их ближайшими соседями (эскимосами для алеутов и чукчами для коряков). Коряки и алеуты изображают животных, в частности оленя, самих по себе, вне окружающей их среды, пейзаж почти полностью отсутствует, нет даже линии земли или моря, нет и перспективы [см. 15, 513—514]. В корякских коврах на черном фоне делались белые квадратные «окна», внутри которых размещалось силуэтное изображение оленей [15, 516, № 1]. Тот же прием находим у алеутов. Рисунки на алеутском луке [15, 482] расположены также в белых «окнах», где даны также силуэтные изображения оленей. Важно отметить, что при сравнении этих изображений прослежи-

⁶ Алеутские корзины хранятся в МАЭ: 4104—99, 100, 102; 337—4, 7; 2868—236, 237, 238 и др.

вается удивительное сходство в трактовке поз животных, в деталях рисунка головы и т. п. То же следует сказать относительно изображений оленей, собак (волков?) на древке алеутского дротика [15, 480]. Они выполнены в той же манере, что и корякские. Эти изображения животных, исполненные коряками и алеутами в XIX в., когда уже никаких связей между этими народами не было, настолько сходны и общи, что определить сразу, какое изображение принадлежит алеутам и какое корякам, без внимательного изучения почти невозможно.

В исследовании об орнаменте народов Сибири С. В. Иванов приходит к заключению, что «орнамент народов Крайнего Северо-Востока и алеутов имеет много общего, несмотря на различия в материале и технических приемах» [16, 169]. У тех и у других он «очень мелкий и строго геометрический по своим формам. Узоры отличаются простотой» [16, 170]. Исследуя приемы обработки кости и дерева, С. В. Иванов отмечает, что такие приемы, как линейная и мелкоямчатая резьба по кости, распространенная у алеутов, широко применяются также коряками, чукчами, азиатскими эскимосами и ительменами. Резьба с подцветкой известна только у алеутов и ительменов, циркулярная резьба — у алеутов, коряков, чукчей и азиатских эскимосов.

Точно так же совпадает ряд технических приемов при обработке дерева у северо-восточных палеоазиатов и алеутов [16, 173—174]. С. В. Иванов отмечает, что орнамент оседлых коряков, чукчей, в значительной мере ительменов и обнаруживающий близость к ним орнамент алеутов восходят к основе древнеэскимосского орнамента [16, 175]. Все же наибольшее сходство и совпадение наблюдаются в орнаментальных мотивах алеутов и коряков. Некоторые из них встречаются только у этих двух народностей и не наблюдаются у чукчей и азиатских эскимосов. Это вертикальные линии, увенчанные кружком с точкой, колеса со шпорами [см. 16, 177—180; 29, 127; ср. 16, 179, № 6, 7, 10, 11]. Весь комплекс резного орнамента коряков, как полагает С. В. Иванов, связан с искусством эскимосов и алеутов.

Много общего между алеутами и населением тихоокеанского побережья Камчатки прослеживается и в технике орнаментирования. Это аппликация (алеуты, коряки, ительмены), накладные швы с использованием шейного оленьего волоса (коряки, алеуты, ительмены). Не случайно также, по мнению С. В. Иванова, является и связь декоративных швов с техникой плетения корзин и циновок, которая «особенно заметна у алеутов и коряков» [16, 207].

Вряд ли такое единство целых комплексов орнаментального искусства алеутов и орнаментального искусства коряков и ительменов можно рассматривать как явления случайные или конвергентные. Об этом говорят и другие факты.

Брачные обычаи алеутов имеют ряд черт, которые сближают их с коряками и ительменами. Общим для тех и других было отсутствие экзогамных норм брака, многоженство, временное поселение жениха в доме невесты с целью отработки за будущую жену. У всех этих народов такая отработка могла продолжаться несколько лет.

Вот как описывает брачные нормы и обычаи алеутов И. Вениаминов: «Вступление в брак возбранялось только единоутробным, другое же никакое родство и никакие причины не могли быть препятствием к тому» [8, т. II, 76]. После сватовства жених год или два должен был промышлять зверей в пользу родственников невесты, жить в селении невесты [8, т. II, 75]. «Многоженство не воспрещалось» [8, т. II, 77]. «Тамошние народы имеют у себя жен по две и по три», — писали Лазарев и Васютинский в 1764 г. [см. 1, 131].

А вот что писал С. П. Крашенинников о коряках: «Жен берут наиболее из своего роду, двоюродных сестер, теток и мачих, токмо не женятся на матерях, на родных дочерях, на родных сестрах и на падчерицах». Жениху «должно работать за невесту от 3 до 5 лет». «Коряки жен имеют по 2 и по 3» [17, 458].

Касаясь брачных обычаев ительменов, С. П. Крашенинников отмечал: «Запрещенные роды супружества токмо мать да дочь, а пасынкам мачих, вотчимам падчериц, братьям двоюродных сестер в жены брать позволяется» [17, 436]. «Когда камчадал пожелает жениться, то, высмотря себе невесту обыкновенно в другом, а не в своем острожке, переселяется жить туда... несколько времени работает, показывая удалство свое и проворство» [17, 434]. «Камчадалы имеют жены по две и по три, которых иногда содержат в одной юрте» [17, 436].

При сравнительном изучении погребальных обрядов алеутов, оседлых коряков и ительменов прослеживаются некоторые общие элементы, одни из них можно рассматривать как древние следы пребывания алеутов на Камчатке, другие — как следы отдаленного их влияния на ительменов и коряков. Погребальный обряд алеутов отличался рядом особенностей как от народов северо-западного побережья Америки, так и от народов северо-восточного побережья Сибири. Алеуты покойников помещали в погребении в сидячей позе, при этом их поверх одежды обертывали в кожи или циновки и крепко обвязывали, подтянув колени к груди. В некоторых случаях строили специальные гробницы («бараборки»). Тело умершего вскрывали, вынимали внутренности, на место их клали сухую траву и зашивали. Некоторых покойников клали в пещеры. Как отметил И. Вениаминов, «бедных и обыкновенных людей клали просто в вырытую яму, но также сидя» [7, 11].

С этим фактом как-то перекликается весьма интересное сообщение Н. Н. Дикова. Во время раскопок на восточном побережье Камчатки им обнаружены остатки весьма древнего погребения. «Захоронение совершено было в круглой, выдолбленной в твердом грунте яме» [12, 6]. Очевидно, погребенный был также в сидячей позе.

Черты общего сквозят и в древнем обряде захоронения ительменов и алеутов. Как писал С. П. Крашенинников, «камчадалы умерших загребают в землю одетых в платье, которое они носили, а сверх обшитых в чирел, т. е. в травяную рогожу» [17, 697]. Это общее — для ительменов и алеутов — завертывание покойника в циновки или кожи было в какой-то мере известно и корякам. В фольклоре коряков-алюторцев имеется указание на то, что умершего завернули в шкуры лахтака и обвязали ремнями.

Интересно в этой связи отметить, что алеутское слово *улякиг* «погребение» весьма близко слову *улювык* «погребать», «засыпать могильную яму», «засыпать вообще», которое имеется в ряде диалектов корякского языка и в чукотском языке.

Возможно, что Вениаминов был не совсем точен при описании погребальных обрядов алеутов. Имеется также более позднее указание на то, что алеуты обычных людей сжигали, а мумифицировали и хоронили чем-то особенно выделявшихся при жизни алеутов [25, 161]. Если это сообщение верно, то мы получаем еще одно подтверждение очевидных следов взаимовлияния алеутов и коряков. Коряки покойников, как правило, сжигали.

Помимо прямых свидетельств связей между алеутами и обитателями тихоокеанского побережья Камчатки можно привести и ряд косвенных из области, например, той же материальной культуры. Коряки и ительмены, как и алеуты, добывали тюленей отгоном, т. е. они пре-

граждали путь к воде находящимся на лежбище нерпам и тут их убивали.

Любопытным свидетельством сходства алеутов с коряками и в приемах и орудиях охоты, в средствах передвижения по морю служит карандашный рисунок коряков, изображающий охоту на тюленя [39, 726, fig. 246]. Его преследуют семь охотников на семи байдарках. Охотник с первой байдарки бросает в тюленя гарпун. Прием охоты, орудия, байдарки — все это очень походит на охоту алеутов на бобра. Такого способа охоты на тюленей не зарегистрировано ни у азиатских эскимосов, ни у чукчей.

У алеутов, подобно северо-восточным палеоазиатам и сибирским эскимосам, были в употреблении костяные заступы, которыми, видимо, пользовались для выравнивания и отгребания земли при постройках жилищ [22, 159, табл. 1, 2; 36, 89, pl. 26, № 36]. Общими или весьма сходными были у них рыболовные крючки и способы добычи рыбы на море.

Во время осенне-зимних праздников, которые были у алеутов и коряков, и те и другие в увеселительных целях пользовались деревянными масками. У тех и других в импровизированном представлении принимали участие по два человека [8, т. II, 86; 38, 81—86]. Среди алеутов и коряков широко была распространена игра с бесконечной ниткой, которую в определенном порядке надевали на пальцы рук, добываясь получения изображения (условного) какого-нибудь предмета, фигуры животного, птицы и т. п. В этом случае интересно то, что у алеутов и коряков таким путем создавались одни и те же фигуры, например: 'река', 'сеть', 'узел', 'мережа', 'невод', 'корзина' и др. [37, 64, fig. 23]⁷.

Подтверждение алеутско-корякских и частично алеутско-ительменских связей находим в языках этих народностей. В этой связи интересно отметить некоторые параллели, которые прослеживаются в лексике алюторского и карагинского диалектов корякского языка и в алеутском языке.

Алеутский язык⁸

alak — нет, не имеется
akilig — опасность, то, что угрожает несчастьем или смертью
ang — да, подлинно, так точно
ang-ang — ox!
angan — дух
apaa — мать
kalikaq — письмо, бумага, пестрина
kala — дно сосуда
kilikdaq — пуп
taga — ну! берисы
ciguq — песок
cauaq — бубен
yakaam — представление наряженных в особые одежды и маски

Алюторский и карагинский диалекты корякского языка

алла — нет, не имеется
ак'алтын — враг, противник
ан' — да, подлинно (только в женском произношении)
ан'и - н'и — ox!
ан'ан' — божество, дух
аня — бабушка
каликал — бумага, письмо, пестрина
калтыкал — дно сосуда
килкал — пуп
тугук! (побудительное междометие) — берисы! начали!
сгэй — песок
йайай (йарар) йайар — бубен
оккамак (уккумак) — деревянный столб, на верхнем конце которого бырезано лицо человека

⁷ Такую же игру мне приходилось наблюдать в 20-х годах у коряков-карагинцев.

⁸ Примеры алеутского языка заимствованы из работ: [7; 8; 33; 35; 36; 37; 38; 39].

үлякиг — погребение	представляющего «хранителя селения» и установленного где-нибудь на окраине улювык — погребать, засыпать могильную яму, засыпать вообще
ketax' — кета kamaq — глубоководная морская рыба	к'этак'эт — кета камак — земляной жук; русалка, заманивающая в воду людей и уносящая их в море (мифологический персонаж ительменов [см. 20])

Серьезные доводы в пользу алеутско-корякских и алеутско-ительменских связей находим в некоторых фонетических особенностях этих языков. Языкам и диалектам северо-восточных палеоазиатов (чукотскому, корякскому и ительменскому) свойственна одна фонетическая особенность — наличие гортанно-смычной фонемы, которая обычно предшествует гласным фонемам. В алеутском языке имеются три гласные фонемы: а, i, u, все они могут сопровождаться гортанным смычным звуком («with a deep laryngeal intonation» [36, 129]), т. е. а^Е, i^Е, u^Е. Аналогичную систему распространения гортанного смычного звука имеем в ительменском, корякском и чукотском языках. Интересно отметить сходство некоторых особенностей употребления гортанного смычного в алеутском языке и в карагинском диалекте корякского языка, где гортанно-смычный иногда произносится как h. В. И. Йохельсон отметил два произношения ряда алеутских слов, в частности: i^Еnux и hi^Еnux «светильник». Аналогичное явление наблюдается в карагинском диалекте корякского языка, говорят а^Еt^Е an и hathan «собака» и т. п.

В алеутско-корякских связях, по всей видимости, следует искать объяснение происхождению названия *алеут*. Самоназвание их — *унанган*. Как видно, оно никак не связано с их современным названием. Неоднократно предпринимавшиеся попытки объяснить происхождение этого названия представляются малоубедительными⁹.

Впервые название *алеут* встречается в русских документах в 1747 г., т. е. после второй экспедиции В. Беринга. Как известно, переводчиками в этой экспедиции были коряк и чукча. По-видимому, они и дали это название унанганам. Современное слово *алеут, алеуты* — русская адаптация чукотско-корякского слова, в основе которого лежал корень *э'лев/а'ляв* «обматывать вокруг объемный предмет», «связать», «обвязать» [5].

Возникает вопрос: когда впервые появилось название *алывытылбын* (корякское) — во время экспедиции В. Беринга или раньше? В этой связи необходимо хотя бы вкратце изложить одно историческое предание коряков-алюторцев. Речь в нем идет о событии 1715 г. Датируется оно так точно по русским документам [19, 53—56, 73—80]. На берегу залива Корфа находился корякский Алюторский острожек. Его жители отличались воинственностью и непримиримостью с соседями. В 1715 г. при участии юкагиров и при помощи коряков соседнего Култушинского острога казаки обложили Алюторский острог. После нескольких недель осады жители этого острога ночью бежали из него на двух байдарках.

⁹ Обстоятельную сводку различных точек зрения по этому вопросу дал Л. С. Берг в книге «Открытие Камчатки и экспедиция Беринга» [12, 225 и др.].

Первоначально они остановились на о-ве Карагинском. Однако и там не ужились. Покинули этот остров и двинулись далее на юго-восток Алявытыльэты, т. е. на Командорские острова. Так гласит это предание. Возникает вопрос: откуда у коряков-алиуторцев появилось название *Алявытыльэты* «Командорские острова», если до экспедиции В. Беринга (1741 г.) алеуты и Алеутские острова не были известны? Быть может, рассказ о бегстве коряков-алиуторцев к Алеутским островам в 1715 г.—позднейшее добавление к этому преданию? Для такого утверждения нужны доводы. А если их нет, то можно предположить, что алеуты были известны корякам-алиуторцам еще до того, как русские начали свои плаванья к востоку от Камчатки. На самом деле, откуда же у коряков и ительменов такие яркие следы алеутской культуры, в том числе и языковые заимствования?!

Таким образом, перед нами оказывается целая система общностей, развившихся, видимо, в результате непосредственных связей алеутов с народами тихоокеанского побережья Камчатки.

Очевидно, были правы Г. В. Стеллер [41, 73] и С. П. Крашенинников, полагавшие, что «американцы (так Г. Стеллер называл алеутов.—И. В.) имели некогда с камчатскими народами сообщение» [17, 179]. Как известно, мнения об азиатском происхождении алеутов придерживался И. Вениаминов [8, т. I, 108]. Его поддерживал Л. И. Шренк [26, 261]. Никто из современных ученых, кажется, не оспаривает принципиальной стороны решения этого вопроса, т. е. азиатского происхождения алеутов.

Следы их культуры обнаружены и на о-ве Сахалин. На основе исследования ряда неолитических стоянок в южной и средней части Сахалина Р. В. Чубарова пришла к интересному и важному выводу. В результате сравнительного изучения собранных ею материалов наметились реальные связи Сахалина с Алеутскими островами, Камчаткой и областями распространения эскимосских культур. Эти связи Р. В. Чубарова прослеживает в комплексах предметов каменного и костяного инвентаря, в орнаментике (по кости), в керамике и др. [25]. Следовательно, и эти данные служат подтверждением существования в прошлом непосредственных связей алеутов с Сахалином.

В дополнение к сказанному нужно привести еще одно свидетельство. Раскопки на Охотском побережье, Хоккайдо, Сахалине и Курильских островах дали массу общего материала, который принято называть охотской культурой [27, 1]¹⁰. Основную характеристику хозяйственных занятий носителей этой культуры составлял морской зверобойный промысел. В ряде традиций носителей этой культуры прослеживаются связи с алеутами. Так, на Хоккайдо и на Курильских островах были найдены лабрет [27, 10]. Погребения на Сахалине и Хоккайдо в некоторых деталях напоминают алеутские. Тела здесь погребались в согнутом положении, которое придавалось в результате специального связывания покойника. Весьма важны выводы японских антропологов Кодама и Ито. Обобщая данные краниологических обследований мужских черепов с Хоккайдо (Майоро), Кодама пришел к заключению, что население Майоро (охотское побережье Хоккайдо) произошло от алеутов и что оно совершенно отличается от айнов [27, 11]. Это категорическое утверждение оспаривается авторами цитированной статьи, однако и они признают, что Кодама и Ито «по меньшей мере показали достаточно близкое сходство между населением Майоро и обобщенными эскимосско-алеутскими племенами» [27, 12], а не айнами.

¹⁰ Изложение содержания этой статьи дано в рецензии Р. С. Васильевского [4].

Таким образом, следы алеутско-эскимосской культуры, и в частности, элементы ее алеутского варианта, прослеживаются не только на Камчатке, но также и на Хоккайдо, Сахалине и Курильских островах.

Комплекс вышеизложенных фактов дает достаточно серьезные основания предполагать, что некогда предки алеутов были обитателями западного побережья Хоккайдо, видимо, Курильских островов и, несомненно, восточного побережья Камчатки. Это предположение подтверждается также исследованиями последних лет Ю. А. Мочанова [18] и Н. Н. Дикова [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Берг Л. С. Из истории открытия Алеутских островов,— «Землеведение», т. XXVI, вып. 1—2, 1924, стр. 114—132.
- 1а. Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, М.—Л., 1946.
2. Богораз В. Г. Древнейшие элементы в языке азиатских эскимосов,— сб. «АН СССР, академику Н. Я. Марру», XXV, М.—Л., 1935, стр. 353—357.
3. Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II. Религия, Л., 1939.
4. Васильевский Р. С. Новые данные по древним культурам северной части Тихого океана,— «Известия Сибирского отделения АН СССР, серия общественных наук», вып. I, Новосибирск, 1966, стр. 131—135.
5. Вдовин И. С. К вопросу о происхождении названия «алеут»,— сб. «Страны и народы Востока», вып. VI, М., 1968, стр. 101—106.
6. Вдовин И. С. Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков,— «Сибирский этнографический сборник», вып. III. «Труды Института этнографии. Новая серия», т. XIV, М.—Л., 1961, стр. 27—63.
7. Вениаминов И. Записки об Алеутских островах и калошах, СПб., 1840.
8. Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела, т. I, II, СПб., 1840.
9. Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области,— «Труды Института этнографии. Новая серия», т. XVII, М., 1951.
10. Диков Н. Н. Древнейшие культуры Камчатки и Чукотки. Автореф. дисс. на соискание ученой степени докт. ист. наук, Новосибирск, 1971.
11. Диков Н. Н. Каменный век Камчатки и Чукотки в свете новейших археологических данных,— «Труды Северо-восточного комплексного научно-исследовательского института», вып. 8, Магадан, 1964, стр. 5—27.
12. Диков Н. Н. Открытие палеолита на северо-востоке Сибири,— сб. «Вопросы советского Дальнего Востока (Тезисы докладов и сообщений на IV Дальневосточной научной конференции)», вып. II, Владивосток, 1965, стр. 5—6.
13. Иохельсон В. И. Археологические исследования на Камчатке,— «Известия РГО», т. 62, вып. 3, 1930, стр. 199—242; вып. 4, стр. 351—384.
14. Историко-этнографический атлас Сибири, М.—Л., 1961.
15. Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в., М.—Л., 1954.
16. Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник, М.—Л., 1963.
17. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, М.—Л., 1949.
18. Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения Северо-Восточной Азии и Аляски (К вопросу о первоначальных миграциях человека в Америку),— «Советская этнография», 1969, № 1, стр. 79—86.
19. Памятники сибирской истории XVIII века, кн. II, СПб., 1885.
20. Паньков Д. Герои северных легенд,— «Корякский коммунист», 9.II.1958.
21. Попов А. А. Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия,— «Сборник МАЭ», т. XVI, М.—Л., 1955, стр. 41—146.
22. Руденко С. И. Культура доисторического населения Камчатки,— «Советская этнография», 1948, № 1, стр. 153—179.
23. Соколов Ал. Экспедиция к Алеутским островам капитанов Креницины и Левашова в 1764—1769 годах,— «Записки Гидрографического департамента Морского министерства», ч. X, СПб., 1852, стр. 70—103.
24. Тед Бенк П. Колыбель ветров, М., 1960.
25. Чубарова Р. В. К истории древнейшего населения Сахалина,— «Советская этнография», 1957, № 4, стр. 70—75.
26. Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края, т. I, СПб., 1883.

27. Befu Harimi, Chard Chester S. A Prehistoric maritime culture of the Okhotsk Sea,— «American Antiquity», 1964, vol. 30, № 1, стр. 1—18.
28. Bogoras W. The Chukchee, vol. I. Material culture, New York, 1904.
29. Clark Donald W. Incised Figurine Tablets from Kodiak, Alaska,— «Arctic Anthropology», 1964, vol. 2, № 1, стр. 118—134.
30. Collins H. B. Archeology of St. Lawrence Island, Alaska,— «Smitsonian Miscellaneous Collections», 1937, vol. 96, № 1.
31. Collins H. B. Outline of Eskimo prehistory,— «Smithsonian Miscellaneous Collections», vol. 100, 1940, стр. 533—592.
32. Durham Bill, Canoes and Kayaks of Western America, Seattle, 1960.
33. Geoghegan R. H. The Aleut Language, Washington, 1944.
34. Hrdlička Aleš, The Aleutian and Commander Islands and their Inhabitants, Philadelphia, 1945.
35. Iochelson W. Archaeological Investigations in Kamchatka, Washington, 1928.
36. Iochelson W. Archaeological Investigations in the Aleutian Islands, Washington, 1925.
37. Iochelson W. History, Ethnology and Anthropology of the Aleut, Washington, 1933.
38. Iochelson W. The Koryak, pt I. Religions and Myths, Leiden — New York, 1905.
39. Iochelson W. The Koryak, pt II. Material culture and social organisation, Leiden — New York, 1907.
40. Laguna F. de, The archaeology of Cook Inlet, Alaska, Philadelphia, 1934.
41. Steller G. W. Reise von Kamtschatka nach Amerika mit dem Comandeur-Capitän Bering. Neue Nordische Beiträge, B. 5, Sankt-Petersburg, 1793.

Г. А. Меновщиков

**ОБ ОДНОМ СХОДНОМ СКАЗОЧНОМ СЮЖЕТЕ
У ЭСКИМОСОВ, ЮКАГИРОВ, ЯПОНЦЕВ И ВЬЕТНАМЦЕВ**

В древних мифических преданиях аборигенных народностей Чукотки и Камчатки нашли широкое отражение фантастические представления людей первобытнообщинной формации о мироустройстве. Одним из главных культурных героев устного народного творчества ительменов, коряков, кереков, чукчей и азиатских эскимосов выступает ворон, выполняющий в ранних мифических преданиях этих народностей миссию создателя мира, людей, животных, небесных светил и т. д. Однако этой мирозданческой миссией ворон наделялся не только в районе северо-восточной оконечности Азиатского континента, но и в сопредельных областях Северной Америки, в Гренландии и далеко отстоящих отдельных странах Азии (Япония, Вьетнам) [см. 1; 2; 3; 5; 9; 10]. Сравнительное изучение мифических преданий и сказок о вороне и других общих персонажах в устном повествовательном творчестве аборигенов указанных районов свидетельствует о значительном сходстве отдельных сюжетов. Так, на значительной части данного ареала возникли и распространились также мифические предания о «создающей женщине», об обездоленном сироте и др.

Иными словами, одновременное бытование сходных мифических преданий с животными персонажами и широко развивавшихся на их основе сказок о животных у народов Северо-Восточной Азии и Северной Америки (эскимосов и северных индейцев) свидетельствует, по-видимому, не только о простом заимствовании отдельных сюжетов из этих жанров фольклора одной народностью от другой, но и о весьма длительном и сложном культурном взаимодействии и взаимовлиянии древнейших народов отмеченного района, в результате чего в их мировоззрении и художественно-познавательном творчестве возникло множество общих элементов, повлиявших на становление и последующее развитие сходных в сюжетном отношении мифов и сказок. Понятно, что этот многовековой процесс взаимной интерференции общих компонентов духовной культуры мог совершаться и при условии как постоянного, так и периодического контактирования, и в результате сходства природных и общественно-исторических условий жизни.

Между тем нет оснований утверждать, что полярные эскимосы области Туле в Гренландии, «открытые» для науки лишь в начале XX в., в известный нам по этнографическим и археологическим данным исторический период могли непосредственно контактировать с палеоазиатами Чукотско-Камчатского ареала, а также с японцами и вьетнамцами. Такое контактирование и взаимодействие априори могло иметь место

лишь в отдаленные исторические времена — до заселения человеком Североамериканского континента, когда в каком-то гипотетическом районе тихоокеанского бассейна формировались разноразличные дальневосточные азиатские племена и народы, жившие по соседству и находившиеся на сходном культурном уровне. Совпадающие условия общественной жизни и окружающей природы порождали сходные представления о мире, что и находило отражение в ранних формах устного художественного творчества, непосредственно вытекающего из ранних мифологических воззрений людей первобытнообщинной формации.

Это краткое введение понадобилось для того, чтобы объяснить интерес к одному сходному сказочному сюжету, обнаруженному мною у далеко отстоящих, разноразличных и совершенно различных по культурно-этническим признакам народов.

В 1948 г. от наукаских эскимосов, проживавших около мыса Дежнева, я записал несколько вариантов этимологической сказки о том, как Ворон и Сова друг друга покрасили. Сюжет этой сказки ранее не был зафиксирован в фольклоре народностей Чукотки и Камчатки. В предисловии к первому изданию эскимосских сказок в русском переводе [5] я указал даже, что эта сказка отмечена только у азиатских эскимосов. К такому преждевременному выводу меня привело не только то, что данный сюжет ранее не встречался в литературных источниках по фольклору других народов, но также и специфически эскимосская бытовая обстановка, в которой изображаются действия персонажей сказки. Вот перевод одного из эскимосских вариантов этой сказки:

Ворон и Сова

«Говорят, Ворон и Сова прежде белыми были. Встретились однажды они в тундре, и Ворон сказал: „Мы оба белые. Давай покрасим друг друга!“ Сова ответила: „Ну что же, давай попробуем, что получится“. Ворон, обрадовавшись, воскликнул: „Вот и прекрасно, начнем!“ Затем Ворон сказал: „Сначала ты меня покрась, потом я тебя!“ Сова ответила: „Но ведь ты первый предложил покраситься, так и начинай первым! Сначала меня разрисуй, а потом уже я тебя разрисую“. Ворон согласился: „Что же, пусть будет по-твоему: сначала тебя разрисую“. Взял Ворон плошку с черным отстоем от жирового светильника и начал старательно разукрашивать каждое перышко Совы пером из своего хвоста. На каждом перышке намалевал серые пятнышки: на крыльях — побольше, на груди и спине — поменьше. Кончив, сказал: „Ого, красавицей сделал я тебя! Посмотри же сама на себя!“ Сова оглядела кругом себя и ответила: „Правда, красивой я стала, с пятнышками“. Затем сказала: „А теперь я тебя красавцем сделаю, каким ты никогда не был. Приготовься!“ Ворон к солнцу повернулся, глаза прищурил и замер, чтобы Сова лучше его разрисовала. Сова тоже старательно Ворона разукрашивала, а он от радости даже не шевелился. Когда Сова закончила разрисовывать Ворона, осмотрела его со всех сторон. Затем хорошенько на себя посмотрела. Оказалось, что Ворон красивее ее стал. Рассердилась Сова, подошла к Ворону и облила его с головы до ног черным отстоем сгоревшего жира. Ворон сделался черным. Сова тотчас улетела. Протер Ворон глаза и закричал: „Когтистая, глазастая, что ты наделала! Черным сделала меня, заметным сделала меня!“ С тех пор Ворон черным стал, отстоем жирового нагара от светильника пропитался навсегда. Вот и вся моя сказка».

В другом варианте этой сказки Сова не разрисовывает Ворона, а сразу вероломно обливает его жировым отстоем светильника. Целый

ряд сюжетов о красящих друг друга Вороне и Сове отмечен в фольклоре канадских эскимосов [см. 10].

Совершенно случайно, а не в результате специального розыска в 1958 г. я обнаружил японский сюжет сказки о Вороне и Сове [8, 105]. В японской сказке отмечается то же этиологическое содержание: почему Ворон стал черным. Различие в сюжете в том, что Ворон здесь не красит Сову, а Сова, оказывается, была в старину красильщиком и разрисовывала птиц в разные цвета. По просьбе Ворона Сова берется покрасить его в самый небывалый цвет. Она сажает Ворона в горшок с черной тушью, и он становится неузнаваемо черным. Возмущенный Ворон упрекает Сову, которая пытается оправдаться. Обе птицы становятся врагами. Сова боится мести Ворона и потому прячется днем. Своеобразие японского варианта сказки в том, что Сова оказывается здесь профессиональным красильщиком, пользуется разными красками и черной тушью. Налицо национальный и социальный колорит сюжета сказки в современном ее звучании.

В том же году был опубликован сборник вьетнамского фольклора, в котором мы находим сказку под названием «Ворон и Павлин» [6, 176]. Здесь тот же этиологический сюжет: почему Ворон черный, а Павлин ярко-пестрый. Как и в эскимосском варианте, птицы обоюдно раскрашивают друг друга, только вместо эскимосской Совы — Павлин (отражение природных особенностей Вьетнама), а вместо жирового нагара от первобытного эскимосского светильника — черная тушь и набор специальных красок. Как и в японском фольклоре, этот древний сказочный сюжет у вьетнамцев претерпел влияние позднейшей культуры.

Сходный в некотором отношении сюжет древнейшей этиологической сказки мы находим в фольклоре полярных эскимосов области Туле в Гренландии [9, 43]. Там в качестве персонажей выступают человеческие дети, которые играют в кричащих на разные голоса птиц. Поглощенные игрой, они наполнили жиром чашу от светильника, и один из них, обмакивая в жировой нагар палочку, стал рисовать на другом пятнышки. За ними наблюдал взрослый человек. Он подполз к играющим и услышал, как уже разрисованный сказал: «Теперь позволь мне сделать то же самое». И начал разрисовывать пятнышками (под птицу) своего товарища, который в свою очередь сказал: «Позволь мне первому получить мою верхнюю шкуру». Тем временем человек подполз к ним еще ближе и напугал их. Один из малышей вылил на другого переполненную чашу с жиром. Облитый начал кричать «кар-кар», в то время как другой кричал «кех-кех». Таким образом, заканчивает рассказчик, первый стал Вороном и в будущем стал кричать «кар-кар», а второй — Ястребом и стал кричать «кех-кех».

Сходный с азиатско-эскимосским сюжет обнаруживается также у юкагиров в сказке «Как Ворон и Чомга красили друг друга» [см. 4, 48]. В этом случае сюжет мог быть заимствован одной народностью от другой в результате непосредственных в далеком прошлом или опосредованных (через чукчей) контактов. Возможен и более ранний путь возникновения и развития этого мигрирующего сюжета в гипотетической протопалеоазиатской этнической среде, откуда он получил свое распространение в связи с последующей миграцией племен на новые места обитания. Так или иначе, сюжеты о Вороне и Сове, а также перекликающиеся с ними сюжеты о Вороне и Павлине, о Вороне и Ястребе (региональные варианты) берут свое начало в древнейших мифических преданиях, которые могли возникнуть как параллельно у разных народов в связи с идентичными условиями общественного развития при одинаковом уровне духовной культуры в доисторическое время, так и

благодаря имевшим некогда культурным, военным, миграционным и другим контактам между народами различных районов Северо-Восточной Азии и Северной Америки. Что же касается конкретной этнической среды, в которой мог возникнуть, а затем распространиться у соседских народов архетип этого сюжета, то при современных знаниях общественно-исторического и культурного развития народов Северо-Восточной Азии и Северной Америки, учитывая отсутствие по данному ареалу древних письменных источников, назвать ее не представляется возможным.

Можно лишь сказать, что более определенным и устойчивым структурным элементом данного сказочного сюжета выступает его этиологическая основа: почему Ворон стал черным, а Сова — пятнистой. Эта этиологическая основа животной сказки свидетельствует о ее мифологических истоках. Стремление же к сохранению более полных и ранних форм сюжета данной животной сказки у эскимосов (обоюдное раскрашивание персонажей) и тенденция к усечению смыслового и структурного построения сюжета ради художественно-эмоционального эффекта у японцев (Сова — искусный красильщик, одностороннее раскрашивание) объясняются различием культурно-исторических мировоззренческих факторов, которые в эпоху гипотетических контактов могли совпадать.

Приведенный здесь образец сказки о Вороне и Сове (о Вороне и Павлине, о Вороне и Ястребе) с совпадающим у далеко отстоящих язычных и неодинаковых по культурному уровню и социально-общественному устройству народов (Северная Америка — Чукотка — Япония — Вьетнам) сюжетом должен нацелить фольклористов на необходимость сопоставительных и сравнительно-исторических изысканий в области устного художественного творчества данного ареала. Уход фольклористов в научных поисках за пределы своей области или народности может дать весьма плодотворные научные результаты в установлении закономерностей развития ранних форм устной художественной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беликов Л. В. Сказки о животных в фольклоре народностей северо-востока Сибири, — «Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 383, 1969, стр. 109—130.
2. Богораз В. Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, СПб., 1900.
3. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки, М., 1958.
4. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса, М., 1963.
5. Меновщиков Г. А. Предисловие, — «Эскимосские сказки», Магадан, 1958.
6. Сказки и легенды Вьетнама, М., 1958.
7. Эскимосские сказки, Магадан, 1958.
8. Японские сказки, М., 1958.
9. Holttved E. The Polar Eskimos. Language and Folklore, København, 1951.
10. Nungak Z., Arima E. Eskimo Stories, Ottawa, 1969.

Е. А. Крейнович

**ИЗ ЖИЗНИ ТУНДРЕННЫХ ЮКАГИРОВ НА РУБЕЖЕ
XIX И XX ВВ.,**

Натуральное хозяйство, в условиях которого жили тундренные юкагиры на рубеже XIX и XX вв., имело циклический характер, что обуславливалось главным образом сменой времен года. Однако систематического исследования годового кругооборота их хозяйственной деятельности не производилось. В специальной литературе по этому вопросу имеются лишь отрывочные данные. В. И. Иохельсон, самый крупный исследователь быта и языка юкагиров, изучал главным образом колымских юкагиров. Изучением тундренных юкагиров он занимался в течение января, февраля и части марта 1897 г. Из его первой работы, посвященной этой группе юкагиров, об их хозяйственной деятельности можно узнать следующее: «Главной пищей этих оленных людей служит рыба, добываемая... в реках Алазее и в Большой Чукочьей и в многочисленных озерах Тундры» [7, 12]. «Побочным источником питания служит охота на диких оленей. Главный промысел оленей производится весной по насту, когда олени из лесов направляются для летнего пребывания к морскому берегу или на острова. Тогда говорят юкагиро-тунгусы, слух дикого оленя притупляется. Зимой же промысел на него трудный: олень не подпускает к себе, он слышит шум на далеком расстоянии... Трудна также охота на оленя осенью во время любовного сезона. Летом тоже по временам удастся убить оленя на озере, куда он заходит, спасаясь от комаров, или подкрадываться к нему на тундре, ползая брюхом по мокрым мхам, ибо там нет деревьев, за которыми охотник мог бы скрыться во время частого оглядывания назад преследуемого оленя. Интересно указать, что тундренные охотники употребляют еще на охоте главным образом... лук и стрелы, в то время как у верхнеколымских юкагиров... мы уже находим почти исключительно кремневую винтовку» [7, 13—14]. «Значительным подспорьем в питании служит еще летом перелетная птица. Утки, гуси и лебеди убиваются всякими способами — стрелами, петлями и сетями, а во время линяния — просто палками» [7, 14].

В основной монографии В. И. Иохельсона о юкагирах также нет специального раздела, посвященного описанию их хозяйственной деятельности [14].

Новые факты об этой стороне жизни тундренных юкагиров сообщает И. С. Гурвич. «Некоторые данные для суждения о древнем хозяйстве юкагиров-оленоводов, — пишет он, — дают расспросные этнографические материалы, полученные нами у оленеводов Индигирки... юкагиры занимались главным образом охотой на диких оленей, переходя от границы

лесов к морю и обратно» [6, 37]. «Зимой охотники преследовали диких оленей на нартах, осенью охотились при помощи манщиков, летом загоняли небольшие стада диких оленей в озеро, где подстерегавшие их охотники приближались к ним на лодках и кололи их копьями» [5, 14]. «Главной пищей тундровых юкагиров все же была рыба, а не мясо. Летом и осенью в озерах и мелких речушках ставили сети из конского волоса. Часть членов семей оленеводов на сезон рыболовства оседала около озер. В связи с этим родственные семьи на лето объединяли оленей. Пушная охота сводилась к добыче песцов, лисиц и горностаев» [5, 149].

Таковы в сущности основные данные о хозяйственной деятельности тундренных юкагиров, известные из литературных источников.

В основу настоящей статьи положены материалы, собранные мною за период с 29 апреля по 27 июня 1959 г., во время работы в качестве языковеда в составе Комплексной юкагирской экспедиции Якутского филиала Академии наук СССР. Материалы собирались среди тундренных юкагиров селения Колымское, расположенного на левом берегу р. Колымы, напротив устья реки Омолона. Моим главным информатором был юкагир Николай Трифонович Трифонов. Встреча с ним сыграла большую роль в изучении тундренного диалекта юкагирского языка [10]. Отцом информатора был юкагир *Сақлэң*, что в переводе на русский означает «Сова». В 1959 г. ему было 105 лет¹. Это был красивый, стройный, крепкий человек, который еще занимался рыбной ловлей и охотой. Вместе со своей второй женой (70 лет) он самостоятельно вел свое хозяйство. Мать информатора *Аннаган* была эвенкой, разговаривавшей, однако, с мужем и с детьми по-юкагирски². В 1903 г. на реке *Лабунмэдэну* — Куропаточной реке, она родила двойню — Николая (моего информатора) и Варвару, которая до сих пор еще живет в Колымском. Варвару воспитывала мать, а Николай взял к себе на воспитание дед по отцу *Ласер*. Дед и бабка были чистыми юкагирами. Дед знал много юкагирских преданий, сказок, песен. Рассказав внуку что-либо, он требовал, чтобы тот в точности повторил услышанное. Видимо, эта тренировка развила память Н. Т. Трифонова, который до сих пор может отчетливо вспомнить все, о чем ему в детстве поведал дед, а также свидетелем чего он был сам.

От своего деда и других стариков Н. Т. Трифонов слышал, что некогда тундренные юкагиры жили не в этих местах, а где-то на юге, в верховьях рек, откуда затем бежали в тундру.

О своем дедушке Ласере и его младшем двоюродном брате одноглазom старике Антоне (песни которого приводятся здесь) Н. Т. Трифонов вспоминал всегда с душевной теплотой. Он рассказывал, что они были очень умные и высоконравственные люди, которых интересовала не только окружающая жизнь, но и вопросы мироздания. Н. Т. Трифонов помнит, что, когда он был маленьким, Антон пришел к Ласеру и спросил его, где находится конец земли. Ласер объяснил ему, что земля — остров, держащийся на воде, но Антон сказал, что не понимает, как это земля может держаться на ней. Тогда Ласер пояснил, что *қоҕа* 'бог' положил немного земли на утку (*уоқадия* — савку), а в середину земли — щуку и пустил все это плыть по воде. Потом все покрылось пылью,

¹ В пос. Колымское мне пришлось видеть еще одну долгожительницу — Марию Егоровну Ягловскую. Юкагиры говорили, что ей 120 лет.

² Юкагиры и некоторые эвенки, которые мне встречались, многоязычны. Они свободно владеют языками окружающих их народов. В детстве Н. Т. Трифонов разговаривал только по-юкагирски, затем овладел языками эвенским, чукотским, якутским, а в Ленинграде в Институте народов Севера — русским [см. также 5, 222].

и так земля стала. Однако Антон сказал Ласеру, что он не все понял. Этот рассказ, записанный по-юкагирски, замечателен тем, что изображает их пытливыми, задумывающимися над проблемами бытия, но в силу неразвитости опыта решающими их посредством воображения.

Совмещая лингвистические исследования с этнографическими, я просил Н. Т. Трифонова рассказывать мне на юкагирском языке о жизни юкагиров периода его детства. Меня интересовал главным образом годовой кругооборот хозяйственной деятельности тундренных юкагиров, а на фоне его — их общественная и духовная жизнь. Постепенно я разъяснял ему, какой круг вопросов меня интересует, чтобы настроить его память на соответствующие воспоминания. В результате мне удалось получить от него на юкагирском языке (а затем в порядке расспросов и на русском) некоторые этнографические сведения по интересовавшим меня темам. Наиболее важная часть этих материалов приводится в статье. Они даны в моем изложении, а в единичных случаях — в переводе. Последний заключен в кавычки.

Н. Т. Трифонов принадлежит к юкагирскому роду *Алажу*. Все рассказанное им отражает главным образом жизнь юкагиров этого рода. Прилагаемые к статье карта кочевий юкагиров этого рода, как и рисунки жилищ, выполнены Н. Т. Трифоновым.

Описание собранных данных начинаю с изложения некоторых сведений о социальных отношениях у тундренных юкагиров.

(1) Алајипэң эд'илпэги титэбани. (2) Н'иңэмд'ијил' јатакадэ элниэд'инунну, н'ин'анд'ирэң н'иэд'инунци. (3) Waj н'иңакајил'пэң н'иңкыэјил'пэң н'ин'анд'ирэ н'иэд'инунци. (4) Тада:т wiэнл'эпулн'эдэ эл'нин'анд'и: нунну, аман'эј эн'иэн'эдэ эл'нин'анд'инунну. (5) Титтэ т'удэвт'эбанэ нимэрэјд'и: элмэннунну. (6) Сабарэл'эд'и:бат элд'удэвт'эбат нимэриэ-нунци. (7) Таңнигинэ лүгујэд'и: монулпэги моринуну: (8) «Т'удэвт'э мэд'ил мэң'ан'ит'. (9) Конмэгист'элэдэ, т'удэвт'э мэд'уолдэ, эламутнэн эннун көдэң, эври мэјаба:нуни». (10) Таңуллэк моннуци — н'ан'ит' варинэң. (11) Мэт лэјтэјқанэ, појуол'э нимэдэмулэк ма:рқалл'эба эннунд'эли, қануојинунд'эли. (12) Ақ т'удэвт'э јанубајрэлэк эвриэнунд'эли, қануојинунд'эли, сабарл'э гөдэ мэралґамлалнуни. (13) Мит эд'ил н'ид'амбаға панули л'эј. (14) Ма:рқан т'уңрэлэк эвриэнунд'эли, ма:рқа т'у-ораскэ ит'уол. (15) Кинґа л'э — јawnэр лэгуј; кинґа л'э јawnэр мара:јэл'и, — јawnэр н'ид'амбаға. (16) Таңуллэк т'удэвт'эпул н'иланудэн н'иwaјт'энунци, та:т эд'илцин'. (17) Конмэгист'элэдэ, монуолдэ, н'иwal'мэд'уолдэлэк, н'аба т'амумунунци, н'аба лугумунунци, мит эд'ил та:т-пани.

«(1) Юкагиров (рода) *Алажу* жизнь (досл. жизнь их)³ такая была. (2) С младшим братом — младшей сестрой напрямик не говорят, со взаимным стеснением разговаривают. (3) Еще со старшими братьями и старшими сестрами со взаимным стеснением разговаривают. (4) Вот с друзьями взаимно не стесняются, с матерью, с отцом взаимно не стесняются. (5) Своих родных женящиеся люди не берут. (6) От посторонних людей, от не родных людей в жены берут⁴. (7) В то время как старые люди говорили, я слышал: (8) „Родственницу (досл. родственника) в жены

³ В круглые скобки заключены варианты перевода, либо слова, позволяющие лучше понять текст.

⁴ Отмечая «эндогамический характер брака у юкагиров», В. И. Иохельсон сообщает, что «сожитительство двоюродных братьев и сестер не считается грехом» [7, 22—23]. Между тем Н. Т. Трифонов утверждает, что это «грех крепкий», и говорит об экзогамном характере брака у юкагиров [см. также 2]. Случаи эндогамии, отмечаемые В. И. Иохельсоном, несомненно, являются исключениями и результатом распада экзогамии.

взять — грех. (9) Во-вторых, если родственницу взять, нехорошо живет человек, либо умрет⁴. (10) Поэтому сказывают — грех крепкий. (11) Как я помню, много домов воедино жили, кочевали. (12) Только родственники, собравшись, ходят, кочуют, постороннего человека мало бывает. (13) Наша жизнь во взаимной помощи стояла. (14) Одним умом ходили, в один котел смотрели. (15) У кого (что) есть — все едят, у кого что есть — все надевают, — все во взаимной помощи (живут). (16) Поэтому родственники в одну сторону (досл. во взаимную сторону) взаимно тянут, так к жизни (все делается). (17) Во-вторых, говорят, вместе родившись, вместе растем (досл. большими становимся), вместе стареем. Наша жизнь такая была».

В приведенном тексте большой интерес представляет термин «родня», «родственник» *т'удэшт'э* дословно 'мяса конец', 'мясной конец', 'мясное острие' (*т'ул* 'мясо', *эшт'э* 'конец', 'острие'; *игијэнэшт'э* 'конец ремня, веревки'; *т'обајэдэшт'э* 'острие ножа'), *мэт т'удэшт'э кэлул* 'мой родственник пришел'⁵.

Переходя к описанию родственной терминологии, употребляемой членами одного *т'удэшт'э* — рода (этот термин применяется нами условно, так как сущность данной юкагирской общности окончательно еще не выяснена), отметим прежде всего следующие слова:

Мужчины

пэлдудиз старик⁶
көдэ (ң) мужчина, человек
адил юноша
көд'эдуө мальчик⁷
уө дитя

Женщины

апанала:ң старуха
пајп женщина
марқил' девушка
пад'эдуө девочка⁸
уө дитя

ицијэдуө новорожденный

Этими словами обозначаются половые и возрастные различия между людьми. Отношения же родства и свойства выражаются следующими терминами:

қаит'иэ дедушка (отец мужа, отец жены)
ама: отец
ака акад'эң, којдиэ⁹, т'анмэ старший брат
эмд'эң младший брат
н'угэл сын брата отца
адуө сын
уодуө внук
т'умуот'иэ старший брат отца
от'идиэ младший брат отца
қашд'а старший брат матери

абут'иэ бабушка (мать мужа, мать жены)
эн'иэ, и:ша мать
экиэ, экиэд'эң старшая сестра
эмд'эң младшая сестра
н'угэл дочь брата отца
мақл'уө дочь
уодуө внучка
эпиэ старшая сестра отца
эшд'уо младшая сестра отца
т'амија старшая сестра матери

⁵ В значении «родственник» мною записаны еще слова: *т'измэјашул* (дословно 'кровяной след', *т'измэ* 'кровь', *јашул* 'след' и *савадэбал* (дословно 'край шкуры', *сава* 'шкура', *эбал* 'край'), *т'измэјашул (савадэбал)* *кэлул* 'родственник пришел'.

⁶ Корнем этого слова является, возможно, компонент *пэл-*, связанный с корнем глагола *пэл-* 'достигать' (ср. *пэл-у-м* 'достиг -он').

⁷ Из слов *көд'эдуө* 'мальчик' и *көдэ (ң)* 'человек' вычленяется корень *кө-* со значением мужской особи.

⁸ Из слов *пад'эдуө* 'девочка' и *пајп* 'женщина', 'самка' вычленяется корень *па-* со значением женской особи.

⁹ В. И. Иохельсон отмечает, что *којдиэ* — это исконный термин у юкагиров рода Алаји (Алазейский род), а *ака*, как и *экиэ*, заимствованы от тунгусов [14, рт 1, 69].

қағд'идиэ младший брат матери
пэлур муж
қағд'ал старший брат жены
т'умуот'иэп старший брат мужа

пул'ијэ зять
н'ајл уважительное обращение
 к родителям мужа или жены
кэл'ил чужой мужчина, женатый
 на родной сестре моей жены
 (уважительное обращение)

ја:диэ младшая сестра матери
миријэ жена
т'амијал старшая сестра жены
эпиэп старшая сестра мужа
ја:диэп младшая сестра мужа
и:диэ жена старшего брата
н'ајл жена младшего брата; же-
 на сына

н'ајнгөнмэ женщина, находящаяся
 замужем за родным братом
 моего мужа

Термины родства у юкагиров не могут еще считаться окончательно изученными и подлежат дальнейшему исследованию¹⁰.

Особо следует еще отметить слова, являющиеся формами обращения:

көнмэ (*ң*) 'друг' — слово, с которым супруги обращаются друг к другу. Так, например, в оригинале песни, перевод которой здесь приводится (см. стр. 82), говорится: *эл'ин јэѡлигимэң амад'имэң мэт көн-мэ Праскоѡја* 'сначала желанная, любимая моя жена (мой друг) Прасковья'.

Амаңа также *амуө* 'внучек' — слово, с которым старики обращаются к внуку (дед Ласер обращался к Н. Т. Трифонову, когда тот был маленьким, со словом *амуө* — вероятно, 'любимое дитя'; ср.: *амэд'ил* 'любить', *уө* 'дитя').

Эн'иңэ, также *ин'э:ј* 'внучечка' — слово, с которым старики обращаются к внучке.

Моңојд'и:(ң) 'замужняя женщина' (дословно 'шапочная'¹¹ или 'шапочные люди' — *т'и:(ң)* 'люди') — слово, с которым обращаются и которое употребляют, когда говорят о замужней женщине, хозяйке. Обращаться к ней (да и к любой женщине) со словом *пајл*, имеющим также значение 'самка животного', считается неудобным.

Теперь рассмотрим формы обращения между лицами, охватываемыми обычаем взаимного избегания, стеснения — *н'анд'ил*, о котором говорится в приведенном выше тексте. Он соблюдается не только между родными и двоюродными братьями, но и между братьями в отношении их жен, а между женами — в отношении братьев и мужей; невесткой — в отношении свекра, свекрови, и обратно; зятем — в отношении тестя, тещи, шурина, и обратно. Таким образом, обычай *н'анд'ил* подчиняет себе большое число родственников и свойственников, заставляя их держаться в твердых нормах общения друг с другом. Это находит отражение и в языке, и в других формах поведения. Обращаясь друг к другу, эти лица употребляют лишь личные местоимения множественного

¹⁰ Впервые термины родства тундренных юкагиров были описаны В. И. Иохельсоном [см. 8, 238—239; 14, 68—75]. В 1959 г. термины родства тундренных юкагиров исследовались мною в пос. Колымское. В 1963 г. они изучались в пос. Андрушкино на Индигирке юкагиrom Г. Н. Куриловым [см. 11]. Эти новые данные значительно дополняют термины родства, опубликованные В. И. Иохельсоном. Материалы, собранные мною и Г. В. Куриловым, в основном совпадают, что свидетельствует о единстве терминов родства у всех современных тундренных юкагиров.

¹¹ *Моңоң* 'шапка'. Современные шапки у тундренных юкагиров — чукотского типа. Старинные национальные шапки, по словам юкагиров, не имели донышка и были с отверстием сверху.

числа *тит* 'вы', а указательные местоимения — только в форме множественного числа (суффикс *-п*). Уже с раннего детства дети приучаются к тому, чтобы говорить друг другу *тит* 'вы', а не *тэт* 'ты' (но родителям и посторонним они говорят 'ты'). При ответе же на обращение 'вы' употребляются формы слов в единственном числе. (В скобках указаны показатели лица, присоединяющиеся в конце к глаголу.)

1. *Тит куодэң эн'мут?* 'вы же живете [вы]?' *амутнэң энд'эң* 'хорошо живу [я]'.

2. *Тит нэмэлэ шиэнуmk?* 'вы что делаете [вы]?' *өлд'элэ шиэну-мэң* 'лодку делаю [я]'.

3. *қадик кэwэјтэл?* 'который (из двух) пойдет (например, в стадо)?' *туңуп кэwэјңутэл* 'эти пойдут [они]' вместо *туңун кэwэјтэј* 'этот пойдет [он]' скажет отвечающий в отношении лица, охваченного для него обычаем *н'анд'ил*.

Примечательно, что в некоторых случаях суффикс множественного числа служит уже не формой выражения уважения, но средством образования новых терминов родства, ср.: *т'умуот'иэ* 'старший брат отца' и *т'умуот'иэп* 'старший брат мужа'; *ққwд'а* 'старший брат матери' и *ққwд'ал* 'старший брат жены'; *эпиэ* 'старшая сестра отца' и *эпиэп* 'старшая сестра мужа'; *т'амија* 'старшая сестра матери' и *т'амијап* 'старшая сестра жены'; *ја:диэ* 'младшая сестра матери' и *ја:диэп* 'младшая сестра мужа'. Отмечается, что словами на *-п* именуются только свойственники — братья и сестры мужа и жены. Многие термины родства оканчиваются компонентом *-иэ*, который является, вероятно, суффиксом со значением уменьшительности и ласкательности. Обращает на себя внимание также корень *қaw-*, встречающийся в терминах родства с женской стороны.

Кроме речевых имеются еще и другие запреты, связанные с обычаем избегания:

Брату и сестре запрещается сидеть рядом, есть из одной тарелки, пить из одной чашки, курить из одной трубки, показывать друг другу свою нижнюю одежду.

Брат с братом и сестра с сестрой могут сидеть рядом, но им запрещается спать вместе и прикасаться руками друг к другу.

И сестрам, и братьям запрещается сидеть рядом с женой брата.

Женам братьев запрещается вместе спать.

В случае смерти родного или двоюродного брата братья не могут жениться на вдове, но помогать оставшимся детям им разрешается.

Если вдова захочет выйти замуж, то она должна спросить на это разрешение у брата умершего мужа, но не у своего родного брата. Последний в этом случае не станет разговаривать с ней и даже прогонит ее. Если у умершего нет братьев, вдова должна обратиться к отцу своего бывшего мужа, но не к родному отцу. Раз женщину выдали замуж, она должна разговаривать только с той родней, куда ее отдали. С момента венчания она становится чужой для своих прежних родственников. Если отец состарится и будет нуждаться, он придет к сыну, а не к дочери. К последней он вправе прийти только в том случае, если у него нет родных сыновей.

Если родители умерли, то о замужестве сестры будут разговаривать с ее старшим братом. Если же остается одна дочь, то о ее замужестве будут разговаривать с кем-либо из родных отца.

После смерти родителей наследство переходит только по мужской линии к самому младшему сыну, если даже он младенец. Если мальчик постарше, у него спрашивают, с кем он хочет жить. Он может указать на брата или сестру и перейти к выбранному им лицу на воспита-

ние вместе со своим наследством. Если родных братьев и сестер нет, сироту вместе с наследством берет к себе родной брат отца или *н'угэл* 'сын брата отца'. Во всех случаях, когда сирота подрастет, наследство возвращается к нему.

Если после смерти родителей остается только одна девочка, то ее на воспитание берет к себе брат отца или сын брата отца вместе с принадлежащим ей наследством. Когда она вырастет и ее выдадут замуж, то вместе с ней будет дан калым, остальная же часть наследства останется у воспитателя. Видимо, у юкагиров хозяйство не должно выходить за пределы рода вместе с женщиной.

Жену сперва приводят к себе домой. Если же ее родственники требуют, чтобы зять перешел к ним или он сам изъявляет такое желание, то его родственники собираются и обсуждают вопрос, отпустить его или нет, а также выясняют, согласны ли его принять в другом *т'удэшт'э*.

Слово *нимэрэл* 'жениться' дословно означает 'приобрести чум' (*нимэ* 'чум', 'жилище'), *нимэтэл* 'женить' дословно 'снабдить чумом' (ср.: *мэт мэрилэрэжэ* 'я приобрел оленя', но *мэтқанэ мэрилэтэм* 'меня снабдил оленем'; *илэ* 'олень'). Как только молодые женятся, родители мужа стараются выделить его в отдельное хозяйство — снабдить чумом, оленями, нартой, утварью. Родители жены также помогают, но меньше.

Выделившись в отдельный чум, новобрачные представляют собой уже самостоятельную хозяйственную единицу.

В определенные периоды года, о которых будет сказано ниже, каждое семейство жило своей самостоятельной жизнью и кочевало некоторое время отдельно от других хозяйств. Однако когда приближалось время охоты на диких оленей, юкагиры собирались вместе и обсуждали вопрос об организации небольших временных групп во главе с *кэајад'-эдиэрум'э* 'передовым охотником' (или *т'омод'эдиэрум'э* 'большим охотником'). К последнему прикрепляли несколько семейств, о которых он обязан был заботиться, т. е. снабжать их оленьим мясом и оленьими шкурами¹².

Н. Т. Трифонов вспоминает, что их кочевая группа состояла из семи хозяйств:

1) Трифонов Трифон Трифонович и его жена Аннат'ан (умерла в 1921 г.), их дети: Николай, Варвара, Иван, Прокопий, Поја (девочка), Кондиэ (мальчик), Окона (мальчик), дедушка Ласер и бабушка — всего 11 человек. Дедушка часто жил отдельно и уезжал к своему двоюродному брату Константину.

2) Курилов Константин и его жена, их дети: Марья, Анна, Кристофор, Егор, их родственники: Гарулины Гавриил, Яков, Александр и Анна, Атласов Прокопий (отец моей помощницы Александры Прокопьевны Атласовой) и его дети: Марья, Степан, Кильтэ (дочь), старик Курилов Иван и его жена — всего 16 человек.

3) Лаптев Илья, его жена Акулина, их дети: Матрена, Марья, Анна, Николай и его жена (родители юкагира Афанасия Лаптева, получившего высшее образование в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена), старик Лаптев Николай — всего 8 человек.

4) Асласов Антон (имел один глаз), его жена, две замужние дочери и их мужья¹³, внучка — всего 7 человек.

¹² Такой же обычай отмечался и у колымских юкагиров [см. 9, 7—10].

¹³ И. С. Гурвич пишет, что у юкагиров «в род входили и кровные родственники по мужской линии, и родственники по свойству — зятья, шурины» [4, 250]. Однако там же он пишет, что «браки у тундренных юкагиров были патрилокальные» [4, 255]. Следовательно, род у юкагиров был патриархальный и зять никоим образом не мог входить в состав рода тестя. Так, например, у нивхов, имеющих патриархальный род, зять,

5) Асласов Ордион, его жена, трое сыновей, одна дочь — всего 6 человек.

6) Третьяков Иван, его жена, двое сыновей — всего 4 человека.

7) Трифонов Василий Трифонович (родной брат Трифопова Т. Т., дядя моего помощника), его жена, дочь — всего 3 человека.

Таким образом, в состав их кочевой группы входило 55 человек.

К сожалению, недостаток времени не дал мне возможности установить родственные отношения между лицами, входившими в состав этой кочевой группы, а также связь этого сообщения с нижеследующим, записанным мною от моего информатора позже.

Н. Т. Трифонов помнит, что во время его детства самым лучшим охотником в их кочевой группе считался юкагир Константин Курилов. Его помощником был отец информатора Трифон Трифонович Трифонов (*Сақлэң*). Когда Константин Курилов состарился, Т. Т. Трифонов стал передовым охотником. Его помощником был Егор Константинович Курилов. Кроме того, в его распоряжении находились охотники: Николай Никулин, Александр Гарулин, Иван Курилов, Прокопий Асласов и Яков Гарулин, который считался самым слабым охотником.

По-видимому, эти люди представляли собой своеобразное товарищество охотников, основанное на взаимной помощи, глубоком уважении к передовому охотнику и беспрекословном подчинении ему, хотя по возрасту он мог быть намного моложе других. Личные способности в данном случае, видимо, превалировали над возрастом. Охотники часто отдавали передовому охотнику даже свои пули (которые в то время было трудно доставать), так как предпочитали, чтобы стрелял бьющий без промаха, тем более что добыча была общей.

Передовой охотник действительно выступал как кормилец людей. После переезда от гундренных юкагиrow к колымским я записал в том же 1959 г. от жителя поселка Нелемное юкагира Егора Ивановича Шадрина (1904 г. рождения) историческое предание, которое начинается так: «Юкагиры на Коркодоне жили. Удалой юкагир один человек жил. Тех людей он кормил. Зимой сохатого убивает, кочует, ходит». Преследуя двух лосей, он попал на реку Поповку и там убил их. На Поповке ему встретились местные юкагиры, которые голодали, так как их передовой охотник ничего не мог добыть. Тогда последний задумал убить коркодонского охотника, напав на него ночью во время сна, забрать лосей и накормить ими своих людей, что и сделал. Потеряв своего удалого охотника, коркодонец едва дожиди до весны. Встретившись с юкагирами Поповки, они по одному обстоятельству догадались, что те убили их передового охотника. Тогда они наготовили стрелы, догнали убежавших поповцев выше горы *Пиэјобул* и вступили с ними в битву. На месте, называемом *Кобол*, они перебили всех поповцев, оставив только одного старика в живых. Это предание показывает, какое важное значение в экономике юкагиrow имел передовой охотник.

Если охотник убивал оленя зимой, он распарывал ему брюхо и вытаскивал из него кишки и желудок. Затем олень засыпался снегом, и возле него ставилось пугало, которое устрашало животных и указывало людям, где лежит добыча. Дорога к оленю хорошо была видна по снегу.

Если олень добывался летом, охотник снимал с него шкуру, распарывал брюхо, вытаскивал кишки, желудок, затем отрезал ноги и голову. Тушу укладывал на ветки. Чтобы не вытекла вся кровь, он по возмож-

---

отрабатывающий за свою жену, может жить у тестя (а следовательно, и находиться в роде тестя) годами, не становясь при этом членом его рода. Возможно, что подобное явление имело место и у юкагиrow.

носки затыкал отверстия травой. Голову укладывал мордой внутрь туши, чтобы рога торчали наружу. Потом он покрывал все мясо шкурой и края ее плотно засыпал землей. Затем на этом месте ставилось пугало.

«Юкагиры так же, как и эвенки (тунгусы) и эвены (ламуты), строго соблюдали обычай „нимат“. Сущность его, как известно, заключается в том, что охотник передает свою добычу — тушу оленя или лося — для дележа между членами стойбища кому-нибудь из стариков и пользуется только той частью, которая при этом выделяется ему лично. У юкагиров, по наблюдениям В. И. Иохельсона, промышленнику доставалась кроме части мяса голова убитого им оленя и шкура» [3, 251].

Однако, по сообщению Н. Т. Трифонова, первый олень, добытый перредовым охотником, отдавался самому старому человеку — старику или старухе, которые забирали себе шкуру, а мясо поровну делили между всеми. Одинаковую со всеми долю получал и сам охотник.

Если охотник убивал несколько оленей, то от каждого отрезал кусочек жира и клал в мешочек из оленьей кожи. Придя в чум, он молчал, так как говорить о добыче нельзя. Когда сядились есть, он, также молча, вытаскивал из мешочка кусочки жира и клал их перед матерью. По числу кусочков мать узнавала, сколько оленей он убил. Она отрезала от одного или двух кусочков маленькие отрезочки жира и бросала их в огонь. Остальные кусочки она отдавала самым старым жителям чума. Они тоже отрезали по дольке и бросали их в огонь¹⁴, а остальные возвращали матери. Когда заканчивалась еда, мать передавала все кусочки *сашэрэнд'эң* (от *сашасал* 'делить') 'распределителю'. Последний приходил к отцу охотника и выяснял у него обстоятельства охоты. Причем нельзя было говорить об этом прямо и потому употребляли некоторые подставные слова, о которых будет сказано ниже.

После разговора с отцом охотника *сашэрэнд'эң* распределял оленей по своему усмотрению, учитывая, кто что получил уже ранее. Распределитель имел у себя специальную палочку с несколькими гранями, на которых делал нарезки, отмечая, какой семье сколько оленей было выделено. Эта палочка называлась *т'уңд'эң* (от *т'уңул* 'считать').

Распределители выбирались на общем совещании юкагиров. В роде *Алаји* на 7—8 хозяйств избирали одного-двух распределителей. Свои функции они выполняли согласованно друг с другом и зимой, и летом. Если забой диких оленей в осеннее время был велик (о чем речь ниже), в помощь распределителям дополнительно выделялись люди¹⁵.

Во время охоты, как об этом уже было сказано, тундренные юкагиры употребляли некоторые подставные слова.

Так, вместо *пун'ил* 'убить' говорили *қанмиҕарэјл*, *эврэл* 'ходить', реже *шиэл* 'делать', *јуот'ил* 'посматривать', 'видеть': *нэмэлэ јуот'и-мэң?* 'что видел?' вместо *нэмэлэ пун'мэң?* 'что убил?'. Когда охотник возвращается с охоты, то у него спрашивают: *тэт нэмэҕа эврэк?* 'ты в чем (среди чего) ходил?' (так как спросить прямо 'кого убил?' нельзя). На такой вопрос охотник отвечает: *јарт'ибаҕа* (*т'улалҕа*, *өјэгэ-ба*, *талашҕа* и т. п.) *мэрэврэјэң* 'среди белок (горностаев, зайцев, ди-

¹⁴ «Старики и пожилые охотники нередко благодарят огонь после удачной охоты. В огонь бросают кусочки жира и обращаются к нему с просьбами и в дальнейшем даровать удачу» [5, 221].

¹⁵ Моя вторая помощница по изучению юкагирского языка, А. П. Атласова, отрицала, что у юкагиров были особые распределители, утверждая, что распределение добычи между семьями производил сам охотник. Однако Н. Т. Трифонов говорил мне, что она моложе его и могла не видеть того, что видел он, что все происходило именно так, как он рассказывал. Привлечь других лиц для решения этого вопроса у меня уже не было возможности. Должен указать, что Н. Т. Трифонов всегда признавал свою глубокую ответственность за сообщаемые им факты.

ких оленей и т. п.) ходил'. Когда летом происходил массовый забой обливавших гусей, то его называли *јаңрәшиэл* 'гусей делать' вместо *јаңрәпун'ил* 'гусей убить', 'гусей убиение'.

Вместо некоторых прямых названий животных употребляли подставные. Так, вместо *јәшлид'эң* 'теленок оленя' говорили *лајбэдо*: 'оставшееся дитя' (ср.: *лајэбоңол* 'в качестве остатка'); вместо *т'ул* 'мясо' (о туше дикого оленя) — *л'ил*; вместо *л'ит'уоркэң* 'важенка (самка олень) — *моңоји* 'шапочная' (ср.: *моңоң* 'шапка'); вместо *талахэң* 'дикий олень' — *т'эн'т'эрукун* 'интересная вещь'. Для обозначения дикого оленя употребляли также и другие слова с описательным значением: *моңој урупэ* 'шапкокривые' (ср.: *ју:рон'* 'кривой'); *энмунјурупэ* 'рогокривые' (*энмур* 'рог', *-пэ* — суффикс множественного числа); вместо *кун'эң* 'двухлетний олень' говорили *эврэнд'эң* 'ходящий'; вместо *итэнкэн* 'четырёхлетний олень-самец' — *итэн*; вместо *н'уоркэнт'ан* 'пятилетний олень' — *н'уоркэн*.

Волка — *надаң* — не следовало называть прямо; видимо, для того чтобы не привлечь его к стаду домашних оленей, о нем говорили описательно: *эврэјрукун* 'нечто ходящее', *эврэлдафи* 'тот, который ходит', *қағлид'эң* 'страшный', 'могучий', *қағдидиэ* 'младший брат матери'.

Медведя — *қажт'иэ* — называли *торон'элдафи* 'тот, который черный'; лося — *торојэфа* (корень слова *торо-* восходит к значению 'черный') — *т'итнэугурт'энилдафи* 'тот, который имеет длинные ноги'¹⁶.

О крупных птицах также говорили описательно: *ујэнд'эрукун* 'вещь (нечто), имеющая крылья'. В сущности лебедь называется описательно: *н'амид'иткэ* 'шеедлинный' (ср.: *н'амил* 'шея', *т'итнэј* 'длинный', *-кэ* — словообразовательный суффикс)¹⁷.

Все эти образные замены прямых названий были вызваны стремлением скрыть от животных намерения охотников, так как, по убеждению людей с анимистическим миропредставлением, которое свойственно юкагирам, животные понимают человеческую речь.

У юкагиров есть глагол *аңтэл* 'испортить охоту словом'. Так, например, если кто-нибудь прямо скажет перед тем как охотник пойдет на охоту: *торојэфа пундэ, т'онд'э кэт'ик мэтин'* 'если лося убьешь, сало (жир) принеси мне', а охотник в этом случае лося не убьет, тогда он придет и скажет: *мэтул мэраңтэмэк* 'меня оговорил' (погубил охоту словом).

Характерно, что подставных слов для рыб у тундренных юкагиров нет. Это говорит о том, что они были исконными охотниками, но не рыболовами. У последних, например у нивхов (гиляков), рыбы во время лова называются иносказательно. Встречающиеся в литературе сообщения, что основной пищей тундренных юкагиров была рыба, должны быть признаны верными лишь относительно того периода, когда из мест обитания этого народа ушли стада диких оленей и ему волей-неволей пришлось переключиться на рыболовство.

Об этом же говорит и история орудий юкагиров. Их исконными орудиями были сложный лук, стрелы с копьевидными, раздвоенными или тупыми костяными наконечниками, пальма (*т'омод'обајэ* 'большой нож') и копье, которое, по словам деда Ласера, юкагиры будто бы заимствовали у чукчей. Из рыболовных орудий им была известна только костя-

¹⁶ О табу слов у верхнеколымских юкагиров см. [8, 16—17].

¹⁷ Юкагирское верхнеколымское *jomis'ome* 'лебедь' (в моих записях, сделанных в 1959 г. в пос. Нелемное, — *jomis'ume*; *t'* (ѣ) и *s'* выступают в верхнеколымском как одна фонема) А. Шифнер правильно этимологизирует как 'большая шея' (от *jomit* 'шея', *ѣтой* 'большой') [см. 15, 440].

наяуда. Сети и морду они, по словам деда Ласера, переняли у якутов. «Подледного промысла, — сообщает В. И. Иохельсон, — древние юкагиры не знали, сетей не было» [9, 7]. Следовательно, нетрудно сделать вывод, что исконной едой юкагиров было мясо, а не рыба.

Что касается оленеводства юкагиров, то оно у них никогда не было исконным и не являлось ведущей формой хозяйства, как у оленных чукчей и ненцев. «Оленеводство юкагиров сходно с оленеводством эвенских групп; группы [же] юкагиров, соседящие с чукчами, заимствовали от них нартовую упряжку» [1, 76]. Заимствование оленеводства от эвенов подтверждается и данными языка [10, 247—248].

Для того чтобы отчетливо представить себе основную линию хозяйственной деятельности древних тундренных юкагиров, необходимо ограничить их оленеводство от охоты на диких оленей. Последняя была основой всей их экономики. Даже пути их кочевий от края леса на север и обратно полностью обуславливались миграцией диких оленей. Дело в том, что зимой олени жили в лесах, а летом уходили на север, в тундру, к многочисленным озерам, где находили обильную пищу и спасались в воде от гнуса, комаров и оводов. На этом фоне становится понятной и роль оленеводства в жизни тундренных юкагиров. Оно было для них важнейшим вспомогательным средством, позволявшим им кочевать вслед за дикими оленями.

Рассмотрим теперь пути кочевий рода *Алаји* по крайнему северу.

Каждый род — *т'удэшт'э* — мог кочевать и охотиться только в пределах определенной территории, называемой *у:нубэ* 'место хождения'. Северный край ее, доходивший до Восточно-Сибирского моря, назывался *т'ашулбат пэнд'ибэң* 'место (многократного) возвращения с моря', а южный — *са:рут пэнд'ибэң* 'место (многократного) возвращения с леса'. Такие названия могли дать лишь кочевники. Кочевать и охотиться на чужой охотничьей территории запрещалось. Случаи нарушения этого правила обсуждались стариками обеих сторон. Обычно хозяева забирали оленя, убитого на их территории, себе.

Род *Алаји* кочевал в пределах следующей территории (см. карту на стр. 67). Топонимические названия даются в направлении с севера на юг:

Западная граница территории

Т'ашул Восточно-Сибирское море
Мид'ирпэјдэну даңил Устье Новой реки

Лајуолэл муоқоткэ Озеро Последний большой чир [чир—рыба]

Орд'элал муоқоткэ Озеро Средний большой чир

Кэајалал муоқоткэ Озеро Передний большой чир

Н'а:шэј нэдэну иинир јалбил Озеро у истоков Белой реки¹⁸

Лајуолэл нэрилэ Последние ветренные уступы гор

Муоқоткэ Большой чир

Восточная граница территории

Т'ашул Восточно-Сибирское море
Јарқэја: Озеро, с которого никогда не сходит лед

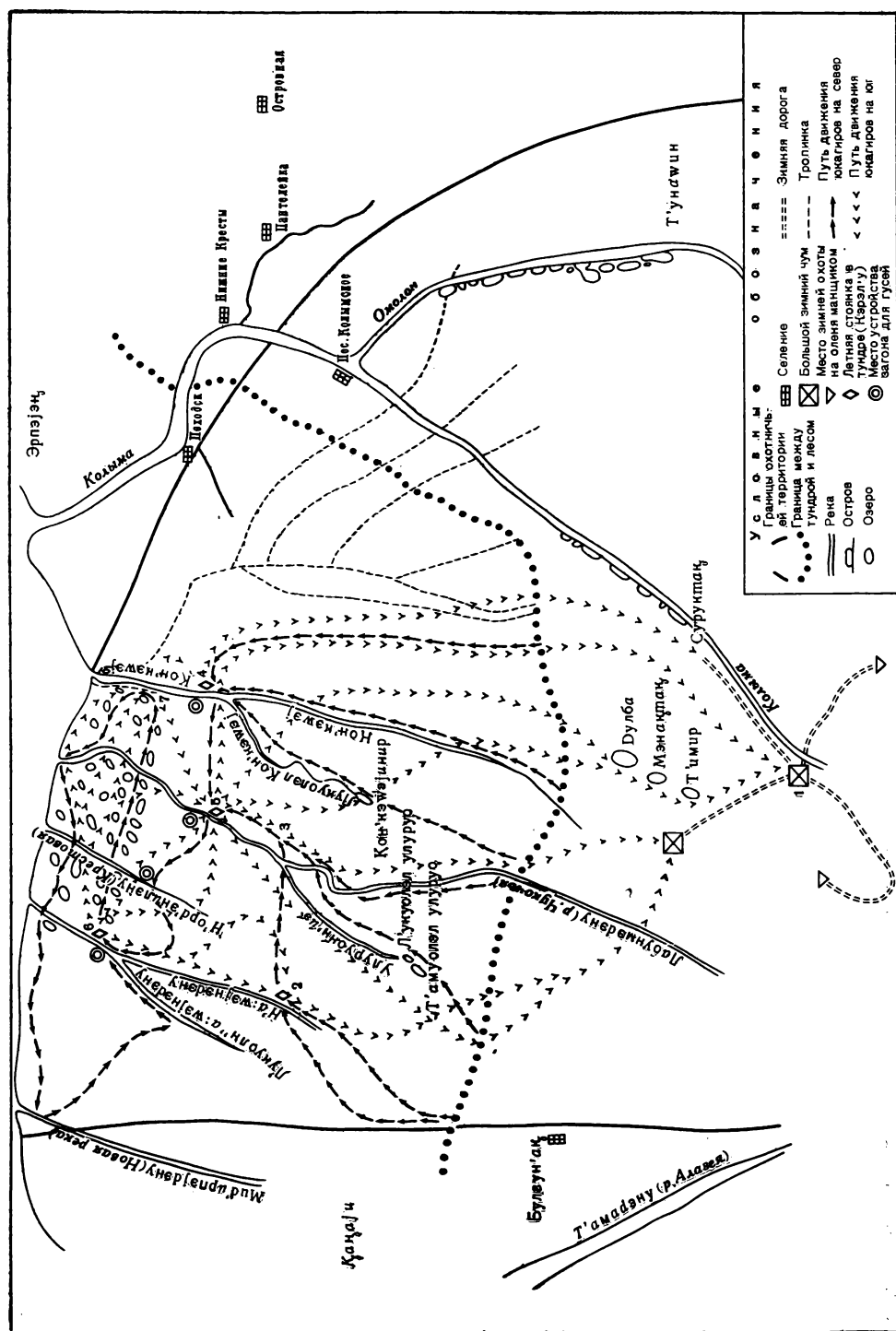
Т'уорқэја Озеро, где водится темный гусь

Кон'кэшэјдиэ иинир Исток реки Коньковой

Којлуолэл монқа Продырявленный холм

Кон'кэшэјра:јабул Край леса у р. Коньковой

¹⁸ Название реки *Н'а:шэјнэдэну* Н. Е. Трифонов переводил как «Белая река». Г. Н. Курилов этимологизирует этот топоним иначе [см. 12, 69].

Онид'эткэ Большой песок

Ла:мэјалҕил Собачье озеро

Јоҕтэҕэ Большой звон (скалистый берег, возле которого раздаётся сильное эхо)

Н'анматкэ Большой тальник¹⁹.

Ид'илшэј Место, где похоронен юкагирский герой Идилвэй

Вадунјалҕил Юкагирское озеро

Дулба (якутское) дословно «Кочка» — озеро

Мэнақтақ (якутское [12а, т. II, 1553]) Диких оленей имеющее — озеро

Т'имир (якутское [12а, т. III, 2672]) Железо — озеро

Ат'т'ака (якутское [12а, т. III, 3856]) Холод — озеро

К западу от границы рода *Алаји* кочевал другой юкагирский род — *Канаји*²⁰.

«Как я помню, людская жизнь какая была? В нашей жизни только кочеванием жили. Зимой на краю леса или в лесу жили. Летом в стороне моря жили... Наша земля свежая была. Я помню, дикие олени тысячами были. Гуси как комары летали, палками убивали. На озеро на остров поездем, целый день яйца с острова возили».

В 1921 г. дикие олени совершенно ушли из мест обитания юкагиrow. К западу от Колымы не стало животных, охотой на которых жили тундренные юкагиры. Исчезновение дикого оленя на этой территории Н. Т. Трифонов объясняет приходом в эти места чукчей с их большими стадами домашних оленей. Последние, по словам рассказчика, истоптали тундру, где обитал дикий олень, в связи с чем он и ушел из этих мест²¹.

Жизнь юкагиrow, описываемая в этом очерке, относится к тому периоду, когда олени в тундре «тысячами были».

Юкагиры делили год на ряд периодов, с которыми мы ознакомимся в процессе постепенного изложения материала.

На карте кочевий юкагиrow *Алаји*, нарисованной Н. Т. Трифоновым, в южном ее конце отмечены три озера, носящие якутские названия: *Дулба*, *Мэнақтақ*, *Тимир*. Эти озера расположены в лесу. Возле них юкагиры часто останавливались зимовать, так как они снабжали их водой, а окружающий лес — дровами.

Придя к этому месту, юкагиры группы *Алаји* устанавливали там два больших *қанд'эл'э' нимэ* — зимних чума. Рубить лес вокруг зимних чумов и собирать там сучья запрещалось. Это считалось почти грехом. Для заготовки дров уходили немного дальше в лес. Так как чумы устанавливались не рядом, а на расстоянии друг от друга, то в каждом выделялся специальный человек для связи.

Лукуд'ајлэмэң — время короткого (дословно маленького) дня, соответствовавшее декабрю, январю и февралю.

¹⁹ До прерывистой черты идут топонимические названия по тундре, после нее — лес. От местности *Ид'илшэј* до Восточно-Сибирского моря, по словам рассказчика, не меньше 600 км.

²⁰ Описывая распространение оспы, В. И. Иохельсон сообщает: «Ханаи же, бывшие около Дулбы, где были алаи, потеряли 18 человек» [3, 252]. Возможно, что нахождение двух юкагирских родов на одной территории обуславливалось распространением эпидемии либо иными, неизвестными причинами.

²¹ Юкагиры таким же образом объясняли причину ухода диких оленей и В. И. Иохельсону [3, 251].

Краткое описание годового кругооборота хозяйственной деятельности тундренных юкагиров начинаю с этой его фазы.

«Сначала скажу, зимой дикий олень в лесу находился. Поэтому наши люди в лесу жили. Охотой на дикого оленя жили».

В зимнем чуме жили коллективно. На заготовку дров выходили все работоспособные. За один день работы наготовляли дрова на полмесяца. Охотничья добыча, как уже говорилось выше, делилась в зимнем чуме на всех его жителей. Забрать добытого оленя для своей только семьи считалось *н'ан'ит'* — грехом: «Если вместе живем, как один кушать будет?» — сказал по-русски Н. Т. Трифонов.

Исключение из этого правила допускалось только тогда, когда с наступлением тепла семья по пути на север временно разъезжались порознь, и то лишь в том случае, если вблизи не было соседей. Коллективизм, взаимопомощь — основной принцип жизни охотников-юкагиров.

В зимнем чуме жило не больше четырех хозяйств-семейств. Часто две семьи, располагавшиеся по одну сторону чума, ели вместе, но варили мясо по очереди. Если на противоположной стороне располагалось одно семейство, оно питалось отдельно. Каждое хозяйство имело свой котел.

Большой зимний чум (рис. 1) устанавливался коллективно. Он состоял из деревянного остова и кожного покрытия стен и крыши.

Деревянный остов конструировался из следующих частей:

1) Четырех длинных опорных столбов — *нимэдајң*, два из которых устанавливались под углом друг к другу. Для их скрепления в верхнем конце одного выдалбливали сквозное отверстие, в которое вставляли верхний конец второго, подтесанного в соответствии с размером отверстия в первом. Нижние концы этих столбов закапывали в землю. На образовавшуюся развилку укладывали также наклонно друг к другу концы двух других *нимэдајң* такой же длины. Каждый из двух последних сближали с одним из закопанных, чтобы они могли служить опорой для дверей. (В зимнем чуме, как и в летнем, было две двери, расположенные друг против друга.) Опорные столбы изготавливались из свежесрубленных стволов.

2) Тонких длинных жердей — *ишил'*, из свежесрубленных деревьев, при помощи которых образовывали остов крыши. На развилку, образованную опорными столбами, укладывали верхние концы этих жердей. В нижнем конце каждой жерди проделывали отверстие, сквозь которое продевали и привязывали ремешок. При помощи его каждую жердь крыши прикрепляли к расположенной ниже горизонтальной жерди.

3) Горизонтальных жердей — *јэшт'эдо* (*јэшт'эдо:*), концы которых накладывают на треноги.

4) Треног — *јэшт'эң*, состоящих из трех тонких жердей, каждая примерно в полтора метра длины. В верхнем конце каждой из них имеется отверстие, сквозь которое они связываются вместе. Треноги образуют опору не только для жердей крыши, но и для кожаной покрывки стены.

В зимнем юкагирском чуме для крыши, стен и дверей было особое наружное кожаное покрытие. Крыша чума образовывалась четырьмя разновидностями покрывок:

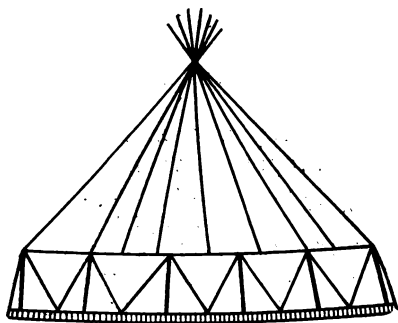

Рис. 1

1) Самая нижняя небольшая кожаная покрывка — *нигрин*, которая укладывалась вокруг дымового отверстия, чтобы защитить от огня другие покрывки, лежащие выше. Она сшивалась из разных кусков кожи.

2) Вторая кожаная покрывка — *нимэнқодирэ*, накладываемая поверх второй. Эта покрывка, как и последующие, перекрывала всю крышу, свисая на стену.

3) Третья покрывка — *тиңмоңэ*. Обычно для нее использовалась покрывка летнего чума, о котором речь ниже.

4) Четвертая, самая верхняя, покрывка светлого цвета — *нимэн-бурэ*, изготавливавшаяся из свежесделанной продыmlенной оленьей кожи.

Нижнюю покрывку укладывали вокруг дымового отверстия, используя длинные тонкие жерди. Остальные втаскивались на крышу чума при помощи длинных ремней, концы которых затем прибивались к земле колышками. В верхней части каждой покрывки имелся вырез, точно подогнанный к вырезу в другой покрывке, для образования *он'идигил'* — дымового отверстия. Отверстия сверху крепко стягивались ремнями, что мешало покрывкам съезжать вниз. Нижние концы покрывок привязывались к опорным столбам примерно на уровне верхнего края дверей.

Стены чума образовывались двумя парными кожаными покрывками — *нимэнрукун*. Каждая закрывала боковую сторону чума от края одной двери до края другой. Нижние части стенных покрывок укладывались на землю не меньше чем на полметра. Средние их части опирались на треноги (*јэшт'эң*), образуя собственно стены чума. Верхние части стенных покрывок набрасывались на жерди *ишил'* так, чтобы нижние концы покрывок крыши чума их перекрывали. Таким послойным перекрытием достигалась определенная герметичность на стыке крыши и стен, что не позволяло ветру проникать в жилище.

Снежные завалинки — *пуондигил'* шли вдоль стен от одной двери до другой. Их насыпали на нижние края покрывки, образующей стену, примерно в половину роста человека, для защиты от проникновения холода и ветра в нижней части чума.

Дверь — *сэспэң*, изготавливавшаяся из оленьей шкуры, с которой не снималась шерсть, навешивалась на дверное отверстие (образуемое опорными жердями) мехом внутрь чума. В верхней ее части, которая была шире, чем нижняя, пришивались ремни (рис. 2). С их помощью дверь привязывалась под покрывками крыши, что не позволяло ветру прорываться в чум. Внизу же дверь плотно прилегала к толстому обрубку, который укладывался поперек двери изнутри чума у основания опорных столбов. С боков кожаная дверь перекрывала дверное отверстие (см. рис. 2).

Внутри чума различались следующие части:

1) Пол (земляной) — *индулэң*.

2) Стволы деревьев — *индул'эдуол'*. Вдоль каждой стены в двух-трех метрах от нее укладывали два ствола. Их фиксировали при помощи клиньев, вбитых в землю. Между каждым таким стволом и стеной располагалась семья — одно хозяйство.

3) Лежанки — *т'илгэң*. Они делались так: между стеной и стволами накладывали сухие ветви, которые сгребали при помощи палки с сучком на конце. Ветвей накладывали много — до колена в высоту, чтобы они возвышались над стволами, поверх ветвей клали прутья тальника, а на них — большое количество оленьих шкур, на которых располагались люди.

4) Кожаные ширмы *пәр*, которые навешивались возле каждой стороны двери. Для этого возле каждого опорного столба перпендикулярно к земле вбивалась толстая жердь, высотой в рост человека. Ее верхний конец крепко привязывался к столбу. При помощи ремней ширма притягивалась с одной стороны к этой вертикальной жерди, а с другой — к ближайшей треноге, стоявшей у стены. Благодаря этому конец лежанки оказывался загороженным, и при открывании двери холодный воздух не попадал на нее, а стлался по полу чума между лежанками.

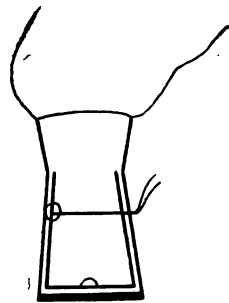

Рис. 2

5) Очаг — *лат'идэдуол* — располагался под дымовым отверстием посредине чума между бревнами *индул'эдуол*. Рама его имела квадратную форму и изготовлялась из сырых жердочек. Ее старались сделать аккуратной. Пол под очагом плотно устилали жердочками, поверх которых насыпали толстый слой земли, закрывавший верхнюю часть рамы, чтобы последняя не загорелась от огня. Очаг по высоте соответствовал лежанке, так что тепло от огня свободно распространялось по ней. На ночь от каждой из дверей укладывались длинные сухие бревна (*лат'инлэгул* 'еда огня'), концы которых смыкались на очаге и горели. Когда концы прогорали, бревна снова подвигали друг к другу.

Над очагом помещалось специальное устройство — *сускэра:л* (дословно 'чашковое дерево'), на которое навешивались над огнем чайники, котлы и сушились промокшие вещи. Оно изготовлялось из двух длинных жердей, расположенных вдоль очага и привязанных за концы к опорным столбам чуть выше человеческого роста. На них накладывались поперечные палки, которые не закреплялись и могли передвигаться в любом направлении. На одну из них нацеплялся железный крюк, на который в свою очередь навешивался котел или чайник.

У юкагиров, как и у других охотничьих народов, существовало половое разделение труда²², которое сказывалось и на установке чума. «Когда в лес приходили, люди останавливались, чумы делали, ставили. Четыре или три чума в единстве, взаимно помогая друг другу, ставили (один) большой чум. Такой чум два-три дня делали... Чум только женщины устанавливали». Только женщины деревянными лопатами очищали от снега место, на котором воздвигался чум. Они же устанавливали и опорные столбы чума. Считалось, что только женщины правильно определяют нужную высоту чума. Мужчины для чума нарубали необходимый древесный материал, а в самом чуме они только укладывали *индул'эдуол* — четыре бревна для нар, сучья для нар, а также устраивали очаг. На этом их работа в чуме заканчивалась. «Работа женщин никогда не заканчивалась. Когда положат покрывки, стены снегом засыпали. Потом разные вещи вносили: много оленьих шкур, много домашней одежды, котлы, чайники, чашки, еду и другие вещи (вносили). Лишь уснув, женщины останавливались. Утром опять женщины раньше вставали, чайник, еду варить начинали».

Верхняя одежда юкагиров подразделялась на *изркэрэрукун* и *кэтни-рукун*. Первую носили снаружи чума, когда шли в лес, на охоту, за дровами, за водой и т. д. Вторую носили в чуме. Когда входили в чум, наружную одежду снимали и складывали на стоящую у входа нарту

²² О разделении труда у верхнеколымских юкагиров см. [9, 5].

(*анибэ*), которая была перекрыта лоскутом дымленной кожи. Женская одежда складывалась отдельно от мужской²³.

Первый день после вселения в чум отмечался праздником. Он начинался религиозной церемонией. Для этого с утра снаружи чума раскладывали костер и бросали в огонь разную еду (производилось «кормление» *лат'ин кид'э* 'духа огня'). Одновременно «кормили» поверхность земли, реки, деревья, тальник. Н. Т. Трифонов вспоминает, что для этого старый юкагир брал рыбу, почки и отходил подальше от огня и от людей, что-то при этом говоря. Потом он отрезал кусочек от почки и кидал его, а почку откладывал в сторону. То же самое он проделывал и с рыбой. Что старик говорил при этом, рассказчик не знает. При описываемом жертвоприношении обязательно использовали оленью кровь. Если ранее запасенная и замороженная кровь была съедена по пути к лесу, убивали оленя, набирали в чашку кровь из вскрытых шейных сосудов, лили ее в огонь, мазали ею деревья, а затем каждый из присутствовавших должен был отпить из этой чашки.

«Это когда заканчивали, в дом приходили, разную еду ели. Целый день люди танцевали. В течение двух дней разные игры устраивали. Потом певцов просили (заставляли) петь. Потом людей, рассказывающих сказки, просили (заставляли) рассказывать».

Юкагиры два раз в год устраивали подобные праздники (*л'уорит'эң* 'игрища'): один — после прихода в лес и поселения в зимних чумах, другой — после забоя гусей. Обязательными их элементами были танцы (танцевали, становясь в круг), спортивные состязания в гонке на оленях — верхом и на нартах, в беге, борьбе, выступления певцов и сказителей. Эти праздники носили общенародный характер.

Иногда праздники устраивали отдельные юкагиры, желавшие отметить, например, день своего рождения. Богатый юкагир в состоянии был сам сделать это; менее состоятельному помогали родные. Самым сложным при устройстве такого праздника была установка чума для гостей и заготовка дров для него. Утошения также ставил устроитель. Празднества проходили по той же программе, что и общенародные. Сначала устраивались состязания в езде на оленях (зимой — на нартах, а летом — верхом). Затем состязались в беге, зимой — по дороге, которую заранее прокладывали на оленях, запряженных в нарты. Потом происходила борьба. Устроитель праздника сам назначал и демонстрировал призы для победителей. Так, например, за лучшую езду на оленях могли быть выставлены в качестве призов (*шолод'эң*): первого — запряжной олень (холощенный самец); второго — двухгодовалый холощенный самец; третьего — одногодовалый нехолощенный самец. Победители в беге могли получить в качестве первого приза — *ласа-шэйн'ашн'икл'из* — самого дорогого мохнатого песца, стоившего (в начале XX в.) два рубля пятьдесят копеек, второго приза — *јэрод'э н'ашн'икл'из* — сероватого песца с мелкой шерстью, стоившего один рубль; третьего — *крэстошкэң* — чуть белого песца стоимостью пятьдесят копеек. Самым искусным борцам назначались два приза, состоявшие из денег: первый — один рубль или пятьдесят копеек, второй — еще меньше.

Призовые олени стояли привязанными к нарте — *ту:јэң*. Песцы и деньги вывешивались на шестах, воткнутых в снег или в землю. Призы располагались по значению слева направо.

²³ Отношения между женщинами и мужчинами у юкагиров, как и у других охотничьих народов, регламентировались рядом табу. Так, например, женщине запрещалось перешагивать через ружье. Если она нечаянно наступала на мужскую рукавицу, последнюю необходимо было обдымать на зажженном багульнике, и т. п.

На праздник приезжали приглашенные и все, кто хотел присутствовать на нем. Соревнования начинались с утра и длились целый день. Победители в соревнованиях сами подходили к призам и брали их. Такие праздники старались устраивать весной, когда день был длиннее²⁴. Обязательными элементами этих празднеств были танцы и угощения.

После окончания праздника мужчины начинали готовиться к охоте на диких оленей. Однако в короткие зимние дни охотящиеся не могли далеко отходить от чума. Охоте мешали сильные морозы, во время которых всякие шорохи и шумы, отпугивающие добычу, далеко отдавались в лесу. Охотники, выходявшие в это время на промысел, шли на лыжах, подклеенных камусом. Одежда на них была только белая, что позволяло им ближе подкрадываться к добыче. (Охота на оленей посредством подкрадывания к ним называется *сэмд'ил*.) Когда день удлинился и можно было удалиться от большого чума подальше, охотники ненадолго откочевывали с небольшим чумом.

Когда снега выпадало много, способ охоты менялся. Найдя в глубоком снегу тропу диких оленей, охотники настораживали вдоль нее самострелы, отмечая их хорошо различимыми знаками, чтобы их было легко отыскать и нечаянно не погнубить самому. Устанавливали самострелы лучшие охотники, так как эта работа в глубоком снегу опасна. Самострелы ставили возможно ближе к чуму, так как от долгого лежания в глубоком снегу убитый олень начинал преть, портилось его мясо, шкура. Шкура оленя, убитого самострелом, шла только на изготовление ремней, арканов и дымленины для покрытия чумов. Устанавливали до пятидесяти штук самострелов. При их помощи добывали много диких оленей.

Иногда от зимних чумов уходили на охоту за дикими оленями при помощи маншиков. (Этот способ охоты будет описан ниже.)

В лесу охотились и на дичь. На куропаток ставили петли.

Добытый олень использовался юкагирами почти полностью — в дело шли мясо, шкура, кости, рога, а также подшейный волос диких оленей-самцов (*өнт'иэ*). Его срезали, красили и обшивали им передники, шапки, одежду.

В шкуре оленя различают три части: *н'а:т'эбайр* — кожа со лба, *қонмэраш* — кожа с ног (так называемый камус), *сашэң* — остальная часть шкуры, либо вся шкура целиком.

«Жизнь наших юкагиров *Алаји* очень поддерживали шкуры домашних и диких оленей. Во-первых, скажем, шкуры мы надевали в течение всей нашей жизни и зимой и летом с нашей головы до наших ног. Потом наши жилища все из шкур домашнего и дикого оленя были. В продолжение нашей жизни ремни из шкур домашнего и дикого оленя делали — арканы, ремень для маншика (см. стр. 87), ремни для завязывания вещей, ремни для связывания нарт. Из шкуры со лба дикого и домашнего оленя подошвы делали; зимой волосом наружу; летом волосы соскабливали. Подошвы делали еще из кожи с шеи оленя-быка.

---

²⁴ На ежегодных ярмарках, которые устраивались в поселках Пантелейка и Островном, в спортивных состязаниях принимали участие представители разных народов Севера, в том числе и юкагиры. От них выступал непобедимый бегун Нил Курилов, побеждавший лучших чукотских бегунов. Однажды для состязания с ним из Анадыря приехал чукча *Рил'сқутэт*. Во время состязания с Н. Куриловым у него порвалась одежда, в результате он простудился и умер. Бегуны начинали соревнование рано утром и заканчивали его только после полудня. Бежали на расстояние в шесть *јоқонмирал* (дословно 'якутских хождений'), равное 60 км: 30 — в одну и 30 — в другую сторону.

(Летом в период спаривания кожа на шее быка становится толстой.) Поэтому наш кочевой народ только шкурами домашнего и дикого оленя жил».

Юкагиры знают несколько способов обработки шкур оленей в зависимости от их характера и назначения²⁵.

На кожаные покрывки жилищ шли прокопченные олени шкуры, очищенные от волоса и мездры. Для их изготовления внутреннюю поверхность высушенной шкуры обрабатывали скобелем, состоявшим из деревянной ручки со вставленным в нее камнем. Обработка состояла в том, что внутреннюю поверхность шкуры разминали, разглаживали на ней всякие складки. Затем ее скоблили железным скобелем, снимая мездру. После этого укорачивали волос, срезая его по всей шкуре. Потом ее вешали коптить. Прокопченную шкуру снимали и размачивали с внутренней стороны, после чего она лежала сутки. С наружной стороны отсыревшей шкуры соскабливали остатки волос вместе с эпидермисом (*цизр*). Затем ее разминали руками. Обработанная таким образом оленья кожа не пропускала воды и не размокала, как сырая кожа. Называлась она *н'уод'эрукун*.

Для изготовления зимней одежды употреблялись шкуры, снятые с оленей с середины августа до середины сентября. Из шкур, снятых в начале октября, изготавливали одежду для старух. Волос на шкурах для одежды укорачивали, оставляя его не больше чем на полпальца — палец длины. Сначала шкуру с внутренней стороны разминали скобелем с камнем, затем соскабливали мездру железным скобелем, после этого ее смачивали по снятой мездре и клали на солнце, чтобы она немного просохла. Потом ее снова мяли каменным скобелем, железным очищали остатки мездры и слегка смазывали обработанную поверхность краской цвета охры (*у:си*), которую сами добывали. Шкуру для одежды руками не мяли, за исключением ее краев, если они были жесткими. Такая шкура называлась *со'эрукун*.

На зимнюю обувь шла кожа, снятая с ног оленей или лосей (камус). Подошвы, как уже упоминалось выше, делали из кожи со лба оленя, с шеи самца-оленя или кожи лося. Подошвы коптили, чтобы они не пропускали сырости. Если они были изготовлены из сырой размокающей кожи, то в них делали две дырочки, чтобы из обуви вытекала вода. Летнюю обувь шили также из хорошо прокопченной покрывки чума, так как она не пропускала сырости.

Ремни изготавливались из весенних шкур оленей. С сырой шкуры срезали волос, а затем замачивали ее. Мокрую шкуру клали прокиснуть либо вывешивали на мороз. С прокисшей шкуры волосы вылезали, а с промерзшей — легко соскабливались ножом. После этого мокрую шкуру растягивали и вывешивали снаружи чума. Ночью она замерзала, днем на солнце оттаивала и в результате пробеливалась. Для ремней со шкуры срезали вкруговую непрерывную полоску соответствующей ширины. Затем ее разминали руками и отрезали куски нужной длины.

Деятельность охотников, естественно, протекала вне чума. Внутри же него шла своя жизнь. Женщины варили еду, следили за огнем, шили одежду, обувь, рукавицы, шапки. «Зимой наши старухи и женщины летнюю одежду делали, летом зимнюю одежду делали. Заранее все готовили. Сделав, хорошо сохраняли. Старики рога молодых оленей маленькими пилами пилили. Потом в котле с водой целый день кипятили, все время добавляя в котел воду. Когда все проваривалось, рога вытаскивали, а отвар остужали. Потом сушили. Высушив, сохраняли.

²⁵ Эти сведения записаны от юкагирки Александры Прокопьевны Атласовой.

Когда зимние лыжи делали, то клеем из рогов оленя лосиный камус или камус весеннего оленя к лыжам подклеивали. Лыжи в нашей жизни лучше хорошего оленя берегут. На охоту в лес когда ходят, только на лыжах догоняют дикого оленя.

Вечером, когда все люди собирались в чуме, старики и старухи сказки рассказывали. Пусть удача податливой (дословно мягкой) будет, думали, рассказывая. Пусть удача придет, (поэтому) только об охоте рассказывали. Если человек заболел, опять сказки рассказывали. Про страшных людоедов, про чертей рассказывали, думая (при этом), пусть больной поправится, пусть его болезнь убежит [см. 13]. Потом старые люди о жизни древних юкагиров рассказывали, чтобы подрастающая молодежь знала, как они охотились, как ходили. Некоторые люди интересные сказки рассказывали».

В свободное от охоты время мужчины в зимних чумах изготавливали нарты. Полозья делались из крепкого наружного слоя дерева. В лесу найти его было нетрудно. К переходу на край леса необходимые нарты должны были быть уже готовы.

Старики и старухи во время пребывания в лесу отдирали от основания лиственниц кору, собирали кору ольхи. Первая окрашивала оленью кожу в бордовый цвет, вторая — в красноватый.

Эл'ин пугуд'эмэң — первое время потепления, т. е. начало весны, совпадающее примерно с мартом.

В это время юкагиры продолжали еще жить в больших домах. Женщины готовили для семьи летнюю одежду. Мужчины собирали материал для полозьев, который мог оказаться нужным в пути для починки нарт.

В это же время охотники откочевывали к Колыме, к местности *Суруктаң* (ср.: якутское «*суруктах хаја*» 'гора с писаницами' [12а, т. II, 2368]), откуда начиналась охота на лосей. Охотой распоряжался передовой охотник или общее собрание охотников. Их указания были обязательными. Ослушнику делали выговор. Иногда же по решению стариков его наказывали строже — били тальниковыми прутьями.

Охота на лосей имела подсобное, но все же очень важное значение в хозяйстве юкагиров. От добытого лося они получали не только большое количество мяса, но и ценную для них кожу.

Шкура лося обрабатывалась просто: замерзшую шкуру оттаивали, а засохшую смачивали. Волос срезали, остатки его соскабливали ножом. Из полученной кожи делали подошвы и ремни.

Ремни изготавливали разнообразные — для упряжи, связывания нарт, вещей. Из их числа особо следует выделить *н'уогијэң* — тонкий ремень в 20—25 маховых сажень длины. Им привязывали манщика, которого посылали к стаду диких оленей для подманивания последнего к охотнику. Чтобы получить один цельный ремень такой длины, нужна была половина лосиной шкуры или четыре шкуры оленя.

Во время охоты на лосей все охотники одевались в одежду, сшитую из шкур белых оленей. На шапку шла шкура новорожденного белого олененка. Для изготовления другой верхней зимней одежды белых оленей убивали осенью. Шерсть с таких шкур не срезали. Охотники, одетые таким образом, почти не были видны на снегу. При выслеживании лосей охотник надевал *мод'идин* — лыжи, подклеенные камусом, а не *кајсар* — лыжи-голицы, так как последние издавали скрип. Охотник продвигался на лыжах не спеша, строго следя, чтобы лыжа не стукнула о лыжу, чтобы нечаянно не задеть и не сломать ветку. Кашлял он только в рукавицу, закрыв ею рот. Курить в это время категорически запрещалось.

Охота на лосей происходила на островах реки Колымы, которые Н. Т. Трифонов изобразил на карте в виде выпуклостей на линии реки. **Одному из охотников** поручалось обойти на лыжах остров и найти следы лосей, которые шли бы с берега на остров или с острова на остров. Шел он с подветренной стороны, чтобы животные не почуяли его запаха.

Когда такой след обнаруживался, то с обеих его сторон прятались охотники, зарывавшиеся для этого в снег. При этом они выбирали места поближе к тальнику или деревьям, чтобы в случае опасности (раненый лось нередко кидается на охотника и может убить его копытами) можно было за чем-либо спрятаться. После того как часть охотников пряталась, один или два других обходили остров уже с наветренной стороны, чтобы лось почуял их запах. Кроме того, они кричали, били чем попало о деревья. Вспугнутое животное бежало обратно по своему следу, где его убивали спрятавшиеся охотники. Иногда на тропе лосей ставились самострелы.

Чтобы уберечь мясо и шкуры убитых лосей, сооружали высокий помост. Для этого выбирали четыре близко растущих дерева. С них срубали верхушки и счищали кору, чтобы хищнику было трудно забраться на помост. Вверху в каждом стволе делали вырубку. В них вкладывали две толстые поперечные перекладины, в концах которых тоже делали вырубы. Концы деревьев и перекладин крепко перевязывали ремнями. На перекладины накладывали плахи или толстые жерди. К помосту приставляли бревно с зарубками, заменявшее лестницу. Кроме того, к помосту пристраивали покатый настил. На помост забирался человек и выстилал его поверхность тальником. Затем по настилу при помощи других охотников он на ремне затаскивал наверх мясо. Мясо покрывали тальником, а на него уже клали шкуры. Вокруг помоста вырубали деревья, чтобы хищник не мог на него прыгнуть сверху.

Рога лося, как и оленя, вешали в лесу на дерево.

Если охота на лосей на островах Колымы была неудачной, охотники перекочевывали на Омомон и охотились на лосей на островах этой реки. От устья Омомона, впадающего в Колыму напротив поселка Колымское, юкагиры рода *Алаји* могли подниматься на 300 км вверх по его течению. Эта местность также относилась к их охотничьей территории.

Пугуд'эмэң — время потепления, совпадающее примерно с апрелем. В это время юкагиры оставляли зимнюю стоянку и начинали медленное продвижение на север в тундру (иногда оно начиналось с конца марта, если погода была теплая).

Разборка чума и нагрузка нарт были делом женщин. Хозяйственные предметы они укладывали на соответствующие нарты. Когда из дома все было вынесено и погружено, женщины отбрасывали от чума снег и одну за другой снимали все его покрышки, затем жерди, треноги с поперечинами и все это укладывали на нарты. Увязывали нагруженные нарты женщины. Мужчины лишь чинили в них поломки. Затем они пригоняли оленей, выбирали ездовых и с помощью женщин запрягали их в нарты.

Все, что не годилось больше к употреблению, — прогоревшую нижнюю покрышку чума, остатки кож, костей — сжигали. Когда юкагиры покидали свои зимовки, на месте оставались лишь опорные столбы чума, бревна лежанок, очаг. Никаких вещей на зимовье не оставляли. Если в чуме никто не умер, то через год-два на этом месте снова организовывали стоянку.

У юкагиров есть два слова для обозначения каравана: *миријэң* —

караван из нарт с полным хозяйственным грузом, *шэгиң* — караван из нарт с каким-либо специальным грузом, например добычей.

Впереди каравана, покидавшего зимовье, ехала нарта — *пэтт'элалимэ*. На ней сидел вожатый каравана — *мириједу:сит'э* (или *миријэн кијэд'ит'э* — передовой каравана), который прокладывал дорогу. Второй ехала *арқалалимэ* (ср.: *арқагөдэ* — человек, идущий за мной). Затем следовали нарты *анибэ(ң)*: *уөданибэ* — для детей, *қөйданибэ* — для икон, *т'ораскэданибэ* — для посуды, *кэтниң* — для одежды, *ту:јэң* — для одежды праздничной, *ишинлалимэ* — для треног и жердей крыши, *нимэн лалимэ* — для кожаных покрышек чума, *лилқаниңа:ң* — самая короткая нарта, к которой привязывали концы жердей остова чума (*нимэдајң*), *јалалимэ* — легковая, сделанная из березы, употребляемая только для беговых состязаний. Не каждый юкагир мог изготовить такую нарту. Стоила она дорого. Груза на нее не клали. Сидел на ней лишь один человек.

Для понукания оленей употреблялась длинная тонкая палка с кусочком оленьего рога на конце. Некоторые юкагирские нарты представляют собой очень изящные архитектурные конструкции. Почти все их составные части связываются ремнями, для чего в них просверливаются отверстия. В одной из нарт (*јалалимэ?*) я насчитал 116 отверстий. Это уже само по себе говорит о конструкционной сложности нарты, требующей для ее изготовления большого технического мастерства.

Охота на диких оленей во время движения каравана не приостанавливалась.

В пути, во время остановки каравана, юкагиры ставили небольшие зимние чумы.

Т'уобајмэң — время отела оленей, совпадающее примерно с маем.

В это время кочевники выходили на край леса, откуда начинается тундра. Это место называется *јуорка*, а направление в тундру — *јослаңудэн* (тундра же называется *лэргун*, *јэругу* — в произношении А. П. Атласовой). Снег в эту пору начинал таять.

Выход на край леса совпадал с началом отела оленей. Последний требовал к себе большого внимания. «Отел оленей — очень трудная работа. Некоторые важенки, когда телиться начинают, не могут теленка родить. Целую ночь не останавливаются, повсюду бродят. Таких неприученных важенок длинной веревкой за ноги привязываем. Некоторые важенки, как отелятся, своих телят бросают. Так делающих тоже за ноги привязываем. Прижимая к ней теленка, (насиленно) приучаем, (насиленно) заставляем сосать (свою мать). Когда начинается ветер, то ставим оленей на пастбище с подветренной стороны, чтобы снег новорожденных телят не засыпал. Случается, что прошлогодние телята бьют копытами новорожденных телят, убивают их, еще сосут свою важеньку. Таких телят, заарканив, придавливаем, ножом обрезаем им шерсть²⁶. Если важенька телится на краю стада, то там мы вешаем одежду, чтобы волк боялся, когда придет. Когда важенки телются, много орлов прилетает, много песцов приходит, телят убивают. Поэтому пастухи не спят, все время ходят, сторожат, чтобы олени хорошо отелились».

С момента отела оленей и до августа на диких оленей не охотились. Юкагиры — исконные охотники на диких оленей — относились к их поголовью как рачительные хозяева. Они не мешали им телиться, давали возможность своей будущей добыче окрепнуть и лишь тогда снова начинали охотиться.

²⁶ Смысл этого в моих записях не разъяснен. Вероятно, теленка с остриженной шерстью важенька к себе не подпускает.

В это время охотились на лосей по насту, который образовывался вследствие того, что днем снег оттаивал, а ночью замерзал. Найдя лося, юкагиры спускали собаку, которая преследовала его. По их следу бежали охотники на лыжах. Преследуемый лось проваливался на тонком насте и во время бега непрерывно ранил себе ноги о тонкий острый лед. Когда он изнемогал от преследования, охотники догоняли его и убивали.

На краю леса юкагиры заготавливали тонкие жерди для устройства остова крыши урасы. Затем из тальника при помощи ремней они связывали циновки, которые в дальнейшем стелили на землю в урасе и в летнем чуме, на местах, где сидели, где спали. Кроме того, они заготавливали некоторое количество дров для заброски их в тундру. Она осуществлялась во время поездок юкагиров к перевалочным стоянкам за оставленными запасами.

Женщины чинили на краю леса покрышки зимнего чума, которые в дальнейшем использовались для покрытия урасы. Кроме того, здесь же они заготавливали еще дымленную оленью кожу.

До края леса юкагиры передвигались вместе — одним караваном. Далее же семьи или группы семей разъезжались и продолжали кочевать по тундре врозь. На карте от края леса стрелками, направленными на север, показаны пути их кочевий. Все они направлены к различным пунктам, которые мы условно называем перевалочными стоянками.

В пути от края леса до перевалочных стоянок вместо зимнего жилища ставили урасу. Ее легко было воздвигать и разбирать. Она представляла собой конусообразный шалаш. Остов его составляли из четырех опорных жердей (*нимэдајн*), к которым под углом прислонялись длинные тонкие жерди (*ишил'*). Дымовое отверстие предварительно окружалось небольшой покрышкой — *нигрин*. Затем вся ураса накрывалась покрышкой.

Пол в урасе устилали циновками из тальника. Если они загрязнялись, их полоскали в реке, высушивали и снова пользовались ими.

В урасах женщины постепенно готовили дымленную кожу для покрышки летнего чума, которую шили в пути, если она не была сделана ими заранее.

Иногда (видимо, на перевалочных стоянках) ураса использовалась для копчения кож и рыбы. В этом случае из нее все выносили, закрывали дымовое отверстие, двери, а внутри тлел огонь. Копчение длилось пять — семь дней.

Свободные в это время от охоты на диких оленей охотники на проталинах озер ставили крючки, при помощи которых добывали красную рыбу (*н'уод'ијэң*). Там, где ее ловилось много, останавливались и готовили из нее юколу, чем занимались главным образом старухи.

Когда гуси начинали нести и высиживать яйца, охотники ловили их двумя способами — петлями и руками. В первом случае возле гнезда вбивали колышек, к которому привязывали тщательно замаскированный тонкий ремень с петлей, укладываемой вокруг яиц. Когда гусыня, ничего не заметив, садилась на яйца, затаившийся охотник рывком ремня затягивал петлю, куда попадали ее лапы. Во втором случае, во время отсутствия птиц возле гнезда выкапывали яму, в которую укладывался охотник, широко раскинув вокруг гнезда руки. Охотника зарывали вровень с землей, чтобы ничего не было заметно. Когда прилетевшие гусь и гусыня усаживались на свои обычные места, зарытый человек прежде всего хватал гуся. Так как гусыня без него не улетала, то затем ловили и ее. От этого способа охоты веет глубокой древностью.

Большую часть зимнего груза охотники оставляли на перевалочных

стоянках, но кое-что они оставляли и в пути (например, деревянные лыжи, крышку дымового отверстия, так как они не боялись сырости). Если же обстоятельства требовали, чтобы в дороге было оставлено большее количество хозяйственного груза, то на удобном месте составляли вместе четыре-пять нарт. На них укладывали необходимые вещи, тщательно укрывали их крышкой из дымленной кожи, предохранявшей их от дождя и сырости. На обратном пути эти вещи забирали. Такое временное хранилище называлось *лалшијэ(ң)*.

Сабуңд'илэмэң — начало лета, соответствующее примерно июню. В эту пору окончательно сходит снег, текут потоки воды, появляется первая зелень.

К этому времени юкагиры добирались уже до своих перевалочных стоянок. Если взглянуть на карту, то можно видеть, что от края леса стрелки, направленные на север, идут прежде всего к стоянкам № 2, № 3 и № 4.

Стоянка № 2 располагалась на *Н'а:шэјнэдэну* — Белой реке. Там устанавливался летний чум, который стоял затем все лето. Такая стоянка называется *кэрэл'у*.

Стоянка № 3 находилась у впадения реки Олеры (*Улуруоюнн'из н'нојкол*) в реку Чукочью (*Лабунмэдэну* дословно 'Куропаточная река'). Здесь *кэрэл'у* не было. Семьи юкагиров, перекочевавшие сюда, оставляли ненужные им в дальнейшем вещи и сразу направлялись далее, к стоянке № 5, где стоял *кэрэл'у*.

Стоянка № 4 находилась на берегу реки Коньковой, где имелся *кэрэл'у*.

На стоянках находился специальный помост — *т'анмиэң* — на четырех столбах, скрепленных четырьмя поперечными перекладинами, на которые накладывали настил из жердей. С помоста брали летнюю одежду, оставленную здесь прошлой осенью, и оставляли на нем зимнюю. Предварительно ее высушивали и, уложив, закрывали дымленной кожей. Здесь она сохранялась до осени, когда снова происходила замена летней одежды зимней.

На стоянках юкагиры оставляли стариков и старух. Так как *кэрэл'у* стояли на берегах рек, то старики занимались здесь рыбной ловлей.

Интересен костяной крючок *јор*, которым они ловили шуку, нельму, иногда и гагару. Он представлял собой костяную иглу, остро отточенную с обеих сторон, длиной не более 7—8 см. Леска, сплетенная из жил, привязывалась ближе к одному из его концов. Крючок втыкался в бок свежепойманной рыбки таким образом, что один его кончик выглядывал наружу у ее хвоста. Когда шука или нельма заглатывала рыбку, то при малейшем потягивании лески наружный кончик втыкался в рыбу и она оказывалась пойманной на этой тонкой косточке, становившейся ей поперек пищевода.

Юколу из рыбы изготовляли женщины. Они пластали ее с обеих сторон от головы до хвоста. Кость у хвоста перерезали и вытаскивали. Юколу выворачивали внутренней стороной наружу и навешивали на сушила (*қо:н'иң*) — жерди, концы которых лежали на треногах, связанных из трех палок. Кости перевязывали у хвоста и тоже вешали на сушила. Они шли на корм собакам.

Лэшэјмэң — середина лета.

Примерно к 1 июля все семьи собирались на соответствующих стоянках вместе со своими домашними оленями, так как начинали появляться комары и оводы. С последними юкагиры вели коллективную борьбу, поскольку они угрожали здоровью и даже жизни домашних оленей. Юкагиры заранее договаривались о том, где они встретятся в Акули-

нов день — время, когда оводы начинают откладывать на оленях яйца. (Оводы одной разновидности прокусывают шкуры оленей и откладывают под них яйца, а другой — выбрызгивают свои яйца в нос оленя. Потом в его носовых ходах разводятся личинки, от которых он очень страдает, мало ест, худеет и даже погибает.) Чтобы спасти своих оленей, юкагиры сгоняли их в одно место вблизи какого-либо летнего чума. Затем вокруг них на землю они раскладывали белые оленьи шкуры, за которыми становились мужчины и женщины. Каждый из них держал в руке дощечку с ручкой. Привлеченные видом белых шкур, оводы нападали на них, а юкагиры убивали их ударами дощечек. По сообщению рассказчика, в результате такого «сражения» они убивали много тысяч оводов и так уберегали от них свое стадо.

С середины июля начиналась охота на облинявших гусей, требовавшая коллективных усилий. Поэтому от стоянок часть мужчин и женщин направлялась к известным уже местам на берегах рек, где удобно было устанавливать загоны для птиц.

У юкагиров рода *Алаји* их было четыре: на реках Коньковой, Чукохей, Крестовой (*Н'орд'энилэну* — дословно 'Моховая река') и Белой. Все они отмечены на карте.

На отлогом берегу при помощи *јэшт'эн* — треног, с трех сторон огораживали загон. Четвертая, незагороженная, сторона выходила на реку. Нижнюю и верхнюю (по течению реки) стороны загона плотно загораживали разными вещами, покрывками, шкурами, а сторону, идущую параллельно реке, загораживали сетями, чтобы сквозь нее были видны свет, трава, лес. Кроме того, у нижнего и верхнего краев загона из одежды сооружали два створа, которыми загон в нужный момент закрывали. Реку у нижнего края загона чем-либо переторазживали.

После установки загона охотники уходили вверх по реке и ее притокам, откуда начинали гнать вниз по течению облинявших гусей и уток. Гнали их медленно, спокойно, чтобы не испугать. Так постепенно доходили до загона, где заграждения на реке не давали птице плыть дальше по течению. Согнанную дичь, также не торопясь, гнали на берег — в загон. Когда вся она выходила из воды, юкагиры смыкали створы загонов, после чего беспомощная птица оказывалась в ловушке. Тогда выходил старик или старуха, которые обращались к птицам с песней. Н. Т. Трифонов продиктовал мне юкагирскую песню, с которой его отец обращался к птицам, когда их убивали на Белой реке. Привожу текст этой песни и ее перевод:

- (1) Н'а:вэјдэну-абут'иэ, пунуолэн ки:мэн.
- (2) Курун миријэ, ујэнд'эрукунпэ эло:рэн' илэник.
- (3) Јабал син' авалдитэл'эј.
- (4) Вајин' мэмэд уотэјмут, тит конэпэба мэмэд'уотэјмут.
- (5) Катэ јавнэр јактэрэ помогэјли.
- (6) Эл ақ титэк јаба:нунул, мигэјк тит титэ мэјаба:нунд'эли.
- (7) Јавнэј н'иномиэјэ лукул бурэн т'абад'эрукун јавнэр іабалн'эј, ма:рқан јавун'эј.
- (8) Тануллэк т'ајлэпэлдабанэ, кинцолл'элк элтигэтэјт.
- (9) Катэ јавнэр јактэрэн помогэјли.
- (10) Јавнэј энупэбан мит эврэјол н'иномиэјэ т'ауудабилпэбан мит эврэјуолпэ пундурэн јактэјли.
- (11) Тит ал'уолэл т'ауулпэба эврэјол, н'иномиэјэ савидэвт'эпулбан.
- (12) Тадат н'иномиэјэ анапэн анан корилэпул пурэн тит эврэјол пундурэн јактэник.

(13) Н'а:wэјдэну абут'из, тэт уорпэ јонрептиэ эмл'эрэјк.

(14) Јаңрэнмојэ, эбароли, эбароли, эбароли.

(1) Белая река — бабушка, радостью даю.

(2) Небесный караван, крылья имеющие существа, не плачьте.

(3) Смерть все равно подобна сну.

(4) (Вы) опять возродитесь, среди ваших друзей возродитесь.

(5) Лучше все, распевая, покружimsя.

(6) Не только вы (одни) умираете, мы тоже подобно вам умираем.

(7) Все разные по поверхности землидвигающиеся существа — все смертны (дословно все со смертью), одну дорогу имеют (дословно с одной дорогой).

(8) Поэтому во время достижения дня (в смысле срока) никто не отступится в сторону²⁷.

(9) Поэтому лучше все, распевая, покружimsя.

(10) О наших полетах (дословно хождениях) по всем рекам, о наших полетах по разным морским берегам, рассказывая, споем.

(11) О ваших хождениях по талым морям, по разным полуостровам.

(12) Потом о ваших полетах над разными горами, горными хребтами, рассказывая, пойте.

(13) Белая река — бабушка, своих детей гусятюк обними.

(14) Гусей хозяин (гусей держащий), эбарол'и, эбарол'и, эбарол'и²⁸.

После окончания песни каждый из присутствующих, в том числе и женщины, взяв одного гуся за шею, выпускал его на волю. На каждого ребенка и даже младенца, находящегося в колыбели, также выпускали по гусю. Затем начиналось избивание птицы. Самого последнего гуся выпускали на волю. После этого приступали к дележу. Если птицы было много, добытых гусей и уток складывали в ледяные погреба, которые устраивали в вечной мерзлоте. Отдельные хозяйства, если желали, могли устроить для себя собственный погреб. При складывании в погреб птицу потрошили, но перья не снимали.

В ознаменование окончания охоты на гусей юагиры устраивали большой праздник — второй после поселения в зимних чумах. В него входили соревнования по бегу, верховой езде на оленях, танцы, пение.

«В моем детстве на Куропаточной реке (р. Чукочьа) линялых гусей убивать (дословно гусей делать) очень много людей приходило. В течение целой недели гусей убивали. Очень много убивали. После этой работы игры устраивали. Сначала люди верхом на оленях состязались, потом в беге (дословно ногами) состязались. Верховом на оленях первым пришел Курилов Константин, вторым — Лаптев Илья. В состязаниях

²⁷ О приближении смерти юагиры говорили иносказательно, как о достижении дня (т. е. конца своих дней). Так, в предании о шамане Мармыане говорится: *Мармјан-пэлдудиз т'ајлэги мэлэлум* 'Мармыан-старик, день его (т. е. свой срок) догнал', т. е. дожил до конца своих дней и приблизился к смерти.

²⁸ На следующий день, после того как была записана эта песня, Н. Т. Трифонов вспомнил, что его отец говорил в ней и о том, что птицы должны спеть еще о кипящих (бурлящих) водах рек, над которыми они пролетали. Здесь песня приводится в первом варианте, без внесенного им позже дополнения.

Когда осенью гуси улетали на юг, то рано утром старики и старухи выходили из чумов, становились в ряд по одной линии, левой рукой снимали шапки, а правой рукой махали гусям, кивали вслед им головами, прощаясь с ними, и говорили *эбарол'и*. Смысл этого слова Н. Т. Трифонов объяснить мне не мог. Фонетически оно сопоставляется со словом *эбарэң* — дыхание, но связано ли оно с ним генетически — неизвестно.

по бегу первым пришел Курилов Нил, вторым — Никулин Николай, третьим — чукча Кимэткэв Рынтыргын²⁹.

Затем певцов заставляли петь. Хороших певцов одного за другим просили петь. Сперва люди вокруг садились. Очень много людей сидело: старики, старухи, женщины, дети садились. Посередине между людьми сиденья делали — шкуры клали. Поющих людей там усаживали. Потом начинали петь. Певцы, распевая, вместе с пением повествование вели. По целому дню пели. В продолжение двух дней пели. Тогда я слышал моего дела Антона-старика песню слышал. Сперва, распевая, (он) сказал... (Дальше следует песня о маншике, которая приводится в интересах изложения на стр. 89.)

Сидевшие слушавшие люди все аплодировали (дословно ладошками друг другу навстречу били).

Тогда руководителей играми три человека было (Асласов Илья, женщина Матрена, Курилов Гавриил). Самый старый из них, Асласов Илья, вдруг встал. Сперва он поклонился в сторону поющих людей, потом вокруг в сторону сидящих людей поклонился. Его товарищи возле него стояли, не шевелились. Потом Илья-старик сказал: „Я просить хочу, опять антоновских звуков слышать хочу. Очень состарился мой младший брат Антон. Поэтому говорю: вторично таким образом, может быть, звенеть (т. е. петь) уже не будет. Пусть оставшиеся дети, пусть эту слышимую (нами) песню, повествование, пусть рассказывают. Когда (мы) умрем, в качестве остатка (памяти) наши песни, наши звуки пусть останутся. Мою речь тем заканчиваю“. Асласов Илья сел. Тогда Антон-старик встал. Вставши, в обе стороны поклонился. „Спасибо, спасибо“ — сказал. Потом запел:³⁰

„Сначала, жалеемая, любимая, мой друг Прасковья (о тебе спою).. Очень жалея друг друга, возле друг друга жили мы, росли мы. Если разлучались, друг о друге скучая, друг о друге распевая, жили мы. Четыре года друг о друге скучали мы. Тогда о том, чтобы (нам) вместе быть, чтобы (нам) друг друга взять, говорили мы. Затем свою мать спросил: „Моего друга Прасковью просить не будем ли?“ Тогда моя мать не ответила мне. Лишь через очень долгое время мои родственники приступили к сватанию. Однажды, очень радуясь, мой дядя (*кашд'идиэ*) пришел. После этого вместе рядом (с семьей Прасковьи) чумы поставили. Потом на другой день утром соседи вдруг чум свой разобрали. Затем выюки сделали. Свою мать я спросил: „Уже соседи укочевать собираются?“ Мать сказала: „Твоего друга венчать начинаем, лучше помоги, у них поживи, поработай“. Потом оленей взяли, навьючили. Соседи отдельно чум поставили. Потом много людей пришло. Моя мать сказала: „Оденься, праздничную доху надень“. Я оделся. Мой отец сказал: „Твой лук (ружье); твоя пальма (большой нож) где?“ Потом на седло положил он (это). Моя Прасковья на оленя села. Ее отец, олень ведя, трижды по ходу солнца чумы обошел. На каждом круге из лука над головой Прасковьи стреляли. Потом отдельно караван остановили, олени бока, олени ноги покрасили. Потом оленей отпустили. Чум поставили. Разную еду сварили. Тогда людей всех позвали, кормили. Потом люди танцевали. Потом отец моей Прасковьи одного старика попросил: „Одно-два слова не скажешь ли, не споешь ли?“ Старик ответил: „Как тебе откажу (дословно как твое слово отре-

²⁹ Чукчи, перешедшие на левый берег Колымы, жили в тесном соседстве с юкагирами.

³⁰ Мы пропускаем здесь его песню, где он поет о себе в духе самой строгой самокритики, например: *т'амумунурэ энгэнэң мэт т'уңрэ эшл'э* 'Когда вырослел (рос), совсем ума у меня не было' и т. д., и приводим перевод его следующей песни о жене.

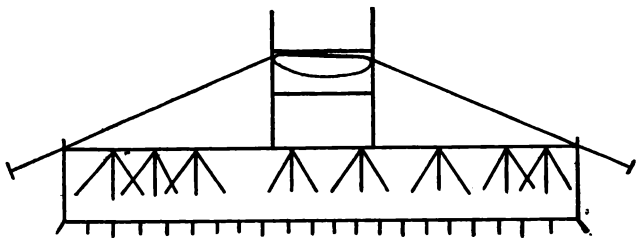

Рис. 3

жу)? Только ворчать буду, мой голос плох (дословно мое горло плохое)“. (Вот) распевая, говорил: „Сначала хороший день (пожелаю вам). Счастливо (дословно удачливо) живите. Детей заимев, разбогатев, ни в чем обиды не имейте, не болейте. Разную удачу из дверей выводите. Тепло, хорошо живите. Подобно разным растениям, ввысь идите. Ваше дыхание пусть удлинится. Ваша дверь пусть станет дверью, привлекающей ноги разных людей. Моя речь пусть не моей речью будет, нашего духа-хозяина речью пусть будет. Мое плохое ворчание таково. Поэтому я кончаю. О друзья! Друзья! Все люди, вам радость даю я! (я хочу, чтобы вы радовались). Нашей земли бабушка, где мы родились, богатая наша морская бабушка, богатая наша речная бабушка, (вам) радость даю. Разные голосистые удачи, разные голосистые имеющие крылья существа, разные стучащие, шумящие растения, вам всем радость даю. Хорошо стойте, живите, сидящие, слушающие, (вам) радость даю. Поэтому мой звук я бросаю, мой звук кончился. Я закончил. Разные охотничьи промыслы, *эбарал’и*, *эбарол’и*“».

По пути от стоянок в тундру и обратно юкагиры жили в летних чумах — *лэвэјннимэ*, каждое хозяйство в своем (см. рис. 3)³¹. Деревянный остов летнего чума состоял всего лишь из четырех жердей: (1) *нимэдајң* — двух длинных опорных жердей, образующих остов для кожного покрытия чума, и (2) *сэспəрал* — двух коротких жердей, образующих опору двери чума. Между опорными жердями на уровне крыши укреплялась поперечная распорная перекладина *сајдəрал* (*сајдэң* — поперек), а несколько ниже — *сускəрал* — палка, на которую навешивали железный крюк для чайника или котла.

Покрышка летнего чума составлялась из двух длинных кожаных половин, сшитых из дыملеных кож — *н’уод’ијэ*. В середине каждой из них был сделан вырез, совпадающий с таким же вырезом в другой половине. При соединении они образовывали дымовое отверстие. По краям его был сделан широкий шов, сквозь который продевался жгут, сплетенный из трех сухожилий. При помощи этих жгутов дымовое отверстие можно было расширять или суживать. В верхней части половинок, вдоль линии их соединения (кроме той части, которая предназначалась для двери), были пришиты ремешки, при помощи которых они связывались вместе.

Половинки соединяли на земле. Потом сквозь дымовое отверстие просовывали опорные жерди, к которым покрышка привязывалась на уровне поперечной перекладины. Опорные жерди поднимали вместе с покрышкой. Концы их устанавливались в специально вырытые ямки и засыпались землей. Затем покрышку растягивали в длину. У места,

³¹ И. С. Гурвич сообщает: «Зимой юкагиры-оленьеводы охотники используют чум эвенского типа... летом — облегченную конструкцию этого чума, называемую *бои*» [5, 223]. Однако названия юкагирских жилищ не совпадают ни с эвенскими, ни с чукотскими.

где устраивались двери, вкапывали по одной дверной жерди. Для ее укрепления сверху привязывали ремень, который крепко натягивали и закрепляли у основания короткого кола, вбитого в землю. Дверь образовывалась простым набрасыванием одной части покрышки на другую. Если ветер задувал под наброшенную полу, края двери перекладывали в другую сторону по ходу ветра. Если же ветер дул прямо в дверь, ее закрепляли колышками и пользовались противоположным ходом. После устройства дверей чум оказывался растянутым в длину. Затем его растягивали в ширину. Для того использовали треноги (*јѣшт'э*) с поперечными перекладинами (*јѣшт'эт'умдэрал*), на которые опиралась стена покрышки чума. Нижние края покрышки оттягивали в стороны и прижимали к земле с помощью специальных петель (*сириннофи*), которые надевали на колышки (*сириннит'афијэ*) в локоть длины, вбитые в землю. Внутри чума возле дымового отверстия при помощи ремешков прикрепляли специальный кусок кожи (*аџин'дуңул'*), которым на ночь закрывали дымовое отверстие. Для завязывания и отвязывания его двое юкагиров приподнимали третьего, который и производил эту операцию.

Летние чумы могли быть разными по длине — от шести до двух пар треног. Место для сна в них покрывалось тальниковыми циновками, которые юкагиры возили с собой, либо багульником. Для защиты от комаров в чуме по длине поперечной перекладины привязывали шалашеобразный полог из оленьей кожи.

Каждый год делалась новая покрышка летнего чума из свежеработанных прокопченных кож. Старая шла на изготовление покрышки зимнего чума. Иногда в старой покрышке меняли прогоревший верх и использовали в течение еще одного лета.

У входа в летний чум устраивался небольшой навес — *сукунлал-шијэ* (дословно одежды придавливатель), под него охотник складывал ружье и охотничью одежду, которую снимал перед входом в чум. Состоял он из двух вбитых в землю колов, перекрытых куском дымленной кожи. Женская одежда складывалась отдельно.

После охоты на гусей юкагиры собирались и договаривались о прикреплении тех или иных семейств к передовым охотникам. После массового забоя гусей предстоял самый ответственный период добычи мяса и шкур диких оленей. В это время олени уходили на север, ближе к Ледовитому океану, где скапливались вблизи озер, в воде которых они спасались от насекомых и жары. Туда-то в конце июля и устремлялись юкагиры.

На стоянке № 6 они оставляли своих домашних оленей, чтобы те не портили пастбища диких своих сородичей. К озерам направлялись верхом на оленях только охотники и небольшое число женщин. С собой брали челноки, которые перетаскивались волоком на оленях. Остальные юкагиры оставались на местах. Раньше необходимого времени охотники никогда не заходили на территорию обитания диких оленей, чтобы они не учуяли запаха людей. От стоянок № 4, № 5 и № 6 к стадам диких оленей шли не напрямик, а в обход, чтобы не вспугнуть их раньше времени.

Придя к озерам, юкагиры выбирали наибольшее из них. На берегу озера затаивались два-три охотника с челноками, так чтобы их не заметили дикие олени. Несколько других верхом на оленях с двумя-тремя обученными собаками отправлялись на поиски стада диких оленей. Обнаружив стадо, они спускали на него собак, которые кружились вокруг оленей и вместе с охотниками гнали их к соответствующему озеру.

Спасаясь от собак, олени бросались в воду. Когда в озеро загоняли все стадо, собаки и охотники бегали вокруг него, чтобы не дать оленям выскочить на берег. В этот момент юкагиры с челноками выезжали на озеро и начинали избиение. Каждого плавающего оленя преследовали поодиночке и, догнав, убивали ударом копья в почку. В иное место бить оленя не разрешалось, чтобы не портить шкуры. Если озеро было большое, убой оленей длился целый день, так как погоня за каждым требовала времени. Все стадо оленей убивать запрещалось. Последнего оставляли в живых и отпускали на волю. Если, по мнению стариков, оленей было убито достаточно, для того чтобы запастись мясом и шкурами, они останавливали дальнейшее избиение животных, говоря, что грех больше убивать. Таким способом каждая охотничья группа добывала до 300 голов диких оленей. Убитые олени плавали на поверхности воды. На следующий день одни охотники на лодках подтаскивали их туши к берегу, а другие выволакивали их на сушу. Если добыча была большая, это длилось целый день.

После этого наступала большая работа по заготовке припасов впрок.

Прежде всего с оленей надо было снять шкуры и выпотрошить их. Обычно кишки вычищали и ели, при этой же охоте их выбрасывали в тундру на съедение зверям и птицам. Люди со стоянок № 6 и № 7 приезжали к озерам и увозили с собой мясо и шкуры для дальнейшей их обработки. С боков жирных оленей срезали целиком без костей большие пласты мяса с жиром, посыпали их немного темной морской солью³² и вешали сушить на вешала (*қон'иң*), которые возили с собой. На месте в пищу употребляли только мясо с костями.

Мясо, проявившееся вместе с жиром, разрезали на маленькие кусочки, которые назывались *эбалэң*. Складывали их в белые мешки из обработанной оленьей кожи, а затем укладывали в другие мешки — большего размера, в том числе называемые *мамңанд'эдоңој*.

Зимой в лесу рога оленей вешали на деревья, а летом в тундре их клали на землю, обратив лицевой стороной к восходу солнца.

Оленьи кости тоже шли в дело, для чего их предварительно измельчали. Дроблением костей занимались одни лишь женщины. С этой целью они возили с собой каменные инструменты: *т'обуриэпурэбэ* — каменный молоток с деревянной ручкой и *т'обуриэалбэ* — каменную ступу. Молоток изготовляли из удлинённого овального камня. Посредине его проходил желобок, в который укладывался ремень. Последний всовывался в единственное отверстие у основания деревянной ручки и крепко привязывался к ней. Ступа, как и молоток, имела небольшой размер и изготовлялась из какого-то крепкого черного камня, в середине которого выдалбливалось углубление. Эти орудия делали мужчины, но пользовались ими женщины.

Из раздробленных костей вываривали жир (*н'ан'ир*). Когда он всплывал наверх, его сливали в другую посуду. После остывания его складывали в *л'укумон'иңој* — маленький желудок оленя. Все это готовилось про запас на зиму — для еды и для светильника³³.

Когда убивали много оленей, то костный мозг (но не головной) также складывали про запас в упомянутые желудки.

Для добычи костного мозга — *т'обул* (от этого слова образовано и название инструментов для дробления костей) — кости ломали поперек.

Костные остатки не разбрасывались. Юкагиры складывали их и

³² Соль юкагиры добывали из морской воды посредством кипячения.

³³ Светильник (*л'эјкэң*) представлял собой деревянную чашку, сделанную из корня (*лобор*). В чашку наливали костный жир и клали в него фитиль из меха. Когда тот обгорал, его поправляли двумя палочками, которые всегда лежали на светильнике.

сжигали на костре. Оставшийся же пепел собирали в кучу и зарывали. Нельзя не отметить, что юагиры оберегали чистоту тундры. Так, если они находили дохлого оленя в тундре, то, для того чтобы падаль не грязнила ее, его разрезали, мясо разбрасывали на съедение птицам и зверям, оставшиеся после этого кости собирали и зарывали в ямку.

Для перевозки из тундры добытого мяса требовалось много нарт, оленей и мешков. При большой добыче их не хватало. Тогда юагиры делали *сашэн лалимэ* — «нарту из шкур». Две оленьи шкуры мехом наружу сшивались вместе. Куски оленины просто складывались в такие мешки, крошеное же мясо предварительно укладывали в новые белые мешки из оленьей кожи, а затем уже в мешок из шкур. Плотно зашив мешок и пришив к нему ремни, юагиры впрягали в него оленя. Так как мешок хорошо скользил по снегу по ходу волоса, олень легко волочил его за собой. Таких «нарт из шкур» в караване оленей было много.

До стоянки № 7 легче всего было добраться юагирам из пункта № 4. Поэтому на них возлагалась еще обязанность снабжать стоянку № 7 дровами, которые они привозили из древесных наносов на берегу Восточно-Сибирского моря у устья реки Коньковой. Шли они туда вдоль левого берега реки, что отмечено на карте пунктиром. Там же они находили необходимый материал для нарт и лодок.

Кроме того, они бродили вдоль берега в поисках погибших тюленей и белков (детенышей нерп, выброшенных волнами океана на берег). Из пушистого меха белков делались специальные украшения для зимней верхней одежды, которые окрашивались в красный или темно-бордовый цвет. Из кож крупных тюленей изготавливались ремни, подошвы.

Челноки у юагиров не сколачивались гвоздями, а сшивались при помощи жил. Найдя на берегу океана бревно нужной толщины и качества, юагиры делали на нем ложбинку и раскалывали его на плахи. Нужны были три плахи: две — для бортов, одна — для дна. Для последнего выбирали наиболее крепкое дерево, по словам рассказчика, с сучками, а для бортов — без сучков. Из плах топорами вытесывались тонкие ровные доски. Доска для дна делалась более толстой, примерно в три пальца толщиной. Она выдалбливалась примерно на полтора пальца в глубину, причем ширина оставленного бортика соответствовала толщине бортовой доски. Затем в бортике и нижних краях бортовых досок через каждые два пальца тонким сверлом просверливали сквозные отверстия, соответствующие друг другу. После этого челнок в направлении от носа к корме сшивали при помощи толстых ниток, сплетенных из сухожилий, и костяной иглы, выточенной из кости голени оленя. Нитки должны были туго проходить сквозь отверстия, чтобы препятствовать просачиванию воды. Потом швы челнока просмаливались смолой хвойных деревьев.

Последняя заготавливалась, когда юагиры находились в лесу. Собранную кору со смолой клали в котел и кипятили вместе с водой. Котел закрывали крышкой с просверленными в ней отверстиями, на которую набрасывали собачью шерсть (для этой цели убивали мохнатую собаку). Когда шерсть пропитывалась всплывавшей смолой, ее снимали и бросали в котел с теплой водой. Там, при помешивании палкой, смола густела. Ее вытаскивали, клали на доску и сплющивали. Затем ей давали остынуть, после чего разрезали на тонкие полоски и сохраняли.

В тундре для просмаливания челнока разжигали костер из высушенного торфа. На палочку с развилкой клали полоску смолы с шерстью и согревали ее на костре. Когда она размягчалась, ее клали на шов чел-

нока и пальцами, смоченными в воде, крепко придавливали к нему. Так просмаливались в нем все швы. Затем челнок поднимали и прогревали просмоленные швы у костра, чтобы смола проникла в мельчайшие отверстия и сделала шов непроницаемым для воды. При этом смолу снова придавливали пальцами.

После этого к краям дна челнока прикрепляли костяные полозья, сделанные из кусков рога дикого оленя. Для этого они соответственным образом подтачивались. Приклеивали их клеем, вываренным из рогов дикого оленя. Затем в них просверливали отверстия и приколачивали к дну деревянными гвоздями, изготовленными из верхнего слоя дерева. Приделанные полозья позволяли челноку скользить по тундре, когда его волочили олени, и предохраняли дно от повреждений. Летом челнок прятали от солнца, чтобы оно не растопило на швах смолу.

Кроме челноков осенью делали и нарты. Деревья с крепким наружным слоем, из которого изготовляли полозья, искали в дровяных наносах в устьях рек и на берегу моря. Ножки нарт делали из рогов дикого оленя — самца (*өнт'из*), которые собирали в тундре.

Элин қомдэмэң — начало осени, соответствующее примерно концу августа.

Когда охота на диких оленей у озер заканчивалась, охотники сходились в стоянке № 6 и договаривались о начале промысла пушного зверя — песца. Из стоянки № 6 они расходились группами к своим стоянкам, где находились оставленные старики, старухи и зимние вещи.

По пути к стоянкам начиналась эта охота. Сначала охотились на летнего песца. Собаки отыскивали норы, охотники раскапывали их пальмóй и убивали животное. Таким образом добывали много шкур. Когда земля замерзала и раскапывать норы было уже невозможно, на песцов охотились при помощи собак и ружей. В дальнейшем, по пути следования караванов по тундре, охота на песцов продолжалась почти до края леса.

Охотники, уходившие со стоянки № 6 к стоянке № 7, не доводили до нее всех своих домашних оленей с запасами мяса и скарбом, а направляли их на стоянку № 5, чтобы стада домашних оленей не портили тундры, где обитали дикие олени. Для себя они оставляли некоторое количество упряжных и верховых оленей, на которых добирались до стоянки № 5. Последняя считалась основной базой охотников и называлась *кэрэлуолубэн*. Осенью все юкагиры встречались там и сообща решали, где им проводить зиму — у озер (*Г'имир*, *Мэнақтақ*, *Дулба*), на Омолоне или в других местах, «чтобы дать отдохнуть земле», по которой они уже кочевали с домашними оленями.

Қомдэмэң — время осени, соответствовавшее сентябрю и октябрю. В этот период начиналось движение юкагиров с севера на юг — от Восточно-Сибирского моря к лесу.

Когда охотники уходили со стоянок № 6 и № 7, они наряду с добычей песцов начинали охотиться на диких оленей с манщиком. Манщик — это специально выдрессированный домашний олень, при помощи которого охотники привлекали к себе стадо диких оленей, чтобы перебить его.

Привожу перевод рассказа Н. Т. Трифонова об этом виде охоты, которую он видел в детстве.

«Когда наступает осень, при помощи манщика охотятся (дословно ходят). Однажды я видел. Мой отец был вожаком (дословно передовиком, т. е. передовым охотником), манщиком охотился. Другие люди тоже были (с манщиками). Охотиться ушли. Табун диких оленей увидели. Мой отец свое седло снял (с ездового оленя). Тогда его това-

рищи тоже (седла) сняли. Мой отец своего манщика подергал. Потом дулом (носом) ружья своего манщика с обеих сторон шеи, у челюсти толкнул (дословно уколол). Его товарищи, как отец сделал, также своих манщиков дулом ружья толкнули. Мой отец своего манщика, подергав, в сторону диких оленей отпустил. Манщик моего отца пошел. Потом манщик моего деда Константина в сторону манщика моего отца, храпя, побежал легкой рысью, кушая (по пути). Другие люди, подергав своих манщиков, отпустили их, (но) манщики не пошли. Там (на месте) стоят, едят, никуда не идут. Некоторые в сторону дома пошагали. Люди очень рассердились. Мой отец сказал: „Потише! Отсюда никуда не уходите! Своих ездовых оленей порознь держите! Лягте!“ Потом мой отец своего ездового оленя дернул. Ездовой моего отца в сторону диких оленей пошагал. Мой отец за своим ездовым, согнувшись (как теленок), пошел. Мой дед Константин своего ездового дернул. В сторону моего отца его ездовой пошагал. Он тоже за своим ездовым, согнувшись (как теленок), пошел. Когда я посмотрел, они от оленей не отличаются, за своими ездовыми (так) шли. Их дохи серые, из шкур дикого оленя сделанные дохи. Я в яме лежал, смотрел. Манщик моего отца к табуну диких оленей пришел, медленно подошел. Дикие олени на манщика моего отца все глядели. Сзади манщик моего деда пришел. Дикие олени бояться стали. Манщик моего отца, захрапев, вдруг назад рысцой побежал. Тогда манщик моего деда Константина, (тоже) захрапев, за манщиком моего отца вдруг рысцой побежал в нашу сторону. Дикие олени за этим манщиком все пошли. Один за другим шли. Манщик моего отца с нашей подветренной стороны прошел. Близко от нас повернулись, мимо нас прошли. (Тогда) манщик моего отца остановился, начал есть. Манщик моего деда Константина остановился и тоже начал есть. Подобно им, дикие олени остановились. Одновременно с их остановкой из ружей сразу выстрелили. Речь моего деда Константина услышал (я): „Вожака быстро застрелите! С левой стороны находится, быстро застрелите!“ Вожака свалили. Этот табун диких оленей никуда не ушел, в одном месте кружились. Тогда мой отец крикнул: „Хватит (убивать), двоих (в живых) оставьте!“».

Охота с помощью манщика, вероятно, представляет собой очень древний вид охоты. Обучение манщика — дело исключительно трудное. Из рассказа видно, что манщики некоторых охотников не подчинялись их воле, так как были плохо выдрессированы. Н. Т. Трифонов помнит, что лучшим дрессировщиком манщиков был один из Куриловых (имя его в моих записях не отмечено). Манщика пускали к стаду диких оленей на длинном ремне, который изготавливали из кожи лося. Лишь после шести-семи лет обучения охотники отваживались отпускать хорошо выдрессированного манщика без ремня. На пару с манщиком работал ездовой олень, которого также специально дрессировали. Снего снимали седло, чтобы дикие олени не испугались его, а охотник шел, прячась за ездовым оленем, подражая в это время движениям олененка. При помощи храпа, о котором говорится в рассказе, манщик манил за собой стадо диких оленей, а иногда давал этим понять своему хозяину, что он его понял. Приходится удивляться, что охотники неолита могли подвергать животное такой исключительно сложной дрессировке. Как и в других случаях, уничтожая стадо диких оленей, юкагиры-охотники не убивали его целиком, нескольких животных обязательно оставляли в живых. Несмотря на то что юкагир-охотник жил мясом оленя, он питал к последнему высокие человеческие чувства. Они прекрасно выражены в песне одноглазого старика Антона — двоюродного брата деда рассказчика. Приводим оригинал этой песни и перевод ее:

(1) Ма:ркад'эн мэт қажт'иэ Антон пэлдудие јактэл моримэн. (2) Эл'инл'энол јакта:рэ мони: (3) «Амат'э т'ајлэк, амат'э ма:род'э т'ајлэк. (4) Мит эд'ил туң јawnнэј пулгэд'илэ пулгэјлдитэ қоморэјлдитэ т'андэн у:ј. (5) Мит эд'ил јawnнэр т'андэн у:бан. (6) Мит Лабунмэдэну абут'иэ митқана түдэ эбара:лэк толиэбан. (7) Мит лукунбурэбэ мо:јэ митқана јawно амутнэн толиэбан. (8) Ма:ролэ иэрулэ ки:бан, мит киэјиэ кудиебан ниномиејэ иэрулэ. (9) Амаба уоңолэр ниномиејэд'ит мэт эврэјол, қо:лэм конмэгист'эсур таңунола:тэјэн (10) Ниномиејэ илэ мэт ан'мэрэјол, ниномиејэ сэбун'иэт'э мэт wиэјол; л'укуодага, мэт энидо: ираңал энмурги, н'а:т'эги — јуоди:ба удэк курул'уолнуни. (11) Турид'иэ мэт уарит'уолбат, турид'иэ т'уңрэни, амутнэн ура:ј. (12) Толон солқанин' энмун ју:ру:пэңин' пот'эсэјна:рэ ма:лбун wаба:на:дабан толиэлэк т'улбајрэлэк пот'эсэјлбанэ нигидэјрэн эл'инэ мирарэн kawэјнуни. (13) Пэттэн ланн'эрэн у:нуни. (14) Талаwwal' коткэјна:рэ, удэк лэwдиэрэн а:дурэн у:нуни. (15) Ираңалдиэ ит'уорэн түдэланудэн у:нунд'эн, мэт анмиллаја кайруолдэн јэwлид'энолдэн у:нунд'эн. (16) ју:ру:лэба коткэјна:рэн мэра:рэјнуни, мэлэwдиэнунни. (17) Иңиэнудабанэ сабаргудэк кэwэјнуни. (18) Тада:нэ ју:ру:рэн мэт ираңалба мэпогизунни. (19) Тада:нэ погизенудабанэ мэт ираңалиэ т'угојнэн мира:нуни лэwдијирэн, мэт ланудэн. (20) А:дуңудаганэ н'уңорэстэн у:нуни. (21) Тада:нэ ју:ру:пэн јawnнэр пэтт'иэрэ кэwэјнуни, мэт ираңаллаја. (22) Мэт wалин у:т'иэнунни. (23) Тада wэрwэн пэлиэлэк қанмибаснунун. (24) Таңуллаја:т јуобајрэ нимэңин' кэwэјрэ, н'угэлги Н'уңоссаwad'а ан'мэра:нунмэн. (25) Қомдэл'э awэјабарга т'инит'элба нимэңин' кэwэјнунд'эн. (26) Саба:лбун'и н'иэрэ мэт энидо: ма:лбун wаба:на:дабан т'улбајрэлэк пот'эсэјнунун. (27) Нигэдэјрэн пэт'изунни, элсаба:т'он нимэланудэн пэтнуни. (28) Лawјэдонилбанэ элсуоса:нун, лукудамад'эбанэ элсуоса:нун, тат у:рэн, нимаба мэтқанэ коткэрэјнунум. (29) Амаба, амаба мэт энидо:. (30) Мэт энидо:лэк элпэлуолморaw иэрулпэк пэлнунмэн, қанмибаснунмэн, мэннунмэн. (31) Эврэрэ элэврэјолморaw лукунбурэбэпулба эвриэнунд'эн. (32) Т'угуолэдэн т'угуон', wэрwэлэдэ wэрwэј. (33) Н'иңомиејэ л'уорит'эпулба түдэлэк л'уора:нунд'эн. (34) Н'иңомиејэ толодуорпэлэк анмилн'эј т'и:н'эн л'уора:нунд'эн. (35) Ка:лит'э анмилн'эј элмонојолд'а:пэн'эн л'уора:нунд'эн. (36) Л'уорэрэ, қанинэ пон'а:јол элгурэли:јэн, мэт энидо: ан'мэра:нурэ. (37) Тада:т са:рулэ эврэлба эгуриэрэ wај түдэл н'уојигијес нунмэн. (38) Пугуд'эл'э эримэбанэ турид'иэ коңиэнунум. (39) Лајэдаба н'угэлгинлэк ан'мэрэ, тоңониэнунд'эн. (40) Мэт киэјиэ у:дэк мирарэн пэтнурэн у:нуни. (41) Н'иңомиејэ мургэпулбан у:нуни. (42) јуорқабан, т'умурбан, јалбилбан, энмудиепэбан, мугипэбан јатақ у:нуни. (43) Нэмэн јawул ну:рэ мэма:нунум. (44) Пэлдэлэк ма:лбун wаба:на:дабан толиэлэк т'улбајрэлэк энмун моңон ју:ру:пэ јawулбан пот'эсэјнунун. (45) Та:тл'эллэк нигидэјрэн кэwэјнуни, мэт энидо:, элн'уојигиэ т'уон кэwэјнуни. (46) Талаwлэ лајэврэт пэлдэлэк, мэтланудэн н'ат'ин кэт'инунум. (47) Тада: wај қанмибаснунун. (48) Мэт энидо: кун'ил' кинсуқуңан мојң суқујин. (49) Туң суқујил т'ит'иркэба мэтқанэ н'иңомиејэ лэгулэк лэгитэм, н'иңомиејэ суқунэк ондэм, пугулэрум. (50) Мэт энидо: мирин' јабар јанаспэјрэт. (51) Түдэлэк мол'бил мэд'иң, тэтт'иэңола:јэн. (52) Түдэлэк көдэңола:јэн. (53) Қан'ин мэлугумуј, мэпунна:ј — т'и:ңин' қанмибарэјсэн. (54) Қанмибарэјлпэги элит'уојэн. (55) Н'уңорэллэк кудуолги јуот'и:рэ, мэт јуоди:н lawјэ wал'барэ помэрэјолги элгурил'ијэн. (56) јэwлугэ:, јэwлугэ:, јэwлугэ:».

(1) Однажды песнь моего деда Антона-старика слышал. (2) Сперва, начав петь, сказал: (3) «Хороший день, хороший удачный день (пусть всем будет). (4) Наша жизнь всех этих растений произрастанию подобна, позеленению подобна, вверх идет. (5) Наша жизнь вся вверх

пусть идет. (6) Наша Куропаточная река-бабушка нас своим дыханием
 пусть поддержит. (7) Нашей земли хозяин (дословно земли держатель,
 речь идет о духе земли) нас всех хорошо пусть поддержит. (8) Удачу,
 охоту пусть даст; перед нами пусть положит разную охоту. (9) О пре-
 красно! Когда молодым был, разнообразные мои хождения (мои путе-
 шествия)! Разве вторично таким стану я? (10) Разные олени, мною
 объезженные, разные манщики, мною обученные (дословно мною
 сделанные); (таким), когда он маленький был, мой энидо:³⁴, серые
 рога его, морда (лицо) его — в глазах (моих) всегда видятся. (11) Он
 один из (всех) обученных мною, он один (лишь) умный был, хорошо
 учился. (12) К стаду диких оленей, к криворогим (дословно рогокри-
 вым) посылать начинаю, по обе стороны его шеи у челюсти посохом
 кольнув, в то время когда посылаю, отряхиваясь сначала, шагом идет
 (13) (Потом) медленной рысью, быстрой рысью идет. (14) Близко к
 оленям подходить начиная, всегда кушая, останавливаясь, идет.
 (15) Серенького посмотрев, в его сторону иду, позади моего ездового
 оленя, уподобляясь олененку (оленим теленком будучи), иду.
 (16) К кривым (т. е. диким оленям) приближаться начиная, останавли-
 вается, ест. (17) Если они боятся (т. е. если он чувствует, что дикие олени
 его боятся), в сторону уходит. (18) Тогда кривые за моим серым пле-
 тутся (ведутся; идут). (19) Когда они ведутся, мой серенький, чуть
 кушая, быстро шагает в мою сторону. (20) Если они останавливаются,
 храпя, идет (т. е. подзывает их храпом). (21) Тогда кривые все рысью
 идут позади моего серого. (22) Мимо меня проходит (мой манщик).
 (23) Тогда, насколько сил хватает, убиваю. (24) После этого, когда
 кончу, к чуму уходя, его (т. е. манщика) двоюродного брата Красиво-
 бокого запрягаю. (25) Осенним вечером ночью к чуму уезжаю.
 (26) Если блуждать начинаю, (то) моего энидо:, по обе стороны шеи
 у челюсти кольнув, посылаю. (27) Отряхнувшись, рысью идет, не
 блуждая, в сторону чума приходит. (28) Полоску суши (дословно
 щель), между водою не пропускает (не промазывает), ровное (дословно
 немного хорошее) место не пропускает, так, идя к чуму, меня доводит.
 (29) О хорошо! О хорошо! мой энидо:. (30) Моим энидо: не настигае-
 мую добычу (дословно охоту) настигаю, убиваю, беру. (31) Идучи, в
 тех землях, где не мог бы ходить, хожу. (32) Быстротой быстр, силой
 силен. (33) На разных игрищах им состязаюсь (дословно играю).
 (34) С разными детенышами диких оленей, с людьми, имеющими ездо-
 вых оленей, состязаюсь. (35) С могучими ездовыми оленями чукчей
 состязаюсь. (36) Если состязался, никогда поражения (дословно
 отставания) не знал, ездя на своем энидо:. (37) Потом, на лесную
 охоту ходить начиная, опять его на ремне пускаю. (38) В весеннем
 снегу он один дорогу прокладывает (дословно режет). (39) На его
 двоюродном брате ездя, сзади него гонюсь (так как он вперед уходил).
 (40) Впереди меня всегда шагая, рысью идет. (41) По разным густым
 лесам идет. (42) По низменностям, по возвышенностям, по озерам, по
 речушкам, по обрывам берегов напрямик идет. (43) Чей-либо след
 найдя, (меня) ждет. (44) Догнав (его), по обеим сторонам шеи у
 челюсти посохом кольнув, по дороге криворогошапочных (диких оле-
 ней) посылаю. (45) Тогда, отряхиваясь, уходит, без ремня уходит.
 (46) Диких оленей сзади нагоняя, в мою сторону навстречу (мне)
 приводит. (47) Тогда опять убиваю. (48) Моего энидо: в течение
 двенадцати лет держал, берег. (49) В продолжение этого содержания

³⁴ Энидо: — теленок важенки, не достигшей года. Обычно важенки телятся после года.

(он) меня разной едой кормил, разной одеждой одевал, согревал. (50) Моего энидо:, лишь умерев, забуду. (51) Им (с его помощью) на ноги встал (дословно суставы взял), разбогател. (52) Им человеком стал. (53) Когда (он) состарился, начали (его) убивать, людей попросил убить. (54) Его умерщвления не смотрел. (55) Когда лежащим его на боку увидел, что из одного моего глаза (дословно моего глаза половины) слезы (дословно вода) покатались, я не знал. (56) О, бедняжка, о, бедняжка, о, бедняжка!».

Осенью юагиры охотились иногда и на лосей. Лось в это время не отходит от самки. Следы их хорошо видны на снегу. С помощью собаки охотники находили их следы, преследовали и убивали.

Прибыв на свои стоянки, охотники приступали к устройству ледников (*јарқарал, јаркалалшијэ, јарқанимэ*). Они ставились на льду замерзшей лужи, но не озера или реки. Не ставили их и на снегу, сквозь который в ледник легко проникли бы мыши. Для устройства ледника выдалбливали лед плитами, высотой до пояса. Из них на льду лужи устанавливались стены до десяти метров длиной. В такой ледник перекладывали выпотрошенных гусей, добытых еще во время их массового забоя. Дело в том, что с наступлением холодов в погребах, сделанных в слое вечной мерзлоты, где они хранились летом, становилось тепло, и запасы начинали портиться. Туда же складывали часть запасов мяса диких оленей, добытых в тундре, и рыбу, которую за лето наловили старики. Когда все это было уложено, ледник перекрывали ледяными плитами, сверху которых проделывали отверстия для вентиляции. Щели в местах стыка плит плотно заделывали снегом, политым водой. Каждое хозяйство устраивало для себя свой ледник.

Ледники оставались закрытыми до пугуд'эмэн, т. е. до весны. Когда юагиры, оставив зимние стоянки, прикочевывали к краю леса, запасы пищи, хранимые в них, шли в дело. За ними ездили на нартах. Поездки к стоянкам, где находились ледники, использовались для заброски в безлесную тундру дров. Их оставляли в определенных местах на пути будущих летних кочевий. На обратном пути, в тех местах, где находились дрова, откладывали и небольшие запасы пищи, которые укрывали так, чтобы они были недоступны для всяких хищников.

Если запасов в ледяных хранилищах было много, то на лето их снова перекладывали в погреба, которые имелись на стоянках.

Лашјэмэн — время замерзания воды, т. е. рек, озер, совпадающее примерно с ноябрем.

Снег в это время полностью покрывал тундру. Расставшись со своими стоянками, юагиры постепенно продвигались на юг, к месту своей предстоящей зимовки. В пути на остановках ставили маленькие зимние чумы.

В это время юагиры охотились на диких оленей, догоняя их на нарте. Для этого в легкую нарту впрягали (рядом) пару быстрых и сильных оленей. Заметив диких оленей, охотник догонял их и ехал параллельно бегущему стаду, пока олени не привыкали к его виду и не переставали его бояться. Успокоившись, в какой-то момент стадо оленей начинало огibtать нарту, словно собиравшееся кружиться вокруг нее. Тогда охотник, высматривавший все время вожака, первым его убивал. (Иначе он уведет оленей.) Стадо, лишенное вожака, в недоумении задерживалось, и тут охотник, стреляя в оленей, убивал их, сколько мог. Однако двух-трех оленей он обязан был оставить в живых. Если же стадо не успокаивалось и продолжало убежать напрямик дальше, охотник на своей легкой нарте догонял его и стрелял в задних оленей. Этот вид охоты называется *пирид'иэл*.

Когда караваны двигались по тундре к краю леса, на озерах продавливали лед и ставили сети для подледного лова рыбы.

В тех хозяйствах, где не было достаточного количества оленей, охотник на нартах заранее отвозил вперед по дороге часть груза, а затем возвращался обратно за оставшимися людьми и остальным скарбом³⁵. Груз, перевезенный заранее и временно оставленный на дороге, назывался *кэрд'илэң*.

Прибывая в лес к месту своей зимовки, юкагиры начинали новый годовой цикл своей жизни.

В заключение своего очерка мне хочется сказать, что все, кто когда-либо займется изучением юкагирского языка, должны с глубокой благодарностью вспомнить юкагира Николая Трифионовича Трифонова за все сведения, которые он дал науке о своем народе, за то, что он помог раскрыть тонкую поэтическую душу одного из загадочных народов крайнего северо-востока Азии — юкагиров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василевич Г. М., Левин М. Г. Типы оленеводства и их происхождение, — «Советская этнография», 1951, № 1, стр. 63—87.
2. Гурвич И. С. Была ли известна юкагирам экзогамия?, — «Советская этнография», 1969, № 2, стр. 87—92.
3. Гурвич И. С. Полевые дневники В. И. Иохельсона и Д. Л. Иохельсон-Бродской, — «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», т. 85, М., 1963, стр. 248—258.
4. Гурвич И. С. Социальная организация юкагиров, — сб. «Общественный строй у народов северной Сибири», М., 1970, стр. 248—263.
5. Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири, М., 1966.
6. Гурвич И. С. Этнографическая экспедиция в бассейн р. Индигирки, — «Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», т. XIX, М., 1953, стр. 28—42.
7. Иохельсон В. И. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, СПб., 1900.
8. Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, ч. I, СПб., 1900.
9. Иохельсон В. И. По рекам Ясачной и Коркодону, СПб., 1898.
10. Крейнович Е. А. Юкагирский язык, М.—Л., 1958.
11. Курилов Г. Н. О терминах родства и свойства тундренных юкагиров, — «Советская этнография», 1969, № 2, стр. 92—96.
12. Курилов Г. Н. О некоторых юкагирских топонимах, — сб. «Советское финно-угроведение», т. IV, вып. 1, Таллин, 1968, стр. 67—70.
- 12а. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка, т. II, III, [б. м.], 1953.
13. Трояков П. А. Промысловые и магические функции сказывания сказок у хакасов, — «Советская этнография», 1969, № 2, стр. 24—34.
14. Jochelson W. The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus, — «Memoirs of the American Museum of Natural History», vol. XIII, pt I, Leiden, 1910; vol. XIII, pt II, Leiden, 1924.
15. Shiefner A. Beiträge zur Kenntniss der jukagirischen Sprache, — «Mélanges Asiatiques», 1871, t. IV, Livr. 3, 4, стр. 409—446.

³⁵ Об этом способе перевозки, называемом на Колыме «кочевать с отвозом», пишет и В. И. Иохельсон [7, 12].

Л. И. Смирнова

МИНИАТЮРНАЯ КОРЯКСКАЯ СКУЛЬПТУРА ИЗ КОСТИ И ДЕРЕВА

Миниатюрная скульптура из кости в Северо-Восточной Азии кроме коряков известна у чукчей, эскимосов, якутов и алеутов. Искусство резьбы из кости у коряков родственно чукотско-эскимосскому. Мотивы его у коряков — отражение быта — совпадают с чукотскими, но корякская резная кость не была подражанием. Своей выразительностью, художественностью и реалистичностью миниатюрная скульптура коряков заметно выделяется среди аналогичных произведений других народов крайнего северо-востока Азии.

Несмотря на то что костяная скульптура коряков привлекала внимание многих исследователей Камчатки [1, 54—59; 2, 62; 3, 86—87; 4, 24—27; 6, 387, 657, 658; 8, 646—666], обобщающих исследований о ней не имеется. Мало известно о скульптуре деревянной [8, 646—666].

В литературе первым упоминает о резной скульптуре из кости у коряков Карл Дитмар, участник экспедиции на Камчатку в 50-х годах XIX в. В его работе «О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах» этому вопросу уделена лишь одна фраза о том, что у олюторцев он видел «разные резные вещи из моржовых зубов, как-то: трубки, маленькие чашки, ложки, поясные застёжки и разные разности; наконец, игрушки, которые в особенности проявляют изобретательность этого народа» [2, 62].

В 1900 г. в Петербурге вышла книга Н. В. Слюнина¹ «Охотско-Камчатский край». В ней автор наряду с географическим и историческим очерком Камчатки, данными о климате, населении и торговле мимоходом упоминает и о резьбе коряков по кости и дереву [6, 387, 657, 658]. Интересно замечание автора о том, что яранги коряков-олюторцев «полны» изделиями из кости. Он пишет, что они служат иногда игрушками для детей, но больше «представляют местные bibelots (маленькие декоративные художественные ценности), в которых высказывается остроумие, наблюдательность и техника инородца» [6, 658]. Восхищаясь высокими художественными достоинствами скульптур, Н. В. Слюнин выражает надежду на то, что в дальнейшем этот вид искусства получит большее распространение. В книге приведено изображение 13 предметов скульптуры на 11 рисунках без описания. Это первая публикация корякской скульптуры в печати. Собранная Н. В. Слюниным на Камчатке коллекция скульптур из кости (108 предметов) хранится в Государ-

---

¹ С 1896 г. он в качестве врача входил в состав Охотско-Камчатской экспедиции и имел право самостоятельных разъездов и отдельной зимовки.

ственном музее этнографии народов СССР в Ленинграде (далее — ГМЭ). В 1904 г. она была кратко зарегистрирована С. И. Руденко (ГМЭ 4879).

В 1898 г. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (далее — МАЭ) получил большую коллекцию этнографических предметов от Н. Л. Гондатти, который три года прожил в Анадырском округе среди чукчей и других народов края. По просьбе директора музея, пользуясь этими материалами, В. Г. Богораз написал и издал в 1901 г. «Очерк материального быта оленных чукчей» [1]. Работа посвящена описанию чукотского жилища, утвари, одежды, предметов охоты, оленеводства и т. п., а также описанию костяных изделий чукчей. Параллельно В. Г. Богораз коснулся вопроса о костяных изделиях коряков и родственных им кереков. Скульптуре коряков он посвящает две таблицы с 40 рисунками и одну страницу краткого описания их, скульптуре кереков — две таблицы. В работе указывается, что «чукотско-коряцкие изделия поражают своей неприменимостью к... требованиям практической жизни» [1, 55].

В начале 1900 г. Северо-Тихоокеанской экспедицией американского Музея естественной истории в Нью-Йорке на Камчатку для проведения археологических раскопок и этнографического изучения коряков был отправлен В. И. Иохельсон. Результатом его исследований явилась монография «The Koryak». Искусству коряков в шитье одежды, вышивании, изготовлении домашней утвари и других предметов В. И. Иохельсон посвятил главу «Искусство», выделив в ней специальный раздел «Скульптура» [8, 646—666]. Много внимания автор уделяет сравнению резьбы по кости у коряков с резьбой у чукчей, эскимосов, индейцев, якутов и алеутов. В монографии опубликовано 45 рисунков миниатюрных скульптур. Из них 34 — из моржовой кости, 2 — из рога горного барана и 9 — из дерева; 18 фигур изображают человека, 6 — человека с животным, 19 — животных, птиц и рыб и 1 — остов полуподземного жилища коряков, который еще не засыпан землей, с фигурой человека наверху и головой жертвенной собаки, насаженной на столб, и прислоненным копьём, которым она была заколота [8, 665, fig. 182]. Все коллекции В. И. Иохельсона хранятся в Музее естественной истории в Нью-Йорке, и, насколько известно, дальнейших публикаций миниатюрной скульптуры коряков из этих коллекций осуществлено не было.

В своей работе «Этнологические проблемы на северных берегах Тихого океана» [3, 86—87] В. И. Иохельсон кратко возвращается к скульптуре коряков из кости и снова отмечает ее более высокий художественный уровень по сравнению с резной костью эскимосов, чукчей, индейцев. В ней помещено несколько рисунков из упомянутой выше монографии.

В 1964 г. вышла в свет работа Е. П. Орловой «Чукотская, корякская, эскимосская, алеутская резная кость», являющаяся наиболее полной публикацией материалов резной кости народов северо-востока Сибири. Книга написана на основании изучения коллекций ГМЭ. В конце ее дан список коллекций чукотской, эскимосской, корякской и алеутской резной кости, хранящихся в фондах ГМЭ, годы сбора и фамилии собирателей [4, 36—37]. В книге представлено восемь таблиц корякской резной кости с 79 фотографиями скульптур. Однако описанию резной кости коряков в книге уделены всего две с небольшим страницы [4, 24—27].

О происхождении скульптуры у коряков по имеющимся данным судить трудно. У коряков XIX — начала XX в. известны украшения из кости на ложках, трубках, палочках для выбивания снега, шахматных фигурах и т. д., т. е. на предметах быта. Скульптурная резьба на них

стоит как бы на грани художественного ремесла и изобразительного искусства. Она посвящена тем же сюжетам — изображению людей, животных или птиц — и сделана в той же художественной манере, что и самостоятельная резная скульптура. Так же как и последняя, она может представлять целую жизненную сцену. Тяготение к скульптурному украшению всевозможных предметов быта, видимо, явилось одним из истоков развития самостоятельной скульптуры. Возможно также, что костяные и деревянные фигуры изготавливались для собственного удовольствия и как игрушки для детей, а также в связи с большим спросом со стороны русских готовились на продажу. Так, различные резные изделия из кости Дитмар считает «игрушками» [2, 62]. Игрушками же называет Иохельсон те предметы, в которых сделано отверстие, и отмечает, что они всегда выполнены хуже [8, 668].

В коллекционных описях ГМЭ фигуры животных из кости, связанные сухожильной ниткой через специально оставленные отверстия в них, так и называются «игрушками», «связками игрушек». В описании одной из таких связок читаем: «Связка игрушек, сделанных родителями для своих детей... Такого рода игрушки делаются коряками Гижигинского округа, живущими на берегу Охотского моря в местности Тайгонос и занимающимися главным образом рыболовством и охотой на морских животных» [ГМЭ 862—1а/2 bcde]. Такие связки объединяли изображения различных животных, например: утку, медвежонка и сову (ГМЭ 862—2 abc), тюленей и собак (ГМЭ 862—1а/2 bcde), тюленя, собаку и птицу (ГМЭ 862—3 abc). Иногда игрушками названы и отдельные фигуры (МАЭ 6355—20, 21). Те же пометы в описях — «игрушки» — относятся и к деревянной скульптуре (МАЭ 3896—32, 33).

В коллекционной описи ГМЭ № 867, вещи которой приобретены в 1903 г. в Гижигинском районе, стоит помета «для продажи».

В литературе не имеется указаний о культовом применении скульптуры, о связи ее с религиозными взглядами коряков, отмечается только художественное и бытовое ее значение.

Причину исчезновения скульптуры указать трудно, можно лишь предположить, что выделывание ее прекратилось с уменьшением поголовья моржей у берегов Камчатки. Современные исследователи коряков В. В. Антропова, Е. П. Орлова и И. С. Вдовин во время своих экспедиций на Камчатку в 50-е годы уже не видели резных изделий. Мастерских по резьбе там никогда не было, работа производилась отдельными лицами, и ни одного имени мастера до нас, к сожалению, не дошло. Костяная и деревянная скульптура коряков, хранящаяся в двух музеях Ленинграда — МАЭ и ГМЭ, относится к небольшому отрезку времени: сбор и приобретение конца XIX — начала XX в. Во все последующие годы поступлений корякских скульптур в эти два музея не было.

* * *

Скульптуру коряки вырезали только из дерева и кости. По литературным источникам и данным коллекций ГМЭ и МАЭ можно установить ареал использования каждого материала.

Резьбой из дерева занимались оседлые коряки северного побережья Пенжинского и Гижигинского заливов, Карагинского и Тигильского районов, в селениях Парень, Иткана, Микино, Шестаково, Пенжина, Теличики, Левата, Карага и Тигиль. Резьбой из кости — жители побережья Берингова моря и залива Корфа и отчасти жители северного побережья Пенжинского и Гижигинского заливов, в селениях Апука, Олюторское, Куэль, Парень, Кушка, Лесная. Таким образом,

вырезыванием занимались (в разной степени и из разного материала) прибрежные коряки почти на всем протяжении своего расселения. Часто в описях ГМЭ стоит помета собирателя. «Камчатка» или «Камчатская область», из чего можно заключить, что занятие резьбой было настолько характерным явлением для коряков, что собиратели не обращали особенного внимания на точное указание места сбора предмета. Древесным материалом служили лиственница, тополь, ольха, предпочитались береза и каменная сосна, хотя последняя поддается резцу с большим трудом. На побережье Берингова моря использовались клыки моржей, в изобилии водившихся в тех водах; в других местах помимо моржовой кости использовали лопатки и позвонки кита, рога оленей и горных баранов. В некоторых селениях скульптуру делали как из кости, так и из дерева. Обращение к тому или иному материалу зависело от географического положения района.

Иллюстрации в монографии В. И. Иохельсона дают представление о высоком уровне мастерства пареньских резчиков. Именно их резцу принадлежит несколько замечательных работ из кости, изображающих камлание шамана, старинный способ добывания огня трением, в котором заняты двое, и уникальная костяная скульптура остова воронкообразного зимнего жилища, еще не засыпанного землей [8, 665, fig. 182]. Как известно, эти старинные воронкообразные жилища были типичны только для приморских коряков. Ни у одного народа Сибири не было такой своеобразной конструкции верхней части жилища. Сейчас в связи с социалистическим переустройством жизни народов Севера воронкообразные жилища отошли в прошлое, и эта скульптура имеет поэтому особую этнографическую ценность. В коллекциях МАЭ также имеется привезенная из Кушки скульптура воронкообразного жилища с фигурой человека наверху (МАЭ 956—122). Она выполнена из цельного куска белой моржовой кости. И хотя на ней нет выточенных отдельных бревен, как на рисунке в монографии В. И. Иохельсона, она дает ясное представление о схеме древнего жилища (рис. 1).

Корякский резчик редко занимается отделкой мелочей. На первом плане для него выражение мысли художника, передача главного в наблюдении, которое он хочет донести до зрителя. Динамика подчас передается грубовато. Мастер довольствовался передачей основных признаков, не интересуясь деталями и отделкой фигуры. Однако эта манера не только не снижает художественного уровня произведения, впечатления жизни в скульптуре, но даже подчеркивает замысел резчика, если не объясняет его. Среди корякских скульпторов были художники в полном смысле этого слова. Они изображали не только предмет, но и свое отношение к нему, собственное понимание.

Говоря о художественных особенностях корякской скульптуры, нужно отметить также, что в противоположность чукчам у коряков никогда не было развито искусство гравировки, а в противоположность якутам — искусство мелкой отделки деталей. В целом корякская скульптура гладкая. Только некоторое количество костяных фигур или края подставок изредка орнаментированы. Орнамент геометрический.

Всю круглую миниатюрную скульптуру коряков можно классифицировать следующим образом: 1) зооморфная скульптура (одиночная и групповая); 2) антропоморфная (одиночная и групповая); 3) антропозооморфная (смешанная). При этом нужно отметить, что в дереве антропоморфная групповая и смешанная скульптура представлена значительно меньшим количеством предметов, чем в кости.

Большое место занимают изображения животных, и в каждой скульптуре заметно стремление выразить их характер: грозность и тя-

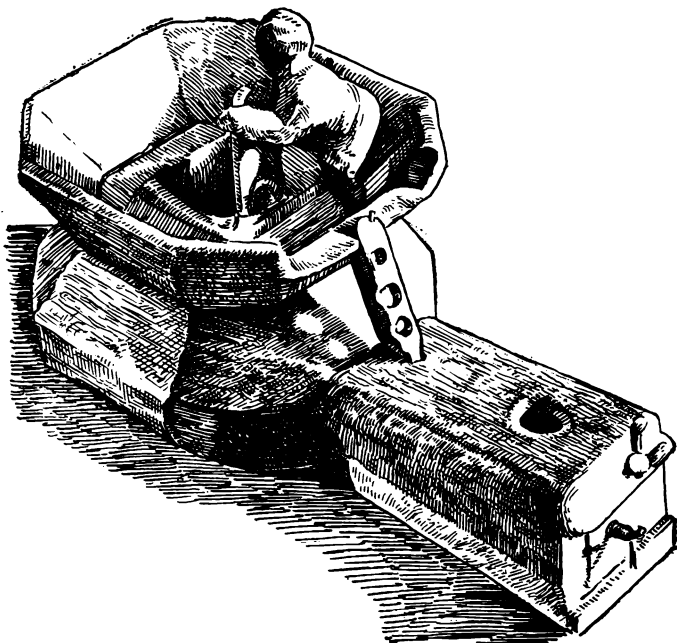

Рис. 1

желовесность медведя, покорность оленя, беспомощность зайца, а собаки чаще всего изображены подтянутыми, в порывистом движении.

Особенно широким планом в большом многообразии представлена фауна Камчатки в зооморфной одиночной скульптуре из кости. Скульптор изображает в основном промысловых сухопутных и морских животных, рыб и птиц. Все одиночные зооморфные скульптуры вырезаны без подставок.

По количеству доминируют одиночные фигуры медведей, оленей, горных баранов, реже встречаются изображения собак, зайцев, лисиц, песцов. Из птиц больше всего уток, а из рыбы — камбалы. Морские промысловые животные представлены моржами в различных позах, а также млекопитающими из семейства тюленей: лахтакими, нерпами, сивучами, морскими львами. Существенно отличаются от других костяных скульптур изображения хищных птиц в полете². Они крупнее всех других фигур, состоят из 3—4 частей и почти всегда орнаментированы.

Медведи в скульптуре даны в момент ходьбы или стоящими на месте, часто с рыбой, зверьком или птицей в зажатой пасти. Формы округлые, живые, вид добродушный. Длина фигурок — от 3 до 8 см.

И в кости и в дереве хорошо и любовно исполнены фигуры оленей, которые, особенно в прошлом, составляли основу существования оленного коряка. Изображался олень стоящим или бегущим, в основном не с ветвистыми, а с отрастающими рогами. В позе стоящего оленя покорность и покой. Обращают на себя внимание всегда очень тщательно вырезанные копыта. Этим, вероятно, подчеркивалось значение копыт для оленя как орудия добывания пищи зимой. Не забывались и детали: ноздри, уши, маленький хвост. Доверчивость и беззащитность выра-

² Этих птиц В. Г. Богораз называет «совами» [1, 64, 65], в музейных описях ГМЭ они названы «совами» или «орлами».

жают мордочки и фигурки маленьких оленят (ГМЭ 2331—213, 172). Длина фигурок оленей колеблется от 2,5 до 9 см, обычно длина 7—8 см. Среди остальной костяной скульптуры сухопутных животных медведи и олени часто самые крупные из зооморфных фигур.

Горные бараны в костяной скульптуре многочисленны и характерны. Многие сделаны не только из моржовой кости, но и из кости горного же барана. Изображены они стоящими. Длина — в среднем 5 см. В основном вырезались самцы с круто закрученными рогами. Тонко вырезаны копытца. Глаза намечены иногда черными точками, чаще дырочками или выпуклостями. Соблюдены формы и пропорции животного.

Скульптуры собак из кости сделаны по-разному. Есть крупные, хорошо вырезанные, даже орнаментированные фигуры, но нередко встречаются и такие, где ноги даны сплошным брусом, глаза не намечены, позы невыразительны.

Скульптурных изображений лисиц и песцов в коллекциях совсем мало, и позы и морды их невыразительны. Они напоминают собак, но в отличие от них имеют пышные хвосты. Длина — от 4 до 6 см.

Малочисленны, но хороши зайцы, изображенные бегущими или сидящими. Глаза, ноздри и рот — черные штрихи. Уши настороже.

Замечательно выполнены фигуры морских животных, особенно моржей. В этом, видимо, особенно ярко сказалась наблюдательность приморского коряка — морского охотника. Некоторые моржи изображены настолько живо, что кажется, вот-вот раздастся могучий рев предупреждающего об опасности вожака (ГМЭ 867—16). Легко вырезаны мягкие и сильные изгибы тела, хорошо переданы повороты головы, поза приподнявшегося на лапах животного. У всех фигур моржей внушительные, сильные клыки. Глаза обычно черные точки. Нигде не забыта такая деталь, как едва заметное ушное отверстие у моржей, сивучей, морских львов, которое дано маленькой черной точкой. Чтобы изобразить усы моржа, вся его срезанная морда усыпана черными точками.

Нерпы спокойные, гладкие, овальные, с раздвоенными хвостами и круглыми черными глазами. Длина фигур — до 6 см.

Из рыб наиболее широко представлены в коллекциях и хорошо, с подробностями вырезаны камбалы. Одна сторона их плоская, другая слегка выпуклая. Плавники коротко заштрихованы черным, так же отмечены жабры, глаза, рот. Одна из камбал вся в ровных рядах черных точек. Вызывает удивление малочисленность фигур камчатских лососевых рыб. Казалось бы, что рыба, которая в самом разнообразном приготовлении кормила приморских коряков и их ездовых собак, должна была получить большее отражение в скульптуре [5, 52—53, 56—60; 7, 63—76]. Однако изображения кеты, горбуши, красной рыбы (или нярки), кижуча, чавычи в коллекциях единичны. Все имеющиеся рыбы вырезаны с большим мастерством.

Скульптуры птиц невелики — встречаются размером меньше 2 см. Несколько птиц изображены в полете (ГМЭ 2331—115, 116), другие — стоящими (ГМЭ 2331—131, 133, 136), наиболее часто — сидящими на воде (МАЭ 6355—20, ГМЭ 2331—117, 126, 127). В описях они обычно названы «птицами» или «утками». Иногда помечено «гусь» или «чайка» с вопросительным знаком, а рядом такая же фигура называется «уткой» уже без вопроса. Действительно, характерные отличительные черты птиц различных видов в скульптуре обнаружить трудно. Птицы, плывущие по воде, имеют поднятую головку, плоский низ, спинку, сужающуюся к хвосту. Никакого указания на крылья нет, часто не намечены глаза. Дана только общая фигура. Очень интересна птица, напо-

минающая морскую. В отличие от других она стоит на маленькой подставочке. Загнутый книзу острый клюв сплюснен с боков и открыт. Черным тонким контуром обведены ноздри, глаза, брови, вырезаны большие ушные раковины, приподнят хвост, крылья не намечены (ГМЭ 2331—137). Красива птица, похожая на взлетающего лебедя, с орнаментированными крыльями и хвостом (МАЭ 441—37/87).

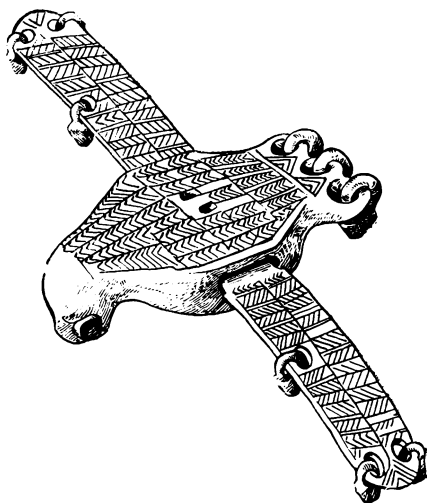

Рис. 2

Сильно отличаются от всей остальной коряжской скульптуры изображения хищных птиц в полете (рис. 2). Эти фигуры покрыты сплошной орнаментацией (за некоторым исключением) и сделаны, как правило, из нескольких кусков кости. В прочей зооморфной одиночной скульптуре коряков составные фигуры не встречаются. По размерам орлы также намного больше остальных изображений: длина туловища — 12—13 см, размах крыльев — до 20 см.

Скульптура орла выглядит следующим образом. Толстое, немного сплюсненное вытянутое туловище с боковым сквозным отверстием в середине. В это отверстие вставлены с двух сторон крылья, связанные сухожильной ниткой, которая через отверстие в спине вытянута вверх (для подвешивания) или через отверстие в животе — вниз. Эту нитку можно дергать, и тогда крылья приходят в движение, издавая характерное костяное шелканье. В хищно изогнутом клюве или в когтях зажат зверек. Порой в круглых отверстиях вдоль крыльев, или на концах крыльев, или даже на хвосте продеты грушевидные подвески, вырезанные, возможно, из одного куска кости с крыльями. На спину и крылья нанесен орнамент черными тонкими штрихами или штрихами с точками (ГМЭ 2331—260, 264, 265) (см. рис. 2). В коллекции МАЭ есть комбинированный орел: туловище и хвост из кости, орнаментированы штрихами и точками; крылья деревянные, неорнаментированные (МАЭ 441—37/82).

Групповая зооморфная скульптура из кости немногочисленна, но разнообразна. Все группы на неорнаментированных подставках, вырезанных из одного куска кости с фигурой. Наибольшая длина вместе с подставкой — около 9 см, такова же и наибольшая высота.

Сюжеты следующие: два оленя с отрастающими рогами спокойно стоят рядом (ГМЭ 2331—206); два козленка по выгнутой узкой пластинке убегают от собаки (ГМЭ 2331—177); четыре утенка плывут за матерью (ГМЭ 4849—47); два медведя, стоя на слегка расставленных задних ногах, упершись друг в друга передними лапами и носами, пробуют свои силы в борьбе (ГМЭ 4879—42); медведь тащит по льдине за хвост тюленя (ГМЭ 2331—91, 92, 93); пара сивучей или моржей, отдыхающих на льдине (ГМЭ 2331—70, 4879—58); двое моржей с мощными клыками угрожающе привстали на ластах (ГМЭ 862—10, 4879—57). С большим настроением исполнены скульптурные группы из двух зайцев, обгладывающих зимой стволы голых деревьев (ГМЭ 2331—256, 257,

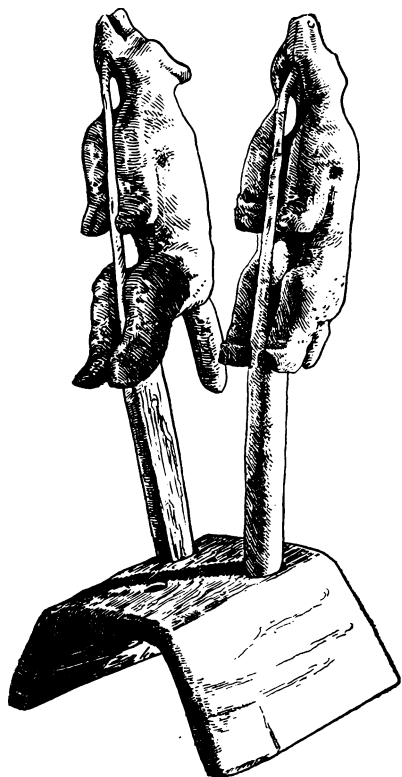

Рис. 3

258). Настороженные позы, полуприжатые уши и полусогнутые задние лапы — все говорит о том, что при первом признаке опасности зайцы готовы спастись бегством. Многие группы исполнены тщательно и очень выразительно.

В коллекции МАЭ имеются две скульптуры из с. Кушка, изображающие, как отмечено в описи, жертвоприношение собак. Одна из них — скульптура на подставке, изображающая двух собак, наколотых на кольях (рис. 3). Обвисшие тела собак безжизненны. На горле имеются продольные ложбинки, куда входят концы кольев. Вторая группа сохранилась не полностью. В наличии только фигуры мужчин в момент закалывания животных, в руках у одного копье (МАЭ 956—124 abc).

Антропоморфная одиночная скульптура из кости в основном включает в себя фигуры мужчин в различных позах и положениях: сидящими (ГМЭ 2331—57), раскуривающими трубку (ГМЭ 2331—60, МАЭ 313—46/4), замахвающимися или держащими что-либо в руках (ГМЭ 2331—45, 51), стреляющими — сидя или стоя на одном колене из ружья на сошке (ГМЭ 4879—36, 39, 44). Одежда на мужских одиночных фигурах чаще всего состоит только из штанов, редко — еще из

длинной рубахи или шапки. Встречаются фигуры с подвижными руками и ногами (ГМЭ 2331—66). Из этого типа скульптур интересна одна сплошь орнаментированная фигура (ГМЭ 2331—67). Высота ее — 14 см. Ноги прикреплены к туловищу гвоздиками. Длинное угрюмое лицо с заштрихованными черной краской усами, бородой и бакенбардами. Стриженные сзади волосы переходят по бокам в кольца, на которых висят подвески (как у орлов), концы их тоже заштрихованы. Весь живот, спина, верхняя часть рук и ног орнаментированы черными контурами кругов с точкой в центре.

Этот орнамент не характерен для корякской скульптуры, но широко используется эскимосами. Работа и тип лица этой фигуры типично корякские. Подобные лица встречаются на костяных курительных трубках коряков.

Выразительны фигуры шаманов (ГМЭ 867—1; 2331—55, 63, 64, 65; 2332—1). Знаменательно, что не замечено ни одной фигуры шамана в корякской одежде. На них короткая, распахнутая, с фалдами сзади одежда наподобие эвенской или только длинные штаны. Головы либо открытые с корякской стрижкой (бритая макушка, кругом ровно подстриженные волосы), либо в шапках различных (не корякских) фасонов. Одежда часто окаймлена точками или поперечными полосками с точками, как исключение — растительным орнаментом. В руках у шаманов бубны с колотушками, под ногами на подставках несколько видоизмененные головы животных (по-видимому, это духи или мифические существа, которых шаман призывает к себе на помощь в процессе

камлания). Особенностью их являются тщательно выполненные раковины ушей.

Одна из скульптур, изображающих шамана, имеет четыре руки: две держат бубен и колотушку, две другие висят разжатыми. Вероятно, единой фигурой автор попытался показать шамана в разных фазах камлания. Он наклонен вперед, ноги согнуты в коленях. Половину лица скрывают свисающие заштрихованные волосы или мохнатая шапка (ГМЭ 2331—63).

Женских фигур меньше. Круг сюжетов более узок. Одна скульптура изображает женщину в орнаментированной одежде с корзиной за спиной, поддерживаемой лямкой на голове, в корзине сверху маленький ребенок (МАЭ 20—6); другие — женщин, несущих на спине поклажу, лямки от которой опоясывают лоб (ГМЭ 2331—53, 54). Ноша, очевидно, тяжелая — ноги слегка расставлены и согнуты в коленях, фигуры немного наклонены вперед, руки поддерживают лямку у головы. Обе в меховых комбинезонах (навкэй). Высота фигур 6 см. Любопытна фигура женщины с ношей. Она сидит, прижав к груди согнутые руки (ГМЭ 2331—56). Наконец, нужно назвать фигуру стоящей женщины в меховом комбинезоне, с гладкими черными волосами, причесанными на прямой пробор. Эта скульптура примечательна тем, что в ней в качестве декоративного средства применен инородный материал — кусочки олова вместо глаз (ГМЭ 2331—49). Высота ее — 9 см.

Антропоморфная групповая скульптура в кости дана резчиком живо и интересно. Она посвящена сценам домашнего отдыха, национальной борьбы и состязаний. Фигуры людей и предметы не шлифованы, не приглажены, но тело человека, движение, действие скульптор передает естественно. Вырезаются только фигуры мужчин, и чаще всего парные. Они обычно изображены обнаженными до пояса, головы гладкие либо по-коряцки выстрижены кружком на макушке (штриховка волос черная), лица вырезаны четко. Все эти скульптуры сделаны из одного куска кости с подставкой. Они крупнее одиночных. Длина — около 7 см, высота — около 5 см.

Бытовые сюжеты довольно разнообразны. Два обнаженных до пояса коряка, присев на колени друг перед другом, держат обеими руками блюдца с горячим чаем, один дует, другой пьет, приложившись к блюдцу губами (ГМЭ 2331—24). Трое устроились удобнее: между ними низкий столик с чайником, чашками и шахматами, сами они возлежат с довольными лицами, попивая чай. Надо заметить, что столик и шахматы покоятся на спине странного распластанного животного с раздутыми ноздрями и одним сохранившимся раковинообразным ухом (таким же, как у духов или мифических существ при фигурах шаманов). Компания как будто не замечает это животное, с подчеркнутым удовольствием наслаждаясь чаем и игрой. Возможно, что скульптура связана с каким-то мифологическим сюжетом (ГМЭ 2331—21). Два коряка сидят на коленях, между ними табурет с чашкой, в которой лежит нарезанное мясо. Один из них левой рукой подносит кусок ко рту, в правой же держит второй кусок. Его товарищ тоже держит мясо (ГМЭ 2331—22). У другой пары едоков, одетых в штаны, короткие подпоясанные куртки и шапки с мягко загнутыми краями чашка с мясом стоит на земле между ними, и они едят его обеими руками (ГМЭ 2331—23). Несколько пар фигур изображают мужчин, курящих трубку. В одной из сцен коряки кладут в трубку табак. Двое игроков стоя задумались над шахматной доской. Оба очень сосредоточенны: один шахматист заложил правую руку за спину и сунул большой палец левой руки в рот; другой, глядя на товарища, в волнении потирает нос (ГМЭ 2331—31).

Несколько парных скульптур изображают мужчин, курящих трубку. В одной из сцен представлены коряки, которые набивают трубки табаком из кисета (ГМЭ 2331—28), в другой — двое курят и жестикулируют (ГМЭ 2331—29), а в третьей — сидят на бревнышке, согнувшись и упершись ногами в другое бревно, и сосредоточенно набивают трубки (ГМЭ 2331—30).

Подчеркнуто динамичными являются сцены различных видов национальных состязаний. В одних скульптурах запечатлены бои на копьях (ГМЭ 2331—16, 47), в других — соревнования в разных видах перетягивания: двое, с петлей на шеях, упершись руками и ногами в землю, тянут соперника на себя (ГМЭ 4879—49); двое, упершись ногами в землю и склонившись вперед, пытаются повалить друг друга (ГМЭ 4879—46); двое, сидя лицом к лицу и упершись ногами в доску между ними, вытянутыми руками тянут к себе палку, за которую оба держатся (ГМЭ 4879—60); двое, сидя, упершись стопами ног в стопы противника, обхватились руками, перетягивая один другого (ГМЭ 862—19).

Несколько скульптур (ГМЭ 867—3; 2331—18, 19, 41; 2332—3; 4879—41, 45, 59) посвящены спортивной борьбе. Фигуры борцов не всегда пропорциональны, они вырезаны с нарочито выпуклыми мускулами, авторы стремились подчеркнуть лишь силу, ловкость, устойчивость. Очевидно, что скульпторы изображают не борющихся людей, а саму борьбу. В некоторых случаях настолько сильно акцентируется внимание на одном из моментов схватки, что детали опущены, лица совсем не вырезаны, головы представляют собой просто шар (ГМЭ 4879—45). Но эта простота только подчеркивает напряженность борьбы. Резчик, видимо, умышленно не останавливается на частностях, обращая внимание лишь на основное действие.

Всестороннее отражение в скульптуре из кости получила деятельность коряков как морских и сухопутных охотников. Костяная антропоморфная скульптура дает представление о многотрудном морском промысле, об охоте на медведя, о ловле диких оленей, о поездке на нартах в собачьей упряжке, о жертвоприношении собак. Композицией каждой скульптуры мастер старается передать настроение данной ситуации, порыв, действие, не обращая большого внимания на отделку, обработку самого изделия.

В миниатюрных (от 4 до 10 см) сценах резчики сумели передать смелость, осторожность и ловкость морских охотников, которым приходится с ружьем или копьем подкрадываться — в одиночку или группами, в лодке или ползком по льдине — к тюленю, нерпе, сильному клыкастому моржу. Иногда охотник хватается за хвост пытающегося ускользнуть в прорубь тюленя и, одолев его, тащит на веревке, сгибаясь от напряжения (ГМЭ 4879—59; 2331—9, 10).

Не легче охота и на земле. С ружьем на сошке стоит охотник перед надвигающимся медведем или идет на него с копьем наперевес. Фигура охотника живо выражает смелость и собранность (ГМЭ 2331—1, 2, 3; 4879—51).

Поимка дикого оленя не всегда удачна для охотника. Иногда единоборство кончается победой оленя, сумевшего перебросить через себя человека, который и тут не выпускает из рук рога (ГМЭ 2331—11; 2331—2). Сложна также охота на белок и горных баранов. В скульптуре показано, как охотник преследует баранов по горным скалам, как выслеживает белок, принимая самые неудобные позы, чтобы пулей не испортить шкурки (ГМЭ 2331—5, 6).

Одна из скульптур изображает двух мужчин, стоящих на коленях и

«свежую» тушу оленя (ГМЭ 2331—26); другая — сидящего человека, который разрубает топором голову оленя, лежащую у него на коленях (ГМЭ 2331—27).

На пластинках в 15—18 см длиной резчик располагает упряжку из двух, четырех или шести собак с ездоком. Ездок почти всегда спокойно сидит, свесив ноги на одну сторону нарт. В своем спокойствии он, слушается, не замечает, что сзади на навьюченную нарту залезает медведь или что собаки нагоняют медведя, бегущего впереди (ГМЭ 862—15; 2331—15; 4879—48).

В коллекции ГМЭ имеются две костяные скульптуры, изображающие всадников на оленях. Оба держатся за рога. Один из них сидит в седле на лопатках оленя, как это делают эвены (ГМЭ 2331—12). Другой сидит сзади, сгорбившись, поджав одну ногу, и вся его фигура несколько комична (ГМЭ 867—4). Всадники одеты в короткие эвенские куртки и эвенские шапки. Один из оленей с высунутым языком, как у скульптур собак. Фигуры вырезаны живо и естественно. Известно, что коряки не ездили верхом на оленях. Об одном из всадников в описи ГМЭ помета: «Гижигинский округ, Приморская область, 1903 г.» Возможно, второй всадник имеет то же происхождение. В районе Гижиги коряки иногда встречались с эвенами и, конечно, видели их сидящими на оленях. Видимо, эти впечатления и отражены в указанных выше скульптурах.

Многофигурных костяных скульптур в обоих музеях всего несколько штук. В основном они сделаны из серой кости кита. Общий сюжет — лодки с седоками. Вырезаны из одного куска кости, небрежно. Видимо, этот вариант скульптуры не развился (ГМЭ 4879—43). В МАЭ хранится скульптура сдвоенного бота с тремя людьми и грузом на корме (МАЭ 441—37/18). Такими лодками пользовались три группы коряков: паланцы, олюторцы и карагинцы.

Перейдем к рассмотрению деревянной скульптуры.

Зооморфная одиночная скульптура из дерева по количеству предметов довольно скудна. В ней представлены изображения тех же видов сухопутных животных и рыб, что и в костяной скульптуре, но в очень незначительном количестве и на более низком художественном уровне. Горные бараны (рис. 4) большие и толстые (МАЭ 441—441). Олени — (рис. 5) в спокойной позе, с ветвистыми рогами (МАЭ 3896—37). Зато живейшее участие скульпторы по дереву проявляли к собакам. Их фигур больше по количеству, и выполнены они лучше костяных. Это упряжные ездовые собаки, вырезанные из одного куска дерева; изображены они на бегу в энергичной, устремленной вперед позе, часто с высунутым красным или светлым, незакрашенным языком. Многие из них выкрашены в черный цвет. Этой же краской иногда полностью покрывались и фигуры других животных.

Морская фауна почти полностью отсутствует. Она представлена равнодушно вырезанными немногочисленными тюленями.

Антропоморфные одиночные фигуры в деревянной скульптуре четко делятся на два вида — покрашенные (например, человек в черной шапке и короткой черной куртке, из-под которой виднеется красная рубаха; лицо его и руки покрыты желтой краской [ГМЭ 4879—103]) и незакрашенные (например, скульптура человека с вращающимися на гвоздиках руками и ногами [МАЭ 3896—33, 34] или фигура спокойно стоящего мужчины из одного куска дерева [МАЭ 3896—32]). По размерам деревянные фигуры больше костяных, небрежнее сделаны. Скульптуры, покрытые краской, по исполнению лучше, чем незакрашенные. Женских фигур в дереве не наблюдается.

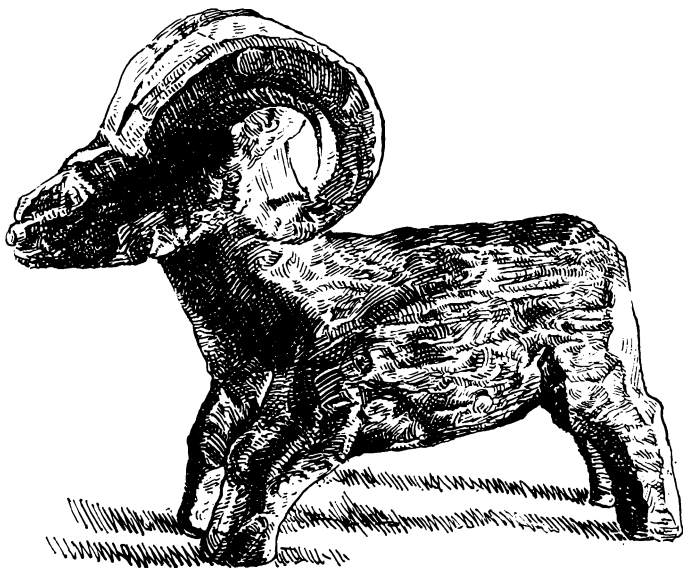

Рис. 4

Встречаются вырезанные из дерева отдельные лица типа обрядовой маски (ГМЭ 2105—16).

Деревянная смешанная скульптура представлена всадниками или фигурой человека, ведущего навьюченную лошадь. Подобные скульптуры (ГМЭ 4879—88, 89) обычно сделаны на подставках и закрашены черной, красной и желтой красками. И в одиночном исполнении, и в виде всадников раскрашенные фигуры людей красочны, живописны. Всадники не всегда полностью в национальной одежде — есть фигуры в широкополых шляпах (ГМЭ 4879—89). Одна из фигур частично закрашена только черной краской (ГМЭ 4879—90).

Деревянные скульптуры животных и, иногда, людей входят составной частью в модели оленных и собачьих упряжек. Фигуры седоков и собак или оленей в них вырезаны в той же манере, как и одиночные фигуры. Упряжки состоят из различного количества собак или оленей в ременных постромках, запряженных в грузовые нарты для перевозки детей. Соблюдены все правила изготовления нарт и упряжки животных. Собаки из дерева крупнее, чем из кости (9—10 см), нарты значительно крупнее костяных, они достигают 30 см длины. В моделях упряжек кроме дерева применены и другие материалы: ремешки из ровдуги, переплетения из сухожилий, полости из меха и т. д. Все сделано тонко, аккуратно и соответствует подлинным предметам.

Незначительная по количеству деревянная многофигурная скульптура, как и костяная, изображает охотников в лодке. И здесь скульптуры включаются в модель хорошо выполненной промысловой лодки. Лодки и фигуры вырезаны из отдельных кусков дерева, фигуры сидящих людей слегка откинута назад, по ходу лодки. Сделаны они схематично, одежда не указана, все закрашено в темный цвет (ГМЭ 2331—280).

В целом стиль, способ изображения в кости и дереве идентичны. Но между ними имеется и ряд различий.

Костяная скульптура в целом мельче деревянной (разница между однотипными фигурами доходит до 3 см), что обусловлено естественными размерами самого материала.

Не все сюжеты костяной скульптуры повторяются в деревянной. Так, в последней отсутствует групповая антропоморфная скульптура. Зато многофигурная деревянная скульптура, правда малочисленная, выполнена много лучше аналогичной костяной. Далее, закрашивание скульптуры можно встретить только в дереве. Основная масса скульптуры светлого, естественного дерева, но значительный процент ее частично или целиком закрашен. В основном использовалась черная краска, реже — темно-красная и желтая. Черным, например, целиком закрашивались фигуры медведя, тюленя, а красным — лисы. Нередко животное покрывали черными пятнами. Сочетание всех трех красок встречается только на отдельных фигурах человека и скульптурах всадников, где конь, верхняя одежда и головной убор человека черные, лицо всадника покрыто желтой краской, а рубаха под верхней распахнутой одеждой красная.

На кости же краска (черная) использовалась в минимальном количестве — только для того, чтобы отметить точкой или штрихом глаза у человека или животного, полоской — рот, штрихами или множеством точек — волосы на голове человека. Иногда штрихами разделялись пальцы на руках и ногах.

Еще одним существенным отличием является и почти полное отсутствие орнамента в дереве.

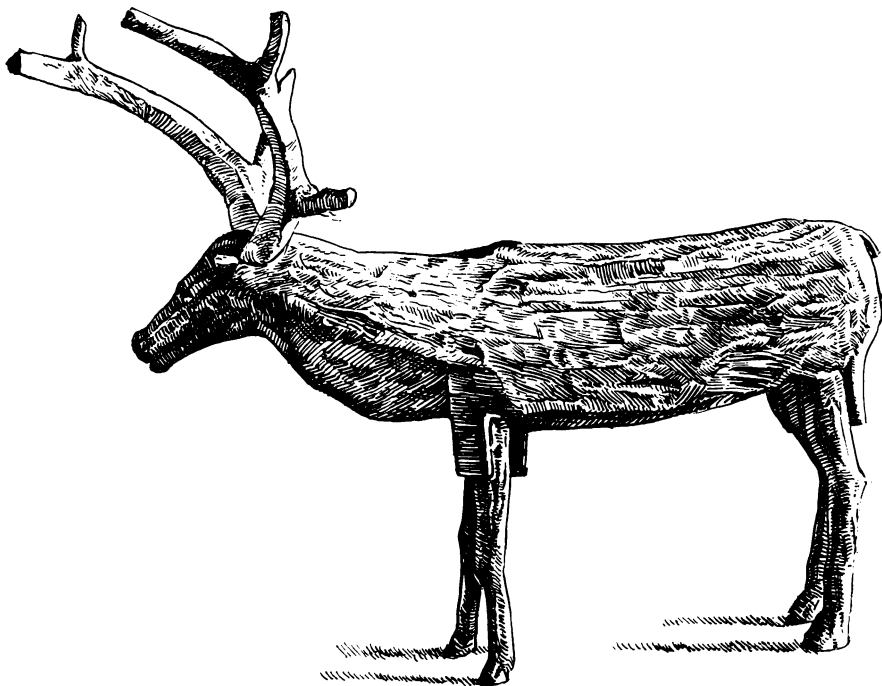

Рис. 5

Наконец, в отличие от костяной, почти всегда цельной, деревянная скульптура нередко выполнена из нескольких кусков дерева. Различные части склеивались, привязывались, гвоздиками прикреплялись руки и ноги человека, рога оленя.

Анализ сходства и различия деревянной и костяной скульптуры и, главное, значительно более высокое мастерство исполнения костяных изделий дают основание предполагать, что костяная скульптура первична, а деревянная появилась позже на ее базе и вобрала в себя технику исполнения, содержание, миниатюрность резной кости. Отмеченное же выше своеобразие деревянной скульптуры, очевидно, обусловлено материалом. Возможно, что традиционное тяготение коряков к искусству объемной резьбы с потерей моржового клыка как материала заставило их обратиться к поискам другого материала, которым и оказалось дерево.

В заключение следует подчеркнуть, что резная скульптура могла бы помочь в этнографическом изучении коряков. Скульптуры, изображающие жилище, женщин в национальной одежде, несущих тяжесть традиционным способом, камлающих шаманов, сцены охоты, модели летнего балагана, нарт, лодок, упряжи и т. д.— все это дает широкие возможности для воссоздания ушедших в прошлое вещей и обычаев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богораз В. Г. Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н. Л. Гондатти, находящихся в Этнографическом музее императорской Академии наук,— «Сборник МАЭ», т. II, СПб., 1901.
2. Дитмар К. О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах,— «Вестник РГО», ч. XV, раздел V, 1855, стр. 51—63 [разд. пагинация].
3. Иохельсон В. Этнологические проблемы на северных берегах Тихого океана,— «Известия РГО», т. XLIII, СПб., 1908, стр. 63—92.
4. Орлова Е. П. Чукотская, корякская, эскимосская, алеутская резная кость, Новосибирск, 1964.
5. Рыбный промысел в водах Приамурья за 1909 год (Отчет Приамурского управления государственных имуществ), Хабаровск, 1910.
6. Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание, т. I, СПб., 1900.
7. [Слюнин Н. В.] Промысловые богатства Камчатки, Сахалина и Командорских островов. Отчет доктора Н. Слюнина за 1892—1893 гг., СПб., 1895.
8. Jochelson W. The Koryak, pt II, Leiden — New York, 1908.

А. Л. Биркенгоф

**К ИСТОРИИ НАЗВАНИЙ «ОСТРОВА ГВОЗДЕВА
(ДИОМИДЫ)», «БЕРИНГОВ ПРОЛИВ»
И «БЕРИНГОВО МОРЕ»**

Три небольших острова, расположенные посередине Берингова пролива, в самом узком его месте, являются как бы связующим звеном между Евразией и Америкой, которые здесь наиболее близко подходят друг к другу. Действительно, ширина Берингова пролива между северо-восточной оконечностью Азии — мысом Дежнева — и крайней северо-западной точкой Северной Америки — мысом принца Уэльского¹ — всего 85 км.

Эта группа островов Берингова пролива имеет два названия: о-ва Св. Диомиды (или «Диомиды») и о-ва Гвоздева. Западный, самый большой из этих островов, отстоящий от берегов Азии на 32 км, называется Большой Диомид или, как это больше принято сейчас, о-в Ратманова². Длина его — 5 км, ширина — 1,4 км, высота — до 500 м. Восточнее о-ва Ратманова, в 40 км от Америки, расположен другой остров, меньших размеров, — Малый Диомид, или, как его обычно называют теперь, о-в Крузенштерна. Он втрое меньше о-ва Ратманова, высота его — 400 м. Отсюда в ясную погоду видны оба берега — азиатский и американский. В 18 км к югу от о-ва Крузенштерна расположен третий остров, точнее, небольшая скала — Диомид, или Фэрзуэй (Fairway Rock).

Каждый остров имеет, кроме того, еще эскимосское название. О-в Ратманова по-эскимосски называется Инетлик, о-в Крузенштерна — Имахлик (в чукотской передаче — Имахлин), Фэрзуэй — Угияк [2, 26].

О-в Ратманова принадлежит СССР, о-в Крузенштерна и скала Фэрзуэй — США. Между ними в узком (3,5 км) проливе простирается государственная граница этих держав и линия перемены дат.

Почему же группа о-вов Берингова пролива именуется о-вами Диомиды или Диомидами?

Сергей Марков объясняет, что «эти островки угрюмого Севера названы в честь героя сказания Эллады: Диомед — мореход, плававший к стенам Трои с флотилией из восьмидесяти кораблей, сидевший потом в чреве троянского коня, в конце своей полной приключений жизни исчез возле одного из островов Адриатики. Спутники Диомеда превратились в хищных птиц — так гласило сказание. Его знал Карл Линней, и поэтому он дал альбатросам название „Диомеда“. Мореплаватель

¹ На картах плавания Васильева и Шишмарева в Беринговом и Чукотском морях (1820—1821 гг.) мыс принца Уэльского справедливо назван мысом Гвоздева.

² Ратманов М. И. — участник первой русской морской кругосветной экспедиции под начальством И. Ф. Крузенштерна, старший офицер на шлюпе «Надежда».

Ф. В. Бичи, пришедший на Аниан (Берингов пролив.— А. Б.) по следам Дежнева (? — А. Б.), в 1826 г. назвал острова именно Диомедовыми, так как здесь проходила северная граница обитания альбатросов» [14, 39]. Действительно, один из видов альбатросов — белоспинный альбатрос (*Diomedea albatrus* Pallas), гнездящийся на о-ве Бонин к юго-востоку от Японии, весной и осенью «очень обыкновенен» от берегов Китая, Японии и Калифорнии до Берингова пролива [10, 140]. Но подобного объяснения у самого Бичи [см. 21] мы отыскать не могли, что и не удивительно, ибо не называл он так эти острова. Давно и хорошо известно, что название «Диомиды» присвоено островам Берингова пролива задолго до плавания Ф. Бичи (1825—1826).

Откуда заимствовал свою версию С. Марков, неизвестно, во всяком случае, источник он не назвал.

Первооткрыватели островов (точнее, одного — ближайшего к азиатскому берегу) — С. Дежнев и Ф. Попов — названия ему не дали. Вторично один из островов, вероятно западный из них, Большой Диомид (или Ратманова), был открыт и назван В. Берингом во время возвращения его из первой экспедиции³. Напомним, что, достигнув 67°18'48" с. ш., Беринг принял решение возвратиться. По одним источникам, это произошло 16 августа 1728 г., по другим — 15 августа [19, 64]. Но расхождений здесь нет. В одном случае указывается число по астрономическому календарю (с началом суток после полудня), в другом — по календарю «гражданскому» (с началом суток после полуночи).

Остров был замечен на следующий день после того, как «Св. Гавриил» лег на обратный курс, т. е. 16 августа 1728 г., по церковно-православному календарю — в день св. Диомида. А Беринг, «следуя обычаю того века, в котором жил» [4, 44], называл вновь открытые заливы, мысы, острова именами святых, которых чтили в день открытия. Поэтому и открытый в проливе остров был назван именем Диомида⁴.

9 августа 1778 г. впервые все три острова видел Дж. Кук. Не дав наименования каждому острову в отдельности, экспедиция Кука распространила название, данное Берингом открытому им острову, на всю группу островов в проливе, назвав ее «о-ва Диомида» [24, 243—244].

О-вами Гвоздева этот архипелаг именуется в честь геодезиста Михаила Спиридоновича Гвоздева — участника плавания на боте «Гавриил» (1732) под командой подштурмана И. Федорова.

Экспедиция И. Федорова — М. Гвоздева посетила о-в Большой Диомид (Ратманова) и Малый Диомид (Крузенштерна), а также о-ва Кинга. О третьем острове в проливе Беринга в своем «Репорте» о плавании 1732 г. М. Гвоздев не упоминает [2, 114]. Тем не менее на карте района этого плавания, составленной в 1743 г. по журналу «для собственной памяти» И. Федорова штурманами Камчатской экспедиции совместно с М. Гвоздевым, впервые были показаны все три острова в проливе Беринга и северо-западный мыс Америки. Названия им и тогда не были даны.

Все это достаточно известно. Однако по поводу возникновения названия «о-ва Гвоздева» существуют разногласия.

И. П. Магидович указывает, что так назвал о-ва Берингова пролива «историк Сибири Г. Миллер в середине XVIII века» [13, 588]. Но в

³ Н. Бендер неправильно пишет, будто В. Беринг открыл не один остров, а «острова, которые называли „острова Св. Диомида“» [1, 13].

⁴ Непонятно, почему, но Е. С. Юнга [20, 38] указывает другую дату открытия острова, а именно 20 августа 1728 г. Это неправильно. Уже 18 августа экспедиция Беринга проходила южнее — мимо о-ва Лаврентия.

опубликованных трудах Г. Миллера наименование «о-ва Гвоздева» не встречается, хотя о плавании и открытиях И. Федорова и М. Гвоздева он писал неоднократно. На картах того времени острова Берингова пролива именем Гвоздева не называются. Более того, например, на карте «Старой Сибири» в «Сибирской истории» И. Фишера [18] обозначен (против мыса Сердце-Камень) только один остров — «Св. Диомидия». Не обозначены острова Берингова пролива под этим названием и на карте в альбоме Соэра [31]. И. П. Магидович разъяснил нам, что он считает Ф. Миллера автором названия «о-ва Гвоздева» потому, что фамилия Гвоздева была поставлена последним в проливе Беринга на карте Академии наук 1758 г.

Действительно, карта 1758 г. составлялась под руководством и наблюдением Ф. Миллера [7, 62]. На этой карте в контуре берега Северо-Западной Америки имеется надпись, объясняющая, что этот берег был открыт геодезистом Гвоздевым в 1730 г. (здесь ошибка — надо в 1732 г.— А. Б.) Конечно, данная надпись не может служить основанием для признания Ф. Миллера автором названия «о-ва Гвоздева», тем более что на карте 1758 г. в Беринговом проливе обозначен только один остров и под названием «о-в Диомид».

В действительности название «о-ва Гвоздева» встречается впервые у Г. Сарычева. Он писал: «Поутру (2 августа ст. ст. 1791 г.— А. Б.) в тумане увидели мы маленький, самый меньший и южнейший из числа трех Гвоздевых островов, лежащих в Беринговом проливе» [16, 99].

Позже название «о-ва Гвоздева» появляется на картах Берингова пролива Г. Сарычева в 1811 г. и О. К. Коцебу в 1816 г. И все же вопрос, следует ли называть острова Берингова пролива о-вами Гвоздева, долго оставался открытым.

Историк флота В. Берх полагал, что так называть эти острова несправедливо по отношению к В. Берингу, так как ему принадлежит «слава первого обретения оных» островов [3]. Значительно позже А. Э. Норденшельд заметил, что о-ва Гвоздева «вернее было бы называть островами Федорова, командовавшего судном, на котором эта группа была осмотрена» [цит. по 9, 246]. Норденшельд, безусловно, прав: имя И. Федорова столь же достойно увековечения, как и имя его соплавателя М. Гвоздева.

По мнению Л. С. Берга, И. Федоров был первым мореплавателем, открывшим пролив между Азией и Америкой, так как он не только видел острова в этом проливе и оба противоположные берега его — азиатский и американский, но и первым положил их на карту [2, 116]. Но Федоров умер в 1733 г., а Гвоздев, как сказано выше, в 1743 г. составил по его журналу карту пролива и обозначил на ней острова. И несомненно, что название «Гвоздевы острова» было известно русским морякам-тихоокеанцам еще до Г. Сарычева, в том смысле, что они обозначены на карте, составленной М. Гвоздевым. Это название заимствовал и ввел в номенклатуру как имя собственное Г. Сарычев. Но оно не закрепилось достаточно прочно.

На картах Берингова пролива, как русских, так и иностранных, этот архипелаг обозначался то под названием «о-ва Гвоздева» (например, во французском атласе Дюфура 1860 г. [25]), то как «о-ва Диомид». И в наши дни на иностранных и, к сожалению, на советских картах обычно название «о-ва Диомид» и реже (например, в шведском атласе Боньера 1951 г. [22]) «о-ва Гвоздева». Так что нельзя полностью согласиться с Н. А. Бендер [1, 15] и И. Забелиным [10, 104], что имена И. Федорова и М. Гвоздева совершенно забыты. Но нельзя согласиться и с тем, что «эту ошибку исправили знаменитые русские географы

П. П. Семенов-Тянь-Шанский и академик Л. С. Берг» [10, 104]. Оба они называли архипелаг в Беринговом проливе «о-вами Гвоздева или Диомид» [17, 619; 2, 25].

Имеются разногласия и относительно авторов названий каждого острова в отдельности.

В. Ю. Визе считал О. Е. Коцебу автором названий «о-в Ратманова» и «о-в Крузенштерна» [4, 221].

Но Л. С. Берг, ссылаясь на Ф. П. Литке, разъяснил, что О. Е. Коцебу, ошибочно приняв за остров мыс Дежнева, считал, что открыл четвертый остров в Беринговом проливе. Не включая этот «остров» в группу о-вов Гвоздева, О. Е. Коцебу назвал его именем Ратманова [см. 2, 26—28].

Плаваая в районе Берингова и Чукотского морей (1820), капитан-лейтенант Г. С. Шишмарев был первым, кто заметил и исправил ошибку О. Е. Коцебу [12, 240].

Впервые острова Берингова пролива были точно положены на карту и определенно наименованы в 1826 г. капитаном Ф. Бичи. Сам Ф. Бичи сообщил об этом так: «Для удобства я назвал каждый из трех островов. Восточный я назвал Fairway Rock (Скала „Открытого пути“, или „Добрый путь“. — А. Б.), так как он служит великолепной вехой к восточному проливу, самому широкому и удобному. Центральный остров я назвал в честь русского адмирала Крузенштерна, а северо-западному я присвоил имя Ратманова» [21, 246].

Таким образом, Ф. Бичи перенес название, данное О. Е. Коцебу несуществующему четвертому острову в Беринговом проливе, на о-в Большой Диомид.

Уточняя вопрос о тех, кто дал названия островам Берингова пролива, мы столкнулись с разногласиями, существующими в литературе и по вопросу об авторах наименований «Берингов пролив» и «Берингово море».

По данным Н. А. Бендер, автором этих наименований был «спутник плавания Д. Кука в 1778 г. Г. Форстер» [1, 93], т. е. Иоганн Георг Адам Фёрстер (1754—1794).

Речь идет о выдающемся немецком естествоиспытателе и географе, который по удивительной разносторонности своих знаний, исключительным способностям, по широкому кругу интересов был как бы прототипом А. Гумбольдта [см. 5, 227].

Но тем не менее автором названия «Берингов пролив» был не он, а его отец — Фёрстер Иоганн Рейнгольд. Старший Фёрстер (1729—1798) также был известным естествоиспытателем, путешественником, географом. Одно время он был министром в Данциге, затем посетил Поволжье, был профессором естественной истории в Англии, ездил в Америку.

В качестве натуралиста И. Р. Фёрстер принимал участие во втором кругосветном плавании (1772—1775) Дж. Кука. В последние годы жизни старший Фёрстер был профессором и директором ботанического сада в Галле.

Надо подчеркнуть, что вначале И. Фёрстер считал, что назвать пролив между Азией и Америкой следует именем С. Дежнева или М. Гвоздева! В конце концов он предложил название «Берингов пролив», поскольку с этим проливом связано «имя очень заслуженного и поистине великого моряка Беринга» [27, 469].

Надо заметить, что в то время, вскоре после гибели Кука, в Англии настаивали на том, чтобы назвать пролив его именем. Видимо, И. Фёрстер не решился противопоставить имени Дж. Кука мало извест-

ные на Западе имена С. Дежнева и М. Гвоздева⁵. Да и название «Берингов пролив» И. Фёрстер должен был настойчиво отстаивать, ссылаясь на то, что, «может быть, сам Дж. Кук оставил проливу имя Беринга» [27, 465]⁶. О том же писал и Томас Пенант в своем сочинении «Зоология Арктики», утверждавший, что Дж. Кук будто решил «оказать честь» Берингу и «назвал пролив именем Беринга» [30, 111]. И тем не менее, по свидетельству И. Канта, в его время (XVIII в.) пролив назывался «по имени первого пловца проливом Беринга, а также, в связи с тем, что в новое время его посетил Кук, проливом Кука» [29, 234].

Относительно возникновения названия «Берингово море» Ф. П. Литке писал: «Если я не ошибаюсь, капитан Головин первый применил сему бассейну имя несчастного нашего морехода» [12, 191].

Действительно, Головин, видимо, первый из русских мореплавателей ввел наименование «Берингово море», после чего оно утвердилось в русской литературе и на картах.

Однако автором этого названия, по словам Головнина, был не сам он, а «славный французский гидрограф г. Флиорье», который «в распределении своем именовании разным морям назвал пространство вод, заключающееся между грядою Алеутских островов и берегом Азии и Америки к северу, „бассейном Беринга“ (Bassin de Bering)⁷, как потому, что Беринг первый открыл сие место, так и для того, что прах сего мужа покоится на одном из островов оног⁸. По сим причинам название „Берингово море“ мне показалось справедливым и приличным» [7, 158]. «Флиорье», автор названия «Берингово море», — это Шарль-Пьер д'Евё Кларе граф де Флёрё — выдающийся французский военный моряк, военно-морской и государственный деятель, ученый, мореплаватель, гидрограф и географ времен Людовиков XV и XVI, эпохи Великой французской революции и Наполеона I [23, 671].

Его именем названы залив на восточном берегу о-ва Тасмания и остров близ его северо-восточной оконечности.

Флёрё принадлежит ряд трудов, изданных и оставшихся в рукописях. Им, в частности, были составлены инструкции для экспедиций Лаперуза и Д'Антркасто. В 1800 г. («VIII год республики») Флёрё опубликовал работу под названием «Соображения о гидрографическом делении земного шара и изменения, предложенные в общей и частной гидрографической номенклатуре» [26]. Несомненно, что Головин, ссылаясь на «распределение» Флёрё «именований разным морям», имел в виду именно данный труд французского мореплавателя.

К сожалению, эту работу Флёрё, несмотря на тщательные и долгие поиски, нам обнаружить не удалось.

---

⁵ И все же, как недавно установил С. П. Рудных, еще в 1784 г. на всемирной карте в атласе наследников И. Б. Гомана пролив между Азией и Америкой был обозначен под названием «пролив Дежнева» [15].

⁶ Подчеркнем, что И. Фёрстер, отстаивая название «Берингов пролив», указывал, что фактически пролив так «нарицается уже много лет назад» [27, 463]. Отсюда следует, что это название уже применялось моряками, в первую очередь русскими (может быть, не как имя собственное, а в том смысле, что пролив был открыт В. Берингом или что он ходил через пролив), задолго до того, как оно утвердилось в литературе и на карте.

⁷ Еще до плавания Головнина и до опубликования его «Путешествия вокруг света...» (1822) на французских картах (например, в «Большом атласе пяти частей света» [28]) уже встречается название «море Беринга».

⁸ Свен Ваксель, лейтенант, участник экспедиции Беринга, назвал его о-вом Беринга. Находится он в группе Командорских островов, названных так русскими моряками в честь и память капитан-командора Беринга.

До Флёрё Берингово море в целом общепринятого названия не имело.

Но уже вскоре после опубликования его работы на французских картах, о чем сказано выше, возможно и на других, появилось название «Берингово море». В России же это название утвердилось много позже появления работы Головнина.

* * *

Мы преследовали скромную цель — уточнить вопрос об авторах некоторых географических названий, связанных с именами русских моряков. Но из содержания нашей статьи видно также, как высок был научный авторитет прославленных русских мореходов-исследователей и каким огромным уважением пользовались они среди иностранных географов-мореплавателей и ученых⁹, запечатлевших их имена на географической карте Тихоокеанского Севера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бендер Н. А. Имена русских людей на карте мира, М., 1948.
2. Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга, Л., 1935.
3. Берх В. Первое морское путешествие россиян, СПб., 1823.
4. Визе В. Ю. Моря Советской Арктики, М.—Л., 1948.
5. Вульф Е. В. Фёрстер Георг, Фёрстер И. Р.,— Гумбольдт А., География растений, М.—Л., 1936.
6. Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках, М.—Л., 1940.
7. Головин В. М. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 гг., СПб., 1822.
8. Деливрон Лоция северо-западной части Восточного океана, ч. IV, СПб., 1909.
9. Дементьев Г. П., Гладков Н. А., Птушенко Е. С. Определитель птиц СССР, М., 1948.
10. Забелин И. Встречи, которых не было, М., 1966.
11. Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов, М., 1954.
12. Литке Ф. П. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин» 1826—1829 гг., М., 1948.
13. Магидович И. П. Русские имена на морской карте мира,— сб. «Русские мореплаватели», М., 1953, стр. 578—620.
14. Марков Сергей, Подвиг Семена Дежнева, М., 1948.
15. Рудных С. П. Пролив Дежнева на всемирной карте в атласе наследников И. Б. Гомана XVIII в.,— «Известия АН СССР, серия географическая», 1962, № 1.
16. [Сарычев Г.] Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжение осьми лет при географической и астрономической морской экспедиции бывшей под начальством флота капитана Биллингса, СПб., 1811.
17. Семенов П. П. Географо-статистический словарь, т. I, М., 1863.
18. Фишер И. Сибирская история, СПб., 1774.
19. Экспедиция Беринга. Сборник документов, М., 1941.
20. Юнга Е. С. Витус Ионессен Беринг и Алексей Ильич Чириков,— сб. «Русские мореплаватели», М., 1953.
21. Beechey F. W. Narrative of a voyage to the Pacific and Behring's Strait 1825—1828, vol. I, London, 1831.
22. Bonniers Stora världsatlas, Stockholm, 1951.
23. Bouillet M.-N. Dictionnaire universel d'histoire et de géographie, Paris, 1869.
24. Cook J. A. Voyage to the Pacific Ocean in the Years 1776, 1777, 1778, 1779 and 1780, vol. II, London, 1785.

⁹ В связи с этим уместно, может быть, напомнить еще, что единственный (из трех) более или менее крупный объект, названный в прошлом в честь А. Чирикова,— о-в Чирикова — был открыт Берингом в 1741 г. и назван им «о-в Туманный». Но в конце XVIII в. Д. Ванкувер, не зная об этом, вторично открыл его и назвал о-вом Чирикова.

25. Dufour A. H. Le globe. Atlas classique universal de geographie ancienne et moderne, Paris, 1860.
26. Fleurieu C.-P. Claret de, Observations sur la division hydrographique du globe et changement proposés dans la nomenclature générale et particuliere de l'hydrographie, Paris, 1800.
27. Förster J. R. Geschichte der Entdeckungen und Schiffahrten im Norden, Frankfurt, a/O, 1784.
28. Grand Atlas des cinq parties du Monde avec une mappe monde et une carte de la France, par A. H. Brué, Paris, 1815.
29. Kant J. Physische Geographie. Auf Verlagen d. Verfassers aus seiner Handschrift herausgegeben u. zum Theil bearbeitet von D. Friedr. Theod. Riuk, Th. 1—2, Königsberg, 1802.
30. Pennant T. Arctic Zoology, vol. I, London, 1784.
31. Sauer M. Collection de Planches, Paris, 1802.

Б. П. Полевой

**ПОДРОБНЫЙ ОТЧЕТ Г. И. НЕВЕЛЬСКОГО
О ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1849 г.
К О-ВУ САХАЛИН И УСТЬЮ АМУРА**

В Ленинграде в Архиве Географического общества СССР среди бумаг, поступивших от известного историка русского флота Ф. Ф. Веселаго, давно уже хранилась анонимная рукопись под названием «Описание Северо-восточных и северо-западных берега острова Сахалина» (разряд 99, опись 1, дело № 93). Еще в 1953 г. автору настоящей статьи удалось установить, что эта рукопись является копией¹ ранее неизвестного исследователям подробного отчета Г. И. Невельского о его исторической экспедиции 1849 г. к берегам северного Сахалина, к устью Амура, в Татарский пролив и, наконец, вдоль юго-западного побережья Охотского моря до Аяна.

Начатые сразу же поиски подлинника этой интересной рукописи, к сожалению, успехом не увенчались. Удалось обнаружить лишь его следы. В том же 1953 г. в ЦГАВМФ была выявлена запись о том, что 18 мая 1852 г. в морской архив была сдана «Составленная капитаном Невельским и его рукою писанная тетрадь описаний острова Сахалина, устья и лимана р. Амура и юго-восточных берегов» (ф. 410, оп. 2, д. 297, л. 31). Она была, видимо, передана в фонд гидрографического департамента, так как в описи этого фонда, составленной в июле 1855 г., среди бумаг, полученных от Г. И. Невельского, упоминается «Историческое описание северо-восточного, северного и северо-западного берегов о-ва Сахалина, реки Амура и восточного берега Охотского моря, народонаселения, их промышленности, одежды, нравов и обычаев». Далее в описи пояснялось: «В конце сего описания приложен список деревням в лимане Амура с означением числа дворов и несколько слов, переведенных с гилякского языка на русский» (ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 2, д. 179, л. 27). В копии, найденной в АГО, этого добавления — «списка деревням» и краткого словарика — нет. Но очевидно, что даже неполная копия этого документа представляет немалую ценность для историков русского Дальнего Востока и достойна самого тщательного изучения.

Прежде всего возникает вопрос: когда же был написан Г. И. Невельским этот отчет? В списке документов, составленных в самом конце плавания 1849 г., он не фигурировал (см. ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 336). Но в перечне материалов, представленных Николаю I 30 января 1850 г., уже значится «Тетрадь: описание северо-восточных, северных и северо-западных берегов острова, составлена капитаном Невельским и его ру-

---

¹ Судя по характеру сделанных в ней орфографических ошибок (перечень их приведен нами ниже), эта копия была сделана лицом, недостаточно хорошо знавшим русский язык, возможно каким-то прибалтийским немцем.

кою писана» (ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 297, л. 17), из чего можно заключить, что этот документ был написан исследователем во время его переезда с Охотского моря в Петербург. Сам Г. И. Невельской отмечал: «В Якутске и затем в Иркутске, куда мы прибыли 22 ноября, мы приводили в порядок наши журналы и карты» [9, 109].

Видимо, под одним из этих журналов и подразумевался найденный отчет.

В книге Г. И. Невельского «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России, 1849—1855» описанию его плавания в 1849 г. уделено всего 8 страниц. Обнаруженное же «Описание» содержит 49 листов большого формата, исписанных с двух сторон, т. е. 98 страниц. Естественно, что оно гораздо полнее воссоздает историю знаменитой экспедиции Г. И. Невельского.

Еще в октябре 1954 г. в Географическом обществе СССР в Отделении истории географических знаний автор настоящей статьи сделал первый подробный доклад о найденном документе. Вскоре об этой же находке были опубликованы три газетные статьи [21; 11; 15]. А в 1955 г. был напечатан подробный обзор его этнографических данных [22]. Наконец теперь благодаря содействию Восточной комиссии Географического общества появилась возможность воссоздать в печати полный текст обнаруженного отчета.

Чем же ценен этот документ?

Прежде всего отчет Г. И. Невельского поражает обилием самой разнообразной информации, имеющей большое научное значение. В нем имеется множество полезных сведений для историков географии, гидрографии, океанографии и особенно этнографии. Он также знакомит нас впервые со многими ранее неизвестными интереснейшими подробностями из истории наиболее прославленной экспедиции Г. И. Невельского. Всем своим содержанием найденный отчет показывает, что уже летом 1849 г. Г. И. Невельской и его спутники при исследовании берегов Сахалина, Амурского лимана, Татарского пролива и других близлежащих районов смогли добиться весьма значительных результатов, сделать множество географических открытий, существенно исправить ранее составленные карты, опровергнуть отдельные утверждения своих предшественников, в том числе И. Ф. Крузенштерна.

Последнее, конечно, не ново: ведь всем известно, что именно Невельской доказал полную несостоятельность легенды о «полуострове Сахалине», которая пришла в Россию из-за границы и была, к сожалению, поддержана авторитетом И. Ф. Крузенштерна [см. 13].

Любопытно, что об этом, наиболее нашумевшем своем открытии, как и об установлении судоходности «Южного», т. е. Татарского, пролива, Невельской пишет удивительно скромно. Согласно отчету, свою задачу он видел в том, чтобы «положительно разрешить, не заперт ли мелями вход в лиман из Татарского залива, т. е. распространить исследование на юг за пределы исследований капитана Бротона»² (л. 10 об.). Далее бегло упоминается, что с 19 по 26 июля 1849 г. Невельской и его спутники по шлюпочному походу, «пользуясь попутным ветром, спустились вдоль берега лимана через Южный пролив в широту 51°45', т. е. около 5 миль за предел исследования капитана Бротона, и

² Упомянутый здесь английский капитан Вильям Броутон в 1797 г. входил в Татарский пролив с юга, надеясь пройти через него на север. Но посланный на разведку на север его помощник Чэпман объявил, что пролива нет, так как Сахалин будто бы соединен перешейком с континентом. Вот почему Г. И. Невельской и считал, что существование Южного пролива будет доказано лишь тогда, когда удастся с севера пройти до района, в котором действовал Броутон.

возвратились к мысу Погиби, определили вход из лимана к югу» (л. 11 об.), и отмечается, что «проток, от мыса Вазсе на мыс Пронге и далее по лиману к S-ду направляющийся, вывел нас из реки по глубинам от 10-ти до 4 сажень, чрез Южный пролив в залив Татарский» (л. 16 об.). И это все.

Такая осторожность в формулировках, по-видимому, объясняется знакомством Невельского с мнениями тех авторов, которые еще до его путешествия отказывались поверить в отсутствие южного пролива между Сахалином и материком. Версию о «полуострове Сахалине», как мы теперь знаем, не принимали ни историки Сибири Г. И. Спасский и В. Н. Берх, ни писатели Н. А. Полевой, Б. М. Федоров и В. Г. Белинский, ни даже отдельные русские моряки (Н. А. Хвостов, Г. И. Давыдов и др.) [13, 77—80; 20].

Превосходство исследований Г. И. Невельского обнаруживается и при сравнении его карт с картами, составленными И. Ф. Крузенштерном и его спутниками. Так, восточный берег Сахалина на картах И. Ф. Крузенштерна был отнесен к западу чуть ли не на 20—30 миль³. Поэтому транспорт «Байкал» в ночь с 11 на 12 июня 1849 г., т. е. в самом начале исследования восточного берега Сахалина, чуть было не сел на мель.

Неизмеримо точнее были и карты Амурского лимана, составленные в 1849 г. К сожалению, в 1805 г. И. Ф. Крузенштерн не обратил внимания на то, что в Амурском лимане имелось много различных малых островов, которые, кстати сказать, были хорошо известны еще землепроходцам середины XVII в. Невельской и его спутники смогли первыми точно нанести эти острова на свои карты. Еще большую ценность представляли промеры, проведенные в Амурском лимане в 1849 г. Г. И. Невельским и его спутниками, особенно П. В. Казакевичем, Э. В. Гроте, А. Ф. Гейсмаром и др. До сих пор «фарватер Невельского» считается одним из наиболее удобных путей из устья Амура в Охотское море.

Особенно много в публикуемом отчете новых этнографических сведений. И по этим вопросам наблюдения Г. И. Невельского иногда прямо противоположны тому, что писал И. Ф. Крузенштерн. Так, например, если последний утверждал, что на северном Сахалине он и его спутники «видели даже и нивы, обрабатывание которых доказывало, что здесь живет народ, успевший в образе жизни более нежели айны» [7, 195]⁴, то Г. И. Невельской совершенно справедливо указывал, что этот район заселен жителями, которые «ни о хлебопашестве, ни о скотоводстве, ни об огородничестве не имеют никакого понятия...» (л. 49).

Еще большую ошибку И. Ф. Крузенштерн допустил, когда он объявил, что северный Сахалин заселяют «татары, вытеснившие, или может быть, и истребившие айнов» [7, 134]. В 1849 г. Г. И. Невельской смог убедительно опровергнуть и этот домысел. Он показал, что на северном Сахалине не было никаких «татар», а в прошлом и айнов. Из наблюдений Невельского ясно, что никаких этнических изменений ни в низовьях Амура, ни на севере Сахалина за предшествующие два столетия не произошло, что здесь, как и в XVII в., продолжали жить

³ В книге А. К. Сиденсера «Адмирал Геннадий Иванович Невельской» [24] приложена «Меркаторская карта Юго-Восточной части Охотского моря, составленная с описи, произведенной с транспорта „Байкал“ под командою капитана-лейтенанта Невельского 1849 года», на которой для сопоставления приведено изображение восточного берега Сахалина по описям И. Ф. Крузенштерна и Г. И. Невельского.

⁴ Отметим здесь, что наш ранний обзор этнографических материалов отчета [22] отнюдь не был исчерпывающим. В публикуемом теперь его полном тексте исследователи встретят некоторые дополнительные данные по этнографии Сахалина и Амура.

нивхи (гиляки). В найденном отчете он особо подчеркивал: «...я достоверно убедился, что народонаселение этой (северной. — Б. П.) части острова составляют гиляки» (л. 6 об.).

В первой половине XIX в. в Европе, в том числе и в России, часто преувеличивалась сила влияния маньчжуров на Амуре. Возникла даже версия о том, что устье Амура будто бы охраняется... «китайской силой»⁵.

Одной из больших заслуг Г. И. Невельского, было то, что он смог не только полностью опровергнуть эту легенду, но и узнать, что в середине XIX в. маньчжурских войск не было почти на всем протяжении Амура. Как видно из отчета, для того чтобы добраться до первого постоянно действовавшего места торгова с маньчжурами, нивхам (гилякам) приходилось совершать двадцатидвухдневные плавания вверх по Амуру (л. 27).

Широко известно, что правители Китая в то время упорно утверждали, что гиляки-нивхи будто бы приносили им дань. Сами же гиляки-нивхи, как засвидетельствовано в отчете, считали, что они приезжали к маньчурам на самую обычную ярмарку («ярмонку») для обмена товарами. Вот этот торг маньчжурские власти и старались представить как уплату дани и выдачу подарков! Совершенно аналогичный товарообмен гиляки-нивхи вели и с представителями многих других соседних народов, в том числе с бродячими купцами якутами, которые чаще всего их снабжали русскими товарами. Из найденного отчета стало впервые известно, что в деревне Чнирх-рах в устье Амура Невельской и его спутники встретили одного нивха (гиляка), который не только знал якутов, но и «еще более поразил, когда начал по-русски называть некоторые вещи: чайник, ружье, курок, и знаками показывал, что знает об винтовке» (л. 36). Так стало очевидным, что в первой половине XIX в. в низовья Амура продолжали попадать некоторые русские изделия.

Отчет Г. И. Невельского еще раз подтверждает, что все население нижнего Амура и острова Сахалина и в середине XIX в. оставалось независимым и что все жители этих районов ненавидели маньчжуров. «Почти все они рассказы свои кончали тем, что показывали отвращение к манчурам», — отмечал Г. И. Невельской (л. 47). Иногда эта ненависть демонстрировалась весьма своеобразно: «Когда мы уже познакомились и называли их гиляками и они убедились, что мы не манжуры, то в доказательство их к нам расположения втыкали в землю палки, называя их манжурами, и потом с сердцем сколачивали одну за одной» (л. 37).

Еще в 1847 г. друг Г. И. Невельского — петрашевец А. П. Баласогло — в своих статьях, представленных генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву, писал, что возникла реальная угроза захвата иностранцами устья Амура. «Место свято не будет пусто!» — предупреждал он [17, 157]. А. П. Баласогло опасался, что отсюда иностранцы «начнут втираться» в пограничные районы России и Китая в ущерб их государственным интересам [2, 183]. Найденный отчет подтвердил, что эти опасения А. П. Баласогло не были беспочвенными. В нем отмечается растущая активность иностранных китобоев на морских подступах к устью Амура, особенно у северного входа в Амурский лиман. «Первая

---

⁵ В действительности же маньчжуры оказались не в состоянии сами освоить Амур. В то время там они имели лишь несколько малолюдных караулов и небольшой городок Айзунь, который был основан еще до Нерчинского договора на правом берегу реки, несколько ниже устья Зеи.

просьба этих жителей (селение Тамлево. — Б. П.), — писал Г. И. Невельской, — была „арак“, ром — у них видели также английские иголки и ножи, что прямо подтверждает сношение их с китобойными судами» (лл. 42 об. — 43). У Г. И. Невельского даже сложилось впечатление, что в южной части Татарского пролива побывало какое-то иностранное военное судно (лл. 47 об. — 48). Поэтому уже в то время он стремился наметить конкретные действия, необходимые для обеспечения безопасности устья Амура. Главное русское поселение на устье Амура, по мнению Невельского, должно было быть создано у нивхской деревни Куегда («Куенгзе») у «кошки», заграждавшей вход в устье Амура, так как «место это... соединяет в себе все условия пункта, могущего запираить вход в реку из лимана» (л. 11).

Читая отчет Г. И. Невельского, нельзя не убедиться еще раз в справедливости слов Фридриха Энгельса, который еще в конце XIX в. отмечал, что Россия по отношению к Востоку играет прогрессивную роль. Действительно, Г. И. Невельской и его спутники старались познакомить местных жителей с элементарной гигиеной, оказывали им медицинскую помощь, знакомили их со многими предметами русской культуры.

Таким образом, Г. И. Невельской и его спутники пришли к нивхам как подлинные их друзья, и не удивительно, что вскоре сами нивхи обратились к русским с просьбой, чтобы они защитили их от бесчинств иностранных китобоев и насилий некоторых маньчжуров.

Одной из характерных черт Г. И. Невельского было то, что он всегда смотрел вперед, думал о будущем. На русском Дальнем Востоке тогда еще не было пароходов, но он уже заботился о том времени, когда они будут плавать по Амурскому лиману: «Дальнейшее плавание по лиману и вход в реку Амур без ограждения банок вежами и бакенами, без знания об изменениях фарватеров (т. е. без лоцманов) для пароходов больших рангов весьма затруднительно, а для парусных судов почти невозможно, для пароходов же речных — свободно, но за всем тем сообщение чрез лиман Охотского моря с Татарским заливом, равно и вход в реку Амур, открыты для судов значительных рангов, и с учреждением постоянной навигации можно надеяться, что не будет сопряжено с большими затруднениями» (лл. 19 об. — 20).

Невельской уже видел на берегах Амурского лимана различные эллинги «для судов всех рангов», видел новые русские порты у устья Амура, о чем, кстати сказать, мечтали еще в середине XVIII в. многие видные деятели той эпохи — Алексей Чириков, Федор Соймонов и др. [см. 19, 77].

Интересующий нас отчет, как в нем самом отмечается, в значительной степени был составлен из рапортов «господ офицеров». В ЦГАВМФ в фонде П. В. Казакевича (помощника Г. И. Невельского по плаванию 1849 г.) оказались тексты некоторых из них [см. 16, 97]. Сопоставление этих отрывков с основным текстом найденного отчета позволяет яснее представить систему отбора Г. И. Невельским нужной для него информации. Выяснилось, что, как правило, он чисто механически включал в свой отчет весьма большие отрывки из рапортов его подчиненных, особенно П. В. Казакевича, Э. В. Гротте, А. М. Гейсмара и др. Порой же он опускал некоторые подробности, в ряде случаев представляющие значительный интерес для современных этнографов. Поэтому в примечаниях нами воспроизводятся наиболее любопытные отрывки из этих рапортов. Последние ценны также и тем, что они позволили имеющиеся в публикуемом отчете отдельные описания отнести к вполне определенным географическим пунктам. Удалось, в частности, установить, что

первые Г. И. Невельской подошел к берегам восточного Сахалина напротив Луньского залива. Вот почему уже на рассвете 12 июня 1849 г. матрос, сидевший на мачте (на салинге), сообщил, что он за прибрежной полосой видит воду, вероятно, озеро (см. записи П. В. Казакевича от 12 июля — ЦГАВМФ, ф. 1191, д. № 30, л. 20). Затем вдали участники плавания видели Набильский залив, но из-за значительного расстояния от берега не заметили устья реки Тыми, а вот залив Даги с находящимся в нем островом с селением ороков (тоже Даги) уже описали весьма подробно (см. прим. к лл. 29—31) [16, 97; 14].

Публикуемый отчет снабжен подробными комментариями, которые даются по листам найденной рукописи; начало каждого листа отмечено в скобках, начало текста на обороте листа указано двойными косыми линейками —//.

Лицо, копировавшее этот отчет Г. И. Невельского, временами оказывалось не в состоянии прочесть некоторые слова подлинника. Поэтому в копии были оставлены пропуски, которые позднее были заполнены кем-то другим, возможно самим Г. И. Невельским. Эти слова в публикации выделяются нами курсивом.

Вся найденная рукопись покрыта карандашными пометками, порою абзацы, а то и страницы перечеркнуты. Как правило, вычеркнутое было в той или иной степени связано с самим плаванием Г. И. Невельского. Из этого можно заключить, что кто-то хотел использовать копию отчета Г. И. Невельского для того, чтобы извлечь из него только географическую информацию. Иногда при этом добавлялась новая рубрикация текста. Вероятно, в дальнейшем исследователям еще удастся узнать, для какой конкретной цели была использована эта копия. Поэтому в конце примечаний мы даем краткий перечень всех зачеркнутых частей рукописи и называем новые подзаголовки, которые были включены лицом, чиркавшим рукопись. Поскольку нас в первую очередь интересует сам первичный текст отчета Г. И. Невельского, в основном тексте публикации все эти перечеркивания нами не учитывались. В данной публикации восстановлен полный текст копии, написанный чернилами. Поскольку копист допустил в рукописи крайне грубые орфографические ошибки в отдельных словах, мы сочли возможным внести в текст соответствующие исправления, хотя возможно, что некоторые орфографические ошибки были еще в не дошедшем до нас подлиннике⁶.

Очевидные опiski в копии отчета, например, слово «града» вместо «гряда», «Голвачева» вместо «Головачева» и т. д., исправлялись нами без каких-либо оговорок. Отказались мы и от устаревшей формы транскрипции некоторых географических названий, например, «Охоцкое море» вместо «Охотское». Окончания прилагательных на «ья» заменены на «ые». Поскольку язык рукописи довольно тяжел, то в ряде случаев для облегчения понимания ее смысла пришлось существенно исправить пунктуацию отчета. Нам представляется, что все эти поправки значительно облегчат чтение отчета Г. И. Невельского, который по своему содержанию представляет памятник поистине уникальный для всех, кто проявляет интерес к яркому прошлому Дальнего Востока.

⁶ В публикуемом отчете были исправлены следующие слова: вулканический, галлерия, горизонт, глаткий, дерский, житкий, жзатые, зоридить (зарядить), изследование, искусство, кабодажное, калено, капешон, кокиры (кокуры), кофтаны, лотка, лудшие, мередиан, мохатъ, мушины, мяхкс, обычей, окресности, отмелых (отмельных), офицеры, очереть, по-руски, площадки, правельные, пребегать, продч. (прочие), произшествия, разматривать, рассказывали, растались, растояний, реткий, чигунный и др.

**(л. 1) Описание
Северо-восточные и северо-западные берега
острова Сахалина**

Распоряжения и действия с 1 по 24 число июня

По выходе из Петропавловска 31-го мая 1849 года, штили и с густым туманом SW ветры замедлили плавание мое до гряды островов Курильских. 7-го числа июня, при О-м с мрачностью ветре, перерезав 4-м проливом гряду островов этих и вступив в Охотское море, я взял курс к восточному берегу о-ва Сахалина в параллель 52° с. шир. по следующим причинам:

1-е. При описи этой части острова адмиралом Крузенштерном путь адмирала с 52° до окрестностей мыса Клокачева лежал от берега от 10-ти до 30-ти миль, следовательно, описание его не || могло быть произведено тщательно.

2. Отмель, найденная адм. Крузенштерном между $52^{\circ}20'$ и 53° с. шир., подавала повод думать: не бар ли это какой-либо значительной реки, перерезывающей остров; а как все это пространство лежит против ли-мана реки Амура, то при несуществовании Южного пролива, как доселе полагали, основываясь на описи и предположениях капитанов Лаперуза и Бротона, подтвержденных некоторым образом предположениями адмирала Крузенштерна: не бар ли это рукава р. Амура? — что в обоих случаях весьма важно в видах кратчайшего сообщения р. Амур с океаном.

До 12-го числа июня при густом тумане с самыми тихими южными ветрами и маловетриями продолжали плавание наше по Охотскому морю; в 6-ть (л. 2) часов утра этого числа увидели о-в Сахалин, и в 7 часов, придя на глубину 6-ти сажен в расстоянии от берега около $1\frac{1}{2}$ миль, легли вдоль его к северу.

Широта в полдень $51^{\circ}55'$, долгота по хронометрам $143^{\circ}22'13''$. До 24-го числа июня, пользуясь постоянно ясною погодою, большую частью ровными или тихими от S-да ветрами и посылая несколько раз шлюпки на берег, описал и осмотрел: северо-восточные, северные и северо-западные берега о-ва Сахалина до мыса Головачева и касательно этого могу сказать положительно следующее.

С широты сев. $51^{\circ}35'$ и долготы по хроном. 143° до мыса Головачева, следуя от берега от 1 до 5 миль, ни банок, ни рифов, ни отмелей я не встречал; за исключением северо-восточных от широты $53^{\circ}50'$ до мыса Елизаветы и северо-западных // от мыса Марии до залива Надежда, берега острова Сахалина везде приступны, подход к ним с моря и плавание около их совершенно безопасно, глубины к берегу постепенно уменьшаются, не доходя до него около 3-х и местами около 4-х миль, глубины идут с 8-ми сажен, 7-мь, 6-ть, 5-ть; в одной миле около 3-х и местами около 4-х сажен; в окрестностях гавани Байкал до мыса Головачева [на] расстоянии от берега около 4-х миль, глубины до 3-х сажен; грунт вообще чистый песок. Течение замечено вдоль берега около $1\frac{1}{2}$ миль; но эта сила его зависит, кажется, более от ветра. При приливах, судя по знакам на берегу, горизонт воды изменяется около 5 фут. Стоять на якорю под берегами при ветрах от S-да через W до N на восточной, и от S-да через O-та до N-да на западной стороне острова, полагаю, что безопасно, и при всех ветрах возможно (л. 3), ибо в случае несчастья не может быть сопряжено с гибельным для экипажа и судна крушением. Совершенно отдельные и весьма отличительные горы. На восточной стороне 3-ри и 4 сопки, гора с тремя ложбинами и

гора, 3-мя братьями мною названные, и горы в окрестностях залива Надежда на западной стороне, представляют предметы, по которым и легко опознать берег, и определить место свое пеленгами.

Восточный берег острова до широты $53^{\circ}30'$ и западный в окрестностях гавани Байкал — низменный песчаный (от 5-ти до 10-ти фут). От мыса Клокачева до окрестностей мыса Левенштерна и в заливе между мысами Марии и Елизаветы — обрывистый-песчаный-возвышенный (от 20-ти до 50-ти фут). Северные берега скалисты и большею частию к морю отвесно-утесисты (от 200 до 500 фут). Положение мысов Елизаветы // и Марии и берегов северной части острова хронометры наши показали совершенно согласно с положением их на карте адмирала Крузенштерна; берега же между широтами 52° и $52^{\circ}35'$ на восточной стороне, от 3-х до 20 миль положены западнее; а от $53^{\circ}45'$ шир. до мыса Головачева на западной стороне около 7-ми миль южнее. Между широтами 52 и 53 градусами у восточных берегов острова мы встречали 3 раза огромные пятна с весьма отличительным темным цветом воды и с переборным как бы на банках волнением; но это состояние моря, происходящее от того, что течение из некоторых озер чрез узкие проливы, вынося жидкий черный ил и встречаясь с течением вдоль берега направляющимся, нисколько не изменяет глубин, а имеет только вид отмели к N или SO, на 5-ть и более миль в море простирающейся. Я полагаю (л. 4), что, может быть, это обстоятельство заставило адмирала Крузенштерна удалиться в этом пространстве от берега, а у мыса Вирст назначить на карте своей отмель. От широты $53^{\circ}30'$ до шир. $53^{\circ}50'$ возвышенный песчаный берег, противу отдельных озер вдоль его близ моря лежащих, прерывается низменностями и издали кажется усеянным небольшими заливами; заливов этих не существует. Общее состояние как этого восточного, равно и западного берега до мыса Головачева, ровное, прямое.

Между широтами 53° и $51^{\circ}50'$ восточная часть острова на все видимое пространство около 20 миль к западу представляет частью низменную и частью покатую поверхность, покрытую или отдельными горами от 15 до 25 миль от моря лежащими, или многочисленными // почти сплошными озерами, из которых большая часть, отделяясь от моря голыми песчаными от $\frac{1}{4}$ до 1 мили шириною кошками, усеяна низменными и возвышенными лесистыми островами, а потому все это пространство с моря имеет вид шхер, тянувшихся по меридиану к северу около $70'$, а от востока к западу от 5 до 10-ти миль. В этих шхерах в широте $52^{\circ}12'30''$ и долготы по хронометрам $143^{\circ}35'$ открыта гавань, названная мною гаванью Благополучия. Гавань эта на пространстве около 1-й квад. мили имеет глубину от 14 до 20 фут, грунт вязкий, черный ил. Вход в него шириною около 200 сажен и глубиною до 12 фут идет между низменными (от 5 до 10 фут) песчаными кошками, течение при входе около $2\frac{1}{2}$ узлов. Усмотренные нами затем входы как (л. 5) в шхеры эти, равно и отдельные озера, до широты $53^{\circ}50'$, у подошв гор близ моря лежащие, оказались неудобными и отмельными. Я полагаю, что подробное исследование страны в этом пространстве до лимана р. Амур, поперек острова укажет на внутреннее каботажное сообщение лимана с восточной частию острова. Удобные для подобного сообщения довольно значительные на западной части острова впадающие в лиман реки (глуб. при баре от 3 до 5 фут) и низменное положение острова на этом пространстве делают несомненным это заключение.

Противоположные морю берега озер имеют совершенно иной характер — с лишенным всякого прозябания морским песчаным берегом; берега озер этих обращенные к морю составляющим [?] — они частью

возвышенные, покрытые // строевым и дровяным лесом (ель, береза и преимущественно лиственница), а частью луговые или низменные тундристые, судя по этому и по прекрасному местоположению многих частей страны этой, защищенной от севера и северо-запада горами, равно и по почве земли в гавани Благополучия (чернозем с песком), полагаю, что здесь есть много мест, удобных к скотоводству и хлебопашеству, а следовательно, и к оседлому заселению; состояние растительности дает повод думать, что весна начинается здесь непоздно.

С юга идущая цепь гор в широте $53^{\circ}50'$, примыкая вплоть к морю и оканчиваясь на северо-востоке и севере обрубистыми мысами Левенштерна, Елизаветы и Марии, покрывает всю северную часть острова. На этом пространстве большею частью скалистый восточный до мыса Елизаветы (л. 6) и западный до залива Надежда берега острова не представляют мест, удобных к заселению. Залив между мысами Марии и Елизаветы и залив Надежда, имея глубину от 4-х до 10 сажен и обильное количество пресной воды, составляют значительные рейды, защищенные первый от ОНО через S до NNW, а второй от SW через О-го до NW берега этих заливов, равно и западный берег острова до окрестностей мыса Головачева, составляя подошву гор, в топографическом отношении имеют одинакий характер с восточными берегами.

Закрытая от всех ветров часть залива в окрестностях мыса Головачева в широте с $53^{\circ}30'$ и долготе по хронометрам $142^{\circ}30'$ лежащая, гаванью Байкал названная, имеет на пространстве около $1\frac{1}{2}$ квад. верст, глубину от 14 до 17 фут, по причине // находящегося пред ее входом бара, где могут укрываться суда не более 10-ти фут.

По восточному берегу острова до мыса Клокачева, в заливе между мысами Марии и Елизаветы, в заливе Надежда и по всему западному берегу до мыса Головачева, мы видели селения жителей его, с которыми в гаванях Благополучия и Байкал и в заливе между мысами Марии и Елизаветы имели сношения, и хотя полагали их прежде принадлежащими к смеси японцев с китайцами, но, ознакомясь с гиляками в лимане, по одинакому их с ними образу жизни, одежд, физиономий, произношению слов и по знакам этих последних, я достоверно убедился, что народонаселение этой части острова составляют гиляки.

(л. 7) Описание устья реки Амур, ее лимана и юга восточных берегов Охотского моря

Распоряжения и действия с 24 июня по 29 августа

Окончив описание гавани Байкал, 23 числа июня в $3\frac{1}{2}$ часа пополуночи при тихом ветре от S-да и ясной погоды пошел к мысу Головачева по пути, ведущему от берега около 4-х миль и глубинами от 4-х до $4\frac{1}{2}$ сажен; в 7-м часу вечера, миновав меридиан этого мыса, встретил глубину 17 ф. и сейчас же — 13 фут, а потому, удалившись от отмели к N на глубину 23 фут, положил якорь. Произведенные на другой день обследования показали, что от мыса Головачева NW лежат обсыхающие лайды, это обстоятельство и виденные с транспорта от мыса к N банки не представляли с этой стороны // удобного входа в лиман с моря понудили меня обратиться с этой целью к Татарскому берегу, почему взял курс вдоль отмели к NW и, обогнув которую с глубины 9 сажен, начал лавировать между нею и берегом к горе князя Меншикова, поворачивая с обоих галсов на глубинах от $3\frac{1}{2}$ до 4 сажен. В 6 часов вечера на глубине 4 фут положил якорь; ближайший западный берег был от нас около $2\frac{1}{2}$ миль. Таким образом, в

продолжении 24 числа определил подход к лиману с моря. Свежие SW ветры в продолжении 25, 26 и 24 чисел удерживали меня на якоре и не позволили для определения входа в лиман производить промеров, но в продолжении этого времени мы сделали промер и опись лежащего за *пещаную кошкою* от горы князя Меншикова (л. 8) к NW озера, и обследовали берега Татарии в окрестностях мыса Ромберха. 28-го числа ветер стих, и по промерам, сделанным шлюпками, я вошел в лиман с транспортом и затем в продолжении 29 и 30 чисел, производя промер, шел по лиману к SO, не доходя же 3-х миль западного берега острова Сахалина, около 5 миль южнее мыса Головачева остановился с целью подробного обследования северной части лимана и страны в окрестностях мыса Головачева. Гг. лейтенантам Казакевичу и Гейсмару поручено было делать промеры около мыса Головачева и осмотреть страну в окрестностях этого мыса. Гг. лейтенант Гревенес, мичман Гроте и подпоручик Попов производили промеры от транспорта к S-ду. Все эти промеры связывались с местом нахождения транспорта, // определенном астрономическими наблюдениями. Свежие от S-да ветры и с ними около 3 узлов течение к N замедлили работы наши и поставили промерные шлюпки в весьма опасное положение: их несколько раз заливало и выбрасывало на банки; мы едва только к 6 числу июля могли привести в известность северную часть лимана, на пространство — около 8 миль по меридиану и положительно определить северо-западный фарватер, по лиману от Татарского берега к берегам острова Сахалина направляющийся.

Первоначально я полагал возможным с моими средствами связать глубины лимана правильными промерами, из нескольких определенных пунктов производимыми; но последняя работа (л. 9) и большей частью свежие от S-да ветры и довольно сильные течения обнаружили и неудобства тяжелых гребных судов наших и совершенную невозможность в короткое время на пространстве 2000 квад. миль достигнуть предполагаемой мною цели; сверх этого свойства банок ясно показывали, что они не постоянные, а переносные, изменяющие фарватеры, а потому в этом случае правильные промеры необходимы бы были и принесли бы существенную пользу на фарватерах, определенных многолетними плаваньями судов по лиману, как это делается не только один, но и несколько раз в год лоцманами и проч. в местах, где существуют уже постоянные навигации. Соображая это обстоятельство, время и средства мои, я полагал достаточным и, смею думать, согласным с инструкциями вашей светлости, если, // не отвлекаясь подробностями промеров и не теряя на то напрасно времени, я разрешу главные вопросы: 1) какие глубины выводят из р. Амур в море, 2) осмотреть и привести в известность берега р. Амур — близ устья ее и берега лимана ее во всех отношениях и 3) разрешить, открыт или нет лиман с юга. Согласно с этим, с 6 по 14 число июля г. лейт. Казакевич описал и осмотрел берега Татарии от мыса Ромберха до устья р. Амур, вошел в реку осмотреть северный ее берег на пространстве около 10 миль и из реки не упуская глубин в северной части лимана, возвратился к транспорту. Г. мичману Гроте было поручено описать и осмотреть берег острова Сахалина до широты 52°50' и разведать, нет ли на острове поселившихся иностранцев. Всем гг. офицерам при подобных отправлениях (л. 10) строго подтверждалось мною, входя в сношения с жителями для получения сведений об образе их жизни, числе населения, нравах и проч. под видом охоты, прогулок и т. под., скрывать от них, а особливо от могущих [в]стретиться европейцев, настоящую цель посылки, как можно ласковее обходиться с ними, привязывая их к себе отпускаемыми на этот

предмет от меня подарками, и, наконец, под самую строгую ответственностью избегать всяких неприязненных столкновений.

Отправив офицеров этих, чтобы сблизиться с кругом действий их и передвижениями транспорта связать берега северной части лимана, я перешел с транспортом в 53°14' сев. шир. т. е. около 15 миль южнее мыса Головачева, и при удобном случае продолжал промеры. //

Приведя таким образом в известность северную часть лимана описями со шлюпок и с транспорта, я, сдав команду транспорта старшему по себе г. лейтенанту Казакевичу и, сделав ему нужные наставления, утром 15-го числа с 3-мя офицерами на 3-х гребных судах отправился в р. Амур. Цель моя была определить: а) нет ли близ устья пункта, могущего запираť вход в реку из лимана, ибо на пространстве 10-ти миль от устья, обследованном г. лейтенантом Казакевичем, этого пункта не представилось, б) не имеется ли выхода из реки к югу (как показывали знаками г. лейтенанту Казакевичу жители), в) описать южную часть лимана, ознакомиться самому с берегами его и реки, фарватерами, течениями и народонаселением и, наконец, д) положительно разрешить, не заперт ли мелями вход в лиман из Татарского залива, т. е. распространить исследование на юг, за пределы исследований капитана Бротона.

(л. 11) 16-го числа от северного входного мыса прошел промером вверх по реке до полуострова, лежащего противу селения Налова — полуостровом великого князя Константина мною названного, а как место это, по моему мнению, соединяет в себе все условия пункта, могущего запираť вход в реку из лимана, то, не продолжая путь по реке далее от этого предела, до 19 числа спускаясь под южным берегом, определили: ширину и глубину пролива, отделяющего полуостров в. к. Константина, астрономическое положение дер. Куенкзе и широту дер. Чнирх-рах, описали и осмотрели берега реки на этом пространстве, определили фарватер под // южным берегом и от селения и мыса Вазсе по протоку между банками вышли из реки в лиман у мыса Пронг[е]. Отсюда до 26-го числа, не упуская глубин, пользуясь попутным ветром, спустились вдоль берега лимана через южный пролив в широту 51°45', т. е. около 5 миль за предел исследования капитана Бротона, и возвратились к мысу Погоби, определили вход из лимана к югу, астрономическое положение мысов Пронге, Муравьева и Погоби, и широты селений Мый и Чам; описали и осмотрели берега лимана и его окрестностей с юга на этом пространстве и обследовали устья рек, впадающих в лиман при селениях Уси и Мый и Чам. Затем, промерив Южный пролив и определив ширину его до 1-го августа, следуя вдоль берега Сахалина к северу и не упуская глубин, описали (л. 12) и осмотрели: восточный берег лимана, определили астрономическое положение мысов Погоби и Халезова и широту селения Нанью, обследовали устья рек Пыск и Ныйде и определив соединение южного фарватера с северо-западным, 1-го возвратился на транспорт.

Описав таким образом часть со шлюпок и часть с транспорта лиман и устье реки Амур, связав берега их обсерватными пунктами, определив выходы из реки в Татарский залив и в Охотское море и ознакомьсь со страной, жителями и свойством лимана в продолжение 34-дневного пребывания моего и полагая дело это в настоящее время достаточно конченным, согласно с волею вашей светлости, изъясненною мне во инструкциях, 2-го августа вышел из лимана и лег вдоль берега Татарий к Н-ду. До 29 августа // описал северо-западный берег Татарий, сделал промер и опись открытой мною гавани Счастья, опись и промер залива Св. Николая и обследовал губу в. к. Константина.

Берега реки Амур, лимана и его окрестностей

Река Амур, идущая по разлогу гор от WtS-да от мыса и селения Мяо на пространстве около 25 миль до впадения своего в лиман, течет к SO-ту и вливается в него между мысами Петоло и Пронге одним устьем. Полуостров в. к. Константина лежит от южного входного в нее мыса Пронге в 30-ти милях и отделяется от правого берега реки проливом в 350 сажен ширины и от 6 до 5 сажен глубины. Довольно возвышенный при проливе луговой полуостров этот, постепенно понижаясь и примыкая к северному берегу реки низменным песчаным перешейком в прилив около одного фута водою покрывающийся (л. 13), составляет ближайший от устья пункт, запирающий вход в реку из лимана. Противу его правый берег реки между возвышенностями от 120 до 200 фута представляет покатую к реке долину, в которой при маленькой речке расположено гильцкое селение Нанова. Северный же берег до селения Куенкзе низмен [имеет] луговую с редким дровяным лесом поверхность. От этих мест левый берег до мыса и селения Чнирх-рах на пространстве около 10 миль приглубый и обрывистый, возвышенный (от 15 до 20 фута), он покрыт смешанным лесом и преимущественно строевым лиственничным. Южный берег до мыса Мяо приглубый и вплоть к реке гористый. Затем берега реки Амур до устья ее, берега лимана на севере — западный берег гавани Счастья и далее до реки Кель // на юг до мыса кап. Невельского, берега окрестностей лимана, составляя подошвы сплошной цепи или отдельных вулканического образования гор Вазсе, Огоби и проч., представляют или покрытые лугами, рощами и прорезанные ручьями, речками и реками долины, или тундристые с редким дровяным лесом и озерами пространства, или большею частью превосходным строевым лесом *поросшие, покатые* возвышенности. Берега эти, выдаваясь в реке, лимане и окрестностях его низменными отмелями, или обрубистыми приглубыми мысами, образуют заливы и заводи: отмельные при берегах песчаных и низменных и приглубые при берегах песчаных обрывистых. Идущие от мыса Ромберха к NW-ту голые песчаные кошки, запирая залив от горы князя Меншикова и образуя (л. 14) тем огромное усеянное островами озеро, постепенно возвышаясь к гавани Счастья, принимают характер у этой гавани возвышенного матерого берега, здесь лайды эти покрыты во многих местах цветами, травой и кустарниками и имеют ширину от одной до полуторых верст. Берег острова Сахалина в лимане между рекою Ныйде и селением Юнуом, песчаный, низменный, отмельный и прорезан обсыхающими при отливе небольшими заливами; затем остальной берег острова песчаный, обрывистый и при реке Ныйде и в окрестностях мыса Халезова приглубый. Окрестности мыса Головачева до селения Ныйде на пространстве около 14 миль представляют поверхность, покрытую песчаными, голыми или поросшими кедровником буграми, окрестности же мыса Погоби — тундристую усеянную озерами и болотами плоскость. // Вся затем сторона остальной части острова в лимане, составляя подошву отдельных гор, посреди его лежащих, имеет одинаковый характер с долинами берегов Татарий. Острова, Чаменский архипелаг составляющие, равно и отдельный остров, в лимане лежащие, каменные, лесистые с берегами отмельными.

По берегам реки Амур, лимана и его окрестностей представляется много мест, удобных к заселению, и обильное количество строевого (ель, горная сосна, кедр, частью дуб и преимущественно лиственница) и корабельного леса, в особенности же в окрестностях селений Куенкзе, Нагава, Чнирх-рах, Вазсе, Пыске и Уси и мысов Пронге и Муравьева,

в окрестностях горы князя Меншикова и по западному берегу гавани Счастья и по рекам: Мый, Чам (л. 15) и проч. Реки, впадающие в лиман, Мый, Чам, Уси, Пыски и Наниа, имеют ширину от 8 до 15 сажен, а глубину от $1\frac{1}{2}$ до 4 сажен, глубина баров их от 3 до 6 фут. Берега рек этих, равно и острова в них лежащие, или возвышенные, или ровные, покрытые лугами, березовыми рощами и лесами.

Фарватеры, течения и броды в реке Амур и лимане

На обследованном мною пространстве река Амур имеет: ширину от $1\frac{1}{4}$ до 8 миль и глубину от 30 до 5 сажен, между мысами. Мьяо и Чнирх-рах пещаная с обсыхающими банками лайда, фарватер реки разделяет на северный и южный, первый из них шириною $\frac{3}{4}$ (при мысе Чнирх-рах) до 1 мили идет под северным берегом, под южным же берегом ширина фарватера от $\frac{1}{4}$ (при мысе Мьяо) до $\frac{3}{4}$ мили и глубина до 8 сажен. Между мысами Вазсе и Чнирх-рах оба фарватера, // соединяясь, имеют ширину до 2-х миль и глубину до 15 саженей, а при мысе Вазсе глубина реки 30 сажен. От этого мыса воды реки Амур течением своим к SO-ту, прорывая пещаные, большею частию обсыхающие лайдами покрытые, отмели, между мысами Петоло и Пронге, вливаются в лиман протоками, и отсюда начинается особого рода бар реки Амур.

Лиман реки Амур на всем своем пространстве между горою князя Меншикова и мысом Муравьева имеет вид огромной заводи, островом Сахалином и от востока заграждающей; воды Охотского моря — от севера, Татарского залива — от юга, вливаясь в лиман посредством проливов на севере и юге, остров Сахалин от материка Татарий отделяющих, и (л. 16) воды реки Амур от северо-запада наносят в него пещаные банки и отмели, происходящие от приливов и имеющие общее по меридиану направление; течения вод лимана прорывают в этих банках вдоль берега лимана каналы и заводи, течение же вод Амурс образует к каналам этим протоки — эти же смешанные течения, передвигая по лиману банки и отмели, изменяют и число, и состояние, и направление каналов, протоков и заводов. Таким образом, весь лиман на пространстве около 200 кв. миль составляет бар реки Амур и представляет собою как бы одну, изменяющимися каналами, протоками и заводами изрытую, пещаную отмель. //

Проток, от мыса Вазсе на мыс Пронге и далее по лиману к S-ду направляющийся, вывел нас из реки по глубинам от 10-и до 4 сажен, чрез южный пролив в залив Татарский, проток этот, соединяясь в южной части лимана с каналом, вдоль о. Сахалина идущим, образует с глубинами от 12-ти до $3\frac{3}{4}$ сажен выход из реки и в Охотское море. Указанный мне жителями проток этот, как можно было догадываться по знакам их, в прошедшем лете составлял более других приглубый фарватер. Найденные нами затем протоки, от северного видного мыса Петоло к NtO-ту по лиману направляющиеся и ближайшее сообщение реки Амур с Охотским морем представляющие с глубины от 5 до 3-х сажен, заграждаются от 5 до 8-ми фут отмелями.

Из южного пролива в северо-западный канал мы вышли по глубинам от 15-ти до $3\frac{3}{4}$ сажен.

(л. 17) Грунт в реке, в каналах, протоках и прорывах всегда жидкий ил, на отмелях и банках песок. Изменение горизонта воды в лимане, направление и сила течения весьма непостоянны и зависят от силы и направления ветров, положения банок, от направления и большей или меньшей сжатости каналов, прорывов и протоков. Вообще же за-

мечено, что в *северной части лимана*, при южных ветрах свежих, течение имеет постоянное направление к N-ду от $\frac{1}{4}$ до $2\frac{1}{2}$ узлов, при умеренных к N-ду около 2-х, а к S-ду около одного узла, при этом горизонт воды изменяется около $4\frac{1}{4}$ фут; при всех прочих обстоятельствах изменение горизонта воды около 6-ти фут, а силы течения к N-ду и S-ду $1\frac{3}{2}$ узлов. В протоках глухих и // открытых, сжатых и при банках и лайдах обрывистых сила течения около 4-х и более узлов. В протоках открытых и менее сжатых от 2 до $3\frac{1}{2}$ узлов; на банках же отмелых не более одного узла. В реке Амур и более противу северного сжатом, приглубом и чистом южном проливе, равно в окрестностях его в лимане и Татарском заливе, изменение горизонта воды и сила течения, хотя и зависят также от ветров, но, кажется, следуют более правильному закону. В реке Амур течение с приливом около $1\frac{1}{4}$ узлов, а с отливом до $2\frac{1}{2}$ узлов; горизонт воды изменяется около 3-х фут. В южном проливе и окрестностях его течение до 3-х узлов, горизонт воды изменяется около 3-х фут. В южном проливе и окрестностях его течение до 3-х узлов, горизонт воды изменяется около 7-ми фут.

Вода в реке Амур довольно чистая, мягкая и вкусная (л. 18), а при приливе мы не заметили изменения этого состояния ее, и пресный вкус воды встречается в лимане на пространстве от устья к югу около 15 миль, а к северу около 10 миль. Это последнее обстоятельство, общее направлению течения реки перед впадением ее в лиман к SO-ту и, наконец, сжатое состояние южного пролива, ощутительно более сильные течения с юга производящее, дает повод думать, что всегда более приглубые протоки из реки должны направляться в южную часть лимана. Значительная глубина реки Амур при устье ее (до 30 сажен) и открытое положение лимана с севера и юга, представляя свободное течение водам его по меридиану, заставляет сомневаться в том, чтобы когда-либо могло не существовать с достаточными глубинами // выхода из р. Амур в Татарский залив и Охотское море. Правда, что огромное пространство бара, или лимана реки Амур, банками и отмелями усеянного, весьма непостоянные, ни в силе, ни в направлении своем течения и изменяющиеся фарватеры, представляют плавание по лиману (особливо в северной части при господствующих здесь южных ветрах) для парусных судов весьма затруднительным, медленным и без надлежащего устройства почти невозможным, но, полагаю, что при необходимости плавания по лиману с устройством средств, служащих к обеспечению и безопасности этого плавания (лоцмана, вехи, пароходы и проч.), опыт укажет и на законы изменения (л. 19) течения, и на законы изменения фарватеров и, научив эти же течения употреблять в свою пользу, отстранит препятствия, кажущиеся в настоящее время столь важными, и относительно этого предмета ныне я могу сказать положительно следующее⁷: а) Подход к лиману с севера и юга совершенно безопасен и отличителен. б) Пред входом в лиман, как [с] севера, равно и с юга, стоять на якоре для всякого ранга судов возможно и безопасно. в) Вход в лиман с юга чрез южный пролив, имеющий ширину фарватера около 4 миль и глубину от 10-ти до 5-ти сажен, для всякого ранга судов, а с севера для судов около 20 фут сидевших, свободен.

д) Плавание по лиману северо-северозападным // каналом и южным до мыса Халезова широты $53^{\circ}5'$ и на юг до широты $52^{\circ}14'$ никаких не имеет препятствий при благоприятных и больших — при неблагоприятных обстоятельствах.

---

⁷ У этих слов на полях добавлен подзаголовок: «Закключение о лимане и реке Амур».

е) Дальнейшее плавание по лиману и вход в реку Амур без ограждения банок вежами и бакенами, без знания об изменениях фарватеров (т. е. без лоцманов), для пароходов больших рангов весьма затруднительно, а для парусных судов почти невозможно, для пароходов же речных — свободно, но за всем тем сообщение чрез (л. 20) лиман Охотского моря с Татарским заливом, равно и вход в реку Амур, открыты для судов значительных рангов, и с учреждением постоянной навигации можно надеяться, что не будет сопряжено с большими затруднениями.

В реке Амур и по берегам лимана ее представляется много мест, удобных к устройству елингов, для строенья судов всех рангов и в особенности в реке при селениях Нанова, Куенкзе, Чнирх-рах, в Вазсе и в окрестностях мыса Пронге, в лимане на севере при селении и реке Нанио.

ж) По всему почти лиману под берегами его идет каботажный канал с глубинами не менее 3-х фут. Канал этот, представляя весьма удобное сообщение реки Амур с различными // пунктами, по берегам лимана лежащими, выводит из него у горы князя Меншикова в озеро и направляясь под восточными берегами которого до гавани Счастья, в северо-западной стороне этого озера находящейся, составляет внутреннее сообщение этой гавани с рекой Амур.

Гавань Счастья лежит от горы князя Меншикова в 10-ти милях, а по прямому направлению от реки Амур сухопутно (при селении Куенкзе) около 30 верст. Закрытая от SO-та чрез S-д до NW-та гористыми берегами Татарий от NW через N до SO-та песчаными, возвышенными (от 20 до 30 фут) и широкими (от 1 до $1\frac{3}{4}$ версты) кошками, гавань представляет большие удобства для порта, находясь же в окружностях лимана и реки Амур и имея (л. 21) внутреннее сообщение с рекой Амур посредством упомянутого каботажного канала и реки Иской, составляет весьма важный пункт, имеющий непосредственное влияние на вход в лиман с севера и на самое устье реки Амур.

Гора кн. Меншикова и отдельная круглая гора, в окрестностях мыса Перовского лежащая и постепенно уменьшающиеся к берегам ее глубины, составляют подход с моря к гавани Счастья отличительным и безопасным. Вход в гавань эту идет между песчаными возвышенными кошками, имеет ширину от 1 до $1\frac{1}{4}$ версты, находящиеся в нем песчаные банки образуют с глубиною от 14 до 17 фут и шириною от 100 до 200 саж. два ведущие в гавань эту фарватера. Ограждая эти банки вежами, // суда, до 14 фут сидевшие, при ветрах от NW-та чрез O-т до SW всегда свободно в нее входить могут. Течение при входе замечено около 3-х узлов, в гавани до $2\frac{1}{2}$ узлов, горизонт воды, судя по знакам на берегу, изменяется около 6-ти фут, глубина в гавани — под восточными берегами на пространстве 3-х верст от 24-х до 42 фут, грунт черный ил.

Западный берег гавани Счастья гористый, отмельный, впадающая с этой стороны в нее река Иской, по сведениям, мною собранным, имеет глубину до 5 сажень и посредством озера, из которого она вытекает, представляет сообщение этой гавани с рекою Амур. В 15-ти милях от гавани Счастья в небольшой залив, удобное якорное место представляющий, впадает река Кель; река эта (л. 22) шириною до 15 сажень и глубиною до 4 сажень, а при बारे от 6 до 5 фут, по сведениям, мною собранным, посредством озера Чли и двух вытекающих из него речек имеет сообщение с рекою Амур. Таким образом, обе реки эти представляют внутреннее сообщение гавани Счастья и окрестных берегов ее с берегами реки Амур в окрестностях полуострова в. к. Константина.

Соображая все сказанные обстоятельства, нельзя положительно не

убедиться в том, что закрытый островом Сахалином бар реки Амур, с его свободным и безопасным входом с моря, с его окрестными рейдами и гаванями, имеет большое преимущество противу баров рек, подобных реке Амур (Северная Двина и проч.), и нельзя не убедиться в том, что открытая океанам река Амур с живописными // и поросшими могу-чею растительностью берегами своими, неисчерпаемые источники к благосостоянию человека представляющие, и как единственная текущая от запада в Восточный океан, может составлять и непоколебимый оплот, жизнь и могущество Северо-Востока Азии.

*Юго-восточные берега Охотского моря
от окрестностей гавани Счастья до Тугурской губы*

Юго-Восточные берега Охотского моря от окрестностей гавани Счастья вообще приглубы, гористы и к морю отвесно утесисты. Большею частью голые скалы, их покрывающие, выдаваясь в море возвышенными мысами, образуют заливы, губы и заводы, берега которых, составляя частью отлогие и частью ровные к морю подошвы гор, прорезаны ручьями и речками и покрыты или лугами, или мысами, или болотами. Заливы: Екатерины, Рейнеке и Александры (л. 23) и Ульбанская губа (под западным берегом) имеют изрядные якорные места.

Залив Св. Николая

При северо-восточном берегу Ульбанской губы вдается в материк имеющий вид озера узкий (от 4 до 6 миль) и длинный залив, залив Св. Николая мною названный — туземное же название, по впадающей в южной части его маленькой речки Усальгин, он имеет *название* губы Усальгинской, северная часть этого залива на пространстве около 10 миль лежит по N(?) — StW-т, южная же затем имеет направление на SSW-т. Первая с глубинами от 12 до 9 сажен представляет превосходную рейду, а вторая на пространстве около 10-ти миль с глубинами от 4 до 9 сажен огромную гавань. Вход в залив этот, шириною до 4 миль и глубиною от 14-ти до 12 сажен, лежит между приглубыми весьма отличительными // мысами Гроте и графа Лансдорфа [Ламсдорфа], мною названными, в нем нет ни рифов ни банок; а потому как вход, так равно и подход к заливу Св. Николая с моря, по множеству предметов служащих к определению места, должен быть признан наилучшим, какого только желать можно, и безопасным еще тем, что пред входом в залив этот можно стоять на якоре (глубина около 15 сажен). Грунт по всему заливу — хрящ, течение до 2½ узлов, горизонт воды изменяется около 13 фут. Западный берег залива Св. Николая от мыса Гроте около 5 миль утесистый, отмельный, отсюда на пространстве 15 миль берег этот песчаный, приглубый (вплоть к берегу глубина от 6 до 3-х сажен), обрывистый, далее песчаный (л. 24), низменный, отмельный. От окрестностей мыса Бутакова на пространстве около 12 миль к S-ду сторона по западному берегу залива представляет прорезанную речками, ручьями и покрытую лугами и различного рода строевым лесом поверхность; на этом пространстве на каждом шагу представляются места, удобные к заселению и к возможному устройству порта, особливо при мысе Озерского, здесь между песчаною кошкою и матерым берегом образуется небольшой залив, залив этот при малой воде почти обсыхает, но пред входом своим имеет глубину около 4-х сажен — таким образом, он представляет как бы природный док. Восточный берег залива Св. Николая гористый, покатый, приглу-

бый; горы и их отлогости, // покрытые лесом, долины же, ими образуемые, и разлоги покрыты лугами. Северная часть этого берега на пространстве около 8 миль представляет тундристую плоскость. Озеро, лежащее на низменном перешейке,—залив Св. Николая от залива Александра отделяющем, равно и все впадающие в залив реки, имеют обильное количество различного рода рыбы.

*Сведения, собранные от промышленников, о сообщении
залива Св. Николая с рекою Амур*

По сведениям, собранным мною от промышленников, к SW-ту от залива Николая находится озеро Чиглика или Чля. Из него вытекает довольно значительная река, которая около 10-ти миль от полуострова в. к. Константина впадает в реку Амур. Тунгусы по зимнему пути от залива Св. Николая до озера на одних оленях доезжают с небольшим (л. 25) в двое суток, озером едут около одних суток и отсюда по реке до реки Амур около половины суток, следовательно, залив Св. Николая по этому пути лежит от реки Амур около 130 верст. Половину этого пространства составляет *переволок*, по которому, по словам промышленников, ни крутых подъемов, ни перевалов чрез горы нет. Вся дорога по разлогу горы почти ровная.

Залив в. к. Константина

Залив в. к. Константина имеет весьма хороший и отличительный подход с моря, вход же в него, лежащий между каменистыми рифами, не безопасен. По отмельным же в малую воду до 1½ верст, обсыхающим берегам своим и по переносным в более других закрытой северной части его банкам, залив этот не представляет, по моему мнению, место, удобное для основания // порта,— течение в заливе в. к. Константина замечено нами около 3-х узлов, горизонт воды изменяется до 12 фут. Перешеек, отделяющий этот залив от Тугурской губы, от мыса Инкагана к западу, непроходимый болотистый, имеет ширину около 3-х верст; при возвышенном же и утесистом юго-западном берегу ширина перешейка около ¾ верст, и здесь он представляет довольно удобный переход с берега его на берег губы Тугурской.

Тугурская губа и река Тугур

Тугурская губа, осмотренная в северо-восточной части г. мичманом Гроте и вся обследованная г. Орловым, имеет берега отмельные, при отливе около двух верст обсыхающие, льды в ней г. Орлов встретил в исходе июля. Она в северной части камениста, а потому плавание по ней (л. 26) по причинам подводных камней опасно, глубина в ней не более 7-м сажень. По сведениям, доставленным мне г. Орловым и промышленниками, бар реки Тугура при отливе совершенно обсыхает, при приливе же глубина на बारे около 5-ти фут,— река Тугур имеет ширину от 10 до 25 сажень и глубину от 3 фут до 6 фут. На пространстве около 30 верст до устья течет в берегах низменных, болотистых, а далее возвышенных лесистых⁸. Около 90 верст от ее устья к реке Тугуру на расстояние 6-ти верст подходит река Амал — это разделяющее две реки пространство представляет совершенно ровную луговую степь, в 40-ка

⁸ У этих слов на полях добавлен подзаголовок: «Сведения о сообщении Тугурской губы с рекою Амур по рекам Амал и Амгуна».

верстах от этого места река Амал соединяется с рекою Амгунь, которая около 20 миль выше полуострова в. к. Константина впадает // в реку Амур. Тунгусы зимою от устья Тугура до Амгуна на одних оленях доезжают в 2¹/₂ суток, по Амалу до Амгуна едут около одного дня, по Амгуну же до реки Амура около 5¹/₂ суток; следовательно, расстояние между устьями Тугура и Амгуна этим путем составляет около 300 верст. По берегам Тугура и Амгуна кочуют тунгусы и гиляки, берега же реки Амгуна населяют нейдалцы, а при устье ее живут гиляки. Реки Амал и Амгунь на сказанном мною пространстве текут вообще в берегах более ровных и покрытых или превосходными пастбищами, или строевым лесом. Берега Амгуна близ устья возвышенные и покрытые корабельным лиственничным и частью дубовым лесом. Обе реки эти широки, глубоки (л. 27) (до 10 сажен) и судоходны; от реки Амгуна по берегам реки Амур вверх и особливо по правому имеются превосходные корабельные дубовые рощи. Здесь, по словам промышленников, встречаются дубы в отрубе до аршина и длиною до 15 сажень. Река Амур от устья Амгуни имеет ширину до полуострова в. к. Константина от 2-х до 3-х верст, глубину до 40 сажен, оба берега ее на этом пространстве населяют гиляки; от устья же Амгуни вверх по реке Амур живут племена *Натку*, *Салодина* и *Даурцы*. От устья Амгуни до первого монгольского города и заселений, при большой реке, впадающей в реку Амур, с юга находящегося, гиляки, для вымена на пушные товары, рыбу и проч., китайки, табаку, котлов и прочих необходимых для них потребностей, поднимаются вверх по реке Амур около 22-х // суток. Следовательно, от устья Амура до первого монгольского заселения, близ правого берега реки Амур лежащего, около 800 верст. По сведениям, собранным от гиляков промышленниками, на всем сказанном пространстве от города до устья реки Амур по обоим берегам ее нет ни одного монгольского заселения.

**Жители
острова Сахалина, лимана и его окрестностей.
Первая встреча, одежда, промышленность,
нравы, обычаи и проч.**

По прибрежным жителям острова Сахалина и устья реки Амур хотя и нельзя сказать положительно о заселении целого края, но, входя во все подробности, сколько позволили на это обстоятельства и время, и не углубляясь во внутренность страны (л. 28), могу заключить из собственных своих замечаний, из донесений господ офицеров, посылаемых для осмотра берегов, что весь обследованный нами край обитаем значительно.

Как на восточной части острова, на северной между мысами Марии и Елизаветы, в бухте Байкал, на западной до южного пролива, равно как и на восточном берегу Татарии и в самой реке Амур, встречали заселения и жителей, и именно в тех местах, где береги по большей части низменные, песчаные, имеют все удобства для оседлости обывателей сообразно с их промышленностью и средствами к жизни. //

Первая наша встреча с жителями была на восточной части острова в окрестностях и в самой гавани Байкал, [залива] Благополучия. 12 числа июня посланные (г. лейтенант Казакевич и мичман Гейсмар) на берег для осмотров имели первое свидание. Только что пристали шлюпки к берегу, как уже толпа любопытных шла издали навстречу и, как видно было в трубу, была вооружена стрелами, но с приближением жители положили это оружие за кусты. Первым постоянным правилом

было принято на отправляющихся на берег шлюпках для предосторожности иметь гребцов, вооруженных ружьями; но только в самой крайности прибегать к нему и под самую строжайшую ответственность, избегать всяких неприязненных столкновений, как можно ласковее и с большою осторожностью обходиться с жителями. Кроме того, каждый офицер, отправляясь на несколько дней, имел от нашего доктора наставления и необходимые (л. 29) медицинские пособия. Видно, что жители не решаются подойти к шлюпкам, им начали махать, зовя к себе, после чего трое, отделясь от толпы, стали подходить, а за ними вскоре и вся толпа двинулась.

После разных обоюдных приветствий, чтобы расположить их в свою пользу, делавши им подарки: огниво, кремни были в большом почете, а табак кажется неocenим, они принимали его с жадностью. Из расспросов знаками нельзя было положительно узнать: что они за народ и чью признают власть над собою? По физиономии смесь японского и китайского типа. Одежда их состояла из кухлянок, но без капюшона, или, лучше сказать, из коротких кафтанов, сделанных из тюленьей кожи; длинные торбаса // из той же кожи были подвязаны под коленом, оставляя верхнюю часть ноги голою; как кафтан, так и торбаса были надеты на голое тело. У многих такого же покроя кафтаны были из синей китайки. Головы ничем не покрыты, волосы черные, гладкие и заплетенные в косу, висевшую сзади; глаза черные, не слишком узкие, с прорезью монгольского типа, кости в висках выступившиеся, некоторые были высокого роста, статные и плечистые, а прочие среднего, всякой имел при себе по одному, а некоторые по два ножа, висевшие на ремнях, опоясанных сверх одеяния, у других висело огниво и в сумках древесный труть. Ножи и огниво имели большое сходство с якутскими. Вечер не позволял в этот день отдалиться от берега к видимым хижинам, которые (л. 30) на довольно значительном расстоянии стояли от места наших шлюпок. На другой день, осматривая шхеры Благополучия (г. мичман Гроте и подпоручик Попов), прием жителей, которые, как видно было в трубу, следили за действиями транспорта, был торжественнее. По мере приближения шлюпок наших к берегу, где были расположены деревни, жители собирались большой толпой, вооруженные стрелами, копьями и ножами, что заставило принять осторожность и зарядить ружья; подходя ближе, шлюпка стала на мель, жители в намерении, может быть, показать свою храбрость, или чтобы не делать вида неприязненности, положили оружие в сторону и сели на берегу, показывая место, где можно было пристать шлюпке; когда мичман Гроте // пристал к берегу и пошел к ним, тогда от толпы отделился старик и пошел к нему навстречу, приблизясь на такое расстояние, что каждый мог подать друг другу руки (старец, по-видимому, был старшина). Не удовлетворяясь обыкновенными приветствиями, начал обнимать и по их обычаю, не целуясь, а прикладывая только щеки. Когда другие увидели, что их обычаи строго соблюдаются и не имеют намерений их обидеть, из толпы начали понемногу подходить и другие. По обыкновению им даны были подарки; после чего в сопровождении этих знакомцев осматривали хижины.

Селение лежало на острове вдоль берега и расположено было в два ряда в расстоянии один от другого около 50 сажень; строение хижин двоякого (л. 31) рода: одни имели основания четырехугольные, и крыши из еловой коры сходились к вершине конически, а другие имели конические основания, покрытые рыбьей кожей; как те, так и другие построены из шестов, вход в жилище не заперт дверью, а был свободен, во внутренности лежала по сторонам разная утварь (кажется, японской

работы): чугунные котлы на трех ножках с откидными ручками, рыбы кожи и тюленьи шкуры. Вокруг хижин были привязаны собаки, принадлежащие к одной породе с камчацкими. В кедровнике за юртами паслось стадо оленей. Все переговоры были пантомимами: им показывали карту, чтобы узнать, не имеется ли сообщение водою с противоположно[ю] частью // острова, они не поняли, выражая это, затыкая уши, что *рождало* общий смех. После разных *менок* и подарков (за топор брали у них *луки* — они отдавали с удовольствием, а подарки принимали еще лучше) расстались *приятельски*.

В то время когда шлюпки наши были на берегу, к транспорту подъехала туземная лодка, выдолбленная из целого тополевого дерева, на которой помещалось 8-мь полунагих гребцов. При всем старании на наши просьбы войти на транспорт они разными увертками отказались.

В следующие дни при проходе транспорта вдоль берега во многих местах видели жителей и, когда была послана шлюпка, для осмотра какой-либо заводи, или озера, всегда почти встречали, если не жителей, то по висевшей (л. 32) на жердях рыбе можно было предполагать о существовании poblости жильцов. Вероятно, видимые здесь нами селения, выстроенные так непременно для холода, есть только летние кочевья приходящих жителей из окрестностей для рыбной ловли и за тюленьим промыслом, которых здесь в изобилии. Конечно, они не имеют средства добывать китов, до которых, вероятно, китобойные суда еще не совсем добрались, но это изобилие выше всякого *объяснения* — транспорт с утра до вечера был окружен стадами этих животных, которые плавали около нас, не опасаясь за свою жизнь. Между мысами Марии и Елизаветы *в живописной* равнине лежит довольно значительное селение, которое имеет более фундаментальности // в постройке и в оседлости к жизни. Сначала посланная с него шлюпка не совсем была принята благосклонно жителями, которые вышли навстречу ей на своих шлюпках и махали веслами, чтобы наша шлюпка не подходила к берегу, но когда подошла на такое расстояние, что можно было передать им соблазнительный табак, их неприязнь понемногу смягчалась, и вскоре шлюпка наша, в сопровождении 6-ти лодок, на каждой из которой были по 8-ми человек, вошла в залив, в котором были расположены селения. Жители, видя, что нет никаких намерений с нашей стороны их обижать, начали предлагать разные менки. Собацьи шкуры и тюленьи кожи был самый дорогой товар. По большей части эта мена всегда (л. 33) была в их пользу, подарками без возмездия, но, несмотря на нашу щедрость, они не желали допускать нас в свои дома, не говоря уже о сбережении женщин, которые с приближением шлюпки к берегу взбирались на отдаленные возвышенности. Вероятно, как впоследствии и объяснилось, — эта боязнь происходит от заходящих за дровами китобоев, которые большие охотники к разным насильствиям. Во всех селениях западной части острова встреча с жителями была вообще дружественная, подарки и наши ласки им делали их доверчивыми, исключая деревни Тамлево на мысе Головачева, где жители показали самую большую и дерзкую наклонность к воровству. Наша шлюпка не могла за свежестию ветра // и усиливающегося течения попасть засветло на транспорт; должно было спуститься для ночлега на берег.

Свежим ветром и течением вельбот выбрасывало несколько раз на банки. Перемокшие от работы г. Гейсмар и гребцы стаскивали шлюпку. Поздно уже ночью у разведенного огня на берегу сушили платье и обувь. В это время жители в числе ста человек собрались около огня, и многие, стараясь показать свое усердие, пособляли вытаскивать из *вельбота* вещи, несмотря на то что г. Гейсмар, чтобы не

подать средств к воровству, старался отклонить их от этой услужливости, но они, не упуская из виду своего ремесла, нахально многие вещи похитив, разбежались. На другой день, вероятно боясь мщения (л. 34), вся деревня около 200 человек была вооружена. Время не позволяло тотчас же предпринять что-либо для выручки вещей, что я полагал необходимым сделать, разумеется без неприязненных столкновений, дабы не подать повода другим на будущее время и избежать могущих от этого произойти ссор. Ожидал удобного случая, который скоро представился. Похитители, видя, что мы не обращаем внимания на их поступки, или, может быть, надеясь, что мы их не узнаем, через два дня после этого происшествия привезли на транспорт, для вымена на табак, свежую рыбу. Я, показав им на украденные вещи, объявил, что до тех пор пока вещи эти не будут возвращены, двое из них // должны оставаться на транспорте. Все они, а особенно выбранные старики заложниками, хорошо поняли и, желая избежать ареста, показывали, что они будто бы совершенно не знают о похищении и живут в другой деревне, но видя, что хитрость эта не помогает, переговора с товарищами, отправили их на берег. Ожидания мои исполнились. На другой же день мы увидели идущих от берега наполненные людьми три шлюпки, они, не доходя на значительное расстояние до транспорта, перестали грести и кланялись весьма униженно, когда им позволено было подойти к транспорту, один из пассажиров поднял вверх живую собаку и, низко кланяясь, как бы предлагал выкуп (л. 35) за товарищей. Когда их спросили — где же вещи? — они очень хорошо поняли, об чем их спрашивают, но как бы из предосторожности не ранее возвратили вещи, пока не были спущены к ним арестанты. И когда арестованных мы одарили: ножами, огнивами, топорами и проч., и когда, вероятно, эти последние рассказали им, как мы с ними ласково обращались и как хорошо их кормили, радость всех была невыразима, каждый из них лез ко мне обниматься, показывали знаками — жаловались, что суда с моря подходят к их деревне и делают разные неистовые бесчинства. Многие же, обращаясь к товарищам своим, бранили их за поступок с нами. Эти же последние показывали знаками, что они в нас ошиблись; // вся эта история кончилась тем, что мы расстались совершенными друзьями и с этих пор встречали везде самые миролюбивые приемы.

Вообще же надо отдать преимущество жителям материка перед островитянами. Хотя и были шалости, но это простительно: нельзя, чтоб из толпы любопытных, окружающих день и ночь палатку, не нашлось ни одного, чтобы не соблазниться топором или какой-нибудь невиданной ими вещицей; в самых домах и одежде, видно, как бы более оседлости и роскоши, в ответах более толку и догадливости. Когда вечером после работы ставится палатка, которая, конечно, их удивляла, большой кружок собирается около огня и с маленькими трубочками, (л. 36) не смея перейти без позволения за черту, которая обводилась кругом палатки в присутствии их, показывая ее значение, для того чтобы избавить себя от воров, а жителей от соблазна, в этих беседах многие показывали сметливость и на наши знаки отвечали удовлетворительно: один, взявши карандаш и бумагу, чертил, конечно, не совсем хорошо, карту всего лимана с названиями деревень, другой показывал знаками глубину фарватера, но удивил более всех геометрист (в реке в дер. Чнирх-рах), который чертил на песке границы владений гиляков и манжуров; знал якутов, а еще более поразил, *когда начал* по-русски называть некоторые вещи: чайник, ружье, курок, и знаками показывал, что он знает об винтовке.

Этот же рассказчик был первым, который сказал, что он не манжур, а гиляк. И вся толпа начала называть себя гиляками, потом, обведя на все точки пространства острова, устья и части реки, показал, что все это населено гиляками и что он не принадлежит манжурам; но из всего видно, что их не любят и боятся.

Они сначала не знали, за кого нас принимать, и, когда мы спрашивали их *Чи-Манжу*, они качали головой в знак согласия и непременно в свою очередь спрашивали, что мы манжу, и, когда им делали отрицательный ответ, они качали головой с недоверием и все затем разговоры кончались обниманием, до которого они большие охотники. Затем почти в каждой деревне, чертя на песке и ставя палки вместо деревьев, рассказывали их названия (л. 37). И далеко за южный пролив по берегам Татарии обитают гиляки.

Нелюбовь же их и боязнь к манжурам можно было видеть во многом. Например, в одной деревне, когда мы уже ознакомились и назвали их гиляками, и они убедились, что мы не манжуры, то в доказательство их к нам расположенья втыкали в землю палки, называя их манжурами, и потом с сердцем сколачивали одну за одной. Боязнь же один выразил ясно, когда ему было предложено ехать на транспорт, как знающему фарватер реки, то он знаками показывал, что он боится сначала своих товарищей — его никак не могли соблазнить самые дорогие подарки, куртка, брюки, сапоги и проч.; но это его так заинтересовало, что весь вечер он не отходил от палатки // и, когда все его товарищи разошлись, он выразил свою боязнь таким образом: сперва показал на своих товарищей, которые видели, как он рассказывал глупину, и слышали, что предлагали ему ехать на судно, то потому, если он согласится, товарищи его не преминут донести манжурам, которые придут и убьют его.

В таких беседах знакомились мы с гиляками и за угощения и ласки наши они всегда старались отвечать; приглашая к себе в хижины, предлагали нам сырую белуху, *нерпичий* жир, ягоды и сарану. Если мы отказывались есть сырую рыбу, они предлагали ее сварить, но нечистота не допускала воспользоваться вполне нам хлебосольством, мы старались сколь возможно отказываться от подобных слишком негастрономических обедов, однако, видя (л. 38), что если мы [не] попробуем особенно нерпичего жиру или сырой белухи, они обижаются, а потому, чтобы еще более сблизиться с ними исполнением их обычаев, часто случалось пробовать эти отвратительные закуски; беседа эта кончалась куреньем табаку и подарками хозяину и *хозяйке* за *угощение*; и наконец все семейство по очереди подходило обниматься. Зеркал, кажется, они никогда не видали; они возбуждали всеобщий смех и удивление, гиляки их вертели — заглядывали. Когда жители узнали, что мы не манжуры, женщины никогда не исключались из общества.

Все деревни по лиману и в окрестностях его к северу и югу на материке и на острове имеют одинаковый характер. Деревни обыкновенно расположены на луговых или пещаных // отлогостях, около моря, чтобы без малейшего труда можно было ловить рыбу.

Дома разделяются на зимники и летники: первые стоят на значительном от земли возвышении, фундаментом им служат толстые кокуры, врытые прямыми концами в землю, а на кривых, как на балках, кладутся незначительной толщины бревна по большей части еловые, концы бревен в углах соединяются обыкновенным замком вырубкой. Крыша из еловой коры положена небольшими пластинками, так чтобы вода могла стекать, не попадая внутрь. Передний фасад имеет открытую с боков галерею, или балкон, на которую ведет лестница, во всех домах оди-

наковая, состоящая из неширокой, засаленной жиром (л. 39) плахи с зарубками вместо ступеней.

Галерея всегда наполненная любопытными женщинами (при нашем посещении) обвешана только что пойманной белухой, которой внутренность и кровь делает неприятный вид и издает скверный запах; кроме того, на жердях висит для сушения мелкая рыба. С галереи этой, имеющей ширину от 5 до 4 фут, вход в первую комнату, где на жердях вдоль висит сушеная рыба, на полу же домашняя утварь: сети, сундуки, обувь, платья и проч., посредине же собака [?] — наконец, отворяя на деревянных петлях *низенькую* дверь, входим в гостиную, спальню и кабинет: здесь идет дружеская беседа, толпа женщин не весьма красивых и чистых сидит, поджавши ноги или полулежа в углу, — комната обставлена по // стенам широкими нарами, на которых беседуют мужчины; почетное место для гостя покрыто всегда сплетенной из травы циновкой.

Посредине складена печь, занимающая почти всю длину комнаты. Печь эта состоит из нескольких досок, поставленных ребром на пол, составляя четырехугольник вышиною от полу на один фут. В средину *набито* земли и положено несколько камней. В печи огонь почти не угасает. Для выхода дыму в *крыше* оставлено отверстие, которое в ненастную погоду закрывается. Над огнем висят жирные части белухи и *коптится* рыба — жир с них *каплет* в чугунный, поставленный на огонь котел. Все это издает удушливый запах. Разность в устройстве зимних жилищ, всегда в некотором расстоянии (л. 40) от летников находящихся, состоит в том, что они становятся прямо на землю и для тепла обмазываются смешанною с травою грязью, дверь околачивается тюленьей шкурой. Печь в избе не посредине, а у одной из *стен*; от нее под нарами, или лучше за лавками, проведена труба, которая, выходя на волю, вставляется в пустое внутри поставленное у дома дерево.

Под домами на привязи находятся собаки. Около каждого дома устроена особая *сушильня*, в которой на жердях правильно *нанизанная* за головки *вялится* на солнце рыба. Эта *сушильня* состоит из бревенчатой площадки на таком же фундаменте, как и дома. У многих домов на привязи откармливаются орлы и в клетках — медведи и лисицы. Кроме обыкновенной потребности // встречаются в домах вещи манжурской работы, и как они видели, что мы интересуемся знать, откуда какая вещь приобретается, они всегда предупреждали вопрос, показывая: на ножи, копыя, топоры они всегда показывали знаком отрицательным, что это не манжурские, сундуки же, разные тарелочки, чайники, табак — манжурский.

В значительном расстоянии от селения встречаются кладбища, нося на себе отпечаток суеверия. Над каждой могилой в разнообразных формах в миниатюре построены домики, или поставлены с маленьким навесом столбики. В этих памятниках обыкновенно находятся чучелы в *полном* гилацком костюме, или завернутые в бересте табак, брусника и разные травы.

Тип физиономий обывателей материка и устья реки такой (л. 41) же почти, как островитян, но гораздо более смешанный. Нельзя сказать, чтобы они были все брюнеты и имели *монгольский* оклад лица, много из них есть с русскими волосами и совершенно прямой прорезью глаз, одежда более роскошна, нежели у жителей восточной части острова. Все почти имели из китайки шаровары и короткие кафтаны или из китайки же, или из рыбьей кожи, на ногах или торбоса, или полусапожки с широкими разрезными голенищами. Довольно красиво и со вкусом вышитыми узорами шляпы ими редко употребляются. Они сделаны из толстой березовой коры, низко конические с широкими *полями* и на-

ружная сторона по белой березовой коре обкладывается черной корой замысловатыми узорами. Женщины имеют одежду // вроде блузы (из китайки), застегнутой спереди медными пуговицами. Подол у щеголих убран разными металлическими вещами, головной убор тот же, что и у мужчин. В ушах огромные серьги, на которых навешаны разные побрякушки — тут же находили место и дареные нами пуговицы; на руках — медные кольца и браслеты из медной проволоки. Все почти мужчины носят на большом пальце особой формы кольца — у иных гладкие, а у некоторых — расписанные разными красками. Маленькая трубочка и сумка с табаком есть необходимая принадлежность каждого. Как мужчины, равно и женщины, весьма грязны. Они не имеют понятия об обычае умываться, и от этого многие из них страдают глазной болезнью. Толпами приходили (л. 42) к нам, прося *излечения*. Мы показывали им, что это происходит от нечистоты, заставляли их мыться. Первый опыт был сделан над девушкой довольно приятной физиономии, показывая ей, как она похорошеет, когда вымоет руки и лицо. Любопытство заставляло удовлетворить нашим просьбам и подаренное *зеркальце* вполне доставило ей удовольствие. Они смотрели беспрестанно, поворачивая его в разные стороны, и делали разные гримасы, чтобы убедиться, точно ли они видят себя. Подарки или перерождение девушки — произвело на молодых людей влияние, все, кроме стариков, бросились умываться, тря лица свои без жалости и утирались грязной *полой* своих платьев.

Об религии нельзя сказать ничего положительно, ибо нигде не встречали никаких признаков // ее; но видно, что обряд венчания совершается, и многоженство не в обычае. Отличительный характер увертливо отвечать прямо на вопрос, хитрость, недоверчивость и наклонность к воровству, которое, как кажется, не считается преступлением, но, как видно, его не поощряют и не наказывают. Дружество их между собою, или, лучше сказать, хлебосольство, отличительное; давши сухари или чего-либо из нашего обеда одному, он разделяет этот кусок на самые гомеопатические части, давая пробовать товарищам. Пьянство, как между жителями материка, равно и островитянами, мы не заметили, кроме жителей селения Тамлево у мыса Головачева. Первая просьба этих жителей была «арак», ром — у них видели также английские иголки и ножи, (л. 43) что прямо подтверждает сношение их с китобойными судами.

Любопытство выше всякого описания: стоит одному подойти и рассматривать на нас пуговицу или сукно на сюртуке, незаметно вся толпа окружает, и, если не принять меры, любопытству и удивлению не будет конца и предела. Даже интересуются видеть, такое ли у нас тело, как у них.

Вооружение у жителей всего осмотренного мною края одинаковое. Луки и стрелы и редко встречали копья; но, кажется, они не искусные стрелки. По крайней мере старались пред нами скрывать это искусство. На просьбу нашу показать их в этом ловкость, они всегда отказывались, под предлогом что можно потерять стрелу, или сломать ее. В одном из селений после // убедительных просьб наших старый гиляк, как ловкий, по указанию других, стрелок, едва за 20 шагов мог попасть в большой куст. После этого вся толпа пристала к нам и просила показать нашу ловкость с оружием. Удивление было невыразимо, когда выбранные четыре матроса на значительном расстоянии попали ружьями в цель. После каждого выстрела вся толпа бросалась к дереву, чтобы увидеть, точно ли там находятся пули. Копья довольно хорошей доброты и работы с различными насечками, форма копья растянутый

эллипсоид, вес один фунт, длины и около 3-х дюймов ширины. Они крепко *насаживаются*. Древко фут шесть длиною. Это оружие, как кажется, гиляки считают неоцененным, и за все наши предлагаемые вещи они не хотели его уступить (л. 44). Каждый гиляк всегда имеет при себе два ножа, один большой, кажется, для защиты, а другой маленький, для крошения табаку. Ножи и топоры они, вероятно, получают от наших промышленников, потому что совершенно такой же формы и достоинства, как у якутов. Это тем подтверждается, что в одном доме деревни Кель мы видели три винтовки, ничем не отличающиеся от якутских, и хозяин их нам показал знаками, что он добыл их на Тугуре от тунгуса и якута.

Главная промышленность гиляков рыбная ловля, что достается им весьма легко, потому что видимые нами стада белух покрывают все пространство лимана. Не говоря уже о множестве красной рыбы — хайко, и горбуши и в реке огромных налимов и осетров, и проч. // Этой рыбы в большом изобилии. Белух ловят следующим образом: на глубинах ставят заколы, между ними протягивают сети и оставляют на ночь или со шлюпок, привязанных к этим заколам, бросают в белуху длинный тонкий шест, у которого на конце насажено острое с зазубринами железное копьё с привязанным к нему длинным ремнем, закрепленным одним концом в шлюпке; остальную рыбу ловят весьма просто: перед каждой деревней от берегу в море на значительное расстояние вколачивают колья. Человек на берегу, привязав конец невола на длинную полку, из нескольких тонких жердей составленную, заводит его за сколоченный кол. Другой же конец оставляет прикрепленным на берегу. Рыба, идя вдоль берега, запутывается (л. 45) головой в сети и бьется до тех пор, пока тот же человек подходит и вытаскивает ее, бросая на берег или в шлюпку. Кроме рыбного промысла гиляки добывают тюленей, которых множество в лимане и его окрестностях. Они бьют их точно так же, как и алеуты, маленькими стрелками или камнями. Остаток за необходимыми потребностями от этого промысла, равно как собачьи шкуры и все *пушные* товары, добываемые, как кажется, сообразно с их бедными к тому средствами в весьма незначительном количестве, мы видели, однако, соболей и чернобурую лисицу: для вымена на китайку, табак и проч. *везется* в Манжурию. Туда также идут шкуры и медведей и выращенные орлы. Признаков же ни хлебопашества, ни скотоводства, // ни огородничества нигде не заметили. Промышленность за дичью также не развита, мы выменивали, однако, много живых диких гусей, которых они ловят на озерах, в то время когда они теряют перья.

В наше пребывание в лимане все прибрежные жители шли в Манжурию, нагруженные сказанными товарами, и, вероятно, для предосторожности, на каждой шлюпке было оружие, как можно было понять из их знаков, что в это время года у них бывает ярманка; они приглашали нас с собою, рассказывая, что там будет весело.

Во всех своих поездках они не сохраняют этикета ни перед кем, и в жаркий день, чтобы легче греться, сбрасывают с себя верхнее одеяние и остаются полунагие, не стыдясь (л. 46) своих спутников. Шлюпки их очень ходки, мелководны и принимают значительный груз, они выстроены по большей части из тополевого леса, плоскодонные и состояются из нескольких досок без шпангоутов на деревянном скреплении; основанием служит доска шириною около 8-ми дюймов и более, длиною от 15-ти до 30 фут, на которую в отвал приколачиваются боковые доски большей ширины, чем основание, — с *кормы* их связывает ребром же приколоченная к основанию поперечная доска, в носу же делается ма-

ленькая пристройка. Она и отличает (как показывали жители) конструкцию гиялтских от конструкции манжурских лодок. Весьма овальные лопатки, которые в вальках имеют дыру, чтобы накладывать их на колышки // вместо уключин. Эти лодки с легкостью вытаскиваются на берег и при сообщениях между деревнями, где позволяет берег, идут бечевой, запрягая собак, которые весьма хорошо к этому приучены.

Таким образом, подарки и наше ласковое обращение с жителями, видимо, расположило их в нашу пользу. Отваливая от селения, они провожали нас почти всегда с изъявлением какой-то грусти, что мы скоро их оставляем, далеко следя наши шлюпки и в ближайшие деревни упреждали о нашей щедрости и ласковом с ними обращении, ибо везде встречали нас как будто знакомых. Заметя, что мы любопытствуем о их образе жизни, стране, о фарватерах и прочем, они (л. 47) всегда старались сколько возможно удовлетворить нашим вопросам, без чего я никаким образом не мог бы не только в продолжение одного лета, но и более ознакомиться с лиманом. Почти все они рассказы свои кончали тем, что показывали отвращение свое к манжурам, что, вероятно, происходит оттого, что (как я впоследствии узнал по собраным сведениям) манжуры всегда заезжают к гиялкам, отбирают все у них лучшее, делают различные своеволия и увозят даже женщин, а потому гиялки, заслыша приближение манжура, скрывают *пригожих* женщин в леса; однако под страхом ужасного от них мщения, если манжур узнает как-либо, что хозяин скрыл свою жену или дочь. В одной из деревень в Татарском заливе около южного пролива пожилой // гиялак, показывая мне знаками о границах их владений, заметя на мне синюю английскую куртку, остановился и смотрел на меня как бы со страхом и недоверчивостию. Я не понимал такой перемены, подарил ему ножик и просил продолжать рассказ, но он с удивлением рассматривал мою матросскую куртку, взял меня за руку, показывая далеко к югу на берег, на море, на свою лодку, увеличивал ее и, указывая на мою куртку, объяснил мне знаками о множестве виденных им людей в подобном костюме и, наконец, размахивая руками, с каким-то страхом прижимаясь ко мне, показывал знаками и голосом как бы пальбу с проходившего сюда судна. Я нарочно снял с себя куртку и бросил ее в сторону, давая как бы тем знак, что это не наше одеяние и что мы его не любим. Он начал (л. 48) обнимать меня и изъявлять страх, который навела, может быть, на них пальба приходящего сюда какого-либо судна, но, судя по этому, по костюмам людей и по знакам гиялка, о множестве их, надо полагать, что судно то было довольно значительное военное. Впоследствии г. Орлов рассказывал мне, что от жителей деревни Кель он слышал, что действительно года два тому назад в южной части Татарского залива было судно, стреляло ядрами, вероятно учило команду палить в цель.

Ознакомясь таким образом с гиялками и проверяя при всяком удобном случае лично сам в селениях, к которым мы приставали, рассказы о границах, названия деревень и проч., в заключение я могу сказать следующее. //

1) Гиялки занимают всю северную часть острова до широты около 50°, оба берега реки Амур на пространстве около 100 миль от устья ее и берега Татарии много южнее гавани де Кастрий, ибо за деревнею Сешеры, в этой гавани находящейся, они показывали, что есть еще две деревни далее ее, обитаемые гиялками.

2) Ни родоначальников, ни старшин, имеющих, так сказать, общую власть, мы не заметили. Они, кажется, имеют одно только семейное патриархальное управление — старики уважаются, распри и споры ме-

жду собою, по собранным мною сведениям, кончают поединками на палках, следствиями которых никогда не бывает убийств; но за кровь мстят кровью, эта месть переходит в семейства; хотя они не любят и боятся манжуров (л. 49), но не признают над собой их власти.

3) Они робки, миролюбивы, гостеприимны, толковы, склонны к оседлой жизни и домоводству, разврат, кажется, презируют, ибо узы брака и вообще, как можно заметить, семейная жизнь строго соблюдается. Пороки общие *диким*: наклонности к воровству, недоверчивость, хитрость, но наклонности к пьянству не замечены.

4) Промышленность их — рыбная и звериная ловля, пища вареная и свежая рыба, нерпичий жир и мясо зверей. Однако, как можно было заметить, по удовольствию, с которым они ели, хлеб и чай предпочитают этой обыкновенной своей пище. Ни о хлебопашестве, ни о скотоводстве, ни об огородничестве не имеют никакого понятия, и, наконец,

5) Судя по устройству и зажиточности многих селений, по переимчивости и любопытству рассматривать каждую вещь, как она сделана, можно надеяться, что они способны принять все полезное, и я полагаю, что при благом направлении со стороны этих детей природы нельзя встретить препятствий к заселению между ими.

Племена, живущие далее на южной части острова Сахалина, — гильяки называют чижом-куге. Племена же нейдалцев, расположенных по Амгуни, натку и солодина — по Амуру, по сведениям, мною собранным, не имеют разительного отличия от гильяков ни в нравах, ни в обычаях, ни в образе жизни, они только имеют некоторую разницу в языке.

На этом заканчивается текст найденной рукописи.

Примечания

Даются по листам найденной рукописи.

л. 1 В найденном отчете Г. И. Невельской относит свой выход из Петропавловска к 31 мая. В своих воспоминаниях — к 30 мая [см. 9, 96]. А в подлинном журнале плавания транспорта «Байкал» указывается, что на самом деле они снялись с якоря из Петропавловска «в половине шестого» утра 1 июня (см. ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 336, «Журнал плавания военного транспорта „Байкал“ под командою 10-го флотского экипажа капитана-лейтенанта Невельского 2-го от Камчатки до Охотска», л. 6).

Четвертый пролив — пролив между островами Парамушир и Онекотан.

Мысом Клокачева Г. И. Невельской вслед за И. Ф. Крузенштерном называл оконечность северной косы при входе в залив Уркт (район современной Охи).

л. 1 об. И. Ф. Крузенштерн писал, что во время плавания ему хотелось установить, не составляет ли Сахалин «два особенные острова» [7, 188]. Дело в том, что еще в XVIII в. на некоторых картах Сахалин изображался разделенным на два острова проливом севернее залива Терпения. Крузенштерн убедился в неправильности этого предположения, но Г. И. Невельской первоначально допускал, что здесь может оказаться еще один неизвестный рукав Амура. Поэтому-то он и решил начать свои исследования со средней части восточного побережья Сахалина.

Жан Франсуа Лаперуз — французский мореплаватель, исследовавший в 1787 г. южную часть Татарского пролива и пролив, отделяющий Сахалин от Хоккайдо (пролив Лаперуза) [см. 27].

Вильям Роберт Броутон — английский моряк, плававший у берегов Сахалина в южной части Татарского пролива в 1797 г. [см. 26]. С именем Броутона связано переименование Татарского пролива в «Татарский залив». Он больше всего способствовал распространению в Европе версии о том, что Сахалин будто бы является полуостровом.

По данным журнала плавания (л. 13) видно, что в 7 часов^{л.2} 12 июня 1849 г. транспорт «Байкал» находился в трех милях от берега Сахалина на широте 52°16', из чего можно сделать вывод, что впервые участники плавания увидели берега Сахалина в районе Луньского залива [см. 14].

Мыс Головачева, или мыс Тамлево, — мыс северо-западного побережья Сахалина при входе в Амурский лиман с севера. Назван И. Ф. Крузенштерном в честь участника его плавания лейтенанта Петра Головачева.

Мыс Елизаветы и Марии — крайне северные мысы Сахалина. И. Ф. Крузенштерн писал: «Я назвал их Елизавета и Мария — да украсят и процветут сии дикие и бесплодные места именами, любезными каждому россиянину!» [7, 192].

Залив Надежда — первый залив западного побережья Сахалина от мыса Марии. Назван И. Ф. Крузенштерном по названию его корабля.

Залив Байкал, ранее назывался заливом Обмана, потому что в 1846 г. был мореходом А. Гавриловым принят за лиман Амура. Г. И. Невельской переименовал его по названию своего транспорта в залив Байкал.

«Тремя братьями» Г. И. Невельской назвал три остроко-^{л. 3} нечные вершины отрогов горного хребта, простирающегося на полуострове Шмидта. Эти вершины хорошо заметны с моря. Поэтому Три Брата и теперь широко известны морякам.

Мыс Левенштерна — крайний восточный мыс полуострова Шмидта. Назван И. Ф. Крузенштерном в честь участника его кругосветного плавания лейтенанта Ермолая Левенштерна.

Мыс Вирст был назван И. Ф. Крузенштерном в честь своего^{л. 4} друга. Это название относилось к оконечности косы, простиравшейся на юг к входу с моря в залив Пильтун. Теперь это название не употребляется.

Г. И. Невельской назвал «шхерами Благополучия» зону от^{л. 4 об.} Набильского залива до залива Даги. В настоящее время это название не употребляется.

Лайда — мель на море, обсыхающая при отливе.^{л. 7}

Гора Меншикова — высокий мыс континентального берега,^{л. 7 об.} обращенный в сторону острова Байдукова (Лангра). Названа Г. И. Невельским в честь начальника главного морского штаба А. С. Меншикова, который активно содействовал организации экспедиции 1849 г.

Берег Татарии — континентальный («матерый») берег.^{л. 8}

Мыс Ромберха был назван И. Ф. Крузенштерном в 1805 г. в честь участника его кругосветного плавания лейтенанта Федора Ромберха.

Лейтенант Казакевич Петр Васильевич был первым помощ-

ником Г. И. Невельского во время экспедиции 1849 г. Впоследствии, с 1856 г. был первым военным губернатором Приморской области. Сыграл важную роль в освоении русскими Приморья. Считается одним из основателей Владивостока, хотя непосредственного участия в основании города не принимал. Далее упоминаются следующие участники плавания: лейтенант Гейсмар Алексей Федорович, лейтенант Гревенс Александр Карлович (иногда его фамилия писалась: Гревенес и даже Гревенин), мичман Гроде Эдуард Васильевич, подпоручик Попов Лев Александрович.

л.11 Полуостров в. к. Константина — он же полуостров Куегда, названный по одноименному селению нивхов (в отчете — «Куенкзе»). На этом месте в 1850 г. был основан Г. И. Невельским Николаевск-на-Амуре.

л.11 об. Мыс Погиби, или Погоби, находится на западном побережье Сахалина в самой узкой части пролива Невельского. Название получил по одноименной сахалинской реке, которая впервые на русских картах стала изображаться в середине XVIII в. (см., например, карты С. П. Крашенинникова [6]).

л.12 Мыс Халезова на западном побережье Сахалина расположен в средней части Амурского лимана вблизи современного селения Романовки. Назван был в 1849 г. Г. И. Невельским в честь участника его плавания поручика Александра Халезова. В настоящее время это название употребляется редко.

л.12 об. Гавань Счастья, или залив Иской, был известен русским землепроходцам еще в середине XVII в. Г. И. Невельской первым нанес эту гавань на карту и определил ее большое стратегическое значение.

л. 13 Река Коль и два одноименных селения привлекли внимание русских еще в середине XVII в. В амурской ясачной книге 1655—1656 гг. «Коулинский улус от Ламсково волока», т. е. волока с Амура к Охотскому морю (по-эвенки «Ламу»), назван «рубежным», т. е. крайним (с запада) «гилятской земли», т. е. нивхских поселений (см. ЦГАДА, ф. Якутской приказной избы, опись 4, кн. 505, л. 32 (60), а также [5, 134]).

л.13 об. Мыс капитана Невельского — южный мыс материка в самой узкой части Татарского пролива, которая в 1909 г. участниками экспедиции Геологического комитета была названа проливом Невельского. Название «мыс капитана Невельского» было дано по настоянию спутников Невельского в самом конце июля 1849 г. Уже в начале 1850 г. из названия мыса было опущено слово «капитана».

л.14 об. Под «островами Чаменского архипелага» Г. И. Невельской имеет в виду о-ва Чомэ, Уарки и о-в Пилямиф.

Мыс Муравьева расположен в узкой части Татарского пролива. Был назван Г. И. Невельским в честь генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева (с 1858 г. графа Муравьева-Амурского), активно содействовавшего успеху экспедиции 1849 г.

л.16 об. «Татарский залив» — так Г. И. Невельской продолжал называть часть Татарского пролива к югу от его самой узкой части. Повторяющееся в литературе утверждение, что так он поступал с целью сохранения в тайне его открытий в Татарском проливе, является неверным. Термин «Татарский залив» употреблялся им вплоть до последних лет его жизни, а поэтому за-

мену в последних изданиях его книги выражения «Татарский залив» на «Татарский пролив» нельзя признать правильной: эти понятия неоднозначны. Поэтому и в своем отчете Г. И. Невельской употребил выражение «через Южный пролив в залив Татарский».

«Отдельная круглая гора в окрестностях мыса Перовского». л.21 Действительно, у мыса Перовского, названного Г. И. Невельским в честь министра внутренних дел Л. А. Перовского, на юго-западном побережье Охотского моря у залива Екатерины имеется холм высотой в 176 метров. Л. А. Перовский неоднократно оказывал Г. И. Невельскому существенную поддержку [18, 198—199].

Как уже указывалось выше, «Ламской волок» с низовьев л.22 Амура к заливу Счастья и селению Коль был известен еще амурским казакам в 50-х годах XVII в.

Невельской сравнивает лиман Амура с лиманом Северной Двины. Он был на Северной Двине в 1844 г. и тогда же совершил переход на корабле «Ингерманланд» из Архангельска в Кронштадт.

Залив Рейнеке назван в 1847 г. капитан-лейтенантом л.2 2 об. В. К. Поплонским в честь известного гидрографа М. Ф. Рейнеке.

Мыс Гроте был назван в 1849 г. Г. И. Невельским в честь л.23 об. участника его плавания мичмана Э. В. Гроте. Является северной оконечностью западного побережья залива Св. Николая. В настоящее время он известен под местным названием — мыс Тукургу.

Мыс графа Ланздорфа (Ламздорфа) расположен с востока у входа в залив Николая. Назван Г. И. Невельским в честь Ивана Ламздорфа, служившего с ним на фрегате «Аврора».

Мысы Бутакова и Озерского расположены внутри залива л.24 Николая. Алексей Бутаков, будущий исследователь Аральского моря, дружил с Г. И. Невельским в офицерских классах Морского корпуса. Алексей Озерский вместе с Невельским служил на корабле «Ингерманланд».

Термин «переволока» в значении «волок» был распростра- л.25 нен в Сибири еще в XVII—XVIII вв.

Залив в. к. Константина был открыт еще в 1847 г. капитан-лейтенантом В. К. Поплонским. Находится в средней восточной части Тугурского полуострова.

Служащий Российско-американской компании Дмитрий Ива- л.25 об. нович Орлов в 1849 г. самостоятельно осматривал Тугурскую губу и позже у мыса Мухтель встретил экспедицию Г. И. Невельского. Подробные сведения о Д. И. Орлове см. [1, 26—43].

Рекой Амал Г. И. Невельской называет реку Эмглен, впа- л.26 дающую в Амгунь, «нейдальцами» — негидальцев.

«Натку, салодина и даурцы» — нижние нанайцы (старорус- л.27 ское название «натки»), верхние нанайцы («солды, солдон») [8, 787] и дауры.

Здесь «монгольским городом» явно названо какое-то поселение маньчжуров. В 1849 г. Г. И. Невельской имел еще слабые представления по этнографии Дальнего Востока и склонен был маньчжуров ошибочно относить к монголам.

Все описание посещения группой П. В. Казакевича л.27 об. и А. Ф. Гейсмера ороков в отчете Г. И. Невельского излагается по тексту рапорта самого П. В. Казакевича [ЦГАВМФ, ф. 1191

(П. В. Казакевича), д. № 30, лл. 1—5 об.]. В 1953 г. нам довелось впервые познакомиться с этим рапортом и выяснить ряд ранее неизвестных подробностей. Так, П. В. Казакевич существенно уточнил место самой первой встречи русских моряков с жителями Сахалина — ороками: «Встреча происходила между морем и озером на возвышенной песчаной дамбе». Думается, что на этом историческом месте следовало бы в будущем установить небольшой памятник.

В рапортах П. В. Казакевича и Э. В. Гроде (см. прим. к л. 30 об.) имеются и некоторые дополнительные этнографические данные, опущенные в публикуемом отчете Г. И. Невельского. Так, по словам П. В. Казакевича, жители Сахалина называли табак словом «тамга». Оно более близко к эвенкийскому «дамга», чем к родственному нивхскому «тамх». Это служит дополнительным доказательством, что участники экспедиции Г. И. Невельского встретились первоначально с ороками, а не с нивхами. В рапорте П. В. Казакевича значительно подробнее описывается внешний вид ороков, их одежда. Так, он указывал, что на их «кафтанах» имелись «медные и ручные пуговицы, как у русских сарафанов» (л. 5). «У некоторых были на большом пальце правой руки чрезвычайно толстые круглые железные кольца, разрисованные яркими красками, и почти у всех вдеты были в ушах стеклянные, формой и качеством железные, похожи на якутские. Каждый имел при себе по одному и даже по два прямых ножа, длиной от 6 до 9 дюймов, в деревянном или кожаном футляре, привешенном на ремне, у некоторых висели сбоку костяные игольницы, простое железное огниво. Серьги в металлической оправе или просто металлические и трутница старая из тюленей кожи, трут был у них особого рода из гнилого высушенного дерева, желтоватого цвета и загорался чрезвычайно скоро».

л. 30 об. Воспроизведем здесь весьма любопытное донесение мичмана Э. В. Гроде о его посещениях ороков селения Даги:

«13 июня получил приказание в 9-ть часов утра осмотреть видимую с транспорта бухту, для чего дан был вельбот с шестью матросами и трехлючная байдарка с тремя алеутами, инструменты имел, компас, люди имели по 10 боевых патронов, 2 топора, кроме данных взял своих 3 топора и несколько ножей, кремней, огнивов и табаку; удаляясь от транспорта, бросал лот беспрестанно, подошел к проходу, влево от которого выдавался песчаный берег мысом А. Проходя его в расстоянии от 1½ до ½ кабельтова, видел на нем лежащий лед. По берегу видно было, что вода шла на убыль. Войдя в проход, взял направление прямо на остров С. Пришедши на глубину 9-ть фут, взял направление на мыс А; вправо перпендикулярно выдавался песчаный низменный мыс В, около которого видел буруны в расстоянии около 5-ти кабельтовых между обоими мысами. Пришедши на оконечность мыса А, вправо лежала возвышенная на поверхности воды песчаная банка и впереди такой же островок; огибая остров С, бросал беспрерывно лот, увидел углубляющиеся малые заливы, и пришедши против мыса В, увидел селение и жителей, взобравшихся на вершины своих шалашей и как бы следивших за моими действиями; обогнувши остров, который тянется на значительное пространство в длину, пошел вдоль берега до того места, где деревня лежала по бере-

гу. По мере приближения жители собрались большою толпою, вооруженные стрелами, копьями и ножами; придя на мелкую глубину, где грунт, по-видимому, торф, приказал людям зарядить ружья. В это время я стал на мель, и жители, положивши свое оружие в сторону, сели на берег и знаками показывали место, где можно было пристать. Приставши к берегу и оставя всех людей при шлюпках, я вышел на берег без оружия, и тогда из толпы отделился старец и шел ко мне навстречу; приблизясь на такое расстояние, что каждый из нас мог подать руки, он, не удовлетворяясь таким приветствием, начал меня обнимать и вместо поцелуев прикладывал свои щеки к моим три раза. Видя другие, что я соблюдаю ихние обычаи и не имею никаких намерений их обидеть, из толпы вышли еще двое, которые не отличались одеждою от первого, разве кроме отвратительных физиономий, и соблюли то же самое приветствие. Чтобы показать мои не неприязненные намерения, я приказал принести с шлюпки несколько огнив и кремней, которые предложил взять им, но чтобы более показать дружеские наши намерения и разузнать об виденной бухте: не имеет ли она сообщения с внутренностью земли, я приказал выйти троим алеутам и двоим из матрос и, сопровождаемый толпою, пошел осматривать их хижины.

Селение лежало вдоль берега и разделялось на два отделения в расстоянии один от другого на 50 сажень. Строение хижин двоякого рода: одни имели основания четырехугольные и крыши от земли сходились в вершине, а другие построены из шестов, четырехугольные, покрыты еловой корой, а имеющие круглое основание, рыбьею кожею.

Войдя в одну из таковых хижин, которая не имела в отверстии дверей для запирания, (заметил, что) во внутренности лежало: в большом количестве снег (снеть? — *Б. П.*), а по сторонам различная утварь и, кажется, японской работы, рыба кожа и тюленьи шкуры. Вокруг хижин были привязаны собаки, принадлежавшие одной породы камчатским. На шестах, которые [находились] влево, сушилась рыба, что указывало, что это был их зимний запас. Около каждого дома торчало несколько шестов от 10-ти до 8-ми сажень высоты, но для какого употребления, нельзя было догадаться. Кроме того, тут же лежали плоской формы чугунные котлы на 3-х ножках с откидными дужками. В кедровнике за юртами паслось [стадо] (зачеркнуто: баранов) оленей. Жители одеты в кухлянки без капюшона из тюленьих шкур и такие же сапоги, связанные под коленом, оставляя верхнюю часть ноги голою, у некоторых надеты рубашки на вид из синей китайки, на ремне около поясницы висела маленькая сумка для огнива, ножи прямые около 9 дюймов и игольница, на большом пальце надеты у некоторых железные кольца, разрисованные различными красками, а у других обыкновенные на указательном пальце. Серьги стеклянные, вставленные в серебряную оправу. Вооружены они копьями в виде рогатины, луками и у каждого по четыре стрелы. Волосы прямые, черные. Лица плоские, рост от 4¹/₂ до 5 фут...

Показал им карту, чтобы узнать, есть ли водою сообщение с другим берегом острова, они смотрели на нее с удивлением и, затыкая уши, знаками показывали, что они не понимают, и сие рождало общий смех. Выменил у них лук, стрелы за топор и

другие мелкие вещи, причем я убедился, что они хорошо знают различие между железом и сталью. Но более всего они охотно брали табак. Хотевши перейти на другую часть селения, они меня не допускали до этого (где я видел их жен и детей), и, не имея лишнего времени, отправился обратно к транспорту и пристал к нему в 12-м часу. При сем представляю карту глазомерного очерка сей заводи. Мичман Гроте». К рапорту Гроте приложена небольшая наскоро сделанная карто-схема, на которой употреблены упоминающиеся в тексте рапорта условные обозначения: А, В, С (см. ЦГАВМФ, ф. 1191, оп. 1, № 70, лл. 1—2).

л.32 Между мысами Елизаветы и Марии участники экспедиции уже встретили нивхов-гиляков, однако они существенных различий между ними и ороками не заметили. Поэтому они в 1849 г. готовы были ошибочно относить ороков залива Даги к «гилякам» (нивхам).

л.33 В середине 40-х годов XIX в. у северной оконечности Сахалина стали часто появляться иностранные, преимущественно американские, китобои — «большие охотники к разным насильствиям». Сообщения Г. И. Невельского ясно показывают, насколько сильно страдали нивхи от китобоев, особенно в Сахалинском заливе, на подступах к Амурскому лиману.

л.33 об. Судя по вахтенному журналу транспорта «Байкал», описанная Г. И. Невельским история с хищением вещей нивхами селения Тамлево произошла в ночь с 1 на 2 июля 1849 г.

л.36 об. Слово «чи» по-нивхски означает личное местоимение «ты» [см. 23, 427].

л.37 об. Сарана, или царские кудри (*Lilium flore atro-rubente*), — лилейное растение с черно-пурпурными цветами. Широко употреблялось в пищу на всем Дальнем Востоке.

л.38 С давних времен маньчжурские купцы нередко занимались хищением красивых женщин у всех народов Приамурья.

л.40 Нивхи Нижнего Амура и Сахалина издавна были поставщиками орлиных перьев. Еще в середине XVII в. русские впервые узнали, что нивхи (гиляки) держат в особых «клетях» многих «медведей кормленных». Об этом обычае гиляков неоднократно писали многие русские этнографы, начиная с Л. И. Шренка [см. 25, т. III, 64—100; 10].

л.40 об. Эти могильные домики у нивхов называются «раф» [см. 25, т. III, 136—141].

л.41 Аналогичные сведения о нивхских старинных шляпах сообщал и Л. И. Шренк. Он писал, что нивхи «для защиты от дождя и солнца... употребляют своеобразные шляпы плоскоконической формы из березовой коры (по-гиляцки хиб-хак — в буквальном переводе „берестовая шляпа“). Шляпы обыкновенно изукрашены разнообразными черными и красными арабесками, которые вырезаны тоже из бересты, только более тонкой, лучеобразно расположены вокруг верхушки и пришиты тонкими кишечными волокнами» [25, т. II, 77].

л.44 Рыбой хайко Невельской называет по-ительменски кету. «Кайко» или «хайко» кету называли еще Крашенинников [6, 304] и Вениаминов [3, 299].

л.47 об. Позже стало известно, что это был какой-то китобой. Из-за того что часть его команды не вернулась своевременно с берега, этот китобой стал стрелять из пушки.

Гавань де Кастри теперь именуется заливом Чихачева. Была л.48 об. названа в 1787 г. Ж. Ф. Лаперузом по имени французского военного министра де Кастри. Сообщения нивхов о том, что нивхские селения существуют в районе залива де Кастри, в дальнейшем не подтвердились.

Невельской не знал, что нивхи под словом «чижом» или л.49 об. «сисам» имели в виду японцев. Впервые русские узнали о существовании «чижем» (японцев) в 1652 г. от нивхов амурского селения Маго [см. 19, 31—32]. «Куге», «куги», «кувы», «куи», «кури» и «курилы» — это различные наименования айнов [см. 12, 548].

В 1849 г. Г. И. Невельской еще не встречался с нанайцами, а потому он не мог знать, насколько резко отличался язык нанайцев от языка нивхов.

Пояснение к румбам, которые даны в отчете. Как известно, плоскость истинного горизонта в прошлом у моряков делилась на 16 основных румбов: N, O, S, W, NO, SO, SW, NW, NNO, ONO, OSO, SSO, SSW, WSW, WNW, NNW. В некоторых случаях в отчете Г. И. Невельского встречается румб с индексом t (тьнь), а это означает, что указанное направление дано ближе к тому румбу, перед которым стоит индекс t. Так, на л. 16 оборот читаем: «NtO». Это означает, что направление дается не просто на северо-восток, а с большим отклонением на восток.

Список карандашных пометок на найденной рукописи:

Л.2. Зачеркнуты слова: «я не встречал».

Л.3. Зачеркнуто со слов: «Положение мысов Елизаветы...» и до слов: «...своей отмель» (л. 4).

Л.4 об. Вычеркнуты координаты шхер, а также конец абзаца со слов: «грунт вязкий».

Л.6. Зачеркнуты координаты.

Л.6 об. Зачеркнуто со слов: «с которыми» и до слов: «губу в. к. Константина» (л.12 об.).

Лишь на л. 7 сохранен подзаголовок. Исправлены географические названия: вместо «Куенгзе» поставлено «Кугеда», вместо «Чнирх-рахт» — «Чныррах» (л.11).

К л. 14 добавлен подзаголовок: «Берег острова Сахалина».

Л.15. Зачеркнуты слова: «На обследованном мною пространстве».

Л.16 об. Зачеркнуты слова: «Указанный мне жителями».

Л.17. Зачеркнуто от: «от $\frac{1}{4}$ до $2\frac{1}{2}$ узлов» и до «прочих обстоятельствах», а также вся фраза, начинающаяся со слов: «В протоках».

Л.17 об. Зачеркнута фраза, начинающаяся со слов: «В южном проливе».

Л.18. Вместо слов «мы не заметили» вписано «не происходит». Зачеркнуто со слов: «Это последнее» до «Правда, что» (л.18 об.).

Л.18 об. Зачеркнуты слова: «полагаю, что при необходимости плавание по лиману».

Л.19. Слова: «кажущиеся в настоящее время столь важными» заменены на «казавшиеся в первое время важными». Последующие фразы зачеркнуты до раздела «Гавань Счастья» (л. 20 об.).

Л. 21. Глагол «составляют» заменен на «делают».

Зачеркнуто от слов: «Оградя эти банки» до конца абзаца, заканчивающегося словами: «в. к. Константина» (л. 22).

Л.23. Зачеркнуто: от «на пространстве» до «Первая с». Слово «вторая» заменено на «южная».

Л.23 об. Вычеркнуто несколько фраз от слов «Грунт по всему заливу» до конца абзаца, заканчивающегося словами: «почти ровная» (л.25).

Л.25. К подзаголовок добавлено: «К описанию берегов».

Л.25 об. Опущено упоминание о том, что Тугурская губа осматривалась Гроте и Орловым.

Л.26. Зачеркнуты слова: «По сведениям, доставленным мне г. Орловым и промышленниками». Слова «реки Тугара» заменены на «Река Тугур».

Л.26 об. Со слов: «По берегам Тугура и Амала» вычеркнуты несколько страниц до л. 38, включая абзац, кончающийся словами: из общества». Добавлен подзаголовок: «Из описания народов. Гиляки».

Л.39. Зачеркнуты отдельные слова: «при нашем посещении», «гостиную, спальню и кабинет» (заменено на: «комнату»).

Л.40. Зачеркнуто: «или лучше за лавками»; «поставленное у дома дерево» заменено на «дерево».

Л.40 об. Слово «суеверия» заменено «шаманские поверья».

Л.41 об. Зачеркнуто со слов: «Толпами приходили» до слов: «не в обычае» (л.42 об.).

Л.42 об. К словам: «не считается преступлением» добавлено: «но даже малодчеством» и зачеркнут конец фразы и вся следующая фраза до слова: «товарищам». Последняя фраза заменена словами: «Пьянство между гиляками не очень сильно, разговаривают, как народ манжурский, и считают между гиляками Сахалина и прибрежными у лимана живут те же лица». Приписка явно невежественная.

Л.43. Новая редакция фразы, искажающая ее первоначальный смысл: «Вооружение гиляков луки и стрелы и редко встречали копья, они очень искусные стрелки». Последующие фразы зачеркнуты до слов: «хорошей доброты». Начало последней фразы дано в новой редакции: «Копья не оценены».

Л.44. Зачеркнуты слова: «кажется», «вероятно» и вся концовка абзаца со слов: «потому что совершенно». Имеются также неразборчивые поправки.

Л.45. Окончание фразы со слов: «добываемые» заменено на: «добываемое прежде для торговли с манжурами».

Л.45 об. После слова «огородничества» конец фразы заменен: «между гиляками до поселения русских не было». Со слов: «мы выменивали» и до конца листа все зачеркнуто до слов: «своих спутников» (л.46).

Л.46. Зачеркнуты слова: «без шпангоутов», «как показывали жители».

Л.46 об. Зачеркнута первая часть абзаца от слов: «Таким образом» и до: «собранным сведениям». Абзац начат со слова «Манжуры, заезжая до поселения русских для торговли к гилякам, обирали все у них лучшее, делали различные своеволия и увозили даже женщин, а потому гиляки скрывали пригожих женщин в леса в первое время знакомства с русскими», и далее по тексту. Начиная с фразы: «В одной из деревень» все зачеркнуто до слова «следующее» (конец л.48).

Л.48 об. Слова: «Они, кажется, имеют одно только семейное патриархальное управление» заменены на: «Они живут одним семейством». Зачеркнуто: «по собранным мною сведениям».

Л.49. Вместо «признают» поставлено «признавали». Вместо «Они робки» дано «Гиляки вообще робки». Зачеркнуты слова: «кажется»,

«вообще, как можно заметить». От «4)» и до конца рукописи все вычеркнуто.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. И. Сподвижники Г. И. Невельского, Южно-Сахалинск, 1967.
2. [Баласогло А. П.] Восточная Сибирь. Записка о командировке на остров Сахалин капитан-лейтенанта Подушкина. Сообщил В. Н. Баснин, — «Чтения в имп. обществе истории и древностей Российских при Московском университете», М., 1875, кн. 2, стр. 103—188.
3. Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела. Записки об ахтинских алеутах и колошах, ч. II, СПб., 1840.
4. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., — «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», т. 55, М., 1960.
5. Долгих Б. О. Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам, — «Сборник статей по истории Дальнего Востока», М., 1958, стр. 119—141.
6. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, СПб., 1755.
7. Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева», ч. I—III, СПб., 1810.
8. Народы Сибири, М.—Л., 1956.
9. Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России 1849—1855 гг., М., 1947.
10. Пилсудский Б. О. На медвежьем празднике айнов о-ва Сахалина, — «Живая старина», вып. 1—2, 1914, стр. 67—162.
11. Полевой Б. П. В устье Амура, — «Вечерний Ленинград», 18.XII.1954.
12. Полевой Б. П. Забытые сведения спутников В. Д. Пояркова о Сахалине (1644—1645 гг.), — «Известия ВГО», 1958, № 6, стр. 547—551.
13. Полевой Б. П. К истории открытия Татарского пролива, — сб. «Страны и народы Востока», вып. 6, 1968, стр. 68—85.
14. Полевой Б. П. На берегах Амура и Сахалина (К 150-летию со дня рождения Г. И. Невельского), — «Советский Сахалин», 5.XII.1963.
15. Полевой Б. П. Неизвестный документ Г. И. Невельского, — «Советский Сахалин», 16.I.1955.
16. Полевой Б. П. Новое о Г. И. Невельском, — сб. «Путешествия и географические открытия в XV—XIX вв.», М.—Л., 1965, стр. 93—108.
17. Полевой Б. П. Опознание статей петрашевца А. П. Баласогло о Сибири, Дальнем Востоке и Тихом океане (1847 г.), — «История СССР», 1961, № 1, стр. 155—159.
18. Полевой Б. П. От Руссо к Сахалину, — сб. «Сахалин 1969 г.», Южно-Сахалинск, 1969, стр. 196—199.
19. Полевой Б. П. Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959.
20. Полевой Б. П. Полемика литераторов: «Сахалин остров или полуостров?», — «Известия Сахалинского отдела ВГО», Южно-Сахалинск, 1970, вып. 1, стр. 250—257.
21. Полевой Б. П. Ценная находка (Подробный отчет Г. И. Невельского о его историческом плавании 1849 г.), — «Советский флот», 28.XI.1954.
22. Полевой Б. П. Этнографические наблюдения Г. И. Невельского (1849 год), — «Советская этнография», 1955, № 4, стр. 106—116.
23. Русско-нивхский словарь, сост. В. Н. Савельева, Ч. М. Таксами, М., 1965.
24. Сиденснер А. Адмирал Геннадий Иванович Невельской. К столетию со дня рождения, СПб., 1914.
25. Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края, т. II—III, СПб., 1899, 1903.
26. Broughton W. R. Voyage of Discovery to the North Pacific Ocean, in which the coast of Asia from the latitude of 35° N to latitude of 52° N the island of Jusu (commonly known under the name of the land of Jesso), the north, south and east coast of Japan, the Liexuchieux and the adjacent isles, as well as the coast of Corea, have been examined and surveyed performed in H. M. sloop Providence and her tender in the years 1795—6—7—8, vol. II, L, 1804.
27. La Perouse J. F. Voyage autour du Monde, redigé par Milet-Mureau, v. III—IV, Paris, 1797.

Ч. М. Таксами

СОВРЕМЕННЫЕ И ТРАДИЦИОННЫЕ ПРАЗДНИКИ НАРОДОВ НИЖНЕГО АМУРА И САХАЛИНА

У многих народов СССР кроме общих для всей страны существуют и национальные праздники, которые в годы Советской власти стали традиционными. Таковы, например, известный праздник Севера, который проводится в заполярном городе Мурманске, праздники оленеводов, проводимые во многих национальных округах, и др.

Есть такие праздники и у малых народов нижнего Амура и Сахалина — древних рыболовов, морских зверобоев, оленеводов и охотников — нивхов, ульчей, негидальцев, ороков и эвенков. Некоторые их элементы восходят к глубокой старине.

Описанию этих праздников и посвящено настоящее сообщение. Основные материалы для него были собраны автором во время этнографических экспедиций и поездок в эти районы.

Вплоть до 30-х годов у некоторых малых народов нижнего Амура и Сахалина бытовал ряд ритуальных торжеств. Они известны в литературе как «праздники», и в них принимали участие члены рода, а также их родственники из ближайших селений.

Нивхи, айны, часть ульчей и негидальцев проводили «медвежьи праздники», на которых убивали медведей, выкормленных в клетках в течение нескольких лет. Эти родовые ритуальные торжества у нивхов описаны Л. И. Шренком [4], у ульчей — А. М. Золотаревым [2, 103—135], у айнов — Б. О. Пилсудским [3].

«Медвежьи праздники» сопровождалась играми, различными шуточными номерами, а также соревнованиями по национальным видам спорта. Так, у нивхов на этих торжествах устраивались гонки на собачьих упряжках, бега лучших нартовых собак — вожаков-коренников, соревнования по стрельбе из лука на дальность и меткость, перетягивание каната, борьба, танцы женщин под ритмичные удары по бревну *тятян*¹. На «медвежьих праздниках» проводились также своего рода конкурсы исполнителей песен-импровизаций. Таким образом, на этом празднике выявлялись самые сильные и ловкие, мастера по исполнению национальных песен и талантливые танцовщицы. Слава о них широко распространялась среди местных жителей.

У народов нижнего Амура и Сахалина бытовал ритуальный обряд, который условно можно назвать «кормление хозяина воды». После того как лед сковывал реки и морские заливы, жители селений несли к про-

---

¹ Бревно с изображением головы медведя, подвешенное на наклонно поставленных столбах. Женщины (3—7 человек), стоя вдоль него, били палочками.

рубям специально приготовленную пищу в корытцах, бросали в воду с каждого из них немного еды и угощали сородичей. Только после этого можно было заняться подледным ловом рыбы и охотой. Аналогичное жертвоприношение устраивали и после вскрытия рек ото льда. Каждый раз такому обряду сопутствовал большой праздник.

Особенно празднично проходило военное торжество. На нем устраивались различные игры и соревнования. Увлекательным зрелищем были гонки на многовесельных лодках. Нивхские женщины и девушки наряжались в красиво орнаментированные халаты, каждая мастерица демонстрировала свое искусство. Женщины исполняли лирические песни и танцы.

Для нивхов и ороков, живущих в южной части Сахалина, около г. Поронайска, традиция национальных праздников долгое время была связана с весьма печальными обстоятельствами. Во время японской оккупации среди колонизаторов — чиновников, владельцев промышленных и торговых предприятий — было много желающих познакомиться с бытом и искусством ороков и нивхов, которых японцы называли «тодзин» — «земляными людьми», т. е. живущими в землянках, дикарями. По требованию колониальной администрации коренные жители Сахалина вынуждены были устраивать специальные представления каждый август, когда на острове был наибольший наплыв приезжающих. На этих «смотре» нивхи всех возрастов демонстрировали национальные песни, танцы и спортивные выступления, обычные для их праздников. Кроме того, японцы заставляли выступать нивхских и орокских шаманов со всеми своими атрибутами. Эта оскорбительная повинность обычно ложилась на нивхов, так как ороки, занимавшиеся охотой, большую часть времени года жили в тайге.

В дореволюционное время на Северном Сахалине на ярмарку, которая устраивалась раз в год, зимой, на мысу Тык или в с. Уанда, съезжались эвенки и ороки, кочевавшие на западном побережье между с. Виахту и р. Лангр. Здесь они сбывали пушнину и оленьи шкуры купцам в обмен на оружие, охотничьи припасы, продукты питания. Ярмарка была очень популярна. Почти все местные орокские и эвенкийские роды располагались со своими стадами оленей недалеко от места ее проведения.

Во время ярмарки между оленеводами и охотниками происходили соревнования в езде на оленях и беге оленьих упряжек, устраивались также соревнования по борьбе и стрельбе из винтовок.

За время Советской власти, особенно в 30-е годы, большинство описанных выше праздников, носивших ритуальный характер, прекратили свое существование. Этот процесс был ускорен общим подъемом культуры малых народов и антирелигиозной работой на местах. Естественно, что нивхи, ульчи, негидальцы и другие коренные обитатели Дальнего Востока не все и не сразу отказались от традиционных обычаев и обрядов. Если, например, нивхи Амура еще в 30-е годы отказались от ритуального «медвежьего праздника», то представители того же народа, живущие на Сахалине и по берегам Амурского лимана, сохранили этот обычай до наших дней. Так, нивхи на правобережье Амурского лимана последний «медвежий праздник» провели в 1957 г., нивхи же левого берега Амурского лимана и Охотского побережья — после долгого перерыва в феврале 1968 г.

Аналогичные праздники, как и прежде, регулярно устраиваются нивхами восточного побережья Сахалина. Они уже потеряли свое ритуальное значение и фактически из родовых торжеств превратились в общесельские праздники рыболовецких колхозов. По этому поводу съез-

жаются обычно жители не только соседних селений, но даже и районов.

Для таких праздников старики нивхи восточного побережья выкармливают по традиции медвежат: самку — четыре года, самца — три года. О времени проведения праздника хозяин медведя извещает за 1—2 месяца. С этого времени в его поселке, у сородичей, особенно людей старшего поколения, появляется много хлопот. Ведь желающих быть гостями всегда много. Особенно людно бывает, если у рыбаков и охотников удачные промыслы и соответственно хорошая зарплата.

Для пожилых посещение такого праздника — дань вековой национальной традиции и одновременно возможность провести сородичей; молодежь же приезжает больше из любопытства, чтобы увидеть торжества, о которых много рассказывали старшие. Бывают в гостях и оленеводы — ороки и эвенки из соседних селений.

На «медвежьих праздниках» по традиции угощение готовится из национальных блюд, медвежьего мяса. В перерывах застолья, как и в прошлом, устраиваются соревнования — гонки на собачьих упряжках, национальная борьба. Реже соревнуются по стрельбе из лука. Не всегда бывают и национальные игры, песни и пляски.

В медведя стреляют теперь из винтовок, предварительно имитируя убийство из лука. Все праздники проходят под ритмы *тятяна*. В организации и проведении таких торжеств, как и прежде, активно участвуют представители рода зятьев. Они же по возможности берут на себя значительную долю материальных расходов².

Подобные праздники не всегда проходили удачно. Иногда их проведению препятствовали некоторые местные руководители, плохо знающие культуру и быт коренных жителей Сахалина. Они считали, что и современные «медвежьи праздники» носят религиозный характер. Так, случилось, что в одном районе эти праздники разрешили, а в другом — запрещали. Иногда такой разноречивой имел место в одном и том же районе. Бывали случаи, когда население узнавало о запрете всего за несколько дней до начала праздника. В результате, естественно, праздники проходили скомканно, без особых развлечений. Тогда, действительно, они превращались в ритуальные торжества только сородичей.

Выполняя указания КПСС и Советского правительства [1], направленные на дальнейшее развитие культуры малых народов, партийные и советские органы в районах нижнего Амура и Сахалина нашли новую форму проведения политико-массовой работы. Уже более 10 лет здесь проводятся новые — районные, межрайонные и областные — «праздники народов Севера». В них, как правило, принимает самое широкое участие все местное население. Большинство таких праздников проходит по сходной программе. Обычно они начинаются торжественной встречей во Дворцах культуры, где участники праздника — рыбаки, оленеводы и охотники — докладывают о своих трудовых успехах. Затем начинается смотр коллективов художественной самодеятельности колхозов и совхозов, спортивные соревнования. Демонстрируются также изделия художественных промыслов, которые зачастую после выставки распродаются. Такая форма этих торжеств, сочетающая новое и традиционное, на наш взгляд, является удачной. В основу их легли вековые местные национальные праздники. На нижнем Амуре, в Ульчском и быв-

---

² По традиции устроители праздника угощают каждого гостя, что, естественно, ведет к серьезным расходам. В этом одна из причин, по которым нивхи все чаще отказываются от выкармливания медведя и проведения праздника.

шем Тахтинском районах Хабаровского края они проходят в летнее время, а на Сахалине — в зимнее. Таким образом, получилось, что на материке продолжают традицию праздников вскрытия Амура, а на Сахалине — зимних «медвежьих праздников».

Автор настоящей статьи присутствовал на четырех таких праздниках — на колхозном (в с. Кальма Тахтинского района, колхоз «Путь Ленина»), на двух районных (Ульчского — в с. Богородское — и Тахтинского — в с. Тыр — районов) и на «празднике народов Севера» Сахалинской области, который состоялся в конце февраля 1968 г. в старинном нивхском поселке Ноглики на восточном побережье Сахалина³. Последний из них наиболее интересен и показателен во всех отношениях.

Для проведения этого праздника был создан оргкомитет, в состав которого вошли знатные рыбаки и оленеводы, партийные, советские и хозяйственные работники Сахалинской области. Эта авторитетная комиссия, опираясь на широкий актив из местных жителей, проделала большую подготовительную работу.

В празднике приняли участие представители Александровского, Охинского, Поронайского и Тымовского районов. В состав делегаций входили знатные рыбаки и оленеводы, представители национальной интеллигенции, председатели колхозов, руководители рыболовецких и оленеводческих бригад оленеводческого совхоза, участники художественной самодеятельности, спортсмены и др. Каждую делегацию возглавлял либо секретарь райкома (или горкома) партии, либо председатель райисполкома. Гости прибывали на самолетах, в поездах, на вездеходе, на оленьих и собачьих упряжках. Оленеводы — эвенки и ороки, чтобы принять участие в празднике, проделали по глубокому снежному бездорожью верхом на оленях или оленьих упряжках до 100 км, а рыбаки-нивхи на собачьих нартах — от 18 до 60 км.

Желающих прибыть на праздник было много. Члены оргкомитета праздника рассказывали мне следующий любопытный факт. В Луньском заливе на восточном побережье Сахалина имеется небольшое нивхское стойбище Луньво. Его жители в свое время состояли членами рыболовецкого колхоза. Но затем при объединении колхоза несколько семей отказались выехать куда-либо и, выйдя из колхоза, продолжали заниматься охотой и рыбным промыслом. Они вели замкнутую жизнь и не принимали никакого участия в общественной жизни своего района. Но неожиданно луньвовские нивхи обратились с просьбой разрешить им принять участие в празднике. Они выставили свою спортивную команду и не без успеха приняли участие в соревнованиях по местному варианту биатлона, в гонке на собачьих нартах и т. д.

Все члены делегаций были размещены в гостиницах и общежитиях. В течение праздника они получали бесплатное питание.

В дни праздника ногликские улицы были украшены яркими стендами, плакатами и панно. Они были выполнены в духе традиционных образцов нивхского национального искусства. Так же были украшены спортивный городок, районный Дом культуры и клубы.

Художественное оформление было выполнено молодыми нивхскими художниками — выпускниками Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, учителями Сергеем Гурка и Вольфом Соменко. Ими же была оформлена красивая программа и эмблема праздника. Текст программы был размножен типографским способом и вручен всем участникам праздника. Эмблема же украсила почтовые конверты, которые были выпущены Сахалинским областным управлением связи.

---

³ О нем было сообщение в газете «Правда» [5].

Накануне открытия праздника состоялся приветственный вечер отдыха участников. На нем был зачитан доклад о традиционной и современной культуре сахалинских народов. Закончился вечер концертом художественной самодеятельности ногликской национальной школы-интерната и детской музыкальной школы района. Желающих присутствовать на вечере было много. Зрительный зал клуба, фойе и другие помещения были переполнены. Люди стояли даже на улице.

На следующий день в 11 час. утра на центральной улице поселка участники праздника выстроились в колонны. Парад открыли нивхи-рыбаки на собачьих упряжках, оленеводы ороки и эвенки на оленьих нартах и верхом на оленях. Вслед за ними шествовали их дети — учащиеся ногликской национальной восьмилетней школы. За школьниками под марши духового оркестра прошли по улице делегации районов в ярких национальных и спортивных костюмах. Во главе каждой колонны со знаменами районов шли лучшие труженики. Колонну Охинского района возглавлял знатный рыбак Герой Социалистического Труда нивх П. Г. Чайка. В целом шествие колонн представляло красочное зрелище.

В спортивном городке, устроенном прямо на заснеженном льду реки Тымь, состоялось торжественное открытие праздника. С приветствиями выступили члены организационной комиссии, П. Г. Чайка, нивхский писатель Владимир Санги и автор настоящей статьи.

Затем в спортивном городке начались соревнования. Для удобства зрителей рядом со спортивным городком были сооружены трибуна, торговый ряд, пункты питания, репортерский и судейский пункты и т. п.

Спортивные соревнования проходили по многим видам. В программе были лыжные гонки (мужчин и женщин), стрельба из малокалиберной винтовки, национальная борьба, бег на камусных лыжах, гонки на собачьих и оленьих упряжках, а также верхом на оленях, бег на камусных лыжах со стрельбой и установкой капканов, стрельба из лука на дальность и по мишеням, перетягивание каната. Всего в них приняли участие семь спортивных команд. По одной выставили рыбаки-нивхи Охинского района, рыбаки — нивхи, ороки и нанайцы Поронайского района, оленеводы — эвенки и нивхи Александровского района, оленеводы-ороки с. Вал, нивхи Тымовского района. Двумя командами были представлены нивхи-рыбаки колхоза «Восток» Ногликского района. (Команда стойбища Луньво выступала вне конкурса.)

Все соревнования проходили с большим спортивным азартом. Особенно красочными были, конечно, гонки на оленьих и собачьих нартах. Не менее «ответственно» отнеслись к соревнованиям и болельщики. На каждой спортивной площадке все время были слышны их крики, стоял сплошной гул. Кто-то в шутку «переименовал» Ноглики в Греноглики, намекая на Гренобль, где в то время проходили зимние олимпийские игры. Шутка понравилась всем. Об этом даже писали в газетах и передавали по местному радио.

Спортивная часть праздника прошла в целом организованно. В этом большая заслуга судейской коллегии, состоявшей из семи человек, в том числе четырех судей республиканской категории.

На своем заключительном заседании судейская коллегия приняла решение просить вышестоящие спортивные организации предоставить ей право присваивать на будущих праздниках спортивные разряды по национальным видам спорта. Выказано было также пожелание, чтобы все команды имели национальные спортивные костюмы.

Параллельно вечерами происходили встречи делегаций районов с трудящимися с. Ноглики. Так, 24 февраля в клубе железнодорожников

перед ногличанами выступили Владимир Санги и Пайтан Герасимович Чайка. Первый рассказал о своем творческом пути и планах, а второй — о трудовых успехах рыбаков Охинского района.

Второй составной частью праздника было выступление коллективов художественной самодеятельности, причем не в порядке конкурса, а с целью максимально широкого показа национальных видов искусства. Выступления были организованы таким образом, чтобы их могли увидеть не только участники праздника, но и коллективы рабочих и служащих Ногликов.

Так, после бесед Санги и Чайки выступили самодеятельные певцы и танцоры Рыбновского дома культуры — участники Всесоюзного смотра коллективов художественной самодеятельности в Москве в 1967 г. В показанной ими «Нивхской сюите» перед зрителями предстала вся история народа — его страдания, надежды, борьба и светлый сегодняшний день. Яркие картинки народной жизни — красочное гулянье, игры на «празднике медведя», песни лирические и шуточные — о выборе невесты, юмористическая «Песня притворства» — сменяли одна другую. Закончилась сюита песней о народе, идущем к коммунизму. Затем демонстрировались национальные игры, фехтование на палках и другие номера.

25 февраля перед жителями поселка железнодорожников выступили коллективы художественной самодеятельности сел Чир-Унвда (Тымовский район) и Вала (Ногликский район). Торжественно прозвучала на эвенкийском языке «Песня о Ленине». Зрители тепло встретили автора и исполнителя народных песен знатного оленевода Николая Соловьева. В исполненной им песне говорилось об охоте, оленеводстве, о жизни автора, его успехах и ошибках. Большой интерес вызвала сцена «Возвращение охотника с удачной охоты». В ходе ее прекрасные образцы звукоподражания показала Антонина Нелина. Национальный нивхский смычковый музыкальный инструмент *тыңр* в ее руках передавал шум леса, пение птиц, журчание ручья. О любви к сыну рассказывалось в песне, которую исполнила Тамара Урзюк. За ее плечами большая трудовая жизнь. Она первой среди нивхских женщин была участницей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве, а сейчас передает молодым напевы старинных песен и танцев, которые любовно хранит.

На сцене районного Дома культуры выступили участники художественной самодеятельности Александровского и Тымовского районов, а также Валовского отделения совхоза «Оленевод».

Программа последних была сугубо национальной — красочный хоровод «Ээдэ», эвенкийская песня «Ой, гудян, гудян», музыкальная картинка «Лодочка». Значительная часть песен и стихов в ней была составлена исполнителями.

На этом же концерте ороченка Мария Иванова прочитала стихи о коммунизме, написанные негидальцем Семеном Надейным. Автор песни о Ю. Гагарине, известный эвенкийский поэт Григорий Чинков, спел ее слушателям. Со своими песнями о Ленине и о Сахалине выступили знатный оленевод Николай Соловьев и Евдокия Гермогенова. С юмором танцевал и пел о веселом пастухе лауреат Всероссийского смотра художественной самодеятельности, посвященного 50-летию Советской власти, коряк Маркел Мохнаткин.

В клубе рыбозавода выступили юные артисты. Учащиеся ногликской национальной школы-интерната и студентки Александровского-на-Сахалине педагогического училища исполняли песню про кита, танцы «Нерпочки и девушки» и «Олененок». Интересными были студенческие частушки на нивхском языке.

Особенно впечатляющим был заключительный концерт, состоявшийся в день закрытия праздника. С большой программой на нем выступили коллективы дома культуры «Восток» и коллектив рыбаков колхоза «Свобода». Наибольший успех выпал на долю ансамбля «Снежок» (из колхоза «Восток»), который показал композицию «Под солнцем Родины» (автор и художественный руководитель С. Т. Гурка). Широко используя сюжеты нивхского орнамента в оформлении, на материалах национального фольклора ансамбль сумел показать на сцене путь своего народа от прежнего царства страха перед злыми духами, шаманского камлания к новой, свободной и радостной жизни при советском строе. С подлинным мастерством были исполнены национальные и русские песни и пляски советского времени, начиная с 1917 г. по сегодняшний день.

Многие гости праздника посетили этнографический музей учеников ногликской восьмилетней национальной школы-интерната, созданный в 1965 г. В нем несколько сот экспонатов и фотоиллюстраций. Все это собрано и частично изготовлено самими школьниками.

В коллекциях музея много образцов национальной одежды, утвари, орудий промысла, музыкальных инструментов, предметов культа, мехов, археологических находок и т. д. Бережно хранится письмо первых учеников ногликской школы А. М. Горькому и его ответ.

В дни праздника в небольшой комнате районного Дворца культуры были выставлены изделия из меха (обувь, шапки, перчатки), коврики и т. п., украшенные орнаментом. Эта выставка пользовалась большой популярностью. После закрытия праздника вещи были распроданы. Часть экспонатов закупил Южно-Сахалинский краеведческий музей.

В дни праздника был широко организован прием пушнины от населения. Охотники Ногликского района сдали государству шкур лисиц, соболей, белок, ондатр и т. п. на 40 тыс. руб.

Торговый ряд на реке представлял настоящую ярмарку. Каждый гость хотел приобрести на память сувенир. Особенно много людей было около торговой палатки, где продавали медвежьи и нерпичьи шкуры, изделия из меха.

Чтобы сделать «праздник народов Севера» более интересным, было решено привезти медведя⁴. Присутствие «хозяина праздника» на территории спортивной площадки и его прогулки приводили в восторг всех присутствующих — от мала до велика.

26 февраля состоялось закрытие праздника. Были подведены итоги спортивных соревнований и проведено награждение победителей. Всего было вручено 7 командных и 35 личных призов. Спортсменам, всем коллективам художественной самодеятельности, а также участникам выставки художественных изделий были вручены ценные памятные подарки.

Подводя итоги, необходимо сказать, что подобные праздники играют большую роль в практическом развитии культуры малых народов. Они помогают сохранению лучших традиций и выдвигают новые народные таланты.

Велико и их общественно-политическое значение. Несомненно, что

⁴ Хозяин медведя, нивх Экич, живший в с. Венское, что лежит в 18 км от Ноглик, вначале не соглашался отпустить своего питомца, так как кто-то сказал ему, что тот на празднике будет убит. Свой отказ Экич мотивировал тем, что медведь содержался всего два года и согласно старым обычаям нивхов еще не достиг необходимого возраста.

После заверения, что зверь ему будет возвращен живым, Экич изменил свое решение. Медведь был доставлен в Ноглики поездом, в специальной клетке, так как из-за глубокого снега его невозможно было транспортировать трактором.

«праздники народов Севера» способствуют более широкому участию местного коренного населения в общественной жизни, в дальнейшем развитии общей культуры народов СССР.

Сами же они являются наглядным свидетельством серьезнейших сдвигов, происшедших в культуре малых народов нижнего Амура и Сахалина, в которой ныне традиционные национальные формы органически сочетаются с принесенным Советской властью социалистическим содержанием и элементами общечеловеческой культуры.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера,— сб. «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917—1957», т. 4, М., 1958, стр. 690—695.
2. Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей, Хабаровск, 1939.
3. Пилсудский Б. О. На медвежьем празднике айнов о. Сахалина, — «Живая старина», вып. I—III, 1915.
4. Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края, т. III, СПб., 1903.

Газеты

5. «Правда», 29.II.1968.

Т. К. Шафрановская

ЯПОНИЯ В СЕРЕДИНЕ XVIII в. ПО СООБЩЕНИЮ И. И. ГЕОРГИ

Иван Иванович (Иоганн Готлиб) Георги родился в 1729 г. в Вахгольцгагене, в Померанском герцогстве, умер в Петербурге в 1802 г. В 1776 г. Георги был избран адъюнктом (членом-корреспондентом) по химии Петербургской Академии наук, а в 1783 г. — ее ординарным академиком [5, 26]¹.

Георги был приглашен в Россию Петербургской Академией наук по предложению доктора ботаники, ученика К. Линнея, И. П. Фалька. Последний возглавлял один из отрядов академических экспедиций 1768—1774 гг. (сфера его деятельности — Астраханский и Оренбургский края, Западная Сибирь, Южный Урал, Казань). Чувствуя, что по состоянию здоровья он больше не может эффективно руководить экспедицией, Фальк считал полезным иметь опытного ученого — Георги — в качестве своего помощника. Георги согласился переселиться, прибыл в Петербург в 1770 г. и вскоре направился в Сибирь, где присоединился к отряду Фалька.

Однако Фальк находился в состоянии тяжелой психической депрессии, приведшей его в 1774 г. к самоубийству. Поэтому вскоре его экспедиция была расформирована и из части ее участников был организован небольшой отряд во главе с Георги. Ему было приказано присоединиться к находившейся в Сибири экспедиции П.-С. Палласа и с ним окончательно решить вопрос о дальнейшей деятельности. Встреча Георги с Палласом состоялась в Томске в 1772 г. Перед Георги была поставлена задача обследовать озеро Байкал и прилегающие к нему районы [2, 106—108].

Результатом экспедиционной деятельности Георги были его работы по географии в широком понимании этого слова и этнографии России [1; 19; 20].

Несомненной его заслугой было и приведение в порядок, и редактирование крайне разрозненных и совершенно незаконченных записок Фалька [17; 18].

Текст своих «*Bemerkungen*» Георги начал высылать в тетрадах еще из экспедиции. Сведения о получении тетрадей в Петербурге помещены в протоколах Конференции (Общего собрания) Академии наук [см. 9]².

¹ Силуэт Георги по рисунку Фридриха Антиппа воспроизведен в книге Б. Л. Модзалевского «Список членов Академии наук 1725—1907» [5, 351]; портрет Георги с гравюры Г. Пеннинга (конец XVIII — начало XIX в.) — в «Истории Академии наук СССР» [4, 377]. Подлинник силуэта хранится в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР, а гравюра — в Государственном Эрмитаже.

² Приведенные далее в круглых скобках даты заседаний Конференции служат ссылками на протоколы, помещенные в указанном издании.

Тетради рассматривались академиками и немедленно передавались в типографию. По интересующему нас вопросу в наиболее подробной биографии Георги, помещенной в «Русском биографическом словаре» [12, 425—428]³, говорится: «Воспользовавшись существованием в Иркутске японской навигационной школы, учрежденной в 1754 г., и приездом нескольких японцев, Георги составил записку о Японии, помещенную в описании его путешествия» [12, 426].

Интерес ученого к далекой азиатской стране был не случаен. В России XVIII в. сведения о Японии были крайне ограничены. Этим объясняется и весьма случайная и небольшая литература о ней. Книг, посвященных целиком или частично Японии, напечатанных в XVIII в. на русском языке, было мало [3; 7; 10; 11]⁴.

Количество статей о Японии и японском народе, помещенных в русских журналах XVIII в., также незначительно. Как и книги, статьи чаще всего не были оригинальными. Главной их целью было поразить читателя чем-то необычным, экзотическим.

Таковы статьи «Происшествие, взятое из японских известий» в ярославском журнале «Уединенный пошехонец» (1786, ч. 2); «Изображение японцев» в томском журнале «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» и «Япония» в 3-х выпусках петербургского журнала «Леккерство от скуки и забот» (1786, ч. 1) [см. 6, 799].

Даже журнал Академии наук — «Новые ежемесячные сочинения» — ограничился только переводными материалами. В нем были помещены «Подлинное известие о японцах, читанное в королевской Шведской академии Г. Тунберг, перевод Василия Зуева» (1787, ч. 17) и статья «Женщина в Японии, перевод с немецкого Вас. Муратова» (1793, ч. 85) [см. 6, 799]. Этим и ограничивалась специальная литература о Японии и японцах, опубликованная в XVIII в. на русском языке.

Можно упомянуть еще только главы и часть глав о Японии в различных географических сочинениях и учебниках по географии. Примером таких изданий может служить упоминавшаяся книга Клода Милло «О состоянии Азии» [см. 3]. Только в других подобных изданиях Япония не указывалась в заглавиях книг.

На этом фоне отрывочных сведений, полученных из вторых рук, сообщение Георги о Японии приобретает особое значение. Оно было первым опубликованным в России известием о Японии, полученным непосредственно от самих японцев.

Записка И. И. Георги помещена на первых страницах его «Vetenskapen» [19, 4—13]. Она содержит сведения о Японии, сообщенные ему японцами, потерпевшими в свое время кораблекрушение и преподававшими в Иркутске японский язык. Они ответили Георги на вопросы о географическом положении страны, о ее флоре и фауне, полезных ископаемых, дали представления об основных сельскохозяйственных культурах и видах домашнего скота, охарактеризовали японское государство, суд и основные занятия населения. Кроме того, они привели ряд этнографических сведений о жилище, одежде, пище, религии и различных обычаях японского народа в середине XVIII в.

Конечно, сообщение Георги было основано только на словах пяти японцев, ряд лет оторванных от родины, и достоверность этой инфор-

³ В этой биографии говорится, между прочим, что цветок, привезенный из Мексики, был назван «георгиной» в честь Георги.

⁴ Приводим некоторые сведения об авторе «Истории о Японском государстве»; наиболее серьезная из этих книг — «И. Г. Рейхель Московского университета публичный и ординарный профессор истории, онго библиотекарь, секретарь Конференции, и Лейпцигского свободных наук общества член» [12, 29].

мации вызывает законное сомнение. Какова была их осведомленность, общее развитие? Известно только, по данным Георги, что одни японцы были торговыми людьми, другие — моряками. Они бывали во многих приморских городах Японии.

Тем не менее как источник о Японии XVIII в. записка Георги не утратила ценности и в наше время.

Мы приводим изложение записки Георги о Японии, а не полный перевод сочинения, так как текст его изобилует излишними длиннотами и повторениями. Отметим еще, что «*Bemerkungen*» Георги сохранились лишь в немногих крупнейших библиотеках. Они доступны, следовательно, только ограниченному числу читателей.

* * *

В Иркутске с 1764 г. процветает японская навигационная школа⁵, может быть единственная во всем свете. Ее объединили с гарнизонной. Японская школа должна готовить опытных моряков для открытий и торговли в восточных морях. Способнейших мальчиков переводят из гарнизонной школы в японскую. В ней японцы обучают японскому языку, а знающие моряки из Адмиралтейства — всем вопросам мореплавания. Школой руководит очень опытный мореплаватель Татаринов⁶. Хотя в прошлом году (1771 г.) послали 20 толковых юношей в Кронштадтское адмиралтейство, тем не менее другие говорят, пишут и переводят с японского.

Поводом для возникновения школы послужило следующее. Корабль, нагруженный рисом, хлопчатобумажными материями и шелковыми тканями, с экипажем 17 человек, во время плавания потерял направление, а затем и мачту. К счастью, корабль понесло к Курильскому острову *Annikatua*⁷ и выкинуло на берег. Японцы должны сжигать своих умерших. На корабле лежало семь трупов. Тридцать дней потерпевшие кораблекрушение питались тем, что выбрасывало море. На берегу погиб капитан корабля Токубей. Казак Слободчиков, находившийся на острове для сбора податей, нашел несчастных. Он доставил десять оставшихся в живых японцев в Большерецк на Камчатке⁸.

Японцев направили в Петербург, где они обучались русскому языку. С 1762 г. они находились в Иркутске в качестве учителей японского языка⁹. Каждый из них получает по 150 рублей жалованья в год.

---

⁵ И. Георги, очевидно, неправильно информировали о дате основания школы в Иркутске. О. П. Петрова сообщает, что школа японского языка в Иркутске была продолжательницей Петербургской, открытой в 1736 г. при Сенатской конторе и переведенной в 1754 г. в Иркутск. В Иркутске школа была помещена вместе с навигационной школой и находилась в ведении начальства последней. Иркутская школа японского языка просуществовала 111 лет и была закрыта 14 июля 1816 г. [см. 8, 363].

⁶ Можно предположить, что он был автором статьи «Описание Курильских островов», опубликованной Академией наук [16].

⁷ *Annikatua* — о-в Анникатун Курильского архипелага.

⁸ В 1745 г. ясачный сборщик Слободчиков встретил на пятом Курильском острове японцев, спасшихся с разбитой бусы. Во время бури на судне сломало мачту, и его носило по произволу ветра, пока не прибило к пятому острову, где к прибытию русских 7 человек умерло, а 10 спаслось [15, 45].

⁹ Здесь И. Георги снова неточен в датах. На самом деле, в 1746 г. пять японцев из Большерецка были направлены в Петербург, где обучались в семинарии русскому языку. Двое умерли, а трое в 1753 г. были отправлены в Иркутск, куда и прибыли в 1754 г. Из оставшихся пяти японцев в Большерецке один умер, четверо в 1747 г. были отправлены в Якутск, а в 1755 г. переведены в Иркутск [см. 8, 365].

На эти средства японцы живут хорошо и в довольстве. Теперь (1772 г.) только пять японцев еще живы. На своей родине эти люди были торговцами, а некоторые моряками. На Камчатке их всех крестили¹⁰. Праздничные дни они всегда отмечают усиленным курением. Но вообще-то японцы отличаются миролюбивым, спокойным нравом и образом жизни, а в своем деле они очень старательны.

Георги сообщает, что японцы часто посещали его и охотно отвечали на вопросы об их родине. При этом, по всем данным, они были правдивы. Капитан Татаринов еще до Георги вел с японцами подобные же беседы и записал их. Делился с Георги впечатлениями о японцах и губернатор Бриль¹¹. Из всего этого и получилось краткое сообщение о Японии.

Японцы называют свою страну Нипон, или Нифон. Так же именуют они и наиболее значительный остров страны: Вообще же Япония состоит из островов (самые большие из них — Мацмай, Eison, Esikukin и др.)¹², на которых расположены большие и богатые города. Велико число и небольших островов, в основном плодородных.

Большое протяжение страны приводит к значительному разнообразию климата. Хотя собеседники Георги посещали много гаваней и городов, но лучше они знали природу северной части главного острова возле города Nambu¹³. Воздух там приятный и здоровый. Лето из-за жары и частых перемен погоды тяжелее зимы. В холодные зимы спокойные, стоячие воды покрываются очень тонким слоем льда. Реки же не замерзают. Зимой дождь идет чаще снега, и снег тает очень быстро. Поэтому нет никакого смысла заготавливать на зиму корм для скота. Многие жители достигают возраста 80 лет, некоторые живут и дольше. Большая часть болезней вызывается образом жизни населения.

В Японии повсюду, не исключая небольших островов, встречаются горы иногда значительной высоты. В них находят золото, серебро, медь, цинк, олово и железо. Горные заводы многочисленны. Добыча металлов ведется чаще всего на реках, подобно промыванию золота. В северной части главного острова расположены довольно низкие рудные горы, большей частью покрытые лесом. Между горами находятся большие равнины, расположенные на разной высоте. Повсюду встречаются богатые рыбой реки и озера, а также полезные для здоровья ключи. На реках собирают прозрачные камни. Но в Японии не носят украшений из камней, и их продают в другие страны. Море также богато рыбой. Из морской воды получают поваренную соль.

---

¹⁰ При крещении японцам дали русские фамилии. Японцы, прибывшие в Иркутск в 1753 г., были названы: Свиный, Панов и Черных. Фамилии японцев, присланных в Иркутск в 1755 г., следующие: Панов, Татаринов, Афанасьев и Трапезников. Свиный умер в 1763 г., Татаринов — в 1765. Следовательно, И. И. Георги в 1772 г. получал сведения о Японии от Афанасьева, двух Пановых, Трапезникова и Черных [см. 14, 58—59].

¹¹ До Сибири генерал-лейтенант Адам Бриль служил в Нарве, Риге и Москве. Иркутским губернатором был с 1768 по 1776 г. Бриль являл собой редкий по тем временам пример честного и добросовестного чиновника. После возвращения в Петербург он поражал знакомых тем, что не разбогател во время своего губернаторства. Находясь в Иркутске, Бриль содействовал налаживанию переписки своего родственника академика красноречия и поэзии Я. Я. Штелина с иезуитами в Пекине и пересылал ему для его коллекции разные китайские редкости, которые привозили в Иркутск из Кяхты [см. 21, 405—406].

¹² Мацмай — о-в Мацумай (Хоккайдо), Eison — о-в Эдзо, Esikukin — о-в Сикоку.

¹³ Под главным островом японцы, очевидно, подразумевали Хонсю. В северной части его, в районе Тохоку (Оу), располагалось княжество Намбу. Сейчас эта местность носит название Сэндай.

Вулканы встречаются в разных местах. От Намбу ближайший находится в 50 верстах. Над ним постоянно висит облако дыма. От времени до времени он выбрасывает ноздреватые камни. Ветер заносит дым далеко в море. Встречаются небольшие сернистые ручьи. Но огня, даже в темноте почти не видно. Другой вулкан расположен примерно в пяти днях езды от Намбу непосредственно на берегу моря. Облако дыма над ним светится постоянно, и видно даже ночью. Оба вулкана выбрасывают много золы. От времени до времени она падает подобно снегу. Эти два вулкана продолжают, по-видимому, действовать до сих пор. Действие их не меняется. Оно было таким же и при прежних поколениях.

Каменный уголь встречается часто, но остается без употребления. Нефти японцы не знают. Фарфоровую глину находят во многих местах и даже близко от Намбу. Возле города расположено несколько хороших фарфоровых заводов. Фарфор вывозят на иностранных кораблях.

Теплые источники встречаются в разных местах и в том числе недалеко от Намбу. Иногда в них бывает очень горячая вода. Но она пахнет серой, и ее не пьют. О минеральных, целебных источниках информаторы Георги практически не имели представления.

В лесах возле Намбу растут сосны, кедры, тополя, березы, дубы, ивы, различные яблони, груши, вишни, тутовые деревья и во множестве кусты черного и зеленого чая, который японцы называют *Tscha*.

Виноград растет в лесах, разводят его и жители. Стволы в виноградниках достигают трех саженей, но при сборе урожая по ним не лазают. Виноград очень сладок, он бывает белым, красным и синим. Лучший сорт — с мелкими ягодами, не больше смородины. Он растет только в диком виде.

В лесах Японии встречается еще довольно высокое дерево¹⁴ с яйцевидными листьями в три дюйма длины. На нем распускаются большие, зеленые, красивые и приятно пахнущие цветы. Из бутонов этих цветов выжимают вкусное масло с приятным запахом. Масло едят и пользуются им для смазывания волос. Это дерево растет и в диком виде в лесах и в садах. В окрестностях Намбу леса переполнены львами, тиграми, волками, лисицами, медведями, барсуками, рысями, лосями, оленями, дикими козами, зайцами, кабанами, обезьянами. Все обезьяны бесхвостые, самой различной величины. Их держат во многих домах для развлечения и продают чужеземным купцам в качестве японской достопримечательности.

Змей длинной от одной пяди до трех саженей¹⁵ очень много, но их не уничтожают. Между тем укусы некоторых из них смертельны для людей. На скот змеи нападают редко. Большие змеи питаются лягушками. Лазают они по деревьям в погоне за птенцами и птичьими яйцами.

Кроме небольших лягушек встречаются еще крупные — до одной пяди — красно-коричневые. Ядовитых лягушек нет.

Из черепаш некоторые породы достигают сажени длины. Никакой пользы из них не извлекают.

Летучих мышей часто встречаются в дуплах деревьев. Они ни в чем не отличаются от летучих мышей, имеющих в России.

Ярко-зеленая ящерица, до пяди длины, очень подвижна. Она безвредна.

---

¹⁴ По всей вероятности — камфорный лавр (*сиппатотип самфора*).

¹⁵ Пядь — старинная русская мера длины, равная расстоянию между концами растянутых большого и указательного пальцев (≈ 20 см). Сажень — 2,13360 м.

На полях попадаются скорпионы. Они черноватого цвета и достигают одного дюйма длины. Их укус не приносит большого вреда, но вызывает воспаление и боль. От него лечатся так же, как и от укуса змей,—прикладывают хлопчатобумажную ткань, которую предварительно окунают в свежий яичный желток.

Из улиток встречаются два вида — коричневый и зеленый. Каждый в два дюйма длины. Оба одинаково вредны. Японцы не умеют их уничтожать.

В лесах много пчел. Мед и воск из их ульев берет каждый, кто захочет.

Из известных нам птиц у них встречаются вороны, сороки, чайки, дикие гуси и утки, голуби, ласточки. Леса звенят от голосов превосходных певчих птиц. Попугаев, во всяком случае в северной Японии, нет.

Море выбрасывает очень большие и часто красивые раковины с моллюсками, которых японцы едят. Попадают большие жемчужные раковины.

Если судить о японцах по немногим представителям, оказавшимся в Иркутске, то это люди способные, честные, усердные, любящие и умеющие трудиться. Все они среднего роста, с плоскими лицами, большими ушами, маленькими глазами, слегка приплюснутыми носами и с очень черными волосами. Вообще они очень похожи на китайцев, но с более темной кожей, если сравнивать с китайцами, которых приходилось видеть в Кяхте.

Японский император свою власть получает по наследству. Государство состоит из 66 провинций. Их правители — *Kasanke* (касанкэ) — собирают налоги, судят, набирают солдат и управляют, обладая полной властью. Каждые пять лет они должны ездить в город Эдо¹⁶, где не только отчитываются в своем управлении. Их поведение и поступки рассматривают в Эдо как поступки частных людей. На них за допущенные злоупотребления можно жаловаться независимо от их служебного положения. После такой поездки правители либо с честью возвращаются обратно, либо устраняются с занимаемых постов, ссылаются и подвергаются другим наказаниям.

Император живет большей частью в Эдо, но часто посещает и другие города своей страны. Обстановка при дворе роскошна. Замки императора построены из камня, внутри и снаружи украшены множеством позолоты. В особенности хорошо вызолочены крыши. Яхта императора для увеселительных поездок почти вся покрыта кованым золотом. Каждые пять или десять лет монарх совершает поездку к *Dairi Sama*, за 800 верст от своей резиденции¹⁷. Его сопровождает тогда свита из придворных и стража больше чем 1000 человек. По пути все они получают самые лучшие жилища в близлежащих селениях.

Во всей стране колясками не пользуются. Императора носят в носилках. Все остальные ездят верхом. Все, что требуется двору, щедро оплачивается звонкой монетой. Император обладает неограниченной властью, но в своих решениях он твердо придерживается закона, когда к нему обращаются за советом и судом. Законы основываются преимущественно на установившихся обычаях и привычках. В письменном виде они не зафиксированы.

Каждое место имеет своего судью, который решает все силой. Признания добиваются защемлением ног между двумя деревянными план-

¹⁶ Эдо — город Токио.

¹⁷ «Дайри» — это место, где живет император в императорском дворце в Киото. Вероятно, японцы говорили о поездках сёгуна из Иеддо к императору.

ками. Принесение присяги у японцев не принято. На судью можно жаловаться правителю и через него — императору. Но в случае, если приносящий жалобу не прав, его ожидает повторное наказание.

Опасным преступникам, а к ним относят и трижды попавшихся на краже, отрубают голову. Фальшивомонетчикам вливают в глотку расплавленный металл. За оскорбление императора полагается закалывать себя передаваемой для этого шпагой¹⁸.

Полиция многочисленна, всегда на месте быстро выявляет виновных. В заключении держат немногих.

Рекрутов набирают обычно из детей солдат. Другие считаются неспособными поддерживать честь воинов и стать с ними наравне. Вознаграждение солдат состоит в обеспечении их жизненными припасами (это главное) и в небольших деньгах. Вооружение солдат состоит из огнестрельных трубок, зажигаемых фитилем, пик, луков, стрел, сабель. Офицеры носят две шпаги — длинную и короткую. Своей одеждой военные мало чем отличаются от других людей. Оскорбление офицера стоит жизни. За оскорбление солдата в течение всей жизни выплачивается денежный штраф.

В отношении промыслов и занятий никаких ограничений нет. Каждый занимается тем, что дает ему большую выгоду. При желании можно сменить род занятий. Многие занимаются одновременно несколькими делами. Мастера живут и в городах, и в селах.

На полях возле Намбу возделывают пшеницу, овес, ячмень, бобы, гречу, мак (ради масла) и в особенности рис. У японцев имеются ручные плуги или сходные орудия, но главным образом используются мотыги. Поля японцы обрабатывают так же, как в России огороды. На рисовых полях всегда, а на пашнях большей частью прокладываются каналы для орошения. Деления на яровые и озимые посевы японцы не знают. Хлеб вызревает очень быстро — в течение четырех месяцев. Обычно с каждого поля снимают ежегодно по два урожая.

Хлопок японские крестьяне разводят в большом количестве. Продают его ткачам, а из семян выжимают масло для еды и освещения.

Конопли возделывают много. Она используется для изготовления канатов, веревок, сетей. Масло же идет в пищу и на освещение. Льна в Японии не разводят вовсе.

Репу японцы едят охотно и засеивают ею целые поля. Табак сажают каждый для собственного употребления. Изготовлением шелка занимаются многие. Тутовое дерево растет в Японии в диком виде. Общепринятую одежду шьют из шелка. Готовый шелк можно приобретать у ткачей и купцов. Расходится он всегда хорошо.

Сахарных плантаций возле Намбу нет. Они встречаются южнее. Сахар продается в виде мелкой муки. Он дешев и встречается часто даже в беднейших домах.

Японцы не едят мяса и не носят шерстяной одежды. Поэтому весь их домашний скот ограничен небольшим числом лошадей, которые очень хороши. Для перевозки тяжестей держат волов. Разводят еще кур ради яиц.

Японцы, как и китайцы, постоянно занимаются торговлей. Они пользуются двумя видами кораблей, не слишком удачно сконструированных. Паруса на них из двойной хлопчатобумажной ткани. Японские моряки посещают только свои гавани. При этом пользуются компасом, изготовляемым в самой Японии.

Внешняя торговля ведется в основном с китайцами, несмотря на то

---

¹⁸ Японцы говорили, вероятно, о мече.

что такая торговля запрещена богдыханом под страхом тягчайшего наказания. Из европейцев торговые отношения (но не оживленные) поддерживаются с португальцами, англичанами и голландцами. Иностранцам в особенности нравятся японский фарфор и лакированные изделия. При торговле с ними используются деньги. Золотая монета, называемая Кабан, стоит около 8 рублей. Другая золотая монета, Бунiban¹⁹, равна приблизительно 2 рублям. Существуют медные монеты, в два раза меньше копейки, в середине просверленные. Серебряных денег у японцев нет. При каждом императоре чеканятся новые монеты. Старые продолжают обращаться, но теряют часть своей стоимости.

Главные города провинций очень значительны, с большим числом жителей. Они застроены хорошими домами. Города защищены прочными стенами, частично каменными, а также рвами и многими пушками. Дома располагаются свободно, но по одной линии. Высота домов — от одного до трех этажей. Строят их из дерева или из необожженных кирпичей. Из дерева возводят легкие каркасные строения. Чаще всего они побелены, но многие окрашены. Карнизы нередко золотят. Окна всегда затянуты промасленной бумагой. Полусферические крыши часто окружают галереями. Внутри все окрашено, позолочено или покрыто обоями. При каждом хорошем доме имеется сад с красивыми деревьями и цветами. В стенах устроены купальни. Японцы, впрочем, не купаются в них, а только обмывают тело. Храмы больше частных построек. Их позолота состоит из очень тонкого золотого листа. Это объясняется тем, что храмы часто обкрадывают.

Одежда японцев ничем не отличается от китайской. Как и китайки, японские женщины отращивают длинные ногти и закручивают их в горячей воде. В Японии не любят меховой одежды. Вместо нее носят зимой стеганую. Для защиты от дождя надевают похожее на рубашку верхнее платье. Оно шьется из камчатной ткани и выглядит нарядно. Черные блестящие волосы очень идут японцам. Обычно они смазывают их благовонными помадами.

Пища у японцев — растительная, если не считать рыбы и яиц. Мяса, молока, коровьего масла или животного жира не ест никто. Женщины же воздерживаются и от яиц. О хлебе они не имеют понятия. Их ежедневная еда состоит из просяной или мучной похлебки из просеянной муки, вареных корней и чаще всего из бобов. Различные травы, перемешанные с растительными маслами, приготавливаются в виде салата. Едят японцы и различные сорта хороших овощей, дыни, тыквы, виноград и т. п. Для приправ используют местные семена и травы. Морская капуста идет в пищу большей частью на побережьях. Ее собирают при отливах. Ценится она довольно дорого. Перевозят ее в сухом виде. Едят же морскую капусту вареной. Из-за того что она горькая, к ней добавляют сахар по вкусу. Из напитков японцы употребляют рисовое пиво, которое готовят при помощи особой травы. Оно непрозрачное и очень шипучее. Пьют они также белое и красное вино, водку из риса, сахара или фруктов и, наконец, чай.

Хищные звери приносят стране много вреда. Не только скот, но и люди нередко становятся их жертвами. В какой-то степени с ними борются. Их убивают из ружей и отравленными стрелами. Подкладывают хищникам также отравленную еду.

Ни в одном месте нет недостатка во врачах. В числе лекарств применяются горячие купанья. Врачи лечат почти все болезни. Они применяют и прижигание больных мест.

---

¹⁹ Золотые японские монеты: кобан и бунiban.

Касаясь религии, собеседники Георги говорили, что «Японское священное писание» изложено таким выпяренным языком, что они почти не понимают своих священников. Верховное божество у японцев — Fodoko²⁰. Очень большое значение имеет подчиненный ему бог моря Osiandama²¹. Родоначальник всех людей называется Буho²². Как божества почитаются солнце и звезды. Ежегодно у японцев бывает три поста — каждый по 14 дней. Во время поста они не едят рыбы и яиц. В Японии много сект. Одни верят в загробную жизнь, другие отрицают ее. О вере в переселение душ и отказе в связи с этим от употребления мяса в пищу информаторы Георги ничего не знали. Император в Японии почитается не менее, чем Далай Лама в Тибете. Он живет даже лучше Далай Ламы. Место его пребывания — большой город Ко (Киото). Число жен его достигает 12. У каждой свой штат слугителей.

Умерших японцы сжигают или хоронят. Траур и формы поминания умерших различны в зависимости от исповедуемой религии. Браки заключаются на основе контрактов, к которым религия не имеет никакого отношения. Никакие законы не запрещают многоженства, но оно почти не встречается. Настоящих жен предпочитают наложницам. Их ценят за то, что они заменяют мужа в делах во время его дальних и длительных поездок. Женщин в Японии не запирают, как в Китае. Они живут совершенно свободно.

Японцы никогда не пользуются стульями. Они сидят на пятках на разостланных коврах или — чаще — на циновках. Обычно японцы едят два раза в день. Перед едой комнату проветривают. В это время в помещении для молитвы обращаются к богам. Во время еды они все сидят на ковре. У каждого своя миска, чаще всего из фарфора. После еды приносят благодарность богам. Табак курят во всякое время. Спят японцы на коврах или на разложенных циновках.

* * *

На этом заканчивается записка И. И. Георги о Японии. Как мы видим, она содержит ряд интересных и ценных сведений. Современная наука подтвердила правильность большинства из них.

ЛИТЕРАТУРА

1. Георги И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей, СПб., 1776—1778.
2. Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв., М.—Л., 1940.
3. [Иконников И.] О состоянии Азии и новейших переменах Китая, Японии, Персии и Мунгалии в последние времена, из аббата Милота (Клод Милло.— Т. III.), перевел с французского на русский язык Иван Иконников, СПб., 1784.
4. История Академии наук СССР, т. I, Л., 1958.
5. Модзалевский Б. Л. Список членов Академии наук 1725—1907, СПб., 1908.
6. Неустоев А. Н. Указатель к русским периодическим изданиям и сборникам за 1703—1802 гг. и историческому разысканию оных, СПб., 1898.
7. Описание о Японе, содержащая в себе три части: Известия о Японе и о вине гонения на христиан, Историю гонения христиан в Японе и Последование странствования Генрика Гагенора, СПб., 1734.
8. Петрова О. П. Лексикон российско-японский, — «Труды XXV Конгресса востоковедов», т. V, М., 1963.

²⁰ Почитаемое в Японии буддийское божество Хотокэй.

²¹ Бог моряков Офунэ-дана.

²² Буддийское божество Бухо.

9. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 г., т. 3, СПб., 1900.
10. [Рейхель И.] История о японском государстве, из достоверных известий собранная Иваном Рейхелем, М., 1788.
11. [Рейхель И.] Краткая история о Японском государстве, из достоверных известий собранная Иваном Рейхелем, М., 1773.
12. Русский биографический словарь, т. Гааг — Гербель, М., 1914.
13. Русский биографический словарь, т. Рейтберн — Рольцберг, М., 1913.
14. Сбигнев А. Об обучении в России японскому языку,— «Морской сборник», т. ХСІХ, 1868, № 12, стр. 55—63.
15. Сбигнев А. Попытки русских к заведению торговых отношений с Японией в ХVІІІ и начале ХІХ столетия,— «Морской сборник», т. С, 1869, № 1, стр. 37—72.
16. Татаринов М. Описание Курильских островов,— «Месяцеслов исторический и географический», 1785, стр. 73—114.
17. [Фальк И. П.] Записки путешествия Фалька,— «Собрание полное ученых путешествий по России», т. VI, VII, СПб., 1824—1825.
18. Falk J. P. Beiträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs, Sankt-Petersburg, 1785—1787.
19. Georgi I. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich im Yahre 1772, Sankt-Petersburg, 1775.
- 19a. Georgi I. Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion ... und übrigen Merkwürdigkeiten, Sankt-Petersburg, 1776—1780.
20. Georgi I. Geographischer-physische und naturhistorische Beschreibung des Russischen Reichs zur Uebersicht bisheriger Kenntniss von demselben, Königsberg, 1797—1800.
21. Stälin K. Aus den Papieren Yakob von Stälins, Königsberg und Berlin, 1926.

Р. А. Ксенофонтова

**О ХАРАКТЕРЕ КЕРАМИЧЕСКИХ ПРОИЗВОДСТВ
ЯПОНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX —
НАЧАЛЕ XX в.**

Вопрос о характерных особенностях японской керамической промышленности второй половины XIX — начала XX в. не получил должного освещения в зарубежной искусствоведческой и исторической литературе. Имеющиеся источники в лучшем случае сообщают лишь краткие, случайные и отрывочные сведения по этой в достаточной степени сложной проблеме. Более того, ее правильная разработка затруднена благодаря широко распространенной в японской исторической науке и ошибочной, по нашему мнению, точке зрения, согласно которой в Японии до 1854 г., т. е. до заключения первых неравноправных договоров, открывших дорогу иностранному капиталу, отсутствовали капиталистические предприятия мануфактурного типа [4, 48—50]. В этой работе мы попытались собрать все доступные нам сведения, имеющиеся в этнографической и искусствоведческо-исторической литературе, и на их основании выявить особенности развития керамического производства Японии интересующего нас периода.

Керамика как ремесло в Японии начинает развиваться с древности; широко известно о существовании крупных центров производства гончарных изделий в период раннего феодализма (VII—XIII вв.) в Овари, Бидзэн, Идзуми, Санка и других местах [9, 148]. Гончары были организованы в специальные объединения — хасибэ; зарубежные историки эту старейшую организацию гончаров называют гильдией или корпорацией [13, 81].

Быстро растет керамическое производство Японии в эпоху позднего феодализма, т. е. с конца XVI до середины XIX в. Объединение страны, заканчивающееся к этому времени, явилось одним из условий, способствующих этому процессу. Значительное развитие общественного разделения труда и соответственно товарно-денежных отношений привело к концентрации больших средств в руках торгового капитала и, что крайне важно, к образованию внутреннего рынка в стране.

Во многих районах Японии в деревнях получает значительное распространение гончарство в виде домашней промышленности, а в отдельных случаях — и ремесла [4, 54—55]. Известно, что с этого времени существовали селения гончаров, сообща владевших одной или несколькими печами. Изделия наиболее искусных из них поступали феодальному князю, на землях которого находилось селение и который считался их покровителем. Продукция остальных предназначалась для повседневного употребления семей самих гончаров и их соседей-крестьян [11, 39—40]. Керамическое производство такого типа можно считать

«первой формой промышленности, отрываемой от патриархального земледелия» [2, 329], о которой В. И. Ленин писал, что «в этой форме промышленности нет еще товарного производства; здесь появляется лишь товарное обращение в том случае, когда ремесленник получает плату деньгами или продает полученную за работу долю продукта, покупая себе сырые материалы и орудия производства. Продукт труда ремесленника не появляется на рынке, почти не выходя из области натурального хозяйства крестьянина» [2, 330—331].

Наряду с этим типом гончарного ремесла в Японии уже в первой половине XVII в. появляются и другие исключительно интересные керамические производства, известные в литературе под названием *хангэй гама* — «клановые печи» (вернее было бы «клановые производства»). Название печей «клановыми» нам остается не совсем ясным, но, вероятно, оно связано с тем, что печи располагались на землях крупных феодальных кланов, от которых находились в большой зависимости. Такие производственные центры существовали на островах Хонсю, в частности в провинции Овари, и Кюсю, где наиболее известные из них располагались в провинции Хидзэн. Продукция «клановых производств» в значительной степени имела товарный характер. Так, например, изделия из Сэто-Овари настолько широко были известны во всех княжествах о-ва Хонсю, что слово *сэто-моно* («изделие сэто») стало здесь синонимом слова «керамика». Главы феодальных кланов, на землях которых находились подобные производства, охотно поощряли развитие торговли [11, 40].

«Клановые производства» представляли собой селения гончаров-ремесленников, расположенные вблизи залежей керамических глин. Основной производственной единицей в них были небольшие семейные коллективы работников. Мастер-гончар, глава такого коллектива, работал с помощью всех трудоспособных членов своей семьи, а иногда и с привлечением учеников. Первый обжиг керамической продукции он обычно производил в своей собственной маленькой печи, а второй, требующий высокой температуры нагрева, — в общинной печи, являющейся собственностью всего селения. За каждым мастером-гончаром были закреплены дни в течение месяца, когда печь предоставлялась в его распоряжение. Среди мастеров селения Арита (пров. Хидзэн) уже в XVIII в. появляется разделение труда, когда некоторые из них иногда специализировались на той или иной части всего производственного цикла. И именно здесь впервые в Японии появилось отдельное селение художников по росписи фарфора, известное под названием *акаэ-мура* [11, 104—105].

Керамические производства Арита-Хидзэн с XVII в. были тесно связаны с торговым капиталом. В это время здесь было освоено изготовление фарфора, значительная часть которого шла на экспорт в Европу. Торговля носила оптовый характер и осуществлялась через специальные торговые гильдии [11, 106]. Операции с иностранцами были сосредоточены в руках десяти крупных торговцев из г. Нагасаки [10, 111]. Само производство находилось в большой зависимости от торговцев-скупщиков; формы фарфоровых изделий, их размеры, декор и количество выпускаемой продукции всегда определялись их требованиями.

Видимо, все клановые производства Японии постепенно были охвачены оптовыми операциями торгового капитала. Так, известно, что торговля керамической продукцией района Овари была сосредоточена в руках 12 крупных купцов из г. Нагоя [10, 301]. Не случайно, конечно, что в японской исторической литературе производства этого вида называются *тоясэй когё* — «промышленность оптового торговца» [3, 35].

Производства такого типа В. И. Ленин относил к разряду капиталистической мануфактуры. «Работа на скупщика,— писал он,— принадлежит большей частью к *капиталистической мануфактуре*, ибо она: 1) основана на ручном производстве и на широком базисе мелких заведений; 2) вводит между этими заведениями разделение труда, развивая его и внутри мастерской; 3) ставит во главе производства торговца, как это всегда бывает в мануфактуре, предполагающей производство в широких размерах, оптовую закупку сырья и сбыт продукта; 4) низводит трудящихся на положение наемных рабочих, занятых в мастерской хозяина или у себя на дому» [1, 398—399].

Производства нескольких иного вида сложились в Киото, который уже с конца XVII в. стал одним из трех самых крупных городов Японии (население каждого из них превышало 300 тыс. человек). Здесь мастер-гончар работал у себя дома с помощью своей семьи или немногих учеников; продукцию он обжигал в лично ему принадлежащей небольшой печи. В Киото эти индивидуальные мастера-ремесленники были тесно связаны с рыночными отношениями. И не только потому, что пускали свою продукцию на продажу. Дело в том, что в этом районе нет хороших керамических глин и многих других используемых в производстве материалов, и они привозились издалека, из провинций Ямасиро, Оми, Госю, Сассю. В результате киотоские гончары попадали в двойную зависимость от торгового капитала.

В феодальной Японии того времени кое-где получила распространение специфическая форма взаимоотношений между ремесленниками и купцами-поставщиками, называемая *дзэнтайсэйдо*. Сущность ее заключалась в том, что последний одновременно выступал и как скупщик готовой продукции. Мы не имеем прямых доказательств того, что гончары Киото были охвачены этой системой, но первая и очень важная ее составная часть — тесная зависимость от поставщика сырья — была налицо¹. Вполне возможно, что какое-то количество этих гончаров было охвачено и второй ее частью. Система же «дзэнтайсэйдо», без сомнения, была одной из форм капиталистической рассеянной мануфактуры [4, 56].

В развитии японской керамической промышленности этого времени исключительно важное значение сыграли так называемые *онива-гама* («садовые печи») и производства, близкие к ним по структуре и организации труда. Онива-гама появились в Японии не ранее конца XVII в. и принадлежали лично феодальным князьям; нередко эти мастерские находились прямо в саду княжеской усадьбы (откуда происходит и их название). Для работы в них князья приглашали кого-нибудь из знаменитых мастеров. Гончары, работавшие здесь, пользовались относительной свободой творчества, их общественное положение было сходно с положением художников. От князя они получали определенное вознаграждение [11, 14, 106—107; 10, 102]. Бывали случаи, когда особенно искусному мастеру феодальный князь жаловал звание самурая.

У нас нет сведений о количестве работников, занятых в мастерской онива-гама, хотя совершенно очевидно, что большой объем вспомогательных работ (добыча и обработка глины, заготовка топлива и т. п.) делал неизбежным использование подсобников. Обычно с мастером работали его ученики; вполне вероятно, что в процессе изготовления керамических изделий в этих мастерских было занято несколько человек.

---

¹ Речь идет об обычных, средних гончарах, в большом количестве работавших в Киото, а не о знаменитых по всей Японии.

Продукция онива-гама в начале их существования, как правило, выпускалась в очень ограниченном количестве. Так, например, знаменитые мастерские князя Набэсима за год изготавливали всего 500 образцов фарфора. В основном они предназначались для подарков друзьям и сторонникам князя, а также видным государственным деятелям² [11, 108—109, 111].

По типу к мастерским онива-гама примыкали и некоторые старинные керамические производства (например, на о-ве Хирадо, в пров. Бидзэн, и многие другие), в этот период работавшие только по заказам того феодального князя, на землях которого они находились. Мастера разной специализации получали от него плату, как правило в виде рисового пайка. Однако уже с конца XVIII в. княжеские мастерские стали переходить к производству изделий и для рынка.

Производства типа онива-гама явились как бы исходной формой для образования целого ряда капиталистических мануфактур. Последние, создаваемые на средства феодальных князей или торгового капитала, с конца XVIII — начала XIX в. начали возникать одна за другой в различных районах страны. Вот несколько характерных примеров. В середине XVIII в. князь Мацудайра Фумай в пров. Идзумо, в городке Мацуэ, объединив мелкие разрозненные мастерские, основал керамическую мануфактуру, наняв для работы многих известных мастеров и рабочих. В 1780 г. то же самое им было сделано в г. Фудзина [11, 84]. В 1840 г. Наосукэ Ии, князь района Хиконэ, приобрел керамическую мастерскую Кото на восточном берегу оз. Бива; для расширения производства и улучшения качества продукции он пригласил знаменитых гончаров из разных мест [11, 152]. В 1810 г. богатый торговец Ёсидая Дэнъэмон создал гончарную мануфактуру на базе заглохшего было мелкого ремесленного производства Кутани в пров. Кага. В 1822 г. гончары Хаяси Хатибэй и Хонда Тэйкити на средства феодального князя Маэда основали керамическую мастерскую в местечке Вакасуги. Однако вскоре Маэда продал ее Хасимото Ясубэю, торговцу из г. Канадзава; новый хозяин, наняв многих видных гончаров, превратил ее в мануфактуру. В Номи в 1850 г. Мацуя Кикосабуро и Аода Санъэмон открыли керамическую мануфактуру, в которой работало около 200 гончаров [11, 133—134]. В 1830 г. сын антиквара Мори Юсэцу, купив рецепты глазурей, разработанные мастером XVIII в. Годзаэмоном для изделий, называемых «банко», основал большую мастерскую для выпуска изделий этого вида [11, 156].

На базе мануфактурного способа производства постепенно выросли крупные керамические центры: Сэто-Овари, Мино, Киото, Кага, Бидзэн, Арита-Хидзэн и др. Приведем некоторые цифры, характеризующие масштабы этих производств. Так, в Сэто-Овари в 30-х годах XIX в. действовало 296 гончарных печей, работало 274 мастера-гончара, 600 ремесленников и 1350 рабочих. В 50-х годах того же столетия только в местечке Навасирогава в княжестве Сацума работали сотни рабочих [10, 159, 292].

Таким образом, к середине XIX в. в японском керамическом производстве наблюдалось одновременное существование двух форм: 1) крестьянского промысла и ремесла; 2) капиталистической мануфактуры нескольких видов. Причем совершенно очевидно, что в ряде случаев последние играли уже достаточно существенную роль в экономике страны.

---

² В XVII—XVIII вв. обычай подношения подарков среди даймё и высшего самурайства получил очень широкое распространение.

После буржуазной революции Мэйдзи 1868 г. в Японии одна за другой стали появляться акционерные компании, строившие керамические заводы с машинным оборудованием. В 1874 г. две такие компании (общества «Коран кай» и «Сэйдзи кай») были основаны в г. Арита, две другие («Японская керамическая компания» и «Компания керамических производств. г. Нагое») — в Нагое на базе мастерских Сэто [8, 142; 11, 107; 14, 147]. В 1876 г. в г. Навасирогава преф. Кагосима (бывшее княжество Сацума) возникла компания «Таманояма кайся» [10, 159]. В 1879 г. аналогичные акционерные общества возникли в городах Ямасиро и Канадзава в преф. Исикава [15, 17]. Крупные заводы в это время выросли в г. Кокура на севере о-ва Кюсю и на о-ве Хирадо [14, 147—148; 11, 112].

Японское правительство со своей стороны активно содействовало развитию керамического производства, так как было заинтересовано в расширении тех отраслей промышленности, которые, работая на экспорт, способствовали увеличению валютных фондов страны [3, 242—243]. Новые заводы этой отрасли создавались на основе последних достижений мировой науки, на них устанавливалось новейшее оборудование и привлекались к работе западные специалисты-консультанты. В Японии того времени был широко известен немецкий химик Г. Вагнер, принимавший непосредственное участие и в создании первых керамических заводов в г. Арита, и в организации специальных школ для подготовки кадров для них [11, 107].

Заводы, как правило, возникали в районах с развитым мануфактурным производством, где в достаточном количестве имелась квалифицированная рабочая сила. В свое время В. И. Ленин, изучая развитие промышленности в России, писал, что «крупная машинная индустрия не могла бы так быстро развиться в пореформенный период, если бы позади нее не стояла продолжительная эпоха подготовки рабочих мануфактуры» [2, 429]. Это в полной мере может быть отнесено к Японии второй половины XIX в. В дальнейшем в этих районах возникли целые города гончаров (Сэто, Арита и др.).

Однако появление в Японии в это время заводов с машинным оборудованием не привело к коренному перевороту в керамическом производстве. В основной массе оно по-прежнему сохраняло мануфактурный характер. И хотя в стране наблюдалась тенденция к объединению отдельных мелких производств [см. 14, 151], но этот процесс осуществлялся сравнительно медленными темпами и еще в 30-х годах XX в. керамическая промышленность в Японии была достаточно распылена. Так, в Нагое насчитывалось 223 отдельных производства [5, 406], в Токио — 418 производств [5, 382], в Киото — 73 мастерские³ [5, 416], в Осака — 727 производств⁴ [5, 423]. Небольшие мастерские были широко распространены даже в таком развитом центре керамического производства, как Арита [5, 473].

Таким образом, в интересующий нас период мастерская мануфактурного типа по-прежнему оставалась наиболее характерной производственной единицей керамической промышленности Японии. Ее ядром нередко выступала семья самого гончара — мастера. При необходимости широко использовался труд наемных рабочих. В собственности мастерской имелась керамическая печь [7, 55; 12, 144]; иногда две и более мастерских сообща владели одной общей печью. Наиболее ответственные части производственного процесса — формовка изделий, обжиг про-

³ Исключая мастерские с числом рабочих менее пяти человек.

⁴ В это число вошли мастерские, насчитывающие менее пяти человек.

дукции в печи или нанесение декора,— как правило, выполнялись мужчинами. Очень широко практиковалось разделение труда; так, например, один рабочий занимался изготовлением тулова чайничка (в день он мог изготовить около 150 шт.), другой — крышек, третий — носиков, четвертый — ручек, пятый соединял все эти части вместе [10, 160].

Весь производственный процесс в такой мастерской был основан на предельно рациональном ручном труде и на бережном сохранении многовековых традиций. В каждой местности гончары использовали только привычные местные глины и другие материалы, и только в отдельных, редких случаях их доставляли из довольно отдаленных мест [10, 288]. Знания об их свойствах были накоплены эмпирическим путем, и мастера на глаз определяли и выбирали нужные им сорта [6, 12].

Обработка исходного материала производилась несколькими методами; их сущность заключалась в том, что жидкий раствор глины переливался из одного резервуара в другой через частое сито, на котором оставались все крупные частицы. На дне резервуара из перелитого раствора постепенно оседала тонкая глиняная масса, которую, собрав и слегка просушив, затем тщательно разминали ногами и вымешивали руками [7, 50—51; 12, 144].

Гончарные станки в таких мастерских были двух видов — ножные и ручные, и оба типа изготавливались только из дерева.

Ножной станок состоял из двух дисков, каждый толщиной 9 см, соединенных между собой по центру или высоким цилиндром, или призмой, или четырьмя стойками; диаметр верхнего диска — 33,3 см, нижнего — 42,4 см. Станок укреплялся в яме глубиной 36,3 см⁵, на краю которой сидел гончар, спустив ноги вниз. В центре ямы укреплялся стержень диаметром несколько более 5 см, на котором уравнивался станок; он проходил через сквозное отверстие в центре нижнего диска, через цилиндр, и упирался острием конуса на своем конце в гнездо под верхним диском. Гончар, сидевший перед станком, ногами придавал вращательное движение нижнему диску, игравшему роль маховика [7, 52—53], в результате станок мог двигаться непрерывно, с нужной скоростью и более или менее равномерно (рис. 1).

Ручной станок состоял из верхнего диска диаметром 54,5 см, с нижней стороны которого по центру укреплялся высокий узкий цилиндр. В яме глубиной 51,5 см врывался в землю стержень, на который надевался цилиндр с диском; острие конуса стержня упиралось в специальное гнездо в центре под диском. Инерционная сила вращения у такого станка невелика, к тому же вращался он неравномерно, поэтому мастер, сидевший перед ним, имел возможность работать с глиной только одной рукой, другая же была постоянно занята вращением этого механизма (рис. 2).

Отдельные керамические мастерские специализировались на ручной формовке изделий. Подобную работу могли выполнять лишь гончары, обладающие огромным мастерством, так как создать этим методом, дошедшим, вероятно, с древности, изделие, отвечающее и утилитарным и определенным художественным требованиям, значительно труднее, чем с применением гончарного круга [11, 44—45].

Наиболее ответственной частью всего производственного процесса являлся обжиг керамической продукции. Конструкция традиционной обжиговой печи в Японии (*ноборигама*) сложилась уже к XVII в. Печь сооружалась по склону холма, имела длину 30—45 м [7, 56—61] и состояла из нескольких камер, соединенных между собой общим дымоходом особой системы (рис. 3).

⁵ В Японии встречаются станки и других размеров, но аналогичного устройства.

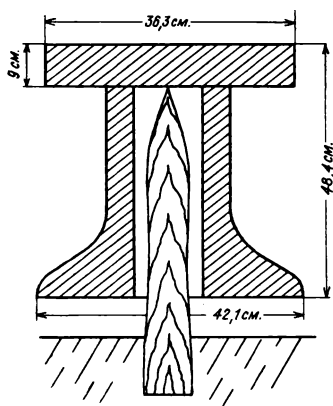

Рис. 1.

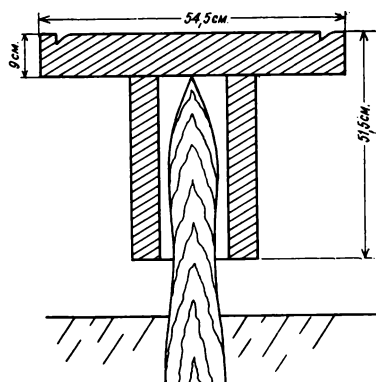

Рис. 2

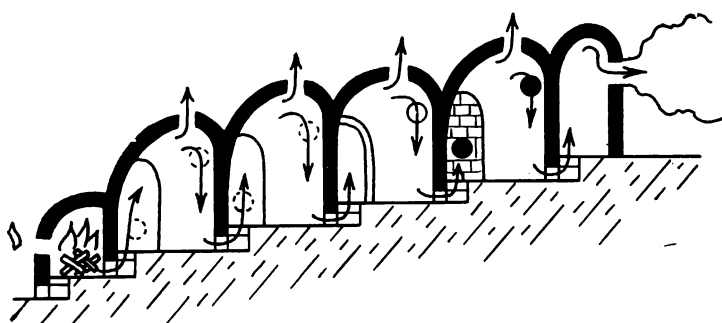

Рис. 3

Камеры имели вертикальные стены и сводчатый потолок (рис. 4), в центре которого находилось вентиляционное отверстие (Г). Две наружные боковые стенки имели проемы для загрузки продукции (А) и смотровые отверстия (В). После загрузки каждой камеры проемы в стене закладывались кирпичом, и в них оставляли лишь отверстия для забрасывания в камеру топлива (Б). Передняя стена камеры глухая, а задняя в нижней части кирпичной кладки имела скважины-продухи, продолжавшиеся в кладке пола соседней камеры (Е, Д). Перед первой

камерой складывалась топка, последняя камера играла роль регулятора тяги.

После загрузки всех камер отверстия в каждой из них, кроме топки и выходного отверстия, закрывались крышками из огнеупорной глины и в топке разжигались сосновые дрова. Тепло от сгорающего топлива, проходя через продухи в полу каждой камеры, нагревало всю печную систему, правда далеко не равномерно. В результате, когда в первой от топки камере обжиг продукции бывал уже закончен, во второй необходимый температурный режим составлял лишь одну треть нормы. Чтобы поднять жар, топливо бросали непосредственно в эту камеру

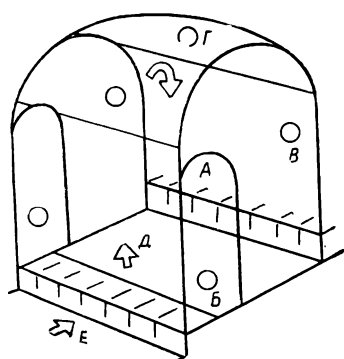

Рис. 4

через специально сделанные отверстия (Б) в боковых ее стенках [7, 56—61].

Вентиляционные отверстия в арочном перекрытии каждой камеры позволяли регулировать внутри ее восстановительный или окислительный режим обжига и благодаря этому получать различные цветовые вариации глазури. Кроме того, неравномерность нагрева в разных частях камеры приводила к образованию в глазури непредусмотренных цветовых изменений. Подобные декоративные эффекты глазурованной керамики в Японии очень высоко ценятся, но при совершенных температурных условиях механического обжига на керамических заводах не могут быть получены.

Таковы в общих чертах особенности производственного процесса в мелких керамических мастерских.

Таким образом, имеющийся материал свидетельствует, что ко времени революции Мэйдзи 1868 г. капиталистическая мануфактура уже достаточно глубоко проникла в керамическое производство Японии. Высокий уровень ее развития в свою очередь обеспечил во второй половине XIX в. успешное и быстрое освоение машинной техники на вновь созданных фарфоро-керамических заводах. Однако в Японии второй половины XIX — начала XX в. наряду с крупной машинной индустрией в керамической промышленности продолжало существовать гончарство как в виде крестьянского ремесла, так и в виде мелких керамических мастерских, где сохранялись почти в нетронутom виде многотлетние традиционные способы производства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности,— Полное собрание сочинений, изд. 5, т. 2, стр. 317—424.
2. Ленин В. И. Развитие капитализма в России,— Полное собрание сочинений, изд. 5, т. 3, стр. 1—609.
3. Бедняк И. Я., Гальперин А. Л., Гришелева Л. Д., Подпалова Г. И., Попов В. А., Топеха П. П., Эйбус Х. Т. Очерки новой истории Японии (1640—1917), М., 1958.
4. Петров Д. В. К вопросу о мануфактуре в Японии,— сборник «Ученые записки Института востоковедения», т. XV, М., 1956, стр. 48—70.
5. Треварта Г. Япония, М., 1949.
6. Имаидзуми Юсаку, Хомпо тосэцу (Наше гончарство),— «Кокка», 1890, № 4, стр. 11—14.
7. Нихон но якимоно (Японская керамика), Токио, 1958.
8. Окуда Сэйити Кояма Фудзио, Хаясия Сэйдзо, Нихон но тодзи (Фарфор и керамика Японии), Токио, 1954.
9. Фудзиока Сакутаро, Хирандэ Дзиро, Нихон фудзоку си (История японских нравов), т. 1, Токио, 1895.
10. Brinkley C. F. Ceramic art,— «Japan. Its History, Arts and Literature», vol. VIII, New York, 1901.
11. Gorham H. H. Japanese and Oriental pottery, Yokohama, [6. г.].
12. Hrdlička V. and Z. Travels Search of Japanese Folk pottery,— «New Orient», 1966, № 5, стр. 143—144.
13. Sanson G. B. Japan. A Short Cultural History, New York, 1943.
14. Tadanari Mitsuoka Ceramic Art of Japan, Tokyo, 1955.
15. We Japanese, Yokohama, 1949

Ю. В. Ионова

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАННЕЙ ИСТОРИИ КОРЕИ

Археологические памятники и древние китайские летописи свидетельствуют, что на рубеже нашей эры в жизни корейских племен произошли существенные сдвиги. В области земледелия появилось поливное рисосеяние и широкое распространение получили железные сельскохозяйственные орудия. Поливное земледелие прочно прикрепляло население к земле. Постоянные поселения располагались на холмах, в удобных для земледелия речных долинах. В наиболее крупных из них жило по несколько десятков семей. Семьи были малыми, о чем свидетельствуют обнаруженные археологами небольшие землянки с одним очагом в центре. Различные формы погребения говорят, что уже существовало социальное и имущественное неравенство.

Процесс разложения первобытных отношений шел быстрее у северных племен, развитие которых ускорялось связями с более развитым в экономическом и культурном отношении Китаем. К этому времени на крайнем севере Кореи складывается союз общин Пуё, на северо-востоке и востоке — Окчо и Ё и на юге — три таких союза Хан. Население этих владений, как отмечают китайские летописи, жило оседло, обрабатывало землю с помощью плуга, умело выплавлять железо, выделявало тонкие льняные и шелковые ткани.

В первых веках нашей эры на территории Кореи складываются древние государства Когурё, Пэкче и Силла. Относительно социально-экономического строя этих государств существуют различные мнения [13, 166—180; 15, 217—220]. В общих работах советских историков говорится о феодальном характере Когурё, Пэкче и Силла [3, 591]. Большинство корейских ученых во главе с Пэк Нам Уном утверждают, что эти государства были рабовладельческими [21]. Однако эта концепция вызвала возражения у корейского историка Ким Кван Чжина, который считает, что Корея миновала в своем развитии рабовладельческую формацию и от первобытного общества перешла к феодализму [16, 17]. Советский историк М. В. Воробьев пишет, что в эпоху «трех государств» существовали элементы и рабовладения и феодализма с преобладанием последних [5, 126].

Для окончательного решения вопроса о социально-экономическом строе трех государств в Корею необходимо конкретное рассмотрение процесса образования классового общества и государства. По вопросу о путях эволюции социальных интересов доклассового общества, приведших к созданию этих государств, также нет единого мнения. Так, во «Всемирной истории» сказано, что они выросли из племенных сою-

зов, имевших те же названия [6а, т. II, 577, т. III, 47]. Иной точки зрения, согласно которой базой возникновения первых корейских государств послужили не племенные союзы, а объединения общин, придерживается корейский ученый Лин Гон Сан [7, 33]. Этот вывод разделяет советский исследователь Кореи и переводчик древних летописей М. Н. Пак. В работе, посвященной анализу социально-экономического строя государства Силла, он на материалах корейской летописи показал, как в ходе интенсивных войн община Соро стала ядром этого государства [13, 27]. Процесс образования государств на основе общины или союза общин отмечен и в других регионах. И. М. Дьяконов, используя античные, переднеазиатские и иранские материалы, пришел к выводу, что именно на основе общинных объединений (а не племенных союзов) обычно создаются с переходом к классовому обществу первичные государства [6, 24].

Определенные сведения о возникновении древних государств в Корее дают китайские и корейские источники. В китайской летописи «Сань-го чжи» рассказывается, что основу Когурё составляли пять «цзу», каждая из которых образовывала «бу» [14, 120]. В корейской летописи «Самкук саги» повествуется, что государство Силла сложилось из шести «бу», образованных пришлыми из Чосона [9, 71].

В письменных памятниках имеются сведения о том, как одна из «бу» постепенно завоевывает политическое и экономическое главенство. Из пяти «цзу» Когурё сначала Ённобу, а затем Кэробу выдвигали из своей среды правителя [14, 120]. Те же процессы выделения одной «бу» мы наблюдаем и в Силла. По данным «Самкук саги», первые правители Силла выбирались всеми шестью «бу», но затем ведущую роль стала играть одна из них, которая и выдвигала правителя-вана. В дальнейшем власть вана начала передаваться по наследству от отца к сыну. Правители совмещали светские и религиозные функции. Они считались воплощением мифического первопредка и поэтому как бы олицетворяли собой единство коллектива [9, 78].

Вопрос о характере социальных организмов, скрывающихся за названиями «цзу» и «бу», весьма сложен. В трактовке и переводе этих терминов существуют разногласия. Так, при переводе летописей М. Н. Пак «цзу» трактует как род [11, 120], а «бу» как общину [14, 71] или как округ [14, 72]. По его мнению, «следующие за названиями (Ённобу, Чольнобу, Суннобу и т. д.— Ю. И.) окончания *бу* показывают, что первоначальное деление Когурё на эти родовые или племенные группы впоследствии стало служить для обозначения территориального деления» [11, 134]. Русский синолог Бичурин термины «цзу» и «бу» переводит как роды или колена [2, 25, 38]. Н. В. Кюнер склонен рассматривать их как поколения [10, 339]. Японский исследователь древней истории Кореи Мисина Сёэй рассматривает «цзу» Когурё как пять племен, близких к государственным объединениям [20, 16], а «бу», с одной стороны, как социальную структуру, близкую к клановой организации северных тунгусов [20, 34], с другой — как территориальную единицу [20, 32].

Эта попытка Мисины противопоставить «цзу» и «бу» вызывает возражение. В летописи говорится, что пять «цзу» Когурё были «бу» (Ённобу, Кэробу и т. д.). И если допустить, как это делает Мисина, что «цзу» — это племя, а «бу» — клан, то получится, что одно племя Когурё состояло из одного клана. Клан, подобно роду, экзогамная группа родственников (очень часто между кланом и родом не делается различия). Как известно, в состав племени входит несколько взаимобрачающихся родов. Без этого нет племени. Одна экзогамная груп-

па не может составить племени. Следовательно, «цзу» не представляло собой племя. И правы русские синологи, которые «цзу» трактовали как род, колено.

Об экзогамном же характере отношений в «бу» свидетельствуют материалы корейских летописей. В «Самкук саги» рассказывается, что в 9 г. (32 г. н. э.) жителям в «бу» Силла были даны общие фамилии — *син*. Например, все жители Янсанбу получили фамилию Ли, Кохобу — фамилию Чжозэ и т. д. [9, 78]. В Корее до настоящего времени лица, носящие одну фамилию — *син* и происходящие из одного места, составляют экзогамную группу, браки между членами которой запрещены. Таким образом, «бу» была экзогамным, родственно-территориальным объединением, иными словами, представляла общину. Община, как отмечают корейские историки, состояла из отдельных семей, составляющих самостоятельную хозяйственную единицу [7, 40]. В состав «бу» входили не только единокровные родственники (члены одного рода), но и свойственники по браку (лица из других «бу») ¹, поэтому это не было родовым объединением, а представляло собой семейно-родовую общину, на базе которой с введением системы *син* развивается большесемейная община.

Система *син*, заимствованная из Китая, усиливала патриархальные традиции в корейских семьях. Она определяла строгую иерархию между семьями, деление на главные и боковые семьи, регулировала и правила наследования, закрепляла преимущества прямых потомков по мужской линии [23, 1—6]. Система *син* способствовала созданию больших патриархальных семей, занимавших отдельное селение. Подобные общины однофамильцев — *тонъчжок пурак* — сохранялись в Корее до начала XX в. [22, 29—41].

В уже упоминавшемся выше отрывке из «Самкук саги», описывающем события 9 г. (32 г. н. э.), говорится и о введении системы чинов из 17 степеней [9, 78]. Это свидетельствует о складывании развитого государственного аппарата управления. И хотя хронологическая достоверность этого сообщения ставится под сомнение ², для нас важно, что присвоение фамилий происходило одновременно с учреждением сложной иерархической чиновничьей структуры. Социально-политический смысл оформления бюрократического аппарата ясен. Очевидно, что и введение системы *син* преследовало цель укрепления основ государственности.

Присвоение *син* определенной группе населения отражало происходящие тогда процессы социального расслоения, выделение привилегированных общинников, находящихся в «родстве с ваном». Источники содержат много свидетельств о расширении древнекорейских государств путем завоевания или подчинения соседних областей. На базе общин там создавались административные налоговые единицы *пугок*, *хянь*, *со*, *чу*, *чань* [19, 167]. В этих поселениях долго сохранялась общинная организация [18, 8]. Социальный статус населения этих общин характеризуется по-разному. Пак Нам Ун рассматривает их как рабов или государственных крепостных [21, 350—354]. Ему с полным основанием возражает М. Н. Пак: «Нам кажется не убедительной попытка

¹ У корейцев до настоящего времени наряду с *син* сохраняются и древние имена — *хон* (топонимические имена, связанные с местом происхождения мужского предка и передаваемые по мужской линии), объединяющие единокровных родственников, но не родственников по браку.

² М. Н. Пак считает, что введение 17 чиновничьих степеней могло произойти позже [12, 300]. Внедрение системы *син* в Когурё Мисина относит к 413 г., в Пэкче — к 370 г., в Силла — к 565 г. [20, 45].

Пэк Нам Уна представить в качестве рабов все население сельских общин (пугок), которое имело свои орудия производства и вело индивидуальное хозяйство, но было обязано отдавать часть своей продукции государству, собственнику земли» [12, 38]. Население пугок, видимо, следует отнести к категории «неравноправных» общинников, во всяком случае, их социальное положение было иное, чем собственно общин Силла или Когурё,—им не присваивали син. Впоследствии син имело только привилегированное сословие Кореи.

Создание раннекорейских государств происходило на основе разложения внутриобщинных отношений, превращения вождей и старейшин в правящий слой, а массы общинников — в податное сословие. Согласно «Сань-го чжи», каждая община Когурё делилась на малые (*сога*) и большие (*тэга*) *га* — дома. В случае военных столкновений тэга защищали общину, сога кормили их. Социальное неравенство общинников подчеркивалось и в одежде — только тэга могли носить шелковую одежду и особые головные уборы, причем форма головного убора зависела от ранга. Только тэга имели право строить храмы предков [9, 120].

В результате древнекорейское общество разделилось на простых общинников *хахо*, живущих в сельских общинах, и на аристократию тэга, основным местопребыванием которой являлись города. В руках тэга были сосредоточены функции управления, обороны и жреческие обязанности. Сословие тэга отделилось от общины, не участвовало в производстве. По свидетельству «Сань-го чжи», «большие дома в центре страны не обрабатывают полей, более десяти тысяч человек живут в праздности, а хахо издалека приносят и поставляют им хлеб, рыбу и соль» [9, 120].

Таким образом, экономическую основу древних корейских государств составляла эксплуатация простых общинников хахо; при увеличении территории и населения эксплуатация возможна была только при развитии и усложнении аппарата управления — чиновничьей иерархии. Такой бюрократический аппарат вырос на основе общинной аристократии.

Этот тезис подтверждается анализом названий чиновничьих рангов, большинство которых восходит к словам, обозначающим старейшину или вождя. Исторический процесс превращения старейшин рода или общины в чиновников отражен в летописи, где часты упоминания о присоединении при присоединении земель старейшинам общин определенного чина. В «Сань-го чжи», например, рассказывается о том, что при присоединении к Когурё небольшой области Окчо туда был послан специальный чиновник, чтобы осуществлять управление, а также побуждать местную знать — тэга — исправно собирать и поставлять дань (налоги). Люди Окчо должны были поставлять пеньковые холсты, рыбу, соль, морские съедобные продукты [9, 123—124]. В другом месте говорится, что у покоренного Когурё народа Ё (Вэй) местные вожди (старейшины) были возведены в чиновничьи звания (*ху*) и управляли хахо [9, 126].

Подобные процессы наблюдаются и у других народов. В. Р. Кабо на материале народов Океании убедительно показал, как на основе внутриобщинного расслоения, формирования института вождей, эксплуатирующих рядовых общинников, создаются классы и ранние государства. В. Р. Кабо пришел к выводу, что первой формой эксплуатации не обязательно является эксплуатация военнопленных (т. е. рабов), что ведущей тенденцией классового образования в Океании был процесс внутриобщинного расслоения [8, 57—68].

Общинная база создания ранних государств в Корее определила характер производственных отношений. Государственная собственность на землю создавалась на базе общинной, коллективной собственности [12, 39].

В Корее категория частнособственнических земель развивалась медленно. Корейская средневековая летопись «Корёса» сообщает, что даже в более поздний период «по обычаю [люди] не осмеливались иметь частные земли» [цит. по 4, 25]. В Корее класс эксплуататоров формировался не на отчуждении или присвоении земель, а в процессе превращения правящего сословия в бюрократический аппарат. «Собственность на землю (в государственной форме) служила,— подчеркивает М. Н. Пак,— экономической основой господства правящего класса в Силла, который образовался не только из аристократии шести силланских общин, но и из знати покоренных племен. Основную массу эксплуатируемых составляли лично свободные крестьяне, которые представляли население сельских (крестьянских) общин. Экономически эти отношения между господствующим и эксплуатируемым классами определялись государственной собственностью на землю (господствующий класс, составляя правящую бюрократию, эксплуатировал сидящий на государственной земле и зависимое от государства крестьянство)» [12, 43, 44].

Итак, в древнекорейских государствах, во-первых, существовала государственная собственность на землю; во-вторых, основу государств составляла сельская община; в-третьих, частная собственность на землю развивалась медленно — общинникам противостояли не частные землевладельцы, а государь (ван) и государственные чиновники, образующие правящее сословие, которые не являлись собственником земли и не были поэтому классом феодалов, но были классом эксплуататоров³; в-четвертых, основным эксплуатируемым сословием являлись общинники. Все эти признаки, как нам кажется, свидетельствуют о том, что социально-экономический строй в этих трех государствах представлял своеобразную форму, близкую к той, которую К. Маркс характеризовал как «азиатскую». В «большинстве основных *азиатских* форм *объединяющее единое начало*, стоящее над всеми этими мелкими общинами, выступает как *высший собственник* или *единственный собственник*, в силу чего действительные общины выступают лишь как *наследственные* владельцы» [1, 463], — писал К. Маркс. И далее: «Часть прибавочного труда общины принадлежит более высокой общине, существующей, в конечном счете, в виде одного *лица*, и этот прибавочный труд дает о себе знать как в виде дани и т. п., так и в совместных работах для прославления единого начала, — отчасти действительного деспота, отчасти воображаемого племенного существа, бога» [1, 464].

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 46, ч. 1, стр. 461—508.
2. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. II, М.—Л., 1950.

³ Первые сведения о раздаче чиновникам государственных земель ваном относятся к 687 г., но уже через два года (в 689 г.) система пожалованных земель (чанвон) была отменена и восстановлена лишь в 757 г. В X в. был издан указ, подтверждающий право собственности государства на все земли и декретировавший частное землевладение. Количество государственных земель и частных владений к этому периоду было равным.

3. Большая Советская Энциклопедия, т. 22.
4. В а н н и Ю. В. Феодалная Корея XIII—XIV вв., М., 1962.
5. В о р о б ь е в М. В. Древняя Корея, М., 1961.
6. Д ь я к о н о в И. М. Община на древнем Востоке,— «Вестник древней истории», 1963, № 1, стр. 16—35.
- 6а. Всемирная история, т. II, III, М., 1956, 1957.
7. История Кореи, ч. I, М., 1960.
8. К а б о В. Р. Становление классового общества у народов Океании,— «Народы Азии и Африки», 1966, № 2, стр. 57—68.
9. К и м Б у с и к, Самкук саги (Летописи трех государств), пер. М. Н. Пака, М., 1959.
10. К ю н е р Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, М., 1961.
11. П а к М. Н. Описание корейских племен по «Сань-го чжи»,— «Проблемы востоковедения», 1961, № 1, стр. 115—139.
12. П а к М. Н. «Летописи Силла» и вопросы социально-экономической истории Кореи,— К и м Б у с и к, Самкук саги, М., 1959, стр. 15—58.
13. П а к М. Н. Некоторые спорные вопросы истории Кореи (в связи с выходом в свет I тома «Истории Кореи»),— «Вопросы истории», 1957, № 8, стр. 166—180.
14. Сань-го чжи, пер. М. Н. Пака,— «Проблемы востоковедения», 1957, № 1, стр. 115—139.
15. Х а н Ч а н Х о, Дискуссия о рабовладельческом строе в Корее,— «Вопросы истории», 1957, № 5, стр. 217—220.
16. К и м К в а н Ч ж и н, Чосон-э иссо-ы понъгон чедо-ы палччон квачжон (Процесс развития феодализма в Корее),— «Екса квахак», 1955, № 8, стр. 11—40; № 9, стр. 37—69.
17. К и м К в а н Ч ж и н, Самкук сидэ-ы сахва — кёнъчже кусонъ-э кванхан мёткачжи мунчжэ-э тэхаё (Летописи эпохи трех государств — некоторые вопросы структуры власти),— «Екса квахак», 1956, № 5, стр. 1—25; № 6, стр. 10—41.
18. К и м С о к Х ё н, Чосон понгон ситэ нонминный кегып кусон (Классовая структура крестьянства феодального периода в Корее), Пхеньян, 1957.
19. Л и м Г о н С а н, Чосон-ый пугокчэ-э кванхан ёнгу (Исследование общины в Корее), Пхеньян, 1963.
20. М и с и н а С ё э й, Когурё-но годзоку (Пять племен Когурё),— «Чёсэн Гакухо», 1954, № 6, стр. 12—49.
21. П э к Н а м У н, Чёсэн сякай кейдзаси (Социально-экономическая история Кореи), Токио, 1933.
22. Ч е н Ч я н С е к, Пукчхенъ чипанъ-ы минсок (Народные обычаи в районе Пукчхен),— «Мунхван юса», 1957, № 4, стр. 29—42.
23. Я с у й С э й и т и р о, Чёсэн-но син (Корейские фамилии), Сеул, 1934.

А. Г. Шпринцин

О ЗАИМСТВОВАНИИ КИТАЙСКОЙ РЕЧЬЮ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ

I

В статье «О китайско-русском диалекте на Дальнем Востоке», опубликованной в одном из предшествующих выпусков серии «Страны и народы Востока» [6], отмечалось, что в речи китайских иммигрантов, проживавших в свое время в разных районах Советского Союза, бытовало значительно больше русских слов, чем в китайском языке вообще и чем это отмечено в специальной литературе. В предлагаемой работе приводятся языковые факты, подтверждающие это предположение. Они также свидетельствуют, что иноязычные заимствования в письменный китайский язык и в устную речь нередко относятся к различным слоям и элементам лексического состава языка. Предметом рассмотрения настоящей статьи являются лексические элементы, бытовавшие именно в устной речи (что подчеркивается в ее названии) и зарегистрированные в письменных текстах лишь в отдельных случаях. Предварительно следует, однако, охарактеризовать некоторые внелингвистические факторы, в известной мере предопределившие эту языковую ситуацию.

В начале 30-х годов, когда производился сбор анализируемых данных, на территории Советского Союза — от Владивостока до Мурманска и Донбасса, но преимущественно в Дальневосточном крае и Сибири¹ — проживало несколько десятков тысяч китайцев. За исключением относительно небольшого числа политэмигрантов и учащихся Коммунистического университета трудящихся Китая, все остальные были выходцами из Северо-Восточного, Северного и Восточного Китая, в подавляющем большинстве случаев из пров. Шаньдун², приезжавшими в Россию на заработки, в частности завербованными в годы первой мировой войны на тыловые работы (постройку Мурманской

¹ Об этом можно судить, например, по числу мест, выделенных местным организациям на командировку учащихся в Дальневосточную краевую китайскую совпартшколу в 1931 г. «А. Европейские районы Союза: Ленинградский — 1 человек, Сталинградский — 1, Баку — 4, Донбасский — 4, Харьковский — 4, Уральский — 4, г. Сталино (Донецк) — 10, Ростов — 10 и Якутская республика — 10 человек» [см. 11, 23.VI.1931].

² Не случайно в китайско-русском диалекте бытовало выражение «Чифу хади», означавшее «приехать из Китая» или «уехать в Китай». Чифу (Чжифу) — название полуострова и устаревшее название города и порта Яньтай в северной части провинции Шаньдун, откуда в основном направлялась китайская эмиграция в другие страны, в частности в Россию. Из доклада мандатной комиссии на Первой конференции по латинизации китайской письменности (Владивосток, 1931 г.) видно, что все 75 делегатов-китайцев были выходцами из Китая, шаньдунцев среди них было 43 человека.

железной дороги, на угольные шахты Донбасса и т. п.). Именно этим объясняется полное отсутствие среди китайского населения Советского Союза местных уроженцев и то, что почти сто процентов приезжавших были мужчины, семьи которых оставались в Китае.

Иллюстрацией к сказанному и вместе с тем хорошим примером местной китайской речи с вкраплением заимствованных русских слов может служить приводимая ниже в оригинале и в переводе на русский язык автобиография, написанная в 1934 г. одним из слушателей курсов, готовивших инструкторов по организации обучения на китайском латинизированном алфавите. Китайский текст публикуется с сохранением орфографии подлинника, что небезынтересно с точки зрения слитного-раздельного написания слов. Необходимые пояснения приведены после текста.

Shao Guozheng sh shandung dengzhoufu lofungxian, 1896 sheng-rhen.

Zai gialidi shhou pingia meiou ditu, meliou fanch, zai giall shou zbenyadi iapo.

Wo ie meiou fazla dao 1917 nian shang lai dao Oguo. Zai Xais-henwei zo gung liang go ye.

Na go shxou zai shaxuangdi shdai, nago shxou zbengia xo changzhumn tung tungsh^{a)} sh bosyo gungrhen xo nengmindi, nago shxou zai gungchangzogung itian zo 12 dianzhung zhe xuansh xaodi.

Zai xuan iou r xingpi^{b)} xo tungsh gei tamn zogung xuan sh geng do-la. Wo ikan bu xao na nian liu ye wo ziu laidao xuangxo gouli ky zogung.

Wo zai mashen^{c)} shang zo gung 7 nian. Wo ie sh udalinik^{d)}. Xian-zai Sullan guogia dai gungrhen nungrhen xen iou lijidi.

Neng glao gungnian^{e)} shz wen-xua tigao koji neng gianshe she-xuizhuji.

Шао Го-чжэн. Родился в 1896 г. в уезде Лофэн, пров. Шаньдун.

Семья была бедняцкая, безземельная; жили впроголодь и страдали от гнета богатеев.

Не видя другого выхода, я в 1917 г. отправился в Россию. Проработал два месяца (года?—А. Ш.) во Владивостоке.

Это было еще при царе, когда капиталисты и заводчики вместе с китайцами-подрядчиками эксплуатировали рабочих и крестьян, когда 12 часов работы на заводе считалось еще счастьем.

А ведь [кроме этого] имелись живодеры и подрядчики, на которых надо было работать еще больше. Увидев, что дело плохо, я в июле того же года подался работать на прииск.

Я работаю у машины семь лет. Я ударник. Теперь Советское государство все делает для пользы рабочих и крестьян.

Рабочих и крестьян обучают грамоте; они повышают [свой] культурный уровень и могут строить социализм.

a) 'tungsh' здесь значит «подрядчик-китаец»;

b) правильное написание 'erceng pi' букв. «вторая кожа», а в переносном смысле — «живодер, кровопийца»;

c) 'maschen' рус. «машина»;

d) 'udalinik' рус. «ударник»;

e) очевидно, ошибочное написание вместо gung-nung (gong-nong).

Приведем еще один пример, на этот раз фольклорного характера,—сложенный в дореволюционные времена рифмованный рассказ о приезде завербованных подрядчиком рабочих в царскую Россию.

Китайский текст приведен в написании китайским алфавитным письмом Hanyu Pinyin.

Yidian zhong shang chuan,
sandian zhong kai.
San tian. liang ye,
Laidao Waizi jie (gai).
Tazhao matou kan-yi-kan,
Shui yu shen, chuan yu duo,
(вар.: Lou yu gao, chuanguhu duo)
Man jie ren nao ho-ho.
Bu dong waiguo hua,
Shi zai Oluoso (si).
Cai dai shuijiao, you ming,
Datou qilai heng yi sheng.
Huoji men dongde shi zai kuqing.

В час дня на пароход,
В три часа отплыли.
Три дня и две ночи,
Прибыли во Владивосток.
Ступили на пристань, глянули—
Вода глубока, кораблей много
(вар.: Дома высоки, окон много).
На улицах полно людского шума,
Чужой язык непонятен, это ты
в России.
Только собрался соснуть,
снова крик,
Старшина (вербовщик, подрядчик)
поднялся и заорал.
Ребята (товарищи), знайте, что
попали в беду.

Естественно, что в дореволюционное время, когда у нанимателей и царских чиновников не возникало даже и мысли обучать русскому языку приезжавших на заработки отходников-китайцев, для последних типичным было приобщение к русскому языку либо устным путем от ранее приехавших, либо же, если вновь приехавший был мало-мальски грамотен иероглифически, через специальные книжки-разговорники [6, 89]³. И в том и в другом случае приезжий знакомился, как правило, с так называемым китайско-русским диалектом.

Другое немаловажное обстоятельство, определявшее языковую ситуацию, было связано с социальной дифференциацией китайской колонии: наряду с трудящимися (портовые и строительные рабочие, горняки, лесорубы и др.), составлявшими основную массу приехавших, здесь вплоть до середины 30-х годов имела еще и городская мелкобуржуазная прослойка — мелкие торговцы, огородники, ремесленники и т. п., а также явно эксплуататорские, антиобщественные элементы. Характерной фигурой среди последних был до революции и в первые годы после окончательного разгрома белогвардейщины и интервентов так называемый старшинка⁴. Явный эксплуататор по своей социальной сущности, старшинка был подрядчиком или артельщиком, возглавлявшим им же, как правило, набранную либо еще на родине завербованную группу рабочих. В артели он был полновластным хозяином: определял характер работы каждого, вел все расчеты с нанимателями, давал рабочим жилье, кормил в счет заработка и т. п., обирал и обчитывал их при этом как только мог. Существенным преимуществом старшинки было то, что он был грамотен иероглифически, умел говорить по-русски (фактически на китайско-русском диалекте), а порой

³ Пользуюсь случаем внести следующую поправку. В этом месте указанной моей статьи [6] упоминаются «совершенно не описанные в литературе» печатные свидетельства китайско-русского диалекта. Это не совсем так, ибо уже после опубликования статьи В. С. Стариков указал ее автору на работу Л. М. Яковлева «Заметки об „изучении“ русского языка китайским простонародьем», опубликованную посмертно в 1946 г. в Харбине [7]. Хотя Л. Яковлев и не пытался сделать лингвистический анализ материала, он дал довольно подробное внешнее описание разговорников, так называемых «хуабэр» (huaber).

⁴ Очевидно, вариант слов «старшой, старшина, старший». См. Старшина... 2. Старший рабочий (спец.) [4, т. IV, 490].

даже владел кое-как русской грамотой. В этом социальная роль грамоты и владения языком проявлялась особенно отчетливо⁵.

Ликвидация института старшинок была существенной частью борьбы в 20-е и 30-е годы с классово чуждыми и враждебными Советской власти элементами среди китайского населения⁶. В то же время делалось все возможное для повышения материального благосостояния китайских трудящихся, для подъема их культурного и политического уровня. Постоянная борьба с проявлениями буржуазного национализма, вовлечение китайских рабочих в профсоюзы, организация производственных и ударных бригад, кооперирование ремесленников и огородников, выдвижение партийно-комсомольского, профсоюзного актива и специальных инструкторов по работе среди китайских рабочих, организация клубов и красных уголков, развертывание широкой сети пунктов по ликвидации неграмотности на китайском и русском языках, создание китайских учебных заведений, наконец, разработка и распространение китайского алфавитного письма (латинизация) — все это было выражением братского интернационализма, всегда характеризовавшего отношение советского народа к китайскому.

Социальное расслоение отразилось и в словарном составе устной китайской речи, в характере заимствуемых русских слов, в наименовании новых предметов и явлений, новых форм общественных отношений. Вопросы повышения речевой культуры китайских иммигрантов были предметом специального обсуждения на I (1931 г.) и II (1932 г.) конференциях по латинизации китайской письменности во Владивостоке⁷.

Таковы условия, способствовавшие проникновению в китайскую речь и распространению в ней лексических заимствований из русского языка. Нельзя не упомянуть при этом и о воздействии русского языка на китайский письменный язык.

Известно, что издание разнообразной литературы на китайском языке началось в самые первые годы Советской власти⁸ и продолжалось более двух десятков лет, в течение которых в ряде издательств Москвы, Ленинграда, Сибири и Дальнего Востока⁹ были выпущены десятки и сотни названий книг, журналов, газет, брошюр, листовок самого разнообразного содержания. Здесь была литература и общественно-политическая, и агитационно-массовая, и учебная, и производственная, и художественная. В таких изданиях, оригинальных или же переводных, отражалась рожденная революцией новая историческая действительность — социальные сдвиги, новые формы общественных отношений, новые явления, предметы, получившие свои названия в русском языке и требовавшие соответствующих форм выражения в других языках, в данном случае в китайском.

⁵ По-китайски «старшинка» кроме нормативного — gongtou(r) [1, 26] назывался также datoudi, datou, batou или tongshi. Последнее слово примечательно тем, что основное его значение — «посредник», «переводчик».

⁶ Многочисленные материалы об этом публиковались в китайской газете «Gongren zhi lu». Любопытна, например, одна из заметок в этой газете, в которой говорилось: «Dayanguan he baoju hen duo doushi nenggou dongde oguo hua tongshi kaishede». «Опикурильни и игорные притоны содержат большей частью старшинки (tongshi), понимающие русский язык» [11, 1.IV.1931].

⁷ См. резолюцию I конференции по латинизации китайской письменности, § 10 [3, 11—12].

⁸ Достаточно сослаться на изданную еще в 1918 г., очевидно в Москве, брошюру «Программа коммунистической партии» [8], язык которой отражал еще не устоявшуюся к тому времени общественно-политическую терминологию [см. 5].

⁹ Издательства Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) и Коммунистического университета трудящихся Китая (КУТК), Издательство иностранных рабочих в СССР, Партиздат, Дальгиз, Центриздат.

И есть все основания полагать, что пополнение китайского литературного языка такими неологизмами происходило и в Советском Союзе, где в эту пору находился в политической эмиграции ряд видных китайских общественных деятелей и вместе с тем первоклассных переводчиков (упомянем лишь немногих наиболее известных: Цюй Цюбо, Цао Цзин-хуа, Сяо Сань, Линь Бо-цюй, У Юй-чжан). Особенного внимания заслуживают в этом отношении издания на китайском латинизированном алфавите (1931—1937 гг.), сам характер которых требовал отхода от непонятных на слух иероглифических форм выражения. Не все употреблявшиеся тогда неологизмы были удачными и жизненными, но бесспорно, что подобный опыт пополнения словаря китайского языка новыми элементами даже в своих негативных результатах заслуживает внимания исследователя. В предлагаемой статье мы не анализируем эту область языковых заимствований, а лишь упоминаем о ней как о явлении, заслуживающем внимания китаеведов-лингвистов.

II

Проблема заимствованных слов в китайском языке, в частности, привлекает к себе внимание китаеведов-лингвистов как в самом Китае, так и за его пределами. Из последних работ по этой теме наиболее значительными являются «Исследование иноязычных заимствований в современном китайском языке» Гао Мин-кая и Лю Чжэнь-таня [8] и «Материалы к изучению заимствованных и гибридных слов в современном китайском языке» З. Новотной [10]. В них специального разбора заслуживают как подбор и систематизация фактического материала, так и выводы, сделанные на основе анализа приводимых данных. Не вдаваясь сейчас в такой разбор, заметим, что к статьям З. Новотной приложен обширный иероглифический перечень упоминаемых заимствований с пометами о степени освоения данного слова в китайском языке. В то же время автор не классифицирует иноязычные слова по источнику заимствования и не дает, например, списка заимствований из русского языка, хотя и упоминает об увеличении их числа.

В работе Гао Мин-кая такой перечень имеется, но к нему надо относиться с большой осторожностью, так как он содержит много слов либо совершенно случайных, видимо отмеченных один раз в одном каком-нибудь тексте (например, ЛАПП — Ленинградская ассоциация пролетарских писателей или Московская ассоциация художников-станковистов [8, 100]), либо устаревших, вышедших из употребления в русском языке (мир — крестьянский, нэпман, червонец, верста [8, 100—101]), либо же диалектных (буза — напиток [8, 99]), а в одном случае вообще непонятное (Yifannowiii — Иванович в значении «хороший человек» [8, 99]) слово.

Бесспорно, языковой материал З. Новотной в целом более достоверен и доказателен, чем у Гао Мин-кая, но оба автора, как правило, оперируют с книжным языком, со словами, заимствованными, нередко случайно, эпизодически, из иноязычных текстов в тексты китайские. В отличие от этих работ в предлагаемой статье характеризуются факты китайской устной речи, рассматриваются заимствованные русские слова, распространенные в китайской речи данного языкового коллектива. Иными словами, З. Новотна и Гао Мин-кай ориентируются на систему китайского литературного языка, тогда как мы ориентируемся на его диалектную подсистему, ибо заимствования, поро-

даемые непосредственным устным контактом двух коллективов, как правило, происходят на уровне диалектов. Так, З. Новотна не приводит в числе заимствований таких русских слов, как *машина*, *плита*, *ведро*, зарегистрированных и китайскими языковедами в качестве заимствованных слов северо-восточных диалектов. Слово *lieba* «хлеб», прочно вошедшее в эти диалекты, Новотна приводит с пометами «изолированное», «неассимилированное», которому в норме соответствует слово *hei mianbao*¹⁰.

С этим различием в характере языкового материала связана, в частности, и такая особенность, как расхождение между общим количеством иноязычных слов, заимствованных в китайский язык, и количеством слов, им освоенных. Большая часть заимствований, приводимых в упомянутых двух работах, так и не вошла в лексический фонд современного китайского языка, тогда как описываемые ниже заимствования из русского языка в устную и письменную (алфавитные тексты) речь китайских иммигрантов в Дальневосточном крае и Сибири входили в свое время в их активный словарный запас.

Описываемые нами языковые факты важны еще в одном отношении. Как известно, различаются два вида заимствований — лексические, при которых слово заимствуется в его иноязычном облике, и семантические, при которых имеет место буквальный перевод слова или словосочетания на заимствующий язык. Применительно к китайскому языку выделение указанных двух видов имеет особо важное значение, и поэтому З. Новотна имела полное основание подчеркивать во вступительной части своего исследования, что одной из ее задач является попытка показать, «почему заимствования и в меньшей степени гибридизация не были в широком масштабе приемлемы для лингвистической системы китайского языка и почему ему пришлось прибегнуть к другим путям образования слепков с иноязычных моделей и к созданию собственной терминологии» [10, 1967, № 4, 616].

З. Новотна считает, что «основные причины, определяющие сравнительно небольшое число интернациональных элементов в китайской лексической системе, коренятся главным образом в лингвистических факторах», к числу которых относится «идеографический характер китайского письма, не способствующий записи желаемых сочетаний фонем и требующий определенных семантических соотношений между графемами и записываемыми морфемами» [10, 1968, № 2, 322]. Там же автор поясняет, что «если язык обладает более легкой системой письма, то его лексическая система становится более открытой, несмотря на типологические различия между языком, заимствующим слова, и языком — их источником. Это лучше всего видно на примере японского языка, в котором слоговая азбука „катакана“ позволяет записывать слова, заимствуемые из европейских языков» [10, 1968, № 2, 322].

Нам кажется малооправданным категорическое утверждение о неприемлемости лексических заимствований для лингвистической системы китайского языка. Мы полагаем — и это является основным тезисом предлагаемой статьи, — что суть дела заключается не столько в лингвистической системе китайского языка, сколько в системе китайской письменности. Там, где письменность не оказывает своего ограничивающего воздействия, т. е. при устном заимствовании, послед-

¹⁰ Для слова *lieba* Гао Мин-кай и З. Новотна дают в качестве китайского эквивалента *hei mianbao* «черный хлеб». Это не совсем так. *Lieba* значит вообще хлебные изделия, в том числе и печеный хлеб. Ср. *lieba quag* «сушка», *lieba gang* «сухари», *putao lieba* «хлеб с изюмом» и, наконец, *hei lieba* «черный хлеб», где начальный согласный «х» русского слова передается китайским слогом *hei*.

нее происходит в довольно широких размерах. И независимо от того, войдут ли подобные заимствования в общее употребление, останутся ли они в пределах диалектной лексики или же вообще исчезнут, они лингвистически примечательны тем, что показывают, насколько повышается способность китайского языка к освоению иноязычной лексики при отсутствии такого препятствующего этому фактора, как иероглифическая письменность.

III

Особенности описываемой языковой ситуации заключались в следующем.

1. Заимствование русских слов в китайскую речь происходило на общем фоне своеобразного двуязычия: китайские эмигранты помимо родного языка владели в разной степени и форме (смешанный китайско-русский диалект, русское просторечие, литературная речь, в единичных случаях владение русской грамотой) языком — источником заимствования. Поэтому следует отличать активный запас русских слов, т. е. подлинные заимствования, от словаря пассивного, т. е. русских слов, известных китайцам, но не употребляемых ими при общении на родном языке.

2. Заимствование происходило на территории распространения языка — источника заимствований. В этом состояло отличие от ситуации, скажем, в Северо-Восточном Китае, где русско-китайские языковые контакты происходили на территории распространения заимствующего языка. Очевидно, аналогией описываемой нами обстановки могли бы служить иноязычные заимствования в язык китайских эмигрантов Индонезии, Малайзии, Тихоокеанского побережья США и т. п.

3. Заимствование охватывало сравнительно узкую область языка. Пополнение китайского языка русскими словами шло, как уже упоминалось, из устной речи в устную же речь, минуя письменный язык как возможную начальную или конечную (закрепление) стадию. Лишь в послереволюционный период отдельные уже освоенные в китайской речи русские слова стали появляться в китайской печати, причем особенно широко использовали русские слова, в частности термины, издания на латинизированном алфавите. Примеры (приведены в орфографии китайского латинизированного алфавита): *Zhungguo kuydi cing-xing* [12, 11.IV.1937] «Положение в советских районах Китая»; *Xyosi sin wenzdi udarnik* [12, 22.I.1936] «Ударник в изучении нового алфавита»; *bolshewikdangdi lingdao zoyng* [12, 7.XI.1937] «руководящая роль большевистской партии»; *peijang kolxoz ganbudi 7 tiandi kurs* [12, 1.IV.1936] «семидневные курсы по подготовке колхозных кадров»; *Womn iao chengwei staxanowzhe* [12, 22.I.1936] «Мы должны стать стахановцами».

Здесь уместно повторить, что в предлагаемой статье рассматриваются только лексические заимствования. Семантические же заимствования (кальки), численно преобладавшие и широко распространенные в 20—30-е годы в советских переводных и оригинальных изданиях на китайском языке, подлежат рассмотрению в специальной работе. В данном случае достаточно будет ограничиться примерами таких новообразований, отражавших новые явления советской действительности:

а) «Переходящее Красное знамя» — «„Pioner“ ginchang zhungguo gungrhen dodeliao liuzhuan xungki» (написание подлинника) — «Китайские рабочие прииска „Пионер“ завоевали переходящее Красное знамя» [12, 4.X.1937].

б) «Машинно-тракторная станция» — «iu gingzhunggizhan (MTS) di

bangzhu zuzhiliao igo...» (написание подлинника) — «с помощью машинно-тракторной станции (МТС) организовали...» [12, 11.IV.1936].

Добавим к этому, что разговорный язык создал ряд китайских наименований новых явлений, общественных институтов, появившихся после утверждения Советской власти на Дальнем Востоке. Примеры: 1) fuqian «отпускные» [сущ.] (от xiefu «отдыхать» и qian «деньги»); 2) bing zir «больничный листок» (от bing «болезнь» и zir «документ, удостоверение, справка»); 3) banggong, zhugong «субботник» (от gong «работа» и bang или zhu «помогать»). Все эти слова не вошли в норму китайского литературного языка, где для них имеются другие соответствия [см., например, 2, 83, 697].

Лексические заимствования распадаются по своей структуре на две группы — простые и сложные. Простые представлены одним компонентом — заимствованным русским словом. Сложные состоят из двух компонентов, сочетающихся по принципу определительной связи, где русское слово стоит на первом месте и выступает в роли определения, обозначающего видовое понятие. Другим компонентом является китайское слово, которое выступает в роли определяемого, передающего родовое понятие. Примеры:

а) malintang «монпансье, леденцы» — из рус. «малинка» (диалектное «монпансье»); ganfeitang «конфеты» — из рус. «конфета»; ilisitang «ирис» — из рус. «ирис» и кит. tang «сахар, конфеты» (определяемое);

б) shuiwozi «водовоз» — из кит. shui «вода» и рус. «воз»;

в) bazashir «базар» — из рус. «база[p]» и кит. shir в том же значении.

Примеры словосочетаний: а) mashili zhen «швейная машина» — из рус. «машина» и кит. zhen — «иголка»; б) cun qian banke «сберкаска» — из китайских слов cun «хранить», qian «деньги» и рус. «банк».

Таких смешанных слов относительно много. Велико их число и среди заимствований, описанных З. Новотной, что и дало ей основание назвать свою работу «Исследование о заимствованных и смешанных (*hybrid*) (подчеркнуто нами.— А. Ш.) словах в современном китайском языке».

Перечисляя лингвистические факторы, ограничивающие лексическое заимствование в современный китайский язык, Новотна ссылается на идеографический характер письменности, «требующей определенных семантических соотношений между графемой и записываемой с ее помощью морфемой» [10, 1968, № 2, 322]. В описываемых нами случаях это соотношение, как правило, не отмечалось. Записывая русские слова иероглифами, грамотные иероглифически информанты подбирали китайские знаки независимо от их значения. Правда, в единичных случаях отмечалось намеренное сопоставление заимствованного или известного русского слова со значением близкого по звучанию китайского слова или словосочетания. Например, русское просторечное «барахолка» — «толкучий рынок, где продаются старые, подержанные вещи» [4, т. I, 89] — ассоциируется с китайским polanho «старье, ветость, лохмотья»; yī budai — рус. «один пуд» — этимологизируется как китайское словосочетание yī «один», bu «материя, полотно», dai «мешок», т. е. как изготовленная из материи тара для сыпучих тел — муки, сахара, крупы и т. п. — вместимостью в один пуд. Иногда слова, где внешняя, звуковая сторона заимствований может быть сопоставлена или отождествлена со словом или словосочетанием китайского языка, дают повод для каламбурного осмысления заимствований. Например, рус. «слава богу» осмысливается как кит. si lang bao hu, что значит «четыре волка охраняют тигра».

Большое лингвистическое значение имеют случаи, где в заимствуемых словах одна из морфем отождествляется с близкой по звучанию и

подходящей по смыслу китайской морфемой. Так, в заимствованном слове *hejajin* — рус. «хозяин» — слог *-ujin* передает русский слог «-ин», но в то же время он может быть осмыслен как слово «человек» в шаньдунском произношении. Любопытно, что китайцы, в диалекте которых слово «человек» звучит *gep* (жэнь), произносили и записывали алфавитом слово «хозяин» как *hegiaghen* (орфография латинизированного алфавита).

Фонетические особенности заимствованных слов в свое время специально не изучались, хотя сами слова записывались в точной фонетической нотации. Очевидно, что эти особенности не отличаются от фонетических особенностей китайско-русского диалекта, кратко охарактеризованных в нашей специальной статье [6, 92—94]. Тем более не приходится говорить о фонетическом взаимодействии русского и китайского языков как результате их контактов.

Из морфологических особенностей следует упомянуть оформление заимствованных слов китайскими модальными частицами *-la* и *-ba*, суффиксом *-di* и послелогом *-li*. Примеры: *shang bazashirla* «на базаре»; *basaoba* «пошел» (побуждение); *hejiba* «иди»; *womn yao yong udarnikdi jingshen ganho* «мы должны работать по-ударному»; *kolhozdi lingdaoze* «колхозные руководители»; *zai tielu sovhozli zuogongdi zhongguo gongren* «китайские рабочие, работающие в железнодорожном совхозе».

Особняком стоят единичные случаи оформления заимствованных глаголов китайскими глагольными суффиксами. Например, заимствованный русский глагол «думать» имеет следующие производные формы: *wo dumuzho* «я думаю»; *bantian dumubuchulai* «ничего не придумал». Сюда же следует отнести оформленное по нормам китайского языка (удвоенное глагола) заимствованное, правда в шутовском употреблении, *sabu-sabu* «проводить собрание».

Подобно заимствованиям в других языках, лексические и семантические заимствования из русского языка в китайский представлены в подавляющем большинстве случаев именами существительными, обозначающими новые предметы, понятия и явления, названия которых в родном языке отсутствовали вообще либо же были неизвестны членам языкового коллектива. Нередко эти названия существовали, даже были известны, но говорящие предпочитали им заимствованные слова.

Что касается состава заимствованных слов, то здесь можно отчетливо различать русские слова, заимствованные китайским языком до и после установления Советской власти. Среди дореволюционных заимствований преобладали элементы бытовой лексики, названия новых предметов, необычных, как таковые, или по своей форме: *weidalo* «ведро»; *bieliqi* «печка, печь»; *sidagan* «стакан»; *binjiake* «пиджак»; *bielida* «плита»; *lieba* «хлеб».

Из слов, характеризующих дореволюционные социальные отношения, были широко известны такие, как *gebidan* — из рус. «капитан» — обращение к мужчине; *madatu* — из рус. «мадам» — обращение к женщине; *ucasir* «участок (полицейский)»; *gelaowu* — из рус. «караульный» в значении «дворник, постовой» и т. п.

Новые социальные условия, сложившиеся после установления Советской власти на Дальнем Востоке, изменили количественно и качественно состав заимствованных русских слов. Многие слова вообще исчезли из активного оборота, а главное, в родной язык китайцев Дальневосточного края вошло много слов, отражавших новые условия работы и жизни китайского населения. Некоторые из таких слов уже упоминались выше, и здесь достаточно перечислить новые русские слова, ко-

торые в той или иной форме (лексические, семантические заимствования, гибридные слова) вошли в китайскую устную и частично письменную речь:

Артель	Курсы	Путевка
Больничный лист	Мастер	Совет
Бригада	Местком	Совхоз
Бригадир	Партия	(Проф)союз
Колхоз	Прогул	Ударник
ЦРК (Центральный рабочий кооператив)	Цех	Шеф

ЛИТЕРАТУРА

1. Китайско-русский словарь (под ред. И. М. Ошанина), М., 1955.
2. Новый русско-китайский словарь (под ред. Лю Цзе-жуна), Пекин, 1959.
3. Орфографический справочник латинизированной транскрипции китайских иероглифов, М., 1932.
4. Толковый словарь русского языка (под. ред. Д. Н. Ушакова), т. I, IV, М., 1935, 1940.
5. Ш прин цин А. Г. Интересный документ,— «Народы Азии и Африки», 1962, № 2, стр. 129.
6. Ш прин цин А. Г. О русско-китайском диалекте на Дальнем Востоке,— сб. «Страны и народы Востока», вып. VI, М., 1968, стр. 86—100.
7. Яковлев Л. М. Заметки об «изучении» русского языка китайским простонародьем,— «Записки Харбинского общества естествоиспытателей и этнографов», 1946, № 1, стр. 35—36.
8. Гао Мин-кай хэ Лю Чжэнь-тань, Сяньдай ханьюй вайлайцы яньцзю (Исследование заимствованных слов в современном китайском языке), Пекин, 1958.
9. Гоцзяопай чжи гаобай (Программа коммунистической партии), [б. м.], [б. г.].
10. Novotna Zdenka Contribution to the study of loan-words and hybrid words in Modern Chinese,— «Archiv Orientalny», 1967, vol. 35, № 4, стр. 613—647; 1968, vol. 36, № 2, стр. 295—325; 1969, vol. 37, № 1, стр. 48—75.

Газеты

11. Gongren zhi lu («Рабочий путь»), орган Далькрайкома ВКП(б) и Далькрайсовпрофа, 1.IV.1931; 23.VI.1931.
12. Yngxu sin wenz («За новый алфавит»), учебно-политическая газета Дальневосточного комитета нового алфавита для малограмотных китайских трудящихся.

Е. И. Лубо-Лесниченко

ЖАНЬЦЗЕ — ТЕХНИКА ОКРАШИВАНИЯ ТКАНЕЙ В СРЕДНЕВЕКОВОМ КИТАЕ

Термин «жаныцзе»¹, употребляемый в старых китайских текстах, можно перевести как «узоры краской», или же более многословно и более точно: «орнамент, полученный погружением в красящую жидкость». Это понятие значительно шире, чем соответствующий ему в русском языке термин «набойка», так как оно включает в себе разнообразные технические приемы.

К сожалению, литература, посвященная тканям «жаныцзе», крайне незначительна, и вся известная нам библиография по этому вопросу насчитывает не более пяти-шести названий. Сюда входят статьи Т. Курогава [15] и Шэн Цун-вэня [14], а также работы Т. Картера и Л. Гудрича [17], Г. Одсли [16] и авторов двухтомника, посвященного тканям Сёсоина [19]. Ценные данные по истории «жаныцзе» содержат такие документы, как «Шиу цзиюань» («Источник сведений о вещах») [3], написанный в сунский период Гао Чэном, и соответствующие разделы энциклопедий «Тайпин юйлань» [4] и «Тушу цзичэн» [8].

Вместе с тем несомненно, что разработка истории производства тканей «жаныцзе», игравших значительную роль в текстильном производстве средневекового Китая, важна с нескольких точек зрения. Методы окраски и травления, употребляемые технологические приемы нанесения орнамента и т. п. представляют несомненный интерес для истории техники. При изучении развития орнамента нельзя пройти мимо специфики набивных узоров и их связи с другими видами прикладного искусства. «Жаныцзе» заслуживает внимания и как интересное явление в истории культурных взаимоотношений. Появившись в Китае под влиянием извне, производство «жаныцзе» пережило период расцвета, а затем за сравнительно короткий срок оно по каким-то причинам пришло в упадок. Любопытна и близость технологических процессов блоковой набойки и книгопечатания, на что уже обращали внимание Т. Картер и Л. Гудрич [см. 17, 193—201].

На основании данных письменных источников и археологического материала в настоящее время можно установить два пути проникновения приемов «жаныцзе» в собственно Китай: южный, а в более позднее время — западный.

Первое упоминание о набивных тканях в китайских письменных источниках следует, вероятно, отнести к ханьской эпохе (III в. до н. э.— III в. н. э.). В текстах этого времени, описывающих юго-западные на-

---

¹ Здесь мы даем чтение первого иероглифа «жаны», как более правильное [см. 17а].

роды, жившие на территории современной провинции Юньнань, рассказывается, что там изготавливались ткани «бодэ» и «лангань». «Эти ткани изготавливались из хлопка и, по-видимому, покрывались узорами краской» [14, 13]². Подтверждением этому может служить текст «Истории поздней Хань» («Хоуханьшу»), где говорится, что в стране Айлао «умеют окрашивать в различные цвета и делать вышивки с орнаментом. У них есть ткани цзидо, бодэ, тонкая ткань лангань и чжичэн, которые имеют облик камки и узорных полихромных тканей» [9, цзюань 116, 8-а]. Сходное сообщение содержит и письменный источник III в. н. э. «Уши вайго чжуань» («Описание внешних стран во время У»), сохранившийся к настоящему времени лишь в отрывках: «Женщины страны Чжубо изготавливают узорные ткани бодэ» [цит. по: 4, цзюань 820, 3653]. Наконец в упомянутой выше книге Гао Чэна со ссылкой на более старый источник «Эрйи шилу» («Подлинные записи о небе и земле») говорится, что техника «жаньцзе» в Китае «стала известна в периоды Цинь — Хань, но кто ее изобрел — неизвестно» [3, 6].

Эти письменные сведения в последнее время нашли себе подтверждение и в археологическом материале. Так, среди находок в Чанша, датированных началом Ханьского времени, был обнаружен шелковый платок, покрытый набивным орнаментом, к сожалению, ввиду плохой сохранности неразборчивым [10, табл. XXI, 5].

Другой путь распространения техники «жаньцзе» шел с Запада. Вероятнее всего, что эта техника проникла в Северо-Западный Китай из Индии по Великому Шелковому пути. Первые сведения, говорящие о распространении «узоров краской» в этом районе, датируются уже послеханьским временем (III—V вв.). Интересные данные по этому поводу содержатся в «Сихэ цзи» («Записках уезда Сихэ»), сохранившихся в сунской энциклопедии «Тайпин юйлань»: «В уезде Сихэ³ не разводят тутовых деревьев и шелковичных червей. Женщины там носят нижнее платье с „узорами краской“ лазурного цвета, поверх которого надевают юбку из тонкой полотняной ткани. Те же, кто имеет привычки жунов и ди, носят кофту и штаны с красной набойкой, а также употребляют для штанов и кофт узорную парчу из других стран» [4, цзюань 814, 3618]. Среди других литературных свидетельств о распространении тканей «жаньцзе» в IV—V вв. в Северном Китае можно упомянуть данные «Хоувэйшу» («История поздней Вэй»), где рассказывается о том, как некий Лю Тэн, для того чтобы получить пост цыши уезда Аньчжоу, дал в виде взятки 400 кусков красной набойки [см. 4, цзюань 814, 3618].

К этим данным можно прибавить сведения, содержащиеся в «Соушэнь хоуцзи» («Дополнительные записки о поисках духов»), написанной, вероятно, в IV—V вв. Там упоминаются две красавицы, одетые в кофты, украшенные красной набойкой⁴. Дополнительные сведения о распространении тканей «жаньцзе» в Северном Китае в IV—V вв. дает С. Курогава, который считает, что упоминаемые в «Бэй чжи» («Описание северных стран») ткани «баньбу», т. е. «ткани с орнаментом в виде полос», — это не что иное, как блоковая набойка [15, 2]. Вероятно, с этими тканями можно отождествить ткань с набивным орнаментом в

² Подробный разбор значения терминов «бодэ» и «лангань» с приведением многочисленных текстов см. [8, 442—456].

³ Уезд Сихэ расположен на территории современной провинции Шаньси.

⁴ Приведем этот интересный текст: «Хуайнанский Чэнь сажал на огороде бобы и вдруг увидел двух красавиц, одетых в кофты с красной набойкой и зеленые юбки. Пошел дождь, но их платье не вымокло. У него на стене висело зеркало. Он посмотрел в него и увидел двух оленей» [5, 105].

виде полосок, найденную в Северо-Западном Китае в погребении периода Цзинь (265—419 гг.) [14, 13].

Таким образом, появившись в первые века н. э. в результате контактов Китая с южными и западными соседями, ткани «жаньцзе» уже в период Южных и Северных династий (III—VI вв.) получают достаточно широкое распространение. В «Эрйи шилу» говорится, что «в периоды Лян (502—555 гг.) и Чэнь (557—587 гг.) „жаньцзе“ повсеместно носили как знать, так и простой народ» [3, 20-а]. В сунское время (589—617 гг.) ткани с узорами краской становятся модными при дворе и, по словам «Чжунхуа гуцзиньчжу» («Комментарий к древности и современности в Китае»), «во время Дае (605—617 гг.) изготавливали юбки из узорного газа с разноцветной блоковой набойкой, для того чтобы дарить их придворным дамам, а также матерям и женам чиновников» [13, цзюань 10, 6].

Танское время (618—906 гг.) — это период расцвета техники «жаньцзе», когда наиболее полно проявились ее технические и художественные возможности.

В связи с очень малым количеством имеющегося у нас материала говорить о технике «жаньцзе» в Китае на первых этапах ее развития преждевременно. Лишь начиная с танского времени мы в этом вопросе становимся на более твердую почву. На основании письменных источников и анализа вещественного материала из Сёсоина, Дуньхуана и Восточного Туркестана можно установить, что в танское время существовало три различных метода изготовления «узоров краской»: восковой, блоковый и узелковый.

По-видимому, самым древним и традиционным является «лацзе» («узоры воском»). При этом методе воск в соответствии с рисунком накладывали на ткань, и ткань погружалась в красильный чан. После окраски воск удалялся, оставляя необходимые части ткани неокрашенными. Если была необходима двуцветная окраска, то операция повторялась. Дошедшие до нас ткани свидетельствуют, что обычно преобладала одноцветная или двуцветная окраска. В три цвета окрашивались лишь немногие дошедшие до нас образцы, так называемые саньбаоцзе в старых китайских текстах. Изучение восковой техники привело к заключению авторов «Ткани Сёсоина», что тройная окраска, вероятно, была пределом, так как при смешении большого количества красок ткань делается почти черной [19, vol. 2, XXXIII]. В связи с этим указание Шэнь Цун-вэня, что ткани окрашивались 4—5 раз [14, 13], по-видимому, не соответствует действительности.

Изучение образцов из Дуньхуана и Сёсоина свидетельствует, что воск наносился на ткань обычно при помощи штампов⁵. Иногда орнаменты наносились на лицевую и обратную стороны ткани, создавая сложный рисунок. Для многих образцов в технике «лацзе» характерен крупный рисунок — чаще всего головки цветов. Такое предпочтение крупным деталям было вызвано, очевидно, стремлением предупредить смешение красок.

Другим методом, получившим самое широкое распространение в танском Китае, была блоковая набойка — «цзяцзе».

Подобно восковой, блоковая набойка также, по-видимому, проникла в Китай с Юго-Запада. Интересные сведения по этому поводу сообщаются в источнике «Линвай дайда». «Яосцы,— говорится в нем,— употребляют ткани с узорами, выкрашенные индиго. Орнамент их очень

⁵ Ярким примером этого может служить хранящаяся в Эрмитаже ткань из Дуньхуана — ДХ-162.

тонкий. По их методу берут доски, вырезают тонкие украшения и зажимают этими досками ткань. Расплавленный воск наливают в вырезанные отверстия. Затем сжимают доски, берут ткань и кидают в синюю краску. После того как ткань воспринимает индиго, ее варят и снимают воск. В результате ткань покрывается тонкими пятнистыми узорами и становится очень красива. Поэтому нет лучше набоек с узорами, чем у яо» [12, 83—84].

Судя по описанию, этот способ не является блоковой набойкой, а скорее переходным к ней от «узоров воском». Попав в Китай, этот метод подвергся различным техническим усовершенствованиям. Самое раннее упоминание об этом мы находим в уже называвшихся «Подлинных записках о небе и земле»: «Набивные ткани, употребляемые в дворце суйского Вэнь-ди (589—605 гг.), отличались от распространенных повсеместно. Кроме того, там делались украшенные маленькими цветами узорные набойки, которые употреблялись для халатов. Император Янь-ди (605—617 гг.) издал указ, по которому как дворцовым, так и недворцовым чиновникам было разрешено эти набойки употреблять» [3, цзюань 10, 20-а].

Очень интересные материалы об усовершенствовании блоковой набойки в танское время содержит письменный источник «Тан юйлинь» («Собрание танских бесед»). «Во время правления Сюань-цзуна (712—756 гг.), — сообщает он, — младшая сестра фаворитки Лю рекомендовала двору Чжао-ши, который обладал прозорливым и изобретательным умом. Ему повелели вырезать на доске различные цветы и образы, для того чтобы изготовить блоковую набойку. Впоследствии фаворитка преподнесла ее ко дню рождения императрицы Ван. Император увидел эту набойку и оценил ее. После этого он повелел изготовлять подобные во дворце. В то время это было очень сокровенно, а затем постепенно распространилось по всей Поднебесной» [2, 14 а].

При блоковой набойке ткань зажималась между двумя досками: гладкой и с вырезанным орнаментом. Через отверстия в доске ее покрывали соответственно намеченному узору смесью из бобового отвара с известью, игравшей роль травителя, и затем опускали в красильный чан. После промывки краска удерживалась лишь на протравленных местах, а на остальной части ткани она смывалась [14, 14]. Для получения белых узоров на цветном фоне употребляли воск. Хранящаяся в Эрмитаже блоковая набойка из Дуньхуана (ДХ-184) свидетельствует, что число красок может достигнуть семи. Наблюдения над тканями из Сёсоина и Дуньхуана позволяют установить, что они перед окраской складывались вдвое или вчетверо, в результате чего рисунок получался симметричным или состоящим из четырех подобных секторов. Относительно методов, употребляемых для окраски ткани в несколько цветов, существует две точки зрения. Согласно одной из них, для каждой окраски использовалась своя пара досок. По другой — доски не менялись, а различные краски наливались через соответствующие отверстия, согласно задуманному рисунку. Однако характерная черта блоковой набойки — наличие перегородок — клаузонов, служащих для того, чтобы краски не смешивались между собой, является, очевидно, серьезным доводом в пользу второго предположения.

«Цзяоцзе» («узелковый узор») — это третий и более простой по сравнению с предыдущими метод. Он заключался в том, что в нужных местах ткань сшивали или завязывали узелками, для того чтобы во время окрашивания туда не проникла краска. После окраски ткань сушилась, срезались нити-скрепы, и на окрашенном фоне выделялись узоры. Естественно, что при этой технике они были сравнительно просты — ром-

бики, так называемый икряной орнамент в виде точек, «агатовые» узоры в виде полосок, «плоды оленя» в виде пятнышек и т. д. Таким образом обычно окрашивались ткани, предназначавшиеся для домашнего обихода, а не для продажи.

Как свидетельствуют исследования китайских и японских специалистов, для тканей «жаныцзе» употреблялись те же краски, что и для всего текстильного производства. В красный цвет окрашивали мареной (*Rubia asapa*), цветами растения цзывэй и хунхуа (*Carthamus tinctoris*). Желтый цвет достигался при помощи чжицзы (*Gardenia jasminoides*), хуанби (*Phellodendron amurense*) и иань (*Miscanthus tinctoris*). Для окраски в пурпуровый цвет употребляли суфан (*Caesalpinia sappan*), который начиная с сунского времени привозили из южных стран, а в синий — индиго. При помощи сянь (*Quercus aromatica*) и фын (*Syzygium aromatica*) окрашивали в различные оттенки коричневого цвета [см. 19, в. II, XXXIV; 15, 15].

Интересно отметить, что в танское и сунское время продолжали употреблять красители, бытовавшие в Китае с глубокой древности⁶.

О широком распространении «узоров краской» в быту в танское время ярко свидетельствуют многочисленные упоминания о них в литературных произведениях того времени. Так, в стихах великого танского поэта Бо Цзюй-и неоднократно воспеваются «блоковые набойки из Чэнду». Набойки неоднократно описываются и в танских рассказах «сяшо». Типичным примером таких рассказов может служить текст в «Юньсянь саньцзи» («Рассеянные записки из Юньсяня»), где говорится, что «в гаремах у Го Юаня и Чжэнь Ло-мэя находилось по несколько десятков рабынь. Когда приходили гости, то все они надевали халаты с набойкой в виде уток „юань-ян“, и потому составляли единообразную группу» [цит. по 14, 14].

Можно также упомянуть рассказ «Фань-ши цзивэнь» («Сведения, записанные господином Фань»), где рассказывается, что «на второй год под девизом правления Баоин (762 г.) была раскрыта могила императрицы У-хоу (684—705 гг.). В ней были обнаружены шелковые ткани с изображением цветов и птиц, как на набойках» [цит. по: 3, цзюань 10, 8-а].

С не меньшей убедительностью о популярности «узоров краской» в то время говорит и изобразительный материал. На многих танских статуэтках одежда украшена орнаментом, передающим технику «жаныцзе». Примером этому могут служить статуэтки монахов и буддийских божеств из Дуньхуана, хранящиеся в Эрмитаже (ДХ-4; ДХ-6). Та же картина и в настенной росписи дуньхуанских пещер, где изображались буддийские божества и светские персонажи, раскраска одежды которых передает набивной орнамент. Это так называемые соединенные клетки на женских одеждах, узоры «водяное поле» на одеждах архатов и т. д.;

Представление о том, какое место занимала набойка в общем производстве художественных тканей танского времени, может дать нам гробовая коллекция тканей из Сёсоина, насчитывающая более 100 тыс. образцов. В 1963—1965 гг. в Японии был выпущен большой двухтомник «Ткани Сёсоина» [19]. Из всех отобранных для издания 218 орнаментальных тканей (полихромные узорные ткани, различные виды камок, газовые ткани, протогобелены и т. д.) 56 составляют набойки. Вероятнее всего, это соотношение отражает действительную картину художественного текстильного производства того периода.

⁶ Относительно употребляемых красителей в древнем Китае см. [1, 20—25].

Главное отличие тканей с «узорами краской» состоит в их специфической и яркой цветочной гамме. Вероятно, эта резкость и яркость тонов наряду, конечно, со сравнительной легкостью изготовления и сделали ткани «жаньцзе» столь популярными в то время в Китае, Японии и Центральной Азии.

Данных по интересующему нас вопросу за сунский период (960—1280 гг.) значительно меньше, хотя по времени он ближе к нам, чем танский. Это связано прежде всего с тем обстоятельством, что от сунского времени тканей «жаньцзе», как и тканей вообще, сохранилось крайне мало, и основные сведения о них мы можем получить лишь из письменных источников. Последние свидетельствуют, что в сунское время происходит медленное и постепенное угасание техники «жаньцзе». Однако в этот длительный промежуток времени указанный процесс отнюдь не был простым и прямолинейным.

В первую половину сунской эпохи — период Северной Сун (960—1126 гг.) — производство тканей с «узорами краской» продолжалось в широких масштабах. К этому времени относятся первые дошедшие до нас сведения о специальных мастерских, изготавливающих эти ткани для рынка. Одно из таких упоминаний содержится в книге Чжан Ци-сяна «Лоян цзиньшэнь цзюэнь» («Старые записки лоянского чиновничества»), где говорится: «В начале периода Кайбао (968—975 гг.) в мастерской Сянсян жил красильщик по имени Ли. Он мог изготавливать ткани с „узорами краской“. В народе его прозвали Ли-красильщик» [11, 37]. Упоминания о специальных лавках, торгующих набойками «жаньцзе», встречаются и в «Сунши» («История Сун»). Шэнь Цун-вэнь отмечает, что в работах знаменитого сунского философа Чжу Си встречаются нападки на Тан Чжун-вэня, который предоставлял казенные доски для окраски шелковых тканей частным лицам [14, 15]. О широком распространении набоек говорит и тот факт, что они использовались не только в быту, но и для изготовления военных одежд⁷.

В сунское время продолжается совершенствование техники «жаньцзе». Согласно старому источнику, цитируемому в «Тушу цзичэн», новый тип тканей с «узорами краской» — «яобаньбу» — изготовлялся в уездах Цзедин и Аньдин. Этот метод был изобретен семьей Гуй в годы Цзядин (1208—1224 гг.). При нем «брали ткань, покрывали известью и красили в зеленый цвет. Затем ждали высыхания и стряхивали известь. После этого зеленый и белый цвет чередовались, образуя на ткани изображения людей, животных, цветов, птиц и изречения. Такие ткани служили для покрывал и занавесей» [8, цзюань 681, 14-6].

Употребление новых красителей и совершенствование технических приемов вызвало изменение цветовой гаммы на набойках сунского времени. Интересные сведения по этому поводу находятся в книге Тао Гу «Цин шэн лу»: «Во время Сяньдэ (954—959 гг.) была создана многослойная набойка с глубоким черным фоном и узорами темно-желтого цвета. Эрбулань Чунь-да любил пускать пыль в глаза. Но поскольку его семья обеднела, он продал лютню-цин и мечи, для того чтобы изготовить такие занавеси с набивным орнаментом» [6, 18].

И тем не менее наряду с усовершенствованием методов изготовления набойки, как уже отмечалось выше, в сунском Китае производство ее постепенно сходило на нет. Причины этого сложны и не совсем ясны. Большую роль сыграла длительное время проводившаяся двором политика, направленная на сокращение и даже запрещение изготовления на-

⁷ Первые сведения об этом относятся к танскому времени. По данным «Сунши», этот обычай был широко распространен в сунском Китае.

боек. Вот несколько примеров. В императорском указе от 4 г. Цинли (1046 г.) предписывалось «сократить производство набивных тканей „плод оленя“» [7, цзюань 175, 1317]. В аналогичном документе от 2 г. Чжэнхэ (1112 г.) говорилось: «В парке императрицы изготавливаются набивные шелковые ткани. Со времени Юаньфэн (1078—1085 гг.) были установлены армейские походные знаки и солдатская одежда. Для того чтобы избавиться от подделок, прекратить изготовление тканей „жаньцзе“ у простого народа, приказываем кайфынскому управлению прекратить их производство и приезжим купцам не разрешать торговать досками для набоек» [7, цзюань 153, 1127]. Указ от 2 г. Тяньцзин (1196 г.) гласил: «В столице ученые и простонародье не должны носить одежду темного и коричневого цветов с большими узорами, а также с фоном синего, желтого и красного цветов и с узорным набивным орнаментом „пятен сборки“». Повелеваем полностью прекратить производство этих тканей в Кайфынском округе» [7, цзюань 175, 1317]. В другом указе приказывалось: «Повелеваем ткацкому управлению Сычуани и Шэньси начиная с настоящего времени не снабжать войска такими тканями, как парча, камка, набивные ткани „плод оленя“, ткани „тоубэй“, „люшу“, „чичжэн“, „чуймян“ и др. Следует также прекратить их изготовление» [7, цзюань 175, 1317].

Кроме этого, сокращению производства набойки способствовало, вероятно, и изменение вкусов сунского общества. По-видимому, набивные ткани с яркими, резкими цветами, так привлекавшие танских китайцев более не соответствовали духу времени, и спрос на них падал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лубо-Лесниченко Е. И. Древнекитайские шелковые ткани и вышивки, Л., 1960.
2. Ван Цзинь, Тан юйлинь (Сборник танских бесед), Шанхай, 1937.
3. Гао Чэн, Шю цзюань (Источник сведений о вещах), Наньчан, 1448.
4. Ли Фан и др. Тайпин юлань (Высочайшее обозрение в годы Тайпин), Пекин, 1957.
5. Соушэнь хоуцзи (Дополнение к запискам о поисках духов), Шанхай, 1936.
6. Тао Гу, Цин шэн лу, Шанхай, 1937.
7. То То и др. Суншу (История Сун), Шанхай, 1935.
8. Тушу цзичэн.
9. Фан Хуа и др. Хоухань шу (История Поздней Хань), Шанхай, 1935.
10. Чанша фацзюэ баогао (Отчет о раскопках в Чанша), Пекин, 1958.
11. Чжан Ци-сян, Лоян цзиньшэнь цзюэнь (Старые записки о лоянском чиновничестве), Шанхай, 1939.
12. Чжоу Цюй-Фэй, Линвай дайда, Пекин, [б. г.].
13. Чжунхуа гуцзиньчжу (Комментарий к старому и новому в Китае), Шанхай, 1937.
14. Шэнь Цун-вэнь, Тань жаньцзе (О набойке), — «Вэнь», 1958, № 9, стр. 13—15.
15. Курогава Т. Кодзе рокодзёко (О набойке), — «Кокка», 1926, № 12, стр. 1—5.
16. Audsley G. The ornamental Arts of Japan, Paris, 1898.
17. Carter T., Goodrich L. The invention of printing in China and its spread Westward, N.-Y., 1955.
- 17a. Lubo-Lesnichenko E. I. Liantze: A Textile-Coloring Technique of Medieval China, — сб. «Countries and Peoples of the Pacific Basin». Moscow, 1971, стр. 65—68.
18. Pelliot P. Notes on Marco Polo, v. I, Paris, 1959.
19. Textiles of Shosoin, v. I, II, Tokyo, 1963—1965.

М. Ф. Чигринский

ИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И ЭТНОГРАФИИ ТАЙВАНЯ

Источники по географии и этнографии Тайваня скудны и недостаточны.

По данным некоторых исследователей, этот остров в течение нескольких регрессивных периодов эпохи плейстоцена являлся частью Азиатского материка с аналогичной флорой и фауной¹. Об этом свидетельствуют кости плейстоценовых животных — такие же, как в континентальном Китае, а также на Филиппинах, Яве, Ланьюе (Ботель-Тобаго) и других островах Южных морей. Археологи полагают, что между всеми этими районами существовали сухопутные связи и плейстоценовый человек мог мигрировать, подобно стегодоновой фауне, из Южного Китая на Тайвань [24, 203—204]. Что касается связей Тайваня с архипелагом Рюкю и о-вом Кюсю, то пока этот вопрос мало изучен [24, 197].

По мнению специалистов, Тайвань в этническом отношении связующее звено между материком Восточной Азии, с одной стороны, и Индонезией, Микронезией и Полинезией — с другой [24, 197].

Проблема заселения острова не решена окончательно, но давно ясно, что его древнейшим населением являлись негро-австралоидные племена, обитавшие также и в других районах Юго-Восточной Азии в эпоху палеолита [8, 8; 23а, 444]. Позднее туда мигрировали азиатские племена монголоидного происхождения, но маршрут их движения неизвестен. Существует несколько гипотез по данному вопросу. По мнению Ч. Линя, существовали сухопутные мосты между материком, Тайванем и островами Южных морей. По ним и проходило заселение этого района со стороны Азиатского континента. При этом Линь опирается на палеонтологические данные, подтверждающие его концепцию [24, 203—213].

Н. Н. Чебоксаров, Р. Ф. Итс, Лянь Хэн, Ян Чэн-чжи также согласны, что заселение Тайваня шло с материка, но не говорят о существовании между ними сухопутной связи. Все эти ученые опираются на результаты антропологических, археологических и лингвистических исследований [8, 8; 1, 26; 11; 19; 4, 6—7; 5, 603]. Однако есть и другая точ-

---

¹ Вместе с тем тайваньская фауна имеет и свои особенности. Несомненный интерес представляет чешуйчатый муравьед (*Manis longicauda*) [25, 77], поразивший европейцев, посетивших Тайвань в XVII в. Они называли это животное тайваньским чертом. Шотландец Д. Райт рисует его так: «Живет там тайваньский черт. Животное в один локоть длины, пять дюймов ширины. Тело чешуйчатое, как у рыбы. Длинная, узкая голова. Хвост длинный. Когда голоден, подходит к муравейнику и языком вытягивает муравьев. Живет в Азии только на Тайване» [22, 9].

ка зрения. Так, Н. В. Кюнер и Ши Мин предполагают, что миграционный поток двигался с юга через Индокитай, Малакку, Индонезию, Филиппины. Ши Мин считает, что южные монголоиды передвигались морским путем, а Н. В. Кюнер — сухопутным. Вместе с тем Н. В. Кюнер писал о возможности одновременного заселения Тайваня полинезийскими и микронезийскими племенами со стороны Тихого океана. На острове мигранты встречались, и между ними происходило постепенное смешение [19, 9; 2, л. 4; 3, л. 22]. Вероятнее всего, эти гипотезы не исключают, а дополняют друг друга. Одно направление миграционного потока монголоидов могло идти по суше со стороны континента, а другое — также сухопутным путем с юга, т. е. через Индокитай, Индонезию, Филиппины. Обе миграционные волны сливались на Тайване, где дополнялись полинезийскими и микронезийскими элементами, проникавшими на остров морским путем. Австралоиды ассимилировались пришельцами. Антропологические исследования показали наличие у гаошань малайских и негроидных признаков. У племени бунун, в частности, преобладают последние. Известно также, что китайцы встречали негроидов на Тайване еще сто лет назад² [20, 33].

Письменные известия о продвижении на Тайвань протомалайцев касаются борьбы княжества Чу [740—330 гг. до н. э.] с протомалайцами Юэ. Разгромленные войсками Чу, последние отступили на Тайвань, где и поселились [11, 1—2; 1, 26]. Данное сообщение подтверждает мнение о родстве туземцев Западного Тайваня и мяо, считающихся близкими Юэ [20, 29; 8, 8]. Эта же информация, а также археологический материал доказывают, что китайцам Тайвань был известен уже в то время. Остров использовался как перевалочная база в торговле Китая со странами Южных морей еще в период Шань — Инь (1766—1122 гг. до н. э.) [26, 224]. Первые письменные упоминания о пребывании китайцев на Тайване встречаются в «Хоуханьшу»³. В ней Тайвань называется Дунти. Сообщается, что император Цинь Ши-хуанди направил туда мага Сюй Фу с несколькими тысячами подростков обоего пола искать эликсир бессмертия. Маг не нашел эликсира и, испугавшись казни, обосновался на острове вместе со спутниками. Их потомки якобы остались там жить. Жители прибрежной полосы торговали с островитянами. Иногда к ним попадали занесенные ветром и течением рыбаки. Согласно «Хоуханьшу», «в море было двадцать государств и еще Ичжоу и Чаньчжоу» [15, 2822]. Вероятно, название «Ичжоу» первоначально относилось к известной китайцам части Тайваня, а затем было перенесено на весь остров. Это же указание «Хоуханьшу» касалось, по-видимому, не только Тайваня, но и островов Пэнху, известных в эпоху Троецарствия [220—280 гг. н. э.] как Фанкунь [11, 2]. К эпохе Троецарствия относится также попытка правительства княжества У найти исчезнувших искателей эликсира бессмертия. На Ичжоу, или, как его еще называли, Инчжоу⁴, отправилась экспедиция из десяти тысяч воинов под командованием Вэй Вэна и Чжугэ Чжи. Добравшись до Ичжоу и никого не обнаружив, экспедиция вернулась обратно. Из краткого этнографического и географического описания Ичжоу ясно, что речь шла именно о Тайване [11, 2].

² Г. Г. Стратанович сообщает также о типе, близком к американскому, у племени Амэй [6, 117].

³ Чжай Чэн-кан считает, что впервые Тайвань упоминается в «Шуцзин», в гл. «Юйгун» [20, 26]. Там действительно говорится об «островных дикарях», но из текста не следует, что речь идет именно о тайваньцах [16, 4].

⁴ Название «Инчжоу» связано с легендой о существовании трех священных гор в море: Пэнлай, Фанчжи, Инчжоу. Пэнлай идентифицируется с Рюкю, Инчжоу — с Тайванем, а Фанчжи, возможно, с Фанкунь — Чаньчжоу — Пэнху.

Значительно больше сведений об этом острове содержится в «Суйшу». Они были получены в результате походов суйских войск на Тайвань в 606 и 608 гг. Известный историк Ма Дуань-линь поместил эти материалы в своем труде [12, 2569—2570]. На них ссылались синологи различных стран [28, 165—215; 3, 21, 2].

В «Суйшу» дается новое наименование Тайваня — Люцю. С этого момента остров упоминается также как Большой или Малый Люцю, а иногда как Фаньдао [Остров варваров]. По свидетельствам голландцев, китайцы предпочитали первое название, а испанцы и португальцы — второе [28, 170—173]. По поводу этих названий на грани XIX и XX вв. шла оживленная полемика. Шлегель и Эмбо-Юар считали, что Тайвань — Люцю или Большой Люцю. Им возражал Рисс, доказывавший, что Тайвань — Малый Люцю [27, 414].

В 40-х годах нашего века Лянь Хэн самостоятельно пришел к выводам, подтверждающим правоту Шлегеля и Эмбо-Юара [11, 2].

Обитателей Тайваня китайцы также называли люцю. Вероятно, этот термин имел собирательное значение и являлся китайской транскрипцией местного названия⁵.

По своему внешнему облику люцю напоминали китайцам «ху» — северных «варваров», т. е. тунгусов или уйгур [13, 481]. «Эти люди имеют глубоко сидящие глаза и длинные носы», — говорится в «Суйшу» [13, 481]. Поскольку китайцы всех «варваров» рисовали подобным образом, трудно поверить авторам «Суйшу». Основным занятием люцю было земледелие. После выжигания леса на обрабатываемом участке проводили оросительную канаву. Затем каменными орудиями вручную обрабатывали землю. Тягловый скот на Тайване полностью отсутствовал. Из домашних животных упоминаются только свиньи и куры, хотя авторы III в. называли также собак [13, 481].

Суйские хронисты упоминают о двух типах поселений у островитян. Существовали поселения обычного типа, т. е. деревни, и пещерные поселения. В пещерах располагались только воины. Возможно, речь идет о специфической форме мужских союзов. Однако в «Суйшу» об этом прямо не говорится⁶. В источнике нет никаких данных и о жилищах островитян. Питались люцю рисом, просом, бобовыми. Соль получали, выпаривая морскую воду в деревянных корытах. В пищу использовали и древесный сок. Ели руками. Особым деликатесом считалось вино, закуску для которого делали из риса. Голландцы даже сравнивали это вино с рейнскими и испанскими винами [22, 3—4].

Немного узнаем мы и об одежде аборигенов. Известно только, что она делалась из коры дерева доу-лоу и перьев различных птиц. У мужчин одежда ограничивалась, вероятнее всего, головным убором, о чем позднее писали голландские миссионеры [22, 3]. Женщины носили на голове платки из белой материи, повязывая их на лбу узлом. Украшениями у люцю служили жемчужные раковины, перья, браслеты, ожерелья. Мужчины предпочитали перья красного цвета. Расцветка украшений менялась в зависимости от праздников. Существовал обычай татуировки. Согласно «Суйшу», замужние женщины покрывали себе руки изображением змей и насекомых. Мужчины удаляли волосы на лице и на теле специальными инструментами⁷.

⁵ По голландским сообщениям, туземцы называли себя лувани или лонкиус (Iuvani, Lonkius). Одна из тайваньских общин до сих пор именуется (в разных транскрипциях) Лионгкiao, Лонкиу (Liongkiao, Lonkiu) [14, 298]. Позднее китайцы называли тайваньцев, живших на побережье, пинлу, а в горных районах — гаошань.

⁶ Наличие пещерных поселений на Тайване подтверждено археологическими раскопками [24, 204].

⁷ Голландцы отмечают то же самое [22, 3].

«Суйшу» не дает ясной картины социальной организации у люцю. Во главе люцю стоял верховный вождь (ван) Хуан Сы (Кэ Ци-доу), называемый соплеменниками Кэлаоян. Вождю подчинялись четыре или пять военачальников, командовавших отрядами воинов, располагавшимися в многочисленных пещерах. Кроме того, в каждой пещере и в каждом селении существовали свои начальники. Ими становились самые лучшие воины.

Власть Кэлаояна, военачальников, начальников пещерных отрядов и деревень подчеркивалась внешними атрибутами. Верховный вождь имел в районе Болотань дворец⁸. Его окружали небольшая свита и охрана, одной из обязанностей которой было носить вождя на плечах. Кэлаоян восседал на троне, стилизованном под изображение зверя. Аналогичным правом пользовались и военачальники. Только размеры их тронов были поменьше. Символами власти начальников пещерных отрядов и деревень являлись головные уборы из птичьих перьев.

Вместе с тем «Суйшу» сообщает: «Нет у них никаких налогов и запасов, но есть общий сбор... со всех поровну... Они обсуждают дела деревни совместно, сидя вокруг дерева» [13, 480].

Суд осуществлялся на основании обычаев. Обвиняемого судил начальник деревни. Осужденный имел право апеллировать к верховному вождю, решение которого было окончательным. Тюрем не было. Существовали телесные наказания и смертная казнь.

В целом перед нами, видимо, специфическая форма военной демократии, когда государство еще не сложилось.

Военному делу у люцю «Суйшу» уделяет большое внимание.

Вооружение воинов состояло из луков, стрел, сабель, дротиков, кинжалов. Из-за нехватки железа лезвия мечей и кинжалов делались из кости или рога с накладным узким железным острием. Доспехи изготовлялись из волокна рами и шкур животных. Постоянно проводились военные учения, заключающиеся в сражениях воинов различных пещер между собой. Битва сводилась к нескольким дуэлям. Убитых врагов съедали, а их скелеты относили к резиденции вождя. Отличившихся воинов вождь жаловал почетным головным убором и назначал начальниками военных отрядов⁹. Судя по «Суйшу», только дворец Кэлаояна был укреплен оборонительными сооружениями, состоявшими из трех линий последовательно чередовавшихся рвов, палисадов, частокола.

Источник ничего не рассказывает о семейной жизни островитян. Известно только, что существовала свобода брачных отношений. Брак заключался без всяких церемоний. Представляет интерес обычай, связанный с рождением ребенка. «Суйшу» говорит по этому поводу следующее: «Если женщина рождает ребенка, то она непременно съедает плаценту. Потом она должна прогреться у костра и пропотеть. Через пять дней у нее все в порядке» [13, 481].

Погребальные обряды у жителей севера и юга Тайваня были различными. На севере покойника выносили из жилища и, обернув циновкой, хоронили в земле, не насыпая холма. После смерти отца сын несколько месяцев не ел мяса. На юге существовал эндоканнибализм — родственники умершего съедали его труп.

Верования люцю, судя по «Суйшу», носили анимистический характер. Существовал культ предков, вера в души покойников. Убитых на войне приносили в жертву их духам, помещая останки на дереве в

⁸ Болотань — нынешнее Хулудунь [7, 96].

⁹ Не ясно, смещался ли старый начальник, или создавался новый отряд.

специальной хижине, либо просто подвешивали труп на дереве и стреляли в него из лука¹⁰. Люцю почитали также духов гор и моря.

В начале VII в. люцю столкнулись с суйским Китаем. В 606 г. по приказу императора Ян Ди адмирал Хэ Мань возглавил разведывательную экспедицию на Тайвань, которая прошла успешно [13, 480]. Император решил подчинить «варваров» и послал с этой целью в том же году большую эскадру во главе с Чжан Чжэнь-чжоу и Чэнь Лэном. В качестве проводника они использовали жителя Южного Китая, понимавшего язык туземцев. Однако люцю не покорились и отступили в глубь острова. Захватив в качестве трофеев их одежду и доспехи, китайцы отплыли обратно. В 608 г. Ян Ди вновь приказал тем же полководцам подчинить Люцю. Высадившаяся на Тайване десятитысячная суйская армия разгромила войска Кэлаояна и razорила его поселения. Захватив добычу и пленных, победители вернулись назад [13, 481].

В 634 г. произошло сильное наводнение в Индонезии, и многие малайцы, спасаясь от стихии, на своих плотах и лодках добрались до Тайваня. Они быстро распространились по острову, частично смешавшись с местными племенами, частично уничтожив их [11, 4]. Вероятно, процесс ассимиляции облегчался родственными происхождением и обычаями пришельцев и аборигенов. Происходило слияние близких культур, и «вновь прибывшие слились с теми, кто здесь раньше жил» [14, 298]. Небольшие группы туземцев отошли в горы, где и поселились. Высадившиеся на Тайване малайцы объединились под руководством князя Пинаня (китайская транскрипция), но после его смерти объединение распалось на отдельные племена¹¹ [11, 4]. В VIII в. на Тайвань отступили из Китая остатки войск чжурчжэней, разбитых монголами. Они жили обособленно и, по-видимому, позднее смешались с китайцами [11, 5].

Самой крупной этнической группой, проникшей на Тайвань с азиатского материка, были китайцы. Уже в танскую эпоху (806—820 гг.) один из китайских переселенцев, Ши Цзян-у (имевший ученую степень цинши), пытался объединить местные племена, хотя и неудачно. Он составил подробное описание Тайваня¹² [19, 8—9]. В эпоху Юань по приказу Хубилая была предпринята экспедиция против Японии, закончившаяся неудачей. Тогда несколько китайских кораблей, спасаясь от непогоды, добрались до Тайваня. В китайской литературе появились новые данные об острове. Люцю характеризовались как самое маленькое, но опасное племя «варваров» [18, 1426]. Был выдвинут план их мирного подчинения Китаю, который не осуществился [18, 1426]. Появляется и новое название Тайваня — Бэйган [Северная гавань]. Постоянно развивается торговля китайцев с Тайванем. Растет число поселенцев, однако пора массовой колонизации была еще впереди.

Вплоть до 1430 г. китайское правительство не считало остров своей территорией, так как его жители не приносили дани императору. В 1430 г. на Тайвань прибыла экспедиция знаменитого мореплавателя Чжэн Хэ. Здесь он столкнулся с туземцами, не желавшими подчиниться Китаю, и разгромил их. В своем докладе императору Чжэн Хэ обстоятельно описал географическое положение острова, жизнь и быт островитян. Следствием этого доклада явилось официальное включение Тайваня в число императорских владений. Остров был назван Цзилуньшань, а в 1620 г. переименован в Тайвань. Первоначально Тайванем назывался маленький островок, отделенный от Большого Люцю узким

¹⁰ Речь идет о тех, чьи трупы не достались противнику.

¹¹ В конце XII в. они атаковали побережье провинции Фуцзянь [18, 1426].

¹² В библиотеках СССР этого произведения нет.

проливом. Вследствие поднятия суши пролив исчез. Островок слился с Большим Люцю, а его название было перенесено на весь остров¹³.

Хотя минское правительство и признало Тайвань формально территорией Китая, оно, однако, не направило туда войск и чиновников, и новое владение оставалось фактически независимой территорией. Это способствовало превращению Тайваня в XVI в. в пристанище китайских и японских пиратов.

В 1564 г. после неудачного сражения с императорским флотом у островов Пэнху объединенная китайско-японская пиратская эскадра под командованием Линь Дао-гана причалила к острову. Местное население, находившееся на значительно более низком уровне, чем китайцы, не могло открыто сопротивляться пиратам. Попытка поднять восстание не удалась. По приказу Линь Дао-гана над туземцами была устроена зверская расправа. Мясом и кровью людей шпаклевали щели в корпусах судов [10, 29; 21, 4]. Вслед за пиратами на остров двинулись колонисты, в основном уроженцы провинций Фуцзянь и Гуандун. По-видимому, это были в первую очередь родственники пиратов. Основной же причиной массовой эмиграции населения этих провинций на Тайвань являлись экономические и политические потрясения в Китае конца Мин. С этого времени остров становится своеобразной пиратской и торговой базой, чему способствовало его удобное положение между Китаем, Японией и Лусоном. Новые поселенцы занимались не только торговлей. Они продвигались в глубь острова, захватывали и обрабатывали новые земли. Колонисты выращивали рис, сахарный тростник, занимались шелководством, добывали золото. Камфарное дерево использовали для кораблестроения [7, 90—91].

О социально-экономических отношениях внутри первых китайских общин сведений мало. Известно только, что поселенцы жили деревнями, во главе которых стояли выборные старосты, подчинявшиеся пиратскому адмиралу. Последний сосредоточивал в своих руках военную и гражданскую власть [21, 4]. Помещичьего землевладения на Тайване не было до прибытия войск Чжэн Чэн-гуна (1661 г.) [7, 114]. Увеличение китайской диаспоры на острове имело и важное военное значение, что сказалось во время японо-китайской борьбы за остров.

Мы точно не знаем времени первого знакомства японцев с Тайванем. Источники сообщают, что, когда японскому послу, прибывшему ко двору императора Ян Ди, показали захваченные в 608 г. на Тайване трофеи, посол заявил, что это вещи люцю [11, 3].

В IX в. два японских путешественника, монах и купец, случайно попали на Тайвань во время бури. Они наткнулись на вооруженных туземцев и едва спаслись бегством [11, 3]. В период сёгуната Асикага (1336—1443) началась японская колонизация острова. Даймио Мураками и Коно основали порт Цзилунь. Сочетая пиратство с торговлей, японцы добрались от Тайваня до Таиланда. В 1592 г. купцы Нагасаки, Киото и Сакаи получили специальное разрешение сёгуна на занятия торговлей в Южных морях. В 1609 г. буря остановила возглавлявшуюся Арима Харунобу японскую экспедицию, целью которой было завоевание Тайваня. В 1616 г. губернатор Нагасаки Тоан Мураяма (христианин) пытался захватить остров, но потерпел поражение из-за численного перевеса противника [17, 66].

Японские купцы все же сумели создать небольшую факторию на ост-

---

¹³ В период голландского господства на островке была построена крепость Зееландия. Возникший вокруг нее город также назывался Зееландией или Тайванем. Переименован Чжэн Чэн-гуном в Аньпин [11, 274, 287].

рове. Они торговали с Японией, Аннамом, Таиландом, Лусоном. Одновременно войска клана Сацума овладели островами Люцю в непосредственной близости от Тайваня. Однако количественное превосходство на Тайване оставалось на стороне китайцев, и японцы не предприняли десантных операций. К 1624 г. на острове проживало 25—30 тыс. китайцев. На этой базе командующий пиратским флотом Янь Сы-ци создал в начале XVII в. мощную военную организацию, контролировавшую морскую торговлю Китая. Японцы не могли с ним соперничать. Чжэн Чжи-лун, занявший в 1621 г. после смерти Янь Сы-ци его место, мог, опираясь на сильный флот, сопротивляться маньчжурам.

В 1624 г. Тайвань захватили голландцы. Народы острова ответили на вторжение вооруженной борьбой, в которой отличился полководец Чжэн Чэн-гун. Под его руководством в 1662 г. голландцы были изгнаны. Последующие двадцать с лишним лет были временем успешного сопротивления маньчжурскому вторжению. Лишь в 1683 г. маньчжурским войскам, опиравшимся на помощь голландцев, удалось занять остров. Рассказ о годах этой борьбы — тема особой работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Итс Р. Ф. Роль Юэ в этнической истории Юго-Восточного Китая, — «Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Института этнографии АН СССР (Ленинградское отделение) за 1966 г.», Л., 1967, стр. 24—26.
2. Кюнер Н. В. Горные племена Формозы (вторая редакция), — Архив ИВАН, ф. 91, оп. 2.
3. Кюнер Н. В. Народы острова Формозы (Тайвань), — Архив ЛОИЭ, ф. 8, оп. 1.
4. Мешков К. Ю. Основные этапы этнической истории Филиппин. Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук, М., 1969.
5. Народы Восточной Азии, М., 1965.
6. Стратанович Г. Г. Некоторые данные по этнографии амэй («гаошань»), — «Советская этнография», 1958, № 5, стр. 117—122.
7. У Чжун-да Тайвань, М., 1959.
8. Чебоксаров Н. Н. Основные проблемы этнической антропологии Китая, М., 1960.
9. Ван Юнь-шэн, Тайвань шихуа (История Тайваня), Пекин, 1955.
10. Гуцзинь тушу цзичэн (Собрание древних и современных картин и книг), т. 147, цзюань 1109, Шанхай, 1936.
11. Лянь Хэн, Тайвань туниши (Общая история Тайваня), т. I, Шанхай, 1947.
12. Ма Дуань-лин, Вэньсянь тункао (Древние тексты и их исследование), т. II, цзюань 326, Шанхай, 1936.
13. Суйшу (История династии Суй), т. 68, цзюань 81, Шанхай, 1936.
14. Тайван такасагодзоку кэйто сэдзоку но кэнкю (Изучение генеалогии аборигенов Тайваня), т. I, Тайхоку, 1935.
15. Хоуханьшу (История поздней Хань. С комментариями Ли Сяня и Лю Чжао), Пекин, т. 2, 1965.
16. Шаншу тунцзянь (Толкование Шуцзина), [б. м.], 1936.
17. Ши Мин, Тайвань дзин ёнхаку нэнси (История тайваньцев на протяжении 400 лет), Токио, 1962.
18. Юаньши (История династии Юань), т. 94, цзюань 210, Шанхай, 1936.
19. Ян Чэн-чжи, Тайвань гаошань цзуды учжи вэньхуа (Материальная культура народности гаошань на Тайване), — «Гуанминжибао», 17.X.1954.
20. Chen Kang Chai, Taiwan aborigines, Combridge, Mass., 1967.
21. Davidson Y. W. The island Formosa. Past and Present, London, and New York, 1903.
22. Gedenkwürdige Verrichtung der Niederländischen Ost-Indischen Gesellschaft in dem Kaiserreich Taising oder Sina, durch ihre zweyte Gesandtschaft an den Unter-König Singlamong und Feldherren Taising-Lipoui. Ausgeführt durch Joan van Kampen und Constantin Nobel; Wobei alles dasjenige was auf dem Sinischen Seestrande und bey Tajowan, Formosa, Aimuy und Quemuy, unter dem Befehlhaber Balthasar Bort, im 1662 und folgenden Jahre vorgefaller, erzählt wird. Als auch die dritte Gasandschaft an Konchi, Sinischen und Ost-Tartarischen Kaiser, verrichtet

durch Pieter van Hoorn. Hierbey ist gefüget eine ausführliche Beschreibung des gantzen Sinischen Reichs; und ist durchgehendes das gantze Werk mit viel schönen Kupferstücken gezieret, Amsterdam, 1676.

23. Imbault-Huart C. L'île Formosa, Paris, 1898.
- 23a. Lacouperie T. de, Formosa Notes MSS., Races and Languages,—JRAS, vol. 19, 1887, стр. 413—494.
24. Lin C. C. Geology and Ecology of Taiwan Prehistory, — «Asian Perspectives», 1964, vol. VII, № 1—2, Hong-Kong, стр. 203—213.
25. Mackay G. L., From Far Formosa, Edinburgh and London, 1900.
26. Pin-Hsiung liu, Excavations and Discoveries at Tap'enk'eng and other Prehistoric Sites of Pali District. «Asian Perspectives», 1964, vol. VII, № 1—2, Hong-Kong, стр. 214—223.
27. Riess L., Geschichte der Insel Formosa,—«Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur und volkerunde Ostasiens», 1893, vol. VI, № 59, стр. 405—448.
28. Schlegel G. Problèmes géographiques, Lieko-Kieo-Kouo,—«T'oung Pao», vol. VI, 1895, стр. 165—212.

Р. Ф. Итс

СЕВЕРНЫЕ ЮЭ И ИХ РОЛЬ В ЭТНОГЕНЕЗЕ МАЛАЙЕ-ПОЛИНЕЗИЙЦЕВ

Дискуссией в конце 1964 г. о древнейших этапах истории малайе-полинезийцев (объединение этих двух различных этносов вызвано их несомненной языковой общностью), о их «прародине», или исходной территории перед расселением по островам и архипелагам южных морей, американский журнал «Карент антрополоджи» вновь обратил внимание на одну из сложных этногенетических проблем [24].

Основными выступлениями в дискуссии, объединенными общей проблемой «Переселения малайе-полинезийцев от 1500 г. до н. э. до 500 г. н. э.» были статьи Чжан Гуан-чжи «Доистория и ранние историко-культурные горизонты и традиции в Южном Китае» [19], Вильгельма Г. Солхэйма II «Керамика и малайе-полинезийцы» [26], Джорджа В. Грасе «Лингвистические данные» [21]. В обсуждении поднятых проблем приняли участие многие видные этнографы, археологи и языковеды различных стран мира [20].

В соответствии с теми принципами этногенетических исследований, которые с начала 50-х годов были разработаны советской этнографией и получили всеобщее признание, американский журнал предпринял попытку представить в статьях упомянутых авторов комплексный подход к решению данной проблемы. Чжан Гуан-чжи, используя материал китайских исторических хроник и отдельные этнографические и археологические данные по районам Южного Китая, связывает начальный период этнической истории малайе-полинезийцев с приморскими районами Южного Китая. В. Солхэйм II, анализируя распространение конкретных типов керамики (в пределах изучаемого ареала), приходит к выводу о двух основных, имеющих своим исходным пунктом районы Южного Китая путях распространения керамики среди малайе-полинезийцев в Юго-Восточной Азии и Океании. Говоря об этом, Солхэйм допускает связь этих путей с направлениями миграций, расселения малайе-полинезийцев. Д. Грасе, привлекая различный конкретный языковой материал и подвергая его разбору как лексико-статистическим, так и сравнительно-историческим методами, устанавливает хронологию распространения малайе-полинезийских языков в рассматриваемый период. Он считает, что в 1500 г. до н. э. или в близкий к нему период малайе-полинезийские языки уже были распространены на Тайване, в Индонезии, Меланезии и, вероятно, на Филиппинах. Такой вывод, несомненно, имеет важное значение для корреляции лингвистических данных с материалами археологии, этнографии и истории.

Положения этих трех авторов вызвали оживленную дискуссию, в

которой, однако, не подвергалась сомнению (в отношении малайско-индонезийского этноса с авторами соглашался и Тур Хейердал [22]) концепция о связи этногенеза малайе-полинезийцев с материковой частью Восточной Азии, в частности с приморскими районами Южного Китая.

Повышенное внимание к полинезийской истории и культуре в последние годы, несомненно, было вызвано героическим плаванием знаменитого «Кон-Тики». Не разделяя точки зрения Тура Хейердала о путях заселения Океании, многие ученые вынуждены были детально заниматься этой проблемой, ибо таковым был широкий общественный интерес. Есть, однако, и более общие, не зависящие от сенсаций причины повышения роли этногенетических аспектов в этнографических исследованиях как в СССР, так и за его пределами. Интерес к происхождению этносов является прямым отражением исторического этапа национального освобождения многих народов стран Азии, Африки и Латинской Америки. Учитывая прежде всего научную значимость проблемы происхождения малайе-полинезийцев, в мировой этнографической науке предпринята попытка вновь с учетом прежних и новых данных вернуться к ней, так как дискуссия в «Карент антрополоджи» не дала, да вряд ли могла дать, ответ на все поставленные вопросы.

Более того, внимательное изучение материалов дискуссии показывает в ряде случаев слабое знакомство с теми материалами, которые были уже известны к 1964 г. Никто из авторов и участников дискуссии, за исключением японского синолога Обаяси [25], не указывает достаточно конкретно исходной территории или этноса, с которыми были связаны древние малайе-полинезийцы в ранней истории Южного Китая. Этому вопросу в первую очередь и посвящается настоящая статья.

Открытие своеобразной археологической культуры в приморских юго-восточных районах Китая произошло еще в 1914—1915 гг. На протяжении полувека археологов различных стран привлекали два необычных для остального Китая вида находок — керамика со штампованным орнаментом (чаще всего геометрическим)¹ и шлифованные плечиковые топоры — тесла (или топоры-тесла с плечиками), сопровождавшие такую керамику. Первые 30—35 лет (после 1914—1915 гг.) археологические раскопки в Приморской области Южного Китая постоянно увеличивали зону распространения этих находок, так что для всего этого района утвердилось название «зона штампованной керамики». Не исключено, что пристальное внимание к определенному кругу памятников сказалось на некотором однобоком суждении о неолите приморской области Южного Китая. Входящие в него провинции Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун, Гуанси, Тайвань и соседние острова стали рассматривать на всем протяжении новокаменного века как нечто единое в культурном и этническом отношении.

Сомнения по этому поводу в научной литературе встречались и раньше. Так, известный китайский этнограф Фэй Сяо-тун в статье, рассматривающей важность археологического изучения национальных районов для восстановления этнической истории некитайских народов, особенно выделяет культуру плечикового топора и штампованной керамики. По его мнению, первая, видимо связана с предками современных чжужан, а вторая — с древними юэ, населением царства Юэ [16, 3—4]. Возражал против утверждения, что штампованная керамика всегда сопровождается ступенчатыми теслами, и Жао Хуй-юань [4].

¹ Речь идет о керамических изделиях, имеющих орнамент, нанесенный специальным штампом. Термин «культура штампованной керамики» широко употребляется в зарубежной литературе, он использован и в указанной выше статье Солхэйма II.

Даже не разделяя мнения этих авторов в конкретике, нельзя не подчеркнуть плодотворности их основной мысли. Действительно, археологи, в том числе и упомянутые Чжан Гуан-чжи и Солхэйм II, не обратили внимания, в частности, на своеобразие каменного инвентаря поздненеолитической и энеолитической эпох в двух частях этой области — северной (включающей провинции Чжэцзян, Фуцзянь и Тайвань) и южной (Гуандун, Гуанси).

Накопленные ныне археологические данные (особенно плодотворными были раскопки первой половины 60-х годов) позволяют утверждать, что поздний неолит Приморской области, где самым существенным является штампованная керамика (не исключено, что детальное изучение орнамента и керамического теста даст в будущем право говорить о различиях в этом культурном явлении, которое сейчас рассматривается как монолит), обнаруживает по каменному инвентарю два локальных варианта: чжэцзян-фуцзяньский² (сюда же входит Тайвань) и гуандун-гуансийский.

В условной чжэцзян-фуцзяньской зоне преобладают наконечники стрел и тесла ступенчатой формы; в гуандун-гуансийской же наряду с клинообразными и прямоугольными с отверстиями топорами имеется большое число плечиковых тесел. В этой связи любопытны реконструкции орудий труда как ступенчатой, так и плечиковой формы. Они были сделаны независимо друг от друга: в первом случае — Линь Хуй-сяном, видным китайским историком, археологом и этнографом, во втором — превосходным археологом и экспериментатором С. А. Семеновым.

Линь Хуй-сян показывает, что ступенчатое тесло, прикрепленное растительной обмоткой к короткому концу рукояти — естественному суку дерева, могло быть небольшой мотыгой или орудием для долбления сердцевины древесного ствола [9, 53—54]. С. А. Семенов считает, что плечиковая форма родилась в тех условиях, где бамбук играл огромную хозяйственную роль, так как бамбуковая муфта, заменяя роговую, позволяла крепить черенок топора самым удобным способом. Такое плечиковое орудие могло быть и топором, чтобы вырубать участки в лесных чащах, и теслом-мотыжкой (что зависело от насадки каменного лезвия продольно или поперечно) [1, 167—169]. Видимо, замена плечиковых орудий ступенчатыми в чжэцзян-фуцзяньской зоне³ не являлась «технологической необходимостью», возможно, что это показатель культурно-этнических различий.

Указанные различия достаточно четко выявляются, как сказано, в поздненеолитический и энеолитический периоды⁴, которые Линь Хуй-сян [9, 64] и вслед за ним более обстоятельно Инь Хуан-чжан [8, 84] хронологически отождествляют с временами Чуньцю — Чжаньго ханьской истории. В ту эпоху на территории Южного Китая, и в частности в Приморской области, по сообщениям китайских летописей, известны царст-

---

² Поздний неолит Чжэцзяна непосредственно связан с культурой Лянчжу северных районов этой провинции и юга Цзянсу. Вместе с тем сама культура Лянчжу имеет явные черты исторических связей с культурой штампованной керамики Приморской области. Свообразие чжэцзян-фуцзяньского неолита признавал, по существу, и Линь Хуй-сян, отмечавший, что на территории Китая только здесь встречаются, как характерное каменное орудие, ступенчатые тесла [9, 63].

³ Интересно, что в этой работе С. А. Семенов косвенно объясняет отсутствие в Гуандун-Гуансийской зоне каменных наконечников стрел, указывая, что в подобном случае камень заменял бамбук [1, 169].

⁴ Средний неолит здесь, как и по всей Приморской области, характеризуется плечиковыми топорами, раковинными скреблами и появлением грубой керамики со штампованным орнаментом.

ва У и Юэ. У локализуют на юге Цзянсу и севере Чжэцзяна, а Юэ — в остальной части Чжэцзяна. Однако, начиная с Линь Хуй-сяна, археологи значительно расширяют территорию царства Юэ, включая в нее и провинцию Фуцзянь⁵, где, по письменным источникам, в эпоху Чжаньго обитали миньюэ.

Именно таким образом интерпретировал археологический материал из области Нанкин — Тайху и северной зоны Приморской области в 1955 г. Инь Хуан-чжан. Он писал: «Мы знаем, что племена миньюэ из Фуцзяни ханьского периода принадлежали к ветви боюэ, их языком был язык (населения) Юэ, они татуировали тело, были хорошими мореходами, употребляли в пищу многие продукты моря. В долине Миньцзян, на неолитических стоянках, обнаружено большое число панцирей черепах, раковин устриц, раковин одностворчатых моллюсков, а также орудий труда, предназначенных для ловли представителей речной и морской фауны. Исходя из этого, можно сказать, что реальная действительность того времени совпадает с описанием письменных источников. Обнаруженные в Фуцзяни топоры и наконечники стрел сходны с найденными у озера Тайху и на берегу Цяньтанцзян. В Чжэцзяне, в Лаохэшань, было как-то найдено трехрогое (с тремя остриями. — *Р. И.*) каменное орудие, похожее на алебарду или заступ. Когда-то в том же Чжэцзяне в уезде Хуанян была найдена аналогичная названной выше, но большего размера каменная „алебарда“. По своей форме она напоминает рукоять с тремя рогами общей длиной 38 см, шириной 17 см, толщиной 20 мм, в центре было отверстие. Некоторые люди говорят, что древнее население Чжэцзяна, употреблявшее такую „каменную алебарду (или заступ) — юэ“, брали ее название как имя, поэтому тогда их называли „юэ“ (здесь во втором случае иероглиф „юэ“ отличен от первого. — *Р. И.*). Но, например, в выражениях „колокол правителя царства Юэ“, „меч правителя царства Юэ“ во всех случаях название царства пишется через иероглиф, обозначающий алебарду⁶. Таким образом, можно видеть, что древнее „юэ“, обозначающее тип орудия, впоследствии стало топонимом. В тех районах Чжэцзяна, где найдены такого типа алебарды-заступы кроме красной керамики с большой примесью песка в тесте всегда есть хорошо обожженная керамика с геометрическим штампованным орнаментом [7, 76]». И хотя Инь Хуан-чжан не считает окончательно решенным вопрос о связи культуры штампованной керамики хорошего обжига с культурой царства У и Юэ, для него правомерна сама постановка такой проблемы [7, 75—76].

Несомненно, Чжэцзян являлся центром царства Юэ, так как здесь были сделаны основные находки тех предметов, которые имеют надпись с двумя знаками — «ван Юэ». К таким находкам последнего времени, как явствует из статьи Ван Ши-луня, относится каменный наконечник копья из раскопок 1957 г. в уезде Шаосин провинции Чжэцзян [см. 3, 256—257]. В надписи на нем (это копье не было оружием, а, видимо, имело культовое назначение) также есть указанное выше сочетание «ван Юэ». В данной публикации автор сообщает и о том, что в чжэцзянском археологическом материале периода Чуньцю основным является сочетание глазурованной керамики с хорошо обожженной штампованной керамикой [3, 256]. Последнее замечание в какой-то мере по-

⁵ Так, авторы отчета об археологической работе в 1958 г. в южной половине Фуцзяни писали: «Неолитические стоянки районов южной Фуцзяни также, возможно, являются частью культуры древних юэских племен» [15, 244].

⁶ Превосходным доказательством чему служит также проведенный Ма Чэн-юанем анализ надписи на мече из Шанхайского музея, где достаточно четко видно сочетание «правитель Юэ» с тем же иероглифом [12, 53].

звolyет принять положение Инь Хуан-чжана о фактических границах царства Юэ, так как нам уже известно аналогичное сочетание двух типов керамики в Фуцзяни. Правда, и Инь Хуан-чжан и Линь Хуй-сян, разделяющие точку зрения о единстве южнокитайского неолита (исходя из повсеместного распространения штампованной керамики), стремятся связать культуру У и Юэ со всей Приморской областью того периода, однако конкретные данные, касающиеся этих царств, ограничиваются только северной зоной ее.

Отмеченные культурные и, очевидно, этнические различия между северной и южной зонами Приморской области понуждают обратиться к свидетельствам письменных источников о дунъюэ и минъюэ, с одной стороны, и боюэ и нанъюэ — с другой. Конкретные сведения о них, фиксированные в «Шицзи» и «Цяньханьшу», имеют достаточно четкую начальную датировку — конец III в. до н. э. Вместе с тем здесь же можно найти некоторые замечания о предшествующих периодах истории первых двух этнических групп, а также о их предках.

Именно в этой связи обращает на себя внимание статья Хун Ли о пиктограммах на скальных поверхностях в 15 пунктах Фуцзяни [17]. Первое сообщение о пяти таких надписях было опубликовано в мае 1960 г. в местных газетах, где излагался доклад Линь Чжао — участника специальной экспедиции провинциального отдела культуры и АН КНР. По заключению этой экспедиции, обнаруженные пиктограммы, «возможно, принадлежат коренным малым народам, обитавшим здесь до прихода китайцев в Фуцзянь» [17, 67]. Хун Ли сообщает в своей статье о еще десяти пунктах с подобными надписями, которые местное население почитает за символы, оставленные духами гор. Разделяя, в общем, вывод экспедиции о принадлежности пиктограмм доханьскому населению, Хун Ли предполагает, что их создателями, возможно, были дунъюэ, основавшие в 220 г. до н. э. свое царство на этой территории. Это царство было разгромлено ханьцами в 110 г. до н. э., следовательно, пиктограммы не могли быть созданы позднее этого года. По мнению Хун Ли, после разгрома в 334 г. до н. э. чусцами Юэ «юэсцы были рассеяны, их правители разделились, став то ли ванами, то ли цзюнями на прибрежных территориях к югу от Янцзы. Возможно, что именно в это время потомки Гоу Цзяня пришли в Минь (Фуцзянь.—*Р. И.*), также возможно, что в это время сюда проникли железные изделия, поэтому появилась возможность высечь на скальной поверхности „священные надписи“» [17, 68]. Подобное толкование опирается на сведения древнекитайских источников. В «Шицзи», а также «Цяньханьшу» сказано: «Ван минъюэ Учжу, а также ван юэ Восточного моря (юэ дунхай) Яо, потомки общего предка — Гоу Цзяня, вана Юэ, носили имя (син) рода (ши) Цзоу. Когда Цинь объединило Поднебесную и упразднило всех правителей областей (цзюньчжан), на их (минъюэ и дунъюэ) землях сделало область (цзюнь) Миньчжун» [11, 79, 299]. В обширных комментариях к первой фразе есть два интересных замечания: 1) в комментарии Чжан Чжао: «После того как Чу разгромило Юэ, дети и внуки (юэского вана.—*Р. И.*) были рассеяны и несли службу Чу» [11, 82] и 2) в комментарии Дин Цяня: «Минъюэ — это современная Фуцзянь, а Дунхай — современные южные районы Чжэцзяна» [11, 82—83]. В комментарии ко второй фразе приводится пояснение по географическому своду «Диличжи», согласно которому «в числе 36 цзюней династии Цинь не числится цзюнь Миньчжун, так как он учрежден был в последний год Цинь Ши-хуанди и тогда лишь принадлежал Цинь, поэтому-то земли правителей Учжу и Яо принадлежали Цинь недолго. [Правители юэ] присоединили свои войска к войскам чжухоу, [чтобы]

разгромить Цинь, поэтому [Миньчжун] не значится в числе 36 цзюней» [11, 83].

Великий китайский историк Сыма Цянь заключает повествование о дунъюэ примечательным риторическим вопросом: «Хотя юэ (минъюэ и дунъюэ.— *Р. И.*) — южные варвары, разве их предки некогда не были народом, имевшим большие заслуги?» [11, 82]. Сыма Цянь тоже пишет, что предок их правителей, Гоу Цзянь, был ваном Юэ.

Итак, никаких сомнений о некитайском характере царства Юэ, а также и У, которое было поглощено первым, нет, как нет и сомнений о генетической связи минъюэ и дунъюэ, появившихся в исторических записях III в. до н. э. с прежним населением Юэ. Остается, следовательно, вопрос об этнической принадлежности этого населения, т. е. о соотношении его прежде всего с протомалайцами, протоиндонезийцами, на что обращалось внимание при рассмотрении неолита Приморской области.

В этой связи обратимся к статье Линь Хуй-сяня «Связи малайцев Южного океана и древних народов Южного Китая» [10], в определенной степени обобщающей прежние работы автора в этой области.

Не касаясь вновь спорных, с нашей точки зрения, теорий Линь Хуй-сяня, согласно которым неолит и энеолит Приморской области — единый культурный комплекс во все времена и соответственно минъюэ, дунъюэ, нанъюэ и другие юэ — варианты одного и того же этноса, восходящего к царству периода Чжаньго, остановимся на той части статьи, где он делает попытку сопоставить царство Юэ с протомалайцами, т. е. рассматривать юэ юго-восточного побережья (а значит, дунъюэ и минъюэ) как малаеязычную группу. Дело в том, что археологические материалы достаточно убедительно говорят о близости памятников из северной зоны Приморской области с Тайванем и островами Южных морей. Об этом писал, в частности, и Линь Хуй-сян при подведении итогов многолетних раскопок в Южной Фуцзяни, подчеркивавший, что ступенчатые тесла, характерные, как отмечалось выше, для этой зоны, встречаются также на Тайване, в Гонконге и на южных островах Тихого океана [9, 63]. Чрезвычайно интересна в этом плане находка в стоянке у Хайнина (северный Чжэцзян) фрагмента ножки лепного сосуда серого цвета из слабообожженной глины с рисунком, изображающим человеческое лицо. Сделан он в довольно реалистической манере и напоминает подобные изображения на современных щитах тайваньских горцев [2]. Необходимо упомянуть также о сходстве орнамента современных малаеязычных горцев Тайваня (гаошань) с орнаментом штампованной керамики этой зоны; о том, что, по П. Бенедикту, в южных диалектах китайского языка, распространенных в Юго-Восточном Китае, прослеживается малайский субстрат [см. 18а].

Для нас нет сомнений, что в позднем неолите и энеолите Приморская область подразделяется на две локальные зоны. Юэ, расселенные в северной зоне, назовем условно северными юэ, а в южной зоне (Гуандун — Гуанси) — южными юэ. Именно с северными юэ обнаруживаются малаеиндонезийские параллели, именно о северных юэ говорится в хрониках как о мореходах, как о людях, татуирующих тело, как о переселенцах на Тайвань⁷. И именно с северными юэ, а точнее, с населением царства Юэ связано открытие в 1953 г. японским ученым Х. Идзуи в памятнике ханьского периода «Шоюань» Лю Сяня песни

⁷ В одной анонимной китайской хронике («Миньфань чжэняо») сказано, что варвары, горцы Тайваня, — выходцы из миньских (фуцзяньских) районов материка [12а, 3а—3б].

царства Юэ, которая может быть понята, с его точки зрения, только через малайский язык [23]. Это открытие оспаривается, но любопытно, что свои возражения основные оппоненты Идзуи черпают из языковых данных проф. Мацумото, относящихся не к дунъюэ и минъюэ, а к боюэ (т. е. к южным юэ), в языке которых находят как тайские, так и мон-кхмерские и даже тибето-бирманские параллели [25].

Таким образом, с учетом всего сказанного можно с большой долей вероятности считать северных юэ протомалайским (древним малайе-полинезийским) населением. Вытеснение их с материка началось в I тысячелетии до н. э. и было особенно активным в IV в. до н. э.—IV в. н. э. Малайский этнос на материке не исчез бесследно. Память о нем сохранилась в ряде языковых, этнографических и антропологических особенностей современного населения юга восточноазиатского материка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семенов С. А. К вопросу о некоторых орудиях каменного века Юго-Восточной Азии,— Борисковский П. И., Первобытное прошлое Вьетнама, Л., 1966, стр. 166—170.
2. Бай Чжэ-ши, Хайнинсян Пэнчэнижисянь жэньмяньвэнь таопянь (Керамический черепок с изображением человеческого лица со стоянки Пэнчэн уезда Хайнин),— «Вэньу», 1960, № 7, стр. 70—71.
3. Ван Шин-лунь, Цзи Чжэцзян фасяньды тунцзин, ютаочжун хэ Юэван шимао (О находках в Чжэцзяне бронзовых зеркал, колокола из глазурованной керамики и секиры вана Юэ),— «Каогу», 1965, № 5, стр. 256—257.
4. Жао Хуй-юань, Етань иньвэньтаоды цзигэ вэньти (О некоторых проблемах культуры штампованной керамики),— «Каогу», 1960, № 3, стр. 47—51.
5. Жао Хуй-юань, Люетань дуйюй юэгань дицзюй цзичу синьшици ичжиды жэньши (О некоторых неолитических стоянках провинций Гуандун и Цзянси),— «Каогу», 1965, № 10, стр. 517—524.
6. Жун Гуань-сюн, Хайнаньдао лицзуюй фасяньды синьшици (Неолит района обитания хайнаньских ли),— «Каогу», 1956, № 2, стр. 41.
7. Инь Хуан-чжан, Хуадун синьшицишидай ичжи (Неолит Восточного Китая), Шанхай, 1955.
8. Инь Хуан-чжан, Гуаньюй дуннаньдишюй цзихэ иньвэньтаошидайды чубу таньцэ (Предварительные соображения о хронологии штампованной керамики юго-восточных районов),— «Каогу сюэбао», 1958, № 1, стр. 75—85.
9. Линь Хуй-сян, Фуцзянь наньбуды синьшицишидай ичжи (Неолитические стоянки южной части Фуцзяни),— «Каогу сюэбао», 1954, № 8, стр. 49—64.
10. Линь Хуй-сян, Наньян малайцзу юй Хуадун гуминьцзуды гуаньси (Связи малайцев Южного океана и древних народов Южного Китая),— «Сямынь дасюэ сюэбао», 1958, № 1, стр. 189—220.
11. Лидай гоцзу чжуаньцзи хуйбэнь (Собрание сведений о народах из династийных хроник), Шанхай, 1958.
12. Ма Чэн-юань, Юэван цзянь (Меч вана Юэ),— «Вэньу», 1962, № 12, стр. 53—54.
- 12а. Миньфань чжэняо (Самое важное о миньских варварах), [б. м.], [б. г.].
13. Тун Чжучэнь, Синьшицишидай каогусюэ чанши (Элементарные сведения об археологии неолита),— «Вэньу», 1960, № 8—9, стр. 88—89.
14. Тун Чжучэнь, Чжунго юаньшишэхуй ваньцзидайды цзигэ тэчжэн (Некоторые особенности последнего этапа первобытной истории Китая),— «Каогу», 1960, № 5, стр. 31.
15. Фуцзяньшэн вэньу гуаньли вэйюаньхуй, Миньнань синьшицишидай ичжиды дяоча (Обследование неолитических стоянок Южной Фуцзяни),— «Каогу», 1961, № 5, стр. 237—244.
16. Фэй Сяо-тун, Кайчжань шаошу миньцзудиюй хэюй шаошу миньцзулидай гуаньюйды дицзюйды каогу гунцзо (Археологическая работа в районах национальных меньшинств и ее связь с историей этих народов),— «Каогу», 1956, № 3, стр. 3—4.
17. Хунь Ли, Фуцзянь шаошу миньцзуды мовэньцзы (Пиктограммы малых народов Фуцзяни),— «Вэньу», 1960, № 6, стр. 67—68.
18. Чжэцзяншэн вэньу гуаньли вэйюаньхуй, Шаосин личжуды ханьму (Ханьские могилы из Личжу уезда Шаосин),— «Каогу сюэбао», 1957, № 1, стр. 140.

- 18a. Benedict P. K. Trai, Kadai and Indonesian,— «American Anthropologist»; vol. XLIV, 1942, cnp. 576—601.
19. Chang Kwang-chin Prehistoric and early historic culture horizons and traditions in South China, CA, 1964, vol. 5, № 5, cnp. 359, 368—375.
20. Comments and reply, CA, 1964, vol. 5, № 5, cnp. 384—406.
21. Grace George W. The linguistic evidence, CA, 1964, vol. 5, № 5, cnp. 361—368.
22. Heyerdahl Thor Comments, CA, 1964, vol. 5, № 5, cnp. 391.
23. Izui H. A propos d'une chanson indéchiffrée dans le Chouo-Yan de Liou-Hiang,— «Gengo Ken Kyû», 1953, № 22—23, cnp. 41—43.
24. Movement of the Malayo-Polynesians: 1500 B. C. to A. D. 500,— CA, 1964, vol. 5, № 5, cnp. 359—406.
25. Obayashi Taryo Comments, CA, 1964, vol. 5, № 5, cnp. 394—395.
26. Solheim II Wilhelm G. Pottery and the Malayo-Polynesians, CA, 1964, vol. 5, № 5, cnp. 360, 376—384.

И. Н. Мороз

**В. В. ГОЛУБЕВ — РУССКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**

В настоящей статье предпринята попытка дать краткий очерк научной деятельности интересного, незаслуженно забытого ученого, Виктора Викторовича Голубева (1878—1945) — крупного археолога, великолепного знатока искусства Азии, одного из тех, кто своей деятельностью содействовал его возрождению.

В. В. Голубев родился в Петербурге в интеллигентной дворянской семье. Он получил прекрасное образование, развившее его природную склонность к искусству. В 1905 г. он отправляется в Париж, где увлекается коллекционированием предметов искусства Азии. Его тщательно собранные коллекции (особенно персидских миниатюр, китайских рисунков, терракоты эпохи Тан) представляли не только эстетическую, но и большую научную ценность. Основная часть их была выставлена в музее Чернусского в Париже в 1912—1914 гг. Заинтересовавшись китайской живописью, Голубев пишет несколько статей о китайском художнике Ли Лун-мине, о живописи Китая XI в. и проч. В 1908—1912 гг. выходит его первый двухтомный труд «Рисунки Жакопо Беллини в Лувре и Британском музее» [8а]. В том же году он отправляется в путешествие по Индии и Индонезии, во время которого посещает важнейшие центры древней культуры (Санчи, Амаравати, Эллора, Мавалипурам, Элефанта, Боробудур и др.). В Европу он привез большую серию фотографий, экспонированных затем в музее Гимэ. На их базе при этом музее Голубевым был создан искусствоведческий фотоархив.

Первая мировая война застала его во Франции, откуда он больше уже не возвращается на родину. В. Голубев на свои средства устраивает лазареты для русских солдат, организует работу санитарных поездов. После войны, оставшись без средств, он начинает продавать свои коллекции, часть которых охотно приобрел музей искусств в Бостоне.

Стремясь к продолжению научных исследований, Голубев решает посвятить себя изучению истории и культуры народов Юго-Восточной Азии. Еще до отъезда на Дальний Восток, 4 августа 1920 г., он был избран временным членом исследовательского центра EFEO (Французская школа исследований Дальнего Востока) в Ханое. Это учреждение в то время было не только наиболее крупным центром по изучению древней истории и искусства Французского Индокитая; в какой-то степени здесь проводилась и подготовка кадров из местного населения.

В декабре 1920 г. Голубев отплыл в Индокитай. Сразу же по при-

бытии он сопровождает тогдашнего директора EFEO Луи Фино в Ангкор. Изучение этого замечательного комплекса памятников надолго становится предметом его научных занятий. Ученый публикует статьи о некотором сходстве приемов и образов в скульптуре кхмеров и индийцев: «Символизм Нак Пана» [10], «Смешения в старой Камбодже» [14], «Харихара из Махарозея» [6], «По поводу двух скульптур, хранящихся в музее Мафура» [3], «О нескольких кхмерских сценах Вайярадхара» [18a] и др.

В ноябре 1921 г. Голубев был отозван во Францию для подготовки коллекций EFEO к так называемой «Колониальной выставке» в Марселе. Воспользовавшись приездом в Европу, он выступает с докладами в Азиатском и Географическом обществах в Марселе, Париже, Лондоне и Брюсселе.

Как и все члены EFEO, Голубев много путешествует. В августе 1922 г. он вместе с Луи Фино направляется в Юньнань-фу (юго-западный Китай, провинция Юньнань). Свои наблюдения во время этой поездки Голубев публикует в бюллетенях EFEO. По возвращении во Вьетнам в 1923 г. он едет в Тхань-хоа, где участвует в раскопках Ламсона. Археологическим находкам того времени Голубев посвятил много статей: «Наскальные резные изображения в районе Шапа» [17], «Бронзовый век в Тонкине и на севере Аннама» [4], «Происхождение и распространение металлических барабанов в Индокитае» [18], «Барабан духа Дан-нэ» [11], «Провинция Тхань-хоа и ее керамика» [8], «Археология Тонкина и раскопки в Донгшоне» [5] и др.

Несомненный интерес для этнографа-востоковеда представляет статья Голубева «Наскальные резные изображения в районе Шапа», посвященная писаницам, обнаруженным в юго-восточной части верхнего Тонкина. Автор подчеркивает важность проблемы, так как «эти примитивные изображения могут помочь изучить такие же знаки на барабанах Монголии, Гренландии, на знаменитых „барабанах дождя“, хранящихся в музее Ханоя, на писаницах Иртыша, Енисея в Сибири» [17, 425]. Он кропотливо работает над знаками, намечает некоторые параллели. Давая трактовку выгравированным изображениям, Голубев пишет: «Я не колеблюсь больше, видя в этих квадратах фигурки домов и рисовых амбаров. Эти стрелки и линии можно воспринять не иначе как тропинки, ведущие к хижинам, и дороги, пересекающие местность» [17, 423]. Допускает он и предположение, что писаницы могли бы быть какой-то формой письменных договоров между двумя племенами о совместной эксплуатации рисовых полей на определенных условиях.

Для решения вопроса о народе, оставившем эти петроглифы, он обращается к этнической истории района. Голубев отмечает, что основные нынешние его обитатели — мяо — сравнительно недавно сменили прежних — мань (яо), и присоединяется к мнению тех ученых, которые справедливо, на наш взгляд, выделяют яо из группы мяо-яо как старейших поселенцев в этой части Вьетнама. Кроме того, он выдвигает предположение о существовании здесь в течение определенного времени воинственных племен фу-ли. Однако писаницы, по мнению ученого, — дело рук не яо или фу-ли. Весьма тщательно анализируя изображения людей в анфас, ученый делает вывод о том, что эти петроглифы, возможно, принадлежали народу лоло (носу). Судя по всему, автор придерживается представления об определенной преемственности между несколькими волнами переселенцев.

Надо сказать, что Голубев был весьма осторожен в своих выводах, объясняя это недостатком сравнительного материала, малой изученностью тех или иных вопросов.

В своих работах о происхождении и распространении барабанов Голубев широко использовал материалы и выводы известного русского ученого и путешественника Г. Н. Потанина.

В своей статье «Магические барабаны в Монголии» [13] он приводит рисунки и подробные описания барабанов, привезенных Потаниным из своих путешествий по Монголии, Алтаю и Тибету. Голубев с большим уважением отзывается о научных заслугах Потанина, особо отмечая его работу в экспедициях. Голубев указывает, что благодаря работам Потанина и других русских ученых, исследовавших эти районы мира, можно проследить взаимосвязь монгольских барабанов и тибетских гонгов с индокитайскими и выявить общую для них большую ритуальную значимость — «необычайное могущество, усиливаемое магическими рисунками» [13, 409]. Ученый подчеркивал, что изучение проблем, связанных с подобными инструментами, далеко еще не завершено.

В середине 20-х годов В. В. Голубев работает в департаменте истории искусств. Здесь его глубокие знания азиатского искусства наиболее ярко проявились в лекциях, которые он читал вьетнамским студентам в Школе изящных искусств в Ханое.

В 1926 г., после шестимесячного отпуска во Франции, в течение которого Голубев прочитал ряд лекций в музее Гимэ и на научных заседаниях EFEO, он руководит раскопками в Самбор Прей Кук. В июле 1927 г. он получает должность заведующего библиотекой EFEO, которую занимает с перерывами до конца своей жизни. 1928 год он проводит в поездках по северному и центральному Вьетнаму, где в то время велись большие археологические работы. Охотно представляя EFEO вне Индокитая, Голубев в 1929 г. едет на IV Международный конгресс искусств, проходивший в Бандунге.

Расшатанное азиатским климатом здоровье заставило его взять в 1930 г. отпуск и поехать во Францию. По дороге он заезжает на Цейлон. Результатом его поездки по этому острову явились статьи: «Доклад об археологической поездке на Цейлон» [16] и «Храм Зуба в Канди» [12].

В Париже Голубев делает сообщения в Академии Надписей — о раскопках в Самбор Прей Кук, в Сорбонне — об искусстве Сиамы, в Азиатском обществе — об археологических работах в Индокитае. Кроме того, он ведет два курса в институте искусства и археологии, читает лекции в школе Мафура и, замещая Альфреда Фуше, в «Практической школе высших исследований». Голубев богато иллюстрировал свои лекции образцами работ восточных мастеров-резчиков по камню, металлу, штукатурке.

В 1935 г. он едет на съезд востоковедов на Филиппины. В своем выступлении на нем Голубев подробно остановился на раскопках, произведенных им в провинции Са-Юинь (Центральный Вьетнам). Исследуя орнаментацию керамики, найденной в погребениях эпохи железа в Са-Юине, он пришел к выводу, что она аналогична керамике европейских (Скандинавия, Дания, Великобритания) неолитических погребений, а также ряда погребений в Азии (Восточная Монголия, Южная Маньчжурия) и, возможно, сопоставима с глиняной посудой погребений в Селинг-Сонг (Малакка). Очевидно, предполагает Голубев, образцы этих изделий были сравнительно широко распространены в Евразии и точная локализация их истоков вряд ли возможна. Основную же роль в их распространении, по его мнению, сыграли, по-видимому, широкие торговые связи того времени.

На том же конгрессе Голубев сделал интересное сообщение о хозяйственной деятельности населения Донгшона (Северный и частично Центральный Вьетнам) в эпоху бронзы.

Затем исследователь активно продолжает начатые им ранее раскопки на территории Пном-Бакенг, древней столицы кхмерской империи. Результаты их он опубликовал в статьях: «Пном-Бакенг и город Ясо-зармана» [9], «Новые исследования Пном-Бакенга» [15], «Первый город Ангкора» [7]. В. Голубев уточнил с помощью авиации старую карту района Пном-Бакенга. Данные аэрофотосъемки подтвердили его предположения и позволили, отрыв новые улицы и каналы, изменившие представление о планировке города, воспроизвести его первоначальный вид.

Последнее десятилетие жизни Голубева также проходит в неустанных трудах, которые не остались незамеченными мировой научной общественностью. Он был избран вице-президентом на Международном конгрессе антропологии и этнографии, который проходил в Лондоне с 30 июля по 4 августа 1934 г. В 1935 г. он получает за свои работы премию Жилия, присужденную ему Академией Надписей. В 1936 г. становится директором музея Луи Фино и параллельно продолжает поездки в Ангкор, Тханьхоа, Хоабинь. Последний свой отпуск он берет зимой 1938 г. Его здоровье сильно пошатнулось, тем не менее он выступает с докладами в Париже, Бресте, Амстердаме, Лейдене. Через некоторое время В. В. Голубев возвращается в Ханой, где 6 августа 1945 г. умирает от сердечного приступа. В. В. Голубев, по оценкам современников, был превосходным, тонко чувствующим прекрасное специалистом, большим энтузиастом своего дела. Он сыграл большую роль в воссоздании и изучении памятников культуры ранних этапов истории Камбоджи и Вьетнама. Имя В. В. Голубева по праву занимает одно из видных мест среди крупнейших исследователей культуры и искусства Южной и Юго-Восточной Азии.

Однако научная биография его еще не написана. Известна лишь одна работа на эту тему — статья Фаннины Обуае [19]. В 1959 г. небольшой обзор жизни и деятельности Голубева был помещен в журнале «Проблемы востоковедения» [2]. Интересны обстоятельства появления этой статьи. Публикуя ее, редакция отмечала: «В Демократической Республике Вьетнам хранится память о крупном русском ученом В. В. Голубеве, который внес ценный вклад в исследование культуры Вьетнама. Наши вьетнамские друзья выразили желание, чтобы с его научной деятельностью была ознакомлена советская востоковедная общественность. Публикуя настоящий обзор, редакция выполняет эту просьбу» [2, 214]. Упоминает Голубева и П. И. Борисковский в своей книге «Первобытное прошлое Вьетнама» [1, 21, 163].

Остается добавить, что более детальный разбор работ В. В. Голубева об искусстве народов братского Вьетнама и соседних с ним стран послужил бы еще большему ознакомлению советских людей со многими сторонами их жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисковский П. И. Первобытное прошлое Вьетнама, М., 1966.
2. Рерих Ю. Н., Вампилов Б. Н. Виктор Викторович Голубев, — «Проблемы востоковедения», 1959, № 3, стр. 214—215.
3. Goloubev V. A propos de deux sculptures conservées au Musée de Mathurā, — «Etudes d'Orientalisme», t. I, Paris, 1932, p. 273—275.
4. Goloubev V. L'âge du bronze au Tonkin et dans le Nord-Annam, — BEFEO, t. XXIX, 1930, p. 1—46.
5. Goloubev V. L'archéologie du Tonkin et les fouilles de Dong-son, Hanoi, 1937.
6. Goloubev V. La Harihara de Maha Rosei, — «Etudes asiatiques», t. I, Paris, 1925, p. 285—296.

7. Goloubev V. La première ville d'Angkor,—«Journal asiatique», Paris, 1935, p. 293—299.
8. Goloubev V. La province du Thanh-hoa et sa ceramique,—RAA, t. VII, Paris, 1931, p. 112—116.
- 8a. Goloubev V. Les dessins de Jacopo Bellini au Louvre et au British museum, pt 1—2, Bruxelles, 1908—1912.
9. Goloubev V. Le Phnom Bâkhen et la ville de Jaçovarman,—BEFEO, t. XXXIII, 1933, p. 319—344.
10. Goloubev V. et Finot L. Le symbolisme de Nâk-Pan,—BEFEO, t. XXIII, 1924, p. 401—405.
11. Goloubev V. Le tambour-génie de Dan-né,—BEFEO, t. XXXIII, 1934, p. 345—349.
12. Goloubev V. Le temple de la Dent à Kandy,—BEFEO, t. XXXII, 1932, p. 441—474.
13. Goloubev V. Les tambours magiques en Mongolie,—BEFEO, t. XXIII, 1924, p. 407—409.
14. Goloubev V. Melanges sur le Cambodge ancien,—BEFEO, t. XXIV, 1925, p. 501—519.
15. Goloubev V. Nouvelles recherches autour du Phnom Bakhén,—BEFEO, t. XXXIV, 1935, p. 576.
16. Goloubev V. et Finot L. Rapport sur une mission archeologique a Ceylan,—BEFEO, t. XXX, 1931, p. 627—643.
17. Goloubev V. Roches gravées dans la région de Chapa (Tonkin),—BEFEO, t. XXV, 1926, p. 423—433.
18. Goloubev V. Sur l'origine et la diffusion des tambours métalliques en Indochine,—BEFEO, t. XXXI, 1932, p. 137—150.
- 18a. Goloubev V. Sur quelques images Khmeres de Vajaradhara,—«Journal of Indian Society of Oriental Art», 1937, vol. V, crp. 95—104.
19. Feannine Auboyer, Victor Goloubev,—«Artibus Asiae», t. I, 1947, p. 64—68.

Е. В. Иванова

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КАМЕННОМ ВЕКЕ ТАИЛАНДА

*(по материалам тайско-датской археологической экспедиции
1960—1962 гг.)*

Археологическое изучение древнейшего прошлого Таиланда, начавшееся в 30-х годах нынешнего столетия, в течение трех десятилетий ограничивалось поверхностными сборами. В 60-х годах коллективными усилиями европейских, американских и тайских археологов были достигнуты значительные успехи в исследовании ранних этапов истории некоторых районов Северного, Северо-Восточного и Центрального Таиланда. Особенно результативными оказались раскопки, произведенные в западной части Центрального Таиланда, где предварительные обследования местности, заключенной между реками Квэной и Квэяй (притоками р. Меклонг, впадающей в Сиамский залив), в провинции Канчанабури, вскрыли наличие большого числа объектов, заслуживающих методического археологического изучения, — нескольких пещер и скальных навесов, служивших людям укрытием или местом погребений в эпоху от палеолита до неолита и дольше, а также открытых стоянок, бывших местами поселений в период неолита и (или) бронзового века.

Наибольшие по масштабам археологические работы развернулись в местонахождениях Сайёк и Банкао (оба представляют собой комплексы из нескольких стоянок) на р. Квэной. Результаты этих работ, проведенных участниками тайско-датской экспедиции в 1960—1962 гг., нашли отражение в двух томах «Археологических раскопок в Таиланде» [3; 7].

Опубликованный датскими археологами материал значительно обогащает представления о культуре древнейшего населения Западного Таиланда, о его культурно-исторических связях с соседними народами.

Раскопки местонахождения Сайёк дали разнообразный материал с ясной стратиграфией, свидетельствующий о том, что на протяжении длительного периода эта местность была обитаема. Находки, относящиеся к периоду каменного века, представлены каменными и костяными орудиями (более 1500), керамическими изделиями. Глубина культурного слоя в Сайёке — и в пещерах, и в открытых стоянках — 4 м. Доля древнейших типов в общем числе найденных орудий труда невелика, что свидетельствует, по-видимому, о незначительной населенности данного места в начальный период, а наличие почти пустых слоев говорит о перерывах в его заселении. Несравненно большее содержание орудий (из гальки) в культурном слое на берегу реки дает основание полагать, что люди жили преимущественно на равнинах возле рек, пользуясь простейшими укрытиями от непогоды, и только в дождливые сезоны искали убежища под нависающими скалами или в пещерах.

Основными занятиями в этот период были охота и собирательство. Материалом для изготовления орудий труда служили кварцитовая галька, в изобилии встречававшаяся по берегам реки, песчаник и сланец [3, 105—106].

На протяжении всего донеолитического периода галечная индустрия Сайёка представлена овальными монофасами, дисковидными скреблами, чопперами, короткими топорами и пр. [см. 3, 23—38]. Подобные орудия, встречающиеся на многих палеолитических местонахождениях Южной и Юго-Восточной Азии, можно рассматривать, на наш взгляд, в качестве свидетельства палеолитического характера культуры древнейших обитателей Сайёка.

Радиоуглеродных дат, которые позволили бы определить абсолютный возраст культур Сайёка, не имеется. Хеекерен и Кнут, ссылаясь на отсутствие в этом слое каких-либо свидетельств того, что климатические и природные условия в то время сколь-либо существенно отличались от нынешних, считают невозможным провести границу между палеолитом и мезолитом. Однако называемый ими предположительно возраст этой культуры — 8—10 тыс. лет [3, 107] — показывает, что они все же склоняются к характеристике ее как мезолитической.

Изготавливавшиеся в это время каменные орудия использовались для рубки деревьев, разделывания туши зверя, разбивания раковин съедобных моллюсков. К некоторым орудиям, возможно, приделывались деревянные ручки. Охотники пользовались, по-видимому, оружием из дерева и бамбука.

В характерном для этого периода погребении скелет человека лежит на спине, с согнутыми в коленях ногами, со ступнями, стоящими на земле, правая рука под подбородком, левая согнута и положена поперек тела. Голова несколько выше тела, лицо повернуто вправо, земля над головой и на уровне груди посыпана охрой. В могилу помещалась еда для умершего (судя по присутствию костей какого-то млекопитающего и раковин моллюсков). Все это с очевидностью говорит о наличии у древнейших обитателей Сайёка веры в загробную жизнь, а также о существовании определенного погребального ритуала [см. 3, 63].

Наступление неолита в Сайёке знаменуется появлением в погребальном инвентаре — в сочетании с каменными орудиями — керамических изделий — как ручной работы, так и сделанных на гончарном круге. Многие из них имеют веревочный орнамент, покрывающий всю поверхность или часть ее и выполняющий скорее функциональную, чем декоративную, роль: благодаря ему поверхность сосудов становится менее скользкой.

Неолитические орудия сделаны из кремнистого известняка, черных и серых мелкозернистых метаморфических пород, халцедона. Величина их по сравнению с предыдущим периодом уменьшилась, топоры и тесла тщательно отшлифованы. В Сайёке найдено 20 таких топоров четырехгранной формы и намного меньше — всего 3 — плечиковых топоров.

По мнению Хеекерена и Кнута, неолит Сайёка можно датировать по аналогии с неолитом Банкао примерно 1700—1300 гг. до н. э. [3, 116].

Другой пункт деятельности тайско-датских археологов — Банкао.

Здесь основное внимание археологического отряда (под руководством Сёренсена) было сосредоточено на изучении погребений. Было раскопано 44 погребения на стоянке Банг и 2 — на стоянке Лу II¹.

¹ Стоянка Банг занимала, по подсчетам археологов, площадь 8 тыс. кв. м, из которых раскопано около 400, стоянка Лу II (вместе с Лу I) — несколько меньшую.

Раскопки погребений дали богатый комплект керамических изделий — 162 целых сосуда, 55 разбитых и многочисленные черепки².

Образцов каменных орудий было найдено значительно меньше — всего 38, на многих из них — следы вторичной подправки (заострения краев), что свидетельствует о трудностях с добыванием материала.

Большинство найденных в Банкао каменных орудий соответствует, по Р. Гейне-Гельдерну, категории «четырехгранных топоров», некоторые — типу «плоских» и «валиковых топоров» [4]. Однако Гейне-Гельдерн не проводил различия между топором и теслом. Более поздняя классификация неолитических орудий, произведенная Р. Даффом [1], различает топоры и тесла в зависимости от положения режущего края по отношению к продольному сечению орудия: если режущий край расположен посередине и имеет два симметричных скоса — это, по Даффу, топор, при отсутствии симметрии — тесло.

По этой классификации топоров в Банкао найдено два, остальные орудия — тесла с разными типами односторонних и двусторонних скосов.

По форме топоры и тесла подразделяются на прямоугольные, трапецеидальные и треугольные (оба топора из Банкао — трапецеидальные, тесла — разнообразные), сечение имеют прямоугольное, трапецеидальное, линзообразное, в форме полумесяца при изогнутых или прямых сторонах [7, 87—88].

На основании исследования погребений в Банкао Сёренсен называет фазами в развитии культуры его древнего населения ранний неолит, поздний неолит и железный век.

Для раннего неолита характерно использование в качестве орудий тесел, сделанных из сланцевидного камня, изготовление керамических сосудов черного, коричневого, красного цветов, на подставке и без нее. Поверхность сосудов полировалась, широко применялся веревочный орнамент, реже — накладные и вдавленные украшения, разрисовка.

Умершие погребались в лежащем — на спине — положении, лицом вверх, с глиняным сосудом у головы или ног и каменным теслом под черепом. Могилы не имели определенной ориентации.

Поздний неолит характеризуется каменными теслами (безусловно, преобладающими над топорами), толстостенными, хорошо обожженными керамическими сосудами, с подставкой и без нее, черными, коричневыми и серыми.

Серп и нож из раковин моллюсков свидетельствуют о начале земледелия. Обилие костей животных, рыб, раковин, найденных при раскопках, говорит о мясо-рыбном столе банкаосцев, а наличие костей свиньи наводит на предположение о том, что они занимались разведением этих животных.

Погребальный обряд заключался в том, что тело умершего помещали в могилу, как и в предыдущий период, на спине, лицом вверх, с дарами у головы или ног, а сверху покрывали свиной кожей.

В числе предметов погребального инвентаря обнаружены каменные кольцо и фаллос, наконечники стрел, орудия из рога, изделия из раковин, украшения.

Для стоянки Банг в Банкао определена радиоуглеродным методом дата начала поселения — 1770 ± 140 лет до н. э. — благодаря обнару-

---

² Сёренсен предпринял типологическую классификацию керамики, взяв за основу наличие (12 типов с вариантами) или отсутствие (14 типов с вариантами) подставки, форму изделий, характер обработки их поверхности, цвет (функция изделий из керамики не учитывалась) [см. 7, 75—85].

жению большого скопления керамики ранненеолитического типа вместе с кусками угля, явно современными керамике.

Вторую дату (1360 ± 140 лет до н. э.), определенную по скоплению угля вне погребения и не увязанную с каким-либо типом керамики, согласно гипотезе Сёренсена, следует отнести к позднему неолиту [7, 111].

Сёренсен подверг тщательному рассмотрению связь культуры неолитического населения Банкао с культурными комплексами, открытыми на других древних стоянках в Таиланде и окружающих странах. Прежде всего он обратил внимание на близость поздненеолитической керамики Банкао с керамикой одной из пещер Сайёка и пещеры Онгба на р. Квэяй. Это обстоятельство, по мнению Сёренсена, позволяет говорить о наличии единого неолитического комплекса в этих местах³.

Однако в Таиланде ареал таких сходных неолитических находок почти не выходит за пределы провинции Канчанабури: керамика из Северного Таиланда более примитивна и, главное, слишком фрагментарна, что пока не позволяет делать серьезных сравнений; керамические изделия, обнаруженные в Северо-Восточном Таиланде, не похожи на керамику Банкао [см. 5, 288; 6, 9].

Правда, можно говорить о сходстве с банкаоской керамикой полуостровной части страны: найденные здесь Эвансом [2, 207—209] фрагменты полых ножек треножников столь типичны, что их можно считать свидетельством родства местной культуры раннего неолита с культурой Банкао.

Итак, в западной части Центрального Таиланда и в прилегающей к ней его полуостровной части существовал, по-видимому, единый неолитический комплекс, в то время как в центре, на севере и северо-востоке Таиланда жили носители иной (или иных) неолитической культуры [7, 113].

Обзор неолитических находок из сопредельных стран, произведенный Сёренсеном, позволил установить наличие связи между неолитом Западного Таиланда и Северной Малайи, ослабевающей по мере удаления на юг: с Калимантаном эта связь еще ощутима, но с другими островами Индонезии уже не прослеживается.

Неолитическая культура соседних с Таиландом стран Индокитайского полуострова (Лаоса, Камбоджи и Вьетнама⁴) серьезно отличается от тайско-малайской [см. 7, 114—125].

В то же время сравнение раннего тайско-малайского неолита и луншаньской неолитической культуры Центрального и Северного Китая обнаруживает параллели в самых существенных чертах: в каменной, костяной, раковинной индустрии, типах керамических изделий, характере поселений, погребальном ритуале. На этом основании Сёренсен делает вывод, что источником раннего тайско-малайского неолита была луншаньская неолитическая культура на ранней, так называемой протолуншаньской стадии ее развития [см. 7, 125—127]. Поздний неолит Таиланда и Северной Малайи имеет параллели с отдельными местными вариантами собственно луншаньской культуры, и не исключено, что он возник под их непосредственным влиянием.

Согласно гипотезе, выдвинутой Сёренсеном, распространение луншаньской культуры из Китая в материковую Юго-Восточную Азию могло осуществляться, вероятнее всего, при миграции ее носителей вверх по Янцзы и далее вдоль Салуэна или Иравади. Данный путь миграции

³ Типы тесел, характерные для неолитического комплекса Банкао, имеют более широкое территориальное распространение, чем типы керамики, поэтому они не столь показательны.

⁴ О Бирме еще слишком мало данных.

(несмотря на отсутствие фактических данных) представляется Сёренсену более вероятным, так как, идя вдоль этих рек, носители неолитической культуры могли попасть через Бирму и ущелье Трех Пагод в долины рек Квэной и Квэяй. Путь миграции вдоль Меконга, по его мнению, отпадает, потому что до сих пор нет свидетельств о распространении родственной неолитической культуры в центре Индокитайского полуострова [см. 7, 132—134].

Хеекерен и Кнут также придерживаются взгляда о внешнем источнике происхождения неолитической культуры Сайёка. Этим источником была, по их мнению, луншаньская культура, которая могла проникнуть в Таиланд и Малайю в результате движения в южном направлении подвижных групп населения — вдоль берегов Китая и далее по морю или суше вдоль рек [3, 112].

Еще более сходной с неолитической культурой Сайёка эти авторы считают неолитическую культуру Юго-Восточного Китая, так называемый луншаноидный комплекс. Существенные различия между ними Хеекерен и Кнут объясняют как дистанцией, разделяющей территории распространения этих культур, так и разными природными условиями.

Таким образом, датские археологи придерживаются точки зрения об «импортном» характере тайландского неолита, т. е. о его появлении в Таиланде вместе с пришельцами с севера — южными монголоидами в расовом отношении, которые оттеснили или ассимилировали местное негроидное (австрало-меланезийское) население. Этих пришельцев Хеекерен и Кнут называют прямыми предками нынешних тай [3, 116]. Именно с их приходом, по их мнению, связан резкий перелом в культуре: появление земледелия с культурой риса и таро, домашних животных (свиньи, курицы, собаки), жилищ из дерева и бамбука и т. п.

Результаты антропологических исследований костных остатков древних обитателей Банкао будут освещены в отдельном томе, который готовит к печати тайландский антрополог Суд Сангвичиен. Предварительные заключения на основании своих наблюдений он опубликовал в виде краткого приложения к тому о раскопках в Банкао. Основной вывод Суда Сангвичиена состоит в том, что можно установить прямую преемственность между носителями неолитической культуры Банкао и тайским населением современного Таиланда. Поэтому первых он объявляет предками современных тай. Антропологическую характеристику банкаосцев Суд Сангвичиен дает в плане их сравнения с последними: рост как у тай; лица — от средних до широких, шире, чем у тай; спинка носа широкая и плоская, как и у многих нынешних тай, альвеолярный прогнатизм отсутствует, а у нынешних тай незначительный и т. д. Особенно показательным — в смысле доказательства наличия генетической связи между банкаосцами и современными тай — Сангвичиен считает вероятное содержание в крови у тех и других аномального гемоглобина E [7, 146].

Сёренсен принимает выводы Сангвичиена и в заключение к своему труду пишет: «Антропологическое изучение дает много свидетельств того, что имеется определенная связь между неолитическими обитателями Таиланда и нынешним тайским населением (отличным от позднейших пришельцев — китайцев), иными словами, нынешние тай (тайязычные) прибыли сюда, возможно, в не столь отдаленные исторические времена, но по крайней мере одна ветвь их предков занимала части королевства уже с 1800 г. до н. э.» [7, 147].

Это суждение Сёренсена не может не вызвать возражений. По нашему мнению, антропологические материалы, приводимые Сангвичиеном, могут свидетельствовать лишь о том, что неолитическое население

ние Западного Таиланда (точнее, Банкао) по физическому облику близко современным тай Таиланда. Однако вряд ли на этом основании можно делать вывод об этнической близости жителей Банкао и современных тай. Биологическое родство между тай, появившимися в Таиланде в I тысячелетии н. э., и коренным населением страны, сформировавшимся на основе неолитических племен, могло установиться позднее — в результате активной ассимиляции пришельцами местного населения, приведшей к тому, что тай стали преемниками древних жителей Таиланда как в антропологическом, так и в этническом отношениях. Но это обстоятельство не может служить аргументом в пользу того, что древние обитатели Таиланда или какая-то их группа были тай.

Находки периода бронзы в Сайёке немногочисленны и из-за плохой стратиграфии выделяются исходя из типологии. Это глиняные круглые и цилиндрические довольно миниатюрные сосуды, входившие, возможно, в погребальный инвентарь, и сосуды покрупнее, круглый колокольчик, бусы, браслеты и кольца. Эти находки не позволяют ясно представить характер культуры бронзового века в Таиланде, но неоспоримо свидетельствуют о том, что носители донгшонской культуры жили в долине р. Квэной. Из-за недостатка меди на всем протяжении бронзового века в Таиланде камень продолжал играть большую роль [см. 3, 117—121].

Железный век совершенно не реконструируется по находкам в Сайёке. Следующим после бронзового века здесь оказывается исторический период, начало которого принято связывать с распространением в Юго-Восточной Азии влияния Индии. Находки, относящиеся к этому времени, — это керамика XIV—XV вв., статуэтки, изображающие Будду (X, XVII вв.), наконец, руины буддийского храма XIII в.

Железный век для Банкао также не может быть реконструирован с полнотой на основании весьма ограниченного материала из относящихся к этому времени всего лишь двух погребений. Он представлен железными теслами, тонкостенными керамическими изделиями (одного типа) неровной окраски и менее эффективно обожженными, чем поздне-неолитические.

Погребальный обряд в этот период заключался в помещении трупа в могилу на спине, лицом вверх, погребальные дары — сосуды и тесла — в отличие от неолитических погребений располагались только у ног.

Связи между неолитом и комплексом, относящимся к железному веку, еще недостаточно ясны. Сравнение некоторых изделий из железа со стоянки Банг в Банкао с неолитическими изделиями из кости, например, обнаруживает поразительное сходство форм, что наводит на мысль о местной эволюции поздне-неолитической культуры в культуру железного века. Однако еще не установлены границы области, в которой происходила эта эволюция, неизвестно, было ли внешнее влияние [7, 110].

Таковы в сжатом изложении результаты работы тайско-датской археологической экспедиции в Западном Таиланде в 1960—1962 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Duff R. Neolithic adzes of Eastern Polynesia,— «*Anthropology in the South Seas*», 1959, стр. 121—147.
2. Evans I. H. N. On some Pottery Objects from Surat,— «*Journal of the Siam Society*», 1931, vol. XXIV, pt 2, стр. 207—209.

3. Hecker en H. R. van, Knuth Eifil Archaeological Excavations in Thailand, vol. I, Sai Yok, Copenhagen, 1967.
4. Heine-Geldern R. Urheimat und früheste Wanderungen der Austronesier,—«Anthropos», Bd. XXVII, 1932, crp. 543—619.
5. Sharp R. and L. Some Archaeological Sites in North Thailand,—«Journal of the Siam Society», 1964, vol. LII, pt 2, crp. 223—239.
6. Solheim W. G. II, Thailand and Prehistory,—«Silpacon», 1964, vol. VIII, № 3, crp. 173—191.
7. Sørensen Per Archaeological Excavations in Thailand, vol. II, Ban Kao, Copenhagen, 1967.

Ю. В. Маретин

**ИСКУССТВО ИНДОНЕЗИИ:
ОСНОВНЫЕ ВЕХИ
ТРЕХТЫСЯЧЕЛЕТНЕГО РАЗВИТИЯ**

I. Архитектура. Скульптура. Живопись

Индонезийское искусство отличают глубокая древность и большое многообразие, связанное с тем, что страну населяет не менее 150 народов, стоящих на разном уровне социально-экономического развития (яванцы, сунды, мадурцы, минангкабау, батаки, минахасы, тидорцы, папуасы и многие другие), с разнообразием экологических условий, а также с интенсивным воздействием других культур на протяжении многих веков [9; 28]. Искусство Индонезии сохраняет непрерывную линию развития в целом, но у ряда народов страны в некоторые исторические периоды обнаруживается перерыв художественной традиции, сопровождающийся появлением новых элементов, в комплексе которых, однако, находят место те или иные ценности предшествующих эпох, иногда неизменные, чаще преображенные [63; 41, 3—8]. Это затрудняет его периодизацию, и так не простую из-за несоответствия в уровне развития отдельных народов и неполного совпадения культурной истории с социально-экономической. Сложности возникают еще и потому, что за основу периодизации развития индонезийского искусства обычно берется культурная история Явы, поскольку на протяжении всей истории Индонезии ведущим культурным центром был этот остров [см., например, 26; 50; 51; 95; 102].

Большую роль в разыскании, изучении, сохранении и восстановлении памятников изобразительного искусства и в публикации материалов о них сыграли Батавское общество искусств и наук (основанное в 1778 г.) и Комиссия Нидерландской Индии для археологического исследования Явы и Мадур (основанная в 1901 г.), существующие и в настоящее время под индонезийскими названиями. Поистине огромный вклад в изучение индонезийского искусства и его истории внесли голландские археологи и искусствоведы: Й. Брандес [18; 19], Й. Мунс [58], Т. ван Эрп [26; 53], П. ван Стейн Калленфелс [88], В. Стюттерхейм [89; 90; 91], Г. Руффар [77], Й. Фогел [96], Ф. Босх [17], А. ван дер Хооп [42], Х. ван Хеекерен [36; 37], А. Бернет Кемперс [15]; немецкий археолог Ф. Шнитгер [79, 80]; австро-американский ученый Р. фон Хайне-Гелдерн [39; 40]; французский историк культуры П. Мюс [61]. Велика заслуга искусствоведов — индийца А. Кумарасвами [22], французов М. Вернёя [95] и А. Маршала [55], голландцев П. Моойена [60] и Т. Галестина [27], немцев К. Вита [102] и Ф. Вагнера [98; 99]. Следует выделить работы Ф. Вагнера и особенно американской исследовательницы Клэр Холт [41], которая в своем комплексном труде сделала наиболее удачную попытку показать искусство Индонезии в его непрерывности и изменении и во

взаимосвязи отдельных его направлений, хотя отразить все этническое многообразие искусства «страны трехсот тридцати трех наречий» не удалось и ей.

Очень важны и работы историков, сыгравшие большую роль в изучении искусства Индонезии, — голландцев Н. Й. Крома, написавшего также особую работу по древнему и средневековому искусству Явы [50; 51; 52; 53], Й. де Каспариса [20], французов Ж. Сёдеса [21], Ш. Дамэ [25а], Т. Пижо [70]¹. Наконец, нельзя не назвать и работы этнографов, ибо именно эти работы наилучшим образом помогают понять специфику искусства отдельных народов страны и в то же время выявить общее у них, т. е. определить то «единство в многообразии», которое в виде девиза написано на гербе Республики Индонезии. К сожалению, объем данной работы позволил привлечь лишь очень немногие этнографические материалы, включенные в соответствующих местах в текст.

В изучение индонезийского искусства включились и сами индонезийские ученые: историк и литературовед старшего поколения Р. Пурбачарака [71], литератор, историк культуры и социолог С. Т. Алишахбана [13], археолог и историк культуры Сучипто Вирьосупарто [93], искусствоведы и художники М. Насрун [64], Р. Мурдово [59], Сугенг [87]. Появилось довольно много общих работ, посвященных как проблемам культуры Индонезии в целом, так и ее искусству [например, 43; 57; 83; 84; 85].

Из советских работ следует назвать статьи А. Венедиктова и О. Прокофьева по искусству средневековой Индонезии [1; 10], статью группы авторов из энциклопедии «Искусство стран и народов мира» [7], альбом искусствоведа П. Рябинкина [11], работы Л. М. Демина [2; 4].

В публикуемом очерке об архитектуре, скульптуре и живописи Индонезии, за которым должны последовать очерки о художественных ремеслах и о танце, музыке и театре, не ставится задача разработки какой-либо новой периодизации индонезийского искусства. Автор стремился, во-первых, выделить основные этапы в развитии архитектуры, скульптуры и живописи от искусства каменного века до рубежа 60—70-х годов XX в.; во-вторых, охарактеризовать особенности каждого вида искусства и каждого периода; в-третьих, проследить преемственность традиций в условиях непрерывного исторического и социально-экономического развития страны и постоянных внешних влияний — индийских, арабских, китайских, европейских; наконец, в-четвертых, отразить по возможности вклад отдельных народов страны в развитие ее искусства².

* * *

Искусство каменного века представлено по всей Индонезии, а в некоторых районах (например, в глухих областях Западного Ириана) оно

¹ Обращаем внимание на почти исчерпывающие историографические материалы по развитию Индонезии в разные периоды ее истории, помещенные в книгах, изданных Д. Холлом и Суджатмоко, где есть также и материал по истории искусства Индонезии [32; 86]. Первая из них построена по хронологическому принципу, вторая рассматривает историографию Индонезии под углом зрения различных дисциплин.

² Ссылки на иллюстрации даются лишь в отдельных случаях; во всех остальных читатель может обратиться к общим работам по искусству Индонезии — альбому [6; 11; 45; 54; 94], иллюстрированным путеводителям [44], музейным каталогам [103], иллюстрированным монографиям и очеркам общего характера [1; 10; 15; 41; 42; 46; 98; 99]. Прежде всего мы рекомендуем альбом-монографию А. Бернет Кемперса «Древнее индонезийское искусство», где даны 353 иллюстрации — от археологической древности до начала XVII в. [15], и монографию К. Холт «Искусство Индонезии» с 200 иллюстрациями [41]. Незаменимым пособием являются также этнографические монографии по стране и отдельным ее народам.

продолжает существовать и сейчас. На островах Восточной Индонезии, от Калимантана до Западного Ириана, встречается наскальная живопись, оставленная людьми эпохи мезолита: изображения животных, особенно ящериц и рыб, отпечатки человеческих рук, изображения лодок, символы солнца, луны, символы плодородия [25, 257—262; 33; 76]. В этой живописи отражаются тотемистические и магические мотивы, а также некоторые космологические представления древних насельников Индонезии. Иногда это сложные и многофигурные композиции магического значения с охровой, красной, черной и белой окраской; пещеры, в которых найдены эти рисунки, хранят следы культовых действий. Некоторые мотивы (например, мотив лодки) проходят в дальнейшем через все эпохи — в орнаменте, в форме гробниц, крыш домов, головных уборов и т. д. [25, 261; 97]; широко распространился мотив ящерицы [101].

К позднему неолиту (с рубежа II—I тыс. до н. э.) относится начало сооружения мегалитических построек — ступенчатых каменных террасных святилищ, иногда напоминающих ступенчатые пирамиды, воздвигавшихся на склонах гор или на небольших плато [69; 80; 47, т. 3]. Традиция их сооружения в отдельных районах Индонезии сохранилась до XIX в. (о. Ниас [82] и даже до XX в. на Калимантане [34]), а архитектурные формы присутствуют во многих средневековых каменных постройках Индонезии. Наиболее значительно святилище Лебак Сибедуг в горах Западной Явы [80]. От этой эпохи сохранились также стелы,obelisks, массивные каменные скамьи, каменные мостовые и т. п., иногда с фаллическими изображениями. В то же время распространяются скульптурные изображения человека, разнообразные по стилю в различных районах архипелага; общим в них является массивность, лаконичная простота, доходящая до примитивизма, почти полное отсутствие декоративных элементов, выделение основных частей тела и признаков пола, обобщенность черт лица [37; 41, 11 и сл.; 88; 98, 7—22].

Распространение бронзы было связано с волной переселенцев из материковой Юго-Восточной Азии. В эпоху бронзы (не позднее III в. до н. э.) в связи с развитием пахотного орошаемого земледелия появились новые сюжеты в искусстве — прежде всего мотив буйвола, который стал символом жизненной силы. Этот мотив вошел в быт (форма женского головного убора у минангкабау, украшения домов рогами буйвола и пр.), в танец. Совершенствуются мегалитические постройки. Появляются элементы театра, о чем можно судить по разнообразным маскам как культового, так и развлекательного характера [73, 1—61, 93—215]. Искусство обработки бронзы достигает большого совершенства. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас кельты, вазы, бронзовые фигурки человека, большие бронзовые барабаны с богатой орнаментикой, в которой широко представлены мотивы рыбы, лягушки, птицы [15, илл. 5—21; 36; 56; 88; 98, 23—27], а позднее и гонги [25, 205—209]. В целом искусство каменного и бронзового веков говорит о том, что жизнь народов, его создавших, была тесно связана с морем.

Расположенная на великом морском торговом пути из Индии, Персии и государств Арабского Востока в страны Дальнего Востока, Индонезия очень рано стала объектом культурных влияний, шедших в первую очередь из Индии [5, 87—88; 21; 50; 51; 89, т. 2]. Позднее эти влияния воспринимались и опосредованно, через соседние государства, например Цейлон [20]. Контакты с высокоразвитыми соседними государствами имели огромное значение для ускорения процесса социально-экономического развития Индонезии. В условиях классового расслоения и сложения государств появилась потребность в новой идеологии, которая узаконила бы существование наследственных правителей, оправдала

существование классов; нужны были некоторые внешние формы в виде ритуала, титулов и т. п. Новая, классовая идеология была воспринята из Индии в форме религий — индуизма (преимущественно в его шиваитской форме) и буддизма. Этому процессу, так же как и ассимиляции индийских культурных элементов в целом, способствовало то обстоятельство, что в основе своей ранний индуизм в Индии и анимизм в Индонезии имели общие черты. Индуистские боги и герои включались в анимистический пантеон индонезийцев, а местные божества были просто персонифицированы: солнце — Сурья, луна — Чандра, огонь — Агни, богиня риса стала богиней Шри, супругой Шивы, и т. д.

В этой связи представляется неоправданным изображать древнее индонезийское искусство и культуру в целом как результат чистого заимствования. Эта точка зрения в той или иной степени была распространена среди ученых вплоть до 30-х годов XX в. [см., например, 23; 26; 50; 51; 55; 95; 96; 104]. В настоящее время все большее распространение получает взгляд на индонезийскую культуру как на органический синтез коренных черт, лежащих в ее основе, и творчески переработанных внешних элементов [8, 142—143; см. также 17, 1—22; 41; 63; 72; 98; 100].

Эти новые черты ярко проявились в искусстве средневековой Индонезии, в котором можно выделить три периода, в целом вполне соответствующих принятой нами периодизации истории Индонезии [5, 84—92, 296—304, 523—532]. Это — раннее средневековье, от появления первых государств в первые века нашей эры до XI в., с преобладанием буддийских памятников в начале этого периода (начало VIII — начало IX в.) и индуистских в конце (IX—X вв.). Центром культуры были в это время районы Средней Явы. Далее — развитое средневековье, XI—XV вв., с преобладанием шиваитского и синкретического направлений и с центром на Восточной Яве. Наконец, позднее средневековье — XVI—XVIII вв., когда индийские влияния заменились арабо- и индомусульманскими.

В период раннего средневековья складывается тип *чанди* — святилищ, возводимых первоначально над прахом умерших правителей [90; 74]. Это искусство выглядит возникшим чудесным образом. Но исследование показывает, что, впитав ряд черт индийской храмовой архитектуры, чанди остаются самобытным творением индонезийского гения, восходя по своему облику, местоположению и функциональному назначению к мегалитическим террасным святилищам. Чанди имеют общие черты: на каменном ступенчатом основании возводится кубический объем, прямоугольный (позднее крестообразный) в плане, над которым сооружается пирамидальная уступчатая крыша; нередко покрытие по форме представляет собой *ступа*. Главный портал, обычно выступающий далеко за плоскость фасадной стены, ведет в центральное помещение, где находится фигура божества (Будды, Шивы и т. д.); более скромные порталы ведут в боковые помещения. Портал обычно обрамлен пышным орнаментом: голова демона-*кала* над входом, а выше ее — сложный декор, повторяющий в общих чертах профиль покрытия чанди; по бокам внизу — фантастические существа *макара*. Кладка сухая. Стены обычно украшены рельефами, нишами с размещенными в них фигурами, вкупе составляющими целое повествование; места для плоской стены не остается. Рельефы содержат богатейший материал по архитектуре, утвари, одежде, музыкальным инструментам, типам современных людей, миру животных и растений и пр. — во всем этом видна Индонезия своего времени [10, 80—82]. В изображениях же богов и героев, заимствованных из индийского эпоса, видна Индия. Отличительная осо-

бенность чанди — гармоничность отдельных элементов и всего комплекса, увязка с окружающей местностью, строгая уравновешенность основных элементов здания и декора. Стил ь скульптуры — мягкость лепки, пластичность, отсутствие лишних деталей (например, голова монаха из чанди Севу [15, илл. 132—134]).

Буддийские чанди являются более ранними. Из сохранившихся наиболее знамениты стройный Каласан (778 г.), строгий Мендут (ок. 800 г.), изящный Павон, внушительный Севу, сооруженные в конце VII—IX в., и др. [15, илл. 46 и сл.; см. также 26; 58; 66; 95; 102]. Нередко центральный храм окружен одним или несколькими рядами малых святилищ. Из буддийских чанди своеобразием архитектурного решения выделяется Сари (ок. IX в.) — трехкамерная постройка с горизонтальным членением в три яруса [15, илл. 118—123].

Особое место занимает Боробудур (ок. 800 г.) — грандиозный ступенчатый ступа высотой 31,5 м, квадратный в плане, со стороной 110 м [15, илл. 67—95; 53; 61; 91, 1—62]. Храм сооружен вокруг естественного холма, обложенного каменными блоками (2 млн. куб. м андезита!), внутреннего пространства нет. Боробудур — буддийский микрокосм: пять нижних квадратных галерей символизируют землю, три верхних круглых — небо. Памятник украшают 1560 сюжетных многофигурных барельефов, 1212 декоративных панелей, 504 изображения Будды (в том числе 72 в ажурных *дагобах* на трех верхних террасах) и, кроме того, бесчисленные маски, пилястры, ниши и пр. Посетитель целиком погружен в мир каменного повествования о жизни Будды, литературной основой которого послужили джатаки [52]. Он движется по галереям, как по туннелю, окруженный рельефами с двух сторон: в галерее на внутренней стороне рельефы расположены в два яруса высотой около 2 м, на внешней — в один, причем эта стена значительно выше человеческого роста. В целом храм — это гимн в камне буддийскому пути спасения. Но еще более — торжественный гимн человеческому гению, ибо Боробудур — гармония архитектуры, скульптуры и орнаментики, господство пропорциональности и симметрии. Рельефы Боробудура отличаются строгой, уравновешенной композицией, связаны ритмом сюжетного повествования; драматические коллизии отсутствуют. В рельефах много реалистических сцен, что позволяет назвать этот памятник каменной энциклопедией жизни на Яве в раннесредневековый период.

Вслед за буддийскими появляются индуистские — прежде всего шиваитские — храмы, а затем сооружаются одновременно те и другие. Между буддийскими и индуистскими чанди много общего; например, много сходства в уже упоминавшемся Каласане и индуистском Бима [см. 1, 148—149]. Чанди же Рату Рака представляет ранний образец буддийско-индуистского синкретизма. Самый древний из известных шиваитских храмов — чанди близ Мунтилана (732 г.), от которого сохранился лишь фундамент. Из шиваитских храмов этого периода обращает на себя внимание сооруженный около 809 г. на плато Динг высокохудожественный комплекс из 24 чанди, соперничающих друг с другом по гармоничности и изяществу, названных именами героев «Махабхараты» — Арджуна, Пунтадева, Бима и др.; чанди Прингапус и большой архитектурный комплекс Прамбанан (ок. 856 г.), названный так по близлежащей деревне. Из индуистских храмов этот комплекс самый знаменитый [15, илл. 139—159; 48]. В центре его главный 48-метровый храм Шивы, самая высокая постройка Индонезии периода средневековья и нового времени; по бокам храмы Брахмы и Вишну; перед тремя основными храмами три меньших. По квадратному периметру, вокруг площадки, занятой основными храмами, расположены в несколько ровных

рядов 156 гробниц (первоначально их было 224). В главном помещении храма Шивы его статуя, в трех боковых — Агасти, Ганеши и Дурги, супруги Шивы. Отсюда и другое название комплекса — Лоро Джонггранг, т. е. «Стройная дева». Рельефы Прамбанана — главным образом сцены из «Рамаяны», — имея большое стилевое сходство с боробудурскими, более динамичны по композиции и драматичны по настроению. Появляются интимные сценки земной жизни, данные иногда юмористически. В то же время в пластике, также в отличие от Боробудура, божественная и земная сферы отделены более резко. Шиваитские изображения — это концентрация энергии, эманация которой должна коснуться всех, кто видит их. Скульптуру — и каменную и бронзовую — отличает обилие украшений.

При всем огромном сходстве с индийским искусством средневековой Явы, имевшее целью изобразить всеобщую гармонию, не имеет себе двойников в Индии. Несмотря на развитие фаллического культа, здесь нет ни подчеркнуто мужских форм, ни ультрафеминистских, отсутствует космическая сексуальность, что характерно для искусства средневековой индуистской Индии.

В период развитого средневековья, начиная с XI в., в силу ряда исторических и естественно-географических причин основным центром культурной жизни стала Восточная Ява. На искусство этого периода огромное влияние оказала бурно развивавшаяся литература на древне-яванском языке — как переложения индийского эпоса, так и оригинальные произведения на индонезийские сюжеты, которые вдохновляли скульпторов. Продолжают быть популярными буддийские джатаки [ср. 71; 73]. Растет религиозный синкретизм: шиваизм сливается с буддизмом (в его тантрической форме) и с исконным индонезийским анимизмом. То же произошло на Бали, где местные божества слились с индуистско-буддийским пантеоном (например, священная гора Гунунг Агунг с богом солнца Сурьей).

Памятники восточнаяванского искусства разбросаны в излучине р. Брантас к востоку от нее. Наиболее известные памятники этого периода — шиваитские чанди Джалатунда (конец X в.), Кидал (XI или XIII в.), Панатаран (XII—XV вв.), вишнuitский Белахан (ок. 1049), шиваитско-буддийские Сингасари и Джави (оба XIII—XIV вв.), буддийский Джаго (XIII в.), а также остатки крепостного и гражданского строительства периода Маджапахита (середина XIV — середина XV в., сохранились в основном близ современной деревни Травулан). Храмовые сооружения отличаются свободной планировкой комплексов, частыми становятся отдельные небольшие сооружения, удлиняются формы, появляются постройки с высокой пагодообразной крышей, скульптура становится еще более динамичной и менее гармоничной. Материалом для строительства нередко служит красный кирпич [15, илл. 139 и сл.; 18; 19; 74].

Наиболее характерный для этого периода храмовый шиваитский комплекс Панатаран. Начатый, по-видимому, около 1197 г., он в основном строился с середины XIV до середины XV в. Это — символ величия государства Маджапахит (об эпохе см. 70). Основная постройка — тот же кубический объем, но менее массивный, увенчанный далеко выступающим карнизом, поддерживающим крышу, высота этой последней несколько больше высоты основного объема здания, легкой ступенчатой пирамидой она устремляется вверх [15, илл. 271—285].

Творения древней и современной архитектуры Бали — храмы *пура* — по общей планировке и формам близки к восточнаяванскому стилю: храмовые дворики, окруженные стенами, богато декорированный глав-

ный вход, представляющий собой как бы рассеченную стену, пирамидальные центральные храмовые постройки — *меру* — с пагодообразными крышами [24; 29]. Ближайшие аналогии эти постройки имеют со средневековой камбоджийской архитектурой (Преах-Ко, Баксей-Чамкронг и др.). На Суматре в этот период сооружались *биаро* — массивные буддийские ступа, башнеобразные по форме, круглые или прямоугольные в плане, простые по тектонике и декору (район Паданг-Лавас на Центральной Суматре) [39; 79].

В скульптуре в эти века появились новые мотивы: идиллические сцены из литературы и эпоса, исполненные мягкой грации и романтического настроения, естественные линии в пейзаже, формы человеческого тела стали более деликатными, а образы — более индивидуализированными. С начала XIII в. на скульптуру оказывает все более заметное влияние яванский театр теней, или театр плоских кожаных кукол — *ваянг пурво* (*ваянг кулит*), — имеющий оригинальное, яванское происхождение и возникший не позднее рубежа IX—X вв. [41, 128 и сл.; 73, 93 и сл.]. Сюжеты этот театр черпал из яванского и яванизированного индийского эпоса, некоторые герои и мотивы были общими для многих народов Индонезии. По его канонам изображения героев даются в профиль, они плоскостные, с подчеркнуто заостренными, угловатыми формами. По мере развития в скульптуре этого стиля декоративную — «ваянговую» — форму на рельефах приобретает и природа. В целях декоративности заполняется все пространство рельефа (прообраз балийской живописи). В некоторых рельефах объединяют оба стиля. Слияние же различных религий ярко видно в отождествлении правителя в одном чанди как Шивы-Будды (например, образ Кертанегары в чанди Джаго), при этом само обожествление основателей династии и умерших правителей по-прежнему тесно связано с культом предков.

Если в Боробудуре и Прамбанане — реализм скульптурных форм, то в Панатаране — фантазия, одухотворение сил природы (деревья, облака изображаются антропоморфными или зооморфными); везде присутствуют демонические силы, тогда как ранее они представляли лишь конкретных врагов, конкретных героев. Фантастические львы и змеинага, стражи-демоны у входа — вот обязательный скульптурный набор храмов восточнойяванского периода [15, илл. 275 и сл.]. Присутствуют, правда, и поэтические бытовые сценки (чанди Кедатон), сцены любви (рельефы Пенанггунгана), сохраняется бытовая скульптура; яркий пример расцвета деревянной скульптуры — искусство вырезания ритуально-театральных масок. Особенно развивается керамическая скульптура, о чем свидетельствуют находки близ Травулана: прелестная статуэтка женщины, скульптурная голова мужчины — предполагаемый портрет полководца и государственного деятеля Гаджа Мады [15, илл. 289—295; 41, 90—92]. Развивается культ Бхайравы — смертоносного воплощения Шивы, о чем свидетельствует ряд скульптурных изображений. Последними сооружениями этого периода являются святилища Сукух (XV в.) и Чета. Оба они несут яркие черты мегалитической культуры: террасное расположение, ступенчатая форма храма [15, илл. 329—338].

Ислам, начавший активно распространяться в Индонезии со второй половины XIII в. (с Северной Суматры), а в XV—XVI вв. ставший основной религией городов-государств Северной Явы, принявших его как оружие в борьбе с индуизированным Маджапахитом, привел к значительным сдвигам в искусстве [81; 89, т. 3]. Распространение мусульманства с его религиозными догматами и художественными канонами, запрещавшими изображение человека и животных, ознаменовало наступление нового периода — периода позднего средневековья, отме-

ченного тем, что архитектура и скульптура как бы остановили свое развитие в мусульманских районах. В изобразительном искусстве прерыв длился почти четыре столетия, оно ушло в орнамент. Преемственность традиций на Яве и в других исламизированных районах сохранялась в театре теней и других разновидностях театра, танце, эпосе, народной поэзии, народном жилище. На Бали же средневековые традиции искусства индуизированной Индонезии сохранились и упрочились, войдя в XX в.

Первые мечети еще повторяют характерные для чанди ступенчатые формы, однако наверху не глухое многоярусное ступенчатое покрытие, а открытая платформа на легких колоннах и с облегченным двойным покрытием (минарет в Кудусе, начало XVI в.) [15, илл. 341; 30]. Могила мусульманского проповедника Сунана Байята (1663) оформлена как вход в балийский храм [15, илл. 353]. В последующем храмовые постройки все более приближаются к стилю традиционной арабской мечети. В целом мусульманство периода позднего средневековья и последующих периодов не оставило выдающихся памятников. Характерно, что мечети в удаленных районах страны строятся из традиционных материалов и нередко включают в себя элементы гражданской архитектуры, принятой у данного народа (минангкабау, банджары и т. д.).

Появление в начале XVI в. европейцев, а затем и укрепление голландцев на архипелаге привели к большим изменениям — в том числе и в искусстве [93]. В архитектуру голландцы вводят характерные европейские черты; так, они строят Батавию как типичный голландский город XVII в. — со сплошными рядами островерхих домов, крытых черепицей, с каналами. Административные здания середины XVIII—XIX вв. построены в стиле европейского классицизма — дворец генерал-губернатора в Бейтензорге (1745), ныне Богор, ряд домов в Батавии, здание музея здесь же и др. В том же стиле построены некоторые дома (например, второй дворец генерал-губернатора) в Велтефрейдене — новом городском районе на юге Батавии, основанном в 1808 г., — районе с прямоугольной планировкой, широкими улицами, домами европейского облика.

В городах появляется смесь западного и восточного стилей с соответствующим делением на кварталы. Населенная европейцами часть города застраивается в традиционном европейском стиле, а населенная индонезийцами — стихийно, как и прежде, бамбуковыми, деревянными или каменными домами, обычно не выше двух этажей. Во всех больших городах, в том числе и в столице, за рядами современных домов тянутся улицы и целые кварталы — так называемые *кампунги*, причем не только на окраинах, но и в центре. Из больших городов, развивавшихся при голландцах, лишь Бандунг с его прямоугольной планировкой напоминает современный европейский город. В городах Внешних провинций появились крепостные сооружения, здания христианских церквей (протестантских и католических), районы коттеджей голландских чиновников и плантаторов. Характерной чертой больших городов является наличие китайских кварталов, жители которых в основном торговцы и ремесленники, тут же продающие свои изделия. Первый этаж дома — это мастерская и лавка, второй — жилое помещение для семьи.

С начала XX в. все более широко распространяется модернистский функционализм в стиле общественных, административных, промышленных зданий — так называемый «тропический (или колониальный) модерн»: дома с галереями, лоджиями, навесами, солнцезащитными решетками на окнах (например, отель в Бандунге). Растет контраст между благоустроенными европейскими кварталами и скученными, не имеющими

ми элементарных удобств районами, населенными трудовым индонезийским людом.

* * *

В полной мере архитектурные традиции народов Индонезии сохраняются в народном жилище. Различие этносов и экологических условий привело к тому, что в Индонезии существует множество типов поселений и построек [60]. Преобладают прямоугольные в плане свайные каркасные дома из бамбука и дерева. Дома более древнего типа — овалы и круглые в плане — встречаются в Восточной Индонезии (Тимор, Западный Ириан). У яванцев дома без свай, многокамерные, окон нет, с торцевой стороны открытая веранда, пол земляной, частично покрытый циновками. Дома сундов на небольших сваях — до 0,5 м. В других районах дома свайные, у одних народов (у малайцев Суматры и Калимантана, у народов Южной Суматры и др.) легкие, у других же (у батаков, минангкабау, тораджей, нiasцев) сваи и платформы каркаса чрезвычайно массивные и постройки выглядят весьма фундаментально [см., например, 9, 506, 516; 22, т. I; 82]. Вход в свайные дома бывает с торцевой стороны по примитивной лестнице или по бревну с зарубками (даяки), или с фасада по лестнице, оформленной в виде крыльца (минангкабау), или в центре пола через люк (батаки).

Крыши обычно крутые, из пальмового листа (или волокна) или из дранки железного дерева. На Суматре и Сулавеси они особенно массивны, причем у тоба-батаков и тораджей двускатные крыши значительно выступают над торцовым фасадом и их поддерживают с помощью специальных подпорок и боковых кронштейнов. Дома каро-батаков четырехскатные с декоративной надстройкой, повторяющей в миниатюре конструкцию основной крыши (иногда этих надстроек несколько — одна над другой, что имеет престижное социальное значение). Нижняя часть крыш батакских домов низко нависает над стенами. У минангкабау крыша седловидная с приподнятыми концами (профиль лодки), под которые по мере необходимости с обеих сторон подстраивают новые пристройки к дому; концы крыши украшают шпилями или головами, или рогами буйволов (как и батаки).

Даяки строят длинные дома на сваях высотой до 6 м, самый большой описанный в литературе дом имел 300 м в длину. Вдоль стены дома общий коридор, по одну сторону которого расположены семейные каморки, отгороженные от коридора стеной (подобие купейного железнодорожного вагона) [38]. На Бали встречаются также глинобитные дома, отгороженные от улицы такой же стеной; на территории двора расположено на строго определенных местах несколько построек, имеющих каждая свое функциональное назначение (включая и домашнее святилище).

Характерными для индонезийских поселений являются общинные дома: это каркасная постройка на свайной платформе, без стен, обычно с двускатной крышей, служащая местом собраний старейшин, а также играющая роль мужского дома и гостиницы.

Деревянные части жилых и общественных зданий часто богато орнаментированы, в том числе раскрашенным (тораджи) и даже инкрустированным (минангкабау) орнаментом; орнамент — геометрический и зооморфный (чаще всего ящерица). Поселение может состоять из одного дома (у некоторых групп даяков); встречаются линейные поселения с односторонним и двусторонним расположением домов (батаки); в виде кварталов и отдельно разбросанных групп домов (яванцы, минанг-

кабау и др.). Размер их — от 10—15 человек (временные, шалашные поселения бродячих собирателей, например кубу) до огромных деревень, почти городов, численностью в несколько тысяч человек (на Яве).

* * *

Если на Яве и в некоторых других районах Индонезии архитектура и скульптура претерпели большие изменения с приходом ислама и затем европейцев, то на Бали традиционное искусство существовало почти без изменений до начала второй мировой войны. Искусство этого острова занимает особое место в индонезийском и мировом искусстве из-за его национальных особенностей, непрерывности культурной традиции на протяжении всего исторического периода, наконец, из-за практически всеобщей его распространенности у балийцев: жизнь на Бали эстетически столь насыщена, как, по-видимому, нигде в мире. В основе образности этого искусства — поклонение природе, ее богам и духам, прославление человеческого бытия в природе. Музыка гамелана, экзотические и гармонически уравновешенные танцы, архитектура, скульптура и орнаментика, поражающие обилием форм, — все одухотворено и в необыкновенной степени гармонирует с пышной тропической природой Бали. В целом здесь очень много общего с искусством средневековой домусульманской Явы, но большее богатство форм, большая эмоциональность фигур. В искусстве балийцев издавна присутствовали бытовые, гражданские мотивы. Говоря об оригинальном искусстве балийцев, нельзя также не упомянуть и об оформлении кремационных башен *бадэ*, о буйволородных саркофагах для сжигания останков умерших представителей высшей жреческой касты, о художественно оформленных жертвоприношениях, которые вереницы женщин по праздникам несут своим богам, о художественной резьбе, декоративных полотенцах с рисунками на ваянговые сюжеты [24; 29; 25, 136—142, 155—171].

Старая балийская скульптура — деревянная и каменная — с ее мифологическими персонажами была по преимуществу декоративна и пышна. Деревянную скульптуру обычно раскрашивали — преобладали красный, золотой, зеленый тона. С начала XX в. наметился перелом от изображения мифологических сюжетов к реалистическим, а в мифологических образах — к большему реализму изображения. Особенно меняется стиль с начала 30-х годов XX в.: в новом направлении господствует строгая линейность изображения, пропорции удлиняются, иногда до чрезвычайности, переходя в чистую стилизацию; лишний декор убирается, а иногда скульптура делается вообще без него. Стилизация фигур нередко принимает крайне искаженные формы, и сами фигуры уподобляются иглам. Скульптуры уже не раскрашивают, но полируют, с тем чтобы наилучшим образом выявить фактуру дерева. С именем скульптора Ида Багус Ньяна связано появление еще одного стиля — изображения предельно упрощенных по форме, массивных, квадратообразных полированных фигур, отдаленно напоминающих увеличенные японские *не-цукэ*. Из-под резца этого скульптора выходят также стилизованные гротескные фигурки, в которых мастерски использована естественная форма материала (дерева).

Намечается специализация отдельных деревень: в Мас — удлиненные человеческие фигуры, в Ньюх Кунинг — реалистические изображения животных, в Джати — приверженность к традиционным вычурным формам и мифологическим персонажам, в Себату — заостренные гротескные формы [25, 136—142] и т. д. В Убуде — центре балийского искусства — в эти же годы было основано кооперативное общество для развития ба-

лийского искусства, а позднее — музей. Большую роль в развитии современного направления в балийском изобразительном искусстве сыграли европейские художники, жившие и работавшие на Бали, — Вальтер Шпис, Рудольф Боннэ, А. Ж. Ле Мэйёр де Мерпр и др. Так, влияние Вальтера Шписа чувствуется в некоторых работах балийца Собрата, в творчестве яванца Юдхокусумо.

Если искать истоки изобразительного искусства народов Индонезии, то они, по исключению чистых заимствований, так и не переработанных органически в общем культурном комплексе того или иного народа страны, лежат в искусстве народном, сохранившемся на протяжении многих и многих столетий в малоизмененном виде. Это последнее представлено не только архитектурой жилища, но и ремеслами, в первую очередь художественными, и народными танцами, музыкой, разного рода представлениями. Являющиеся декоративно-прикладным искусством художественные ремесла, так же как танец, музыка, театр, — тема следующей статьи, как уже было сказано. Здесь важно отметить лишь те основные особенности ремесел вообще и художественных ремесел в частности, которые так или иначе сказались на развитии изобразительного искусства.

Во-первых, художественные ремесла, т. е. искусство народное, тесно связаны с искусством изобразительным; элементы их всегда можно обнаружить в архитектуре, скульптуре и живописи. Более того, как в народном, так и в изобразительном искусстве многие элементы несут одинаковую, вполне определенную смысловую и функциональную нагрузку социального или религиозного характера, причем корни подобного явления уходят в глубокое археологическое прошлое. Это и конструктивные особенности зданий, и целевое назначение отдельных их частей, и сюжеты и значение скульптурных и живописных произведений, и элементы орнамента [о нем см. 12; 42; 99].

Во-вторых, грань, отделяющая обычное ремесло от художественного и тем самым от собственно искусства, весьма условна. Достаточно посмотреть на ткани с далеких Малых Зондских островов [12; 65], на образцы яванского батика или ткани, окрашенные способом пеланги или икат [62], на орнаментику батакских тканей [25, 123—131] и т. д., чтобы представить это неразделимое в ряде случаев слияние ремесла и искусства, подготовившее естественным образом становление изобразительного искусства и обеспечившее его дальнейшее развитие.

В-третьих, каждый народ страны обладает своим комплексом художественных представлений и приемов, по которым почти безошибочно можно определить этническую принадлежность рассматриваемого объекта³. Так, у ряда народов архипелага есть обычай вырезать из дерева или камня фигурки предков; часто общий принцип изображения схож; но сразу же видна разница между тем, как вырезают множественные фигурки предков батаки (например, на жреческих жезлах) и как делают это папуасы [ср. 9, 522, 606, рис. 5]. В полной мере эти специфические особенности отразились и на изобразительном искусстве.

В-четвертых, при всех различиях декоративно-прикладное искусство разных народов Индонезии обнаруживает много принципиально сходных черт, больше, чем отделившиеся сферы искусства, что позволяет установить в ряде случаев генетические связи между отдельными народами и группами народов, а также проследить этнокультурные влияния — как идущие в пределах Индонезии, так и выходящие за эти пределы.

---

³ Прекрасный материал для сравнения дают публикации по прикладному искусству и этнографические издания [45; 46; 54; 103 и др.].

Например, искусство народов Западной Индонезии (Суматры, Явы, Калимантана) обнаруживает много общего с искусством ряда народов материковой Юго-Восточной Азии [40]; искусство Северного Сулавеси — с филиппинским [67; 9]; искусство папуасов Западного Ириан — с восточноновогвинейским [ср. 49 и 68 с 16]; в свою очередь папуасское искусство в целом обнаруживает параллели с искусством многих народов Океании — прежде всего меланезийским [31; 40]. При этом общее обнаруживается не только у более или менее близких этногенетически и этнокультурно папуасов и меланезийцев, но и, например, у батаков Северной Суматры, с одной стороны, и папуасов и меланезийцев — с другой: например сходство ритуальных масок [16; 25, 210—220; 49; 31; 68]. Это говорит о вероятных весьма давних этнокультурных контактах (прямых или опосредствованных). В сфере изобразительного искусства также обнаруживаются далеко идущие связи, но они носят более поздний характер и говорят о культурных контактах уже в исторические времена.

Наонец, в-пятых, оставаясь по сравнению с другими видами искусства более стабильным и тем самым оказывая постоянное однозначное воздействие на эти искусства, художественные ремесла при сравнении их на протяжении значительных периодов времени обнаруживают некоторые новые черты, утрачивая кое-что из прежнего наследия и испытывая в свою очередь воздействие со стороны искусств изобразительных (например, распространение в прикладном искусстве Явы ваянговых мотивов).

* * *

Наибольшие изменения начиная с 30-х годов XX в. и особенно после 1945 г. коснулись индонезийской живописи. Известно, что мастера-живописцы, в том числе и портретисты, были еще при дворе Маджапахита. После нескольких веков перерыва, связанного с приходом ислама, когда живописное искусство свелось к раскраске ваянгов и орнаменту, оно возродилось только в середине XIX в. [77]. Первым художником Индонезии, писавшим картины в современной манере, был Раден Салех (1814—1880), яванец из княжеской семьи, который 20 лет прожил в Европе, учился здесь живописи, испытал большое влияние Делакруа и Вернэ. Этот художник универсален: Раден Салех писал прекрасные реалистические ландшафты, динамичные сцены с животными («Охота на тигра», «Охота на львов»), портреты, исторические полотна («Взятие в плен Дипонегоро»). Но он был одиночкой. Лишь на рубеже XIX—XX вв. родился жанр реалистического пейзажа, связанный с именами сунда Абдуллаха Сурьо Субрто (Абдуллах Старший, 1878—1941), яванца Мас Пирнгади (ок. 1875—ок. 1936), минангкабау Вакиди (ок. 1889). Их работы отличает сочный колорит, уравновешенная композиция, точный мазок, изящество формы, иногда переходящее в любование. Пирнгади был также отличным чертежником и рисовальщиком и оставил серию этнографических зарисовок [46]. Однако эти мастера не создали самостоятельной школы, их стиль лишь повторял реализм европейских художников, многие из них испытали влияние китайской графики [14]. Большинство же других художников этой поры работали с чисто коммерческими целями.

В Индонезии работали и многие голландские художники и графики [см. 54а]. Так, лишь XIX в. дает свыше 30 имен рисовальщиков-голландцев [25, 173—174]. Но их творчество в большинстве случаев не было связано своими корнями со страной и по отношению к ней носило ил-

люстративный характер в отличие, например, от «балийской группы» европейских художников, писавших уже в XX в. С начала XX в. появились художники-европейцы — и не только на Бали,— творчество которых оказалось органически связанным с Индонезией, испытав влияние и со стороны индонезийских художников. Среди таких мастеров следует в первую очередь назвать Я. Поортенаара, работы которого впитали мягкость и нежность кисти индонезийских художников-реалистов и четкость и воздушность китайской и японской графики [25, 194—201].

Работы художников-европейцев, созданные на индонезийской почве, вдохновленные сюжетами этой страны, отразившие характер ее природы и населения, с полным правом можно включить в сокровищницу собственно индонезийского искусства [см., например, 25, 180—193; 75].

Эпоха требовала нового подхода к искусству, призванному не только прославлять красоту страны, но и показать страдания ее народа, вдохнуть гордость за свое прошлое и готовность к борьбе за будущее. Дальнейшее развитие искусства, и в частности живописи, шло в тесной связи с общеполитической борьбой в стране. Большую роль в воспитании националистического общеиндонезийского самосознания сыграли школы «Таман Сисва» («Сад учащихся»), основанные на Яве начиная с 1922 г. Ки Хаджаром Деванторо, а на Западной Суматре — Мохаммедом Шафеем. В этих школах искусство, особенно живопись, было обязательным предметом. В середине 30-х годов борьбу за общеиндонезийскую культуру в противовес локальным начал Алишахбана, который одновременно выступал и за «вестернизацию» [13]. Его оппонентом был Сануси Панэ, настаивавший на том, что «духовные ценности Востока» выше «материализма Запада». Ряд деятелей культуры заняли промежуточную позицию (Пурбачарака и др.).

В 1937 г. группа молодых художников (Суджойоно, братья Агус и Отто Джайя, Аффанди, Хенк Нгантинг, Ресобово), стремясь развить собственное индонезийское искусство со своими национальными концепциями и системой ценностей, но с усвоением европейской техники, создала общество Персаги («Персатуан али-али гамбар Индонесиа» — «Общество художников Индонезии»). Суджойоно призывал описывать правду жизни, обращаться к великому прошлому страны [84, 1—15]. Первые его работы импрессионистичны и психологичны («Перед открытым пологом», 1939; «Китайский Новый год», 1940). Многие индонезийские художники были самоучками. В 1941 г. состоялась первая выставка индонезийских мастеров. На ней были представлены разные направления, многие работы были технически несовершенны, но всех художников объединяло стремление показать неприкрашенную Индонезию.

В годы японской оккупации националистические настроения в среде художников, руководителями которых были Агус Джайя и Суджойоно, получили дальнейшее развитие.

После образования Республики Индонезии основной чертой во всех сферах искусства стал поиск «национального стиля», который выражал бы характер и борьбу всех народов Индонезии⁴. Большое значение в развитии нового искусства сыграло нарушение традиционной замкнутости, введение единой системы образования и распространение общего языка (индонезийского), а также обилие разнообразных художественных влияний. С особой силой поиск «национального стиля» был замечен с конца 50-х годов XX в. в связи с усилением националистической пропаганды со стороны лидеров страны (прежде всего Сукарно). Древнее искусство Явы идентифицировалось как общеиндонезийское. Лозунг

⁴ О борьбе за новое индонезийское искусство и о столкновении различных течений см.: [4; 13; 57; 59; 83; 84; 85; 87; 92].

«национальной самобытности» отразился прежде всего на сюжетной стороне произведений, не приведя, естественно, к созданию особого, «индонезийского» стиля в искусстве.

Для послевоенной живописи характерно стремление показать борьбу народов страны за свободу, поиск наилучшего символического отображения этой борьбы, интерес к отдельному человеку и его судьбе (отсюда большое число автопортретов). В целом современная живопись, как и архитектура, — плод урбанистического развития, причем в основном идущего на Яве.

После достижения независимости (1945 г.) и победы в борьбе за признание республики и сохранение ее в качестве унитарного государства (1950 г.) крупное строительство в городах ведется на основе государственных планов. Особенно интенсивно оно идет в Джакарте, где создаются новые города-спутники (Кебайоран, Танджунг и др.) с домами-коттеджами; воздвигаются новые здания в современном стиле — из стали, алюминия, бетона, стекла, с предельно лаконичными архитектурными формами. Это «Отель Индонезия» (японские архитекторы), «Центр садоводства», новый дворец президента в Богоре, факультет математики и физики Индонезийского университета в Бандунге и др. Большую помощь в этом строительстве оказали архитекторы и инженеры из стран народной демократии. С помощью советских архитекторов сооружен спортивный комплекс в Джакарте со стадионом на 100 тыс. зрителей и со всеми вспомогательными постройками (архитекторы Р. И. Семерджиев и др., инженеры Л. А. Муромцев и др.), госпиталь на 200 коек (архитектор Л. А. Гришаев), на о-ве Амбон была начата постройка технологического факультета Индонезийского университета (архитекторы В. П. Бондаренко и др.). В этот период сооружаются новые промышленные объекты с учетом требований новой архитектуры и технологических потребностей (сахарный завод близ Джокьякарты, построенный с помощью ГДР). Иногда в строительстве используются мотивы народного зодчества (например, минангкабауские в архитектуре Бандунгского технологического института).

Однако с конца 50-х годов XX в. в осуществлении многих современных архитектурных проектов видно прежде всего стремление к созданию показательных, престижных сооружений. В Джакарте и некоторых других крупных городах и туристских центрах строятся административные здания, отели, учебные корпуса из новейших материалов (сталь, алюминий, стекло, бетон, керамика), в стиле ультрасовременного, модернистского функционализма (например, «Отель Индонезия» в Джакарте, построенный японскими архитекторами). Лишь немногие постройки 60-х годов XX в. учитывают национальные традиции в архитектуре, примером чего может служить Джакартский центр искусств — комплекс скромных зданий различного назначения с включением элементов национальной и современной архитектуры (первая очередь открыта в 1968 г.).

Новой чертой индонезийских городов являются монументы — памятники, посвященные борьбе за независимость и героям этой борьбы [78], среди них 64-метровый «Национальный монумент» (М. Г. Манизер, И. Е. Рожин), «Монумент в честь освобождения Западного Ириана» в Джакарте, памятник генералу Судирману в Джокьякарте. В целом же в городах смесь индонезийского, китайского, старого европейского и нового стиля середины XX в. Небольшие городки и столицы бывших султанатов Джокьякарта и Суракарта сохраняют старый облик, концентрируются вокруг кратона — султанского дворца. Но повсеместно ритм городской жизни резко ускорен, всюду самый разнообразный

транспорт: легковые автомобили, грузовики, педикэбы (бечаки), велосипеды, тележки, влекаемые осликами или маленькими лошадьми, джипы и т. д. Преобладает европейская одежда; старые церемонии и костюмы молодежь нередко трактует как наследие и свидетельство «феодалного порядка».

Для республиканской Индонезии характерна интенсивная художественная жизнь. После провозглашения независимости были созданы многочисленные художественные общества: первой — в 1946 г. — возникла организация «Сениман Индонесиа Муда» («Искусство молодой Индонезии») в Мадииуне во главе с Суджойоно, в 1947 г. — «Пелукис Ракьят» («Народный художник») во главе с Хендра и Аффанди в Джокьякарте, в 1949 г. — «Химпуна Будаия Суракарта» («Суракартская ассоциация культуры»), созданная Мурдово, и многие другие, образованные как одновременно с названными, так и после них. Одни существовали длительное время, другие распадались через несколько месяцев. Большую роль в развитии и пропаганде народного революционного реалистического искусства сыграла Лекра («Лембага Кебудайяан Ракьят» — «Общество народной культуры»), созданная в 1950 г. и находившаяся под влиянием компартии Индонезии (руководители Нгантинг, затем Ресовово). В 1959 г. было создано ЛКН («Лембага Кебудайяан Насионал» — «Общество национальной культуры»), ставившее во главу угла пропаганду националистических идей. Государство и лично президент Сукарно много делали для поощрения искусства. Были основаны специальные учреждения, ведающие вопросами искусства и подготовкой художников и других специалистов в этой области: АСРИ («Академи Сени Рупа Индонесиа» — «Академия изобразительного искусства») в Джокьякарте (1950 г.) с отделениями живописи, скульптуры, графики, художественного ремесла, педагогическим; аналогичная академия в Бандунге (1947 г.); полная средняя школа с искусствоведческим уклоном (1958 г.). Для поощрения национального традиционного искусства был построен открытый амфитеатр в Прамбанане, картинные галереи в Джакарте и Джокьякарте, поощрялась деятельность Музея яванской культуры — «Сана Будаия». Личное собрание картин и скульптур президента фактически стало национальной галереей [6; 94].

Весьма значительное место в творчестве художников заняла тема войны и революции. Многие художники участвовали в борьбе за республику, и потому творчество их автобиографично и исторично. Богатство современной живописи — в ее многообразии, причем преобладают реалистические и экспрессионистические произведения.

Вполне определенно выделяются три центра культурной жизни — все на Яве. Национальные традиции более всего поддерживаются в Джокьякарте [59; 83]. В 1955 г. здесь было 74 официально признанных артистических организаций (в том числе 14 ассоциаций, созданных по этническому признаку, 17 танцевальных обществ, 16 музыкальных, 12 драматических, 7 прикладного искусства и т. д.). В этот период от двух третей до трех четвертей индонезийских художников жили в Джокьякарте. Одним из ведущих художников и организаторов художественной жизни был Суджойоно, который в 1950—1960 гг. являлся активнейшим деятелем Лекры и пропагандировал словом и кистью социалистический реализм («Разведчик»). Поэтичный и колористически яркий Хендра Гунаван (сунда) создал ряд картин, пронизанных мягкой любовью к жизни, воплощение которой он видит в женских и детских образах. Будучи вначале руководителем группы «Народный художник», Хендра много сделал для пропаганды лозунга «Искусство

для народа»; он был инициатором возрождения монументальной скульптуры (лично ему и руководимой им группе принадлежат крупные рельефы для официальных зданий, «Монумент молодежи» в Семаранге, памятник генералу Судирману в Джокьякарте и др.). Выразительный бюст Судирмана вылеплен художником и скульптором Трубусом (1926—1966). Ему принадлежат также замечательные портреты индонезийских женщин, пейзажи Явы; он обладает прекрасным чувством формы, сочностью красок, колористическим богатством.

Один из ведущих художников Индонезии, Аффанди, начал с великолепного рембрандтовского реализма (портрет «Моя мать», 1941; «Автопортрет» и «Ребенок, ведущий слепого отца», 1944) и прошел через различные направления. Его работы 60-х годов крайне экспрессионистичны: широкий густой мазок, контуры, уловимые лишь на расстоянии и переходящие в символы, отвага красок — до буйства контрастирующих тонов («Балийские рыбацьи лодки», 1961), вихрь линий, отражающих смутное состояние художника («Спящая мать», 1960). Революционная тематика все менее привлекает его [3, 192—194]. Его зять, Саптохудойо, художник, несомненно, талантливый, работает главным образом на заказ, прибегая к различным жанрам и пользуясь многими стилями, часто несовместимыми — вплоть до абстракционизма и так называемого предметного искусства [3, 195—196]. Импрессионистические и особенно экспрессионистические мотивы свойственны и другим художникам — Тармизи, Джони Трисно, Сурино, художнице Рульяти Суварсоно.

В Джокьякарте работает известный скульптор-реалист Эди Сунарсо, героико-романтические произведения которого украшают Джакарту (монумент в честь освобождения Западного Ириана), Сурабайю (памятник морякам — борцам за свободу). Русли (минангкабау) контрастен Аффанди: его работы нежны, поэтичны, немного загадочны, в них ощущается влияние китайской акварели. В творчестве видного скульптора Амруса Наталши (батак) очевидно влияние батакской резной деревянной скульптуры, например в работе «Изгнание в ночь» — одной из наиболее трагичных и выразительных скульптур современного индонезийского искусства. Близки к художникам джокьякартского направления и художники Сурабайи, среди которых выделяется мадурец Карьоно — убежденный реалист («Портрет Рудольфа Супратмана»). В целом джокьякартские художники ярко отражают жизнь и настроения народов Индонезии с их духом борьбы за общенациональное самоутверждение.

Другой художественный центр — Бандунг с его «Академи Сени Рупа» (Академией изобразительного искусства) и другими художественными организациями. Здесь среди художников сильны европейские влияния, многие из них учились за границей. Значительная часть их обращает внимание на эстетическую сторону картин (форма, цвет), избегает экзотических и натуралистических сюжетов (причем нередко относят к натурализму и реализм). Интеллектуализм и эстетизм — вот характерные черты этой группы в противовес джокьякартскому «индонезианизму». Для художника Садали (сунда) характерны легкие краски, геометрические линии, склонность к кубизму; Бут Мухтар — сторонник более интенсивных тонов и почти кубист; Срихади Сударсоно (сунда) отличается графической ясностью и простотой. В последних работах эти и некоторые другие художники эволюционируют к абстракционизму, сохраняя лишь в красках нечто от буйной тропической растительности и ярких цветов своей родины. Так, молодые художники Аченг Ариф, Висаксоно и Юсуф Аффенди (все они яванцы) избрали наимоднейшие стили: первый создает на своих холстах трехмерные конструкции

из разных материалов, включая и металл; два других предпочитают цветные абстракции.

Особое место среди художников Бандунга занимают яванцы Картоно Юджокусумо (1924—1957) и Судибьо (1918). Картоно отразил пышность тропической природы в адекватных красках. По меткому замечанию искусствоведа Клэр Холт, его стиль напоминает Руссо и одновременно Уолта Диснея («Диэнг», «Орхидеи», «Рисовые поля»). Подчеркнута цветовая и световая яркость, а не туманность и влажность тропиков. Картина «Диэнг» — это демонстрация бурных сил земли, показанных в обрамлении чудесной природы. Философская любовь к природе — одна из основных черт Картоно, социальный аспект мало интересовал его, и люди у него присутствуют лишь как часть пейзажа. Чрезвычайно талантлив Судибьо. Прелестна его работа «Панорама» (1953) — уголок родной земли с ее щедрыми дарами, ее людьми, ритмом их жизни; на одном полотне Судибьо сумел дать серию микрокосмов повседневной жизни; в своей гармоничности картина совершенно музыкальна. В рисунке и композиции ощущается влияние японской и китайской графики. Совсем в другом жанре написана картина «Вдохновение» (1954) — сюрреалистическая фантазия, полная намеков.

Третий центр — Джакарта. Это главная арена художественных дебатов. Здесь сталкиваются разнообразные влияния, устраиваются художественные выставки, здесь находились центры художественной жизни страны — руководство Лекры (запрещена после 30 сентября 1965 г.) и ЛКН, а также официальные органы: БМКН («Бадан Мушаварат Кебудайяан Насионал» — «Совещательный комитет по национальной культуре»), созданный в 1952 г., отдел культуры при министерстве образования, а также созданный после 1965 г. Джакартский совет по делам искусств. Глава Лекры Хенк Нгантунг (минахаса) — один из выдающихся художников современной Индонезии. Он убежденный реалист («Бекак», «Пастух»), его привлекает проявление силы («Стрельба из лука», 1944; «Портрет Гаджа Мада», 1950). Но в некоторых его работах виден экспрессионистический поиск, например в документальной картине «Беженцы» (1947), выполненной мятущейся кистью в кроваво-красной гамме.

Работы другого видного джакартского художника, Дуллаха (до 1963 г. — хранитель президентской коллекции), весьма многообразны. Много внимания уделил он реалистическому изображению сцен революции («Подготовка партизан к операции», «Зверства иностранных оккупантов»). Дуллах — великолепный портретист (причем ряд его портретов психологичен — «Женщина в зеленом газовом платке», «Балийский крестьянин»), пейзажист (ему принадлежат, в частности, прекрасные пейзажи с балийской архитектурой), автор натюрмортов. Безукоризненное чувство цвета и мастерский рисунок отличают все его работы. Басуки Абдуллах, сын Абдуллаха Старшего, учившийся в ряде столиц Европы, работает независимо от организаций и обществ. Это очень яркий и многообразный художник: портретист, пейзажист, автор исторических картин. Мастерство его безукоризненно, хотя он им нередко злоупотребляет, поражая нарочитой красотой. Общеиндонезийской известностью пользуются его пламенный героический «Портрет Дипонегоро в бою», великолепные женские портреты, картины на мифологические сюжеты (динамичное «Сражение Раваны и Джатаю за Ситу», «Ньян Лоро Кидул — образ богини Южных морей»), упоительные пейзажи, яркие сцены из народной жизни («Пахота на савах»). Он реалист, склонный к классицизму и романтизму, изредка позволяющий импрессионистические опыты.

В Джакарте же работала самая известная женщина-художник — Эмирия Сунасса (тидоре), избравшая сюжетом сферу этнографии и мифологии. Выходцы из Джакарты братья Джайя работают в разной манере. Агус склонен к мифологическим сюжетам; в середине 50-х годов он уехал на Бали, прославляя в реалистической живописи этот уголок Индонезии. Отто поселился в Семаранге, создавая романтические композиции («Купание под радугой», «Женщина в грезе») и изображая реалистические сценки из народной жизни. Молодой художник Супарто пишет свои картины скупыми линиями, прибегая к мягким тонам и создавая четкие и обаятельные образы. Известный художник Лее Ман Фонг (род. в 1913 г. в Кантоне) был главой китайских художников Индонезии, руководителем общества китайских художников (1955—1966), а в 1963—1965 гг. — хранителем коллекции Сукарно. В его работах — стилистический синкретизм, сочетание индонезийских и китайских элементов: сюжеты обычно индонезийские, а каллиграфия и обрамление китайские. Из других художников-китайцев, работавших в Джакарте, пользуются известностью Лим Квее Бинг и Лее Сианг Юн; последний пишет в стиле западных реалистов и экспрессионистов.

В последние годы абстракционизм и сюрреализм, поощряемые официальной современной прессой, распространяются и среди джакартских художников. Но те из них, в ком живо гражданское чувство, даже в своих сюрреалистических полотнах отражают события жизни (например, в полотнах Супоно виден отзвук кошмаров 1965—1966 гг.) [3, 190].

В Джакарте активно работают иллюстраторы, графики, теоретики искусства — Усман Эффенди (минангкабау), Трисно Сумарджо (яванец) [92], Гаос Харьясумантри, Заини и др. Существуют также группы художников в Сурабайте, Суракарте, Медане, Букиттингги и в других местах.

Традиционная балийская живопись трактовала преимущественно мифологические сюжеты эпического цикла и религиозные мотивы балийского индуизма. Все пространство картины заполнялось фигурами и растительным орнаментом, перспектива не соблюдалась, основные персонажи изображались крупнее, прочие — мельче, в зависимости от их значимости; требовалась тщательная детализировка изображаемого; рисунок тонкий, графический, с преобладанием бледно-красных тонов. Общее впечатление — необыкновенная декоративность и пышность, включение человека в тропическую природу. После завоевания независимости новые веяния проникли и в балийскую живопись [35]. Хотя религиозная и эпическая тематика сохраняет свое значение, все больше пишется картин на темы повседневной жизни: посадка и сбор урожая, рыболовство, домашние сценки. Техническая манера осталась в большинстве случаев прежней, но наряду с традиционной акварелью появилось и масло. Многие мастера пишут и на религиозно-мифологические и на реалистические сюжеты (Анак Агунг Гдэ Собрат, И Густу Лемпад и др.). Появилась тенденция к передаче динамики движения, к введению перспективы (работы художников из деревни Батуан); однако и в таких работах фигурки переднего плана меньше фигур заднего плана, если те главные. Художники Ида Багус Рай и Региг стараются не заполнять все пространство своих картин. Интересны работы Ида Багус Мадэ Надера и Ида Багус Мадэ Виджа. Для первого характерен пристальный интерес к человеку, творчество второго — апофеоз жизни на Бали: люди, животные (на одном полотне иногда до ста фигур людей и животных), растения, горы, облака — все это составляет одну гармоничную картину, элементы которой сплетены воедино.

После событий 30 сентября 1965 г. художественная жизнь Индонезии понесла огромный ущерб: сотни прогрессивных деятелей искусства — художников, артистов, литераторов — были убиты, многие сотни заключены в концентрационные лагеря, была запрещена деятельность Лекры и других демократических художественных организаций. Художественная жизнь страны пошла по новому пути. Демократическое направление в искусстве бурно вытесняется абстрактным и коммерческим, растет увлечение эстетизмом [3, 186—203].

Серьезный урон реалистические традиции в изобразительном искусстве Индонезии несут и потому, что нередко ослабевают его истоки, лежащие в народном искусстве. Так, в ряде районов, наиболее сильно затронутых воздействием иностранного капитала и модернистскими влияниями, многие виды художественного ремесла серьезно пострадали — из-за ухудшения положения ремесленников, из-за изменения вкусов населения и падения спроса, из-за конкуренции иностранной продукции. Точно так же традиционное искусство танца, музыки, театра претерпевает заметные изменения, особенно в основных центрах политической и экономической жизни страны — Джакарте, Бандунге, Медане и др.

Однако в целом общие традиции, связывающие изобразительное искусство с театральным-музыкальным, а оба эти искусства — с декоративно-прикладным, отнюдь не прерваны. Ибо в большинстве районов страны продолжают сохраняться художественные ремесла; в провинциальных городах Явы и во Внешних провинциях живут полной жизнью народные танцы, музыка, театральные представления; труппы классического театра как живое наследие прошлого пользуются широким успехом в крупных городах Явы, включая столицу, их поддерживает правительство.

Все это означает, что богатое и своеобразное изобразительное искусство многоликой Индонезии, преодолев современное кризисное состояние, будет развиваться и в дальнейшем, откликаясь на новые формы экономической и социальной жизни и включая новые представления о художественных ценностях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Венедиктов А. И. Монументальное зодчество острова Ява, — сб. «Архитектура стран Юго-Восточной Азии. Очерки», М., 1960, стр. 143—174.
2. Демин Л. М. Искусство Индонезии, М., 1965.
3. Демин Лев Над Мерапи облака, М., 1971.
4. Демин Лев Южнее экватора. Заметки о современной культуре островов Ява и Бали, М., 1961.
5. История стран зарубежной Азии в средние века, М., 1970.
6. Картины из коллекции Президента Республики Индонезии д-ра Сукарно, т. 1—4, сост. Дулла [на индонез., кит., англ. и рус. языках], [Пекин, 1956—1961].
7. Лапкина Л. Д., Прокофьев О. С., Сикорский В. В., Индонезия, — «Искусство стран и народов мира. Краткая художественная энциклопедия», т. 2, М., 1965, стр. 66—78.
8. Маретин Ю. В. По поводу индийских влияний в балийской культуре, — сб. «Страны и народы Востока», вып. V, М., 1967, стр. 129—149.
9. Народы Индонезии, — «Народы Юго-Восточной Азии (Народы мира. Этнографические очерки)», М., 1966, стр. 411—632.
10. Прокофьев О. Искусство Индонезии, — Прокофьев О., Искусство Юго-Восточной Азии. 3 в. до н. э.—18 в. н. э., М., 1967, стр. 48—98.
11. [Рябинкин П., сост.] Искусство Индонезии [альбом], М., 1959.
12. Adams Marie J. System and Meaning in East Sumba Textile Design: A Study in Traditional Indonesian Art, New Haven, 1969.
13. Alisjahbana S. T. Indonesia: Social and Cultural Revolution, Kuala Lumpur, [a. o.], 1966.

14. Auboyer J. L'influence chinoise sur le paysage dans le peinture et dans la sculpture de l'Insulinde,— RAA, t. 9, 1934, crp. 228—234.
15. Bernet Kempers A. J. Ancient Indonesian Art, Cambridge (Mass.), 1959.
16. Bodrogi T. Art in North-East New Guinea, Budapest, 1961.
17. Bosch F. D. K. Selected Studies in Indonesian Archaeology, The Hague, 1961.
18. Brandes J. L. A. Beschrijving van de ruïne bij de Desa Toempang, genaamd Tjandi Djago, 's-Gravenhage, 1904.
19. Brandes J. L. A. Beschrijving van Tjandi Singasari, en de volkentoneel van Panataran, 's-Gravenhage, 1909.
20. Casparis J. G. de, New Evidence on Cultural Relations between Java and Ceylon in Ancient Times,— «Artibus Asiae», vol. XXIV, 1961, crp. 241—248.
21. Coedès G. Les états hindouïses d'Indochine et d'Indonésie, Paris, 1964.
22. Collet O. Terres et peuples de Sumatra, Amsterdam, 1925.
23. Coomaraswamy A. K., History of Indian and Indonesian Art, London, 1927.
24. Covarrubias M. Island of Bali, New York, 1956.
25. Cultureel Indië: bloemlezing uit de eerste zes jaargangen 1939—1945, Leiden, 1948.
- 25a. Damais L.-Ch. Bibliographie indonésienne,— BEFEO, 1955, t. 47, № 2; 1957, t. 48, № 2; 1959, t. 49, № 2; 1962, t. 50, № 2; 1963, t. 51, № 2; 1964, t. 52, № 1; 1968, t. 54, № 1.
26. Erp Th. van, Klassike Hindoe-Javaansche bouwkunst,— «Neerlands Indië», onder leiding van Prof. D. G. Stibbe, d. I, Amsterdam, 1929, blz. 234—250.
27. Galetin Th. P. Indonesië,— «Algemene Kunstgeschiedenis», d. 6, Utrecht, 1951.
28. Geertz Hildred Indonesian Cultures and Communities,— McVey Ruth Th. (Ed.), Indonesia, New Haven, 1963, crp. 24—97.
29. Goris R., Dronkers P. Bali: Cults and Customs, [s. l.], [s. a.].
30. Graaf H. J. de, De oorsprong der Javaansche moskee,— «Indonesië», d. I, 1947—1948, blz. 289—307.
31. Guiart J. Océanie, [s. l.], 1963.
32. Hall D. G. E. (ed.) Historians of South-East Asia, London, 1961.
33. Harrison T. The Caves of Niah: A History of Prehistory,— SMJ, vol. VIII, 1958, crp. 549—595.
34. Harrison T. A. Living Megalithic in Upland Borneo,— SMJ, vol. VIII, 1958, crp. 694—702.
35. Hedendaagse kunst van Bali, Utrecht, 1962.
36. Heekeren H. R. van, The Bronze-Iron Age of Indonesia, The Hague, 1958.
37. Heekeren H. R. van, The Stone Age of Indonesia, 's-Gravenhage, 1957.
38. Hein A. R. Die bildenden Künste bei den Dajaks auf Borneo, Wien, 1890.
39. Heine-Geldern R. van, The Archaeology and Art of Sumatra,— Loeb E. M., Sumatra, Its History and People, Wien, 1935, crp. 305—331.
40. Heine-Geldern R. van, L'art prébouddhique de la Chine et de l'Asie Sud-Est et son influence en Océanie,— RAA, 1937, t. 11, № 4, crp. 177—206.
41. Holt Claire Art in Indonesia: Continuities and Change, Ithaca (New York), 1967.
- 41a. Holt Claire Indonesia revisited,— «Indonesia», Ithaca, 1970, № 9, crp. 163—188.
42. Hoop A. N. J. Th. à Th. van der, Indonesische siermotieven, Bandung, 1949.
43. Indonesian Art, Jogjakarta, 1955.
44. Indonesian Art: A Loan Exhibition from the Royal Indies Institute, Amsterdam—New York, 1948.
45. Indonesische kunstnijverheid. Platen-atlas met inleiding van Prof. T. J. Bezemer, Amsterdam, [s. a.].
46. Jasper J. E. en Pirngadie Mas, De inlandsche kunstnijverheid in Nederlandsch-Indië, d. 1—5, 's-Gravenhage, 1912—1930.
47. Kaudern W. Ethnographical Studies in Celebes, vol. I, III, VI, Göteborg, 1925, 1938, 1944.
48. Koenoen R. A. Tjandi Prambanan dan tjandi-tjandi sekitarnja, [Bandung], 1962.
49. Koijman S. De kunst van Nieuw-Guinea, Den Haag, [s. a.].
50. Krom N. J. Hindoe-Javaansche geschiedenis, 2de uitgave, 's-Gravenhage, 1931.
51. Krom N. J. Inleiding tot de Hindoe-Javaansche kunst, 2de uitgave, d. 1—3, 's-Gravenhage, 1923.
52. Krom N. J. Lalitavistara: De levensgeschiedenis van den Buddha op Barabudur, 's-Gravenhage, 1926.
53. Krom N. J. en Erp Th. van, Beschrijving van Barabudur, d. 1—2, 's-Gravenhage, 1920—1931.
54. Kunstwerke von Java, Borneo, Bali, Sumba, Timor, Alor, Leti u. a. aus der Sammlung W. O. J. Nieuwenkamp, Berlin, 1924.
- 54a. Loos-Haxman J. de, Verlaat rapport — Indië. Drie eeuwen Westerse schilders, tekenaars, grafici, zilversmeden en kunstnijveren in Nederlandsch-Indië, 's-Gravenhage, [1968].

55. Marchal H. L'architecture comparée dans l'Inde et l'Extrême-Orient, Paris, 1944.
56. Marschall W. Metallurgie und frühe Besiedlungsgeschichte Indonesiens,—«Ethnologia», Köln, Bd 4, 1968, crp. 29—264.
57. Mihardja A. Karta. Polemik kebudayaan. Diakarta, 1950.
58. Moens J. L. De Tjandi Mendut,—TITLV, d. 59, 1921, afl. 3—4, blz. 529—600.
59. Moerdowo R. Indonesian Painting: Some Contemporary Trends,—«The Studio», 1956, vol. CLII, № 764, crp. 129—137.
60. Moojen P. A. J. Inheemsche bouw- en sierkunst.—«Neerlands Indië», onder leiding van Prof. D. G. Stibble, d. I, Amsterdam, 1929, blz. 251—262.
61. Mus P. Barabudur: Esquisse d'une histoire du Bouddhisme fondée sur la critique archéologique des textes, Hanoi, 1935.
62. Mylius N. Indonesische Textilkunst: Batik, Ikat and Plangi, Wien, 1964.
63. Naerssen F. H. van, De oudste cultuurstroomen,—Wormser C. W. (uitgever), Wat Indië ontvingt en schonk, Amsterdam, 1946, blz. 7—49.
64. Nasroen H. Kebudayaan Indonesia, Djakarta, 1951.
65. Nooteboom C. Quelques techniques de tissage des Petites îles de la Sonde, Leiden, 1948.
66. Oudheden,—in: «Encyclopaedie van Nederlandsch — Indië», d. III, 's-Gravenhage — Leiden, 1919, blz. 189—215.
67. Palm Hetti Ancient Art of the Minahasa, Djakarta, 1958.
68. Papoea-kunst in het Rijksmuseum. Tentoonstelling, Amsterdam, 1966.
69. Perry W. The Megalithic Culture of Indonesia, London, [a. o.], 1918.
70. Pigeaud Th. Java in the 14th Century: A Study in Cultural History, vol. 1—5, The Hague, 1960—1964.
71. Poerbatjaraka R. Ng. Riwayat Indonesia, Djakarta, 1952.
72. Pott P. H. Le Bouddhisme de Java et l'ancienne civilisation javanaise,—«Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Orientale. Serie Orientale», t. V, Roma, 1952, crp. 109—156.
73. Rassers W. H. Pañji, the Culture Hero: A Structural Study of Religion in Java, The Hague, 1959.
74. Resink Th. A. Bèlahan or a Myth Dispelled,—«Indonesia», Ithaca (New York), 1968, № 6, crp. 1—37.
75. Rhodius H. (ed.) Schönheit und Reichtum des Lebens Walter Spies, The Hague, 1964.
76. Röder J., Hahn A. Felsbilder und Forgeschichte des MacCluer-Golfes West-Neuguinea, Darmstadt, 1959.
77. Rouffaer G. P. Beeldende kunst in Nederlandsch-Indië,—BTLV, d. 89, 1932, blz. 321—658.
78. Sardjito M. The Revival of Sculpture in Indonesia. Summary, Jogjakarta, 1953.
79. Schnitger F. M. Forgotten Kingdoms in Sumatra, Leiden, 1939.
80. Schnitger F. M. Les terraces mégalithiques de Java,—RAA, t. 13, 1939—1942, crp. 101—114.
81. Schrieke B. J. O. The End of Classical Hindu-Javanese Culture in Central Java.—Schrieke B. J. O., Indonesian Sociological Studies, vol. II, The Hague, 1957, crp. 285—301.
82. Schröder E. E. W. G. Nias: ethnographische, geographische en historische aantekeningen en studiën, Leiden, 1917.
83. Seminar on Traditional Indonesian Culture and Arts. Proceedings, [Jogjakarta], [s. a.].
84. Seni loekis, kesenian dan seniman, Jogjakarta, 1946.
85. Simposium kebudayaan, Denpasar, 1957.
86. Soedjatmoko [a. o.] (eds.) An Introduction to Indonesian Historiography, Ithaca (New York), 1965.
87. Soegeng Sedjarah kesenian Indonesia, dj. 1—2, Djakarta, 1957.
88. Stein Callenfels P. V. van, Korte gids voor de praehistorische verzameling van het Koninklijke Bataviaasch Genootschap van Kunsten en Wetenschappen, herzien door A. N. J. Th. à Th. van der Hoop, Djakarta, 1958.
89. Stutterheim W. F. Cultuurgeschiedenis van Indonesië: d. II—Het hindouïsme in de archipel; d. III—De islam en zijn komst in den archipel, Groningen — Djakarta, 1951—1952.
90. Stutterheim W. F. The Meaning of the Hindu-Javanese Çandi,—JAOS, 1931, vol. 51, № 1, crp. 1—15.
91. Stutterheim W. F. Studies in Indonesian Archaeology, The Hague, 1956.
92. Sumardjo T. The Tendencies in Indonesian Art,—«Perspective of Indonesia. Atlantic Monthly Supplement», 1956, crp. 33—42.
93. Sutjipto Wirjosuparto Historical Aspects of Indonesia's Acceptance of Western Culture,—«East Asian Cultural Studies», Tokyo, 1967, vol. VI, № 1—4, crp. 82—109.

94. Ukiran-ukiran rakjat Indonesia. Koleksi Ir. Dr. Sukarno, President Republik Indonesia. Disusun oleh: Dullah, Peking, 1961.
95. Verneuil M. P. L'art à Java: les temples de la periode classique indo-javanaise. Paris — Bruxelles, 1927.
96. Vogel J. Ph. The Relation between the Art of India and Java, London, 1925.
97. Vroklage B. Das Schiff in den Megalithenkulturen Südostasiens und der Südsee,— «Anthropos», Bd 31, 1936, стр. 712—757.
98. Wagner F. A. Indonesien: die Kunst eines Inselreiches, Baden-Baden, 1959.
99. Wagner F. A. Sierkunst in Indonesië, Gronongen — Batavia, 1949.
100. Wales H. G. Quaritch, The Making of Greater India, London, 1951.
101. Wilken G. A. De hagedis in het volksgeloof der Malayo-Polinesiërs,— BTLV, d. 90, 1891, blz. 462—492.
102. With K. Java: brahmanische, buddhistische und eigenlebige Architektur und Plastik auf Java, Hagen i. W., 1920.
103. Yuynboll H. H. Katalog des ethnographischen Reichsmuseum, Bd 1—23, Leiden, 1909—1932.
104. Zimmer H. The Art of Indian Asia, Kingsport, 1955.

С. А. Маретина

ДЛИННЫЙ ДОМ ДАЯКОВ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

В традиционной культуре даяков — аборигенного населения индонезийского острова Калимантан (Борнео) — длинный дом является не только характернейшим, но и одним из наиболее универсальных элементов: при всем многообразии культуры даяков (а они представлены несколькими десятками племен¹, часто очень разных в этнографическом отношении) длинный дом встречается — или встречался в недавнем прошлом — едва ли не у всех оседлых даякских групп острова. Пожалуй, единственной группой даяков, не знавших длинного дома, являются бродячие пунаны, жилища которых представляют собой заслоны от ветра из пальмовых листьев, поддерживаемые подпорками в наклонном положении. Длинный дом у даяков не только элемент материальной культуры, но и институт, играющий заметную роль в социальной жизни народа. Для рассмотрения этого социального аспекта необходимо дать хотя бы самое общее представление о конструктивных особенностях традиционного жилища даяков.

Даякская деревня может включать от одного (у ибанов северного побережья) до семи-восьми (у большинства народов внутренних областей) длинных домов. Окруженные частоколом из заостренных бамбуковых стволов, приподнятые на сваях, с узкими лестницами, ведущими в жилые помещения, дома даяков зримо несут следы той настороженной боевой готовности, которая еще недавно была обычной в обстановке постоянных войн и усобиц. На востоке острова длинный дом обычно обозначают термином *ламин*, на западе — *бетанг* [см. 1, 25—26]. Классическим образцом длинного дома считается кайянский — «венеч первобытной архитектуры», как принято его называть. Это просторное сооружение обычно вытянуто вдоль реки и, случается, даже отчасти повторяет ее изгибы. Отдельные старые дома достигали в длину до ста двадцати метров, а одиночные образцы, теперь исчезнувшие, — до четырехсот. Обычный длинный дом вмещает несколько десятков семей, а в прошлом в исключительных случаях население такого дома могло достигать 500—600 человек [10, 50]. Однако эти грандиозные сооружения редко существуют дольше пятнадцати-двадцати лет из-за влажного климата и насекомых-вредителей. Частая смена мест поселения определяется еще рядом обстоятельств: быстрым истощением ближайших

¹ Назовем лишь несколько основных групп: кайяны и кеня в Центральном Калимантане, нгаджу и от-даномы в более южных, внутренних районах, так называемые «даяки суши» в западной и северо-западной части острова, ибаны, дусуны, муруты — на севере и северо-востоке. Подробнее см. [2а, 538—539].

земель в результате подсечно-огневого метода земледелия, плохими приметами или стихийными бедствиями, эпидемиями и т. д. Новый дом строят все его жители общими усилиями: общие части — коллективно, а затем каждая семья отстраивает свое помещение.

Конструктивно длинный дом кайянов представляет собой прямоугольную в плане свайную постройку. По всей длине дома проходят четыре ряда массивных столбов, которые служат опорой каркаса дома. Поперечные балки, поддерживающие продольные планки пола, приподняты над землей на высоту двух-трех метров, так что проникнуть в помещение можно лишь с помощью лестницы, которой служит наклонное бревно с зарубками. Сплошные стены дома делают из досок. Двускатная крыша, материалом для которой служит дранка или сплетенные пальмовые листья, идет по всей длине дома, однако единая линия конька иногда прерывается, так как над помещением вождя крыша нередко выше, чем над другими комнатами [14, 42]. Внутренний план кайянского дома очень четок. Пространство под полом между сваями отводится для скота. Продольная стена-перегородка делит все внутреннее пространство на две длинные неравные части. Более узкая, обычно выходящая на реку, — сплошная неразделенная крытая галерея. Вторая половина поперечными стенками разделена на отдельные, по числу семей, комнаты, каждая из которых дверью соединена с галереей. В каждой комнате имеются места для сна и очаг. Очень важной частью дома является галерея, на которой даяки проводят значительную часть времени; ночью здесь спят юноши. Внешняя ее стена часто не доходит до потолка, давая доступ воздуху и свету. На галерее имеется также ряд очагов, над которыми подвешиваются военные трофеи. Во всю длину галереи обычно пристраивают открытую веранду, которая тянется вдоль дома на уровне пола. Каждая семья распоряжается той частью галереи и веранды, которая находится напротив ее помещения [см. 10, 51—53].

Описанный тип длинного дома в основных чертах совпадает у большинства даяков, хотя, как правило, у других групп эти строения менее монументальны и примитивнее по конструкции. Основные отличия в планировке домов у отдельных народов касаются положения общей, неразделенной части дома: в одних случаях она может, как было описано, иметь вид галереи, в других — тянувшегося по центру дома коридора, в который с двух сторон выходят семейные комнаты (у от-дано-мов [6, 560]), в третьих — открытого помоста на уровне пола или ниже его.

В последние годы все заметнее становится тенденция к рассредоточению такого дома, к замене его индивидуальными, семейными домами. Это связано с политическими и экономическими изменениями в условиях жизни, в результате которых не только постепенно исчезает тип жилища, но и меняются формы общественного уклада.

Лишь одиночные длинные дома сохранились у прибрежных меланау, все меньше становится их и у дусунов северного побережья, где эти дома тем не менее остаются ритуальными центрами, куда все отселившиеся собираются для совершения религиозных церемоний [см. 7, 93—96]. Все чаще становятся случаи, когда от коллектива длинного дома отпочковываются отдельные семьи, которые селятся в индивидуальных домах рядом с длинным, продолжая поддерживать связь с последним. Таким образом, в некоторых деревнях наряду с двумя-тремя длинными домами имеется ряд небольших хижин. Иногда такое отделение связано с развитием торговли: обзаведясь лавкой, ее владелец или часть его семьи переселяются в нее [12, 205]. У некоторых групп процесс распада длинного дома был форсирован теми или иными внешними обстоя-

тельствами. Например, часть западных даяков из Саравака была вынуждена под натиском прибрежных пиратов покинуть старые дома и отступить вверх по рекам в горы, где в силу особенностей рельефа возникли дома меньших размеров (на четыре-пять семей), а чаще — индивидуальные хижины [12, 51]. Интересно, что в тех редких случаях, когда эти племена возвращались на прежние места поселений, они снова строили дома длинного типа.

Этот факт лишний раз свидетельствует, что причиной продолжающегося и прогрессирующего распада длинного дома являются социальные сдвиги. Действительно, этот тип жилищ настолько ограничен для даяков, что в отдельных случаях они продолжают сохранять его даже тогда, когда, казалось бы, он наименее удобен с хозяйственной точки зрения. Так, система земледелия у даяков, как уже было отмечено, требует регулярной смены мест поселения. Длинный дом — сооружение слишком громоздкое, чтобы перемещать его вслед за полем. Поэтому на удаленных росчистях даяки обычно строят временные жилища, где живут в горячую пору сельскохозяйственных работ. Наибольшее развитие эта система временных полевых жилищ получила у ибанов. Обитатели основного дома делятся у них на ряд групп по принципу соседства полей, и каждая такая группа строит свой полевой дом — дамба, строит по образцу основного дома — тоже длинный, но рассчитанный на меньшее число семей и отличающийся более легкой конструкцией [см. 8, 33—35]. По мере переноски полей возникает целая серия таких дампа, жители которых тесно связаны с основным длинным домом, в котором постоянно остается часть их семей.

Таков длинный дом как тип жилища. Но особый интерес для нас имеют его функции как социального института. Каково место длинного дома, обнимающего целый коллектив населяющих его людей, в общей социальной структуре даяков? Каково соотношение его с другими общественными институтами калимантанских аборигенов, на чем основываются соединяющие его членов связи? Все эти вопросы вызывают тем больший интерес, что у исследователей зачастую встречаются очень противоречивые высказывания о природе длинного дома как коллектива, и проблема остается, таким образом, открытой для дальнейших дискуссий.

Заклученный в общие стены, под единой сплошной крышей, длинный дом сразу воспринимается как единый коллектив. Издавна в специальной литературе длинный дом фигурирует под названием «дома племени» или «родового» («stamhuis» или «geslachthuis» у старых голландских авторов) [см. 13; 16]. О том, насколько неоправданны временами эти определения, говорит тот факт, что отдельные авторы пользуются обоими терминами для характеристики одного и того же дома, не учитывая принципиальных отличий этих понятий². Ставшее привычным определение длинного дома как родового нередко механически, без достаточной аргументации переносится и на страницы советских изданий [см. 1, 28; 2, 406].

Если говорить об определении «дом племени», то опровержение его не требует многочисленных аргументов. Сейчас на Калимантане нет ни одного племени, которое можно было бы разместить не только в одном длинном доме, но даже в поселении, состоящем из ряда таких домов. Можно в лучшем случае говорить о части племени, населяющей длинный дом, но с тем же правом это относится и к населению любого ин-

---

² Такая путаница наблюдается, как правило, у всех тех авторов, которые специально не занимаются социальными проблемами.

дивидуального дома — это ведь тоже какая-то, хоть и очень небольшая часть племени. Поэтому данное определение в настоящее время явно непригодно и не может являться предметом обсуждения.

Более сложным представляется вопрос о родовом характере длинного дома. Правда, можно сразу сделать одно бесспорное замечание: так как длинный дом как общественный коллектив состоит из семей, следует говорить не о роде в обычном понимании, т. е. генеалогическом коллективе, а о родовой общине, состоящей из связанных единством происхождения семей. Поскольку вопрос о социальной природе даякского дома, как и связанная с ним проблема даякской общины, очень сложен и материалы по нему часто противоречивы и неполны, мы начнем рассмотрение социального значения длинного дома с приведения основных свидетельств исследователей даяков.

Основополагающими трудами по этнографии даяков являются работы Дж. Маллинкродта [13] и Хоуза и Мак Доугалла [10]. Без учета огромного материала, который приводят эти авторы, нельзя приступать к решению основных проблем даякского общества. Однако сложность заключается в том, что в этих трудах отсутствует конкретный социально-экономический анализ ситуации и поэтому отдельные положения авторов не всегда вытекают из их же материала. К тому же длинный дом как социальный институт не являлся специальным предметом их рассмотрения. Так, Маллинкродт, характеризуя даякское общество в целом, наиболее отличительным его признаком считает наличие генеалогических связей в отличие от общества малайского, основанного на связях территориальных [13, 105]. Именно он постоянно употребляет оба термина — «*stamhuis*» и «*geslachthuis*». Однако по контексту работы едва ли следует переводить их буквально «племенной» и «родовой» дома, как это у нас принято. Об этом свидетельствуют дальнейшие замечания самого Маллинкродта. С ростом поселений, пишет он, с их дроблением на место «*stamhuis*» приходит «*geslachthuis*». Совершенно очевидно, это нельзя понимать как смену племенной общности родовой, что, по существу, лишено смысла. Далее он проводит знак равенства между «*geslacht*» и «*onderstam*» (частью, подразделением племени), и, таким образом, «*geslacht*» у Маллинкродта оказывается не родом, а единицей дробления племенной организации [см. 13, 114]. Если проследить весь текст исследования этого автора, то оказывается, что у него понятия «*stam*» и «*geslacht*» отражают последовательные этапы разложения традиционной организации даяков. Тогда определение длинного дома как «*geslachthuis*» подразумевает, что население длинного дома составляет не род, а общину, основанную на генеалогическом ядре. Закономерность такого понимания социальной структуры длинного дома подтверждается и тем, что автор роды определяет как домовые общины, которые в совокупности составляют даякскую общину [13, 117] (т. е., видимо, общину деревенскую). Таким образом, по Маллинкродту, можно представлять себе длинный дом как домовую общину, состоящую из ряда связанных между собой по происхождению семей: он предлагает рассматривать членов одного дома как близких родственников, для которых обитатели другого длинного дома той же деревни являются более далекой родней [13, 112]. Одновременно в работе подчеркивается, что родовой состав жителей длинных домов в результате переселений, экономического развития, смены религии все в большей степени нарушается и в характерной для даяков территориально-генеалогической общности все больше начинает преобладать территориальная сторона; главным становится не род, а деревня [13, 117, 120]. При этом интересно, что, когда Маллинкродт говорит о конкретной роли длинного дома как

коллектива, он связывает с ней исключительно защитные функции (как только исчезают войны — исчезают и большие дома [13, 115]), а также ритуал.

Итак, согласно Маллинкродту, длинный дом — домовая община с распадающимися внутренними генеалогическими связями. Характер этих связей, их линейность не уточнены. Длинный дом у Маллинкродта представляет собой единый коллектив, который является частью более крупного — деревни.

О внутреннем единстве членов длинного дома говорится и в книге Хоуза и Мак Доугалла: обитателей такого дома, по их словам, объединяют не только общее проживание и общие работы, родство и общий вождь, но и духовная связь, обряды, вера в приметы и т. д. [10, 84—85]. Членов длинного дома, писали они, сплачивает коллективная ответственность, подчинение всех решениям главы дома. Из поколения в поколение передается чувство общности, история предков и т. д. Все это относится в первую очередь к народам внутреннего Калимантана (кайянам, кенья), которые находятся в центре внимания исследователей. О том, что у этих народов длинный дом можно рассматривать как некое социальное целое, говорят и приводимые ими факты, свидетельствующие, что в пределах длинного дома в ряде случаев начинают образовываться своего рода сословные, предклассовые группы: аристократия — родственники вождя, среднее сословие (основная масса населения) и рабы (теперь их потомки) [см. 10, 68—70; 17, 90]. Среди среднего сословия происходит постепенное выделение группы ремесленников, обслуживающих свой дом. Таким образом, в длинном доме, как в обычной соседской общине, идут — или намечаются — процессы социального расслоения.

В работе Хоуза и Мак Доугалла с большей четкостью, чем у Маллинкродта, определен характер связей в пределах коллектива длинного дома: категорически заявлено о том, что у кайянов и их соседей нет какого-либо рода экзогамных или эндогамных групп [10, 73]; брак может заключаться как внутри, так и вне стен длинного дома. Это положение подтверждается всем богатым фактическим материалом книги: хотя специально вопросы родовой структуры, как и другие чисто социальные проблемы, в работе не поднимаются, однако уже отсутствие упоминания каких-либо генеалогических коллективов при подробном описании различных сторон жизни даяков говорит само за себя.

Чтобы закончить разговор о внутреннем Калимантане, остановимся еще на свидетельстве крупнейшего знатока даякской обрядности, в частности их погребальных обычаев, — Штёра [17]. В отличие от Хоуза и Мак Доугалла, Штёр отмечает у некоторых народов Калимантана наличие «родов». Так, он говорит со ссылкой на Маллинкродта (напомним, что понятие рода у последнего не всегда совпадает с нашим) о 24 родах группы сиунг (южная часть внутреннего Калимантана) [17, 62—63]. Что же это за роды? Каждый из них, считает Штёр, состоит из семей, у которых имеется общий предок, т. е. здесь опять-таки идет речь о родовой общине. Каждый род имеет свой родовой центр, где хранятся останки умерших сородичей. Но это не экзогамный коллектив; по словам Штёра, из хозяйственных соображений браки заключаются предпочтительно в его пределах [17, 62—63]. Соотношение такого «рода» и длинного дома Штёр не поясняет.

Когда речь заходит о структуре и принципах организации коллектива длинного дома, невольно приходится выходить за непосредственные рамки этого вопроса, ибо он теснейшим образом связан с проблемой родовой организации даяков в целом — темой большой и очень слож-

ной. Если попытаться суммировать основные высказывания исследователей внутреннего Калимантана (задача, очень затрудняемая тем, что специально длинный дом ни у кого не служит предметом исследования), то следует сказать, что длинный дом представляется им единым и достаточно сплоченным коллективом, семьи которого находятся в родственных отношениях. Однако говорить об упорядоченных генеалогических однолинейных коллективах как внутри длинного дома, так и вообще у даяков по рассмотренным материалам не представляется возможным. По этим данным скорее всего можно говорить об аналогиях длинного дома и общины, общины соседской (ибо отсутствуют четкие родовые связи), где идет процесс не только распада генеалогических (скорее всего родственных) отношений, но и социального расслоения. Такой дом может быть либо отдельной общиной, либо — во внутреннем Калимантане чаще — частью общины, которая объединяет несколько таких домов. Гетерогенный характер даякской общины сейчас очевиден; что касается прошлого, то, к сожалению, мы не располагаем достаточно достоверными данными, которые позволили бы восстановить конкретную эволюцию и природу отношений, связывавших как обитателей отдельного длинного дома, так и даяков в целом.

Социальную сущность длинного дома у даяков Северного Калимантана легче рассматривать, ибо по ряду групп этого района (ибанам, «даякам суши», дусунам) имеются конкретные социально-экономические исследования, сделанные на высоком научном уровне. Таковы в первую очередь исследования Фримэна [8], Геддеса [9] и Эппела [3; 4; 5]³. В их работах многое из того, что для народов Центрального Калимантана приходится выводить из самых общих и косвенных свидетельств, является предметом специального рассмотрения. Вопросы собственности, характер связей внутри длинного дома, линейность и локальность брака — весь этот чисто социальный материал тем более представляет для нас интерес, что полностью отсутствует по другим регионам острова.

Как у большинства даяков, длинный дом у народов Северного Калимантана состоит из ряда семей, малых по типу, но каждая из которых как локальный коллектив может включать и обычно включает отдельных родственников, обычно одиноких, как по мужской, так и по женской линии. При этом все исследователи особенно подчеркивают полную хозяйственную самостоятельность каждой семьи, которая связана со своими соседями по длинному дому не более, чем в любой территориальной общине. По словам Геддеса, длинный дом следует рассматривать не как общественное здание, но как серию соединенных вместе жилищ, где каждая семья отвечает за постройку своего помещения и части общей веранды напротив него [9, 34—35]. Это повторяет Фримэн, который проводит параллель между даякским длинным домом и улицей, состоящей из отдельных домов [8, 1—3]. Он же, отмечая «бесклассовый и уравнилельский» характер общества ибанов, называет их «большими индивидуалистами» [8, VI—VII]. Таким образом, длинный дом здесь выступает не как единый хозяйственный коллектив, а как конгломерат независимых семейных хозяйственных ячеек, не связанных какой-либо общей собственностью или общими экономическими мероприятиями. Экономические взаимоотношения даяков и место в них длинного дома мы рассмотрим на примере отношения их к основному средству производства — земле.

---

³ Приношу глубокую благодарность профессору Лейденского университета П. Э. де Йосселину де Йонгу за любезно присланные материалы Д. Н. Эппела.

Прежде всего напомним, что даякский длинный дом может один представлять собой целую деревню и может быть лишь одним из нескольких, входящих в ее состав. У ибанов, как правило, имеет место первый случай. Это необходимо иметь в виду, ибо даякская деревня в социальном плане составляет общину, и, таким образом, у ибанов каждый длинный дом является такой общиной, в то время как у других народов побережья он лишь входит в ее состав. Отсюда следует, как мы увидим ниже, принципиально различное положение длинного дома — общины у ибанов и длинного дома — части общины у других народов.

Итак, о земле. Она у даяков считается принадлежащей общине (у ибанов тем самым длинному дому), но лишь постольку, поскольку все ее члены защищают ее от посягательств других. Любая семья, независимо от своих родственных связей, локальности брака и т. д., имеет право на землю уже только потому, что проживает в данном доме (ибаны) или в одном из домов (остальные племена побережья). Расчищают землю совместно, большим массивом, включающим сразу несколько будущих семейных наделов (иначе не справиться с буйной растительностью Калимантана), но как только участок расчищен, он становится частным владением, на которое хозяин, его семья и потомки имеют право, так же как и на вторичный лес на нем, до тех пор пока они остаются членами своего длинного дома (или общины) [см. 8, 11—20, 21—26]. При разделе семьи (а дети, подрастая и вступая в брак, образуют новые семьи; больших семей у даяков побережья нет) все ее члены, независимо от пола, сохраняют права на землю. Вступая в брак, человек приобретает земельные права и в группе свойственников. Уходя в другой дом или в другую общину, он теряет право на землю в старом доме и приобретает в новом [4, 285]. В общем, получается, что каждый человек является совладельцем в целом ряде родственных групп, которые для каждого — свои, иные, чем для его отца или матери. Так, каждый имеет формальное право на землю, расчищенную его дедами по матери и по отцу, но в каждом случае круг его совладельцев будет различным; вступая в брак, он получает определенные права на землю своей жены. При перемене места жительства он теряет часть прав, но зато приобретает новые. В результате для любого хозяйства находящийся в его пользовании земельный надел ежегодно складывается из нескольких участков: наследственного (или наследственных), расчищенного в этом году, прошлогоднего, полученного по браку и т. д. При этом в силу особенностей метода земледелия происходит постоянная смена участков, передающаяся по наследству земля неизбежно парцеллируется, хотя реально далеко не все наследники (а наследование у даяков билинейное) пользуются своими правами. Часто они предпочитают расчищать и обрабатывать новые участки, исходя из практических удобств [см. 9, 59—61]. Потомки того, кто первый расчистил землю, пользуются ею в определенной последовательности, причем «заявку» на землю можно давать заранее, пока земля еще находится в состоянии отдыха. При возникновении споров между родственниками, что бывает крайне редко, предпочтение отдается тому, кто дольше не пользовался данным участком. Ни община, ни длинный дом не имеют отношения к распределению земельных участков или даже к контролю за ними. Индивидуальное землевладение у даяков не превратилось в институт собственности лишь благодаря специфике их системы земледелия, которая приводит к постоянной смене участков. Таким образом, длинный дом можно считать собственником (достаточно формальным) земли только там, где он представляет всю общину. В тех же случаях, где община состоит из

нескольких таких домов, он никакой правовой роли не играет. Реальным же владельцем в любом случае выступает семья.

Если говорить о других видах хозяйственных контактов даяков, то необходимо упомянуть взаимопомощь, без которой в природных условиях Калимантана невозможно в срок, предоставленный природой, справиться со многими сельскохозяйственными работами. Взаимопомощь даяков в своей основе имеет определенно выраженный соседский принцип: группы формируются из числа жителей длинного дома без учета генеалогических связей, хотя среди прочих критериев (близость земельных участков, соседство в доме и т. д.) присутствуют также родственные и дружеские связи. При этом интересно, что, как отмечают исследователи, взаимопомощь у ибанов и «даяков суши» приняла настолько упорядоченный характер, что ее можно назвать коммерческой: здесь мы видим систему трудообмена, при которой каждая полученная услуга требует обязательной адекватной компенсации [см. 8, 80—84; 9, 70—73]. Работа на поле однообщинника кратковременна, каждый работает понемногу на многих полях, тем самым обеспечивая и себе многочисленных помощников. Здесь взаимопомощь носит характер коммерческой сделки, и это вместе с правом распоряжаться наделом, попадающим в руки даяка, вместе с полной хозяйственной самостоятельностью каждой семьи позволяет исследователям видеть в ибанах и их соседях скорее «примитивных капиталистов», чем коллективистов [см. 9, 90—93].

Итак, если судить по рассматриваемым материалам, длинный дом у народов Северного Калимантана никак нельзя считать единым социально-экономическим целым, ибо он представляет собой конгломерат хозяйственно независимых отдельных семей. Аналогии длинного дома с соседской общиной справедливы для ибанов, где длинный дом воплощает всю общину. У остальных же народов длинный дом является не более чем частью общины и не представляет собой самостоятельно организованного коллектива, пусть в пределах этой общины. В отличие от народов Центрального Калимантана здесь в длинном доме отсутствует вождь, нет и других форм управления его обитателями. Живущие в нем не связаны определенными правами и обязанностями (все они осуществляются в пределах общины и семьи). Это отчетливо подтверждено Эппелом на примере дусунов и рунгусов. Он выделяет у них в качестве основных общностей семью, длинный дом и деревню и подчеркивает, что, в то время как семья и деревня (община) являются корпоративными группировками, функции которых распространяются на экономическую, ритуальную и юридическую сферы, длинный дом таковой не является; единственное, что объединяет его жителей, — это некоторые моменты ритуала [4, 281], хотя основной ячейкой и в этой сфере остается семья. И Эппел, и Геддес категорически заявляют, что главной социально-экономической единицей следует считать общину (низовую — семью) и раздел ее на ряд длинных домов не имеет никакого социального значения [4, 281; 9, 9]. Длинный дом лишь часть целого, а не самостоятельное целое. Исключение можно встретить лишь там, где сам длинный дом и является общиной, т. е. у ибанов, как это уже было указано выше.

Теперь другой, не менее важный вопрос, связанный с социальной структурой длинного дома. Речь идет о характере связей, существующих между населяющими длинный дом семьями, о родственной или родовой природе этих связей. В рассмотренных выше материалах по Центральному Калимантану эта проблема практически обойдена. Тем интереснее обратиться к ней на основании последних исследований народов северной части этого острова.

Итак, если ставить вопрос прямо: является ли длинный дом в своей основе родовым коллективом? Можно ли проследить в нем (и вообще у даяков) те генеалогические линии, которые характерны для большинства народов, стоящих на аналогичном уровне развития, те связи, которые обычно сохраняются и в общине, соседской по природе? Мнения исследователей (Фримэна, Геддеса, Эппела) по этому поводу совпадают и не оставляют почвы для сомнений: у даяков Северного Калимантана отсутствует однолинейная система родства, не обнаружены какие-либо генеалогические коллективы — будь то крупные типа линиджей (локализованная в деревне часть рода) или мелкие типа больших семей [см. 3, 193; 8, 2—6; 13—14]. У даяков отсутствует счет происхождения от одного основоположника, нет идущих вглубь генеалогических связей; человек не может рассчитывать ни на какую социальную группировку, которая стояла бы между семьей и общиной и была бы шире первой и уже последней [9, 48—49]. Положение человека не определяется узами генеалогического родства, которые в других обществах сразу по рождению обеспечивают ему определенное место в системе родовых отношений. «У ибанов нет ничего похожего на однолинейные, экзогамные генеалогические группы типа клана», — прямо заявляет Фримэн [8,8]. Это положение находит свое отражение и в характере брачных запретов: из брачного круга исключаются лишь ближайшие кровные родственники как по материнской, так и по отцовской линиям [9, 12]. Брак является амбилокальным, основным критерием для определения локальности в каждом конкретном случае являются не традиционные правила родового поселения, отсутствующие у даяков, а комплекс чисто личных соображений, варьирующих от случая к случаю. Для ибанов, например, количество матри- и патрилокальных браков (или их вариантов) примерно одинаково. При этом следует иметь в виду, что вопрос локальности часто лишен смысла, ибо брак может быть заключен и в пределах одного длинного дома и молодая семья, таким образом, остается в одних стенах (хотя и в отдельном помещении) с родственниками по обоим линиям [9, 12]. Среди рунгусов преобладают уксоорилокальные браки, которые исследователи этой группы объясняют соображениями удобства: дочь, оставаясь в одном доме с матерью, постоянно, особенно в первые годы, прибегает к ней за помощью и советом (а потом, в зависимости от отношений с родственниками мужа, семья может переселиться в другой дом) [4, 292].

Отсутствие родовых коллективов проявляется также в легкости и свободе перемещения из дома в дом и из деревни в деревню (для этого требуется лишь согласие главы деревни или — у ибанов — длинного дома). По Эппелу, средняя продолжительность жизни в одном доме — немного более трех лет [4, 292]. При каждом переселении меняются социальные связи человека — родственные, соседские и дружеские, могут преобладать любые из них.

Отсутствие генеалогических связей сочетается у даяков с сильно развитыми родственными отношениями. Каждый человек входит в родственную группу, которую исследователи обычно определяют как группу когнатов [15, 76], имея под последними в виду кровных родственников по обоим линиям — как по отцовской, так и по материнской. Это, как правило, билатеральная группа, не уходящая своими корнями в глубь поколений и включающая братьев и сестер тех и других родителей и их детей. В отличие от обществ с однолинейным счетом родства у каждого даяка есть своя индивидуальная родственная группа, отличная от родственного круга любого другого лица, даже его ближайшего кровного родственника (хотя часть этого круга может совпадать).

О том, что подобная билатеральность, на фактах установленная у народов северного побережья, свойственна и для более широкого круга даяков, свидетельствует следующее высказывание Э. Лича: «система родства у мурутов относится, подобно системе всех народов Борнео, к билатеральному (когнатному) типу» [11, 73; цит. по 5, 11].

Родственные (но не родовые!) связи играют значительную роль в жизни длинного дома, население которого обычно находится в тесных отношениях родства (напомним приведенное выше высказывание Маллинкрота: члены своего дома — наиболее близкие родственники, члены другого — более далекие). Больше того, как правило, все семьи, населяющие длинный дом, находятся в родстве друг с другом через одного или нескольких своих членов. Это билатеральное, когнатное родство — основа отношений даяков, на нем в значительной степени базируются и связи между семьями длинного дома, оно играет важную роль и в организации хозяйственной деятельности (например, это один из критериев при создании групп взаимопомощи). К родственным связям следует добавить еще отношения свойства, которые также получили значительное развитие в даякском обществе [15, 77]. Причем все эти отношения родства и свойства выходят и за пределы длинного дома, образуя сплошную сеть перекрещивающихся родственных и свойственных связей, пронизывающих все даякское общество [см. 15, 77, 85]. В результате при всей внешней неупорядоченности этих связей создается достаточно уравновешенная социальная структура, одним — хотя и не самостоятельным — элементом которой и является длинный дом.

В то же время необходимо еще раз подчеркнуть, что родственные отношения отнюдь не являются основным критерием членства в длинном доме и сам этот дом не является родственной группировкой, а лишь собранием родственных семей. Это, в частности, явствует из определения социальной структуры длинного дома, данного Эппелом, «основную черту» ее видевшего в «сложной паутине социальных связей, которые охватывают отдельные семьи длинного дома и основываются на отношениях родства, проживании в длинном доме и потребности во взаимопомощи» [4, 282].

Кратко подытоживая все сказанное выше о длинном доме как социальном институте, прежде всего следует сказать о различии уровней развития народов внутреннего и прибрежного Калимантана. Первые более консервативны, в то время как вторые в большей степени связаны с внешним миром и к настоящему времени достигли такого уровня экономического развития, при котором хозяйственная независимость отдельных семей достаточно велика. Иными словами, имеются основания говорить об идущем у даяков Северного Калимантана разложении даже соседской общины. Эти отличия определяют и некоторую разницу в характеристике длинного дома у тех и других групп даяков. В центральных районах длинный дом, хотя и входит в состав общины и подчиняется ей, тем не менее и сам представляет собой определенный коллектив, который имеет своего главу и члены которого имеют определенные общие права и обязанности. Это своего рода автономная часть общины. На северном побережье длинный дом также представляет собой часть соседской общины, но общины, которая дальше ушла в своем развитии и в которой начала коллективизма оказались в значительной степени утраченными. Так что здесь длинный дом представляет собой самостоятельную общность лишь там, где можно поставить знак равенства между этим домом и общиной, т. е. в основном у ибанов. У тех же народов, где длинный дом является лишь частью общины, он не является самостоятельным общественным коллективом, а представляет

собой лишь скопление живущих под общей крышей, но в большой степени независимых билатеральных семейных единиц. Что касается истории этой проблемы, к сожалению, недостаток материалов не позволяет делать ретроспективных заключений и заставляет ограничиться констатацией современного нам положения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Симония Н. А. Остров большой реки, М., 1962.
2. Даяки,— БСЭ, т. 13, М., 1952, стр. 406.
- 2а. Даяки Калимантана,— «Народы Юго-Восточной Азии», М., 1966, стр. 538—550.
3. Appell G. N. Observational Procedures for Identifying Kindreds: Social Isolates among the Rungus of Borneo,— SWJA, 1967, vol. 23, № 2, стр. 192—207.
4. Appell G. N. Residence and Ties of Kinship in a Cognatic Society: the Rungus Dusun of Sabah, Malaysia,— SWJA, 1966, vol. 22, № 3, стр. 280—301.
5. Appell G. N. A Survey of the Social and Medical Anthropology of Sabah: Retrospects and Prospect,— «Behavior Science Notes», 1968, vol. 3, № 1, стр. 1—54.
6. Encyclopaedie van Nederlandsch Indië, vol. I, s-Gravenhage — Leiden, 1917.
7. Evans I. Among Primitive Peoples in Borneo, L., 1932.
8. Freeman J. D. Iban Agriculture. A Report on the Shifting Cultivation by the Iban of Sarawak, London, 1955.
9. Geddes W. R. The Land Dayaks of Sarawak, London, 1954.
10. Hose Ch. and McDougall W. The Pagan Tribes of Borneo, vol. I, London, 1912.
11. Leach E. R. Social Science Research in Sarawak,— «Colonial Research Studies», London, 1950.
12. MacDonald M. Borneo People, London, 1958.
13. Mallinckrodt M. Het adatrecht van Borneo, Leiden, 1928.
14. Miller C. Black Borneo, London, 1946.
15. Murdock G. P. (ed.) Social Structure in South-East Asia, New York, 1960.
16. Nieuwenhuis A. W. In Central Borneo, Leiden, 1900.
17. Stöhr W. Das Totenritual der Dajak, Köln, 1959.

Е. В. Ревуненкова

**ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
СЮЖЕТЫ В МАЛАЙСКОМ СРЕДНЕВЕКОВОМ
ПРОИЗВЕДЕНИИ «СЕДЖАРАХ МЕЛАЙЮ»**

Начиная с XIV в. и на протяжении почти пяти веков одно за другим в различных малайских княжествах создавались произведения на историческую тему — «Повесть о пасайских раджах», «Малайская история» («Седжарах Мелайю»), «Повесть о Махавангсе, или История Кедах», «Повесть о земле Джохорской», «Родословия князей Риау», «История Келантана», «Родословия перакских князей», истории Аче, Паханга и, наконец, в XIX в. хроники знаменитого малайского историографа раджи Али Хаджи бин Ахмада. Содержание большинства из них ограничено событиями, имевшими место в отдельных малайских княжествах, но каждое является неотъемлемой частью непрерывающейся общемалайской исторической традиции.

Ни одно из перечисленных выше произведений не обладало таким широким историческим размахом, такой монументальностью и такой силой художественного воплощения, как «Седжарах Мелайю», описывающая историю прежде всего Малаккского султаната.

За сто с небольшим лет своего существования (1403—1511) г. Малакка превратился в политический центр могущественного султаната, который в XV в. стал первостепенной державой в Юго-Восточной Азии, сумевшей вовлечь в сферу своего влияния весь Малаккский полуостров и обширные области на Суматре. Малакка являлась также центром малайской культуры, развитие которой стимулировалось постоянными связями с Индией, Китаем и странами Арабского Востока. Именно в этот период малайской государственности возник особый, обостренный интерес к истории своей страны, к ее прошлому, наблюдалась усиленная работа исторической мысли. Тогда и создается «Малайская история».

Различные рукописи этого произведения неоднократно издавались, целиком и частично. Имеется также перевод его на голландский язык, а отдельных частей — на французский и английский языки. Несмотря на то что о «Малайской истории», особенно относительно текстологических проблем этого памятника, существует больше исследований и публикаций, чем о других произведениях малайской литературы, до сих пор не создан еще критический текст и не выяснено в полной мере его историко-литературное значение. Изучение этого памятника даст представление об основных принципах малайской историографии, о некоторых канонах и традициях, в соответствии с которыми создавались произведения на исторические темы. В настоящей статье будут затронуты важные вопросы малайской исторической литературы.

Наличие около 30 различных списков, созданных в разное время, крайне запутанное и внутренне противоречивое предисловие к тексту —

все это явно свидетельствует о сложной творческой истории этого памятника. Для ее воссоздания необходимо не только тщательное исследование всех имеющихся рукописей, но и привлечение разнообразных историко-литературных памятников. Такая работа еще только начинается, и в настоящее время история самого текста во многом еще складывается из гипотез и догадок. «Хотя текст нам известен более ста лет, мы находимся в полном неведении, когда точно он был написан», — говорит видный голландский исследователь Р. Роолфинк [32, 302].

Но уже сейчас можно предварительно восстановить некоторые этапы создания этого произведения, а также происходившие с ним трансформации. Исходя из самых общих сведений о «Малайской истории», можно выделить два периода в ее существовании: 1) период формирования, складывания произведения, или авторский период; 2) период распространения и изменения его в списках, или редакционный период.

Крупнейший английский малаист Р. О. Уинстедт, исследовавший (не затрагивая проблемы различных списков и их взаимоотношений) содержание «Малайской истории», пришел к выводу, что памятник был создан в конце XV — начале XVI в. при дворе последнего султана Малакки — Махмуд-шаха (1488—1511) [44, 27]. Однако сведения о правлении последнего султана могут говорить лишь о заключительном этапе работы над старейшей частью произведения. Целый ряд соображений заставляет усомниться в правильности предположения Р. Уинстедта. Так, султану Махмуду в произведении уделено не больше внимания, чем его предшественнику — Мансур-шаху (1459—1477). И, самое главное, рисуется Махмуд совсем не верноподданнически — избалованным и любвеобильным, склонным к мистицизму, не слишком одаренным в государственных делах и нередко попадающим в комические ситуации. Иное отношение к Мансуре, наделенному красотой, гуманностью и справедливостью, именно перед ним автор испытывает подлинный пиетет. Из текста «Малайской истории» явствует, что именно в царствование этого султана были сделаны основные завоевания Малаккского султаната, был установлен мир с Сиамом, Малаккский султанат приобрел те границы, которые удерживал вплоть до прибытия португальцев. Исходя из всего этого, вполне можно предположить, что основной состав памятника был создан при дворе Мансура. Дополнительное подтверждение этому мы находим в предисловии к одной плохо сохранившейся рукописи «Малайской истории», хранящейся под № 68 в Королевском азиатском обществе в Лондоне. В ней говорится, что это произведение обсуждалось на заседании государственных высших чиновников в 887 г. хиджры (1482 г.), т. е. спустя всего пять лет после смерти Мансур-шаха и за шесть лет до вступления на престол Махмуд-шаха [46, 37].

Отдельные части «Малайской истории» можно датировать более точно. Так, например, рассказ о взятии португальцами Малакки мог появиться лишь после 1511 г., а рассказ о появлении испанцев на Молуккских островах — не ранее 1525 г. Очевидно, что события, относящиеся к истории Пасайского княжества, — основание княжества, междоусобица двух князей (гл. 7), борьба Малакки за освобождение из плена пасайского султана (гл. 22), обращение к пасайским богословам за разрешением теологических проблем (гл. 32) — описывались в период тесных и оживленных связей Малакки и Пасая (конец XV в.), ибо уже в 1524 г. это княжество было захвачено соседним султанатом Аче и название его быстро было забыто.

Однако более или менее точная датировка отдельных частей не дает тем не менее ключа к определению времени создания всего произведения. Ясно, что они присоединялись к уже существующему основному со-

ставу памятника в начале XV в., нарушая стройность и систематичность изложения (так, рассказ о событиях 1525 г. предшествует повествованию о 1511 или 1512 г.).

Само же ядро произведения, уже существовавшее к началу XVI в., также создавалось на протяжении не одного десятилетия. Это строго проследил в своих текстологических изысканиях Р. Роолфинк, который обнаружил протограф этого произведения — рукопись, представляющую собой родословную всех малайских князей с датами их правления [32, 313]. Показав, что все существующие списки «Малайской истории» непосредственно восходят к найденному протографу, Р. Роолфинк, в сущности, подтвердил ранее высказанную В. Линеаном гипотезу о том, что основой «Седжарах Мелайу» явились родословные [24, 107]. Роолфинк как бы подобрал ключ к сложной структуре этого своеобразного памятника, куда включались заимствования из других литературных произведений, письменных источников, фольклорные обработки и постепенно добавлялись рассказы о событиях современной жизни. Поэтому уже в первоначальный период создания «Малайской истории» авторское начало было заслонено, в значительной мере скрыто различие между автором, редактором и переписчиком, что препятствует точной датировке. Возможно установить лишь крайние хронологические пределы двух периодов формирования памятника: первоначальное его ядро было оформлено в конце XV в., дописывалось и редактировалось все произведение по крайней мере до середины XVI в.

При изучении второго, редакционного периода большое значение имеют сведения, сообщенные в предисловии к памятнику. Из них выясняется, что он был создан в 1612 г. в Джохорском султанате (южная оконечность Малаккского полуострова). Правда, в том же предисловии говорится, что предлагаемое произведение — вторичный текст; это следует из предложения: «Я слышал, что из Гоа привезли повесть о Малайе. Следовало бы нам восстановить ее» [33, 1]. Фраза об «Истории из Гоа» породила различные гипотезы и предположения [см. 17, 14; 32, 310—311], но все они едины в одном: рукопись «Малайской истории» после захвата португальцами Малакки была вывезена, а затем через 100 лет возвращена и оказалась в Джохорском султанате, где обосновались потомки малаккских султанов. Былая мощь и прошлое величие Малакки продолжают стимулировать развитие малайской литературы, центром которой в то время был двор джохорских султанов. В этот период короткого расцвета малайской государственности вновь пробуждается интерес к «Малайской истории», но, выполняя волю нового патрона — джохорского султана, служить она должна была уже новым политическим целям. Об этом свидетельствуют некоторые эпизоды и акценты памятника, по-иному освещающие ряд исторических событий [см. 44, 28—34], а также показ тесных родственных связей джохорских султанов с малаккскими [см. 22, 241] с целью обосновать притязания Джохора на земли, принадлежащие когда-то Малаккскому султанату в Малайе и на Суматре. Сознательные и целенаправленные как идейные, так и стилистические изменения, внесенные через сто лет, позволяют говорить о двух редакциях произведения — малаккской и джохорской.

Такова краткая, во многом гипотетическая и спорная конкретная история этого текста. Для того чтобы она стала яснее, требуется тщательный смысловой анализ разночтений, совокупное изучение всего состава текста и обобщающие объяснения цели и причины всех изменений и указания на их последовательность. Здесь же только намечен путь движения текста, что необходимо для выяснения историко-литературного значения памятника.

Почти все малайсты, начиная с XIX в. и до наших дней, признают в той или иной мере историческую значимость «Седжарах Мелайю». Действительно, это произведение во многом исторически достоверно; на его страницах действуют в основном реально существовавшие лица — султаны, государственные деятели, министры, придворные.

В нем можно найти ценные сведения о политической системе государства, о некоторых чертах быта и нравов средневековья. Согласно «Малайской истории», султан — «тень Аллаха на земле» — был единственным верховным правителем, неограниченным властью своих подданных и «единственно справедливым» судьей. Только он мог наказать или простить убийцу. Если же в княжествах, подвластных Малакке, совершалось убийство вельмож без ведома султана, то правитель того княжества платил за это своей жизнью.

Измена, бунт против султана считались самым тяжким грехом: «А всем малайцам наказал всевышний Аллах — мир ему — никогда не бунтовать и не отворачиваться от своего правителя, как бы дурно он ни поступал и как бы он ни был жесток» [33, 27]. Эти слова перекликаются с введенным в период Малаккского султаната в Малакке и других малайских княжествах юридическими нормами, согласно которым измена султану каралась 360 пытками, конфискацией имущества и обращением в рабство жен и детей изменника [40, 23]. Одновременно в произведении подчеркивается, что и сам султан должен был быть справедливым и не чинить расправ по собственному произволу. «Вот поэтому-то наказал всевышний Аллах — да восславится имя его — всем малайским князьям никогда не наносить оскорбления своим рабам, и, как бы ни был велик их грех, не следует их связывать, вешать или поносить дурными словами. А если правитель оскорбит своего раба, то это значит, что государство его погибнет» [33, 26].

Иллюстрацией этому служит рассказ о том, как по навету клеветников были убиты верные и преданные султану Махмуду люди (гл. 33), и тогда случилось самое трагическое событие в истории Малакки: ее захватили португальцы, «государство погибло».

Султан распоряжался не только судьбами своих подчиненных. Он был также верховным собственником земли и по своему усмотрению даровал владения своим чиновникам. Так, султан Мансур-шах отдал тун Пераку область Кланг, тун Хамзаху — область Буру (гл. 22), сери Нара Дирадж — Сенинг Уджунг (гл. 16).

С личностью султана в Малакке был связан особенно сложный придворный церемониал, определяющий его действия и поведение. С именем султана ассоциировалось все яркое, светлое, а поэтому только он и члены его семьи могли носить желтые одежды. Это стало нормой обычного права и вошло в законодательство всех малайских княжеств [40, 30, 74; 45, 100]. Особый ритуал был связан с возведением султана на престол: «После того как исполнилось 40 дней и 40 ночей, забили во все музыкальные инструменты и принесли воду для омовения, а сосуд, в котором находилась вода, был весь из чистого золота и драгоценных камней. И санг Супарбу вместе с его женой семь раз обнесли вокруг помоста, и Бат совершил над ними омовение. После омовения санг Супарба сменил всю одежду и одел на себя платье из парчи, а его жена Ван Сендари одела на себя кайн из ткани „буру даймани“. Оба — государь и государыня — облачились в царские одежды, уселись на золотой трон, и люди ударили в генданги и нобаты (особые барабаны в придворном оркестре. — *Е. Р.*) После возведения на престол все министры и военачальники оказали государю почести. Затем вынесли рис,

и государь с государыней отведали его. Окончив трапезу, Бат вставил символы величия в уши государя и государыни» [33, 28].

Любопытно, что все компоненты этого ритуала (омовение, пир, празднество, игра на музыкальных инструментах, обнесение вокруг помоста, чтение присяги верноподданности султану), восходящие ко времени индуистского влияния, почти в неприкосновенном виде сохранились и в мусульманской Малакке. Такое переплетение прошлого с настоящим было широко распространено в официальной практике Малакки. Так, султан там назывался «тенью Аллаха на земле», однако второй малаккский князь сохранил старинный титул «шри (сери) Махараджа», перенятый у правителей династии Шайлендра в эпоху Шривиджайи, когда влияние индийской культуры на малайскую было особенно сильным. В то время князь считался воплощением бога Индры [45, 2, 66].

В «Малайской истории» сохранилось и еще более архаичное представление о правителе как шамане. В ней рассказывается, как султан магическим образом превращает соленую воду в пресную (гл. 2), вызывает болезнь (гл. 15). Это сообщение подтверждается позднейшими исследователями. Уинстедт, например, пишет, что в малайском княжестве Перак в 1874 г. можно было еще наблюдать вполне обычную для того времени картину: султан выступал в качестве медиума на шаманском камлании [45, 63]. Такое сочетание местной традиции с индуистскими и мусульманскими веяниями отразилось и в «Малайской истории» в употреблении наряду друг с другом малайского «янг Дипертуан» (тот, кого считают господином), индийского «раджа», арабского «султан».

Султан, по описанию «Седжарах Мелайю», был окружен развитым аппаратом государственной власти, «стеной и опорой государства» [см. 40, 25] — многочисленными министрами, придворными, вельможами, чиновниками, военачальниками, судьями, стражниками, гонцами. В описании внутренней жизни дворца — центрального места действия — довольно четко обрисовывается картина развитого и сравнительно дифференцированного общества, сословной иерархии. Самым важным после султана лицом в государстве был бендахара, подчас обладавший большей реальной властью, чем султан, и направлявший политику государства. Особенно это относится к деятельности бендахары тун Перака, который сыграл выдающуюся роль в истории Малакки, осуществив основные завоевания султаната. К бендахаре переходили все prerogative султана во время отсутствия последнего. Немалую роль играли во дворце теменггунг, исполняющий главным образом функции министра внутренних дел и юстиции, лаксамана — командующий малаккским флотом и страж гарема и, наконец, пенгхулу бендахари — главный казначей. Весь пышный придворный штат представлен в многочисленных сценах торжественных приемов, обменов посланиями с другими государствами — как равными Малакке, так и зависимыми от нее. Четко установленный этикет, отражавший сословную иерархию, особенно ярко проявлялся во время придворных церемоний: «и государь повелел позвать бендахару Падука Раджу и сери Нара Дираджу, и все министры, вельможи, воины и евнухи, гонцы и военачальники тоже пришли и уселись в балае. Когда султан Мансур-шах вышел на прием, то все они встали со своих мест и смиренно поклонились; после этого султан Мансур-шах сел на свой трон, усыпанный драгоценными камнями; и вестник приказал всем знатым людям сесть, и тогда бендахара и сери Нара Дираджа со всеми остальными людьми сели каждый на свое место, как полагается по старинному и неизменному обычаю, а вестники встали у ног султана и держали в руках мечи, а все почтеннейшие капи-

таны судов и все старейшие княжеские слуги уселись в малом балае, и две государственные пики поставили на веранде и набросили на них тегампан (платок, который обычно носили придворные.— *Е. Р.*)» [33, 115].

«После оказания почестей (государю.— *Е. Р.*) первым садился бендахара, затем главный казначей, потом главный военачальник, а уже и после них — министры, вельможи, евнухи, воины, гонцы, военачальники — каждый соответственно своему сану, таков был обычай со стародавних времен» [33, 44].

Неустанно и с неизменной эмоциональностью автор «Малайской истории» перечисляет обязанности, титулы, родословные высших чиновников, в которых воплощался для него весь блеск государственной власти. Он поглощен описаниями дворца, ярких одежд и украшений придворных, торжественных и праздничных шествий султана в паланкине с атрибутами, символизирующими единство и величие державы: скипетром, мечом, копьем, зонтами, музыкальными инструментами.

Рассказы об обрядах одаривания царской одеждой по случаю возведения в определенный сан, удачного завоевательного похода или просто как выражение доброго отношения к посланникам из других стран, так же как и о трапезах (где едят по четыре человека из одного бананового листа и только бендахара вкушает свою еду один), дополняют бытовыми подробностями описание пышной жизни дворца. Много внимания уделено в «Малайской истории» праздникам и пирам — с обильным и щедрым угощением, музыкой, развлечениями. Вот одно из таких мест: «и Деманг Лебар Даун начал пир, сорок дней и сорок ночей он пил, ел, развлекался со всеми князьями, министрами, евнухами, гонцами, военачальниками и всем народом. И неистово звенели все музыкальные инструменты. И было зарезано несколько буйволов, коров, коз, овец, груды риса возвышались как муравейник, вода бурлила как в океане, а головы буйволов и коров были подобны островам» [33, 27].

Вскользь упоминаются в «Малайской истории» находившиеся во дворце рабы. Так, в гл. 27 говорится о том, как сурабайскому принцу была подарена рабыня, а в гл. 16 рассказывается, что у бендахары тун Мутахира было столько рабов, что он даже не всех знал в лицо. Здесь идет речь о рабах, используемых в качестве домашних слуг и телохранителей султанов и бендахар. Обычно такими рабами становились преступники, которые не могли возместить причиненный ими ущерб и отдавались в полное распоряжение султана. Необходимо подчеркнуть, что дворцовые рабы находились на особом положении: всякий, кто посмел ударить княжеского раба, подвергался смертной казни, тот, кто сманивал такого раба к себе, должен был возместить его стоимость в четырнадцатикратном размере [27, 248, 252; 35, 14—15]. Согласно Пахангскому уложению, никто не смел оказывать сопротивления княжескому рабу [40, 23, 25]; согласно Малаккскому уложению 1523 г., свободный человек, захвативший княжеского раба, сам подвергался закабалению [45, 69—70].

Живописуя двор — официальный, торжественный и праздничный, автор «Малайской истории» не утаивает и другой стороны его жизни — типичных для феодальной верхушки измен, раздоров и интриг, заговоров и убийств, порождаемых борьбой за власть, за влияние при дворе (обычно султан при жизни назначал наследника, но система наследования не была упорядочена, что вызывало борьбу за престол между многочисленными детьми султана от разных жен и наложниц). Из «Малайской истории» мы узнаем об убийствах придворных, о распрях между бендахарой и лаксаманой (гл. 22), о вероломстве султана

Махмуда по отношению к пахангскому князю (гл. 29), об убийстве регента при малолетнем султана Малакки и воцарении ставленника мусульманских торговцев раджи Касима (гл. 12), о страшной резне и истреблении семьи бендахары тун Мутахира (гл. 33). Естественно, что при таком внимании к придворной жизни из поля зрения автора почти исчезает более широкая панорама феодальной эпохи. Лишь отдельные скудные зарисовки создают картину пестрого и многолюдного порта, примыкающего ко дворцу, с непрерывными торговыми рядами и разнообразными товарами. Именно за счет торговли и торговых операций быстро росло богатство и могущество Малакки, о котором неоднократно говорится в «Малайской истории»: «И по всем подветренным и наветренным странам разнеслась весть о необычайном величии и процветании Малакки... И все князья стали прибывать в Малакку и являться на прием к Махмуд-шаху... И все купцы из наветренных и подветренных стран приезжали в Малакку, и необычайно многолюден был этот порт. А арабы называли его „Малакат“, что значит скопление товаров, потому что там было много разнообразных товаров» [33, 90]. В этом произведении рассказывается о численности населения Малакки (девять лакс, т. е. девяносто тысяч, или — в другом месте — девятнадцать лакс, т. е. сто девяносто тысяч), о пожарах в ней, о строительстве новых дворцов, борьбе с воровством в царствование султана Ала-уд-дина Рияят-шаха (гл. 23), о сносе многочисленных торговых лавочек, портивших вид города (гл. 33), и т. п. Отмечается в нем и достаточно пестрый этнический состав населения города. Особый квартал в Малакке занимали, в частности, выходцы из Индии. Индийские торговцы, сосредоточившие в своих руках значительную часть торговли Малакки, сумели составить влиятельную партию при султанском дворе и во многом определяли политику султанов (гл. 33). Прибывший в 1509 г. в султанат португалец Дьогу Лопеш ди Сикейра также отмечал, что «индийцы доставили преemного славы Малакке» [40а, 20].

В целом собранные в памятнике порой обширные, а порой лишь силуэтные зарисовки дают нам возможность всмотреться в черты быта и нравов, почувствовать биение пульса жизни того времени. Сведения, сообщаемые «Малайской историей», как было показано выше, часто подтверждаются как данными других источников, так и исследованиями европейских востоковедов, изучавших традиционные феодальные институты, сохранившиеся в ряде малайских княжеств до XIX в. в неизменном виде. Мельчайшие подробности из жизни той эпохи, разбросанные по всему произведению, эпизоды из жизни реальных людей, принадлежащих к различным социальным категориям, позволяют еще красочнее представить время складывания, расцвета и внезапного крушения Малаккского султаната.

Естественно, далеко не всегда следует понимать буквально сведения, сообщенные в «Малайской истории». В первую очередь потому, что почти весь ход истории, отраженный в ней, был искажен в угоду придворной историографии. Так, например, не может не вызвать сомнений те легкость, покорность и смирение, с которыми склоняются к «пыли ног высокочтимого властителя» Малакки китайский император, сиамский король или индийский раджа.

Кроме того, достаточно часто исторический материал в «Малайской истории» обрастает вымыслом и фантазией, насыщается сюжетами легендарного и сказочно-мифологического характера. Мифы, сказки, легенды занимают в памятнике место наряду с реальными событиями, подчас заслоняя их¹. Действительность в таком случае является как бы

¹ О сказочном и мифологическом материале в «Седжарах Мелайю» см. [5; 6].

кусом строительного материала, из которого посредством вымысла, восполняющего отсутствие настоящих знаний, с помощью традиционных изобразительных средств возводится легенда. Однако эта скрытая и завуалированная связь с реальными событиями в той или иной мере поддается исторической реконструкции, если прибегнуть к развернутому комментарию и к помощи других источников: иноязычных хроник, текстологических, эпиграфических, археологических свидетельств. Так можно восстановить отдельные вехи древнейшей истории Малайи, запечатленные в рассматриваемом нами памятнике.

Малаккские князья считали себя преемниками Шривиджайи (VII—XIII вв.). Этого названия нет в «Седжарах Мелайю», но вся предыстория султаната мыслится как история этой древнемалайской империи. Вполне понятно поэтому то внимание, которое уделяется этому периоду. Естественно также, что под пером автора «Малайской истории», вынужденного из-за отсутствия точных данных о давно прошедших временах исходить из народных сказаний, события той эпохи приобрели фантастические очертания.

Рассмотрим, например, легенду о борьбе индийского раджи Сурана (или Сулана и Чулана, совершавших те же самые деяния, в первой редакции произведения [см. 44, 48—54]) с сиамским князем Чуланом. В ней рассказывается о победоносном шествии индийского царя по малайским землям, завоевании им сиамских областей, попытке подчинить Китай (гл. 1). Перед нами клубок, сплетенный из множества имен, географических названий и событий, относящихся к разным временам эпохи Шривиджайя. Вполне возможно, что в описании этого похода нашли свое отражение опустошительные набеги (от которых Шривиджайя уже не смогла оправиться), совершенные в 1025 и 1068—1069 гг. царями южноиндийской династии Чолов (IX—XII вв.) на суматранские и малайские земли. Ряд ученых усматривают конкретную связь раджи Сулана с царем Раджендрой I Чола. Основанием для этого служит оставленная последним в Танджуре надпись, датируемая 1030—1031 гг. [41, I; 13, 5]. В ней перечислены разоренные Раджендрой области на Суматре и Малаккском полуострове. Совсем недавно эту же точку зрения еще раз высказал видный исследователь древнемалайской истории П. Уитли [39, 59].

Очевидно, все три имени — Сулан, Чулан и Суран — представляют собой варианты одного и того же слова «Чола». Однако, если в первой редакции имя Чулан относится к индийскому радже, то во второй его носит сиамский князь. В данном случае имя Чулан скорее всего восходит к названию старинного кхмерского государства Ченла (VI—XII вв.), располагавшегося в нижнем течении Меконга. В кхмерских надписях VIII в. говорится, что в это время Ченла подверглась нападению малайских пиратов с Явы. Под Явой в то время подразумевались собственно Ява, Суматра и Малаккский полуостров. А в одной яванской надписи говорится даже, что Камбоджа была захвачена яванским князем Санджаей [16, 94].

Поскольку же рассматриваемый нами памятник создавался в тот период, когда малайско-сиамские противоречия были очень острыми, то эти взаимоотношения и были спроецированы на борьбу малайских княжеств с северным соседом в далеком прошлом. Этим объясняется и такой анахронизм, как употребление названия «Сиам» при описании событий VII—XI вв., хотя оно могло появиться не ранее 1350 г. Название же «Ченла» ассоциировалось с именем «Чола», что в значительной степени облегчалось их фонетической близостью, и поэтому в разных редакциях мы встречаем имя Чулан, относящееся то к индийскому рад-

же, го к сиаемскому князю. Таким образом, в этой легенде слились воедино воспоминания о военных набегах Чолов на империю Шривиджайи и о борьбе Шривиджайи со своим северным соседом. Такое смещение исторических эпох (Ченла — VII—VIII вв., Чола — XI в.) имеет любопытную параллель в русских летописях, где часто смешиваются половцы и татары как общие враги Русского государства [см. 3, 91].

Другие легендарные сюжеты относятся к периоду распада Шривиджайи. Об этом говорит уже переход к рассказам о событиях в отдельных суматранских княжествах — Самудре, Пасая, Перлаке, которые Марко Поло не без основания считал обломками бывшей империи [2, 177]. Одной из причин падения империи Шривиджайи была агрессия тайского королевства Сукотаи в XIII в., особенно во время царствования Рамкамхенга (1283—1317), который стремился расширить свои владения на Малаккском полуострове за ее счет. Согласно монским хроникам, таи примерно с 1280 г. начали распространять свою власть на северные владения Шривиджайи [12, 24, 62, 132, 133], а к концу века (около 1295 г.), согласно китайским источникам, Рамкамхенг завершил завоевание Малаккского полуострова [16, 126]. Все эти сведения проясняют смысл легенды о пленении князя Самудры (гл. 7). В ней говорится о том, как в неволе его заставили следить за курами и как благодаря смирению, покорности и ценным подношениям со стороны его подданных князь был освобожден из плена, но позже изгнан из Самудры. В определенной степени эта легенда подтверждается тем, что среди многочисленных надгробий султанов Пасая и Самудры не обнаружено надгробие султана Малик-ул-Мансура [15, 400—417], т. е., согласно «Малайской истории», взятого в плен, а затем изгнанного из княжества. И интересно, что в других источниках говорится о зависимости от таи прежде всего северных малайских княжеств — Кедаха, Патани, Келантана, Тренггану, плативших ежегодную дань в виде золотых цветов — символа вассальной зависимости [16, 12].

«Малайская история» же дает нам заслуживающее внимания свидетельство о проникновении влияния таи и на Суматру. В этом плане ее сведения подтверждаются другим историческим произведением — «Повестью о пасайских раджах», где рассказывается об успешной борьбе Пасая с попытками таи поставить его в зависимое положение [18, 35].

В легендарной форме представлено в «Седжарах Мелайю» начало распространения мусульманства среди малайцев. В ней говорится, что из Джидды отправился корабль с шейхом, который после остановки в Мутабаре наконец попал в Самудру. В это время правителю Самудры снился сон, что пророк Мухаммад плюнул ему в рот; проснувшись, он ощутил вокруг себя запах нажда и произнес мусульманскую формулу вероисповедания (гл. 7). То, что первыми в Индонезии и Малайе были обращены в мусульманство северосуматранские княжества, отметил уже Марко Поло, побывавший на Суматре в 1292 г. [2, 177—178]. Самое древнее надгробие князя Самудры, носящего мусульманское имя, датируется 1297 г. [26а, 29], что также говорит о том, что уже в конце XIII в. Северная Суматра была исламизирована. Другие же области малайского мира приняли ислам значительно позже — в XV—XVI вв. Таким образом, рассматриваемый нами памятник подтверждает сообщение Марко Поло. Необходимо отметить, что содержащиеся в «Малайской истории» сведения о проникновении мусульманства в Индонезию являются самыми ранними в малайско-индонезийской историографии.

Легенда в «Седжарах Мелайю» указывает и путь, по которому новая вера пришла к малайцам. В ней говорится, что ислам в Индонезию проник из Индии, и даже более конкретно — из Южной Индии, а не

с Арабского Востока. Такой вывод позволяют сделать прежде всего некоторые текстологические данные. Мутабар — название вымышленного города, где останавливается корабль из Джидды, — в первой редакции произведения звучит как «Ма'абри». В этом виде оно восходит либо к названию «Малабар» (Юго-Восточная Индия) [26а, 33—34], либо к названию «Маабар» (Юго-Западная Индия). Еще в начале XX в. Снук Хюргронье на основе лингвистического анализа арабских и персидских заимствований в малайском языке высказал предположение, что мусульманство в Индонезию пришло из Индии, как некогда индуизм и буддизм [20]. Теорию об индийском происхождении мусульманства в Индонезии развил дальше Мокет, который изучал надгробные камни с высеченными на них арабскими изречениями и установил, что они были привезены из Камбая (Гуджарат, Северная Индия) [см. 28, 536—538]. Основываясь на исследовании Мокета, Р. А. Керн, Буке и другие ученые утверждали, что мусульманство в Индонезию пришло из Северной Индии [13а, 135—260; 23, 313]. Однако этому выводу противоречит сам характер мусульманских институтов в Индонезии, где большее распространение получило мусульманство суннито-шафийского (что в свое время было отмечено еще Ибн-Батутой [см. 21, 240]), а не ханифатского толка, характерного для Гуджарата и Северной Индии. Добавим к этому, что рассматриваемая нами индонезийская легенда настолько сходна с южноиндийскими сказаниями о бессмертном Перумале [см. 26а, 36] и о царе Черумане, что А. Х. Хилл ставит вопрос об общем их источнике [19, 10]. Кроме того, многочисленные и разнообразные сведения о постоянных связях Шривиджайи с Калингой, под которой в первую очередь подразумевалась Южная Индия (до сих пор в Малайе сохранился термин «оранг клинг», относящийся к выходцу из Южной Индии), достаточно убедительно говорят об особом влиянии Южной Индии на Малайю. Легенда, рассказанная в «Седжарах Мелайю», отражает, очевидно, наиболее ранний этап распространения мусульманства в Индонезии. Данные этого произведения, так же как и большинство других источников, говорят в пользу следующего предположения: с самого начала мусульманство в Индонезию шло давно знакомыми и хорошо проторенными торговыми путями — прежде всего с юга Индии. И уже значительно позже — только в XIV в., когда ислам окончательно завоевал позицию в Гуджарате, особенно в Камбае, — начинается активная миссионерская деятельность камбайских купцов в Индонезии [26а, 33—34].

Исторические аналогии и соотнесение с другими источниками позволяют увидеть истинный смысл и некоторых, имеющих, казалось бы, чисто художественное значение мифологических рассказов, например о нападении меч-рыбы на Сингапур (гл. 10). Это один из самых распространенных сюжетов в малайско-индонезийском фольклоре: в «Повести о ханг Туахе» говорится о нападении меч-рыбы на Индрапуру, в одной малайской рукописи (№ 162 из Батавского общества науки и искусства) — на Тарусан, а в «Родословной Берау» — на Пантай. В каждом из названных произведений этот миф аллегорически повествует о захвате неприятелем того княжества, на который нападает меч-рыба. В «Малайской истории» речь идет, видимо, о завоевании Сингапура яванцами в середине XIV в. В одной яванской хронике («Параратон») говорится о том, что Гаджа Мада, выдающийся деятель империи Маджапахит этого времени, намерен был захватить Тумасик (древнее название Сингапура), в другой («Нагаракертагама») добавляется, что Тумасик считался владением Маджапахита [см. 31, 17]. Неоднократные попытки яванцев захватить Сингапур отмечаются и в самой «Малайской исто-

рии», например в рассказе о состоящем из стружки, свернутой в виде серьги, подарке с Явы, истинный смысл которого раскрывается в самом произведении: «Маджапахит не считает нас за мужчин, поэтому посылает нам серьги» [33, 46]. Уже своим обращением к сингапурскому князю, как к младшему брату, яванский правитель стремился подчеркнуть его зависимое положение.

В китайской «Истории Юаньской династии» упоминается, что в 1377 г. сын правителя Тумасика махараджа Вули отправил посольство в Китай с просьбой санкционировать его восшествие на престол. Послу были вручены печать и полномочия, но будущий князь не получил их, так как послы были убиты яванцами [см. 31, 17]. В «Нагаракертагаме» указывается, что Сингапур был подчинен Маджапахитом в 1361 г. Сопоставление всех этих данных (учитывая постоянную серьезную неточность в хронологии «Нагаракертагамы») позволяет прийти к выводу, что символически описанное в «Малайской истории» событие имело место около 1370 г.

В «доисторической» части «Седжарах Мелайю» имеется немало отдельных замечаний, брошенных мимоходом, которыми, однако, нельзя пренебрегать, ибо они могут существенно дополнить имеющиеся в нашем распоряжении сведения. Некоторые такие сообщения были подтверждены позднейшими научными исследованиями. Приведем два примера. В гл. 6 упоминается о могильных камнях из Калинги, под которой, как отмечалось выше, подразумевалась в древности Индия. А в начале XX в. в бывшем пасайском княжестве действительно были обнаружены надгробные каменные плиты, исследование материала которых показало, что они камбайского (Гуджарат) происхождения. Очевидно, эти плиты были вывезены из индийских храмов, так как под арабскими изречениями еще сохранились фрагменты изображений индуистского стиля [см. 28, 536—538].

Не лишен достоверности, казалось бы, малозначительный рассказ о том, как Санг Нила Утама женился на принцессе с острова Бинтан и переселился в Сингапур (гл. 3). На это обратил внимание еще И. Г. Логан в середине XIX в. [цит. по 34, 13]. Предположение о том, что Сингапур был заселен переселенцами с о-ва Бинтан, — это лишь более конкретное выражение принятой в наше время гипотезы: «С VII—XIII вв. происходило интенсивное переселение на Малаккский полуостров с Восточной и Центральной Суматры этнических групп, ставших основными компонентами малайской народности» [4, 374].

Таким образом, исторические события древности, преломленные в виде легенд и преданий, как правило, переосмысленные в плане того, что было актуально в период оформления произведения, изложенные в определенной хронологической последовательности, но при полном отсутствии дат, приобретают характер отдаленных и обобщенных воспоминаний. Поэтому та часть памятника, в которой запечатлено его «доисторическое» время, не может служить полноценным и надежным историческим источником. Но в этих легендах и преданиях сохранилось историческое зерно и соблюдена та «мера историчности», которая позволяет опираться на них для разнообразных реконструкций и интерпретаций, если широко сочетать легендарные сведения с данными других источников.

Мы мало ошибемся и в том случае, если распространим это наблюдение и на собственно историческую часть произведения, где речь идет о событиях современных или почти современных написанию. Правда, эта часть памятника более конкретна, заметно суше и обстоятельнее, чем предыдущая. Но и здесь исторические рамки произведения лег-

ко раздвигаются, давая простор вымыслу и фантазии; реальные события подчас втискиваются в сказочно-мифологические сюжеты (например, легенда о сватовстве султана Махмуда к сказочной принцессе с горы Леданг, гл. 27). В изложении всей политической истории Малаккского султаната нужно строго отграничить содержательную сторону, которую можно воспринимать как фиксацию определенных событий, и форму, характер изложения событий, который выражается нередко в фантастических образах и сюжетах. Для восстановления картины, более или менее близкой к реальности, здесь также требуется сопоставление разных источников.

Из многочисленных легенд об отношениях Малакки и Китая немного можно почерпнуть, если смотреть на них глазами автора «Малайской истории». Это скорее занимательные рассказы, имеющие целью подчеркнуть, как минимум, равное положение Малакки. Так, в гл. 15 повествуется о том, как император послал в Малакку судно, в котором было столько игл, сколько народу на китайской земле, а в ответ на это Малакка послала судно, в котором было столько крупниц саго, сколько людей в Малакке. Из других мест «Седжарах Мелайю» мы узнаем, как хитрые и изобретательные малайцы смогли увидеть лицо китайского императора, что никогда не удавалось даже придворным последнего (гл. 15); как, заинтересованный в дружеских связях с мощным султаном, китайский император, напоминая о своих общих с малайскими князьями предках, считает за честь выдать свою дочь за малаккского князя, а малаккский султан позволяет себе посмеиваться над ним, посылая письмо с подписью *Sembah sahaja radja Melaka*, которую можно толковать двояко: «посылаю поклон я, ваш смиренный слуга, малаккский князь» и «поклон слуге малаккского князя» (гл. 15).

Трудно целиком полагаться и на китайские источники, которые, подробно освещая отношения двух государств, всячески подчеркивали зависимость Малакки от Китая. Китайские хроники пестрят постоянными сообщениями о миссиях и посольствах из Малакки с ценными дарами и подношениями [36, 17—19; 37 101]. Официальные визиты, любое проявление уважения китайские летописцы рассматривали как выражение покорности. По их сообщениям, каждый новый правитель Малакки должен был также являться для выражения верноподданнических чувств и просить признания своей власти [см. 1, 147; 42, 401; 43, 4].

Малайские, китайские, а также португальские источники едины в одном: китайцы были заинтересованы в добрых отношениях с Малаккой и постоянно посылали туда свои миссии. В «Малайской истории» прямо говорится об этом: «До Китая донеслась весть о величии Малакки, и китайский император послал своих послов в Малакку» [33, 138]. Учитывая сведения как малайских, так и китайских источников, а также представляя в общих чертах внешние связи Малаккского султаната, можно прийти к следующим выводам: несмотря на то что Малакка с первых дней своего существования признала верховную власть Китая, ее зависимость была формальной. Отношения между двумя государствами держались на взаимной выгоде: Китай преследовал коммерческие цели, так как ему удобно было сбывать свои товары в малаккском порту и иметь в своем распоряжении свободный перевалочный пункт по пути в Индию [38, 13], а Малакка обеспечивала себе таким образом надежную защиту от своего постоянно беспокойного соседа — империи таи.

Если события, происходившие в самой Малакке, как правило, облечены в легендарную оболочку, то тем более это имеет место, когда

речь идет о странах, далеких от Малайи. Вся 21-я глава посвящена Чамскому государству, расположенному на восточном побережье Индокитайского полуострова. В ней пересказываются чамские легенды о рождении принца из цветка арековой пальмы, о вскармливании его молоком коровы, о браке чамского принца Пау Геланга с яванской принцессой, о войне чамов с государством Кучи. В двух последних имеется, по-видимому, историческое зерно.

Из яванских хроник известно, что в 1292 г. чамский король Джайя-сингаварман III (1288—1307) был обручен с яванской принцессой Тапаси [9, 500]. В чамской же королевской хронике упоминается По Клаунг Гарай (как основатель ирригационной системы у чамов [7, 156]). Несомненно, существует связь между По Клаунгом чамской хроники, Пау Гелангом «Малайской истории» и Вô, о котором говорится во вьетнамской хронике [см. 25].

Во второй легенде скорее всего описывается борьба чамского государства с вьетнамцами. Кучи — это, возможно, одна из трех северных областей чамов, уступленных в середине XI в. Аннам. Современное название ее — Куанг-чи. Чамское государство вело длительную (XI—XV вв. с перерывами) борьбу с Аннамом, которая закончилась в 1471 г. полным покорением чамов последним. Об этом окончательном поражении и говорится в «Малайской истории». Там же сообщается, что, спасаясь от плена, часть населения из Чамского государства бежала в Аче и Малакку. Эти сведения нашли в дальнейшем подтверждение. А. Марр, развивая утверждение В. Марсдена об особом антропологическом типе ачесцев, произвел лингвистический анализ и установил ряд заимствований в аческом языке из чамского [25, 406—410]. Этот факт, по его мнению, свидетельствовал о том, что область Аче была частично заселена беженцами из Чамского государства. Современными исследованиями также установлено, что чамы составляли часть населения и в Малакке [26, 97].

Таким образом, мы видим, что для средневекового малайского хрониста история Малаккского султаната — это все, что связано с его государством, — действительное и легендарное. Автор не видит разницы между сказочно-мифологическим материалом, относящимся к незапамтным временам, и историческими фактами ближайшего времени. Прошлое в «Седжарах Мелайю» идет об руку с настоящим; это не нарушает стройности композиции всего произведения, но от него трудно ожидать точности, четкости и подлинной достоверности. Тут можно провести знак равенства с известным принципом Геродота: «Я сообщаю то, что слышу, но верить всему не обязан». Недаром автора «Малайской истории» за его литературное дарование называют малайским Геродотом [см. 14, 3—4].

Все сообщаемое в рассматриваемом нами памятнике требует каждый раз критического анализа. Поэтому «Седжарах Мелайю» нельзя назвать историческим трудом в современном смысле слова. Но она сохранила такие оттенки и штрихи в описании событий, которых лишены другие источники, претендующие на сухую и беспристрастную фактографию, а подчас и вносит существенные коррективы в сообщаемые ими сведения, чем значительно повышается историческая ценность этого произведения. В истории вряд ли вообще существуют источники, на которые можно полностью полагаться, если только это не специальные деловые документы. Поэтому, очевидно, должен идти двусторонний процесс: данные «Малайской истории» нужно сопоставлять с материалами других источников, но и те в свою очередь нужно соотносить с «Малайской историей».

Историческая литература малайцев неотъемлемой частью входит в общий комплекс малайско-индонезийской историографии, особенно значительный вклад в которую кроме них внесли яванцы и бугийцы. Крупнейший исследователь яванской историографии К. Х. Берг рассматривает ее развитие — от древних хроник «Параратон» и «Нагаракерта-гама» до хроник позднего средневековья — как эволюцию определенной, единой модели, сущность которой он видит в наложении «на первоначальную действительность структуры мышления» [11, 87]. Исторические описания в ней воплощаются в мифах, которые, по определению ученого, представляют собой социально усложненные лингвистические формы [11, 87—88] и являются неизбежной подготовительной фазой объективного описания реальных событий [8, 21]. Создатели яванских хроник были убеждены в магической силе своих произведений, в их способности оказывать влияние на ход событий в будущем. Прославление князя придворным хронистом и астрологом рассматривалось как своего рода магическая операция, усиливающая сверхъестественную силу князя. Поэтому форма изложения в яванских хрониках имеет, по мнению Берга, гораздо большее значение, чем необходимость следовать фактам [10, 145].

То же самое, как мы видели, в какой-то мере относится и к «Малайской истории», хотя вряд ли можно провести прямую параллель между яванской и малайской исторической литературой.

Еще меньшее сходство наблюдается между малайской и бугийско-макаassarской исторической литературой. В хрониках бугов и макассаров явно видно стремление освободиться от мифологического материала и приблизиться к фактологическому изложению. В них имеются даты и широко использованы придворные дневники и записи [см. 30, 137—143].

Таким образом, можно себе представить постепенное развитие историографии в малайско-индонезийском мире как путь от поэтических мифологических яванских хроник XIV в., выполняющих функцию магических книг, к малайской исторической прозе XV—XVI вв., еще имеющей обильный мифологический и легендарный материал, но уже лишенной магического значения, и, наконец, к бугийско-макаassarской историографии XVI—XVII вв., которая уже тяготеет мифами и легендами, стремясь быть более документальной. Взятые вместе, эти произведения литературно-исторического жанра образуют непрерывную общепонезийскую историографическую традицию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бокшанин А. Л. Краткая история связей Китая со странами Южных морей,— сб. «Китай и соседи», М., 1970.
2. Книга Марко Поло, М., 1956.
3. Лихачев Д. С. Культура древней Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого, М., 1962.
4. Народы Юго-Восточной Азии, М., 1966.
5. Ревуненкова Е. В. Фольклорный компонент в малайской исторической хронике «Седжарах Мелаю»,— сб. «Фольклор и этнография», Л., 1970, стр. 91—104.
6. Ревуненкова Е. В. Мифологические источники средневекового малайского памятника «Седжарах Мелаю»,— сб. «Религия и мифология стран Дальнего Востока и Южной Азии», М., 1970, стр. 206—221.
7. Aymonier E. Legendes historique de chams,— «Excursions et reconnaissance», 1840, vol. XIV.
8. Berg C. C. De evolutie de javaansche geschiedschrijving,— MKNW, 1951, d. 14, № 2, стр. 19—21.
9. Berg C. C. De geschiedenis van pril Madjapahit, Indonesie, 1950—1951.

10. Berg C. C. Javaansche geschiedschrijving,—in: Stapel F. W., Geschiedenis van Nederlands Indie, Amsterdam, 1938, crp. 14—145.
11. Berg C. C. The javanese picture of the past,—in: «An introduction to the Indonesian historiography», ed. by Soedjatmoko, New York, 1965, crp. 70—81.
12. Blagden C. O. Siam and the Malay peninsula,—JRASSB, № 1, crp. 110—116.
13. Braddel R. An introduction to the study of ancient times in the straits of Malacca,—JRASMB, 1937, vol. XV, pt III, crp. 64—126.
- 13a. Bousquet G. H. Introduction a l'étude de l'Islam indonésien,—«Revue des études islamiques», Paris, 1938, cahiers 2—3, crp. 135—260.
14. Brown C. C. A Malay Herodotus,—BSOAS, 1948, vol. XV, crp. 3—4.
15. Cowan H. K. Een interessant getuigenis betreffende de vroegste Islam in noord Sumatra,—BTLV, 1961, afl. 117, crp. 410—417.
16. Coedes G. Les peuples de la péninsule d'Indochinois, Paris, 1962.
17. Gibson-Hill C. A. The Malay annals, the history brought from Goa,—JRASMB, 1956, № 29, pt 1, crp. 14—16.
18. Hill A. H. Hikayat radja-radja Pasai,—JRASMB, 1960, vol. III, pt 2.
19. Hill A. H. The coming of Islam to north Sumatra,—JSEAH, 1963, vol. 4, № 1, crp. 6—22.
20. Hurgronje H. C. Snoeck L'Arabie et les Indes Néerlandaises,—«Revue d'histoire de religions», 1908, vol. 57.
21. Ibn-Bathouta Description de l'archipel d'Asie, Paris, 1847.
22. Josseling de Jong P. E. The character of Malay Annals,—in: «Malayan and Indonesian studies», Oxford, 1964, crp. 235—241.
23. Kern R. A. De verbreiding van de Islam,—in: Stapel F. W., Geschiedenis van Nederlands Indie, Amsterdam, 1938, crp. 100—314.
24. Linehan W. Notes on the text of the Malay Annals,—JRASMB, 1947, vol. XX, pt 2, crp. 107—117.
25. Marre A. Madjapahit et Tchampa,—«le Museon», 1895, vol. XIV, crp. 342—351, 395—410.
26. Marrison G. E. The Chams of Malacca,—JRASMB, 1951, vol. XXIV, pt 1, crp. 90—98.
- 26a. Marrison G. E. The coming of Islam to the East Indies,—JRASMB, 1951, vol. XXIV, pt 1, crp. 29—40.
27. Maxwell W. E. The law relating to the slavery among the Malays,—JRASSB, 1880, v. 22, crp. 247—256.
28. Moquette I. R. De grafsteen te Pase en Grisee vergeleken met de dergelijke monumenten uit Hindoestan,—TTLV, 1912, d. 54, afl. 56, crp. 536—548.
30. Noorduyt J. Origins of the South Celebes historical writing,—in: «An introduction to the Indonesian historiography», ed. by Soedjatmoko, New York, 1965, crp. 137—143.
31. Pigeaud Th. Java in the 14 century. The Nagarakertagama, The Hague, 1960, vol. 3.
32. Roolvink R. The variant versions of the Malay Annals,—BTLV, 1967, d. 123, afl. 3, crp. 300—313.
33. Sedjarah Melaju, Djakarta, 1952.
34. Swettenham J. British Malaya, London, 1929.
35. The piracy and slave trade of the Indian Archipelago,—JEAIA, 1847, vol. I, crp. 4—15; 1849, vol. III, crp. 581—588, 629.
36. Wang Gung-wu The first three rulers of Malacca,—JRASMB, 1968, vol. 41, pt 1, crp. 11—23.
37. Wang Gung-wu The opening relations between China and Malacca,—in: «Malayan and Indonesian studies», Oxford, 1964, crp. 87—105.
38. Wang Gung-wu Malaysia, Kuala Lumpur, 1964.
39. Wheatley P. Desultory remarks on the ancient history of the Malay peninsula,—in: «Malayan and Indonesian studies», Oxford, 1964, crp. 33—76.
40. Winstedt R. O. and Kempe S. A. A Malay legal digest compiled for Abd-al-Ghafur Muhajuddin Shah, sultan of Pahang, 1592—1614,—JRASMB, 1948, vol. 21, pt 1, crp. 1—68.
- 40a. Winstedt R. O. Malaya and its history, London, 1957.
41. Winstedt R. O. An outline of the Malay Annals,—JRASMB, 1938, vol. XVI, pt III, crp. 18—27.
42. Winstedt R. O. A history of Malaya,—JRASMB, 1935, vol. XIII, pt I, crp. 1—254.
43. Winstedt R. O. Malay history from chinese sources,—BSOAS, 1947, vol. 12, pt 1, crp. 181—183.
44. Winstedt R. O. The Malay Annals,—JRASMB, 1938, vol. XVI, pt 3, crp. 42—226.
45. Winstedt R. O. The Malays. A cultural history, London, 1950.
46. Winstedt R. O. The preface of the Malay Annals,—JRASMB, 1938, vol. XVI, pt 3, crp. 35—42.

Л. М. Демин

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО БРУНЕЯ

Бруней (площадь всего лишь 5765 кв. км) охватывает два маленьких анклава на побережье Северного Калимантана, расчлененные малайзийским коридором — долиной р. Лимбанг. В противоположность Сараваку и Сабаху, вошедших в качестве федеральных штатов в Малайзию и тем самым покончивших с политической зависимостью от Англии, Бруней «предпочел» остаться британским протекторатом. Это «решение» было подсказано англичанами, оказавшими давление на султана и сделавшими все возможное для сохранения своего господства.

Такая позиция определялась значительными нефтяными богатствами султаната. С 1913 г. они эксплуатируются англо-голландской монополистической компанией «Ройял датч-Шелл» (в лице ее дочерней фирмы «Бруней шелл петролеум компани»), являющейся фактическим хозяином султаната. Протекторат в данном случае — просто наиболее удобная форма господства, прикрытого ограниченной автономией и марионеточным султаном, т. е. внешними атрибутами местной государственности. В целях укрепления своей реальной власти британские колонизаторы заигрывают с феодально-бюрократическими и клерикальными консервативными силами, готовы делиться некоторой частью своих доходов с султаном и его окружением.

Современное британское господство в Брунее — это не классический колониализм, а неоколониализм, модернизированный и приспособленный к духу времени.

Общей линии неоколониалистской политики соответствуют и мероприятия в области просвещения и культуры.

В послевоенные годы малайский язык был объявлен официальным государственным языком султаната. Даже на обочинах дорог появились щиты с призывами «Пользуйтесь малайским языком!».

Определенные сдвиги произошли и в области просвещения. Во время своего посещения Брунея в апреле 1969 г. автор статьи имел возможность встретиться с главой директората просвещения англичанином Мак Айнессом и получить от него ценное информационное издание, содержащее обширный статистический материал — отчет директората о развитии образования в Брунее за 1964—1966 гг. [4]. Эта книга позволяет проследить развитие современного народного образования в стране. И хотя, как и в прочих официальных изданиях, в этом отчете в первую очередь подчеркиваются успехи и достижения, есть в нем и критический материал.

Длительное время в протекторате вообще не было общеобразова-

тельных школ, доступных хотя бы для состоятельных малайцев. «Очень трудно найти в Брунее малайца, который умел бы читать и писать, — цитируется в отчете официальный документ 1911 г. — Поэтому приходится привлекать малайцев для несения службы из-за границы» [4, 1]. В этом же году впервые был поставлен вопрос об открытии первой современной школы.

Однако сделано это было только в 1914 г., на 26-й год установления протектората. В нее записалось лишь 40 мальчиков [4, 1]. Девочки впервые стали посещать школу только в 1930 г., т. е. на 42-м году господства англичан. В 1932 г. их было всего лишь 13 из общего числа 794 детей, посещавших школу. И долго еще девочки составляли ничтожно малый процент всех учащихся¹ [4, 1]. Доклад директората просвещения не дает никакого основания полагать, что власти проводили какую-либо разъяснительную работу среди мусульманского населения с целью помочь преодолеть предубежденность жителей султаната, не склонных посылать девочек в школы по религиозным мотивам.

После второй мировой войны количество школ в Брунее и соответственно число учащихся стало довольно быстро расти. Было введено бесплатное обучение. В г. Брунее открылся небольшой учительский колледж. «Бруней шелл петролеум компани» открыла в Сериа² собственную школу по подготовке младших технических специалистов, механиков, электриков. Стали появляться школы и курсы по ликвидации неграмотности для взрослых. Общее число всех этих школ составляет сейчас около 140. В 1968 г. в них обучалось свыше 34 тыс. человек [1, 100], т. е. около четверти всего населения, что является относительно высоким процентом. Большинство школ государственные. Только несколько учебных заведений принадлежат религиозным миссиям, англиканским и католическим, а также частным фирмам. По языку обучения подавляющее большинство школ малайские, остальные — английские и китайские. Последние в отличие от малайских и английских финансируются правительством султаната не полностью, а лишь частично.

Доклад директората просвещения дает лишь относительно старые цифры бюджетных ассигнований на нужды просвещения, относящиеся к 1966 г. Тогда они составили 11,4% всего бюджета султаната, или около 13 млн. местных долларов [4, 18]. Кроме того, некоторая сумма выделялась на школьное строительство.

В Брунее принята английская система образования, при которой общая продолжительность обучения в школе, включая и двухгодичную высшую ступень средней школы, или предуниверситет, составляет 13 лет. Столь длительный срок среднего образования ставит лишние преграды на пути в университет для молодежи из неимущих слоев. По данным на 1968 г., всего лишь 67 брунейцев обучались в университетах и институтах, преимущественно в странах Британского содружества. Своего высшего учебного заведения в Брунее нет.

Расширение сети школ привело к некоторому росту брунейской интеллигенции, к активизации деятелей местной культуры.

Одним из заметных культурных центров султаната стала первая малайская средняя школа г. Брунея³. Некоторые из учителей школы выступают как литераторы. Школа издает ежегодники, в которых наряду с официальными материалами об учебной и общественной школьной жизни публикуются также стихи, рассказы, статьи учеников. Здесь

¹ В 1966 г. девочки составляли 45,8% всех школьников [см. 4, 62].

² Центр нефтедобывающей промышленности в Брунее.

³ Автор статьи посещал школу, беседовал с ее директором и учителями. По словам директора, в ней обучалось около 1300 учеников, в том числе около 400 девочек.

создано научное лингвистическое общество — Совет языка и письменности. Его главная цель — способствовать развитию малайского литературного языка, пропагандировать его. Эта организация издала небольшой коллективный сборник стихов местных поэтов «Призыв» [3]. Все они работают в школе в качестве учителей малайского языка. Это люди одного поколения (каждому около тридцати лет), выпускники Брунейского учительского колледжа⁴.

В стихах этих авторов наряду с лирикой встречаются и гражданские мотивы. Таково, например, стихотворение Исма «Революция» [3, 12]. В нем поэт призывает народ воспрянуть духом, символами напоминает о славных днях независимости.

Примечательно другое стихотворение того же поэта. Называется оно «Палач» [3, 15]. В дословном переводе оно звучит примерно так:

Ты захватил царский престол
И деспотично правишь.
Мир никогда не улыбнется.
Людей обрекают на смерть.

Это выразительное четверостишие можно истолковать как осуждение всякой тирании, деспотизма, попрания прав народа, косвенно адресованное колонизаторам.

Стихотворение Исма «Отчизна» проникнуто печалью за судьбу родины, за страдания народа [3, 18].

Аналогичной тематике посвящены и некоторые произведения Нурилхама. Одно из его стихотворений озаглавлено «Требуем независимости» [3, 34]. В другом поэта волнует, что во Вьетнаме льется кровь, гибнут мирные люди, хотя поэт и не видит, кто истинный виновник страданий народа [3, 36].

Совет языка и литературы школы издает также журнал «Riak. Madyalah Bahasa dan pusaka» («Морская зыбь. Журнал по проблемам малайского языка и литературы»). В нем публикуются статьи, пропагандирующие важность изучения и внедрения в жизнь малайского языка, а также различные литературные материалы.

Заметным событием в культурной жизни Брунея стало открытие в 1961 г. по образцу аналогичного учреждения в Куала-Лумпуре Института языка и литературы (Деван бахаса дан пустика). Его здание, украшенное яркими фресками, символизирующими развитие науки и прогресса, находится в центре г. Брунея рядом с правительственными учреждениями.

Его штат должен состоять из 76 научных, административных и технических сотрудников. Но фактически наличный персонал намного меньше⁵.

Главная задача этого научного учреждения — всемерно содействовать развитию малайского языка, литературы, культуры в целом. В составе института имеются отделы исследования культуры, литературы, развития языка, переводов, терминологический, а также библиотека. Здесь ведется как исследовательская, так и издательская работа — выпускаются книги и журналы на малайском языке для взрослых и детей. Это дает возможность брунейским литераторам публиковать свои про-

⁴ Исма (настоящее имя Авангку Сабму бин Пенгиран Хаджи Мохамед Саллех), Мас (настоящее имя Авангку Махмуд бин Пангиран Дамит), Нурилхам (настоящее имя Мохаммад Абдул Латиф) и Хаялинда (настоящее имя Мохаммад Шах Имам Ахмад).

⁵ Со структурой института его директор познакомил автора в личной беседе.

изведения, содействует развитию местной литературы на малайском языке.

Отряд брунейских литераторов пока не велик. Несколько условно их можно разделить на две группы. Первая, более радикально-националистического направления, группируется вокруг первой малайской средней школы. О ее представителях речь шла выше. Вторая, отличающаяся консервативно-мусульманским направлением, группируется вокруг Института языка и литературы. К ней относятся прежде всего его директор Мохамед Джамил, затем Бахаруддин Иго, отправившийся учиться в мусульманский университет в Каире, Яхья Фуйс, служащий управления по делам религии, Юрах Халим, прозаик и историк, один из соавторов истории Брунея [8].

Написанная Юрахом Халимом и Джамилом Умаром и изданная в 1958 г. с предисловием самого султана «История Брунея» доводится до конца XVIII в. Эта небольшая по объему книжка составляет лишь первую часть более широкого исторического курса, который должен быть доведен до наших дней. Однако последующие тома до сих пор не выпущены. Видимо, свою роль в этом сыграли и сложности, связанные с более или менее объективным освещением истории султаната в период британской колонизации. Изданная первая часть курса принята в качестве школьного учебника, она преподается в начальной школе, являясь введением ко всеобщей истории.

Сам директор Института языка и литературы Мохамед Джамил (полное его имя Падука Хаджи Мохамед Джамил бин Пехин Удана Хатыб Аванди Хаджи Умар) — серьезный литературовед, занимающийся исследованием и публикацией старинных брунейских литературных памятников. Несколько лет назад он издал стихотворную историческую хронику «Шаер Ракис» [5]. Написал ее традиционным поэтическим размером принц Шахбандар Мохамед Саллах ибну Пенгиран Шармаюда. В предисловии Мохамеда Джамила рассказывается об авторе произведения. Это был один из членов царствующей династии, живший в конце XVIII — начале XIX в. Биография этого принца известна лишь по устным преданиям, передаваемым из поколения в поколение. Судя же по характеру его яркого произведения, он был образованным для своего времени человеком. Поэма повествует о драматических событиях начала XIX в., участником и очевидцем которых был автор: упадке Брунейского султаната, распрах в Сараваке, появлении на политическом горизонте предприимчивого авантюриста Джемса Брука, сумевшего захватить с помощью интриг и обмана значительную территорию Брунея. Поэма читалась не только при дворе султана. Она переписывалась от руки и была довольно широко известна среди брунейского общества. Язык поэмы, довольно высокопарный, заметно отличается от современного разговорного языка. Поэтому в издании дается специальное приложение — словарь терминов и пояснений.

Интересную работу осуществляет терминологический отдел института. Дело в том, что издание различной литературы на малайском языке поставило перед сотрудниками института серьезную проблему: в местной малайской лексике не оказалось целого ряда терминов из области техники, медицины, географии, социально-политических наук. Терминологический отдел занялся выработкой необходимой научной лексики. Иногда образуются новые слова и словосочетания на основе существующей малайской лексики, иногда берутся общепринятые международные выражения, обычно в их английском варианте.

Другое интересное научное учреждение Брунея — Национальный музей. Возглавляет его принц Шарифуддин, дальний родственник султана.

В течение ряда лет он работал в музее Саравака в Кучинге под руководством Тома Харрисона, крупнейшего английского этнографа и антрополога, хорошо известного и в советских научных кругах⁶.

Музей был создан в 1963 г. и сначала находился в ведении английского чиновника. В начале 1965 г. музей получил статус департамента государственного секретариата (так называется министерство в правительстве султаната, ведающее вопросами внутреннего управления). Во главе его был поставлен куратор (директор)⁷. Музей имеет исследовательский, археологический, естественный и этнографический отделы, небольшую библиотеку, располагает штатом научных и технических сотрудников из 21 человека.

За последние годы музей значительно пополнился. В 1967 г. была куплена в Кучинге за 135 тыс. местных долларов коллекция фарфора, драгоценных камней и изделий из нефрита. Она считается одной из лучших среди подобных коллекций в Юго-Восточной Азии. Затем было приобретено в центре Сабаха Кинабалу за 28 тыс. местных долларов интересное собрание китайских изделий из медных сплавов. В числе других пополнений можно упомянуть коллекцию старинных золотых украшений (приобретены за 10 тыс. долл.). В свое время предметы этой коллекции были найдены в Лимбанге в результате эрозии почвы. Как свидетельствуют местные издания, все эти собрания были приобретены по совету Тома Харрисона [см. 6, 307—311].

В настоящее время музей размещается во временном помещении в центре города. Для обозрения выставлена лишь незначительная часть предметов в двух небольших комнатах. Остальное систематизировано в хранилищах. В живописной местности на высоком берегу р. Бруней строится новое здание Национального музея. Судя по возведенному бетонному каркасу, это будет большая и красивая постройка с просторными залами. Брунейские власти рассчитывают сделать музей одним из объектов, привлекающих туристов.

В коллекциях музея хорошо представлены бронза и медь, различные предметы быта, домашняя утварь, украшения — всего более 300 различных старинных образцов. В прежние времена Бруней славился своим искусством художественной обработки бронзы. Брунейские мастера были искусными литейщиками, оружейниками, ювелирами. Знакомясь с экспозициями музея, мы видим следы, а иногда и одновременные напластования различных влияний: китайского, индо-яванского, древнеиндийского, индо-мусульманского, арабского. Это наглядные свидетельства широких международных связей Брунея, торговых и культурных⁸.

Искусство мусульманского Брунея не отличалось той строгой ортодоксальностью, которая была характерна для многих других мусульманских народов⁹. Ислам не смог здесь подавить прежних художественных традиций, складывавшихся под заметным влиянием тех ведущих стран Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии, с которыми Бруней был втянут в оживленные торговые и культурные связи. На многих предметах мы видим изображение вполне реальных животных: буй-

⁶ В последние годы, оставив работу в музее Саравака, Том Харрисон читает лекции в одном из университетов США.

⁷ С организацией музея автора познакомил в личной беседе его директор Шарифуддин [см. также 7].

⁸ Упоминание о Брунее встречается еще в раннесредневековых китайских хрониках [см. 2, 101—103]. Через него проходили важные морские торговые пути из Индии и индонезийских государств, Шривиджайи и Маджапахита, к южным берегам Китая.

⁹ Описание коллекций музея дается на основе личных впечатлений [см. также 7].

волов, крокодилов, птиц — явление, явно противоречащее художественным канонам ортодоксального ислама. Некоторые из предметов коллекции украшены рельефными фигурами сказочных драконов — явный признак китайского влияния. Влияние древнеиндийского искусства проявляется в часто повторяющемся мотиве лотоса. Нередко сосуды, блюда, чаши, крышки сосудов выполнены в виде этого цветка. Арабское и индо-мусульманское влияние сказывается в неоднократно встречающемся измельченном и строго детализированном орнаменте, геометрическом или растительном. Иногда можно встретить наложение различных культурных влияний в одном и том же предмете, произведении прикладного искусства. Такого рода предметы с художественно-эстетической точки зрения выглядят, может быть, эклектичными, лишенными стилистической цельности и выразительности. Но они интересны как наглядные свидетельства столкновения в искусстве Брунея различных культурных влияний, сочетания разных художественных школ и тенденций.

Богато представлена различная китайская утварь: сосуды, вазы, блюда, чаши, а также безделушки, статуэтки и т. п. Среди них изделия из фарфора, фаянса, различных сортов камня. Они свидетельствуют о довольно оживленных связях Брунейского султаната с китайской империей. Предметы искусства Китая пользовались широким спросом у представителей местной феодальной верхушки. Немало предметов выполнено брунейскими мастерами, пытавшимися создать копии или варианты китайских образцов. Большие бронзовые сосуды китайской или местной, но в китайском стиле, работы используются некоторыми даякскими племенами для хранения ценных домашних вещей. Они служат и своего рода показателем достатка в доме.

Интересна также коллекция старинной керамики. Древнейшие из предметов относятся к XI—XIV вв. Этнография представлена различными предметами быта, религиозного ритуала, искусства народов Малайзии и Брунея. Имеются примитивные деревянные скульптуры аборигенов Малаккского полуострова, образцы оружия, в том числе даякские духовые ружья — сумпиты (длинная деревянная трубка, через которую охотник выдувает отравленную стрелу), образцы одежды. Особенно хорошо представлены предметы быта малайцев и даяков Северного Калимантана. На больших панно воспроизведены образцы даякского традиционного орнамента. Таким орнаментом даяки украшают свои продолговатые выпуклой формы, сделанные из дерева боевые щиты, архитектурные детали жилищ и другие предметы. Здесь можно увидеть гроб даякского вождя¹⁰, расписанный подобным же узором симметрично расположенных плавных линий и украшенный также фигурами людей. Среди других предметов этнографического отдела интересна куртка-кольчуга из раковин — традиционный тип одежды мурутов, лесного даякского племени Сабаха.

Музей располагает богатой коллекцией образцов старинной артиллерии XVII — начала XIX в. (более 300 единиц), стрелявшей оловянными ядрами. Брунейские мастера в свое время славились искусством пушечного литья. Некоторые из представленных здесь старинных пушек и пищалей¹¹ — настоящие произведения искусства. Малые орудия служили, вероятно, скорее модными безделушками. Среди них попадаются интересные образцы, украшенные рельефными изображениями крокоди-

¹⁰ Даякские племена, обитающие в джунглях Калимантана, не хоронят умерших, а оставляют в лесу на помосте, на высоких столбах.

¹¹ Пищальное малокалиберное длинноствольное орудие. Обычно его казенная часть делалась многогранной, дульная, заканчивающаяся раструбом, — цилиндрической.

лов, буйволов и других животных. Встречаются даже крупные пищали, выполненные в виде туловища крокодила. Нередко орудие украшалось рельефным узором, орнаментом. В коллекции представлены и двустольные спаренные пищали.

Собрания музея представляют большой научный интерес, давая довольно широкое представление об истории материальной культуры народов Северного Калимантана, в первую очередь Брунея. Музей поддерживает связи с музеями и научными учреждениями других стран, преимущественно Британского содружества: Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, Малайзии, Сингапура; является членом их различных научных обществ и ассоциаций¹². Осуществляется также тесное сотрудничество с музеем Саравака в Кучинге [6, 310—311]. В 1967 г. три сотрудника музея проходили научную стажировку за границей (один из них в Окленде, в Новой Зеландии, двое других при Национальном музее Малайзии в Куала-Лумпуре).

Несамостоятельность Брунея в области внешних сношений затрудняет возможность контактов его научных учреждений, Института языка и литературы и Национального музея с аналогичными учреждениями других стран, и в частности Советского Союза.

Создание Института языка и литературы и Национального музея, а также расширение сети школ осуществлены правительством Брунея при непосредственной помощи англичан. Содействуя созданию этих учреждений, открытию новых школ, британские неокOLONIZаторы делали определенную уступку брунейской интеллигенции, а заодно стремились в рекламно-демагогических целях выставить себя в роли гуманных и заботливых просветителей. Но каковы бы ни были при этом побуждения англичан, все эти мероприятия, объективно говоря, ведут и к определенным позитивным результатам. Появление новых литературных произведений брунейских авторов, пропагандирование малайского языка, активизация творческой деятельности определенного круга образованных брунейцев — все это не может не способствовать развитию национального самосознания, националистических тенденций среди брунейского общества, особенно интеллигенции.

Оценивая общую картину просвещения в Брунейском султанате, нельзя отрицать реальных фактов. В Брунее относительно много школ и учащихся, школы неплохо оборудованы, учителя достаточно подготовлены для своей педагогической миссии, высок процент грамотности среди населения. Это также, без сомнения, способствует развитию национального самосознания в брунейском обществе.

Можно ли на основании вышеизложенного делать вывод о какой-то брунейской исключительности? Отнюдь нет. Бруней — страна нетипичная для Юго-Восточной Азии, и поэтому всякие параллели или сравнения с другими странами этого района вряд ли будут характерны и показательны. Брунейский султанат — маленькая страна с относительно высоким общим национальным доходом, который дает ей доля участия в прибылях от эксплуатации нефтяных источников. И хотя в основном эти прибыли идут в карман монополистов и отчасти местной феодально-бюрократической верхушки, кое-что перепадает и на нужды просвещения и культурных учреждений. Ведь эта сфера может служить наиболее зримым подтверждением мифа о процветании Брунея под протекторатом англичан, их пресловутой просветительской миссии, тем более что для поддержания такого мифа требуются по брунейским масштабам не

¹² Британской музейной ассоциации, Общества охраны природы, Малайского отделения Королевского общества, Исторического общества Малайзии и др.

ахти какие солидные средства. При этом нельзя забывать и о заинтересованности «Бруней шелл петролеум компани» и местной администрации в подготовке для своего аппарата грамотных младших служащих и технических специалистов. Определенные затраты неокolonизаторов на просвещение преследуют и еще одну цель — оказать влияние на молодежь Брунея, воспитать из нее свою опору. В центре г. Брунея на средства правительства султаната возведено большое здание молодежного центра. Это одновременно клуб, конференц-зал и штаб скаутских организаций.

О стремлении англичан влиять на местную молодежь свидетельствует следующий факт. Автор этой статьи смог посетить английский колледж в столице султаната и познакомиться со школьными изданиями. Колледж, возглавляемый директором-англичанином, издает большой ежегодник, в котором публикуются официальные материалы, хроника школьной жизни, статьи, стихи, очерки учащихся, заметки о работе различных ученических кружков. В ежегоднике за 1968 г. помещены материалы школьного дискуссионного клуба, и в частности статья одного из старшеклассников под претенциозным заголовком «Коммунизм — главная угроза стабильности в Азии и районе Тихого океана» [9, 58]. Тон этой статьи, написанной, очевидно, не без помощи преподавателей-англичан, выдержан в духе банальных формул западной антикоммунистической пропаганды.

Тем не менее можно с уверенностью сказать, что маневры британских неокolonизаторов в Брунее, в частности некоторые уступки национальной интеллигенции, не достигли своей цели. Народ этой маленькой страны не желает мириться с любой формой колониального господства и требует национальной независимости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Brunei (progress and development), Brunei, 1968.
2. Groeneveldt W. P. Historical notes on Indonesia and Malaya, Djakarta, 1960.
3. Isma A. S., Noorilham, Mas M. [., Hayalinda M. S. Deru. Koleksi sajak-sajak, Bandar Berunai, 1967.
4. Jabatan Pelajaran Negeri Brunei. Laporan tiga tahun 1964—1966, Education department, State of Brunei.
5. Pengiran Shahbandar M. Salleh, Sha'er Rakis, Brunei, 1965.
6. State of Brunei. Annual Report 1967, Brunei, 1968.
7. Upatjara pembukaan resmi pameran muzium Brunei, Brunei, 1966.
8. Yurah Halim, Jamil Umar Sedjarah Brunei, I, Brunei, 1958.

Журналы

9. Seri Berunai. Annual College Magazine, 1968.

И. К. Федорова

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДИДАКТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА С О-ВА ПАСХИ

Так можно условно назвать фольклорные памятники, в которых излагаются сведения о звездах, сезонах, месяцах, о земледелии, о дожде, об истории острова, об арики (верховных вождях острова), т. е. представления и наставления, которые передаются от поколения к поколению. Немногие из них сохранились в памяти рапануйцев, однако все дошедшие до нас дидактические тексты даны не только в пересказе, но и в записи на рапануйском языке (латиницей).

Самая ранняя из них относится к 1886 г. У. Томсон во время своего одиннадцатидневного пребывания на о-ве Пасхи записал со слов старика Уре Вае Ико текст (позднее переведенный и проанализированный известным ученым А. Метро) «О могуществе арики», в котором повествуется о том, что арики является творцом всего живого на острове [8, 52—54].

Большая часть известных нам текстов дидактического характера приводится в тетрадах Э. Атана и Х. Хаоа (манускрипты А и С)¹, которые были обнаружены на о-ве Пасхи в 1956 г. Туром Хейердалом [см. 11, 345—460]. Сюда относятся прежде всего следующие тексты: о месяцах и днях лунного месяца, о сезонах, дождях, о подношении верховному арики плодов нового урожая и первого улова рыбы.

В Полинезии счет времени велся как по лунно-солнечному (астрономическому) календарю, так и по земледельческому (сезонному). У маори, таитян, гавайцев, жителей Мангаревы первый месяц года соответствовал маю — июню нашего грегорианского календаря. Он начинался с новолуния или появления над горизонтом Плеяд (*Матарикки*, *Матарии*, *Маталики*), скопления звезд в созвездии Тельца [3, 87; 7, 52—54; 9, 178—179]. Год у полинезийцев делился обычно на два полугодия (у таитян, например, *Матарии и ниа* — Плеяды наверху и *Матарии и руа* — Плеяды внизу) и 12 или 13 лунных месяцев [3, 86—89; 5, 331—334]. Если Плеяды не успели занять нужное положение над горизонтом в 12-м месяце цикла, то полинезийцы ждали появления их в течение еще одного, вставного (эмболического) месяца и начинали год со следующего новолуния, т. е. они периодически добавляли к году еще один, тринадцатый месяц, следуя таким образом 19-летнему циклу Метона [13, 135]². Гавайцы отличали солнечный месяц (*марама*) от лунного (*махина*).

¹ Особое внимание в данной статье уделяется именно этим текстам. Перевод некоторых из них публикуется автором впервые.

² Метон — древнегреческий астроном.

Созвездия, составляющие орбиту видимого движения Солнца вокруг Земли, носили у полинезийцев, возможно, особые названия, как это было в японском, древнеримском и других календарях. Рапануйцы, как и остальные полинезийцы — отважные мореходы Востока, хорошо знали расположения небесных светил, которые были для них единственным ориентиром в открытом океане; они различали на небе Южного полушария многие звезды и созвездия, а также ряд планет.

Из них нам известны следующие названия:

ко Тауа Кикира	— Малое Магелланово облако;
ко Тауа Нукунуку	— Большое Магелланово облако;
Матарики	— созвездие Плеяд;
ига Вака	— созвездие Центавра;
Руа Хауа	— созвездие Близнецов;
Пеу Ренга	— звезда в созвездии Возничего;
ко Тое	— звезда в созвездии Возничего;
те Мата	— Южный Крест;
те Раа	— Солнце;
те Поу	— Сириус;
хе Туи	— Орион;
Хетуа Теа	— Венера;
Мата меа	— Марс;
Махина	— Луна.

Если астрономический календарь необходим был полинезийцам главным образом в целях мореплавания и отправления религиозных церемоний, устройства празднеств, то земледельческий (сезонный) цикл определял время посадки батата, ямса, таро, сахарного тростника, ловли тех или иных пород рыбы и т. д.

Согласно этому календарному циклу год делился на 2 или 3 больших и 10—12 (и даже более) малых сезонов. На Таити, например, большие сезоны носили следующие названия:

те тау	— осень, сезон уборки урожая;
те тау митирахи	— сезон бурного моря;
и те тау поаи	— сезон засухи и голода (самое трудное время года).

Но большинство полинезийцев делило год на два больших сезона — сезон дождей и сухой сезон [3, 87; 9, 178—179]. На о-ве Пасхи сезон дождей длится с июля по ноябрь.

На различных островах Полинезии в зависимости от особых климатических условий были свои малые сезоны — месяцы. Приведем некоторые из названий сезонов у таитян:

анотау уа	— сезон дождей;
анотау матаи	— сезон ветров;
анотау веро	— сезон бурь;
анотау манино	— сезон спокойного моря.

Некоторые из названий сезонов у полинезийцев, вероятно, закрепились позднее за лунными месяцами. Термин *тау* — «год» (маорийский *тау*, таитянский *аи*) буквально означает «сезон». В результате названия месяцев у разных групп полинезийцев очень разнообразны, и установить параллель между ними весьма трудно.

На о-ве Пасхи, как и в других частях Полинезии, применялся двойной счет времени — лунными месяцами и сезонами. Уже в начале нашего тысячелетия рапануйцы, несомненно, вели наблюдения за солнцем

и звездами. Археологи экспедиции Хейердала обнаружили на Оронго³ древнюю обсерваторию рапануйцев [см. 10, 228]. Система из четырех углублений, высеченных на обнаженных выступах бедрака, служила, по их мнению, для определения моментов зимнего и летнего солнцестояний (22 декабря и 22 июля) и точек весеннего и осеннего равноденствия (21 марта и 23 сентября). В углублении № 1, как предполагают археологи, была деревянная вежа (или какой-либо каменный монумент), тень от которого в зависимости от положения солнца проходила то через углубление № 2, то через углубление № 3, то через углубление № 4.

По предположению археологов экспедиции Хейердала, это сооружение, как и первые постройки в Оронго, относится к раннему периоду (ок. 400—1100 гг. н. э.) в истории о-ва Пасхи [10, 252]. В тот же период, по их мнению, началось строительство и некоторых аху (каменных площадок — алтарей) (например, в Винапу и Тепеу), обращенных к морю и солнцу в моменты солнцестояний и равноденствия.

По положению солнца рапануйские жрецы определяли, по-видимому, начало различных празднеств. Так, скажем, праздник, посвященный выборам тангата-ману (человека-птицы), начинался, вероятно, вскоре после зимнего⁴ солнцестояния, достигая кульминационной точки в период весеннего равноденствия. Обряды инициации проходили тоже на Оронго во время летнего солнцестояния [10, 253].

Во второй половине XIX в. исследователям о-ва Пасхи удалось записать со слов рапануйцев древние названия месяцев и соответствующие им месяцы по грегорианскому календарю [12; 2; 14,546; 6,35; 7, 51; 4,310]:

Месяц	Руссель (Черчилль)	Томсон	Мартинес	Метро	Энглерт
Январь	ора	коро	коро	туахаро	туахаро
Февраль		туахаро	туахаро	хеке туупу	хетуу пу
Март	хора нуи	(хе туупу)	те тупу	тарахау	тарахау
Апрель	хора	тарахао	тарахао	ваиту нуи	ваиту нуи
Май		ваиту нуи	ваиту нуи	ваиту ното	ваиту пото
Июнь	маро	ваиту пото	ваиту поту	маро	маро
Июль	анакена	маро	маро	анакена	анакена
Август		анакена	анакена	хора ити	хора ити
Сентябрь		хора ити	хора ити	хора нуи	хора нуи
Октябрь	ора нуи	хора нуи	хора нуи	тангароа-ури	тангароа-ури
Ноябрь	ора нуи	тангароа-ури, тути	тангароа-ури	рути	рути
Декабрь	ора	рути	рути	коро	коро

Эти пять списков близки друг другу. Разница лишь в том, что в более ранних списках, Томсона и Мартинеса, январю соответствует месяц *коро*, а в более поздних списках, Метро и Энглерта, названия сдвинуты и январю соответствует не *коро*, а *туахаро*. Некоторая разница в информации объясняется, видимо, тем, что один месяц в рапануйском календаре соответствовал, очевидно, частям (большей и соответственно меньшей) двух соседних месяцев грегорианского календаря. Например, *туахаро* соответствовал январю-февралю, *хетуу пу* — февралю-марту, *тарахао* — марту-апрелю и т. д. Исходя из списка дней

³ Главный церемониальный комплекс о-ва Пасхи.

⁴ Здесь и далее приводятся времена года для Южного полушария.

лунного месяца, приводимых Томсоном, можно предполагать, что в 1886 г. на о-ве Пасхи отрезок времени с 27 ноября по 25 декабря считался месяцем *рути*; с 26 декабря по 24 января — *коро*; с 25 января по 23 февраля — *туахаро*; с 19 июня по 17 июля — *маро*, с 18 июля по 16 августа — *анакена*⁵ и т. д. [14, 456]. Приводимый Томсоном (и только им) термин *тути* вряд ли можно считать названием тринадцатого, вставного месяца; это скорее искаженное название месяца рути.

В тетради Атан (110)⁶ [11, 409] также приводятся названия лишь 12 месяцев года и соответствующие им названия грегорианского календаря в рапануйской транскрипции начиная с января:

Хе марама (месяцы)

ко тарахао	те нуари
ко те хетуу пу	пепуари
таухаро	мати
хе ваиту нуи	аперира
хе ваиту поту	ме
хе маро	тиуну
хе анакена	тиура
хора ити	атете
хора нуи	тетеа
танганроа ури	отопа
ко рути	ноема
ко коро	тетема

Справа на странице рукописи были записаны названия месяцев согласно нашему календарю, а затем слева подставлены древние рапануйские месяцы (поэтому порядок их сдвинут). Считать, следовательно, что началом года был месяц *тарахао*, нет оснований.

Последовательность месяцев в этой записи и в сообщениях Метро и Энглерта совпадает; переставлены лишь месяцы *туахаро* и *тарахао* (видимо, случайно, так как они сходны по звучанию). Параллели между названиями месяцев у рапануйцев и других народов Полинезии пока не установлены.

Началом нового года у рапануйцев, как и у других полинезийцев, считался, вероятно, не январь, а июнь, месяц *маро*, когда Плеяды кульминируют над горизонтом. Это подтверждается и иной последовательностью рапануйских месяцев (с указанием числа дней в них) в тексте из тетради Хаоа (179) (дано, к сожалению, лишь начало текста):

Хе марама

Месяцы

хе маро е 29 катахи те марама	месяц маро, 29 дней, один месяц;
хе анакена е 29 катахи те марама	месяц анакена, 29 дней, один месяц;
ко хора ити е 30 катахи те марама	месяц хора ити, 30 дней, один месяц.

Существует, правда, мнение, что год у рапануйцев начинался с месяца *анакена* (июль-август), т. е. с момента прибытия на о. Пасхи легендарного Хоту Матуа [14, 546].

⁵ Некоторая неточность здесь в том, что расчет сделан исходя из 29-дневного цикла (какие месяцы насчитывали 30 дней, нам неизвестно).

⁶ Здесь и далее после названия рукописи в скобках будет № страницы рукописи (факсимиле) по работе [113].

Этимология названий месяцев на о-ве Пасхи остается в большинстве случаев неясной. Лишь некоторые из них поддаются предварительному толкованию. Название месяца *тингароа ури* восходит, вполне очевидно, к имени верховного бога полинезийского пантеона Танга Роа, а месяца *коро* — видимо, к имени бога Коро (Оро). Слово *хора* (месяцы *хора ити* и *хора нуи*) связано, возможно, с названием растения⁷. *Маро*⁸ означает, по-видимому, сухой сезон.

Месяц рапануйского календаря делился на 29 или 30 лунных дней, вернее ночей, в зависимости от лунных фаз. Месяц, следовательно, делился на две половины; первая половина заканчивалась полнолунием, вторая — новолунием. В каждую ночь месяца луна имела особое название; так же называлась и ночь.

В тетради Атана (128) приводится список дней (ночей) лунного месяца, составленный в первый день июня 1936 г., т. е. в первый день нового года у рапануйцев.

Любопытно сравнить его с уже имевшимися ранее [14,546; 7,50; 4,311]:

Томсон	Метро ⁹	Энглерт	Рукопись Атана
1. кокоре кахи	кокоре тахи	кокоре тахи	хе тахи кокоре
2. кокоре руа	кокоре руа	кокоре руа	хе руа кокоре
3. кокоре тору	кокоре тору	кокоре тору	хе тору кокоре
4. кокоре ха	кокоре ха	кокоре ха	хе ха кокоре
5. кокоре рима	кокоре рима	кокоре рима	хе рима кокоре
6. кокоре оно	кокоре оно	кокоре оно	хе оно кокоре
7. махару	махару	махару	хе хиту кокоре
8. охуа	хуа	охуа	хе вау те охуа
9. отуа	атуа	отуа	хе кару теа
10. охоту	хоту	хоту	хе попа теа
11. мауре	мауре	мауре	хе попо меа
12. ина ира	ина ира	ина ира	хе попо ури
13. ракау	ракау	ракау	хе попо хенга
14. омотохи	мотохи	омотохи	хе раа кау
15. кокоре тахи	кокоре тахи	кокоре тахи	хе омо тохи
16. кокоре руа	кокоре руа	кокоре руа	а таи
17. кокоре тору	кокоре тору	кокоре тору	а танга
18. кокоре ха	кокоре ха	кокоре ха	о ата
19. кокоре рима	кокоре рима	кокоре рима	о ари
20. тапуме	тапуме	тапуме	хе охури
21. матуа	матуа	матуа	хе охау
22. оронго	оронго	оронго	хе охеа
23. оронго-таане	ронго тана	оронго таане	хе вау те охиро
24. маури нуи	маури нуи	маури нуи	хе оно те охиро
25. маури кери	маури кери	маури кери	хе рима те охиро
26. о муту	муту	о муту	хе ха те охиро
27. тую	тирео	тирео	хе тору те охиро
28. оата	хиро	оата	хе руа те охиро
29. о ари	ата		охиро
30. охиро	ари	охиро	мауре

Из таблицы видно, что список дней лунного месяца из рукописи Атана в большинстве случаев не совпадает с теми, что составлены Томсо-

⁷ Ср. таитянское *hoga* — растение *Theprosia piscatoria*.

⁸ Ср. таитянское *apofau mao* — сухой сезон.

⁹ Метро (по аналогии с некоторыми другими полинезийскими календарями) начал свой список с тирео, хиро, ата, ари. У него кокоре тахи является пятой ночью лунного месяца, а полнолуние — восемнадцатой (тогда как ясная луна появляется на 14—15-й день после новолуния). Для удобства сравнения автор привел его список в соответствие с другими.

ном, Метро и Энглертом. Последние же очень близки друг другу. Очевидно, что рапануйцы в середине нашего столетия забыли большинство древних, общих для полинезийских языков названий дней лунного месяца и заменили их чисто рапануйскими терминами. В правильности следования фаз луны вряд ли можно сомневаться.

В отличие от наименований месяцев часть названий ночей (дней) на о-ве Пасхи совпадает с общеполинезийскими терминами. Так, названия лунных ночей, включающие слова *корекоре*, *коекое*, *ореоре*¹⁰ (ср. с *короре* в таблице), отмечены у маори, жителей Маркизских островов, таитян, на Раротонга и Мориора. Название 7-й ночи у рапануйцев (*махару*) совпадает с названием 11-й ночи у таитян. 9-й ночи (*атуа — отуа*) — с названием 14-й ночи у маркизцев. Несколько ночей у рапануйцев посвящены богам полинезийского пантеона (Ронго, Тане, Хиро)¹¹.

Несмотря на совпадения, точных соответствий между ночами лунного месяца у полинезийцев, вероятно, нет.

Названия первых шести дней в списке Атана совпадают с теми, что даны в списках Томсона, Метро и Энглерта. Далее идут особые названия, которых нет в календарях других полинезийцев. Сохранились лишь названия ключевых моментов лунного цикла — «охуа» (8-я ночь, фаза первой четверти), *омо тохи* (ночь полной луны, 15-я в списке) и *ракау* (ночь накануне полнолуния). Все названия от последней четверти до новолуния включают термин *охиро* (например, 23-я ночь называется «восьмая ночь перед новолунием», 24-я — «шестая ночь перед новолунием»). В этом ряду случайно опущена «седьмая ночь перед новолунием» (*хе хиту те охиро*), 30-я ночь ошибочно названа *мауре*.

В списках, составленных исследователями о-ва Пасхи, ночи в конце лунного месяца у рапануйцев носят следующие названия: *оронго*, *ронго тане* (*оронго таане*), *маури нуи*, *маури керо*, *муту* (*о муту*) [7, 50]. Здесь путаница допущена самими рапануйцами, со слов которых сделана запись. Названия этих ночей месяца нужно, видимо, читать так: *тане*, *ронго нуи*, *ронго керо*, *маури*, *муту*. На это наталкивает сопоставление с другими полинезийскими календарями. В них ночь, посвященная богу Тане, предшествует ночам, названным по имени Ронго, бога дождя и плодородия, одна из которых обычно носит название *ронго нуи* (ср. маорийское *о ронго нуи*, раротонгское *ронго нуи*, маорийское *о ронго нуи*). Термином же *маури* обозначается (там, где он встречается) только одна ночь лунного месяца¹².

Сезонный цикл рапануйцев нам неизвестен. Однако до нас дошел в рукописи Хаоа (158) один отрывок, из которого можно заключить, что какое-то деление года на сезоны, несомненно, было:

и те 19 оти уну¹³
и тикеа аи те махина е
29 махана о те маро
ка тахи те марама
и те 18 оти раи¹⁴

19-го кончается теплое время;
появляется луна
через 29 дней месяца маро,
первого месяца;
18-го кончается сухое время года!

¹⁰ Ср. таитяньское *ore ore* — немного, очень мало; маорийское — отсутствие; недостаток чего-либо; рапануйское — нет; мангаревское — лишенный чего-либо.

¹¹ Информатор Метро утверждал, что *хиро* — это название второй ночи, ночи молодого месяца. Правильнее будет, однако, считать, что *хиро* (*охиро*) является ночью новой луны, самой темной ночью месяца. Недаром она и посвящена богу тьмы Хиро. Во многих известных нам полинезийских календарях ночь *хиро* считается первой.

¹² В религии таитян Маури — злой дух.

¹³ Ср. рапануйское *ипипипи* — греться на солнце, загорать.

¹⁴ Ср. таитяньское *раи* — сухой.

и тикеа ай те махина е
 29 махана о те анакена
 ка руа те марама
 и те 17 оти тете¹⁵
 и тикеа ай те махина

появляется луна
 через 29 дней месяца
 анакена, второго месяца;
 17-го кончается жара;
 появляется луна...

В качестве своеобразных дидактических текстов можно рассматривать списки растений (бананов *маика*, сладкого картофеля *кумара* и сахарного тростника *тоа*), которые приводятся автором рукописи Атана (131—132):

1. хе маика хе коротеа
2. хе маика хе пукапука
3. хе маика хе хихи
4. хе маика хе пиа
5. хе маика хе нахоа
 маика коротеа маика
 пукапука
 ерима хуру о те маика
 рапануи

1. Бананы коротеа
2. Бананы пукапука
3. Бананы хихи
4. Бананы пиа
5. Бананы нахоа
 Бананы сорта коротеа, пука-
 пука (...) — пять сортов бана-
 нов о-ва Рапануи

Хе кумара¹⁶

1. кумара ренга мое тахи театеа
2. кумара ренга мое тахи уриури
3. кумара хаупу
4. кумара ренгавие
5. кумара пита
6. кумара ука театеа
7. кумара аринга рикирики
8. [. . . . .]
9. кумара хепа ики
10. кумара океоке

11. кумара пекепеке меа
12. кумара уре омо
13. кумара хе рее анихо
14. кумара уриури
15. кумара хе уре ваи
16. хе кумара хе пита
 хе кумара хе уре омо
17. хе кумара хе киакиа.
 Хе рау пита, хе рау¹⁷
 хаупу, хе рау ренгавие

Хе тоа

1. хе тоа.....	хе рума
2. хе тоа....	хе витивити
3. хе тоа....	хе марикуру
4. хе тоа...	хе туа ману ауау

В этих списках не представлены многие сорта и разновидности, названия которых приводятся в работах Метро, Энглерта, Томсона, Мартинеса (в списке Метро, например, названо 25 разновидностей батата). По всей видимости, в тетради Атана перечислены лишь исконно рапануйские сорта.

Рапануйцам известны были и многие сорта таро, ямса (*таро*, *ухи*), однако они не имели столь большого хозяйственного значения, как *кумара* [7, 56]. Возможно, что именно поэтому их названия и не приведены в тетради Атана.

Между списками сортов бананов и батата в рукописи Атана записан текст «Хе хату», отрывок из которого приводится ниже (большая часть лексики искажена):

¹⁵ Ср. рапануйское *tetetete* — жар, лихорадка.

¹⁶ Списки разновидностей батата и сахарного тростника переводятся аналогично предыдущему — в них перечисляются названия сортов этих растений.

¹⁷ Перевод последних двух строчек: лист (батата) *пита*, лист *хаупу*, лист *ренгавие*.

Хе хату...
 хе хату те кона о те
 майка моке, е репа е
 Хе хату те кона мо
 пахаха о те майка,
 е ме хооу е
 Хе хату те кона о
 те майка и кун и кун
 те кахуи.
 Хе оти те кона о те
 майка мо те коро.

Хе хату, хе пукапука
 те майка
 мо те онге мо ока
 и те ваи нуи
 мо каи и те онге.

И а хора хора ити, хора
 нуи
 мо тао и те онго мо каи
 мо те папаку хо ки
 мо тану ки raro ки
 те руа.

Хе хива те майка
 хе рио хе пуруо ино
 етору майка томо
 хе хива, хе рио, хе
 пуруо ино.

К спискам растений в тетради Атана (132—133) примыкает текст «*Ко тарахаи те марама*» (переводу, правда, поддается лишь небольшая часть). В нем рассказывается о подношении арики первых плодов нового урожая и первого улова рыбы¹⁸:

1. ко тарахаи
 те марама
 мо веро
 о те кумара
 мо каи
 и те онге.
2. И о хора
 хора ити хора нуи
 те кумара
 о тарахао о те хетуу пу.
3. Ана кери те кумара
 о тарахао, о те хетуу пу;
 хе вика, хе веу марикуру

 хе рари аика
 хе кумара рае.

Рыхлим землю,
 рыхлим землю для
 бананов моке, парень.
 Рыхлим землю,
 чтобы посадить
 бананы, друг.
 Рыхлим землю
 для бананов,
 большие пучки.
 Кончили рыхлить землю, чтобы
 посадить бананы для праздни-
 ка коро.
 Разрыхлили землю
 посадили бананы,
 для голодного времени;
 разрыхлили землю
 чтобы посадить в мокрую землю
 бананы, чтобы есть их в голод.
 Сейчас месяц хора ити, месяц
 хора нуи,
 чтобы варить и есть бананы —
 голодное время,

 чтобы снова посадить бананы во-
 рву
 Бананы хива,
 рио и пуруо ино —
 это три новых сорта
 (хива, рио, пуруо, ино).

1. Тарахаи — месяц

 посадки кумары,
 чтобы есть
 в голодное время.
2. Сейчас, в месяце
 хора ити, в месяце
 хора нуи, растет
 кумара, посаженная в месяце
 тарахао, в месяце хетуу пу.
3. Собираем кумару
 месяца тара хао,
 месяца хетуу пу кумару вика,
 веу,
 марикуру и рари
 аика — первые сорта кумары.

¹⁸ Первые плоды нового урожая на острове; первый улов рыбы предназначался некогда верховному арики. Только после этого арики разрешал собирать урожай или начинать лов рыбы [см. 4, 74].

4. Ана пакоо
ки те арики
мо те арики е кай
ме маика рае е кай
мо те арики е кай
те тоа рае
ана хахати
ки те арики.
5. Те ухи рае
ана кери
ки те арики
ана мау ана хакауру
те харе хооу
мо те арики е кай.
6. Те вака хооу
е кай и те ика рае
мо те арики.

4. Срезаем для арики,
чтобы арики ел,
первые бананы;
чтобы арики
ел первый сахарный
тростник,
срезаем сахарный тростник
для арики.
5. Первый ямс,
собираем первый ямс для арики,
несем, приносим в новый
дом, чтобы арики ел.
6. Новая лодка,
чтобы арики
отведал первой рыбы¹⁹.

Один из дидактических текстов в тетради Атана (131) может быть озаглавлен «О дожде». Здесь приводятся различные термины для обозначения дождя в зависимости от его силы, продолжительности, направления дождевых капель и т. д.:

О дожде

1. Хе уа уа рунга
хе уа хе еху
хе уа хе верехива
хе уа уа кива
хе уа уа кура
хе капуа.
2. Ки хити те ха нуануа
меа
хе хоа те уа кура
ку ава а те уа
ку тарай а те уа
ку хакамитомито а те
уа
ку веувеу а те уа
ку ракераке а те уа
ку кеукеу а те токерау
хе хоа те уа
ку оти а те ки о те
уа.

Дождь, падающий сверху,
мелкий дождь,
мелкий дождь,
ровный дождь,
ливень,
туман.
Появилась радуга,

перестал ливень,
начался дождь,
дождь льет как из ведра.
Покрывается пузырями дождевая
вода,
надоед нам дождь,
шумел дождь,
начался ветер,
дождь перестает,
кончился разговор
о дожде.

В книге Метро также приводится краткий текст о дожде:

Э те уа, мата вай роа а Хиро е.
Ка хоа май кое ки раро.
Ка реи май кое ки раро.
Э те уа, мата вай роа а Хиро е.

О дождь, длинные слезы Хиро!
Лейся вниз!
Падай вниз!
О дождь, длинные слезы Хиро
[7, 330].

¹⁹ У островитян существовал некогда обычай приглашать арики в новый дом на первую трапезу [см. 4, 74].

С такими словами в дни засухи жрец обращался к богу дождя Хиро.

В рукописях с о-ва Пасхи, опубликованных Хейердалом, приводятся генеалогии верховных арики. Одна из них, записанная в тетради Атана, совпадает в основном с известными ранее генеалогиями. Другая, приводимая в тетради Хаоа (163), правда, не полностью, а начиная лишь с имени 19-го верховного вождя (первая часть записи утрачена), содержит в конце четыре имени, отсутствующие в других списках. Приведем лишь ее окончание, как наиболее интересное:

Ко Нгаара а Туу ко Ику
Э руа а Нгаара²⁰.
Ко Каи Макои а Нгаара
Ко Рокороко хе Тау ити а Нгаара
Ко Рукунга а Каи Макои
Ко Атаму а те Кена
Ко Рио а Нгуре
Ко Ука а Туухати
Ко Туу а Херевери.

Как бы в порядке расшифровки последней части этой генеалогии в рукописи Атана (32) приводится текст (явно дидактического характера), в котором повествуется о последних правителях острова (после смерти законного верховного арики малолетнего Грегорио в 1866 г.):

1. Арики хопа омуа и охо май неи ко Рукунга.	1. Последним арики был Рукунга ²¹ .
2. И ка нохо ко тетахи тау и томо аи кое е те матуа е ки те Пито-о-те-Хенуа.	2. Прибыл однажды на (остров) Пито-о-те-Хенуа патер (миссионер).
3. Хе нохо хе хакарата те матуа А Руте.	3. Патер Руссель ²² поселился (на острове) и стал учить (новой вере).
4. И ка туу ки те тахи тау и хоки неи кое е те матуа е ки тоона каинга ки Маарева анаке анаке ко тоона пуку- ранга.	4. Затем он вернулся на свой остров, на Мангареву, вместе со всеми своими учениками ²³ .
5. Хе туу хе нохо и Маарева.	5. Прибыл и остался на Ман- гареве.
6. И ка туу ки те тахи тау хе охо мау те матуа а Тепано май Тахити ки Маарева.	6. Патер Тепано ²⁴ отправился однажды с Таити на Манга- реву.

²⁰ Перевод: двое (сыновей) Нгаара.

²¹ Рукунга (Рокунга) был избран в 1866 или в 1867 г. тангата ману. Так как Грегорио умер, то островитяне, видимо, считали Рукунга своим вождем.

²² Патер Руссель прибыл на остров в 1864 г., т. е. до того как Рукунга стал тангата ману.

²³ Поссорившись с французским предпринимателем — авантюристом Дютру-Борнье, Руссель в 1871 г. переселился вместе с 50 учениками на о-в Мангарева.

²⁴ Речь идет о Тепано Жоссане — епископе Таити.

7. Хе туу, хе нохо, хе уи
те матуа а Тепано
ки а Руте:
«Пехе те ки о те
каинга ера а кое
и охо май ена хоки
ку мангаро ана теу махинго».
8. Хе ки май те матуа а Руте:
«Ку рата тахи ана
тооку махинго аау,
и охо май неи».
9. Хе ки те матуа а Тепано
ки те пукуранга о Руте,
ко Ангата хоки:
«Ина хе арики о тоу хенуа».
10. Хе ки а Ангата е те матуа:
«Ина хе арики рое
о то матоу каинга.
Ко Рукунга те арики хопеа,
и хакамао,
и нгаро неи
ки а Перу».
11. Хе ки те матуа а Тепано:
«Хоки ина хе тангата паари
тое
о тоу каинга».
12. Хе ки кое е Ангата е:
«Ина хе тангата паари тое
Ку хака мао ана
те тангата паари ко Нгуре».
13. Хе ки те Матуа а Тепано
ки а Ангата:
«Хе аваи ату ау
и те арики
киа кое».
14. Хе тоо май и те арики,
хе хакатуу и те арики.
15. Ко Ангате те
арики о Рапа Нуи
арики вие.
16. Хе нохо хе туу
ки те тахи марама,
хе охо май
кое е Ангата е
ки Рапа Нуи.
17. Хе уи и те
тангата паари
мо аваи и те
тапоа арики.
18. Хе тоо май, хе аваи
ки а Уре Вае Ику
а Вака Хоно.
7. Патер Тепано прибыл, посе-
лился и спросил Русселя:
«Каковы новости о стране,
[откуда] ты вернулся? Обра-
тил ли ты [в христианство] сво-
их подданных?»
8. Сказал патер Руссель: «Я
обратил [в христианство] сво-
их подданных и приехал
сюда».
9. Спросил патер Тепано учени-
цу Русселя Ангату:
«Нет разве [верховного]
арики в твоей стране?»
10. Сказала Ангата
патеру [Тепано]:
«Нет верховного
арики в моей
стране. Последним
арики [был] Рукунга,
его увезли, и он
погиб в Перу».
11. Спросил патер Тепано:
«Не вернулись старцы
твоей страны?»
12. Сказала Ангата:
«Нет старцев; умер
старец ко Нгуре».
13. Сказал патер Тепано
Ангате:
«Тебе даю я
титул арики».
14. Он дал [ей] [титул]
арики,
сделал ее арики.
15. Ангата — арики
Рапа-Нуи,
женщина-арики.
16. Некоторое время
спустя Ангата
отправилась на
Рапа-Нуи.
17. [Там] она увидела
старца, которому передала
[буквально «чтобы передать»]
титул арики.
18. Она передала
[титул арики]
Уре Вае Ику,
сыну Вака Хоно.

19. Ко Уре Вае Ику те арики потахе, Хе нохо а Уре Вае Ику. 20. Хе туу ки те тахи тау, хе хахахоки и те арики ки Атаму а те Кена. 21. Ко Атаму те арики туму и хоа о те мукумуко. 22. Е те тангата ко Атаму, ко Риро ко Атаму а те Кена ко Риро а Нгуре ко Атаму ко Риро те арики и охо о те мукумуко. 23. Ко Атаму хоки ко Ика а Туу Хати ко Туу а Херевери. 24. ко Ика а Туу Хати ко Туу а Херевери те арики патахе каи охо те мукумуко.	19. Уре Вае Ику — незаконный арики, стал Уре Вае Ику [вождем]. 20. Прибыл однажды [патер Тепано] и сделал арики Атаму а те Кена ²⁵. 21. Ко Атаму — законный арики, у него не было наследника. 22. Люди: Атаму, Риро; Атаму а те Кена, Риро а Нгуре ²⁶; Атаму, Риро — арики; они остались без наследников. 23. Атаму снова, Ика а Туу Хати Туу а Херевери. 24. Ика а Туу Хати, Туу а Херевери [были] незаконными арики, остались без наследников.

В тексте подчеркивается особый характер власти Атаму, представителя «мата» ²⁷ из среды которых обычно выбирались верховные арики, а также второстепенная роль других правителей — Уре Вае Ику, Ика а Туу Хати, Туу а Херевери. Последние, очевидно, не пользовались даже привилегиями верховных арики [1, 70], чем, возможно, и объясняется отсутствие их имен в других генеалогиях.

В целом очевидно, что обнаруженные и опубликованные (факсимиле) Хейердалом рукописи представляют определенный интерес для исследователей культуры и истории о-ва Пасхи. Не следует, однако, думать, что эти новые тексты могут служить ключом к дешифровке рапануйского письма.

Как показали исследования последних лет, в письме о-ва Пасхи отсутствуют переменные знаки, передающие служебные частицы. В рапануйской иероглифике (в отличие от письма, распространенного в Боливии и Перу) они оказались «избыточными» и могли опускаться. Поэтому, анализируя иероглифические тексты, исследователям письма о-ва Пасхи приходится отступать от обычной методики исследования и сравнивать те или иные блоки (группы знаков) со сходными конструкциями в рапануйском языке и фольклоре. Рапануйское письмо может быть понятно лишь в результате длительного и кропотливого изучения самих иероглифических текстов. Но в этой работе тексты из рукописей Атана и Хаоа окажут, несомненно, немаловажную помощь, так как они по своей структуре и по содержанию близки к иероглифическим текстам о-ва Пасхи.

²⁵ Т. Жоссан сделал Атаму те Кена Маурата «королем», чтобы тот оказывал помощь миссионерам [7, 92].

²⁶ В 1890 г. (после смерти Атаму) «королем» стал Риророко [7, 93].

²⁷ Мата — условно передается словом «племя».

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Barthel Th. Hauptlingsgenealogien von der Osterinsel,—«Tribus», 1959, № 8, стр. 67—82.
2. Churchill W. Easter Island, the Rapanui speech and the peopling of Southeast Polynesia, Washington, 1912.
3. Ellis W. Polynesian Researches, vol. I, London, 1831.
4. Englert S. La tierra de Hotu Matu'a, Padre Las Casas (Chile), 1948.
5. Henry T. Ancient Tahiti,—«Bernice P. Bishop Museum Bulletin», 48, Honolulu, 1928.
6. Martines E. Vocabulario de la Lengua Rapa Nui, Santiago de Chile, 1913.
7. Métraux A. A. Ethnology of Easter Island, Honolulu, 1940.
8. Métraux A. A. The King of Easter Island,—«Journal of the Polynesian Society», 1937, vol. 4, № 2, стр. 52—54.
9. Moerenhout A. Voyages aux Grand Océan, t. II, Paris, 1837.
10. Report of the Norwegian Archaeological Expedition to Easter Island and East Pacific, vol. 1. Archaeology of Easter Island (The Heyerdahl and Ed. Ferdon eds), Chicago, New York, San Francisco, 1961.
11. Reports of the Norwegian Archaeological Expedition to Easter Island and East Pacific, vol. 2. Miscellaneous Papers (The Heyerdahl and Ed. Ferdon eds), Stockholm, 1965.
12. Roussel H. Vocabulario de la Lengua de la Isla de Pascua a Rapa Nui, Santiago de Chile, 1917.
13. Te Rangi Hiroa, Polynesian Voyages,—«Man», 1933, № 5, стр. 134—135.
14. Thomson W. The Pito te Henua or Easter Island,—«Annual Reports Smithsonian Institute for 1889», Washington, стр. 447—552.

А. М. Решетов

КИТАЙЦЫ В ОКЕАНИИ

Китайское население в Океании немногочисленно: по одним данным, на 1969 г. там проживало свыше 70 тыс. китайцев [9, 54], по другим, суммарным данным, — около 80 тыс. [см. 20, 379—395].

Точных данных о численности китайцев в Океании нет¹. Можно с уверенностью утверждать, что их значительно больше, чем показывает официальная статистика, ибо прежде в данных переписи люди учитывались нередко не по этнической принадлежности, а по стране рождения, по подданству. В этом случае выходцы из разных стран уже во втором поколении объявлялись местным населением. Такой учет населения (по австралийскому образцу), например, был на Новой Гвинее². В большинстве же стран Океании (например, Британские Соломоновы острова, Западное Самоа), где учет населения производился и производится по этнической принадлежности, в состав китайцев включались потомки от смешанных браков. Иногда китайцы заносились в общую группу «азиатов», что также делало невозможным определение их точного числа.

Китайское население в Океании сформировалось преимущественно во второй половине XIX — начале XX в. вследствие развития плантационного хозяйства (разведение хлопка и сахарного тростника) или разработки полезных ископаемых (работы на шахтах, в карьерах), а также свободного переселения [1, 26; 8, 532, 533, 656, 768; 9, 16; 11, 6—8; 17, 172]. Отдельные поселенцы-китайцы, часто торговцы, иногда моряки, появлялись в Океании по крайней мере и в начале XIX в. [29, 45]. Основным же источником формирования китайского населения в Океании — ввоз европейцами для принудительной работы по контракту [9, 16; 12, 6, 7]. Вывоз рабочих-кули из Китая государственный секретарь США Г. Фиш в 1873 г. охарактеризовал как «работорговлю, только под другим названием» [цит. по: 18, 172]. Главной причиной эмиграции было обезземеливание китайских крестьян, стремившихся «избежать более ужасной нищеты у себя дома» [41, 88].

Рассмотрим распространение китайцев по различным территориям Океании.

---

¹ Для начала XX в. называлась, например, невероятная цифра «не меньше двенадцати миллионов китайцев», вторгшихся в область Тихого океана [2, 209].

² В 1947 и 1954 гг. там учитывались только китайские граждане и родившиеся в Сянгане. Китайских граждан в 1947 г. было 1732, а в 1954 г. — уже только 766 [20, 383].

Меланезия. На *Новую Гвинею* их стали ввозить с 1889 г., сначала из Сингапура, потом из Китая, для работы на плантациях Ново-Гвинейской компании. В конце XIX—начале XX в. ввоз китайцев увеличился, вербовка осуществлялась преимущественно в Гонконге, а также в Китае. Из-за крайне тяжелых условий труда на плантациях нередко были случаи побегов и даже самоубийств китайских кули [46, 74]. К 1911 г. на Новой Гвинее было 555 китайцев, в 1914 г.—уже свыше 1 тыс., а к 1921 г.—около 1500. Согласно официальным данным, на 30 июня 1936 г. на подмандатной территории проживало 1523 китайца [36, 29]. Центром китайской общины на Новой Гвинее был г. Рабауль, а в целом в округе Новая Британия была сосредоточена половина всех новогвинейских китайцев. Отдельные их группы жили также в городах Кавин, Мадан, Киета, Вевак, Лае и Саламауна.

Японская оккупация резко нарушила жизнь китайцев на Новой Гвинее. Наиболее богатые из них вместе с представителями европейской верхушки эвакуировались в Австралию. Из оставшихся многие были посажены в концентрационные лагеря, где некоторым под строгим японским контролем было разрешено заниматься своим делом, но в большинстве своем они расселились по джунглям, ведя полукочевой образ жизни. Там, где это представлялось возможным, японцы использовали китайцев на принудительных работах.

В 1946—1950 гг. китайцы на Новой Гвинее вернулись к своей прежней деятельности. Их численность к тому времени достигла 2 тыс. человек [46, 29]. Среди них много торговцев, которые в своих лавках продают папуасам самые разнообразные товары, скупая взамен продукты сельского хозяйства и ремесла (плетеные корзины, сумки, циновки) [36, 29]. Папуасы предпочитают продавать плоды своего труда именно китайским лавочникам, так как те являются стабильными покупателями и немедленно платят большую плату, чем государственные скупщики [47, 172, 194, 195]. Более удачливые владельцы лавок постепенно преобразуют их в крупные магазины, успешно конкурируя с европейцами. Некоторые китайцы приобрели плантации. Много среди китайцев и ремесленников (плотников, поваров, портных, парикмахеров, механиков, электриков и т. д.).

В крупных городах (Рабауль, Лае и др.) есть китайские кварталы, претерпевшие за последние десятилетия существенные изменения. Так, до второй мировой войны достопримечательностью Рабауля был старый китайский квартал, полностью сохранявший национальный колорит. После же войны, в 1955—1957 гг., на юге города был возведен новый хорошо спланированный и по-современному построенный китайский квартал Матуни Фарм.

У новогвинейских китайцев до сих пор поддерживаются традиции взаимопомощи, особенно внутри семейно-родственных групп и земляческих обществ [47, 159—160].

Процессы метисации на Новой Гвинее отмечал еще Н. Н. Миклухо-Маклай [7, 187, 473]. В настоящее время сложилась группа китайско-новогвинейских метисов, которая примыкает к китайцам [13, 69]. Китайцы женятся на новогвинейских женщинах, но детей воспитывают в полном соответствии с китайской культурной традицией. Поэтому, хотя китайцы на Новой Гвинее живут уже 2—3 поколения, они сохраняют этническое самосознание и традиции. Большую роль в этом играют постоянные связи с Гонконгом, где новогвинейские китайцы нередко находят себе жен [45, 193, 201].

В отличие от своих предшественников — немцев Австралия на Новой Гвинее не проводит политики прямого национального ущемления ки-

тайцев. Австралийцы, аннексировав Новую Гвинею, дали китайцам, как и всем азиатам, статус европейцев³.

В середине 1957 г. австралийское правительство приняло решение о предоставлении китайцам права натурализации. В одном из своих решений правительство Австралии подчеркивает необходимость сохранения китайской общины на Новой Гвинее и возрастающее значение ее в будущем развитии страны [36, 29]. Китайцы на Новой Гвинее со своей стороны проявляют желание получить австралийское гражданство (до конца октября 1960 г. уже было подано 851 заявление с просьбой о натурализации, было выдано 490 свидетельств о натурализации, в которые было вписано 227 детей [36, 29]), стараются сблизиться с местным населением, своих детей посылают для получения образования в австралийские церковные школы [32, 222], возросшее количество молодых китайцев направляется в Австралию для получения высшего образования [36, 29]. Есть китайцы, принимающие активное участие в общественно-политической жизни страны. Так, в ходе выборов 1968 г. в ассамблею был избран китаец-метис Джулиус Сенсунг Чжан⁴.

Китайцы знают и говорят дома на гуандунском диалекте (юэ) китайского языка. Знают в большинстве местные папуасские языки, а также пиджин-инглиш, на формирование которого оказала влияние также немецкая лексика [45, 17]. Последний является языком общения разных этнических групп на Новой Гвинее.

Нужно отметить, что китайцы, хотя и имеют глубокие корни в новогвинейском обществе, все еще тесно связаны с Гонконгом или Китаем [45, 193]. И в наши дни сохраняются глубокие различия в образе жизни, занятиях, психологии.

На *Британские Соломоновы острова* китайцев стали ввозить в конце первого десятилетия XX в., когда на о-вах Россел были заложены плантации кокосовой пальмы. По оценке на 1919 г., там насчитывалось 75 «азиатов», в большинстве своем китайцев, по переписи 1931 г., — 164 китайца [14, 74]. По данным на 1965 г., на Британских Соломоновых островах проживало 510 китайцев [23, 8]. Основная масса их живет в единственном городе Хониара: в 1959 г. там их было 266, в 1965 г. — 414 человек. Увеличение численности китайцев идет в основном за счет естественного прироста [13, 73].

Подавляющее большинство китайцев на Британских Соломоновых островах занимается в настоящее время торговлей. Китайцы вместе с европейцами причисляются к одной категории неаборигенного населения. Китайцы и европейцы учатся в одних школах [14, 52], хотя на Британских Соломоновых островах есть и одна китайская начальная школа, которую содержит китайский школьный комитет [23, 43]; в 1965 г. в ней обучался 91 ученик (43 мальчика и 48 девочек), работало 32 учителя [23, 47].

Дома китайцы обычно говорят на диалекте юэ, языком общения между разными этническими группами является пиджин-инглиш, хотя общение на нем с островитянами-аборигенами затруднительно [13, 73].

Китайцы вступают в брак преимущественно внутри своей общины, привозят себе жен-китайнок из других мест, но на Британских Соло-

³ Это было сделано для того, чтобы в борьбе с немецкими фирмами, немецким влиянием опереться на китайский капитал. Кроме того, предоставление китайцам статуса европейцев дало возможность судить их за взяточничество в одном суде с австралийцами [45, 193].

⁴ Его отец — китаец, мать — из папуасов Нового Орлеана. Джулиус — его имя, Сенсунг — папуасское имя его матери, Чжан — китайская фамилия отца. Сам он женат на китаянке из Гонконга.

моновых островах есть и метисное население, в том числе китайского происхождения [23, 8].

На *Новых Гебридах* китайцы появились в конце XIX в. как законtracted рабочие для работы на плантациях, принадлежавших европейцам, однако их численность была невелика⁵. Только в 1928 г. была завезена значительная группа — 300 кули. Однако к началу 40-х годов XX в. их осталось около 100 человек, другие покинули острова после истечения срока контракта. После второй мировой войны численность китайцев на *Новых Гебридах* несколько возросла. В 1964 г., по оценке П. И. Пучкова, из 65,8 тыс. всего населения китайцев было 200 человек [13, 84, 87]. Подавляющее их большинство занимается торговлей и проживает в городах [1, 26]. В Порт-Виле и Люганвиле они владеют мелкими и средними торговыми лавками.

Подавляющее большинство новогэбридских китайцев говорит на диалекте юэ, поскольку в основном являются выходцами из провинции Гуандун. С другими этническими группами они общаются по-английски и на пиджин-инглиш [24, 117].

Когда в 70-х годах прошлого века на *Новой Каледонии* приступили к добыче никелевой, а затем хромовой, кобальтовой и т. д. руды, колонизаторы стали ввозить дешевую рабочую силу из Индии, с *Новых Гебридов*, из Китая (Гуандуна) и других мест. Были китайцы и среди владельцев мелких рудников [14, 120]. Численность их на *Новой Каледонии* определить трудно, так как они включаются в одну группу с европейцами как «приравненные к ним» [16, 138]. По переписи 1956 г., под этой рубрикой значилось 25 160 человек, в том числе 21 530 французов, 253 натурализовавшихся азиата, 27 имеющих китайское гражданство [14, 139]. Среди натурализовавшихся азиатов — потомки китайских кули, индийцев и т. д. Китайцы издавна вступали здесь в брак с женщинами из местного населения, что подтверждается наличием китайцев-метисов [40, 54].

Китайцы на *Фиджи* появились в конце XIX в., но количество их росло медленно: по переписи 1911 г., их зарегистрировано всего 305, что составляло 0,2% численности всего населения, в 1918 г. — 313, в 1946 г. — 2874, а к концу 1965 г. — свыше 5,5 тыс. [8, 545; 14, 139]. По данным на 1940 г., рождаемость у китайцев составляла 53 человека на 1000, в том же году на 2136 китайцев отмечено 3 брака и 8 смертей [46, 16]. Количество браков невелико: очевидно, они заключались преимущественно вне этой территории. В последнее время произошло небольшое уменьшение численности китайцев (в 1970 г. их оставалось 5 тыс.). В целом китайское население здесь стабильно, оно держится в общем обособленно, некоторый отлив его, очевидно, был вызван имевшими место межэтническими конфликтами.

Хотя китайцы на *Фиджи* представляют численно небольшую группу, однако социальная значимость ее велика. Многие китайцы заняты в торговле. Почти на каждом острове есть их лавочки. В деревнях китайцы держат в своих руках преимущественно розничную торговлю, успешно конкурируя с индийцами [15, 137; 27, 96]. Они не только продают товары, но и скупают продукты земледелия и ремесла для перепродажи [27, 59]. Китайцы являются владельцами большинства кафе на *Фиджи*. В своей коммерческой деятельности они получают значительную помощь со стороны крупных китайских торговцев Сиднея и Китая [27, 142].

---

⁵ Среди завезенных рабочих преобладали вьетнамцы.

Работают китайцы также мясниками, пекарями, плотниками, продавцами в магазинах и т. д. Они сосредоточили в своих руках производство овощей для рынка [27, 127]. В последнее время китайцы стали работать и в управленческом аппарате [5, 77]. На Фиджи они также являются преимущественно городскими жителями: в поселках городского типа проживает около $\frac{2}{3}$ всех китайцев [14, 133; 15, 137].

Хотя многие фиджийские китайцы, особенно занимающиеся торговлей, говорят по-фиджийски, следует отметить, что это всего лишь поверхностные знания разговорного языка. Значительно более широкое распространение для общения между различными этническими группами на Фиджи получил английский язык. Среди китайцев, особенно в домашне-бытовой сфере, распространен гуандунский диалект [15, 140]. По данным на 1965 г., на Фиджи издавался единственный в Океании не-периодический журнал на китайском языке, придерживавшийся, кстати, прогоминьдановской ориентации [см. 22].

Об определенной, довольно значительной степени культурной ассимиляции фиджийских китайцев говорят данные о религиозной ситуации. Среди них атеисты составляют 1,4 тыс., католики—1,1 тыс., методисты—0,7 тыс., последователи других христианских вероисповеданий—0,2 тыс. человек. Буддизм исповедует всего 200 китайцев. Даже последователями конфуцианских этико-моральных норм объявили себя только 400 человек [15, 139]. Смена традиций формирует отличие фиджийских китайцев от китайцев других районов Океании, сближает их с другими народами в рамках одного государства. Так, среди депутатов Законодательного совета, избранного на Фиджи в сентябре-октябре 1966 г., есть и китайцы [10, 204].

Микронезия. На *Науру* китайцев стали завозить с начала XX в., после открытия там богатейших запасов фосфата. Китайцы завозили с собой на Науру дизентерию и детский паралич, которые способствовали уменьшению численности населения к 1910 г. с 1550 до 1250 человек [43, 9—10].

По данным на 24 апреля 1921 г., на Науру было всего 2166 жителей, из них 597 китайцев, в том числе 592 мужчины, только 2 женщины и 3 ребенка [25, 232]. Таким образом, законтрактованные китайцы являлись значительным компонентом населения острова. Жили они изолированно, образуя в западной части острова, в округе Денигомоду, свой поселок [13, 141; 35, 18]. Науруанцы относились к ним с презрением, условия для работы были трудными, поэтому китайцы радовались возможности вернуться на родину [35а, 24, 54, 63]. К сентябрю 1945 г. их оставалось 166 человек (часть китайцев погибла во время японской оккупации острова) [43, 14].

После войны на Науру запрещена натурализация. Поэтому численность китайцев колеблется: в 1947 г.—1,2 тыс. человек, в 1954 г.—0,6 тыс., в 1959 г.—0,7 тыс. [20, 394], в 1970 г.—1 тыс. человек. Среди них преобладают мужчины, законтрактованные для работы на добыче фосфатов. Небезынтересно отметить, что некоторые рабочие-китайцы совмещают работу по добыче фосфатов с мелкой торговлей [13, 140].

Среди законтрактованных китайских рабочих очень высокий процент неграмотных [13, 139], но для их детей на острове организовано обучение на родном языке [19, 177]—на пекинском диалекте.

Небольшие китайские общины есть также на о-ве Гуам (0,1 тыс.) [20, 395] и о-вах Гилберта и Эллис (примерно столько же) [20, 393].

Полинезия. На *Западное Самоа* законтрактованные китайцы были впервые ввезены в 1902—1903 гг. Ассоциацией плантаторов [25, 219]. К началу первой мировой войны там уже насчитывалось 2200 китай-

цев⁶, однако к концу 1919 г. для работы на плантациях из них оставили только 838 человек, другие были репатриированы (1254) или умерли (108). Среди оставшихся было только 4 женщины-китайки. По некоторым данным, около 200 китайских рабочих имели жен-самоанок [25, 221—225]. К концу 1921 г. на Западном Самоа уже было 1597 китайцев [25, 29], а в 1945 г. — только 300 [20, 390]. Однако в 1948 г. большинство китайцев было репатриировано, исключение было сделано для тех, у кого женами были самоанки [13, 178]. Западные и советские ученые отмечали, что среди метисов на Фиджи также есть потомки от смешанных браков китайцев с самоанками [13, 175—176]. По оценочным данным, после 1959 г. на Западном Самоа проживает около ста китайцев [13, 178; 20, 390].

Китайцы живут преимущественно в г. Апия и занимаются торговлей и ростовщичеством, официально им запрещенным. Некоторая часть торговцев, в том числе китайских, принимает участие в борьбе за независимость, против засилья европейцев в политике и экономике [42, 18]. Языками общения являются самоанский и английский.

На *Восточном Самоа* имеется небольшая группа китайцев, численность которой нам неизвестна [13, 190].

На *Гавайях* китайцы начали селиться еще до захвата их американцами [8, 768]. В середине XIX в. американские предприниматели стали организовывать там сахарные плантации, для работы на которых ввозили законтрактованных рабочих, в частности китайцев [18, 172]. До 1886 г. было завезено 33 тыс. китайских рабочих, количество их постепенно росло [8, 656].

Последовательность изменений в отношении между положением и статусом иммигрантов можно рассматривать как фазы ассимилятивного процесса. По мнению Кларенса Глика, для гавайских китайцев главными стадиями в этой последовательности были: плантационный период социальной изоляции, с сегрегацией в поселении и занятиях; период урбанизации с сегрегацией в поселении, но с увеличением сферы занятий; дисперсия в занятиях в городах, продолжение инфильтрации во все части структуры занятий и возрастание социальных контактов между разными этносами в рамках одного общества [34, 667—679].

Смешанные браки на Гавайях — явление совершенно типичное, метисация зашла довольно далеко [30, 130—151]. И вместе с тем расовые предрассудки (пренебрежительное отношение некоторых белых гавайцев, даже из средних слоев, к азиатам) живучи и на Гавайях, которые нередко называют «раем», «расовым котлом», в котором перемешались все народы [21, 17].

До сих пор каждая этническая группа сохраняет свои особенности. Китайцы по своему старому лунному календарю празднуют новый год, устраивая шествие с изображением дракона, фейерверками и т. д., сохраняется китайский базар, китайская кухня, элементы традиционной одежды и т. д. [37]. Гавайские китайцы двуязычны: многие знают китайский язык, все владеют английским языком, есть радио- и телепередачи на китайском языке и т. д. В 1947 г. китайское население на Гавайях насчитывало 30 тыс. [8, 647] и в 1969 г. — 45 тыс. человек.

Гавайские китайцы — одна из самых урбанизированных этнических групп в Океании⁷.

⁶ По другим данным, численность китайцев на Западном Самоа достигала в 1914 г. 3,1 тыс. [13, 178].

⁷ О гавайских китайцах существует довольно значительная литература, поэтому анализ процесса их этнического развития может стать предметом специальной работы. Это также целесообразно сделать и потому, что с 1959 г. Гавайи стали штатом США.

На *Таити*⁸ китайцы были завезены в 60-х годах XIX в. для работы на хлопковых плантациях. В 1880—1907 гг. численность китайского населения поддерживалась на уровне 400 человек. В первое десятилетие XX в. их было всего около 1000, к 1926 г. — около 4000, в том числе несколько сот китайок. Въезд китайцев во Французскую Полинезию был ограничен с 1930 г., но многодетные китайские семьи обеспечивали высокий естественный прирост [39, 151]. К концу 50-х годов XX в. их было уже 7 тыс., а к началу 70-х годов — 13 тыс. человек.

Одно из основных занятий⁹ китайцев здесь — мелкая торговля [16, 27], частично они заняты и экспортно-импортной торговлей. Китаец, как правило, одновременно лавочник-продавец, скупщик (закупаются перламутр, овощи, ваниль, копра) и ростовщик [6, 89]. Среди торговцев на Таити сложилось определенное разделение труда, например, на рынке в Папеете овощами, мясом и хлебом торгуют китайцы, рыбой и фруктами — таитяне. Китайцы вместе с французами составляют в основном торговую буржуазию в этом регионе. Китайцы широко представлены в сфере обслуживания и как содержатели ресторанов и кафе, и в качестве сапожников, парикмахеров, портных, механиков, строителей, пекарей, мясников и т. д., многие из них заняты в кустарном ремесле, некоторые сдают внаем транспорт и т. п. Получив образование и специальную подготовку, они работают служащими в государственных и частных конторах, учреждениях и на предприятиях. Повсюду они работают активно и трудолюбиво.

Во Французской Полинезии китайцы не имели права собственности на землю. Поэтому нередко документы выписывались на местного жителя, а владел участком китаец [28, 202—203]. В настоящее время свыше трети всех китайцев занимаются земледелием [13, 230], выращивая овощи и ваниль. Раньше в земледелии были заняты преимущественно старики. В настоящее время китайская молодежь предпочитает работать не по найму, а на арендованных огородах с использованием современных сельскохозяйственных орудий, оборудования, химических удобрений и т. д. [39, 152].

В Папеете, единственном городе во Французской Полинезии, в целом китайцы и китайские метисы составляют четверть всего населения [13, 230]. Там есть китайский квартал [2, 61].

Китайцы в Папеете все объединены в ассоциации родственников и земляков. Именно родственно-земляческие связи заставляют их с неизменным радушием принимать и устраивать новичков [2, 208].

За последнее время уровень рождаемости у китайцев на Таити заметно уменьшился. Родители уже не играют прежней роли при заключении брака между детьми. Соблюдая старый китайский обычай, однофамильцы в брак не вступают, даже если между семьями не существует реального родства. Свадьбы обычно устраивают до шестого или после восьмого лунного месяца, промежуточный период считается несчастливым. Невеста нередко надевает белое свадебное платье, а не традиционную красного цвета одежду — полное нарушение китайской народной символики цветов! На свадьбах звучит современная и классическая музыка [39, 153]. После свадьбы обычно устраивается банкет с девятью традиционными китайскими блюдами. В банкете принимают участие все желающие: они посылают подарок, часто денежный

⁸ О таитянских китайцах подробно см. монографию Коппенрата [26].

⁹ Следует отметить преемственность занятий. Б. Даниельссон рассказывает, что в Таравао был когда-то китайский ресторан, теперь почти на том же месте — ресторан сына прежнего владельца [2, 100].

перевод, молодым, в ответ получают приглашение на свадьбу. Это новая форма взаимопомощи при организации свадьбы.

На Таити примерно 35% китайских семей считаются большими, неразделенными, т. е. в таких семьях с родителями живут два и более женатых сына. Обычно же после свадьбы молодые выделяются и живут отдельно от родителей [39, 154]. Если раньше по китайскому обычному праву наследовали имущество умерших родителей сыновья, то теперь под воздействием французского права наследуют все дети, включая дочерей.

При смешанных браках обычно китаец-мужчина берет в жены женщину-таитянку. За период 1953—1960 гг. отмечено только 10 случаев, когда у китаянки мужем был некитаец, причем 6 случаев приходится на 1960 г. [39, 153].

На Таити, в Арю, есть китайское кладбище, место для которого еще в XIX в. было дано принцем Хинои. После похорон духу покойного ежедневно предлагается пища, для него оставляется место за столом. Траур длится 100 дней, после чего устраивается угощение, на видном месте вывешивается фотография умершего. Табличек с именами предков нет, нет и семейной родословной хроники.

Китайцы вместе с другими жителями в течение двух недель отмечают самый большой праздник на Таити — 14 июля — день взятия Бастилии, они также отмечают Новый год (и по лунному календарю), 10 октября — день образования Китайской Республики и др.

Среди китайцев, особенно среди молодежи, в Папезте насчитывается свыше 2 тыс. католиков, 200 протестантов [39, 153]. Во Французской Полинезии около $\frac{1}{3}$ живущих там китайцев уже имеет французское гражданство [39, 151]. По данным на 1962 г., во Французской Полинезии насчитывалось около 10 тыс. китайцев, из них 2929 имели французское гражданство по рождению, 937 получили французское гражданство и 5681 считались иностранцами [13, 231]. Китайцы, родившиеся в Китае, составляли 30%, а китаянки — 15% [38, 331]. Социальное положение китайцев, живущих во Французской Полинезии, заставляет их ориентироваться, если они вообще обращаются к Китаю, не на родные места (это, безусловно, юго-восточные провинции Китая) [39, 151], а на гоминьдановский тайваньский режим [31, 141].

Китайцы мало участвуют в политической жизни страны. Но будучи вовлеченными в политику, они поддерживают правительственные мероприятия. Те, кто родился в Китае, проявляют еще интерес к делам на родине, но их настораживает внутренняя политика КНР¹⁰.

Китайцы этого региона в основном являются выходцами из Гуандуна и Гонконга, говорят они на диалектах *юэ*, *хакка* и только небольшая группа — на шанхайском диалекте *у*. Китайский язык еще и сейчас имеет довольно широкое распространение.

Во Французской Полинезии начальное образование обязательное и бесплатное, осуществляемое преимущественно во французских школах на базе французских программ, согласно которым «в центре обучения — Франция, ее история, география, литература» [6, 104]. Местные китайцы имеют собственные благотворительные общества, содержащие школы, спортивные залы, богадельни и т. п. [31, 121]. В Папезте три остро соперничающих между собой китайских общества, каждое из них имеет свою школу, однако общий прием в них не превышает 240

¹⁰ В 50—60-х годах XX в. многие таитянские китайцы получили письма из Китая с требованием прислать деньги на родину, в противном случае, как указывалось, пострадают родственники [39, 152].

учащихся и постоянно падает. Обучение ведется наполовину на французском языке, наполовину на хакка¹¹ [39, 152]. В настоящее время подавляющее большинство китайцев посылает своих детей во французские школы, в том числе в католические. После их окончания молодежь 2—3 года обучается в китайских школах, но только единицы умеют в совершенстве читать и писать по-китайски. Получать высшее образование детей посылают во Францию или в США, однако выпускники, как правило, не могут на родине найти работу по специальности. Поэтому они или не возвращаются вообще на острова, или, вернувшись, работают не по специальности, чаще всего в торговле.

На *Новой Зеландии*¹² китайцы начали селиться во второй половине XIX в. в общем потоке иммигрантов, ринувшихся тогда в эту страну. В 1945 г. китайцев здесь было 4,7 тыс., в 1951 г.—5,7 тыс., в 1956 г.—6,7 тыс., в 1959 г.—7 тыс. [24, 388], в 1969 г.—9 тыс. человек. Новозеландские китайцы подвергались сильной аккультурации, в подавляющем большинстве перешли на английский язык [10, 69].

Подведем некоторые итоги. За вековую историю китайские общины в различных районах Океании прошли путь от небольших изолированных групп, к тому же разобщенных языковыми (диалектными) барьерами, к части конкретных обществ. Например, таитянское общество, даже включая китайцев, представляет собой союз, который основывается на почти повсеместном принятии французского языка, французского воспитания и французских обычаев [46а, 77—78]. Среди китайцев заметна тенденция к натурализации. Конечно, степень такой адаптации неодинакова в разных районах Океании: она выше на Гавайях, Новой Зеландии, во Французской Полинезии и почти не ощущается на Науру, так как по контракту срок пребывания здесь китайца не может превышать один-два года.

Роль китайцев в общественно-экономической структуре некоторых стран Океании весьма велика. Они ловко и широко использовали семейно-родственные и земляческие связи для вживания в структуру местного общества, для получения удовлетворительной работы, открытия самостоятельного дела. Китайцы занимают важные позиции прежде всего в розничной торговле. Многие держат рестораны с китайской кухней, и здесь они по традиции прекрасные огородники. Среди китайцев много портных, парикмахеров, сапожников, пекарей, мясников, строителей, шоферов, шахтеров, врачей, учителей, служащих частных и государственных учреждений.

Китайцы в Океании в XX в., особенно после второй мировой войны, урбанизируются. Если они и оставались в сельском хозяйстве, то их сельский труд стал намного механизированнее, чем прежде.

Таким образом, китайцы довольно сильно интегрированы в единой экономической структуре различных обществ, а экономика является важным фактором в консолидации общества, независимо от этнической принадлежности его членов [44, 147—152].

Иногда в литературе проскальзывают утверждения о неконтролируемом вторжении китайцев в Океанию, об угрозе китаизации, о нежелании китайцев ассимилироваться [2, 209—211]. Однако представляется более правильным при анализе ситуации основной акцент делать не на

¹¹ Китайская программа включает изучение китайской письменности, литературы, истории и географии, на китайском языке преподается математика. В каждой школе преподается музыка, имеется оркестр.

¹² Новозеландским китайцам посвящена специальная монография [33], поэтому представляется целесообразным привести в данной статье только общие демографические сведения.

этнических противоречиях, а на их корнях — социальных конфликтах. Как можно видеть из материалов, в Океании идет процесс ассимиляции и метисации, и он является прогрессивным. Можно предполагать, что этот процесс будет нарастать.

С ввозом рабочей силы в Океанию — китайцев, индийцев, японцев и т. д. — начался новый этап в лингвистическом развитии этого региона [3, 81], возникло явление двуязычия, часто даже многоязычия.

Конечно, среди океанийских китайцев еще имеет распространение буддизм, конфуцианство, даосизм, часто в синкретической форме [13, 48], но их воздействие на этническое самосознание все уменьшается.

Характеризуя население Меланезии, П. И. Пучков отмечает: «Французы, вьетнамцы и китайцы представляют собой отдельные этнические общности» [14, 93]. С этим можно согласиться только при условии, что под термином «этнические общности» автор имеет в виду «этнографические группы», ибо невозможно представить себе, что, например, китайцы в Океании сформировались в некую особую этническую общность. Китайцев в Океании, по-моему, следует рассматривать как этнографические группы китайского этноса. Китайцы повсеместно по-прежнему сохраняют многие черты традиционной материальной и духовной культуры. Степень этнической адаптации, как отмечалось, достигла не везде одинакового уровня [55].

Среди противодействующих факторов — влияние политики КНР и тайваньского режима. Как известно, Конституция КНР, одобренная в 1954 г. Временным народным политическим консультативным советом, приравнивала китайцев, постоянно проживающих за пределами КНР, к гражданам КНР [см. 4]. При парламенте и правительстве КНР есть Комитеты по делам зарубежных китайцев. Во Всекитайском Собрании Народных представителей зарубежным китайцам было предоставлено 30 мест, одно из которых зарезервировано за представителем китайцев Океании.

Тайваньский режим также имеет комитет по делам китайцев, проживающих за рубежом, а на Таити, например, вплоть до 1965 г. существовало генеральное консульство.

Среди противоборствующих процессу этнической адаптации факторов также следует отметить высокомерное отношение со стороны части китайцев к океанцам, сохранение семейно-родственных связей с китайцами других стран.

Связь молодых китайцев со старой родиной, землей предков, ослабевает. Если старики помнили названия мест своего происхождения в Китае, знали родственников, то современная молодежь не воспринимает эти знания, их интересуют реальные, сегодняшние связи. Но становясь «счастливыми островитянами», они не становятся, например, таитянами [39, 154], так как все еще сохраняют свою этническую специфику.

Таким образом, китайцы под влиянием экономических, политических, культурных и иных факторов все больше интегрируются, становясь не иностранцами, а гражданами различных стран Океании. Этот процесс является для нашего времени ведущим и прогрессивным. В настоящее время китайцы в странах Океании являются частью конкретных национально-политических общностей, формирующихся в различных районах этого ареала, хотя этот процесс этнической адаптации в разных местах имеет неодинаковую степень интенсивности и завершенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аттеноороу Д. Острова лазурных лагун,— «За рубежом», 1965, № 24.
2. Даниельссон Б. Гоген в Полинезии, М., 1969.
3. Кондратов А. М. Геолингвистическая ситуация в Океании,— сб. «Новые тенденции в развитии Австралии и Океании», М., 1971, стр. 77—87.
4. Конституция и основные законодательные акты КНР, М., 1955.
5. Лебедева Н. Б. Социально-экономические последствия деятельности КШРК на Фиджи,— сб. «Австралия и Океания (история и современность)», М., 1970, стр. 69—81.
6. Меликсетова И. М. Французская Полинезия 60-х годов (социально-экономические сдвиги),— сб. «Новые тенденции в развитии Австралии и Океании», М., 1971, стр. 88—106.
7. Миклухо-Маклай Н. Н. Жители Папуа-Ковий (антропологические заметки),— Собрание сочинений, т. III, ч. 1, М.—Л., 1951, стр. 186—192.
8. Народы Австралии и Океании, М., 1956.
9. Океания вчера и сегодня,— «За рубежом», 1969, № 41.
10. Океания. Справочник, М., 1971.
11. Петерсон Х. Вокруг света на «Альбатросе», М., 1970.
12. Пучков П. И. К вопросу о процессе современного этнического развития населения Океании, М., 1964.
13. Пучков П. И. Население Океании, М., 1967.
14. Пучков П. И. Формирование населения Меланезии, М., 1968.
15. Пучков П. И. Этническая и языковая ситуация на Фиджи,— сб. «Австралия и Океания (история и современность)», М., 1970, стр. 130—142.
16. Степаньянц С., Ганагин В. Здравствуй, Танти! — «Азия и Африка сегодня», 1970, № 5, стр. 17—29.
17. Стивенсон Ф., Стивенсон Р. Л. Жизнь на Самоа, М., 1969.
18. Тумаркин Д. Д. Вторжение колонизаторов в «край вечной весны». Гавайский народ против чужеземных захватчиков в конце XVIII— начале XIX в., М., 1964.
19. Тумаркин Д. Д. Проблемы образования и подготовки кадров на островах Океании,— сб. «Новые тенденции в развитии Австралии и Океании», М., 1971, стр. 152—181.
20. Численность и расселение народов мира, М., 1962.
21. Шилдс Э. Контрасты островного штата,— «За рубежом», 1969, № 42.
22. Хуацяо цзинци няньбао (Экономический ежегодник китайских эмигрантов), Тайбэй, 1962.
23. British Solomon Islands. Annual Report, 1965. Honiara, 1966.
24. Brookfield H. C. (ed.) Pacific Market-places. A Collection of essays, Canberra, 1969.
25. Campbell P. C. Chinese coolie emigration to countries within the British empire, Taipei, 1970.
26. Coppenrath G. Chinois de Tahiti, Paris, 1967.
27. Coulter J. W. Fiji: Little India of the Pacific, Chicago, 1943.
28. Danielsson B. Raroia. Den lyckliga ön, Vänersborg, 1963.
29. Derrick R. A. A History of Fiji, vol. I, Suva, 1950.
30. Dunn L. C. An anthropometric study of Hawaiians of pure and mixed blood,— «Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and ethnology», Harvard University, vol. XI, № 3, 1928, стр. 85—211.
31. Finney B. Anthropological Research in Tahiti,— Covit B. Official Directory and Guide Book for Tahiti, Taipei, 1969, стр. 113—121.
32. Fisk E. K. (ed.) New Guinea on the Threshold. Aspects of Social, Political and Economic Development, Pittsburg, 1968.
33. Fong Ng Bickleen The Chinese in New Zealand: a study in assimilation, Hong Kong, 1959.
34. Glick C. Relation between position and status in the assimilation of Chinese in Hawaii,— «American Journal of Sociology», March 1942, стр. 47—63.
35. Hambruch P. Nauru. Ergebnisse der Südsee-Expedition 1908—1910. Herausgegeben von prof. Dr. G. Thilenius. II Ethnographie: B. Micronesien, Band I, Hamburg, 1914.
- 35a. Hambruch P. Die Sprache von Nauru. Sonderabdruck aus: Prof. Dr. G. Thilenius Ergebnisse der Südsee-Expedition 1908—1910. Der Hamburgischen wissenschaftlichen Stiftung II, Band I, Hamburg, 1914.
36. Handbook of Papua and New Guinea, Sydney, 1961.
37. Jarrett L. H. Hawaii and its People, Honolulu, 1933.
38. Mc Arthur N. Island Populations of the Pacific, Canberra, 1967.
39. Moench R. The Chinese in Tahiti,— Covit B. Official Directory and Guide Book for Tahiti, Taipei, 1969.

40. Nouvelle Calédonie, île de l'éternel printemps, Paris — Tokyo, 1969.
41. Oliver D. L. The Pacific Islands, Cambridge, 1958.
42. Pitt D. Tradition and Economic Progress in Samoa, Oxford, 1970.
43. Republic of Nauru, Sydney and Melbourne, 1968.
44. Reshetov A. The ethnic adaptation of the Chinese in Oceania,— «Countries and peoples of the Pacific Basin», Moscow, 1971, crp. 147—152.
45. Rowley C. D. The New Guinea Villager, Melbourne, 1967.
46. Souter G. New Guinea. The Last Unknown, New York, 1967.
- 46a. West F. Political Advancement in the South Pacific, Melbourne, 1961.
47. Williams M. The Stone Age Island. New Guinea today, New York, 1964.

B. A. Valskaya

**UNPUBLISHED MATERIAL ON MIKLUKHO-MAKLAI'S
VOYAGE TO NEW GUINEA IN 1871 AND THE SAILING
OF THE «SKOBELEV» IN 1883**

September 20, 1971, marks the centenary of the day when the famous Russian explorer, N. N. Miklukho-Maklai, set foot on the unknown north-eastern shore of New Guinea, later named Maclay Coast in his honour. In commemoration of the anniversary, we are publishing new material drawn from the Leningrad Branch Archives of the U.S.S.R. Academy of Sciences, the Archives of the Geographical Society of the U.S.S.R. and the Central Archives of the U.S.S.R. Navy.

The material to be published highlights the important role played in the organization of the above expedition by the Russian Geographical Society. Supporting Miklukho-Maklai's idea of undertaking a voyage to the islands of the Pacific, the Society persuaded the Naval Ministry to permit the fearless traveller to sail to the shores of New Guinea on board of the corvette «Vityaz». The centenary of his landing on the shores of New Guinea coincides with the 125th anniversary of the birth of the explorer (1846) and, roughly, with the 125th anniversary of the foundation of the Geographical Society (1845).

The first section of the forthcoming publication deals chiefly with the preparations for the expedition. It includes the letters of the secretary of the Russian Geographical Society F. R. Osten-Saken, the vice-president of the Society F. P. Litke, and other documents connected with the Society's efforts to arrange for Miklukho-Maklai's passage to New Guinea. Section two deals with Miklukho-Maklai's third voyage to Maclay Coast in 1883 on the corvette «Skobelev».

In 1875, through the Geographical Society, Miklukho-Maklai had put the question to the Russian Foreign Ministry of his country taking patronage over the Papuans of the Maclay Coast. But «in view of the remoteness of that land and complete absence of Russian interests there», his request was turned down.

In 1882 Miklukho-Maklai insisted on despatching the corvette «Skobelev» (formerly the «Vityaz») under the command of Rear Admiral N. V. Kopytov to select a site for a coaling station in the Pacific.

After looking at some sites on the Maclay Coast as well as islands in the Admiralty group, and the Hermit and Palau islands, Kopytov concluded that none of the points he had visited «presented any conveniences for the construction of coaling stations considering how remotely situated they were».

The colonial powers of Europe had used the appearance of the Russian squadron in the Pacific during the spring of 1883 at the various sites where Miklukho-Maklai had been pursuing his scientific investigations and

his presence on the corvette «Skobelev» as a pretext for annexing the Maclay Coast and contiguous territory.

At the end of 1884 the eastern half of New Guinea was partitioned between Germany and Britain.

In appraising Miklukho-Maklai's expeditions to New Guinea, we may in all justice say that they were and remain glorious events in the history of the Russian Geographical Society, and that his life and work constitute an inestimable contribution of Russian science to the study of the countries and peoples of the Pacific, especially New Guinea.

I. S. Vdovin

TRACES OF ALEUT-ESKIMO CULTURE ON THE PACIFIC COAST OF KAMCHATKA

Certain elements of ancient Aleut-Eskimo culture are quite close to early aboriginal cultures of the Kamchatka Peninsula. Comparison of these cultures indicates they have much in common as regards the construction of houses, the shapes of oil-lamps, boats (canoes), and methods of hunting sea animals. There is also much in common in figurative arts and in weaving patterns. Similar elements are traced in social institutions, too. Linguistic ties are manifest in the vocabulary and phonetics. Traces of the ancient Aleuts' habitation in Northern Sakhalin, Hokkaido and Kamchatka are corroborated by archaeological and palaeoanthropological data.

G. A. Menovshchikov

A SIMILAR FAIRY-TALE PLOT OF THE ESKIMOS, YUKAGHIRS, JAPANESE AND VIETNAMESE

The article deals with the problem of the so-called migrating fairy-tale plots. The author points out that different peoples have folk tales which are identical plotwise: the Eskimos and the Japanese have a tale about the Raven and the Owl; the Vietnamese have one about the Raven and the Peacock; and the Greenland Eskimos have one about the Raven and the Hawk. In every case the tale shows an extremely similar structure and aetiological content. Speaking about probable reasons why a similar plot could exist simultaneously in the folklores of nations so different in their languages, culture, social systems, and also scattered over different continents, the author notes that the said similarities could be due to direct and indirect (roundabout) contacts, as well as to their rise in a hypothetic ancient protopalaeoasian community. The author also draws the attention of folklorists to the necessity of complex typological and comparative-historical studies in the folklore of the aboriginal peoples of the Far East and North America in order to establish the general laws of the origin and development of its genres, including tales about animals with the Raven as an indispensable character.

E. A. Kreynovich

SOME FACTS ABOUT THE TUNDRA YUKAGHIRS AT THE TURN OF THE CENTURY

The work is based on materials collected by the author in the tundra Yukaghir settlement of Kolymskaya on the Kolyma river. It contains some

facts about the Yukaghirs' social system. The author quotes a text in the Yukaghir language to the effect that the tundra Yukaghirs' family was exogamous (V. I. Jochelson claimed it was endogamous). The text also reveals the tundra Yukaghirs' names of kinship, rights of succession, the role of «the chief hunter», primitive communist ways of dividing a catch, and a conventional hunters' language. At the same time the author largely concentrates on the tundra Yukaghirs' annual economic cycle. They used to hunt reindeer, also elk and wildfowl. Throughout the year they followed reindeer herds migrating from the forest zone to the tundra and back. Every Yukaghir clan roamed over a definite territory. The work supplies a map drawn by a Yukaghir, N. T. Trifonov. It shows one such territory belonging to the Yukaghir clan of Alaji. Number 1 is their winter forest camp where they stayed through December till February. Late in March or early in April they moved north. Numbers 2, 3, 4, and 5 stand for what might be called their way-stations where they left their winter things and also their old men and women who went fishing and stored fish for the winter. They also built special corrals nearby to catch moulting wild geese and ducks. Then they moved on to Bases 6 and 7. From there hunting parties set out for tundra lakes where herds of wild reindeer were known to pasture. With a big catch and with the advent of autumn the Yukaghirs moved back to the woods. The work also cites the text of a song in Yukaghir which is an address to trapped geese before their killing, and a song which one Yukaghir devoted to his decoy reindeer that lured wild ones to its master.

L. I. Smirnova

MINIATURE KORYAK SCULPTURE IN BONE AND WOOD

The author of the present paper made use of the collections of two museums in Leningrad: the Museum of Anthropology and Ethnography (named after Peter the Great) of the USSR Academy of Sciences and the Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR; she also scanned the available literature. The collections were amassed at the turn of the XIX and XX centuries. The author delineates the areas where bone- and wood-carving was practised. The inhabitants of the Bering Sea coast worked only in bone; on the northern coast of the Penzhinskaya Bay they used both bone and wood; the Koryaks settled in southern areas mainly used wood. The author points out that researchers have so far overlooked Koryak woodcarving. Taken as a whole, Koryak sculpture is divided into three types: zoomorphic, anthropomorphic, and mixed. The author gives a detailed description of each type, emphasizing the differences between Koryak sculpture and that of other peoples of North-East Asia. These are as follows: 1) Koryak sculpture is a reflection of the surrounding fauna; 2) it reflects numerous aspects of local life, including hunting, national wrestling, tea-drinking etc.; 3) its high points are realism and dynamic quality. The author believes that Koryak sculpture can prove a valuable aid in studying the Koryaks' clothing, methods of hunting different animals, shamanism and other problems of their ethnography. She concludes by pondering on the future of that unique art which seems to be on the way out.

**ON THE ORIGIN OF THE NAMES OF THE GVOZDEV
ISLANDS (THE DIOMEDES), THE BERING STRAIT
AND THE BERING SEA**

The author finds out the men who first put these names on the map. The two big islands in the Bering Strait were first discovered by S. Dezhnev and F. Popov in the XVII century; the discoverers did not name them however. One of the islands was rediscovered by V. Bering on August 16, 1728, which happened to be St. Diomede's Day; hence the name Bering gave it. In 1778 James Cook extended the name — the Diomedes — to the entire archipelago. Each island was named by Captain Beechey in 1826. The western island (the Greater Diomede Island) belonging to the USSR was named Ratmonoff (that was the name O. E. Kotzebu gave to the non-existent fourth island for which he had mistaken the Cape of Dezhnev). The eastern island (The Lesser Diomede) belonging to the US was named after Krusenstern, and a cliff south of it was given the name of Fairway Rock. In 1802 G. Sarychev named the archipelago the Gvozdev Islands in honor of the geodesist M. S. Gvozdev who first visited them in the company of I. Fyodorov (both men also reached the north-western cape of America). In 1743 Gvozdev compiled a map of the Strait giving the position of the islands.

The name Bering Strait was suggested by the German naturalist and geographer Johann Rheingold Förster (1729—1798), who took part in James Cook's second voyage around the world (1772—1775). The first man to use the name Bering Sea was the once famous, but now almost forgotten French hydrographer and geographer Fleurieu. All these names reflect the great prestige Russian explorers and navigators enjoyed among their counterparts in other countries.

B. P. Polevoy

**G. I. NEVELSKOY'S DETAILED ACCOUNT
OF HIS HISTORICAL EXPEDITION TO SAKHALIN IN 1849**

The author has put out the first complete publication of a copy of G. I. Nevelskoy's account of his famous expedition to Sakhalin, the Amur estuary, the Tatar Strait and along the south-west coast of the Sea of Okhotsk in 1849. The publication is complemented with detailed commentaries, including excerpts from reports by Nevelskoy's subordinates, P. V. Kazakevich and E. V. Grote. The reports were identified in the Central State Archives of the Navy in 1953; they enable us to see in a clearer light the sources of the account. The introductory article explains the importance of that document and briefly describes its background.

The account shows that G. I. Nevelskoy and his associates collected a wealth of most valuable material on geography and, in particular, ethnography of northern Sakhalin and the lower Amur. The document is another corroboration of the fact that the entire population of that area still enjoyed absolute independence in the 1840's; there were no Manchurian settlements there at the time, to say nothing of Chinese. Moreover, the local inhabitants had never seen a Chinaman and hated occasional Manchurian visitors because of all kinds of misdeeds they perpetrated. The document also indicates that as far back as the 1840's there already was

a real danger of overseas colonizers penetrating into that area; it should be borne in mind that the latter were equally hostile to Russia and China. That is why in the summer of 1849 Nevelskoy made it his purpose to find out what concrete action the Russians ought to take to ensure the safety of the Amur estuary. Thus the account convincingly shows how timely was Nevelskoy's 1849 expedition to Sakhalin.

Ch. M. Taxami

PRESENT-DAY AND TRADITIONAL FESTIVALS OF THE ABORIGINAL PEOPLES OF SAKHALIN

The small ethnic groups of Sakhalin, the Nivkh, Oroch, Evenk, Neghidalts and Nanai fishermen, reindeer breeders, trappers and sea hunters have the so-called Festival of the Peoples of the North. The Festival came into being in the Soviet period, around 1960, but it has already become a tradition and enjoys tremendous popularity. The programs of most of such festivals are very much the same. As a rule, all participants gather in their Palace of Culture where the festival begins with get-togethers of fishermen, reindeer breeders and hunters who give talks on their work and achievements. Then the artistic part of the festival is declared open and a review of amateur art groups of the nearby collective and state farms and athletic competitions begin. There are also shows of handicrafts and ornamental art. Basically the newly emerged Festivals of the Peoples of the North which by now have become a tradition, stem from the national games and athletic contests and from traditional art. The Festivals of the Peoples of the North are important undertakings with most practical bearing on the advancement of the northern peoples' culture. They help keep alive a number of traditional aspects of their culture and stimulate the development of fresh talent in different forms of art.

T. K. Shafranovskaya

I. GEORGI ON JAPAN IN THE MID-XVIII CENTURY

The men who took part in the famous «physical» expeditions sponsored by the Russian Academy in 1768—1774 made a note of all unusual or little known things they encountered on their way. I. I. Georgi, one of the prominent members of those expeditions, learned that there was a school of Japanese in Irkutsk. He met the Japanese who taught there and they told him about the geographical position of their country, its flora, fauna, and the basic occupations of the population. They also supplied him with some ethnographical data concerning the Japanese people's homes, clothing, food, religion and customs. Georgi's report on Japan opens his thick two-volume book, «Bemerkungen einer Reise im Russischen Reiche in den Jahren 1772—1774» (Sanct-Petersburg, 1775). The work was not translated into Russian and remained known to a small number of specialists. However Georgi's story of Japan is obviously of great interest, since in the XVIII century there were very few books and articles on Japan in Russian; the bulk of the latter were not original works, but translations from foreign languages. The importance of Georgi's report lies in the fact that it was one of the first Russian publications on Japan containing data obtained directly from the Japanese.

R. A. Ksenofontova

JAPANESE POTTERY MAKING, THE LATE XIX AND EARLY XX CENTURIES

Ceramics production in Japan in the late XIX and early XX centuries was marked by a variety of economic structures within it. By the time of the Meiji revolution capitalistic manufacture had made quite deep inroads in Japanese ceramics production. The high level of this production, in turn, paved the way for the rapid commissioning of factories equipped with machinery at the second half of the XIX century. The machinery was the last word in Western technology; Western specialists were called in as consultants. At the same time, small-scale commodity production, mainly in the form of peasant crafts and capitalistic workshops of the manufactory type continued to persist alongside the large-scale machine industry. Small workshops where the entire production process was based on old traditional methods, accounted for a substantial portion of Japan's ceramics output.

Yu. V. Ionova

SOME PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY OF ANCIENT KOREA

The ancient Korean states of Koguryō, Paekche and Silla emerged on the basis of the communal system. The state formations and the social classes crystallized out of the disintegration of the communities. This disintegration was far advanced as far back as the first centuries A. D. By that time society had been divided into rank-and-file community members («haho») who lived in the countryside and the aristocracy («tega») who mostly lived in towns. The tega had detached themselves from the community; they did not take part in production, being maintained by tributes. The process of stratification within the community determined the nature of the relations of production and the very nature of the early Korean states. Economic relations between the ruling class of the bureaucratic aristocracy and the exploited classes rested on state ownership of the land.

A. G. Shprintsin

ON THE BORROWING FROM RUSSIAN INTO CHINESE

The author presents some hitherto unknown data on oral borrowings from Russian into Chinese. An analysis of those data and their comparison with materials on loanwords in the Chinese language contained in the works by Gao Ming-kai and Z. Novotna shows that the words borrowed in the course of oral communication are from a different lexical stratum than the so-called learned borrowings. The absence of restriction imposed by the hieroglyphic script greatly widens the scope of borrowing and the amount of loanwords.

E. I. Lubo-Lesnichenko

JIANTZE: A TEXTILE-COLORING TECHNIQUE IN MEDIEVAL CHINA

The term «jiantze» may be translated as «color designs». It played a prominent part in the manufacture of textiles in medieval China. It emer-

ged during the Han period (3rd century B. C.—3rd century A. D.) It is possible to trace two routes over which the jiantze method spread: a southern and a later western route. The T'ang era saw the flowering of the jiantze technique when its technical and artistic potentialities revealed themselves to the full. By studying the written sources and analysing the material remains we have been able to establish three different methods of producing the «color designs»: wax dyeing («latze»), block printing («chiatze»), and tie dyeing («tsiaotze»). During the Sung period (X—XIII centuries) the manufacture of jiantze petered out.

M. F. Chigrinsky

FROM HISTORICAL GEOGRAPHY AND ETHNOGRAPHY OF TAIWAN

The article deals with historical geography and ethnography of Taiwan of the pre-Chinese period. The sources pertaining to that issue are most insufficient. According to palaeontological sources the island used to be part of the continent (in the Quaternary period). The aboriginals of Taiwan were negro-australoid tribes; they also inhabited other parts of South-East Asia in the late Neolithic period. Then the island was invaded by the Protomalays who had come from the south. They partly exterminated and partly assimilated the Negroids.

The first record of the island is contained in the Sui annals. They give an ethnographic description of the natives known under the name of Loochoo. The first armed conflict between the Loochoo and the Chinese ended in the Loochoo defeat, which greatly facilitated the Malay invasion of Taiwan. It took place in the VII century A. D. and brought about a dramatic change in the ethnic composition of the population.

In the XIII century the remainder of the Churchens fleeing from the Mongols settled in Taiwan. In the XI century the Chinese began to appear on the island. In 1430 Cheng Ho visited it and formally declared it an imperial possession. But actually the island became a pirate base. The Chinese colony grew in number and largely accounted for the victory of the Chinese following the Chinese-Japanese struggle for the island early in the XVII century. The growth of the Chinese population on the island greatly helped Cheng Chenkung to win a victory over the Dutch in the mid-XVII century.

R. F. Its

THE YÜEH AND THE ETHNIC HISTORY OF THE MALAYO-POLYNESIANS

In the 1930's Lin Hui-hsiang advanced the idea of the existence of genetic links between the Yüeh and the Malayo-Polynesians. According to the historical evidence the Yüeh were the earliest settlers of the coastal provinces of Southern China. In 1964 the journal «Current Anthropology» again raised this problem in a discussion on the ethnic history of the Malayo-Polynesians. The latest materials pertaining to the Late Neolithic period in the coastal area of Southern China testify to certain local differences between the two parts of the area: the northern (Chekiang, Fukian, Taiwan) and the southern (Kwangtung Hainan, Kwangsi). A number of researchers tend to believe that the northern zone is related to the Southern Islands or to the Austronesians, while the southern zone

is related to the south-east of the Asian continent or to the Austro-asians.

The written sources pertaining to ancient history of the coastal area of Southern China divide between the Min-Yüeh and Tung-Yüeh (including the population of the Yüeh Kingdom), on the one hand, and the Nan-Yueh, Si-Yüeh, and Lo-Yüeh (including the Po-Yueh of the Nan-Yüet Kingdom). The demarcation line between the northern and southern Yüeh coincides with that between the northern and southern archaeological zones of the given area. The Yüeh and the Proto-Yüeh were the autochthonous population of the coastal territory of southern China from the last quarter of the 1st millennium B. C. The ousting of the Yüeh from the mainland by the Chinese (the Hans) began in the 1st millennium B. C. and was especially active from the IV century B. C. to the IV century A. D. There are cultural Malayan parallels with the northern Yüeh; there are genetic ties between them and the present-day Malayan population of Taiwan, which is corroborated by the presence of the Malayan substratum in the south-chinese dialects. The Malay ethnic strain (the northern Yüeh) did not disappear without a trace. It left its imprint on a number of cultural, ethnographical and anthropological features (1878—1945), an outstanding explorer of history art of South-East Asia. mainland.

I. N. Moroz

V. V. GOLUBEV, THE RUSSIAN RESEARCHER OF SOUTH-EAST ASIAN CULTURE

The article deals with the life and work of Victor Victorovich Golubev (1878—1945), an outstanding explorer of history art of South-East Asia. He was born in Russia, but in 1905 moved to France and cast in his lot with that country. During the 25 years of his work in Vietnam, Laos, Cambodia, China, India, Indonesia and other countries he took part in a number of important scientific expeditions. His major contribution to science was the study of one of the greatest monuments of world culture, the temples in Angkor in Cambodia and excavations in Than-Hoa, Dong-Chon, Hoa-Binh, Sa-Yuine and in other places, which were instrumental in studying Vietnam's past. It should be noted that V. V. Golubev also showed interest in the present-day population of these territories. He was also an outstanding teacher. He was most active in the French School of Far East (Ecole française d'Extrême Orient) which at the time was the biggest center for studying ancient history and art of the Far Eastern countries, French Indo-China in particular. The School also trained specialists from the local population. In the Democratic Republic of Vietnam V. V. Golubev's name enjoys well-deserved popularity for he did very much for studying Vietnamese culture. More detailed analysis of the works of this scientist, Russian by birth and French by citizenship, will help one penetrate more deeply into many aspects of life of Asian nations.

E. V. Ivanova

FRESH DATA ON THE STONE AGE IN THAILAND

*(a Study of the Materials of the Thai-Danish
Archaeological Expedition of 1960—1962)*

The article summarizes the work of the Thai-Danish archaeological expedition in the Kwaenoi River Valley in West Thailand in 1960—1962. Excavations of burial sites in Sai Yok and Ban-Koa provided a

wealth of material on the culture of the ancient population of these territories from the Stone Age to the historical period. The results of the expedition were described in two volumes by the scientists Heekeren and Knuth Eifel (vol. I on Sai Yok) and Sörensen (vol. II on Ban-Kao) which contain both a description of the findings and their interpretation. The works deal with West Thailand, but touch on major problems of ancient history of the entire country. These include the problem of palaeolithic or neolithic nature of the culture as shown by crude stone implements; the problem of originality of Thailand's neolithic culture; the sources of bronze culture and the time of its advent; anthropological appearance and ethnic affiliation of the neolithic population. True, the new material cannot provide the final answer to all these problems and its interpretation by the Danish scientists is at times debatable. However taken as a whole, it helps penetrate more deeply into the dimmest past of Thailand and her cultural relations with the population of the neighbouring territories.

Yu. V. Maretin

INDONESIAN ART: MILESTONES OF THE THREE MILLENNIA OF DEVELOPMENT

I. Architecture. Sculpture. Painting

Indonesian art is very old. It is also greatly varied. The latter feature is due to a number of reasons. First, the country is inhabited by no less than 150 ethnic groups that have always differed in the level of social-economic development. Second, ecological conditions are different throughout the country. Third, through many centuries Indonesian art has been greatly influenced by other cultures. The present work, which is to be followed by an essay on dancing, music and theater, and an essay on handicrafts, deals with the development of architecture, sculpture and painting from the Stone Age up to the 1970s. It singles out the basic stages of that development and shows peculiarities of each stage. It contains necessary descriptions of outstanding monuments of architecture and sculpture and of the country's chief artistic centers, including the legendary Bali Island. Architecture, sculpture and painting are portrayed in the process of continuous change. Special attention is given to the work of individual artists. The author's main goal was to follow the continuity of artistic traditions in the course of the historic and social-economic development of the Indonesian peoples and permanent Indian, Arab, Chinese and European influences. Pointing to the continuity of these traditions in general, the author reveals they were interrupted in a number of regions and in a number of topics. The present article is an attempt to break from the conventional Javacentered approach to the history of Indonesian art (and to Indonesian history in general) and view that history against the background of the entire country, the country of many islands and many ethnic groups. The author shows that since the turn of the century the development of the arts has been closely connected with Indonesia's political life and with the awakening of national consciousness. Following the proclamation of the Republic all the arts have concentrated on searching for a «national style» that would express the national character and struggle of all the peoples of Indonesia identified with «the united Indonesian nation». Due to social-economic crises in recent years Indonesian art tends to depart from realism. Instead there is a marked rise of cosmopolitical abstractionism and individualistic aestheticism.

S. A. Maretina

THE LONG HOUSE OF THE DAYAKS AS A SOCIAL INSTITUTION

The social character of the «long house», the traditional dwelling of the Dayaks of Kalimantan, is most complex and controversial. The usual definition of the long house as a tribal or clan house (the Dutch «stemhuis» and «geslachtshuis») is not justified by the factual material. Economically the long house is an agglomerate of separate and economically independent family units. What unites them is the right to own land (after the land is cleared it becomes the private property of the family that cleared it), and also the need for co-operation. The long house reminds one of a territorial community where one such house comprises a whole village. In most cases however, the long house is only part of a community and has no social-economic significance of its own.

Likewise the long house cannot be regarded as a genealogical body; moreover, the tribal structure is in no way observed in present-day Dayak society. The lack of deep genealogical ties among the Dayaks goes side by side with highly developed kin ties. Each individual belongs to a bilaterally related group of kinsmen which does not overstep that of any other Dayak. As a rule, all the families in the long house are related one to another through one of their members; yet they have no common genealogical ties.

E. V. Revunenkov

HISTORICO-GEOGRAPHIC AND ETHNOGRAPHIC THEMES IN THE MEDIEVAL MALAY CHRONICLE «SEJARAH MELAYU»

The author of the present work has tried to portray events of Malaya's ancient and medieval history which are described, in a legendary form, in the medieval Malay chronicle «Sejarah Melayu». For this purpose the author has analyzed a wealth of historical and literary material, including epigraphs, archaeological evidence found in other chronicles, etc. The author's conclusion is that «Sejarah Melayu» is not a chronicle, but an epic. To get an idea about actual historical events that took place in medieval Malaya and are reflected, although often in a fantastic form, in «Sejarah Melayu», one has to subject that work to critical analysis and comparative study.

L. M. Dyomin

SOME FEATURES OF CULTURAL LIFE IN PRESENT-DAY BRUNEI

The small sultanate of Brunei is all that remains of the one-time enormous colonial possessions of Britain in South-East Asia. Britain's desire to retain Brunei is dictated by considerable oil resources there which are exploited by the Royal Dutch Shell, an Anglo-Dutch monopoly, as represented by its branch, the Brunei Shell Petroleum Co. After World War II the British colonizers have continued their former policy of reliance on the local feudal-bureaucratic and conservative clerical forces. Yet

they also had to resort to a series of political manoeuvres. Some measures in the sphere of education and culture should be regarded in the light of these manoeuvres. The said measures include extension of the school network, and the establishment of the Linguistic Society and of the National Museum. The Linguistic Society has become an important cultural centre.

Whatever are the aims of these measures, they have produced undoubted positive results. The local intellectuals are growing in number, new works by local authors are published and there is an increased interest in national history and culture. All this has promoted national awareness and nationalist tendencies among the population of Brunei, especially the intellectuals. Summing up the post-war manoeuvres of the British colonizers in Brunei, one can say with certainty that they have fallen short of their mark. The people of that small country do not want to reconcile themselves to any form of colonial domination and demand national independence. This demand is also voiced by Brunei's leading political party, the National Liberation Front.

I. K. Fyodorova

FOLKLORE DYDACTIC TEXTS FROM EASTER ISLAND

In 1956 the Norwegian scientist Thor Heyerdahl discovered on Easter Island several manuscripts containing folklore texts of the Rapanui, the island's aboriginals. Some of these texts were didactic ones. Manuscripts A, B and C were published in facsimile in «Reports on the Norwegian Expedition» (1965). The present work analyzes these little known texts which contain information about the seasons, the months, the days of the lunar month, agriculture, the island's history, and the rights of the Ariki, the great chief of the island. That information was handed down from generation to generation. It is quite probable that similar texts were also written on wooden plates *kohau rongorongo*. They should doubtless prove of great help in studying certain aspects of the Rapanui life and the structure of hieroglyphic texts.

A. M. Reshetov

THE CHINESE IN OCEANIA

The Chinese population in Oceania is numerically small, but their role in the social-economic structure of definite societies in that area is very important. The Chinese population arose in Oceania chiefly in the second half of the XIX and the beginning of the XX centuries, owing to the development of plantations. In the course of almost a century the Chinese communities in different parts of Oceania have undergone a deep change. From small isolated groups that were disunited by language (dialect) barriers, they have developed into a segment of given societies. Together with all other ethnic groups of aboriginal population they participate in building up independent states and in developing their economy and culture. The state expects of the Chinese a definite level of assimilation (differing in various countries). The process of ethnic adaptation of the Chinese is proceeding at a high level (although it varies in different areas). The Chinese are bilingual or have already forgotten their native tongue. All this means that at present the Chinese in the countries of Oceania are part of national-political communities that are taking shape in different parts of that region.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГМЭ	— Государственный Музей этнографии народов СССР
ЛГПИ	— Ленинградский Государственный Педагогический институт
МАЭ	— Музей Антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР
РГО	— Русское географическое общество
BEFEO	— «Bulletin de l'école française d'Extrême Orient», Hanoi.
BTLV	— «Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde», 's-Gravenhage.
BSOAS	— «Bulletin of the School of Oriental and African Studies».
CA	— «Current Anthropology».
JAOS	— «Journal of the American Oriental Society», Boston.
JEAI A	— «Journal of the East Asia and Indian Archipelago».
JRASMB	— «Journal of the Royal Asiatic Society Malayan Branch».
JRAS	— «Journal of the Royal Asiatic Society».
JRASSB	— «Journal of Royal Asiatic Society Straits Branch».
JSEAH	— «Journal of the South-East Asia history».
MKNAW	— «Mededeelingen van het Koninlijke Nederlandsche Akademie van Wetenschappen», 's Gravenhage.
RAA	— «Revue des arts asiatiques», Paris.
SMJ	— «Sarawak Museum Journal», Kuching.
SWJA	— «South-Western Journal of Anthropology».
TITLV	— «Tijdschrift voor Indische taal- land- en volkenkunde, uitgegeven door het Bataviaasch Genootschap van kunsten en wetenschappen», Batavia.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Б. А. Вальская, Неопубликованные материалы о подготовке экспедиции Н. Н. Миклухо-Маклая на Новую Гвинею в 1871 г. и о плавании корвета «Скобелев» к этому острову в 1883 г.	7
И. С. Вдовин, Следы алеутско-эскимосской культуры на тихоокеанском побережье Камчатки	41
✓ Г. А. Меновицков, Об одном сходном сказочном сюжете у эскимосов, юкагиров, японцев и вьетнамцев	52
Е. А. Крейнович, Из жизни тундренных юкагиров на рубеже XIX и XX вв.	56
Л. И. Смирнова, Миниатюрная корякская скульптура из кости и дерева	93
<u>А. Л. Биркенгоф</u> , К истории названий «острова Гвоздева (Диомиды)», «Берингов пролив» и «Берингово море»	107
Б. П. Полевой, Подробный отчет Г. И. Невельского о его исторической экспедиции 1849 г. к о-ву Сахалин и устью Амура	114
Ч. М. Таксами, Современные и традиционные праздники народов Нижнего Амура и Сахалина	150
✓ Т. К. Шафрановская, Япония в середине XVIII в. по сообщению И. И. Георги	158
Р. А. Ксенофонтова, О характере керамических производств Японии во второй половине XIX — начале XX в.	168
✓ Ю. В. Ионова, Некоторые вопросы ранней истории Кореи	176
✓ А. Г. Шпринцин, О заимствовании китайской речью русской лексики	182
✓ Е. И. Лубо-Лесниченко, Жаньцзе — техника окрашивания тканей в средневековом Китае	192
✓ М. Ф. Чигринский, Из исторической географии и этнографии Тайваня	199
Р. Ф. Итс, Северные юэ и их роль в этногенезе малайе-полинезийцев	207
✓ И. Н. Мороз, В. В. Голубев — русский исследователь культуры народов Юго-Восточной Азии	215
Е. В. Иванова, Новые данные о каменном веке Таиланда (по материалам тайско-датской археологической экспедиции 1960—1962 гг.)	220
✓ Ю. В. Маретин, Искусство Индонезии: основные вехи трехтысячелетнего развития. I. Архитектура. Скульптура. Живопись	227
✓ С. А. Маретина, Длинный дом даяков как социальный институт	249
✓ Е. В. Ревуненкова, Историко-географические и этнографические сюжеты в малайском средневековом произведении «Седжарах Мелайю»	260
Л. М. Демин, Некоторые черты культурной жизни современного Брунея	275
И. К. Федорова, Фольклорные памятники дидактического характера с о-ва Пасхи	283
✓ А. М. Решетов, Китайцы в Океании	296
Резюме статей на английском языке	308
Список сокращений	319

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

вып. XIII

Страны и народы бассейна Тихого океана

Книга 2

Утверждено к печати Восточной комиссией Географического общества Академии наук СССР

Редактор В. Б. Меньшиков, Младший редактор В. С. Леаль.
Художественный редактор И. Р. Бескин, Технический редактор С. В. Цветкова.
Корректоры Н. Б. Осягина и М. З. Шафранская

Сдано в набор 21/II 1972 г. Подписано к печати 31/VII 1972 г. А-10047. Формат 70 × 108^{1/16}.
Бумага № 1. Печ. л. 20,0. Усл. п. л. 28. Уч.-изд. л. 27,17. Тираж 1800 экз. Изд. № 2914. Зак 266.
Цена 2 р. 29 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр. Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука». Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

СПИСОК ОПЕЧАТОК И ИСПРАВЛЕНИЙ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
9	10 св.	[7а, 18]	[7а, 19]
32	19 св.	оно	он
61	7 св.	Вы же	Вы как
81	3 св.	радостью	радость
82	9 св.	дела	деда
96	3 св.	собирателя.	собирателя
100	12 св.	(рис. 3)	(рис. 3, МАЭ, 956—123 ас)
202	2 св.	Хуан Сы	Хуан Сы-ши

